

АСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ЖИВАЯ
ЛЕГЕНДА
МИРОВОЙ
ФАНТАСТИКИ

Гарри
ГАРРИСОН

Путь
Короля
том 1

МИР
ПОБЕДИВШИХ
ВИКИНГОВ

ЭКСМО

Гарри
ГАРРИСОН

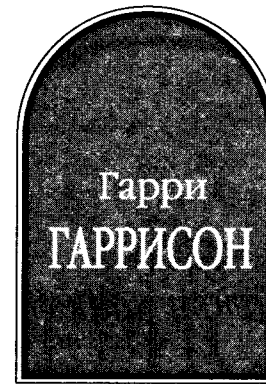

Путь Короля
том 1

АСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри
ГАРРИСОН

Путь Короля
том I

Молот и крест

•

Крест и Король

Гарри
ГАРРИСОН
Джон Холм

Путь Короля

Том первый

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 20

Harry HARRISON and John HOLM

THE HAMMER AND THE CROSS

Copyright © 1993 by Harry Harrison and John Holm

ONE KING'S WAY

Copyright © 1994 by Harry Harrison and John Holm

Публикуется с разрешения Гарри Гаррисона и его литературного агента
Projex International, Ltd.

Оформление А. Саукова

Серия основана в 2001 году

Гаррисон Г.

Г 20 Путь Короля. Том 1: Фантастические романы / Гарри
Гаррисон, Джон Холм; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо, 2007. —
736 с.

ISBN 978-5-699-23975-7

ISBN 978-5-699-23977-1

Гарри Гаррисон не нуждается в представлении! В созвездии мировой фантастики это поистине звезда первой величины. Эпопея «Путь Короля» переносит читателя в драматическую эпоху викингов, когда языческий молот Тора схлестнулся в жестокой битве с христианским крестом. Реальная история тесно переплетается на страницах книги с историей фантастической: тролли и другие опасные существа здесь такое же обыденное явление, как кольчуга на груди и занесенный над головой противника боевой топор.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. В. Вольфсон (Марков),
В. Гаврилов, 2007

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-23975-7 (Т. 1)
ISBN 978-5-699-23977-1

Молот и крест

Роман

Qui credit in filio, habet vitum aeternum; qui autem incredulus est Filio, non videbit vitam, sed ira Dei manet super eum.

Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.

Ин. 3: 36

Augusta est domus: utrosque tenere non poterit. Non vult rex celestis cum paganis et perditis nominatenus regibus communionem habere; quia rex ille aeternus regnat in caelis, ille paganus perditus plangit in inferno.

Мал сей дом и не может вместить обоих. Цари, волею Небес поставленные над народами, не станут якшаться с так называемыми царями языческими; ибо есть один вечный Царь Небесный и другой, проклятый и рыкающий из Преисподней.

Алкуин, диакон из Йорка, 797 г. от Р.Х.

Gravissima calamitas umquam supra Occidentem accidens erat religio Christiana.

Западная цивилизация не знала трагедии с более страшным для себя исходом, чем принятие христианства.

Гор Видал, 1987 от Р.Х.

Часть первая

Глава 1

Весна. Весенняя заря над мысом Фламборо, где Йоркширская пустошь врзается в Северное море скалой, похожей на исполинский рыболовный крючок, в котором миллионы тонн веса. Скала хранит память о море, о неизбежном ужасе перед викингами. Теперь мелкие королевства, превозмогая страх, начали сплачивать силы, дабы сообща отразить угрозу с Севера. Опасливые и завистливые, они не забыли

старых распрей, кровавых счетов, что в течение веков оставляли свои отметины на истории англов и саксов с первых дней их появления на этой земле. Гордые кормчие войны, одолевшие валлийцев, доблестные воители, завоевавшие — как говорят поэты — свои наделы.

Шагая вдоль деревянного частокола небольшого форта, возведенного на самой верхушке мыса Фламборо, тан Годвин сыпал про себя проклятиями. Весна! Как знать, возможно, в более счастливых странах вслед за длинными днями и светлыми вечерами следуют зелень, цветение лютиков, набрякшее вымя у согнанных на дойку коров. А здесь, на мысу, вслед за ними появлялся ветер. Бури и постоянные шквалы с северо-востока. Позади тана, подобно скрючившимся под поклажей носильщикам, уменьшаясь к наветренной стороне, выстроились в линию низкие, кряжистые деревья — естественная ветряная стрела, флюгер, указующий на неистовую пучину. А с трех других сторон медленно, как грудь гигантского зверя, вздымались и опускались серые хляби; то свивались в локоны, то, растерзанные ветром, расплющивались волны; ветер прибывал их, не щадя даже громадные океанские валы. Серое море, серые небеса, стихия, смявшая горизонт, мир, лишенный оттенков, — по крайней мере, до той поры, пока буруны наконец не налетят на бороздчатые уступы утесов, крошась и распыляясь ореолом водяной пыли. Годвин находился здесь слишком долго, чтобы различить грохот этого противоборства; обнаружил же он его, лишь когда извержение водяного вулкана взметнулось так высоко, что вода, к тому времени уже пропитавшая его плащ и капюшон и потоками стекавшая по лицу, оказалась вдруг на вкус не пресной, а соленой.

«Одно другого не лучше», — подумал он, весь съеживаясь. И так и этак было холодно. Можно пойти спрятаться в укрытии, отпихнуть в сторону рабов и согреть окованные руки и ступни у огня. Рейдеры в такой день не появятся. Ведь викинги — мореплаватели, лучшие мореплаватели в мире, такими они, во всяком случае, себя считают. Не нужно быть великим мореплавателем, чтобы понять, что в такой день в море выходить не стоит. Ветер дует восточный — нет, поправил он себя, северо-восточный. На таком из Дании будешь лететь как на крыльях, только вот как помешать боко-

вому ветру опрокинуть ладью? И если даже доберешься до здешних берегов, как нужно править, чтобы пристать к ним невредимым? Нет, об этом нечего и думать. Он может спокойно посидеть у костра.

Годвин бросил жадный взгляд на укрытие, из которого тянулся тонкий, то и дело разрываемый ветром дымок, но сделал шаг в сторону и вновь побрел вдоль частокола. Государь преподавал ему урок. «Никогда не гадай, Годвин, — напутствовал он его. — Не вздумай прикидывать, появятся ли они сегодня или, быть может, остались дома. И не рассчитывай дни, когда следует нести дозор, а когда — нет. Как только начинает светать, место твое — на мысу. Даже на миг не дай себе потерять бдительность. Иначе в один прекрасный день ты будешь думать себе одно, а какой-нибудь Стейн или Олав — совсем другое, так что они высадутся на берег и успеют продвинуться на двадцать миль в глубь страны, прежде чем мы сумеем их догнать — и то, если нам повезет. А затем пропадут сотни жизней, утекут сотни фунтов серебра, исчезнет скот, обуглятся кровли. И десяток лет не собрать будет податей. А потому гляди зорко, тан, ибо ты охраняешь свои владения».

Так говорил Элла, его господин. А за спиной Эллы припал к пергаменту Эркенберт — эдакая черная ворона, — и под скрип его пера выступили черные таинственные строки, страшившие теперь Годвина больше, чем сами викинги: «Два месяца службы на мысу Фламборо поручено тану Годвину, — гласили они. — Он будет нести дозор до третьего воскресенья, следующего от *Ramis Palmarum*». Чужеземные слова скрепили полученный приказ.

Неси дозор, велено было ему. И он повиновался. Но это еще не значит, будто он должен при этом цепенеть, как бесстрастная девственница. Ветер подхватил зычный окрик Годвина, жаждавшего горячего эля с пряностями, который за полчаса до того он приказал приготовить рабам. Немедленно появился один из них, с кожаным сосудом в руке, и бегом направился к хозяину. Тот же, пока раб спешил к частоколу, а затем забирался по лестнице на сторожевую вышку, поглядывал на него с глубокой неприязнью. Презренный глупец. Годвин держит его при себе только из-за его зорких глаз, других причин и быть не могло. Мерла, так его зовут, когда-

то был рыбаком. Выдалась трудная зима, улова почти не было, он опоздал с уплатой оброка своим господам, бенедиктинцам из монастыря в Беверли, в двадцати милях отсюда. Сначала, чтобы рассчитаться с obroком и прокормить жену и детей, он продал лодку. А потом, когда денег у него не осталось и кормить их он больше не мог, ему пришлось продать семью человеку побогаче, а в конце концов и самого себя бывшим хозяевам. Они и одолжили его Годвину. Презренный глупец. Если бы в нем была хоть капля достоинства, он бы первым делом продал самого себя и отдал деньги родичам жены, чтобы те, по крайней мере, забрали ее себе. А имей он побольше ума, он бы сначала должен был продать жену и детей, но оставить лодку. Тогда, возможно, он когда-нибудь сумел бы их выкупить. Но ни достоинства, ни ума у этого человека не было.

Подставив спину ветру и морю, Годвин с жадностью приложился к кубку. Уже и то хорошо, что этот раб не отпивал из него сам. Обучила, видать, добрая порка, а может, и что другое...

А куда теперь уставился этот слизняк? Пытается что-то разглядеть за плечом хозяина, рот разинул и тычет пальцем в море.

— Корабли, — завизжал он. — Корабли викингов, в двух милях от берега. Я опять их вижу. Смотри, хозяин, смотри!

Одним движением Годвин развернулся на месте, обрушил проклятия на расплескавшийся по рукаву горячий напиток и, устремив взгляд в указанном направлении, увидел перед собой лишь тучи да струи дождя. Или есть там какая-то точка, там, где облака смыкаются с гребнями волн? Ничего там нет. Или... все же?... Уверенности у него не было, да к тому же в этом самом месте волны, пожалуй, набирают в высоту футов двадцать, а этого достаточно, чтобы укрыть от взгляда любое судно, которое пытается выйти из шторма с помощью одних весел.

— Вижу, вижу их, — снова завопил Мерла. — Два корабля, в кабельтве друг от друга!

— Ладьи?

— Нет, хозяин, кнорры.

Годвин отшвырнул кубок за плечо, железной хваткой стиснул тощее запястье раба и свирепо, наотмашь отхлестал

его по лицу — сначала внешней, а потом внутренней стороной промокшей кожаной рукавицы. Мерла охнул и съежился, но не отважился заслониться от ударов.

— Говори по-английски, вшивый выродок. И говори толково.

— Кнорр, хозяин. Это купеческое судно. С глубокой слабиной паруса, для перевозки грузов. — Он смутился, боясь далее выказывать свою осведомленность, боясь не поделиться ею. — У него нос особой формы... Так я его и узнал. Это точно викинги, хозяин. Мы на таких не ходим.

И вновь Годвин вперил взгляд в море. Злоба стихала, уступая место ледяному, жуткому, идущему изнутри чувству. Сомнения. И ужаса.

— Теперь слушай меня, Мерла, — прошептал он. — Подумай хорошенько. Если это викинги, я должен буду поднять людей из береговой стражи, всех до последнего, отсюда и до самого Бридлингтона. Правда, все они — голытьба, керлы, так что невелика беда, если им придется отлипнуть от своего вонючего бабья... Но я должен буду сделать еще кое-что. Как только поднимется стража, я пошлю верховых к беверлийским монахам, в монастырь Святого Иоанна — к бывшим твоим хозяевам, припоминаешь?

Он замолчал, следя за тем, как наполняются страхом и незабытой болью глаза Мерлы.

— А они поднимут конных рекрутов, танов Эллы. Здесь их держать негоже — пираты могут для отвода глаз сначала высадиться у Фламборо, а потом объявятся в двадцати милях где-нибудь за мысом Сперн, пока те здесь будут лошадей из болота вытаскивать... Вот потому они ждут вдали от берега, чтобы в случае тревоги выступить в нужном направлении. Но если я их все же подниму и они будут скакать сюда под дождем и ветром благодаря оплошности одного дурня, а уж особенно если в это самое время за их спинами какой-нибудь викинг прокрадется через Гембер... Что ж, тогда горе мне, Мерла. — В голосе его зазвенел металл. Он оторвал от земли высохшего от недоедания раба. — Но, беру в свидетели всемогущего Бога, я прослежу за тем, чтобы ты жалел об этом до последнего дня твоей жизни. А выпорют тебя так, что наступит он очень скоро... Но слушай дальше, Мерла. Если же это и впрямь корабли викингов, а по твоей вине я не извещу их... Я отдам тебя обратно бенедиктинцам и скажу,

что ты мне не нужен... Итак, что же ты скажешь? Викинги это или нет?

Раб опять устремил взгляд на море, мучительно морща лицо. Не нужно было понапрасну молотить языком, сокрушался он. Ему-то что от того, если разграбят викинги Фламборо, или Бридлингтон, или пусть тот же монастырь в Беверли? Закабалить его страшнее, чем теперь, им все равно не удастся. А возможно, заморские варвары окажутся хозяевами поласковой, чем эти братья по Христовой вере. Только поздно об этом думать. У него-то глаз верный, что бы там ни было на уме у этой подслеповатой сухопутной крысы, его хозяина. Он кивнул.

— Два корабля викингов, хозяин. В двух милях от берега. На юго-востоке.

Выкрикивая на ходу приказы, Годвин бросился прочь — созывать других рабов, требовать себе лошадь и рог, поднимать свою невеликую и числом, и духом дружину, набранную из свободных крестьян. Мерла расправил плечи и неторопливо прошел к юго-западному углу частокола, задумчиво и напряженно всматриваясь в морскую даль. На мгновение погода прояснилась, и, пока сердце его отсчитывало три удара, он разглядел все, что хотел. Сквозь набегавшие волны, в сотне ярдах от берега, он увидел мутно-желтую линию, очертившую нанесенную отливом гигантскую песчаную отмель, что протянулась во всю длину этой обладаемой ветрами и течениями самой открытой, самой бесприютной части английского побережья; собрал пригоршню мха с частокола, подбросил ее в воздух и проследил за ее полетом. И мрачная, безрадостная улыбка мало-помалу изобразилась на его измученном невзгодами лице.

Пусть эти викинги мнят себя великими мореходами, да только сейчас идут они не туда, куда нужно: к наветренному берегу под убийственным ураганом... И если не утихнет вдруг ветер, и если не придут им на помощь их языческие боги Вальгаллы, они обречены. Не видать им ни Ютландии, ни Вика.

* * *

Двумя часами позже сотня человек, разбитая на пять отрядов, сгрудилась на берегу у южной стороны мыса, близ северной оконечности прибрежной полосы, что вытянулась

без единой бухточки на долгие, долгие мили до самого мыса Сперн и устья Гембера. Они были при оружии: кожаные жилеты и шлемы, пики, деревянные щиты; там и сям виднелись тяжелые топоры, используемые при постройке дома или судна; был здесь и сакс, короткий рубящий меч, от которого и пошло название для всего народа южных саксов. Один лишь Годвин водрузил на себя металлический шлем, натянул кольчугу, пристегнул на пряжку широкий меч с медной рукоятью.

При обычном развитии событий этим людям — составившим отряд береговой стражи из Бридлингтона, — ни надеяться, ни рассчитывать встретить в этом месте противника и ввязываться в схватку с профессиональной датской или норвежской дружиной не стоило. Куда лучше было бы убираться восвояси, прихватить с собой жен да кто сколько может добра. И выжидать, покуда не появятся конные рекруты из войска нортумбрийского тана и не займется делом, за которое они и получали вотчины и надель. Выжидать, затаив надежду на счастливый миг, когда можно будет гурьбой ринуться добывать поверженного врага и унести добычу. Мига этого в течение четырнадцати лет, что минули после битвы при Эукли, не дождался еще ни один житель Англии. А было это на юге, в чужом королевстве, в Уэссексе, где какие только странные вещи не творятся...

И однако ж люди, наблюдавшие за кноррами, оставались бесстрашными, даже бодрыми. Почти каждый в береговой страже был рыбаком, изучил повадки Северного моря, худшей из мировых пучин, с его туманами и бурями, чудовищными приливами и внезапными переменами течений. По мере того как набирал силы день, а корабли викингов неумолимо подносило все ближе, предположение Мерлы пришло в голову каждому. Викинги были обречены. Вопрос был только в том, что именно они еще успеют сделать. И в том, что после — когда их в этом постигнет неудача, — разлетятся ли в мелкую щепу их корабли до того, как появятся призванные Годвином несколько часов назад конные рекруты в сияющих доспехах, цветастых плащах и с расписанными позолотой мечами. Если же нет, предчувствовали рыбаки, шансов на сколько-нибудь дельный грабеж у них очень немного. Если только попробовать запомнить место, а потом попозже, когда все стихнет, железными баграми... Вполголоса перегово-

ривались стоящие сзади люди, перемежая беседу негромкими смешками.

А у берега рив, местный староста, давал объяснения Годвину.

— Ветер сейчас восточный, с северным уклоном. Если у них остался хоть лоскуток от паруса, то на нем они могут пойти и на запад, и на север, и на юг. — Тут он начертил несколько линий на мокром песке. — Если они развернутся на запад, то их вынесет прямо на нас. Если на север, то на мыс. Но заметь: если б им удалось забраться за мыс с севера, они могли бы спокойно уйти дальше на северо-запад к самому Кливленду. Вот они и пробовали поработать на веслах час тому назад. Будь у них в запасе несколько сотен ярдов — и они бы спаслись. Но только не знали они того, что хорошо знаем мы. Здесь лютее течение, все смывает к югу от мыса. Так что они с тем же успехом могли болтать воду... — Он остановился, не зная, до какой степени вправе был пренебречь формальностями.

— Почему же они не пытаются повернуть на юг?

— Еще попытаются. Они уже испробовали весла, опускали плавучий якорь — дрейф шупали. Сдается мне, что тот, кто у них главный — ярлом они его кличут, — видит, что люди его измотаны. Что говорить, лихая у них была ночка! И представляю, что с ними было, когда они утром поняли, куда заплыли... — И он потряс головой в знак профессионального сочувствия.

— Значит, не такие уж они великие мореходы, — удовлетворенно произнес Годвин. — И Бог против них, нечестивых язычников, заклятых врагов Церкви...

Возбужденные возгласы не дали риву произнести вслух то, что он опрометчиво приготовился было сказать в ответ. Оба повернули головы в сторону, откуда доносился шум.

На тропе, проложенной вдоль линии приливной волны, спешился отряд в двенадцать всадников. Рекруты, изумился Годвин, таны из Беверли? Нет, они никак не успели бы добраться до места. В лучшем случае они только седлают сейчас коней. Однако предводитель отряда, во всяком случае, дворянин. Русоволосый голубоглазый человек, крупный и дородный, чья горделивая осанка говорит о том, что не плугом и мотыгой добывает он свой хлеб. Под изысканным алым шлемом, на пряжках и навершии рукояти меча — блеск

золота. Вслед за ним движется его двойник, пониже ростом и помоложе, — конечно же, сын. А рядом с дворянином шагает другой юноша, высокий, с прямой, как стрела, спиной воина; но цвет лица его темен, и облачен он в скромную блузу и шерстяные штаны. Грумы придерживают коней, с которых спешили еще с полдюжины вооруженных, уверенного вида людей: гезиты, личная свита богатого тана.

Шагавший впереди незнакомец протянул свободную руку.

— Ты не знаешь меня, — сказал он. — Я — Вульфгар, тан из страны Эдмунда, короля восточных англвов.

Шорох в толпе. Любопытство, легко готовое выплеснуться во враждебность.

— Ты удивлен, почему я нахожусь здесь. Я объясню тебе. — Он показал рукой в сторону берега. — Я ненавижу викингов. Я знаю их лучше, чем любой смертный, и, подобно любому смертному, — к своему горю. В моей стране, в Норфолке за Уошем, я поставлен королем Эдмундом нести береговой дозор. Но давным-давно мне стало ясно, что нам не одолеть этот сброд, пока мы, англичане, хотим воевать только между собой. В том я убедил своего короля, а он направил послание твоему государю. Они порешили, чтобы я отправился на север, переговорил со знающими людьми в Беверли и Юфорвиче о том, что нам делать дальше. Но прошлой ночью я сбился с дороги и утром повстречал твоих гонцов, что скакали в Беверли. И вот я здесь, чтобы оказать помощь. — Он помолчал. — Согласен ли ты ее принять?

Годвин медленно кивнул. Староста, этот неотесанный керл, может плести что ему вздумается. Вдруг кое-кто из этого отребья сумеет выкарабкаться на берег? А если так, то эти люди — подарок судьбы. Дюжина воинов в этом случае лишней не будет.

— Оставайся с миром, — сказал он.

Вульфгар ответил сдержанным поклоном.

— Рад, что поспел ко времени, — заметил он.

А в море вот-вот должен был разыгаться предпоследний акт сцены кораблекрушения. Один из кнорров отстал от друтого ярдов на пятьдесят — то ли люди на нем вконец обесси- лели, то ли вел его менее опытный шкипер. Теперь наступа- ла расплата. Угол, под которым судно до того неуклюже пе- реваливалось через гребни волн, резко изменился; бешено закачалась голая мачта. Вдруг по другую сторону от корпуса

судна наблюдатели с берега различили желтую линию подводной песчаной отмели. Матросы срывались с палубы и брусьев, на которых они лежали, в яростной суматохе хватались за весла, вонзали их в воду, пытаясь оттолкнуть свое судно и выгадать еще несколько мгновений жизни.

Слишком поздно. Вопль ужаса обратился в тонкую трель над бушующим морем, и вторил ему с берега возбужденный гул англичан, когда стала надвигаться волна, гигантская волна, седьмой вал, что всегда собирается от берега дальше прочих. Через какой-то миг она подхватила кнорр, подняла на гребень и опрокинула набок; каскадом посыпались с борта судна ящики и бочонки; людей сносило с наветренной стороны на подветренную. А когда волна ушла, корабль разнесло вдребезги. С глухим ударом опустился он на твердый песок и гравий отмели. Полетели в разные стороны доски, запутавшись в снастях, повисла мачта; одно мгновение было видно, как кто-то отчаянно пытается удержаться за узорчатый драконообразный нос кнорра. Затем все исчезло под покровом очередной волны; когда же ушла и она, на поверхности моря плавало лишь несколько обломков.

Рыбаки молча закивали. Кое-кто перекрестился. Если всеблагой Господь убережет их от викингов, в это самое место им в скором времени предстоит наведаться. Они явятся как мужчины — в ушах кольца, на зубах холодный привкус соли, — окажут честь чужестранцам, заруют их в землю. А пока у более сноровистого шкипера осталась еще одна попытка.

И уцелевший пока викинг должен был использовать ее, ухитриться поймать ветер с левого галса, оттянуться к югу, чтобы не ждать покорно конца, как его спутник. Внезапно у рулевого весла показался человек. Даже с расстояния в два фарлонга было заметно, как взметнулась его рыжая борода, когда он проревел слова команды, было слышно, как прокатилось над водой эхо его неистового призыва. Застыли, дружно взявшись за снасти, люди. Лоскут паруса слетел с реи и выгнулся, терзаемый шквалом. Корабль неумолимо несло к берегу, и тогда новый град команд развернул рей, накренил судно к наветренной стороне. Через пару секунд корабль лег на новый курс и, набирая скорость и отбрасывая воду вдаль от форштевня, помчался прочь от мыса на юг, к Сперну.

— Они уходят, — прорычал Годвин. — По коням!

Он отшвырнул с дороги своего груга, вскарабкался в седло и галопом устремился на перехват врага. Вульфгар, чувственный тан, старался не отставать ни на шаг. Воины из его свиты выстроились вслед за ними в беспорядочную цепочку. Замешкался только смуглый юноша, прибывший вместе с Вульфгаром.

— Ты не торопишься, — обратился он к не тронувшемуся с места старосте. — Почему же? Ты разве не хочешь догнать их?

Рив осклабился, наклонился к земле и, подхватив шепотку песка, запустил ею в воздух.

— У них не было другого выхода. Они должны были попытаться и это. Только далеко они не уйдут.

Резко повернувшись, он велел одному своему отряду оставаться на месте, дожидаться на берегу обломков крушения и тех, кому удалось выжить. Другая двадцатка была послана верхом вслед танам. Остальные же, сбившись в кучку, целеустремленно, но без особой спешки направились рысью вдоль кромки берега, не упуская из виду уносившийся вдаль корабль.

Спустя несколько минут даже сухопутным жителям стало ясно то, что староста предвидел с самого начала. В этой игре шкиперу викингов не суждено было выйти победителем. Уже дважды он пробовал заставить свое судно повернуть в море: двое помощников вместе с рыжебородым из последних сил налегли на рулевое весло, а вся остальная команда разворачивала рей так, что ветер разносил лязг и скрежет снастей. И оба раза волны безжалостно били, истязали кнорр, пока тот наконец не уступал и не ложился на прежний курс, содрагаясь всем корпусом под натиском противостоящей стихии. И снова попытался шкипер, поведя судно вровень с береговой линией и набрав скорость, предпринять спасительный рывок в открытое море.

Но удавалось ли ему теперь держаться вровень с берегом? Даже неискушенные взоры Годвина и Вульфгара сумели распознать изменения: крепче стал ветер, свирепее море, прибрежное течение смертельной хваткой сковало движение судна. Рыжебородый человек все еще у руля, опять выкрикивает слова команды, приказывает выполнить еще один маневр, а корабль мчится, по слову поэтов, что челнок в объятиях пены, и однако дюйм за дюймом, фут за футом нос его

смещается, и желтая линия все ближе, она готова вцепиться в его форштевень, и становится ясно, что произойдет...

Удар. Мгновение назад корабль мчался полным ходом, а в следующее нос его врежется в неподатливый гравий. В тот же миг срывается и перелетает через нос мачта, увлекая за собой половину команды. Доски обшивки вырываются с треском и тут же пожираются морем. В мгновение ока весь корабль распахивается, будто цветок. И затем исчезает, оставляя еще ненадолго развеваться на ветру такелаж, который напоминает о месте, где только что был корабль. А потом опять — лишь колышущиеся на воде обломки.

Едва переводя дыхание, жадными взорами рыбаки отмечали, что обломки качались на сей раз совсем неподалеку от берега. И один из них — в форме головы. Рыжей головы.

— Думаешь, он захочет выбраться? — спросил Вульфгар. Они теперь ясно различали человека, который, держась в воде неподвижно ярдах в пятидесяти от них, взирал на бушующие исполинские волны, что вдребезги разбивались о берег, и не предпринимал попыток подплыть ближе.

— Попытается, — ответил Годвин, взмахом руки приказывая воинам подтянуться к берегу. — А выберется — мы его схватим.

Наконец рыжебородый решился. Отбрасывая воду мощными взмахами рук, он поплыл к берегу. Он уже видел бегущую сзади гигантскую волну. Она подхватила его; с бешеной скоростью его понесло вперед; отчаянно барахтаясь, он пытался удержаться на поверхности волны, словно бы мог надеяться достичь земли так же легко, как невесомая белая пена, что едва не лизала подошвы кожаных сапог обоих танов. Не прошло и десяти секунд, как он уже был совсем рядом; извиваясь на гребне волны, он, казалось, завис над людьми, стоящими на берегу. Потом передняя волна, отступая, остановила его продвижение, накрыв его шквалом песка и камней; гребень смялся, рассеялся. С ревом и треском обрушилась волна на человека. Уже беспомощного, швырнула вперед. И вновь понесла прочь от берега.

— Вытащите его! — прокричал Годвин. — Шевелитесь же, трусы. Он вас не тронет.

Двое рыбаков ринулись в волны, подхватили человека за руки и поволокли его к берегу, сначала скрытые по пояс в

облаке водяной пыли, и наконец по суше. Рыжебородый висел у них на локтях.

— Да он еще жив! — изумленно промолвил Вульфгар. — Мне казалось, та волна сломала ему хребет.

Едва ступив на берег, рыжебородый окинул взглядом во семьдесят человек, что ждали его появления. На мгновение он оскалил зубы в подобии усмешки.

— Каков прием! — процедил он.

Резким движением ослабив захват своих спасителей, он внешней стороной стопы подсек сзади голень одного из рыбаков и, давя всем весом, поставил ее на подъем. Рыбак взвыл и выпустил мускулистую руку, которую только что сжимал. В следующее мгновение два растопыренных пальца этой руки уже вонзались в глаза его товарища. Тот, в свою очередь испустив вопль, упал на колени. С его запястья стекала кровь. Викинг выдернул из-за пояса нож для потрошения туш, одной рукой сгреб англичанина, а другой свирепым ударом вогнал в него клинок. Рыбаки, испуганно галдя, отпрянули. Викинг тем временем схватил пику, вытащил и отшвырнул в сторону нож, рванул из руки мертвого сакса. Спустя десять секунд после того, как нога его ощутила под собой твердую почву, он стоял в полукруге пятившихся от него людей, не считая тех, что недвижимо покоились рядом.

И вновь сверкнул его оскал. Задрав голову, викинг зашелся в припадке дикого хохота.

— Все сюда! — раздался его гортанный призыв. — Я один, вас много. Давайте сразитесь с Рагнармом. Кто самый сильный, кто захочет быть первым? Ты? Или ты? — И взмахами пика он указал на Годвина и Вульфгара. Те, раскрыв от изумления рты, отделены были теперь от него рыбаками, которые не прочь были отступить на еще более почтительное расстояние.

— Придется нам с ним повозиться, — пробормотал Годвин, вытаскивая меч. — Жаль, что при мне нет щита.

Вульфгар последовал его примеру, но тут же развернулся, чтобы преградить дорогу не отстававшему от него ни на шаг светловолосому юноше.

— Вернись, Альфгар. Если мы сможем разоружить его, керлы довершат дело без нас.

Стиснув рукояти обнаженных мечей, англичане начали

осторожно подбираться к чудовищу в образе человека, которое поджидало их, усмехаясь, все в потоках воды и крови.

Внезапно придя в движение, со скоростью и свирепостью бешеного вепря викинг ринулся прямо на Вульфгара. Замешкавшись, тот отпрянул, неловко поставил ногу и грохнулся оземь. Удар с левого плеча прошел мимо цели, и викинг занес правую руку, готовый пригвоздить соперника пикой.

И тут нечто сбило его с ног, поволокло в сторону. Тщетно пытался он высвободить руку. Перевернувшись пару раз, он тяжело упал на мокрый песок. Сеть. Рыбацкий невод. Староста с двумя помощниками бросились вперед, подхватили целую охапку вымазанных дегтем снастей, еще крепче затянули силки. Один из рыбаков с силой выдернул из онемевшей руки меч, другой, безжалостно стукнув ногой по сжимавшим копьё пальцам, одним ударом размолот кости и древко. Потом, как опасную морскую собаку или акулу, сноровисто, со знанием дела, откатив человека в сторону, они стали ждать приказов.

Припадая на одну ногу, Вульфгар подобрался к Годвину.

— Кого мы здесь выудили? — буркнул он. — Сдается мне, что в эти сети попал не рядовой потрошитель...

Он пристально оглядел одеяние пленника, опустил руку и проверил его на ощупь.

— Козлиная шкура, — промолвил он. — Просмоленная козлиная шкура. Мы захватили Лотброка. самого Рагнара Лотброка. Рагнара Волосатую Штанину.

— Он не наш пленник, — произнес в наступившей тишине Годвин. — Мы должны отправить его королю Элле.

И еще один голос зазвучал в тишине, голос смуглого юноши, что расспрашивал рива.

— Король Эллы? — повторил он. — Но разве король нортумбрийцев зовется не Осбертом?

Годвину стоило усилий не растерять учтивости.

— Не знаю, как ты у себя в Норфолке воспитываешь своих людей, — процедил он, обращаясь к Вульфгару, — но если бы он служил у меня, за такие слова ему бы живо оторвали язык. Само собой, если он не окажется твоим родичем, — добавил Годвин.

На суставах пальцев Вульфгара, что стиснули рукоять меча, проступила белизна.

* * *

В темной конюшне он смог найти уединение. Уткнувшись лицом в седло, смуглый юноша медленно опустился на колени. Спина его горела огнем, пропитанная кровью шерстяная блуза при каждом движении скользила и растирала раны. Такой порки ему еще не приходилось извещать, а ведь великое множество раз по его спине прогуливались веревки и кожаные ремни, на которых обычно висели корыта с кормом для лошадей во дворе места, что звал он своим домом.

Он знал, что всему виной было то упоминание о родне. Оставалось надеяться, что он удержался от стонов, которые могли бы услышать чужие. Под конец он не способен был уже вымолвить ни слова. Были еще мучительные воспоминания о том, как, теряя силы, он выполз на свет. Потом — долгая скачка через Уолд, попытки держаться в седле прямо. А что же теперь, когда они прибыли в Юфорвич? Этот овеянный преданиями город, когда-то служивший обиталищем для загадочных людей Рима и их легионов, потрясал пыльное его воображение сильнее, чем баллады менестрелей. И вот он здесь, обуреваемый одним желанием — бежать.

Когда суждено освободиться ему от уз отцовской вины? И от жала ненависти своего отчима?

Шеф взял себя в руки и, потянув за толстый ремень, принялся расстегивать подпругу на седле. Можно не сомневаться в том, что Вульфгар очень скоро сделает его своим рабом официально: наденет ему на шею железный обруч, не желая слышать робких протестов матери, и продаст на рынке где-нибудь в Тетфорде или Линкольне. И выручит за него неплохой барыш. В детстве Шеф подолгу пропадал на деревенской кузне, влекомый игрой огня и желанием уберечься от нападок и побоев. Так он сделался помощником кузнеца: качал воздух в мехи, держал щипцы, ковал крицу. Смастерил себе инструменты. Выковал меч.

Как только он станет рабом, меч у него отнимут. Как знать, не стоит ли ему пуститься в бега немедленно. Иногда рабам удается скрыться. Чаще всего — нет.

Стащив седло, он ощупью пытался уложить его в незнакомой конюшне, когда открылась дверь, впуская внутрь пятно света, свечу и знакомый, холодно-насмешливый голос Альфгара.

— Еще не управился? Тогда брось это, я позову грума. Отец по велению короля должен явиться на Совет мудрых. Позади него должен стоять слуга, подливать ему в чашу эль. Мне это делать негоже, а товарищи его слишком гордые. Ступай, да поторапливайся. Стольник короля желает кое-чему тебя обучить.

Едва волоча ноги, Шеф выбрался во двор огромного деревянного замка, который король построил на месте бывшего римского укрепления. Стоял тусклый весенний вечер. И все же, вопреки смертельной усталости, некая струнка живо и радостно зазвенела в его душе. Совет мудрых? Им предстоит решить участь пленника, могучего воина. Он сможет поведать об этом Годиве, с которой не сравнится ни один из умников Эмнета.

— И смотри держи язык за зубами, — прошипел ему вдогонку голос из глубины конюшни. — А не сможешь — он тебе его вырвет. И помни: Элла теперь повелитель Нортумбрии, а ты — не родич моему отцу.

Глава 2

— Итак, мы полагаем, что это Рагнар Лотброк? — обратился король Элла к Совету мудрых. — Откуда нам это известно?

Он взглянул сверху вниз на дюжину мужчин, сидящих за длинным столом. Все они занимали невысокие табуреты. Один король восседал на покрытой резьбой высокой скамье. Нарядами же они не слишком отличались ни от Эллы, ни от сидевшего по левую от него руку Вульфгара: яркие плащи были оставлены укрывать их хозяев от сквозняков, проникавших в помещение из каждого угла и из-за захлопнутых ставень, от чего пропитанные жиром факелы вспыхивали и пускали клубы пара; золотом и серебром отливали запястья и мускулистые шеи, пряжки и застежки мерцали на тяжелых перьях. То были представители воинской знати Нортумбрии, узколобые хозяева обширнейших наделов земли в южной и восточной частях королевства, те самые, которые возвели на престол Эллу, сместив его соперника Осберта. Сидели они в неуклюжих позах, как люди, более привычные к ходьбе или седлу.

Поодаль от них, в конце стола, как бы умышленно отгородившись от остальных, сидели еще четверо. Трое из них были облачены в черные сутаны и капюшоны монахов-бенедиктинцев, а один — в пурпурное с белым одеяние епископа. Эти сидели непринужденно, чуть наклонившись к столу, готовые занести стилем на покрытую воском дощечку каждое сказанное слово или, в случае надобности, втайне поделить друг с другом своими мыслями.

Ответ на вопрос короля приготовился держать Кутред, старшина телохранителей.

— Нам не найти человека, который смог бы опознать его, — признался он. — Тот, кто видел лицо Рагнара в битве, погибал... за исключением, — учтиво вставил он, — отважного тана короля Эдмунда, пришедшего нам на помощь. Но это еще не доказательство, что наш пленник — Рагнар Лотброк... И все же я полагаю, что это именно он. Для начала, он не захотел говорить. Мне казалось, я умею развязывать людям язык, а тот, кто продолжает молчать, не может оказаться простым пиратом. И этот явно знает, что он — важная птица... Второе. Тут кое-что совпадает. Что здесь делали эти корабли? Они возвращались с юга, ветром их сбило с курса, и несколько дней и ночей они не видели ни звезд, ни солнца. Иначе шкиперов вроде этого — а бридлингтонский рив говорит, что водить суда они умеют — сюда бы не занесло. А корабли эти были для перевозки груза. Какой груз идет на юг? Рабы. Там не хотят ни шерсти, ни мехов, ни эля. И это были невольничьи суда, они шли домой из южных стран. Так что человек этот — работороговец и считает он себя важной птицей. Это совпадает с тем, что мы знаем о Рагнаре. Но и это еще не доказательство.

Утомленный собственным красноречием, Кутред прильнул к чаше с элем.

— Но кое-что вселяет в меня уверенность, что это и есть Рагнар. Что нам известно о Рагнаре? — Он оглядел сидевших за столом. — Верно: известно, что он — ублюдок.

— Заклятый враг Церкви, — подхватил с конца стола архиепископ Вульфир. — Похититель монахинь, Христовых невест. Воистину, его должны выдать собственные грехи.

— Быть по сему, — согласился Кутред. — Кое-что я про него знаю, а о всех прочих врагах Церкви, какие гуляют по миру, о других насильниках мне такого не говорили. Рагнар

хорош по части развязывания языков. В этом мы с ним похожи. Он всегда вытрясет из человека то, что он хочет. И сказывали мне, есть у него для этого особенный способ. — В голос старшины закралась нотка профессионального интереса. — Если кто попадет ему в лапы, то он первым же делом, до всяких споров и уговоров, выдавливает такому человеку глаз. Молчит человек после этого — он хватает его за голову и целится уже во второй глаз. Тогда, если тот успеет сказать что-то интересное для Рагнара, — что ж, хорошо, пусть толкует дальше. А коли нет — плохи его дела. Говорят, многих людей сгубил Рагнар. Да ведь и керлу сейчас грош цена. И еще я слышал, будто Рагнар полагает, что так он не тратит впустую время и силы на ненужные уговоры...

— И наш пленник признался тебе, что у него на этот счет такое же мнение? — с нескрываемым пренебрежением оборвал его один из бенедиктинцев. — В ходе приятельской беседы на профессиональные темы?

— Нет. — Кутред вновь припал к своей чаше. — Я видел его ногти. На всех пальцах ногти у него обрезаны коротко. На всех, кроме большого пальца правой руки. На ней был ноготь длиной с дюйм. Крепкий как сталь. Я захватил его с собой. — И он бросил на стол окровавленный ноготь. Наступила тишина.

Первым заговорил король Элла:

— Итак, мы поймали Рагнара. Что же мы будем с ним делать?

Воины обменялись недоуменными взглядами.

— Отрубить голову будет для него чересчур большой роскошью? — отважился предположить Кутред. — Ты желаешь, чтобы мы его вздернули?

— А может, придумать что похуже? — вмешался один из дворян. — Как беглого раба или... Пусть монахи скажут... как там было дело со святым... священным... То ли на решетке его поджарили, то ли... — Он умолк, исчерпав запас свежих идей.

— А я хотел предложить нечто иное, — сказал Элла. — Мы могли бы отпустить его домой.

Ответом ему было всеобщее оцепенение. Подавшись вперед на высокой скамье, одного за другим своих приближенных смерил король взором пронзительных глаз на заостренном подвижном лице.

— Вспомните, почему я стал королем. Потому, что Осберт, — звучание запретного имени повергло в трепет слушателей, ошпарило приступом боли истерзанную спину слуги, что внимал королевской речи, стоя за Вульфгаром, — потому, что Осберт не мог защитить королевство от рейдеров. Он продолжал делать то, что делалось испокон веку: каждому велено было не смыкать глаз и защищать себя самому. И потому отряды с десяти кораблей налетали на какой-нибудь город и хозяйничали там на славу, а в других городах и приходах люди в это время зарывались поглубже в одеяло, благодаря Бога за то, что все это происходит не с ними. А что сделал я? Вы знаете, что я сделал. Я стянул все силы, кроме берегового ополчения, в глубь страны, создал отряды конницы, в важнейших местах расставил верховых рекрутов. Теперь, напади они на нас, мы сами на них нападём — не дадим зайти чересчур далеко. И проучим как следует. Вот она, свежая идея... И, сдаётся мне, здесь нам тоже следует затеять что-то свеженькое. Мы можем отпустить его домой. А с его помощью провернуть одно дельце. Он уходит живым из Нортумбрии в обмен на заложников. До появления заложников мы осыпая его почестями, а потом отпускаем, увешав дарами. Это обойдётся нам вовсе не дорого. А принесёт великую пользу. Ко времени обмена он не раз успеет по душам побеседовать с Кутредом. Вот и вся забава. Что ж вы теперь мне скажете?

Воины переглядывались, морщили лбы и растерянно покачивали головами.

— Славно сработано, — пробормотал Кутред.

Вульфгар прочистил горло, собираясь взять слово. Его побагровевшее лицо исказилось недовольной гримасой. Но голос с дальнего края стола, где восседали черные монахи, не дал ему начать.

— Быть может, тебе не следует так поступать, государь.

— Не следует?

— Ни в коем случае. У тебя есть и другие обязательства в этом мире. Архиепископ, высокопреосвященный отец наш и в прошлом брат, напомнил нам о той мерзости, что чинил этот Рагнар против Христовой Церкви. Поступки, от которых пострадали мы как люди, как христиане, нам заповедано прощать. Но на врагов Святой Церкви мы обязаны обрушиться со всей нашей страстью и мощью. Сколько церквей

сжег этот Рагнар? Сколько увел с собой христиан, которых продал в неволю язычникам и, что страшнее, людям Мохаммеда? Сколько уничтожил драгоценных реликвий? Сколько прибрал к рукам даров нашей паствы?.. Простив это, ты согрешишь против собственной души. Спасение каждого сидящего за этим столом будет под угрозой. Нет, король, отдай его нам. Позволь показать тебе, что мы приготовили для тех, кого ты будешь карать как злейших врагов Матери Церкви. А когда вести об этом долетят до ушей язычников, этих морских разбойников, они узнают, что десница Матери Церкви может быть столь же тяжела, сколь неиссякаемо ее милосердие. Позволь нам усадить его в змеиную яму. Пусть люди вспомнят о погребении короля Эллы.

Минутное замешательство короля предрешило дело. Дружные выражения согласия со стороны монахов и архиепископа вперемежку с возгласами удивления, любопытства и одобрения воинов опередили его слова.

— Не приходилось мне еще видеть человека, брошенного в яму со змеями, — провозгласил Вульфгар, млея от удовольствия. — Вот чего заслуживает любой викинг! Именно так я и скажу по возвращении своему королю и потом воздам хвалу уму и хитрости короля Эллы.

Бенедиктинец, который держал речь, поднялся из-за стола. То был Эркенберт, архидиакон, чье имя наводило ужас.

— Змеи уже готовы. Отведите же к ним пленника. И пусть явятся все — советники, воины, слуги; пусть все увидят, как свершается мщение королем Эллой и Матерью Церковью.

Члены Совета вскочили на ноги. Элла последовал их примеру. Тень сомнения, что заволокла было его лицо, рассеивалась воодушевлением его приближенных. Дворяне протискивались к выходу, скликая своих слуг, друзей, жен, женщин, чтобы те поспешили увидеть новое зрелище. Шеф собрался последовать за отчимом, но задержался, бросив взгляд на монахов, что сбились в кучку у края стола.

— Зачем ты это сказал? — шептал архиепископ Вульфир своему архидиакону. — Мы могли бы с лихвой расплатиться с викингом и спасти свои бессмертные души. Зачем ты принудил короля бросить Рагнара змеям?

Монах запустил руку в кошель и, как ранее Кутред, швырнул на стол какой-то предмет. Один, потом другой.

— Скажи, что это такое, высокопреосвященный отец?

— Монета. Золотая монета. С письменами людей Мохаммеда, да будет проклято вовек его имя!

— Она была в кармане у пленника.

— Ты хочешь сказать... что он слишком грешен, чтобы оставить ему жизнь?

— Нет, милорд. А другая монета?

— Это пенни. С нашего монетного двора в Юфорвике. На ней отчеканено мое имя. Видишь — Вульфир. Серебряный пенни.

Архидиакон собрал монеты и сложил их обратно в кошель.

— Очень жалкий пенни, милорд. Мало серебра, много меди. Это все, что может сегодня позволить себе Церковь. Рабы наши бегут от нас, керлы норовят недодать десятину. Даже дворяне и те жертвуют лишь то, что не осмелились приберечь для себя. А меж тем в кошельки язычников стекается награбленное у верующих золото... Церковь в опасности, высокопреосвященный отец. Не то нам страшно, что язычник может опустошить и ограбить нас, ибо, как бы мы ни горевали, от этого Церковь оправится. Но то страшно, что у язычников и христиан может найтись общее дело. Ибо тогда они решат, что мы для них лишние. Мы не должны позволить им вступить в сговор.

Все согласно закивали, даже архиепископ.

— Итак, к змеям его.

* * *

Змеиная яма представляла собой оставшийся еще от римлян каменный резервуар, который сберегало от мороси настенное на скорую руку подобие кровли. Монахи из церкви Св. Петра при монастыре в Юфорвике окружили трогательной заботой своих питомцев с лоснящейся шкуркой. Все прошлое лето многочисленных оброчных поселян, обретающихся на церковном домене в Нортумбрии, наставляли: идите в лес за гадюками, собирайте их в лежищах на нагретых солнцем склонах холмов и несите нам. Будет скидка и на оброк, и на десятину. Одна — на змею длиною в фут, другая — на полуторафутую, третья, несоразмерно большая, — на огромных великовозрастных гадин. И не проходило и недели, чтобы в руки *custos viperarum*, змеиног надсмотрщика, не

попадала очередная корзина с извивающимся содержимым, которое тот любовно пестовал, потчевал лягушками и мышами, а заодно — дабы ускорить их возмужание — их же сородичами. «Дракон, — растолковывал он братьям, — не станет драконом, пока не отведают змей. Так чем же хуже наши гадюки?»

И вот братья-помощники, чтобы рассеять вечерний сумрак, развесили факелы вдоль стен каменного дворика, втащили мешки, набитые горячим песком и соломой, и опрокинули их на дно ямы — верный способ возбудить рептилий, заставить их расшевелиться. А теперь появился и *custos*, лицо его расплылось от удовольствия, он взмахами подзывает группу послушников, каждый из которых гордо — во всяком случае бережно — вносит шипящий кожаный мешок, неровно раздувшийся в разные стороны. *Custos* попеременно берет мешки в руки, тычет ими в толпу, которая, напирая сзади, окружила теперь низкие стенки резервуара, распускает веревки и неторопливо вываливает своих сцепившихся подопечных в яму. Покончив с очередным мешком, он делает несколько шагов в сторону, чтобы змеи легли ровно. Миссия его выполнена, и он занимает место в ряду зрителей, раздвинутых мускулистами стражниками, гезитами короля, с тем чтобы освободить проход для главных действующих лиц.

А вот и они: король со своими советниками, их свита; пленник, подгоняемый вперед толчками и пинками. У воинов Севера бытует такая присказка: не хромай, коль одна нога другой не короче. И Рагнар не хромал. Однако нелегко давалась ему прямая ходьба. Не прошли даром Кутредовы хлопоты.

Подойдя к краю ямы, сильные мира сего расступились, дали пленнику рассмотреть то, что его ожидает. Он ухмыльнулся, показав неполный ряд зубов. Руки его были крепко стянуты за спиной, и каждое из запястьев стиснула могучая ладонь стражника. На нем было все то же странное одеяние из просмоленной козлиной шкуры с начесом, которым снискал он свое прозвище. Архидиакон Эркенберт подался вперед и взглянул в лицо пленнику.

— Это — змеиный погреб, — произнес он.

— *Orm-garth*, — поправил его Рагнар.

Священник заговорил снова, и то была обыденная анг-

лийская речь, какую можно слышать в торговых рядах на базаре.

— Ты меня понял. У тебя есть выбор. Станешь христианином — будешь жить. Как раб. Тогда *orm-garth* тебе не грозит. Но ты должен принять христианство.

Рот викинга скривила презрительная усмешка. Он отвечал все тем же торгашеским говорком:

— Знаю я вас, попов, насквозь вижу. Говоришь — я жить буду. А как? Рабом, значит. Только ты не сказал, что это такое. Зато я знаю. Ни глаз не будет, ни языка. Подрежете поджилки — и не походишь.

Внезапно он заговорил нараспев:

— Тридцать зим я провел в строю, и всегда выручал меня меч. Четыре сотни мужчин сразил я, тысячу женщин похитил, жег церкви, детей продавал. Сколько слез я пролил — и сам не пролил ни слезинки! И вот я стою на краю *orm-garth*, подобно Гуннару, сыну богов. Совершите же то, что надумали, пусть змея ужалит меня в самое сердце. Я не стану просить пощады. Меня выручал только меч.

— Кончайте с ним, — прорывал стоящий сзади Элла. Стражники принялись подталкивать пленника к яме.

— Стойте! — крикнул Эркенберт. — Сперва свяжите ему ноги.

Не встречая сопротивления, стражники грубыми движениями опутали ему ступни, подтащили к яме, опрокинули на стенку и, взглянув напоследок на молчаливо напирющую толпу, спихнули вниз. Пролетев всего несколько футов, он с глухим ударом плюхнулся на горку расползавшихся гадюк. В то же мгновение они набросились на него с шипением.

Человек в ворсистой накидке и брюках из грубой ткани коротко рассмеялся со дна ямы.

— Они не могут его укусить, — разочарованно проронил кто-то. — Одежда у него слишком плотная.

— Они могут ужалить его в лицо! — вскричал змеиный надсмотрщик, уязвленный неудачей своих питомцев.

И впрямь, в паре дюймов от Рагнарва лица оказалась громадных размеров гадюка. Не отрываясь, смотрят они друг другу в глаза; раздвоенный ее язычок гуляет вдоль его подбородка. Бесконечный миг ожидания.

Затем вдруг голова человека дернулась, метнулась вперед с разинутым ртом. Прыжки упругих колец. Брызги крови изо

рта. И обезглавленное тело гадюки. Вновь захохотал викинг. Он начал перекатываться, пытаясь, несмотря на стянутые бечевой конечности, сложить тело так, чтобы затем обрушить на змей мощь своих бедер или плеч.

— Он же убивает их! — завопил обезумевший от горя *custos*.

Движимый приступом внезапного отвращения, Элла прищелкнул пальцами и сделал шаг вперед.

— Ты и ты. У вас крепкие сапоги. Спуститесь и вытащите его сюда. Этого я не забуду, — добавил он вполголоса для Эркенберта. — Ты выставил всех нас на посмешище... Так, а теперь вы оба развяжите ему руки, ноги, сдерите с него одежду, а потом свяжите заново. А вы — достаньте-ка горячей воды. Змеи обожают тепло. Если мы нагреем ему шкуру, им она придется по вкусу... И еще кое-что. Он теперь захочет лежать смирно, чтобы только не угодить нам. Привяжите одну его руку к телу, а на левом запястье затяните петлю. Тогда мы сможем заставить его двигаться.

И снова опускали в яму пленника, с лица которого не сходила молчаливая усмешка. На сей раз король самолично распоряжался спуском, направив тело в место скопления самых жирных гадюк. Через пару мгновений те уже ползали по телу, отдающему тепло прохладному воздуху, заключали его в свои объятия. Кое-кто из женщин и слуг, представив, как ково чувствовать скольжение чешуи жирной гадюки по голой коже, застонал от омерзения.

И тогда король резко потянул за веревку. Потом еще раз. Рука дернулась, змеи ответили шипением, а особо потревоженные немедленно пустили в ход свои жала. Теперь, учуяв плоть, они жалили пленника беспрестанно, начиная тело несчастного ядом. Постепенно взгляду оцепеневших зрителей стали являться зловещие признаки — дыхание Рагнара стало натужным, лицо посинело. И когда глаза его уже выкатились, когда почти выпал изо рта язык, он испустил из своих легких последний рев.

Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi — так звучали его слова.

«Норвежской речи я не знаю. Только ничего доброго это не сулит», — мелькнуло в голове у Шефа, наблюдавшего за сценой со своей удобной позиции.

* * *

Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi. Много прошло с тех пор недель, а в сотнях миль на восток от Англии слова эти так и гремели в голове могучего человека, стоявшего на носу ладьи, что спешила теперь к берегам Зеландии. Лишь по чистой случайности дошли они до его ушей. Предназначал ли слова эти Рагнар лишь для себя самого? — вот над чем размышлял мореход. Или, могло статься, знал он, что был некто, кто их услышит, поймет и запомнит? Но уж больно трудно вообразить себе, что отыщется человек при английском дворе, который знал бы норвежскую речь, или такой, кто хотя бы понимал по-норвежски достаточно, чтобы уразуметь сказанное Рагнаром. Впрочем, на умирающих, говорят, снисходит прозрение. Возможно, они умеют предсказывать будущее. И Рагнар, быть может, знал — или догадывался, — что именно предвешают его слова.

Но если и впрямь то было пророчество судьбы, — всегда способной найти уста, через кои она объявляет о себе, — тогда способ, выбранный ею для того, чтобы пророчество это дошло до него, Бранда, был воистину дикий! В толпе, что сгрудилась вокруг *orm-garth*, затерялась одна женщина, наложница английского дворянина, леман, как называли таких девиц англичане. Однако до того, как ее купил для себя нынешний хозяин, она уже подвизалась на этом поприще при дворе ирландского короля Мэлсехнаила, где норвежский был в широком ходу. Именно ее уши вняли этим словам. У нее хватило ума не передавать их значения своему господину — леман, которым недостает смывленности, не дожить до поры, когда краса их начнет увядать, — но она успела шепнуть о них тайному своему возлюбленному, купцу, что водил караваны на юг. А он сообщил это другим людям в караване, среди которых нашелся один раб, бывший рыбак, скрывавшийся от прежних хозяев, и на него-то эта история произвела особое впечатление, поскольку сам он был свидетелем того, как Рагнара выволакивали из бушующего моря. В Лондоне же, в портовых забегаловках, где рады любому гостю — англугу и франку, фризу и дану, лишь бы в кармане у него звенело, — почувствовав себя в безопасности, раб за чарку эля и ломоть бекона выкладывал ее каждому желающему. Так и услышали ее уши норвежца.

Но раб тот был глупцом и вдобавок человеком без всякой чести. Рассказ о кончине Рагнара был для него всего лишь забавным, чудным, потешным случаем.

Могучий мореход по имени Бранд, стоящий на носу ладьи, видел в нем нечто большее. Потому-то он и вез с собой эти вести.

Корабль плавно скользил по поверхности фьорда, что глубоко врезался в плодородную равнину Зеландии, самого восточного из островов Дании. Ветра не было; парус был убран на рей; команда из тридцати гребцов слаженными, отработанными, неторопливыми взмахами погружала весла в воду, и от каждого удара на зеркальном, похожем на пруд море веером расходились морщинки, нежной рябью набегая на берега. А дальше, вдалеке, раскинулись сочные пастбища, по которым мерно передвигались коровы, зеленели налившиеся зерном колосья.

Бранд понимал, что благостная эта картина была от начала и до конца обманчива. На самом же деле его занесло в самую горловину величайшей бури, которую когда-либо переживал Север. Мир в ней поддерживали разве что море, на сотни миль вокруг истерзанное войной, да пылающая в сражениях береговая линия. За время пути по фьорду их трижды останавливала морская стража — громоздкие прибрежные суда, на которых никогда не ходили в открытое море. И трижды, со все возрастающим изумлением, всегда готовые поглазеть на смельчака, пытающего свое счастье, они отпускали его. Вот и теперь движутся по пятам за ним две ладьи, каждая вдвое больше размером его корабля, — только бы не дать ему улизнуть. Он и его люди твердо знали — худшее ждет их впереди.

Стоящий на корме рулевой матрос передал управление члену команды, а сам не спеша перебрался на нос судна. Несколько мгновений он медлил, не решаясь обратиться к шкиперу, чье плечо было почти вровень с его собственным ростом. Наконец он заговорил, стараясь не быть услышанным находившимися на баке гребцами.

— Ты знаешь, я не из тех, кто задает много вопросов, — пробормотал он. — Но уж коли мы сюда забрели и крепко-накрепко прилипли хоботками к этому осиному гнезду, может, ты мне не откажешься ответить почему?

— Если уж ты терпел столько времени и не задавал во-

просов, — также вполголоса отвечал ему Бранд, — назову тебе три причины и даже не стану брать с тебя за это монету... Причина первая — это наш жребий снискать себе немеркнущую славу. Эту битву будут воспевать поэты и сказители до наступления Последнего дня, когда боги сразятся с гигантами и выводки Локи стряхнут с себя заклятия.

Рулевой усмехнулся:

— У тебя и без того довольно славы, у тебя, защитника людей Галогаланда. И потом, кое-кто поговаривает, что нам как раз придется иметь дело с самыми настоящими выводками Локи. Во всяком случае, с одним из них.

— Теперь причина вторая. Тот английский раб, беглец, рассказавший нам эту историю, бежал не от кого-нибудь, а от монахов-христиан. Да разве ты не видел его спины? Нет такой кары на свете, которой не заслужили его хозяева, но я смогу подыскать им достойную.

Тут рулевой вслух, хотя и сдержанно, рассмеялся.

— А сам ты видел хотя бы единого человека после того, как с ним побеседовал Рагнар? Но те, к кому мы теперь собрались, еще хуже. И есть среди них самый страшный. Возможно, он и монахи стоят друг друга. Но как быть с остальными?

— А теперь, Стейнульф, я скажу тебе третью причину. — Бранд слегка приподнял серебряный амулет, пектораль, что, свисая с шеи, покоился у него на груди поверх рубахи. То был молот с двумя бойками и коротким черенком. — Мне было велено сделать это.

— Кем?

— Тем, кого знаем мы оба. И во имя того, кто придет с Севера.

— Вот оно что. Хорошо. Хорошо для нас обоих. И может быть — для всех нас. И все-таки, пока мы не подошли слишком близко к берегу, я еще кое-что успею.

С этими словами, неторопливо, желая, чтобы шкипер мог видеть то, что он собирается делать, рулевой снял амулет, свисавший с его собственной шеи, упрятал его под рубаху и подтянул ворот так, чтобы не было видно отметин, оставленных цепью.

Бранд, действуя с той же медлительностью, повернулся лицом к своей команде и последовал его примеру. В одно мгновение мерный стук весел оборвался. Гребцы укрывали

от глаз людских цепи и амулеты. И вновь вспенилась, забурила вода.

Впереди показался мол, где сидели и расхаживали люди, всем своим видом олицетворявшие полнейшую беспечность, даже ни разу не взглянувшие в сторону приближающегося военного судна. За ними виден был огромный сруб, похожий на перевернутую баржу, а дальше и вокруг — беспорядочное нагромождение навесов, воротов, жилых бараков, замыкавших фьорд доков, кузниц, складов, сваленных снастей, загонов для скота, длинных рядов сараев. То было сердце морской империи, зловещее логово людей, без тени сомнения бросающих вызов целым королевствам, дом для воинов, не имеющих дома.

Человек, сидевший у самой оконечности мола, приподнялся, зевнул, тщательно продуманным движением потянулся и оглянулся на своих. Опасность. Повернув голову, Бранд начал раздавать приказы. Двое находившихся у фалов людей с помощью снастей подняли на вершину мачты щит, свеженанесенный белый цвет которого возвещал о мирных намерениях. Еще двое бросились на бак, осторожно сняли с кольев голову дракона и, так же бережно развернув разинутую пасть в сторону от берега, напоследок обмотали ее тряпьем.

На берег высыпало теперь множество народу. Каждый не сводил глаз с корабля. Судя по всему, радушного приема ожидать не приходилось, однако Бранд прекрасно понимал, что если б он пренебрег обязательным ритуалом, приняли бы его совсем иначе. При мысли о том, что могло бы тогда случиться и от чего до сих пор он не был застрахован, живот сковала неизведанная доселе судорога — так, словно бы мужское его оружие постаралось протиснуться внутрь тела. Он повернул голову и принялся смотреть на дальний берег, дабы скрыть выражение лица от чужих глаз. Когда он только начинал ползать, ему было сказано: «Никогда не показывай, что боишься. Не показывай, что тебе больно». Это поучение он ценил больше, чем саму жизнь.

Знал он и то, что в той игре, которую он собирался затеять, не могло быть ничего опаснее, чем обнаружение собственной незащитности. Он намеревался разбередить души грозных хозяев, приманить их своим рассказом; явиться с вызовом, а не с уговорами.

Он намерен был во всеуслышание предложить им нечто

настолько призывное, что они вынуждены будут ответить ему согласием. Этот план не допускал никаких полумер.

Нос корабля уткнулся в мол, и брошенные с борта концы были пойманы и пригнаны к швартовным тумбам все с тем же отработанным выражением безразличия. Не говоря ни слова, человек разглядывал судно с причала. Если б это был торговый порт, он бы, скорее всего, осведомился у моряков, что за груз везет судно, как оно зовется, откуда явилось. Но этот человек ограничился поднятием брови.

— Бранд. Из Англии.

— На свете много есть Брандов.

По знаку шкипера двое матросов перекинули сходни с борта судна на причал. Уперев большие пальцы рук в перья, Бранд прошествовал на берег, остановился и в упор поглядел на швартовщика. Теперь, когда они находились на одном уровне, уже он мог разглядывать его сверху, даже, пожалуй, свысока. Не без внутреннего удовлетворения отметил он быстрое подергивание зрачков. Швартовщик, сам отнюдь не шупленький, верно оценив Брандовы объемы, пришел к выводу, что на долгое препирательство с гостем силенок у него не хватит.

— Некоторые зовут меня Вигой-Брандом. Я прибыл сюда из Галогаланда, что в Норвегии, где люди ростом выше датчан.

— Бранд-Убийца. Слышал я о тебе. Да только тут и без тебя убийц хватает. Одного имени маловато будет.

— Я привез вести. Вести для родичей.

— Если ты заявился сюда самовольно, без пропускной грамоты и решил побеспокоить родичей, не наскучь им своими вестями.

— Эти вести не заставят их скучать. — Бранд зорко следил за выражением глаз швартовщика. — Можешь выслушать меня сам. Созови своих людей, скажи, чтобы выслушали меня. А кто не пожелает меня выслушать, будет свою лесть проклинать до конца своих дней. Но, само собой, коли вы прямо сейчас решили держать совет в отхожем месте, мешать я никому не буду.

Решительно оставив за спиной собеседника, не обронив больше ни звука, он зашагал в направлении струйки дыма, что вилась над большим продолговатым строением, служившим обиталищем для знатных родичей. Тот самый Бретра-

борг, место, раз увидав которое, враг обречен был на смерть. Люди Бранда перебрались с борта на причал и спешно последовали за ним.

На лице оцепеневшего было швартовщика выступила глумливая ухмылка. Он подал знак своим людям, и те, похватав скрытые от посторонних глаз пики и луки, потянулись вслед за гостями. На сторожевой заставе в двух милях от причала, где также не теряли бдительности, дали оговоренную отмашку.

Многие ставни были распахнуты, и свет свободно проникал в помещение, однако, ступив внутрь, Бранд замедлил шаг: хотелось, чтобы пообвык взор, хотелось осмотреться, составить некоторое представление о хозяевах. Пройдет немного лет, подумалось ему, и сцена эта станет зачином многих песен и саг — надо только правильно ее отыграть. В эти самые минуты кует он себе либо бессмертную славу, либо — лютую смерть.

Находившиеся внутри люди сидели, стояли, слонялись без дела, забавлялись играми — но никто даже не повернул головы, чтобы взглянуть на него и на проникавших в помещение его молчаливых спутников. И однако он знал, что его присутствие незамеченным не осталось. По мере того как взгляд его обретал ясность, за кажущейся, а по существу, тщательно продуманной неразберихой, дающей внешнюю видимость того, что все воины, все, дескать, настоящие *drengr*, равны между собой, он обнаруживал едва уловимую закономерность — все тянулось к определенному центру. Там, в дальнем конце помещения, оставалось открытым пространство, куда не смел забрести ни один из воинов. Находившиеся там четверо людей, казалось, с головой ушли в обсуждение собственных дел.

К ним-то и направился Бранд. В медленно сгущавшейся тишине прорезался стук набивок на его мягких матросских сапогах.

— Приветствую вас! — промолвил он, стараясь возвысить голос так, чтобы слышно было сгрудившимся вокруг и позади него людям. — Я принес вам вести. Вести для сынов Рагнара.

Один из четверки, мельком взглянув на него через плечо, снова принялся строгать себе ножом ногти.

— Должно быть, большие вести принес человек, который

заявился в Бретраборг, не имея ни грамоты, ни приглашения.

— Большую весть принес я. — Бранд наполнил легкие, стараясь совладать с сердцебиением. — Ибо это весть о смерти Рагнара.

Мертвая тишина. Говоривший с ним человек продолжает строгать себе ногти, он выбрал себе левый указательный палец; нож уходит все глубже и глубже; вот навернулась кровь, а нож кромсает плоть, кромсает ее, пока не упирается в кость. Человек же не пошевелился и не издал ни звука.

Занеся над шашечной доской каменную фишку, слово взял его товарищ, огромный, с выпирающими мускулами чело-вечище с седыми космами.

— Расскажи нам, — тщательно следя за бесстрастностью речи, умышленно воздерживаясь от постыдного для мужчины проявления чувств, проговорил он. — Расскажи нам, как погиб наш старый отец Рагнар. Вообще-то ничего странного здесь нет, ибо он порядком состарился годами.

— Все это началось на берегу Англии, у которого он потерпел крушение. Если верить тому, что я слышал, его схватили люди короля Эллы.

Бранд говорил теперь чуть иначе, как бы подстраиваясь под искусственную, показную невозмутимость второго Рагнассона — или даже передразнивая ее.

— Думаю, у них не возникло с ним много хлопот — ведь ты же сам говоришь, что он состарился годами.

Седой по-прежнему держал в руках шашку, только пальцы его стискивали ее все плотнее. Из-под ногтей вырвалась струйкой, разбрызгалась по доске кровь. Седой опустил камень на доску, передвинул ее один раз, потом другой, убрал с доски несколько шашек противника.

— Твой ход, Ивар, — напомнил он.

Теперь заговорил тот, с кем он играл. Это был человек с необыкновенно светлыми, едва ли не белыми волосами, оттянутыми назад и перехваченными над бледным лицом льняной лентой. Из-под не умевших мигать век на Бранда устремился взгляд белесых, напоминавших стылую воду глаз.

— Что они сделали с ним, когда схватили?

Бранд внимательно вгляделся в немигающий взор. Пожав плечами, он продолжал все с тем же деланным равнодушием:

— Отвезли в Юфорвич, ко двору короля Эллы. Ничего особенного там не приключилось, потому что они приняли его за простого пирата. Не знали, что он такая важная птица. Задали, скорее всего, несколько вопросов; возможно, позабавились с ним немного. Ну а потом, когда устали, посчитали, что могут спокойно его прикончить.

В звенящей тишине Бранд принялся изучать собственные ногти, чувствуя, что терпение Рагнарссонов вот-вот достигнет грозовой отметки. Он вновь передернул плечами.

— Вот так. В конце концов они отдали его христианским жрецам. Сдается мне, он не показался достойным смерти от руки воина.

На щеках бледного человека выступила краска. По-видимому, он с трудом сдерживал дыхание, едва не давился. Краска все прилиwała к лицу, пока оно не сделалось малиновым. Станный кашель откуда-то из глубин гортани потряс его, раскачал человека на стуле. Глаза выкатились, малиновый цвет перешел в багровый. В тусклом свете помещения лицо его казалось черным. Медленно, с усилием он перестал раскачиваться. Похоже было, что ему удалось выйти победителем из битвы, которую он вел с самим собой. Кашель унялся, румянец сошел с лица, вернув его прежнюю зловещую белизну.

Четвертый же человек, оперевшись о пику, наблюдал за игрой братьев. Он ни разу не шевельнулся, не издал ни звука. Все это время он стоял с опущенной головой. Теперь он медленно поднял ее и взглянул в лицо Бранду. В первый раз посланник затрепетал. Было что-то жуткое в этих глазах — о чем он не раз прежде слышал, но чему никогда не верил, — в немыслимо черных зрачках, в ослепительном, как свежее выпавший снег, белке, что заключал черноту зрачков в страшный сияющий ореол наподобие краски вокруг железного набалдашника на щите. Глаза эти мерцали, словно лунный блик на металле.

— Как же король Эллы и христианские жрецы решили казнить старика? — негромко, почти мягко осведомился четвертый из Рагнарссонов. — Полагаю, ты скажешь нам сейчас, что они быстро с ним сладили.

Страшась теперь лукавить, Бранд отвечал просто и правдиво:

— Они бросили его в яму к гадюкам, в змеиный погреб,

orm-garth. Мне известно, что там у них что-то не сладилося — сначала змеи никак не могли укусить Рагнара, потом, как мне сказали, он сам начал кусать и убивать их. Но в конце концов они все же сумели укусить его. От этого он и умер. Смерть была медленной, и на теле не осталось ни единой отметины от оружия. В Вальгалле не смогут им гордиться.

На лице человека со странным взором не дрогнул ни один мускул. И вот наступил миг ожидания, бесконечный миг ожидания. Воины сверлили его своими взглядами, гадая, выкажет ли он свое отношение к услышанной вести, обнаружит ли изъян в выдержке, как то произошло с его братьями. Но этого не случилось. Наконец он расправил плечи, выпрямился, отшвырнув пику, на которую опирался, ближайшему к себе викингу, заправил под перевязь большие пальцы и приготовился говорить.

Внезапное урчание, которое издал тот самый наблюдатель, обратило на него всеобщее внимание. Не говоря ни слова, он приподнял пику, которую в него только что бросили. На ее прочном ясеневом древке видны были бороздки, отметины, оставленные неистовым сжатием. Воины одобрительно загудели.

Бранд поспешил воспользоваться замешательством, заговорив первым. С задумчивым видом покрутив ус, он промолвил:

— Но потом случилось еще кое-что...

— Говори.

— Уже покусанный змеями, в последние мгновения перед смертью, Рагнар заговорил. Они, конечно, ничего не поняли, ибо говорил он на нашем языке, на *norroent mal*, но кто-то расслышал эти слова, передал другому, а в конце концов, по счастью, дошли они и до моих ушей. У меня и впрямь нет ни приглашения, ни грамоты, как ты только что сказал; а все-таки мне пришлось в голову, что тебе могло бы быть любопытно это узнать...

— И что же сказал старик, когда умирал?

Голосом громким и звонким, облетевшим все помещение, как герольд, возвещающий о приближении недруга, Бранд возвестил:

— Он сказал: «*Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi*».

В этом случае переводчика не потребовалось. Все присутствующие знали, что сказал старый Рагнар.

«Если б поросята узнали, как издох старый боров, как бы они захрюкали!»

— Вот потому я здесь без приглашения! — громко и яростно прокричал Бранд. — Хотя многие твердили мне, что это может мне дорого обойтись. Но я — человек, которому ублажает слух хрюканье. И я пришел, чтобы увидеть поросят. А если верить людям, вы и есть те самые поросята. Ты, Хальвдан Рагнарссон, — он кивнул человеку с ножом. — Ты, Убби Рагнарссон, — взмах в сторону второго игрока в шашки. — Ты, Ивар Рагнарссон, которого все узнают по цвету волос. И ты, Сигурд Рагнарссон. Понимаю теперь, почему люди называют тебя *Orm-i-auga*, Змеиный Глаз... Я не рассчитывал порадовать вас этой вестью. И все же, надеюсь, вы согласитесь, что ее нужно было до вас донести.

Теперь уже все четверо были на ногах и глядели на него в упор. От притворного безразличия не осталось и следа. Они закивали, показывая, что вполне осознали смысл сказанного. Мало-помалу лица всех четырех стали складываться в гримасу, обретая при этом совершенно одинаковое выражение и заставляя впервые уверовать в то, что все четверо — братья, одна семья, сыновья одного отца. Сверкнуло четыре одинаковых оскала.

В те дни у монахов и прочего монастырского люда была такая молитва: «*Domine, libera nos a furore normannorum*» («Господи, избави нас от неистовства норманнов»). Глядя сейчас на эти лица, любой здравомыслящий монах немедленно бы добавил: «*Sed praespere, domine, a humore eorum*» («Но особенно, Господи, от их веселья»).

— Да, эту весть ты должен был до нас донести, — произнес Змеиный Глаз. — И мы благодарим тебя за это. Поначалу мы решили, что ты, возможно, желаешь что-то от нас утаить. И поэтому ты мог подумать, что мы не очень с тобой любезны. Но слова, которые ты произнес в конце... О, то был голос нашего отца. Он знал, что кто-то должен их услышать. Он знал, что кто-то донесет их до нас. И знал, что мы станем делать. Правду я говорю, мальчики?

Взмах руки, и кто-то выкатил вперед здоровенную колоду, спиленный дубовый пенёк. Все четверо поднатужились, и колода с грохотом встала на пол. Сыновья Рагнара обступили ее и обвели взглядом своих воинов. Затем каждый поднял

ногу и водрузил ее на колоду. Теперь, следуя правилам ритуала, все четверо заговорили одновременно:

— Мы поставили ноги на эту колоду и во всеуслышание клянемся, что...

— ...покорим Англию, чтобы мстить за нашего отца, — так сказал Хальвдан.

— ...пленим короля Эллу и казним его страшными пытками, — то были слова Убби.

— ...поразим всех английских королей и сделаем их своими вассалами, — произнес Сигурд Змеиный Глаз.

— ...обратим нашу месть на черных ворон, христианских жрецов, что измыслили *orm-garth*, — сказал Ивар.

Закончили же они вновь сообщая:

— ...если же отступим мы от этих слов, пусть отвергнут и презрят нас боги Асгарда, чтобы не встретиться нам с отцом нашим и предками в их чертогах...

Как только они умолкли, мутное от дыма пространство наполнилось ликующим ревом, что издал в унисон весь пиратский флот — четыре сотни глоток ярлов, знатных дружинников, шкиперов, рулевых. А снаружи рядовые обитатели их шатров и палаток в радостном исступлении поздравляли друг друга ударами по плечу. Они знали, что решение принято, что замышляется большое дело.

— А теперь, — возвысил голос Змеиный Глаз, перекрывая толпу, — втащите-ка столы, уставьте их снедью. Не может сын наследовать отцу, пока не отоплет похоронного зяля. И мы справим арваль, будем пить, как герои! А утром мы поднимем на ноги воинов, снарядим корабли и пойдем на Англию, которая отныне никогда не сможет ни забыть нас, ни уплатить нам свой долг!.. Но сейчас мы будем пить. Садись и ты, чужеземец, отведай наших харчей и поведай нам, что еще знаешь ты о нашем отце. Когда Англия станет нашей, мы приглядим там тебе теплое местечко.

* * *

А далеко-далеко от тех мест Шеф, смуглый паренек, пасынок Вульфгара, лежал, уткнувшись головой в убогий соломенный тюфяк. Туман все еще стелился по сырой земле Эмнета, и одно лишь тощее латаное одеяло оберегало от него Шефа. Внутри срубленного из добротного леса дома спал его отчим, Вульфгар, обласканный, а может быть, и любимый

его матерью, леди Трит. В соседней от родителей комнате спал в теплой кровати Альфгар. Там же спала Годива, дочь Вульфгара, прижитая им от наложницы. Чем только не ублажали они желудки после возвращения домой Вульфгара — вкушали жареное и вареное, печеное и настоящее, гусей и уток с фенов, шук и миног из речек.

Шеф же съедал ржаную кашу и отправлялся в одинокую хибарку близ кузницы, где он работал, чтобы его единственный друг мог перевязать ему свежие рубцы. Теперь он метался в объятиях сна. Если только это можно было назвать сном.

* * *

Где-то на краю мира увидел он темное, освещенное разве что багровым небом поле. На поле в беспорядочные кучи были свалены шкуры, лоскутья ткани, скелеты; через прорехи некогда роскошных нарядов проглядывали черепа и ребра. Вокруг куч, подсакивая, роилось полчище птиц. То были огромные черные птицы с черными клювами; они с бешенством вонзали клювы в глазницы, долбили ими по костям в надежде оторвать лакомый кусочек мяса или мозга. Но все тела были обчищены уже несметное количество раз, кости рассохлись; и тогда птицы, громко каркая, начинали клевать друг друга.

Вдруг они прекратили возню, уgomонились и плотно обступили место, где стояли четыре черные птицы. Они слушали их, а те каркали. И все более громким, все более зловещим становилось с каждой минутой их карканье. Вдруг вся стая вмиг поднялась в воздух, взметнулась в багровое небо, плотно сомкнула ряды, потом накренилась разом, будто единое существо, и припустила к нему, к Шефу. Прямо на него устремился вожак; он уже видел его не ведающее пощады немигающее око, клюв, нацеленный ему в лицо. Шеф знал — тот не отступит. Но он не мог шевельнуться; что-то тяжелое и неподатливое навалилось ему на руку, и вот уже буравит черный клюв студенистую мякоть его глаза.

* * *

Шеф вздрогнул, застонал и проснулся. Одним прыжком вскочив с тюфяка, вцепившись в свое тонкое одеяльце, он приник к дыре на стене своей халупы, вглядываясь в занимавшийся над болотом рассвет.

— Что стряслось, Шеф? Что тебя так напугало?
С минуту он не мог ничего вымолвить в ответ. Наконец, не понимая, что говорит, он сказал так, словно бы закаркал:
— Вороны! Вороны! Я вижу полет воронов!

Глава 3

— Это и впрямь Великое Войско? Не может ли быть ошибки? — резко, но не слишком твердо огрызнулся Вульфгар. Новость и впрямь была такая, что верить в нее не хотелось. Однако он не мог позволить себе открыто унизить посланника.

— Ни малейших сомнений, — отвечал Эдрик, тан Эдмунда, короля Восточной Англии, доверенное лицо из его свиты.

— И ведут его сыновья Рагнара?

А это известие для него страшнее даже первого, подумал Шеф, который внимал беседе из глубины помещения. Все свободные люди Эмнета, созданные гонцами к своему господину, толпились сейчас в его усадьбе. Ибо хотя все свободные люди Англии за отказ повиноваться законному призыву взяться за оружие могли лишиться всего на свете — и права на надел, и права пользования общинными угодьями, и даже права родича, — именно по этой самой причине им позволялось лично присутствовать на сходе, где создавалось ополчение.

Другой вопрос, имел ли право находиться в их числе Шеф. Впрочем, на него еще не был надет рабский ошейник, и к тому же крестьянин, поставленный у дверей проверять и считать входящих, обязан был Шефу починкой плужного лемеха; он с сомнением хмыкнул, оглядел меч, вложенный в потертые ножны, и решил не поднимать шума. И вот Шеф, находясь в самом дальнем конце комнаты среди беднейших батраков Эмнета, пытался если не увидеть, то хотя бы воспринять происходящее.

— Мои люди расспросили множество керлов, которые уже повстречали это войско, — сказал Эдрик. — Они говорят, что ведут его четыре великих воина, сыновья Рагнара, равные меж собою. И каждый день воины собираются вокруг большого знамени. А на знамени — черный ворон. Это и есть Знамя Ворона.

Зная, вытканное за одну ночь дочерью Рагнара, зная, что взмывается ввысь в мгновения славы и сникает в дни невзгод. Знакомая история. И страшная. По всей Северной Европе гремела слава о делах сыновей Рагнара; ладьи их ходили в Англию, в Ирландию, во Францию, в Испанию, даже в сказочные страны Средиземного моря — откуда они вернулись несколько лет тому назад, доверху груженные награбленным добром. Так почему же нынче обрушили свою ярость братья на бедное, захудалое королевство восточных англосаксов? Накручивая на палец длинный ус, Вульфгар багровел от бесильной злобы.

— Где же они разбили лагерь?

— В лугах близ Стаура, что южнее Бредриксворда. — Эдрик, королевский тан, начинал проявлять признаки нетерпения. Сколько раз он вынужден повторять одно и то же, и если бы только в этом месте! Это происходит в усадьбе каждого мелкопоместного лорда. Его они слушают вполуха — думают только о том, как бы увильнуть от исполнения долга. Но от этого человека он ожидал большего, ибо был он знаменит своей лютой ненавистью к викингам, а в свое время, как сам он рассказывает, обнажил меч и вышел на поединок с самим Рагнаром.

— Что же мы должны делать?

— Король Эдмунд приказывает всем свободным людям Восточной Англии, способным держать оружие, явиться для сбора в Норидж. Каждый муж от пятнадцати зим и до пятидесяти. У нас будет столько же ратников, сколько у них.

— Сколько их сюда высадилось? — крикнул из первого ряда какой-то зажиточный поселянин.

— Три сотни кораблей.

— А сколько ж это народу?

— Они гребут, как правило, в три дюжины весел, — безо всякой охоты выдавил из себя королевский тан. В этом-то и была вся загвоздка. Стоит только лапотникам учуять, против какой силы им придется выступить, они сразу становятся тяжелы на подъем. И все-таки он обязан сообщить им правду.

Наступила тишина. Все ломали головы над услышанными цифрами. Опередив всех, громким и ясным голосом Шеф произнес:

— Три сотни кораблей, три дюжины весел. Это значит — девятьсот дюжин. Десять дюжин — это большая сотня, сто

двадцать. Их свыше десяти тысяч человек... И все — воины, — скорее от сильного изумления, чем от страха, добавил он.

— Мы не можем с ними драться, — решительно произнес Вульфгар, не сводивший все это время злобного взгляда с пасынка. — Мы должны будем откупиться данью.

Терпение Эдрика иссякло окончательно.

— Это будет решать король Эдмунд. И он сможет заплатить поменьше, коли Великое Войско увидит, что им противостоит равная по численности рать. Я здесь не для того, чтобы выслушивать всякую болтовню, — я привез королевские повеления. Вам, а также всем держателям наделов Алвэлла, Аутвэлла, всех деревень от Эли до Висбеча король приказывает собраться, снарядиться и завтра же явиться в Норидж. Каждый муж Эмнета, обязанный королю военной службой, должен прибыть верхом на коне. В случае неповиновения он предстанет перед судом короля и подвергнется наказанию. Это — мой приказ, равно как и ваш. — Он резко повернулся, окидывая взглядом взволнованные и растерянные лица. — Что же вы скажете, свободные люди Эмнета?

— Аге! — помимо воли вырвалось из груди Шефа.

— Этот человек — не свободный, — процедил сидящий поблизости от отца Альфгар.

— Тогда он, черт побери, должен им стать. Или здесь ему не место. Можете вы наконец что-то решить, люди добрые? Вы слышали, что повелел король.

Но последние слова Эдрика потонули в тягучем, неохотном мычании. Шестьдесят собравшихся мужчин выражали согласие.

* * *

А в разбитом у Стаура лагере викингов царил совсем иной дух. Здесь предстояло принять решение четырем сыновьям Рагнара. Каждый прекрасно понимал, чего хотят все остальные, а потому обсуждение вышло недолгим.

— Они нам заплатят, — произнес Убби. И он, и Хальвдан были вполне под стать остальному войску — и физической мощью, и темпераментом. Как же опасны, как сокрушительны в любой схватке удары розовошеского Хальвдана и его почти седого брата! Плохи с ними шутки.

— Надо решать прямо сейчас, — буркнул Хальвдан.

— Кто же тогда это будет? — спросил Сигурд.

На минуту все четверо призадумались. Нужен человек, который знает дело, человек бывалый. А с другой стороны, которого не страшно было бы потерять.

— Сигвард, — наконец вымолвил Ивар. На его бескровном лице не шевельнулся ни один мускул, взгляд по-прежнему был устремлен в небо, он обронил одно-единственное слово. И то, что он сказал, было не предположением, но ответом. Тот, кого называли — правда, только за глаза — Бескостным, никогда не высказывал предположений. Братья поразмыслили и согласились.

— Сигвард! — крикнул Сигурд Змеиный Глаз.

В нескольких ярдах от них над игрой в бабки склонился ярл с Малых островов. Он не спеша подбросил косточку, не забыв тем самым лишний раз утвердить свою независимость, затем выпрямился и с бодрым видом приблизился к своим жокаам.

— Ты звал меня, Сигурд?

— Сколько у тебя кораблей? Пять? Отлично. Нам показалось, что англичане со своим глупым королем Эдмундом надумали шутить с нами. Они упорствуют, желают поторговаться. Так не пойдет. Мы хотим, чтобы ты показал им, с чем они играют. Утром снаряди корабли и пройди несколько миль к северу вдоль берега. Потом развернись на запад, к устью. Поднимись вверх по реке, а дальше — громи, убивай, сожги несколько деревень. Покажи им, что бывает, когда им нравится дразнить нас. Как это делается, ты знаешь.

— Знаю. Раньше часто этим занимался. — Он ухмыльнулся и немного помялся. — А как быть с добычей?

— Все, что унесешь, — твое. Но помни, ты это делаешь не для того, чтобы разжиться барахлом. Сделай что-нибудь такое, что они долго будут помнить. Действуй так, как если бы на твоём месте был Ивар.

Ярл вновь ухмыльнулся, но на сей раз уже с заметным замешательством. Так происходило с любым мужчиной при упоминании имени Ивара Рагнарссона, Бескостного.

— Где ты намерен высадиться? — спросил его Убби.

— В местечке под названием Эмнет. Я был там однажды. Нашел себе тогда одну сочную курочку... — При одном резком движении Ивара очередная ухмылка мигом сошла с лица ярла.

Сигвард явно свалил дурака. Его отправляли с этой миссией вовсе не затем, чтобы он мог освежить в памяти проказы юности. Он ставил под сомнение честь воина. А в таких случаях Ивар также воздерживался от обсуждений.

Прошло несколько мгновений. Ивар принял прежнее положение и стал с отсутствующим выражением глазеть в сторону. Они знали, что Сигвард — не лучший их воин, и то была одна из причин их выбора.

— Делай свое дело и забудь о курочках, — сказал Сигурд, взмахом показывая ярлу, что он свободен.

Как бы то ни было, свое ремесло Сигвард изучил досконально. Спустя пару дней на рассвете пять ладей, подгоняемые неослабевающим приливом, осторожно входили в устье реки Уз. Час всего они гребли на мощной приливной волне, и вот кили заскрежетали по грунту. Драконы на носках ладей занесли над берегом свои морды. Люди повывскакивали на песок. Тут же назначенные викинги корабельной охраны забегали в воду, оттягивали своих быстроходных морских коней к илистым отмелям и оставались дожидаться там начала отлива, чтобы затем выволочь корабли на берег и укрыть в надежном месте на случай внезапной атаки местных дружин.

Самые юные и шустрые из отрядов Сигварда уже приступили к делу. Обнаружив небольшой выпас пони, они прирежали охранявшего их паренька и, вскочив на лошадей, пустились на перехват остальных животных. Отлавливая их, они гнали пони в сторону основного отряда. К тому времени, когда лучи солнца стали прорезать утреннюю дымку, сто двадцать воинов медленно пробирались по извилистым утопающим в грязи тропам к выбранной цели.

Не прикрытые с флангов, не выслав вперед дозорных, они двигались плотной, сплоченной группой, рассчитывая мощным натиском и внезапностью подавить любое сопротивление. Когда же тропа выводила их к обитаемому месту — к ферме ли, на хутор, к какой-нибудь деревушке, — основная группа придерживала лошадей на срок не больший, чем может потребоваться мужчине для того, чтобы справить малую нужду. Самые проворные из воинов, у которых под седлом были лошади порезвее, рассыпались по округе, прикрывая тыл и фланги, чтобы вырасти на пути беглецов до того, как те смогут поднять тревогу. После этого основной отряд шел в атаку. Приказы, которые они получали, были просты;

настолько просты, что Сигварду и в голову бы не пришло повторять их дважды.

Они убивали всех, кто встречался им на пути, убивали мужчин, женщин, детей, спящих в колыбели младенцев; убивали на месте, не останавливаясь, не тратя времени на разговоры со своими жертвами, не пытаясь развлечься. Затем они вскакивали в седла и продолжали движение. Добычи не брать, только не сейчас. И — под страхом суровой кары — никаких пожаров.

К полудню через мирные села Англии была прорублена безмолвная просека смерти. Ни одной живой души не оставляли они за собой. И лишь когда нападавшие уходили далеко вперед, селяне начинали замечать, что с утра не было видно соседей, обнаруживать пропажу лошадей, находить в полях трупы; тогда они бежали к церквям, звонили в колокола, зажигали на сигнальных башнях огни. И однако там, где викинги побывать еще не успели, люди пребывали в полном неведении об уготованной им участи.

* * *

Ополчение Эмнета выступило из родной деревни значительно позже, чем высадились на берег воины Сигварда. Им пришлось дожидаться, пока не подтянутся вялые поселяне из Апвелла, Аутвелла и прочие. Следующая задержка объяснялась долгими здравицами и неуклюжими приветствиями, которыми без усталости обменивались встретившиеся общинники. Наконец Вульфгар сообщил, что они не могут трогаться в поход на пустой желудок, и принялся потчевать начальников ополчения подогретым элем с пряностями, не забыв угостить пивом и простых ратников. Минуло уже немало времени после восхода солнца, когда сто пятьдесят вооруженных людей — собранное с четырех приходов воинское ополчение — выступило по дороге, ведущей через болота к реке Уз, перейдя которую оно должно было взять путь на Норидж. Почти сразу же обнаружились отстающие: у кого-то поломался забор, кому-то понадобилось облегчить желудок, а кто-то улизнул просто ради того, чтобы обнять напоследок свою или чужую женку. Не глядя по сторонам, безо всякой опаски войско следовало своей дорогой. Подозрение о том, что на пути им могут встретиться викинги, впервые всколых-

нулось в их душах, когда, миновав один из поворотов, они увидели плотно сомкнутую колонну вооруженных всадников, которая надвигалась прямо на них.

Шеф скакал впереди, сразу за начальниками ополчения, и изо всех сил старался держаться поближе к Эдрику, королевскому тану. Слова, сказанные им на сходе, завоевали ему благоволение Эдрика. И коль скоро он находился в его поле зрения, никто так и не осмелился отослать Шефа назад. Правда, благодаря бдительному замечанию Альфгара находился он здесь как кузнец, а не как свободный человек. Но, во всяком случае, он мог позволить себе подпоясаться мечом собственнойковки.

Викингов Шеф заметил одновременно со всеми скакавшими впереди. И тут же услышал испуганные возгласы вожаков ополчения.

— Что это за люди?

— Да это же викинги!

— Нет... Быть того не может! Они сейчас в Суффолке. Договариваются с нашими.

— Говорю тебе, викинги, куриные твои мозги! Шевелите своими жирными ягодицами, прыгайте с седел и стройте людей к битве. Эй, там, слезай! Живее! Лошадей — в тыл! Стаскивайте свои щиты со спин и стройтесь!

Эдрик, королевский тан, развернул коня и помчался через нестройные ряды английской колонны, выкрикивая приказы во всю мощь своих связок. Начиная отдавать себе отчет в происходящем, люди сползали с седел; судорожно цепляли оружие, которое они по-хозяйски приторочили к седлу, дабы не отягощать себя в долгой дороге; далее, в силу личных наклонностей, храбрецы подтягивались вперед, робкие пятились в тыл.

Шефу долгих приготовлений не понадобилось: он в колонне был самый бедный. Осадив клячу, с большой неохотой выделенную ему отчимом, он снял со спины деревянный щит, развязал веревки на ножнах, в которые вложено было его единственное оружие. Доспехом же ему служил кожаный камзол, усеянный бляхами самого разного размера. Расположившись за плечом Эдрика, он замер в ожидании. Бешено колотилось сердце, от волнения спирало в зобу дыхание — но все прочие чувства оттесняло жгучее любопытство: как же ведут себя в бою викинги? Что это будет за битва?

Что же до викингов, то Сигвард оценил обстановку в следующее мгновение после того, как увидел надвигающихся на него всадников. Резко отпрянув в сторону от скрытой изгибом дороги колонны недругов, он приподнялся в стременах, повернулся к своим и зычно прокричал слова команды. Тут же строй викингов смешался, рассеялся, следуя заведенному порядку. Еще через мгновение все спешили. Люди, заранее отобранные для этого задания от каждой пятерки воинов, похватав лошадей под уздцы, отвели их в тыл, подальше от скопления людей, где, присев на корточки, вбили колья в землю и закрепили на них поводья. Теперь две дюжины человек, притаившись за лошадиными крупами, образовали своего рода резерв.

Все прочие, пока сердца их не отсчитали двадцать ударов, замерли в бездействии. Одни угрюмо смотрели вперед, другие поспешно перешнуровывали сапоги. Кто-то смачивал водой горло, кто-то справлял нужду. Затем все разом сняли с плеча щиты, распутали завязки на ножнах, вложили топоры в руку, держащую щит, а в другую, сильную руку взяли наперевес копьё. При полной тишине они развернули строй в два ряда, полностью перегородив дорогу, края которой раскисали от подступавшего болота. По одному резкому окрику Сигварда все дружно зашагали вперед; воины, занявшие места с флангов, стали понемногу отставать, пока наконец строй не принял очертания широкой и короткой стрелы, направленной на английских ополченцев. На ее острие находился сам Сигвард. Вслед за ним, во главе отборной дюжины воинов, шел его сын Хьёрвард. Как только будет смят строй англичан, они прорвутся за их спины и начнут ударами с тыла истреблять всех и каждого, обращая минутное замешательство противника в кровавое побоище.

Англичане встречали викингов, выстроившись в неровные шеренги по три-четыре человека и, в свою очередь, постаравшись перегородить дорогу. С лошадьми они расстались легко — бросили поводья и повернулись к животным спиной, а те либо остались стоять поблизости, либо рысцой направились восвояси. Затерявшись среди них, потихоньку стали удаляться и некоторые ополченцы. Таких было немного. После трех лет войн и набегов многие англичане не прочь были расквитаться за старое, и уж никто не хотел быть выставленным на посмеище соседям. Люди, в силу своего по-

ложения посчитавшие это своим правом, испустили воинственные вопли. Никто, однако, не раздавал приказов. Бросив взгляд по сторонам, Шеф обнаружил, что вместе с ним за спиной тяжелооруженных дворян осталось совсем немного ополченцев. По мере того как стрела викингов подступала все ближе, люди начинали пятиться врозь. Лишь самые отчаянные вознамерились принять бой там, куда падет вся тяжесть удара в случае, если дрогнут Вульфгар и его товарищи. Считалось, что строй клином придуман воинственным божеством викингов. Что же будет, когда этот клин ударит?

Из английских шеренг одна за другой полетели вперед пики. Некоторые падали перед строем наступающих, другие отшвыривались прочь взмахами их щитов. Вдруг все викинги одновременно припустили трусцой. Потом один большой шаг, другой, третий, передние воины отводят руку, и в следующее мгновение шквал дротиков с воем обрушивается на англичан, прикрывающих середину строя. Шеф видит, как стоящий в двух шагах от него Эдрик искусно подсекает копьё набалдашником щита, и оно, перелетев через его голову, падает оземь далеко за их рядами, а по другому бьет с такой силой, что оно зарывается в землю у его ног. В другой шеренге один из дворян резко опускает щит, преграждая путь нацеленному в живот дротику, но тут же глухо хрипит и валится набок, увлекая за собой другой дротик, что распорол ему подбородок и глотку. Какой-то общинник проклинает все на свете, потому что в его щит вонзаются сразу три копья, и он теперь яростно колотит по ним мечом, затем судорожно пытается продеть локоть сквозь ремень и избавиться наконец от сковавшего его руку бремени. И едва ему удастся это сделать, как клин викингов вгрызается в английские шеренги.

На глазах у Шефа вожак викингов размахнулся и обрушил страшной силы удар на Вульфгара. Англичанин успел прикрыться щитом и постарался ответить стремительным выпадом. Но викинг, в мгновение ока изготавившись, уже наносил следующий удар, на сей раз сплеча. И вновь Вульфгар сумел защититься. Пронзительно заскрежетали лезвия обоих мечей, но англичанин уже с трудом сохранял равновесие. Внезапным движением викинг ткнул его в лицо рукоятью меча, затем ударил его по ребрам щитом и, навалившись всем весом, поверг противника на землю. В то мгнове-

ние, когда он отступил на полшага, чтобы закончить дело, рядом с ним оказался Шеф.

Для человека своего телосложения викинг обнаружил необычайную проворность. Отскочив на шаг, он тут же направил удар на незащищенную макушку юноши. За те несколько не поддающихся учету мгновений, в течение которых он наблюдал за схваткой, Шефу стали ясны две очень важные вещи. Первое: во время поединка в каждое движение надо вложить все силы без остатка, чему, даже помимо воли, не должны помешать ни выучка, ни усвоенный навык. Нажитые трудом молотобойца мускулы отвели в сторону удар викинга. Второе: в бою за одним ударом без промедления следует другой. Пока викинг замахивался повторно, Шеф уже изготовился. На этот раз мечи противников встретились над их головами. Лязг, оглушительный щелчок, взрывающийся вверх обломок меча. «Не мой, — успевает подумать Шеф, — не мой». Он делает шаг и, не помня себя от восторга, колет викингу в область паха.

Какая-то сила теснит его в сторону, потом тащит куда-то назад. Едва не упав на колени, он с трудом обретает равновесие. И вновь могучий Эдрик отталкивает его, что-то ревет ему на ухо. Растерянно озираясь, Шеф замечает, что, покуда он дрался с вожаком, клин викингов раздвоил ряды оборонявшихся. Полдюжины английских лордов без движения лежат на земле. Вульфгар еще стоит на ногах, пятится с искаженным лицом к Шефу, но его обступают викинги, теперь свободно проникающие через пробитую брешь в тыл англичан. Шеф начинает что-то кричать, бешено потрясать над головой мечом, призывать самых смелых викингов потягаться с ним силой. На одно короткое мгновение взгляд его встречается со взглядом датчанина. Затем воин, решая не отступать от приказа, разворачивается налево, чтобы, внедрясь в разреженное пространство, расширить участок прорыва и втоптать в болото беспомощных, зажатых на флангах англичан.

— Удирай, паренек! — зарычал Эдрик. — Мы разбиты. Тут уже все кончено. Поторопись, мы еще можем уйти!

— Но здесь мой отец! — Шеф рванул вперед в попытке ухватить Вульфгара за перевязь и повернуть его назад.

— Поздно. Ему уже не помочь. — И правда. Меч неприятеля на сей раз опустился на шлем оглушенного тана. Тот

сделал несколько неровных шагов вперед и тут же был поднят одолевшей его вражьей силой. Викинги, проникая в брешь, по-прежнему разбегались всеоружно в разные стороны, но в любой миг некоторые из них могли броситься вперед, чтобы добить пару уцелевших англичан. У Шефа перехватило горло, и, задышавшись, он поспешил скрыться.

— Чертовы недоумки. Эти рекруты ничего толком не умеют. Все было ясно с самого начала. Хватай лошадь, паренек.

Еще пара мгновений, и скакун галопом мчит Шефа туда, откуда он совсем недавно явился. Так закончился для него первый бой.

И покидает он его спустя всего несколько секунд после того, как нанесен был первый удар.

Глава 4

От порыва утреннего ветерка закачались камышовые маковки. Вот они зашевелились снова, и на краю болота показался Шеф. Цепким взглядом он окинул округу. Но рейдеров, похоже, здесь больше не было.

Он повернулся и, пройдя вброд через камышовые заросли, ступил на тропинку, которую ему удалось разыскать вчера на исходе дня. Крохотный островок был со всех сторон надежно прикрыт невысокими деревьями. Эдрик, королевский тан, поедал холодные остатки их вечерней трапезы. Он вытер о траву жирные пальцы и выжидательно посмотрел на юношу.

— Вокруг ни души. Все тихо. Дыма тоже не видать...

Они бежали. Бежали затем, чтоб спасти свои жизни, ибо сражение было проиграно. Погоня за ними не велась. Они бросили коней и затерялись в болотах. Они нашли себе здесь ночлег — и, странное дело, ночь эта показалась Шефу самой покойной и тихой за всю его жизнь. Правда, помимо радости, принесла она и чувство вины. То был островок благополучия в океане невзгод и страданий. В этот вечер его не поджидала работа, при всем желании ему нечем было занять руки. Единственная задача сводилась к тому, чтобы найти себе убежище, укрыться от врагов и постараться создать себе все мыслимые удобства. Шеф углубился в болото и спустя недолгое время отыскал сухой клочок земли, взятый со всех

сторон в кольцо непролазной топь. Нечего было и думать, чтобы сюда мог проложить себе дорогу чужак. Поставить шалаш из тростника, которым жители болот стелют себе кровли, было минутным делом. В стоялой воде они поймали в силки угрей, и Эдрик, долго не раздумывая, заявил, что они могут смело разжечь костер. Викингам есть куда приложить руки, так что им вряд ли захочется гулять по пояс в трясине из-за какой-то струйки дыма над болотом.

Впрочем, когда начали сгущаться сумерки, небо над ними заволокло слоями дыма.

— Рейдеры собрались домой, — промолвил Эдрик. — Так они сообщают о своем уходе.

Шеф осторожно осведомился, приходилось ли тому когда-то раньше бежать с поля боя. Жгучая тревога каждый раз брала его сердце в тиски, стоило в его памяти возникнуть накрытому шквалом врагов отчиму.

— И не один раз, — отвечал Эдрик совсем по-товарищески, вполне в духе этого диковинного, выхваченного из времени дня. — Только не называй это боем. Так, мелкая стычка. Но я часто в своей жизни уносил ноги. Слишком часто. И если бы сегодня все сделали то же, что и мы, мертвецов было бы куда меньше. Когда мы держим строй, мы не так уж много теряем людей, но уж коли викинги пробили брешь, — начинается резня. Надо просто на минутку задуматься и понять, что каждый человек, который сегодня сохранил себе жизнь, завтра возьмет в руки меч и будет драться с ними уже на равных. Беда только в том, — молвил он с мрачной усмешкой, — что чем чаще это случается, тем меньше наши люди хотят испытать себя в сечи. Они теряют веру в себя. И совсем не нужно проигрывать битвы. Сегодня нас разбили потому, что ни у кого ни силы, ни смекалки, чтобы драться по-настоящему, не было. Если бы люди десятую часть времени, которое они потом воют и причитают, тратили, чтобы подготовить себя к бою, нам бы просто не пришлось думать о том, как сберечь силы для новой сечи. Есть же такая поговорка: хочется рыбку съесть, да не хочется в воду лезть. А теперь покажи-ка мне свой клинок.

Стараясь не измениться в лице, Шеф извлек меч из полинялых кожаных ножен. С недоверчивым выражением Эдрик повертел его в руках.

— А выглядит как топорик садовника, — пробурчал он. —

Или как тесак рубщика камыша. На оружие это не похоже. Не пойму, как об него викинг себе меч расколол.

— Это — добрый клинок, — объяснил Шеф. — Может, даже лучший в Эмнете. Я сделал его сам. Выковал его из полосок разных металлов. В основном это полоски из мягкого железа. Я выплавил их из крицы, которую привозят нам с юга. Но есть тут и слои твердой стали. Тан из Марча дал мне когда-то отличные наконечники от копий в уплату за одну работу. Я расплавил их, выковал из них полосы, а потом скрутил железные и стальные полосы и из этого выковал себе клинок. Железо придает лезвию гибкость, а сталь — силу. К одной стороне клинка, которая должна рубить, я приварил лезвие из самой твердой стали, какую мне удалось разыскать. На всю работу от начала до конца мне пришлось потратить всего четыре мешка с углем.

— И после такой работы клинок у тебя получился коротким, да и заточен он с одного только края. Словно это и впрямь тесак, а не оружие. Сделал простую рукоять из бычьей кости, а покрыть ее наверху не догадался. Оставишь меч в сырости без ножен, и он у тебя заржавеет.

Шеф лишь пожал плечами.

— Если я вздумаю показаться на глаза людям Эмнета с оружием воина, у которого будет сияющее лезвие со змеиным орнаментом, я с ним быстренько расстанусь. А ржавчина на лезвии только помогает скрыть цвет металла. Я слежу за тем, чтоб она его не слишком разъедала.

— Ты мне напомнил о втором вопросе, который я собирался тебе задать. Молодой тан сказал, что ты — не свободный. И ведешь ты себя так, словно от кого-то скрываешься. Но Вульфгара ты почему-то назвал своим отцом. Здесь какая-то тайна. Видит Бог, таны приживают себе детишек там, где им вздумается. Но что-то не слышно было, чтобы они хотели обратить их в рабов.

Этот самый вопрос Шеф слышал десятки раз, и в иное время и в ином месте он вряд ли потрудились бы на него ответить. Но на этом затерянном в непроходимом болоте островке они говорили друг с другом как равные, начисто позабыв о разнице в своем положении, и слова сами просились на уста.

— Вульфгар — не мой отец, хотя так я его называю. Восемнадцать весен назад на эти места совершили налет викинги. Вульфгар тогда бежал из Эмнета, но моя мать, леди

Трит, осталась здесь с грудным младенцем на руках, Альфгаром, моим единоутробным братом. Когда явились рейдеры, один из слуг сумел ночью вынести из деревни Альфгара, но мать поймали...

Эдрик медленно кивнул. Знакомая история. Но ответа на вопрос так и не было. В этих случаях действует свой порядок, во всяком случае, в отношении сильных мира сего. Муж вполне мог надеяться на то, что спустя некоторое время к нему дойдет весточка с невольничьих рынков Хедеби или Каупанга о том, что за леди такую-то просят выкуп, и называлась цена. Если же этого не происходило, он вправе был объявить себя вдовцом, жениться повторно, доверив серебряные браслеты новой избраннице, которой предстояло теперь воспитать ему сына. Иногда, впрочем, отлаженный этот порядок мог быть лет через двадцать расстроен появлением некоей выпцветшей старухи, которая, покуда могла быть кому-то полезна, оставалась на Севере, а потом умудрилась, один Бог знает как, рассчитаться и с капитаном судна, который доставил ее к родным берегам. Такое случалось, но не часто. Но все это равным образом не объясняет существования сидящего перед ним юноши.

— Всего через несколько недель мать вернулась. Она была беременна мною и клялась, что отцом моим стал сам ярл викингов. Когда я родился, она хотела назвать меня Хольфденем, ведь во мне половина крови — датская. Но Вульфгар проклял ее и заявил, что именем этим звали одного героя, короля, основавшего род Шилдингов, от которого ведут родословную короли Англии и Дании. Не по мне была такая честь. И назвали меня собачьим именем — Шеф.

Рассказчик опустил веки.

— Вот потому-то ненавидит меня мой отчим. Он хочет сделать меня рабом, чтобы все получил брат мой, Альфгар, а я бы остался ни с чем.

Многое в этой истории он утаил от слушателя: ни слова не сказал о том, как понуждал Вульфгар свою беременную жену выпить ядовитого зелья, которое убило бы младенца в ее утробе. О том, что спасло его лишь вмешательство отца Андреаса, который со всей страстностью воспротивился детоубийству, пусть даже то было дитя викинга. Как Вульфгар, снедаемый неистовым гневом и ревностью, завел себе наложницу, от которой явилась на свет прекрасная Годива, так

что в конце концов в Эмнетеросло сразу трое детей: законнорожденный Альфгар, Годива, дочь красавицы рабыни, и он, Шеф, сын Трит и викинга.

Ручнойковки клинок перешел от королевского тана обратно в руки хозяина. Загадка так и не прояснилась. Как же удалось бежать этой женщине? Викинги — не самые беспечные работоторговцы.

— А как звали того ярла? — спросил он. — Который стал...

— Моим отцом? Мать говорит, что его звали Сигвард. Ярл с Малых островов. Знать не знаю, где это.

Посидев с минуту молча, они устроились поудобнее и заснули.

* * *

К вечеру следующего дня Шеф и Эдрик, поминутно озираясь, выбрались из зарослей камыша. С полными желудками, невредимые, приближались они к тому месту, где еще вчера стоял Эмнет.

Сожжены были все дома; от некоторых оставались только курганы пепла, другие ошетинились почерневшими балками. Не было больше ни усадьбы тана, ни окружавшего ее частокола, не было ни церкви, ни тесных мазанок, в которых ютились свободные, ни пристроек с односкатной крышей и землянок, служивших пристанищем рабам. Мимо пепелищ с отсутствующим видом ковыляли люди, шарили палками в пепле или присоединялись к группе, уже собравшейся у колодца.

Когда они подошли ближе, Шеф окликнул Трудю, находившуюся в услужении у его матери.

— Расскажи мне, что здесь было. Остался ли кто-то...

Жуткий, оцепеневший взгляд, каким она, покачиваясь, разглядывала его, уцелевшего мужчину, при котором был меч и щит, заставил его умолкнуть.

— Пойди... пойди к своей матери...

— Мать осталась здесь? — Слабый лучик надежды вспыхнул в его сердце. Может ли быть, что и другие находятся здесь же? Удалось ли спастись Альфгару? А Годива? Что случилось с Годивой?

Служанка, неуклюже припадая на одну ногу, повела их за собой.

— Что у нее с походкой? — недоуменно пробормотал Шеф, глядя, как судорожно она ковыляет.

— Изнасиловали, — коротко бросил Эдрик.

— Да... Но ведь Труды — не девственница...

Эдрик ответил ему на незаданный вопрос:

— А насилуют по-разному. Например, четверо мужчин растягивают женщину в разные стороны, а пятый получает свое. Сухожилия рвутся, иногда и кости ломаются. А если она попытается вырваться, будет еще больнее.

Шеф вновь подумал о Годиве и стиснул рукоятку щита так, что хрустнули суставы. Видать, не только мужчинам приходится расплачиваться за проигранные сражения.

Они молча проследовали за хромой Трудой к наскоро сооруженному убежищу: на полуобгоревшие балки были наброшены доски, другим своим концом упирающиеся в уцелевший участок изгороди. Дойдя до убежища, она заглянула внутрь, что-то негромко сказала и взмахом пригласила их зайти.

На подстилке из отрезков старой мешковины покоилась леди Трит. По запечатленному на ее потухшем лице выражению муки, по тому, как неловко раскинула она руки и ноги, нетрудно было догадаться, что ей пришлось разделить участь Труды. Шеф упал на колени. Рука матери коснулась его волос.

Слова ее было нелегко разобрать. Страшные воспоминания, казалось, отнимали у нее последние силы.

— Нас никто не предупредил об их приходе. Никто не успел пальцем пошевелить. Мужчины прискакали сюда сразу после битвы. Они никак не могли решить, что делать дальше. Эти свиньи похватили нас, пока те еще спорили. Они заявились сюда так быстро, что не все сразу поняли, в чем дело...

Подступившая боль заставила ее на минуту умолкнуть. Она остановила на сыне невидящий взор.

— Это звери... Всех, кто пытался им сопротивляться, они поубивали. Всех остальных они согнали и построили около церкви. К тому времени начал накрапывать дождь. Сначала они отобрали молодых и хорошеньких девочек, затем некоторых мальчишек. Для невольничьих рынков. А потом... они вывели пленников, захваченных в битве... и тогда...

Голос ее задрожал. Она подтянула к глазам замызганный кровью фартук.

— Тогда они заставили нас смотреть...

Голос ее захлебнулся в рыданиях. Через пару мгновений, будто бы о чем-то вспомнив, она неожиданно вздрогнула, сжала ладонь Шефа и впервые заглянула ему в глаза.

— Шеф, это был он. Тот самый, что был здесь в прошлый раз.

— Ярл Сигвард? — хрипло выговорил Шеф.

— Да. Твой... твой...

— Скажи, какой он из себя? Большой темноволосый человек с белыми зубами?

— Да. И вся рука унизана золотыми браслетами...

Замелькали в памяти мгновения боя. Сухой треск расколовшегося надвое клинка. Восторг, с которым он делает шаг и колет врага. Значит ли все это, что Бог уберет его от совершения страшного греха? Но если это так — куда же смотрел Бог потом?

— Разве он не смог защитить тебя, матушка?

— Нет. Он даже не попытался. — Голос Трит вдруг обрел твердость и непреклонность. — Когда они показали нам... то, что хотели, он разрешил им разойтись и сказал, что они могут грабить и развлекаться, пока не услышат звук рожка. Они разобрали себе рабов, привязали их друг к другу, а остальных — Труды, меня, всех тех, кого они уводить не захотели, — стали передавать из рук в руки... Потом он узнал меня, Шеф, и вспомнил! Я просила его только о том, чтобы он оставил меня для себя и не давал бы другим, но он рассмеялся и сказал, что... Сказал, что теперь я — старая курица, а не цыпленок, а куры, дескать, сами должны о себе позаботиться. Особенно те, которые летать умеют... И они потешались со мной так же, как с Трудой. Нет, мне досталось больше — они знали, что я — леди, и некоторым это показалось ужасно забавным. — Душевная мука и ненависть исказили ее лицо, заставили на минуту позабыть о страданиях тела.

— Но я ему кое-что сказала, Шеф! Я сказала, что у него есть сын. И что когда-нибудь он разыщет и прикончит его...

— Я все для этого сделаю, матушка... — Шеф замолчал, не решаясь задать следующий вопрос. Стоящий за его спиной Эдрик заговорил первым:

— Что они вам показали, леди?

И вновь рыдания заглушили ее слова. Не в силах более говорить, она лишь махнула рукой куда-то в сторону.

— Пойдемте, — молвила Труда. — Покажу вам, каково оно, милосердие викингов.

Пройдя вслед за ней через спаленный деревенский луг, они очутились у другого навеса, сооруженного у полуобвалившейся усадьбы тана. Рядом толпилась кучка поселян. Время от времени от нее отделялся человек, заглядывал внутрь и поспешно выходил наружу. Выражение, написанное на их лицах, было не просто разгадать. Горе? Злоба? Эти люди, решил Шеф, сражены каким-то жутким зрелищем.

Под укрытием стояла наполовину набитая сеном лошадиная кормушка. Шеф тут же узнал русые волосы и бороду Вульфгара. Впрочем, находящееся между ними бледно-восковое лицо с приплюснутым носом, выпирающими сквозь кожу костями принадлежало, казалось, труп. И однако, тело это продолжало жить.

В первое мгновение Шеф не мог взять в толк, каким образом Вульфгар смог уместиться в лошадиной кормушке. Громадный человек, не меньше шести футов ростом. А кормушка — это Шеф помнил с первых порок своего детства — самое большее — пять... Здесь чего-то не хватает.

У Вульфгара какая-то беда с ногами. Колени его почти упираются в дно кормушки, но под ними виднеются только какие-то нелепые тряпки. Они в несколько слоев обмотаны вокруг культей. Спекшиеся разводы крови и гноя. Ударяет в нос запах разлагающейся плоти. Пахнет еще чем-то жженым.

С нарастающим ужасом Шеф замечает, что у тела этого также нет рук. То, что от них осталось, сложено у Вульфгара на груди. Обе культи перевязаны чуть пониже локтей.

За их спинами тихо лепечет голос:

— Они согнали всех нас к церкви, а потом вывели его. Бросили на бревно и топором отрубили руки и ноги. Сначала рубили ноги. Каждый раз они прижигали культю каленым железом, чтобы не дать ему умереть от потери крови. Он проклинал их, грозил расплатой, но затем начал умолять оставить ему хотя бы одну руку, чтобы он смог потом сам донести до рта кусок пищи. Они только посмеялись. А самый главный, ярл, сказал, что все остальное они ему оставят. Оставят глаза, чтобы он мог видеть красивых женщин, яички,

чтобы он не перестал их желать. Но только никогда ему уже будет не спустить с себя штаны.

Никогда и ни в чем ему не обслужить себя самому, сообщил Шеф. Теперь во всех своих потребностях и отправлениях он целиком будет зависеть от других людей.

— Они сделали из него то, что они называют *хеймнар*, живой труп, — проронил Эдрик. — Слышал я об этом и раньше. Только видеть пока не приходилось. Ладно. Не мучь себя, паренек. Заражение, адские боли, потеря крови. Долго он не протянет.

Вдруг, онемев от ужаса, оба почувствовали на себе застывший, источающий бесконечную злобу взор. Приоткрылись губы, и сухим змеиным шелестом коснулись их слуха слова:

— Труссы, беглецы... Ты убежал и бросил меня, мой мальчик. Этого я не забуду. И ты, королевский тан. Пришел сюда увещевать нас, призывать к оружию... Но где же ты был, когда сражение закончилось? Ну ничего, вы за меня не бойтесь. Я буду жить, чтобы за меня отместили вам обоим. И твоему отцу, мой мальчик. Напрасно я когда-то вскормил его выродка... И пригред заноу его шлюху...

Глаза закрылись, голос умолк. Шеф и Эдрик вышли из-под навеса. Снова начинал накрапывать дождик.

— Не понимаю... — сказал Шеф. — Зачем им понадобилось это делать?

— На это я тебе не могу ответить. Но одно я знаю точно. Когда об этом узнает король Эдмунд, гнев его будет страшен. Грабежи и убийства во время перемирия — это уже стало привычно. Но сделать такое с одним из его приближенных, бывшим товарищем... Сначала он будет колебаться, ему придет в голову, что с преданными людьми надо обходиться бережнее. А потом, скорее всего, решит, что честь обязывает его свершить дело мести. Но это будет непростое решение... Хочешь поехать со мной, паренек? Сообща принесем королю эти вести... Тебя здесь за свободного не держат, а мне-то ясно, что из тебя выйдет воин. В Эмнете тебе больше нечего делать. Поедем со мной. Будешь мне прислуживать, пока не найдется для тебя хорошая кольчуга и добрый шлем. Если ты сможешь устоять в бою против самого ярла язычников, король включит тебя в свою свиту и не вспомнит о том, кем ты был в Эмнете.

Тяжело опираясь на посох, к ним подошла леди Трит. И Шеф наконец задал вопрос, пылавший в его мозгу с того самого мгновения, когда он увидел первый дымок над поверженным Эмнетом.

— Годива... Скажи мне, что они сделали с Годивой?

— Ее выбрал себе Сигвард. Они увезли ее в свой лагерь.

Шеф повернулся к Эдрику. Твердо, без всякого намерения оправдаться он прознес:

— Меня считают рабом и изменником... Скоро я буду и тем и другим. — Он сорвал с ремня пряжку, и щит грохнулся оземь. — Я отправляюсь в лагерь викингов под Стауром. Лишний раб им не помешает. А мне нужно что-то сделать, чтобы спасти Годиву.

— Ты не проживешь и недели, — сдавленным ледяной яростью голосом проговорил Эдрик. — И слохнешь, как предатель. Предатель своего народа и короля Эдмунда. — И, резко развернувшись, он зашагал прочь.

— И Господа нашего Иисуса Христа, — добавил вышедший на свет из убежища отец Андреас. — Ты же видел дела язычников. Лучше быть рабом у христиан, чем королем среди таких, как они.

Шеф понял, что решение он принял сгоряча — даже чересчур сгоряча, если сказать всю правду. Но, раз решившись, он обречен был идти до конца. В голове теснилась круговерть мыслей. «Я пытался убить своего отца. Я оставляю своего приемного отца влачить жизнь растения. Мать моя будет ненавидеть меня за то, что сделал мой отец. Я потерял надежду обрести свободу, человека, который мог бы стать моим другом».

Только мысли эти сейчас ему не помогут. Все это сделано ради Годивы. Теперь он должен довести начатое до конца.

* * *

Боль буравила мозг, в ноздри въедался дым, а под самым телом что-то отчаянно барахталось. В ужасе Годива проснулась и шарахнулась было в сторону. Девушка, на которой она лежала, жалобно захныкала.

Взор ее понемногу привыкал к темноте. Оказывается, она находится в повозке. Повозка со скрипом переваливается из лужи в лужу. Через тонкий парусиновый верх в загр-

можденное человеческими телами пространство сочится свет. Девушки из Эмнета вповалку лежат друг на дружке. Ни на минуту не смолкает разноголосое стенание. Маленькое квадратное оконце на задней стенке вдруг темнеет, являя взору бородатую голову. Рыдание тут же сменяют визги: девушки судорожно вцепляются подругам в плечи, прячут головы за их спинами. Но голова лишь глумливо усмехнулась, сверкнув ослепительным оскалом, погрозила им взмахами бороды и скрылась.

Викинги! К Годиве сразу вернулась память. Пронеслись все события минувшего дня. Ватага воинов, паника, побег в полубеспамятстве через болота, возникший на ее пути мужчина, который хватает ее за юбку, всепроникающий ужас, охвативший ее, когда в первый раз в скудной на события жизни ее прижимает к себе взрослый мужчина...

Рука ее медленно скользнула к бедрам. Что они сделали с ней, пока она была без сознания? Голова раскалывалась надвое, однако тело не ведало ни муки, ни раздражения. Она девственница. По-прежнему девственница. Не могли же они ее изнасиловать так, чтобы она потом ничего не почувствовала?

Заметив ее движение, одна из девиц, дочь батрака, с которой как-то вздумалось поиграть Альфгару, процедила с плохо скрываемой злобой:

— Не бойся, они нас пока не трогали. Они же должны продать нас невредимыми. И тебя, девицу, тоже. Пока они не найдут тебе покупателя, можешь за себя не бояться. Ну а потом с тобой будет то же, что и со всеми нами.

Воспоминания обретали стройность. Заполненная поселениями площадь, которую со всех сторон оцепили викинги. На площадь втаскивают отца, он кричит, предлагает отпустить его в обмен на что-то... Потом — полено. Леденящий ужас, когда к распластанному у бревна отцу подступил человек с топором, и она понимает, чем он сейчас займется. Да... С воплем она кидается вперед, хочет выпарапать глаза их главному воину. Но ее ловит другой, которого тот зовет сыном. Теперь что? Робким касанием она ошупала голову. Опухоль. Сбоку от нее — пронизывающая боль. Но осмотрев пальцы, она не увидела на них крови. И тут же явилось воспоминание: викинг ударяет ее мешком с песком.

Не ей одной довелось подвергнуться такому же обраще-

нию: разбойники были не новички в своем деле и без долгих разговоров управляли человеческим стадом. В начале набега, действуя мечами и топорами, пиками и щитами, они очищали деревню от оставшихся в ней мужчин. Но следующие жертвы надо было оглушать, а для этого не сгодились бы даже обух топорика или тупая сторона меча. Удар может пойти вкось, раздробить череп, отхватить часть уха, еще как-нибудь покалечить товар. Даже кулак здесь не выход. К тому же пущенный в ход с плеча мужчины, привычного бороться веслом с волнами. Кто же купит девчонку с перебитой скулой или свернутой на сторону челюстью? Разве что скряги с каких-нибудь далеких островов, но только не купцы, которые закупают товар для Испании или для привередливых дублинских королей. А потому в команде Сигварда — как и во многих других — люди, ответственные за доставку рабов, держали у себя под перевязью или приторачивали к щитам продолговатые колбаски из добротного прошитой холстины и плотно набитые сухим песком, который отыскивали в особых местах по дюнам Ютландии или Сконе. Стоит хорошенько тяпнуть такой колбаской — и товар будет лежать смиренно, во всяком случае, лишних хлопот не доставит. Ни риска, ни убытков.

Сдавленным от страха голосом девушки начали перешептываться. Они рассказали Годиве, что случилось с отцом. Потом она услышала о судьбе Труды, Трит и остальных. О том, как всех их погрузили в эту телегу и повезли по дороге, ведущей к побережью. Что-то их ждет теперь?

* * *

К вечеру следующего дня Сигвард, ярл с Малых островов, также ощутил приступ хандры, хотя по гораздо менее очевидной причине. Желудок его урчал, наполненный отборной английской говядиной, рука сжимала кубок с элем. Развалившись в удобной позе за столом, накрытым для ярлов в огромном шатре армии сынов Рагнара, он слушал, как сын его, Хьёрвард, повествует об их походе. Тот был еще совсем юным воином, но говорить умел хорошо. Приятно, что другие ярлы, и сами Рагнарссоны, видят, что у него есть молодой крепкий мальчик, с которым в будущем придется считаться.

Что же тогда было не так? Не из тех Сигвард был людей, что любят ворошить воспоминания, однако прожил он на свете немало лет и знал, что не стоит отмахиваться, когда от надвигающейся угрозы пробегают по телу мурашки.

Возвращение прошло на редкость гладко. Поезд с людьми и добычей он повел не обратно к Узу, а к речушке Нин. А воины, оставленные стеречь корабли на иловой отмели, обменивались тем временем с подоспевшими англичанами издевками, иногда, забавы ради, стрелами, наблюдали за тем, как те упорно стягивают силы — гребные шлюпки и рыбацкие лодки всех мастей, — а затем, в условленное время, втащили легкие якоря в ладьи и спокойно спустились с отливной волной вниз по реке, а дальше прошли под парусами вдоль побережья к оговоренному месту встречи, оставив англичан изнывать в бессильной ярости.

Да и собственный его путь к тому месту также прошел вполне успешно. Самое же важное заключается в том, что ему удалось в точности выполнить указание Змеиного Глаза: каждое поле, каждая крытая тростником кровля предавалась огню. Не было колодца, который не забросали бы напоследок трупами. Уроков на будущее — сколько душе угодно. Вполне жестоких. Остались пригвожденные к деревьям. Остались изувеченные, которым еще хватит сил рассказать, что они видели и пережили.

«Делай так, как поступил бы на твоём месте Ивар». Так сказал ему Змеиный Глаз. Что ж, коль речь зашла о жестокости, Сигвард и не чаёт состязаться здесь с Бескостным, однако никто его не упрекнет в том, что он плохо старался. Поработал он на совесть. А земля эта еще несколько лет будет приходить в себя.

Нет, не эти воспоминания уязвляют его. Они-то как раз способны утешить. Если и впрямь есть какая-то червоточинка, то надо искать ее раньше... Скрепя сердце Сигвард вынужден был признать, что тревогу его рождает память о той самой стычке в начале похода. Четверть века ходит он в битву перед строем своих воинов, сотня человек пала от его рук, тело его иссечено рубцами и шрамами. Да и эта схватка ничего, кроме легкой разминки, не предвещала. Но так не случилось. В этот день, как обычно, безо всякого труда прорвался он сквозь первый ряд англичан, едва ли не брезгливо отшвырнул прочь вставшего у него на пути светловолосого

тана и готов был продаться через вторую линию, тоже, по обыкновению, разрозненную и неуправляемую.

И вдруг, словно из-под земли, прыгнул на него этот мальчишка. У него ни шлема, ни нормального меча не было. Недавно освободившийся раб или беднейший из детей батрака. Но дважды он отражал его удары, а на второй раз его собственный меч сломался надвое, а сам он, потеряв устойчивость, отвел руку со щитом. И если уж договаривать все до конца, заключил Сигвард, если б это была схватка один на один, лежать бы ему сейчас в сырой земле. Спасли его только навалившиеся с обеих сторон воины. Вряд ли, конечно, кто-то обратил внимание, и, однако, если только это так... тогда какие-нибудь сорвиголовы, те, которые идут за ним в первом ряду, или просто неугомонные забияки могут прямо сейчас, когда он выйдет из-за стола, бросить ему вызов.

Сможет ли он устоять против них? Достаточно ли силен Хьёрвард, чтобы они побоялись его последующей мести? Возможно, он уже немолод и для настоящего дела не годен. Если уж он не смог совладать с едва вооруженным мальчишкой, притом англичанином, то так оно, должно быть, и есть.

Во всяком случае, сейчас он сделает одну разумную вещь. Заручиться расположением Рагнарссонов никогда не помешает. Хьёрвард уже почти закончил рассказ. Сигвард повернулся на стуле и кивнул двум своим оруженосцам, которые стояли у входа в шатер. Кивнув в ответ, те поспешно удалились.

— ...а достигнув берега, мы подожгли телеги, бросили туда пару керлов, которых отец мой в своей мудрости прихватил заранее, и принесли жертву Эгиру; потом забрались в ладьи, прошли вдоль берега к устью реки — и вот мы перед вами! Мы, люди с Малых островов, ведомые славным ярлом Сигвардом, и я, его законный сын Хьёрвард, служим вам, сыновья Рагнара, и готовы сражаться дальше!

Стены шатра содрогнулись от взрыва рукоплесканий, громахания кубков, лязганья ножей. Такое начало войны согрело души воинов.

Змеиный Глаз встал и посмотрел на Сигварда.

— Мы говорили тебе, что всю добычу ты можешь оставить себе. И ты это заслужил. Поэтому не бойся, расскажи нам, что тебе на сей раз перепало. Расскажи, много ли ты

унес? Достаточно ли для того, чтобы купить себе домик в Зеландии?

— Немного, совсем немного. Ферму на это не купишь, — произнес Сигвард, стараясь перекричать вой недоверчивых. — С этих нищих танов одна мелкая пожива. Вот подождите, когда великая, непобедимая Армия порезвится в Норидже! Или в Йорке! Или в Лондоне! — Теперь уже всюду звучали вопли одобрения. На губах Змеиноглаз мелькнула улыбка. — Надо бы нам выпотрошить золотишко из монастырей. Вот где его полно! Жрецы-христиане выкачали его из этих олухов с юга. А здесь, в деревнях, золота нет, да и серебра — мало... Но кое-что мы все-таки прихватили, и я готов сейчас поделиться лучшим. Дайте-ка я покажу вам самый лакомый кусочек!

Он повернулся и подал знак своим дружинникам. Те провели между столами кого-то, целиком скрытого под накинутым на голову и подвязанным веревкой мешком. Подтолкнув ее к главному столу, воины одним движением перерубили веревку, а следующим стащили с головы мешок.

Щурясь на свет, перед ордой бородатых мужчин стояла Годива. Кто-то разинул рот, кто-то с силой сжал кулаки. Она отпрянула, завертела головой и вдруг встретилась взглядом с самым высоким из вождей, бледным человеком с застывшим лицом и студенистыми глазами, глазами, что никогда не мигали. Она вновь начала озираться и едва ли не с облегчением остановила взор на Сигварде, единственном, кого она здесь знала.

Среди этих звероподобных людей она была все равно что цветок среди замызанного сырой землей сорняка. Светлые волосы, шелковистая кожа, пухлые губы, ставшие еще более прелестными теперь, когда она их со страху приоткрыла. Сигвард вновь кивнул, и один из его людей ухватил за подол платья и принялся что есть силы раздирать его, пока наконец ткань не распоролась. Потом, не обращая внимания на ее крики и противодействие, он сорвал с нее платье. Кроме сорочки, на девушке ничего больше не было. Юное тело пожирало десятки взглядов. Обмирая от ужаса и стыда, она сложила на груди руки крест-накрест и уронила голову в ожидании своей участи.

— Ее я делить ни с кем не стану! — вскричал Сигвард. — Такую, если поделишь, можно испортить. А потому я хочу

подарить ее. С благодарностью и надеждой я дарю ее человеку, который отправил меня в этот поход. Пусть он наслаждается ею долго, бурно и счастливо. Я отдаю ее человеку, который, мудрейший во всей Армии, выбрал меня. Тебе я дарю ее. Тебе, Ивар!

Проревев последние слова, он воздел руку с кубком. Не сразу он сообразил, что в ответ он слышит не дружный рев, а только смущенное перешептывание людей, сидящих в самом дальнем конце стола, которые, как и он сам, знали Рагнарссонов недолго и пришли в Армию последними. Не было видно ни одного поднятого кубка. На лицах людей было написано смущение и недовольство. Некоторые отводили взгляды.

И вновь пробежал холодок по спине Сигварда. Может быть, надо было сначала спросить, подумал он. Может, есть тут какая-то загвоздка, о которой он не знает. Но только что может быть дурного в его поступке? Он дарил часть своей добычи, да такую ценную, что любой мужчина счастлив был бы ее принять, и делал это прилюдно и торжественно. Кому плохо от того, что он преподнес эту девочку — девственницу и такую красотку — Ивару? Ивару Рагнарссону. По прозвищу... да поможет ему всемогущий Тор... Почему у него такое прозвище?! Жуткая догадка осенила Сигварда. Ведь должно же быть объяснение этому прозвищу.

Бескостный.

Глава 5

Спустя пять дней после этих событий Шеф с товарищем приникли к земле. Со всех сторон от маленькой рощицы простирались открытые заливные луга. Чуть больше мили отделяло их от копошащихся в земле викингов. На мгновение выдержка им изменила.

Выбраться на волю из дымящихся развалин Эмнета оказалось совсем не сложно, хотя в любой другой день именно над этим должен был бы поломать себе голову беглый раб. Но Эмнету хватало своих забот. Так или иначе, никто не пожелал заявить свои права на Шефа, а Эдрик, который, вообще говоря, в силу своей должности мог бы воспрепятствовать англичанину переходить на сторону викингов, казался, решил умыть руки. Шеф без помех собрал свои скудные по-

житки, извлек запасы еды, что хранились в укромном погребке, и стал готовиться в дорогу.

И все-таки один человек его выследил. Пока он стоял и раздумывал, не пойти ли ему поклониться напоследок матери, он вдруг заметил в двух шагах от себя замершую на месте тощую фигуру. То был Ханд, друг его детских лет, по обоим линиям происходивший от рабов и, пожалуй, самый бесправный и обездоленный человек во всем Эмнете. И однако Ханда было за что ценить. Никто в округе — не исключая самого Шефа — так досконально не изучил болота. Ханд мог без единого звука подплыть к гнезду куропатки и вытащить оттуда самку. В вонючей душной халупе, в которой он ютился вместе с родителями и их бессчетным потомством, часто находил приют детеныш выдры. Рыба, казалось, сама прилипла к его рукам, и он не испытывал нужды ни в лесе, ни в сетях, ни в удочке. Не было растения, свойства и названия которого не знал бы Ханд. И хотя был он на две зимы моложе Шефа, простые жители деревни уже всюю обращались к нему как к лекарю или за целебным зельем. Со временем из него мог вырасти могущественный человек. Его бы уважали и боялись даже богачи и знать. Или бы попытались избавиться от него. Даже добрейший отец Андреас, которому Шеф обязан своим существованием, и тот несколько раз взирал на Ханда с опаской и подозрительностью. Мать Церковь не признает соперников.

— Я хочу пойти с тобой, — сказал Ханд.

— Это опасно.

Ханд ничего не ответил, что происходило всякий раз, когда он решал, что потребность в словах отпала. Ведь опасно было и оставаться в Эмнете. А объединившись, Шеф и Ханд, каждый на свой лад, могли оказать друг другу поддержку.

— Если ты пойдешь со мной, тебе придется снять с себя этот ошейник, — произнес Шеф, указывая на железный обруч, сомкнутый на шее у Ханда. — Сейчас самое время сделать это. До нас никому нет дела. Я принесу инструменты.

Стараясь не привлечь к себе внимания, они вышли из деревни и скрылись в болотах. Но и здесь избавиться от рабского хомута оказалось непросто. Хотя Шефу, который заранее заправил под ошейник тряпки, удалось распилить его, не соскоблив и не порезав кожу на шее Ханда, продеть теперь щипцы и таким образом разогнуть кольцо было еще труднее.

Наконец, потеряв терпение, он обмотал тряпками ладони, ухватился за ошейник, выгнул его разорванные концы в стороны...

На шее у Ханда под железным оказалось другое кольцо, из мозолей и рубцов. Бывший раб повертел в руках разомкнутый ошейник.

— Не знаю человека, который мог бы такое сделать, — заметил он.

— Нужда всему научит, — снисходительно бросил Шеф. И все же в глубине души он был польщен. Тело его налитو здоровой силой, он дерется один на один с могучим воином, а теперь он волен идти куда ему вздумается. Он, правда, еще не знает, как это сделать, но должен найтись способ вызвать Годиву, и только тогда он сможет смириться с несчастьями, постигшими его семью.

Без лишних слов они тронулись в путь. Но с первых же шагов их подстерегали опасности. Шеф допускал, что им придется сторониться любопытных, часовых, направляющихся к местам сбора рекрутов. И однако уже через несколько часов выяснилось, что вся Восточная Англия жужжит и мечется, как разрушенное осиное гнездо. По всем дорогам скакали верховые. У околицы каждой деревушки поджидали вооруженные отряды крестьян, подозрительно и враждебно встречавшие любого незнакомца. После того, как один такой отряд решил задержать их, оставив без внимания рассказ о том, что они посланы Вульфгаром одолжить у его родича скот, они вырвались и пустились наутек, увертываясь от пушенных вдогонку пик. Тогда им удалось быстро уйти от преследователей. Но было ясно, что все эти люди получили какой-то приказ и намерены ему следовать с необыкновенным единодушием. Казалось, самый воздух содрогается от людского гнева.

Последние два дня, когда начались поля, Шефу и Ханду приходилось, каждый раз долго, до изнеможения, передвигаться от изгороди к изгороди ползком. Животы собирали обильный слой грязи. Но и тогда они видели снующие мимо них патрули — верховые, под началом какого-нибудь тана или человека из королевской дружины, или же, что было самым неприятным, пешие, которые медленно, крадучись, ступали по полям, придерживали набитые тряпьем ножны, дабы не спугнуть недруга кланьем или скрежетом оружия,

тащили с собой луки и охотничьи пращи, ибо надеялись поразить его из засады. Естественно, они рассчитывали подкараулить викингов или, во всяком случае, удержать их от попыток разбойных вылазок. Но в то же время они с превеликим удовольствием схватили и прирезали бы горстку людей, если б им взбрело в голову принять их за приспешников или согладатаев викингов.

Лишь последние несколько миль дозоров поубавилось, и объяснялось это, как вскоре поняли оба, тем, что теперь они шли по местам, в которых хозяйничали разъезды викингов. Обойти их легче, но зато встреча с ними еще более опасна. Раз они заметили под сенью небольшой роши застывших в безмолвии мужчин — человек пятьдесят, все верхом, все при оружии, на плечи закинута огромные топоры; будто серые маковки лесных колючек, ошетинились боевые пики. Их и видать издалека, да и уйти нетрудно. Но только чтобы отбиться от них или заставить убраться восвояси, англичанам придется собрать целую армию. А деревенским дозорам лучше сюда не соваться.

И то были люди, милосердию которых они готовились довериться! Теперь все казалось сложнее, чем несколько дней назад в Эмнете. Поначалу у Шефа зародилось смутное желание явиться в лагерь и объявить, что он и есть сын Сигварда. Была, однако, слишком большая вероятность того, что он будет узнан даже после столь недолгой встречи, что была у него с отцом. Какая же злая судьба свела его в бою с единственным человеком во всем лагере, который мог бы принять их с миром! И вот теперь именно встречи с Сигвардом они должны избежать любым способом.

Примут ли викинги пополнение? У Шефа ныло сердце от предчувствия, что для этого потребуется нечто большее, чем решимость и меч собственной заточки. От положения рабов они, правда, не должны отказаться. И вновь у него защемило сердце. Сам-то он, пожалуй, еще сгодится как работник или гребец в какой-нибудь заморской стране. Но Ханд... Его достоинства в глаза не бросаются. Захотят ли викинги отпустить его, как рыбешку, из которой ухи не сварить? Или они найдут еще более легкий способ избавиться от лишней обузы? Прошлым вечером, когда они впервые разглядели очертания лагеря, от зорких глаз юношей не укрылась процессия, вышедшая за ворота лагеря. Воины вырыли яму, подкатали

скрипучую телегу и бесцеремонно вывалили вниз с дюжину тел. В пиратском лагере люди мрут как мухи.

Шеф вздохнул.

— За день ничего не изменилось... Но рано или поздно нам придется сдвинуться с этого места.

Ханд схватил его за плечо.

— Тихо. Послушай... Ты разве ничего не слышишь?

Юноши завертели головами. Откуда-то издалека нарастал гул. Голоса. Пение. Наконец они поняли, что звук доносится с другой стороны небольшой возвышенности, ярдах ста по их левую руку, где заливные луга постепенно смешивались с диким выгоном.

— Похоже на пение монахов из монастыря в Эли, — пробормотал Шеф. Дурацкая мысль. Монахов и священников теперь и за двадцать миль отсюда не сыщешь.

— Ну что, посмотрим? — спросил шепотом Ханд.

Вместо ответа Шеф медленно, с опаской пополз в сторону, откуда горланили зычные голоса. В этих местах никого, кроме язычников, быть не может. А все же повстречать их в маленькой компании может оказаться безопаснее, чем явиться на глаза целой Армии. Перед тем как просто встать и зашагать по открытому полю, лучше попытаться еще одну возможность.

Они уже одолели с быстротой ящериц половину расстояния, когда Ханд надавил Шефу на запястье. Не проронив ни слова, он указал на пологий склон возвышенности. Там, в двадцати ярдах от них, под раскидистым старым боярышником, неподвижно застыл человек, что-то внимательно рассматривавший у себя под ногами. Он опирался на огромный топор в две трети собственного роста. Здоровенный детина с мясистой шеей, широкий и костью, и телом.

Во всяком случае, на заправского бегуна он не похож. А если он стоит в карауле, то и место выбрал себе далеко не лучшее. Юные англичане переглянулись. Викинги, знамо дело, великие мореходы. Но по части проворности им еще многому надо учиться.

Подобно змее, прошнырнул Шеф мимо часового, пронесся через кусты папоротника и кинулся в заросли дрока. Ханд не отставал от него ни на шаг. Тем временем пение впереди оборвалось, сменившись чьим-то говором. Но то была не простая речь. Скорее заклинание... Проповедь... Неужели

есть среди язычников такие, кто втайне исповедуют христианство? Шефа разбирало любопытство.

Подкравшись еще на несколько ярдов, он тихонько раздвинул стебли папоротника. Внизу, окруженная со всех сторон лесом, лежала небольшая лощина. На ней-то, образуя круг с неровными краями, и сидят сорок, а то и пятьдесят мужчин. При всех мечи и топоры, хотя пики воткнуты в землю, щиты прислонены к спинам. Они сидят внутри окружности, очерченной с помощью дюжины пик и протянутой между ними веревки, с которой свободно свисают гроздья рябины, известной в Англии как быстроцвет, и сейчас, осенью, особенно поражающей своим великолепием. В центре огороженного пространства, бросая блики на лица мужчин, горит костер. Рядом с ним наконечником вверх воткнуто в землю копьё. Отливает серебром древко.

У костра, спиной к тайным свидетелям этой сцены, стоял человек, который, судя по звукам его речи, обращался теперь к сидящим вокруг него людям то ли с внушением, то ли с неким призывом. В отличие от прочих присутствующих, да и в отличие от всех до этого виденных Шефом людей, рубаха и штаны этого человека были не естественного цвета домашней пряжи и даже не пропитаны зеленой, коричневой или голубой краской. Словно изнанка яйца, они сияли ослепительно белым цветом.

В правой своей руке он придерживал молот — друг кузнеца, с коротким черенком и с двумя бойками. Пытливый взор Шефа остановился на первом ряду сидящих мужчин. На каждой шее — цепь. На каждой цепи — амулет, лежащий поверх рубахи. Амулеты были разные: меч и рог, фаллос и ладья. Но по меньшей мере у половины мужчин на груди лежало по маленькому молоту.

Резким движением выпрямившись во весь рост, Шеф начал спускаться в ложбину. В то же мгновение пятьдесят человек одновременно вскочили на ноги и обнажили мечи. Раздались грозные окрики. Откуда-то сзади послышалось изумленное бормотание, потом — шлепанье сапожищ по папоротнику. Часовой наконец опомнился, сообразил Шеф. Но не стал оборачиваться.

Человек в белых одеждах неторопливо повернулся к нему лицом и смерил его взглядом. Некоторое время они молча

всматривались друг в друга поверх увешанной гроздьями веревки.

— И откуда же ты пришел? — спросил человек в белом. По-английски он говорил неправильно, с сильным акцентом, заметно картавя.

«Как же мне ему отвечать? — подумал Шеф. — Сказать, что из Эмнета? Из Норфолка? Так ведь для них это пустой звук».

— Я пришел с Севера, — громко объявил он.

Десятки мелькавших перед ним лиц поменяли выражение. Недоумение? Признание? Недоверие?

Человек в белом жестом приказал своим людям стоять смирно.

— И какое у тебя дело до нас, людей Асгардвегра — Пути в Асгард?

Шеф поднял руку и показал на молот в руке язычника. Потом — на его амулет.

— Я — кузнец, как и ты. Я собираюсь учиться.

Кто-то за его спиной переводил слова остальным. Шеф чувствовал, что слева от него уже вынырнул из тьмы Ханд, что сзади сгущаются над их головами тучи. Но он не сводил глаз с лица человека в белом.

— Покажи мне, чего ты достиг в своем ремесле.

Шеф выдернул меч из ножен и, как недавно на островке в болотах, вручил его другому человеку. Молотобоец долго вертел его в руках, пристально изучал поверхность, несколько раз несильно сгибал и разгибал клинок, соскреб ногтем большого пальца слой изменившей цвет лезвия ржавчины.

— Горн у тебя был холодный, — промолвил он. — Или не хватило терпения. Эти стальные полоски, когда ты их скручивал, были неровные. Но все равно это славный клинок. Хотя с первого взгляда так о нем не скажешь... Да и о тебе тоже. Скажи-ка мне, юноша, — и не забудь, что смерть стоит за твоими плечами, — скажи мне, чего ты на самом деле здесь ищешь. Если ты только беглый раб, как и твой друг, — он выразительным жестом показал на шею Ханда, которая не могла его не выдать, — тогда, скорее всего, мы вас отпустим. Если же ты всего-навсего трус, желающий перебежать в стан победившего недруга, — что ж, тогда, пожалуй, мы тебя убьем. Но может быть, ты ни то и ни другое. Что-то третье. Или кто-то третий. Говори же, чего ты хочешь?

«Я хочу спасти Годиву». Это было последнее, что успел подумать Шеф. Он еще раз взглянул в глаза языческому жрецу и вложил в свои слова всю искренность, на какую оказался способен:

— Ты — великий кузнец. А христиане мне больше учиться не дадут. Я хочу стать твоим учеником. Твоим подмастерьем.

Человек в белом довольно хмыкнул и протянул Шефу меч костяной рукоятью вперед.

— Опустит топор, Кари, — сказал он кому-то, стоящему за их спинами. — Здесь вовсе не все так просто... Я возьму тебя в подмастерья, юноша. А если друг твой на что-то годен, то пусть и он учится. Сядьте-ка пока в сторонку, мы должны закончить начатое дело. Меня зовут Торвин, что означает «друг Тора», бога всех кузнецов. Какие имена носите вы?

Шеф тут же залился краской и опустил веки.

— Друга моего зовут Ханд, — сказал он. — А значит это — «пес». Да и у меня самого имя совсем собачье... Мой отец... Нет, отца у меня нет. Люди называют меня Шеф.

В первый раз за время беседы лицо Торвина обнаружило признаки удивления.

— У тебя нет отца? — пробормотал он. — И зовут тебя Шеф... Но это совсем не собачье имя. Тебя, я вижу, ввели в заблуждение.

* * *

Когда они потянулись к лагерю, у Шефа душа ушла в пятки. Боялся он не за себя, а за Ханда. Торвин велел им сидеть и ждать рядом, пока не закончится это странное собрание; сначала Торвин продолжил свою речь, затем на гортанном норвежском велось какое-то обсуждение, смысл которого Шеф едва понимал, после чего из рук в руки стал с торжественным видом передаваться мех с каким-то напитком. В конце концов все собравшиеся разбились на маленькие группки и принялись одновременно возлагать руки на различные предметы — на молот Торвина, на лук, горн, меч; на что-то, видом своим напоминавшее засушенный конский пенис. Никто, однако, не дотронулся до серебряного копья; наконец Торвин шагнул к нему, ловко разломал его надвое и завернул обе части в холщовый мешок. Спустя несколько минут круг был разобран, огонь потушен, пики вновь обрели

хозяев. Воины начали устало разбредаться в разные стороны группами по четыре или по пять человек.

— Мы — люди Пути, — уклончиво объяснил он своим двум спутникам, по-прежнему с трудом подбирая английские слова. — Многие желают это скрыть. Особенно в лагере Рагнарссонов. Но про меня-то они все знают, — он подергал висящий на шее амулет, — потому что я — мастер. Да и ты многое умеешь, юный подмастерье. Может, тебе это пригодится... А твой друг? Что он умеет делать?

— Могу вытащить зуб изо рта, — совершенно неожиданно произнес Ханд.

Полдюжины окружавших их воинов издали веселое урчание.

— *Tenn draga?* — сказал один из них. — *That er ithrott.*

— Он говорит, что уметь вырвать зуб — тоже большое достижение, — перевел Торвин. — Что, это правда?

— Правда, — поддержал друга Шеф. — Но он хочет сказать, что не всегда решает сила. Во-первых, здесь нужно уметь ловко повернуть руку. И еще — знать, как растет зуб. Но кроме того, он может излечить от лихорадки.

— Зубодер, костоправ, целитель... — проговорил Торвин. — И женщины, и воины всегда готовы приветить хранителя пивов. Можно устроить его к моему другу Ингульфу. Если только мы сумеем туда добраться... Слушайте меня, вы оба. Если нам удастся добраться до места — моей кузни и палатки Ингульфа, — тогда все в порядке, мы в безопасности. До тех пор, пока... — Он покачал головой. — У нас хватает недоброжелателей. Но есть и кое-какие друзья. Ну как, готовы попытать счастья?

Оба повернулись и безмолвно пошли за ним следом. Только золото ли это их молчание?

По мере того как они приближались к лагерю викингов, он приобретал все более грозные очертания. Во-первых, он был обнесен со всех сторон высоким насыпным валом и ровом. Каждый участок вала был не меньше фарлонга длиной. Уйма работы, подумал Шеф. Сколько земли перелопачено! Неужто это означает, что они вознамерились тут остаться надолго, коль скоро они не пожалели таких усилий? Или викинги просто иначе не могут и следуют установившемуся порядку вещей?

Вал венчал частокол из обструганных на концах бревен.

Тоже в фарлонг длиной. Двести двадцать футов. И четыре стороны — но нет, по складу местности Шеф вдруг понял, что с четвертой стороны лагерь окаймляла речка Стаур. Через какое-то время он даже увидел носы ладей, отражавшихся в тихих водах Стаура. Он недоумевал, пока не сообразил, что викинги, не желая так просто расставаться с самым бесценным своим сокровищем — кораблями, втащили, должно быть, их на местную иловую отмель, поставили их в цепь, так что они сами образовали одну из стен укрепления. Большого укрепления. Насколько же большого? Три стороны. Три раза по двести двадцать ярдов. И каждое бревно в частоколе, должно быть, в фут шириной. Три фута — это ярд.

Как нередко бывало, ум Шефа разными ухищрениями пытался совладать с числами. Трижды три по двести двадцать... Наверно, существует способ узнать ответ на эту задачу, только сейчас Шеф однозначного решения найти не может. Так или иначе, бревен здесь видимо-невидимо, причем некоторые из них очень толстые — таких здесь, в низинах, если и захочешь, не найдешь. Значит, они привезли эти бревна с собой, на своих ладьях... Шеф вдруг начал смутно догадываться о существовании неизвестного ему доселе понятия. Правда, он не знал, как оно может называться. Возможно, это называется обдумывать заранее. Все предусмотреть. Подготовить себя ко всему, что бы ни случилось. Эти люди рады возиться с любой мелочью, если то пойдет им на пользу. Внезапно он понял, что война для них — это не просто повод проявить отвагу, стяжать славу, призвать к подвигам или получить в наследство фамильное оружие. Это — их ремесло, труд, подразумевающий лопаты и бревна, долгую подготовку и богатую добычу.

Чем ближе они подходили к валу, тем заметнее становились группы людей, многие из которых просто предавались забавам или бездельничали. Присевшие возле огня на корточки воины, по-видимому, поджаривали бекон. Другие метали в цель дротики. В своих неряшливых шерстяных блузах они здорово смахивали на англичан. Но бросалась в глаза и разница. Шеф привык к тому, что на каждые несколько человек обязательно должна существовать своя доля вечных, во всяком случае, не способных занять место в строю: у кого была сломана рука или нога, у кого-то кривая спина, кто-то не вышел ростом, у кого-то из-за болотной лихорадки нела-

ды со зрением, а у некоторых старые раны головы привели к расстройству речи. Не то эти молодцы. Не каждый из них богатырь, но, с удивлением отметил Шеф, все, как один, проворные, крепкие, сноровистые. Были среди них юноши, но не юнцы. Были отважные, даже седые воины, но не было немощных стариков.

В глаза бросались и лошади. Стреноженные, пущенные на выпас. Сколько же лошадей требуется такой армии, и сколько пастбищ нужно для них найти! Есть тут свой подвох. Шеф вдруг понял, что он рассуждает как враг, как враг, изыскивающий возможности для нападения. Ни королем, ни таном он не был, но по собственному опыту очень хорошо знал, что самый бдительный пастух за таким гуртом ночью не уследит. Несколько болотных обитателей без труда могли бы подкрасться к животным, сколько дозоров ни выставляй. Ночная засада тоже была бы кстати. С каким бы чувством викинги уходили на эти дежурства, коли дежурные завели бы привычку не возвращаться по утрам домой?

Когда же они подошли к месту, где располагался вход в лагерь, Шеф вновь упал духом. Викинги не потрудились соорудить ворота, что само по себе было очень красноречиво. Дорога вела через проем в стене около десяти ярдов шириной. Словно бы викинги говорили: «За нашими стенами мы держим добычу и рабов. Но ни от кого прятать мы их не собираемся. Хотите потягаться с нами силой — смелей, подходите ближе. Посмотрим, сумеете ли вы справиться с нашими часовыми. Не в этих бревнах наша сила, а в топорах, что их пообтесали».

У прохода стояли или валялись на земле множество воинов, от сорока до пятидесяти человек. Вид у них был предельно воинственный. В отличие от людей, которые повстречались им снаружи, эти были облачены в кольчуги или кожаные жилеты. Копья собраны в горку, щиты лежат под рукой. Откуда бы ни исходила тревога, эти люди за пару секунд будут готовы к бою. Поравнявшись с ними, Шеф, Ханд, Торвин и сопровождавшие их люди, в общей сложности восемь человек, подверглись самому пристальному осмотру. Смогут ли они без помех войти в лагерь?

Вперед выступил могучий воин, в упор оглядел группу входящих, всем своим видом давая понять, что от него не укрылось присутствие в ней двоих чужаков. Наконец он кив-

нул и ткнул большим пальцем в сторону центра лагеря. Когда они миновали часовых, до их ушей долетел его зычный окрик.

— Что он сказал? — пролепетал Шеф.

— Сказал, что ответит за вас моя голова, а не его.

Они уже шли по территории лагеря.

* * *

Внутри, казалось, царил полная сумятица. Не сразу за ее внешними проявлениями угадывались разумный порядок и неукоснительная целесообразность. На каждом шагу им встречались люди, которые что-то стряпали, болтали, играли в бабки, сидели на корточках возле игральных досок. Повсюду простирались бесконечные ряды парусиновых палаток на крепко-накрепко расчаленных оттяжках. И при этом дорожка, по которой они продвигались, была заботливо очищена от малейшего препятствия. Ровной полоской — шириной шагов десять — бежала она вперед; даже мелкие лужицы были тщательно присыпаны гравием, и на притоптанной земле отчетливо видны были колеи от проезжавших телег. «Эти люди трудятся не покладая рук», — вновь подумалось Шефу.

Они шли вперед, не сбавляя шагу. Ярдов через сто от входа, что, по подсчетам Шефа, примерно соответствовало середине лагеря, Торвин остановился и пальцем поманил их обоих.

— Я должен говорить шепотом, потому что здесь становится очень опасно. В этом лагере люди знают разные языки. Сейчас мы перейдем основной коридор, который идет с севера на юг. Направо, к югу, рядом с кораблями стоят шатры Рагнарссонов и их личной свиты. По доброй воле ни один разумный человек туда не забредет. Поэтому мы переходим коридор и сразу двигаемся к моей кузне, в сторону противоположных ворот. Идем напрямик, даже не оглядываясь по сторонам. Как только доберемся до кузни, тут же заходим внутрь. Так что соберитесь с духом. И не показывайте, что торопитесь.

Пока они шли по широкому проходу, Шеф упорно смотрел себе под ноги. Но уже вскоре пожалел, что не отважился хотя бы на одно мгновение бросить взгляд в сторону. Ведь он

явился сюда из-за Годивы — и где же теперь ее искать? Предстать перед ярлом Сигвардом он не захотел...

Вокруг них теперь вновь мельтешили толпы вооруженных людей. Наконец они почти вплотную приблизились к восточному частоколу. Здесь, в некотором отдалении от остальных палаток, находилось наспех сооруженное укрытие, встречавшее их настезь открытым входом, внутри же виднелись знакомые приметы кузнечного ремесла: наковальня, глиняный горн, трубы, мехи. Вокруг жилища были натянуты веревки, украшенные ярко-красными сполохами свисавшего с них быстрцвета.

— Вот мы и пришли, — облегченно вздохнув, проговорил Торвин и повернулся к Шефу. Вдруг он скосил взгляд чуть в сторону, после чего с лица его немедленно сошла краска.

Шеф обернулся, готовя себя к самому худшему. Человек, стоявший перед ним, был необыкновенно высок ростом. Шеф вдруг понял, что взирает на того снизу вверх; понял, что за последние месяцы случалось это крайне редко. Но и помимо телосложения необычного в этом человеке хватало с лихвой.

Хотя на ногах у него были обычные домотканые штаны, верхняя часть тела, на которой не было ни рубахи, ни накидки, обернута была неким широким одеялом, расцветенным в кричащие желтые тона. У левого плеча оно было заколото булавкой, правая же рука оставалась обнаженной. Из-за левого плеча выступала рукоять меча, до того громадного, что, подвесь он его к поясу, пришлось бы волочить его по земле. В левой же руке он держал небольшой круглый щит с лямкой посередине. Из центра щита торчал острый железный шип длиной в фут. За человеком толпилась ватага людей, разодетых схожим образом.

— Кто такие? — прорычал он. — Кто их сюда пустил? — Он диковинно коверкал слова, но Шеф понимал его.

— Их пустили сюда часовые, — отвечал Торвин. — Никому от них вреда не будет.

— Эти двое, они — англичане. *Enzkir*.

— В лагере полным-полно англичан.

— Так. Застегнем им всем ошейник. Отдай-ка их мне. Я сам посажу их на цепь.

Торвин шагнул вперед и встал между Шефом и Хандом. Пятеро его друзей выстроились в линию перед дюжиной по-

луголых мужчин в желтых пледах. Торвин положил руку на плечо Шефа.

— Этого я привел в свою кузню. Сделаю его подмастерьем.

Угрюмое лицо с длинными усищами скривилось в ухмылку.

— Ничего, справный малый. Может, он тебе еще для чего сгодится... А другой? — Он ткнул пальцем в Ханда.

— Этого заберет Ингульф.

— Но он же туда еще не дошел. Я вижу, у него на шее был хомут. Отдай мне его. Прослежу, чтобы он не шпионил.

Шеф вдруг почувствовал, как нога его поднимается и делает шаг вперед. От ужаса тут же свело живот. Разумеется, сопротивление бессмысленно. Перед ними дюжина человек, все при полном вооружении. Он и моргнуть не успеет, как один из этих длиннющих мечей отсечет ему какую-нибудь конечность, а то и голову с плеч снесет. Но только не мог же он смотреть, как уводят его друга. Рука его потянулась к рукояти короткого меча.

В то же мгновение верзила отпрыгнул, уже занося руку к плечу. Не успел Шеф пошевелиться, как перед самым его взором клинок рассек воздух. Тут же и слева, и справа заблистали обнаженные мечи. Воины приняли боевую стойку.

— Ни с места! — раздался чей-то властный окрик.

Во время разговора Торвина с человеком в пледе их группа привлекла к себе со всех сторон самое живейшее внимание. Их окружили кольцом человек шестьдесят-восемьдесят любопытных. Из кольца отделился могучий человек, равного которому сложением Шеф еще не видывал: сам Шеф был ему едва по плечо; даже человек в пледе уступал ему ростом, а уж объемами да весом и подавно.

— Торвин! — проговорил он. — Муиртайг! — кивок в сторону чудно одетого незнакомца. — Что здесь за шум?

— Я увожу с собой этого трэля.

— Ты его не уведешь. — Внезапно вцепившись в Ханда, Торвин подтолкнул его к проходу в огороженное пространство и впихнул внутрь. — Тор взял его под свою защиту.

Подняв меч над головой, Муиртайг решительно шагнул вперед.

— Стой там, где стоял, Муиртайг, — вновь раздался властный голос, на сей раз с недвусмысленным оттенком угрозы. — Ты не имеешь на это права.

— Какое тебе до этого дело?

Великан помедлил с минуту, потом, с явной неохотой запустив руку под накидку, нащупал и извлек на свет серебряный амулет на цепочке. То был молот.

Муиртайг выругался, водворил меч на место и сплюнул на землю.

— Бери его! Но ты, паренек, — повернулся он к Шефу, — ты, кажется, хотел вытащить меч. Ничего, скоро мы с тобой поговорим наедине. Тогда тебе конец, малышка... А на Тора я плевать хотел. — Он перевел взгляд на Торвина. — Так же, как на Христа и на его потаскушку-мать. Меня ты не облапошишь, как его.

Он показал пальцем на великана, развернулся и, высоко задрав голову, горделивой поступью проигравшего, который ни за что на свете не обнаружит этого, зашагал прочь. Его товарищи потянулись следом.

По-видимому, на все время перепалки Шеф затаил дыхание. Теперь из груди его исторгся глубокий, шумный вздох.

— Кто эти люди? — спросил он.

Торвин на сей раз отвечал не по-английски, а на диалекте родного норвежского, стараясь использовать общие слова, которых у двух языков в избытке.

— Их называют *gaddgedlar*. Христиане-ирландцы, которые отвернулись от своего Бога и своего народа. Теперь они викинги. Многие из них вошли в дружину Ивара Рагнарссо-на. С их помощью он не прочь стать королем Англии и Ирландии. Это они с братом Сигурдом наметили сделать еще до того, как возьмутся за собственную страну...

— Которую они, быть может, никогда не увидят, — добавил спасший их великан. На удивление почтительно, даже смиренно склонил он голову перед Торвином. — Смелый поступок, пастушок. Но ты бросил вызов могущественному человеку. Да и я тоже. Впрочем, мне давно уже пора было это сделать. Если опять потребуется помощь, Торвин, смело зови меня. Ты знаешь, что после того, как я привез в Бретра-борг вести для Рагнарссонов, они дают мне стол и кров. Теперь, когда я показал свой молот, это может закончиться в любую минуту. Однако я уже не в силах больше выносить выкормышей Ивара.

С этими словами он зашагал восвояси.

— А это кто? — осведомился Шеф.

— Великий ратоборец из Галогаланда, что в Норвегии. Зовут его Вигой-Брандом. Это означает — Бранд-Убийца.

— И он — твой друг?

— Он — друг Пути. Друг Тора. И потому — друг всем кузнецам.

«Ума не приложу, куда меня занесло, — подумал Шеф. — Это неважно. Я должен помнить, почему я здесь нахожусь». Взгляд его непроизвольно скользнул от ограждения, за которым по-прежнему стоял Ханд, на юг, где четвертой стеной заслонили лагерь ладьи викингов, где поставили свои шатры Рагнарссоны. «Она там», — с внезапной ясностью осознал он.

Глава 6

В течение многих последующих дней Шеф не знал ни одной свободной минуты, когда бы он мог задуматься о поисках Годивы. И если на то пошло, думать ему вообще было некогда. Уж слишком изнуряющей была его работа. Торвин поднимался с рассветом, а спать порой ложился глубокой ночью. И все это время громыхал молот, несколько раз перековывались заготовки, лязгала пила, закалялась сталь. Среди этого несметного полчища каждый день находились десятки людей, которым хотелось укрепить расшатавшийся топор, или срочно требовалось поставить заклепку на щит, или же сменить древко у пики. Порой от дверей кузницы до самого заграждения выстраивалась очередь человек в двадцать, а бывало, что люди стояли и на соседней дорожке.

Но случалась работа еще более изматывающая и муторная. Несколько раз воины приносили им искромсанные, окровавленные кольчуги. Приходилось их чинить, иногда распуская колечки, перекраивая на нового владельца. Каждое колечко тщательнейшим образом пригонялось к четырем соседним, его окружавшим; каждое из тех четырех, в свою очередь, — к четырем следующим. «Кольчуга удобна для носки, руки в ней свободно двигаются, — заметил Торвин, когда Шеф наконец не выдержал и зароптал, — но против славного удара она не уберезет, а в кузнице с ней одна тягомотина и морока, и жарыща, как в преисподней».

Мало-помалу Торвин передоверил Шефу всю будничную часть работы, стараясь выкроить себе время для выполнения

редких или особенно сложных заказов. Впрочем, далеко он не отлучался. Говорил он сплошь по-норвежски; когда было необходимо, не ленился повторить фразу дважды, а на первых порах, случалось, прибегал к жестам и не успокаивался, пока подмастерье в точности не понимал, чего он от него хочет. Шеф знал, конечно, что Торвин неплохо говорит по-английски, но тот так ни разу и не воспользовался его родным языком. Более того, он настаивал, чтобы и ученик отвечал ему по-норвежски, иногда заставляя его повторять фразу, которую он только что услышал. Как бы то ни было, оба языка и по составлявшим их словам, и по строению своему были весьма меж собой схожи. Через какое-то время Шеф уловил особенность норвежского говора и пришел к выводу, что язык этот — не более чем редкостный, причудливый диалект английского, которому важно лишь научиться подражать, но никак не братья за него с азов. После этого дела с общением пошли на лад.

Беседы с Торвином, в свою очередь, были отличным средством против тоски и уныния. От него, а также от ожидавших своей очереди людей Шеф узнал много любопытного, о чем ранее рассказать ему было некому. Оказалось, что викинги превосходно осведомлены о всех делах, которые готовились затеять их вожаки, и не стеснялись вслух обсуждать и даже порочить их.

Очень скоро выяснилось, что Великая Армия язычников, приводившая в трепет весь христианский мир, отнюдь не является сплоченным организмом. Ядро ее и, возможно, половину от общей численности, составляли Рагнарссоны со своими дружинами. Но помимо них в дележе награбленного добра изъявили желание поучаствовать множество воинских ватаг, от самых крупных, как, скажем, отряд оркнейского ярла, в распоряжении которого находилось двадцать ладей, до снарядивших по одному кораблю мелких шаек из поселений Ютландии и Сконе. Из среды этих последних и раздавались по большей части недовольные голоса. В начале похода все делалось правильно, считали они. Была удачная высадка в Восточной Англии, затем — строительство укрепления, которое должно было стать отправной точкой для дальнейших завоеваний. И все-таки сам замысел этой войны заключался не в том, чтобы околачиваться за крепостными стенами. Следовало разыскать лошадей, набрать проводников и, вне-

запно снявшись с насиженного места в Восточной Англии, ударить по главному врагу и самой лакомой цели — по Нортумбрии.

— Почему же тогда нельзя было сразу и высадиться в Нортумбрии? — спросил как-то раз Шеф, отирая со лба пот и подавая знак следующему заказчику. Приземистый плешивый викинг, который предъявил ему свой продавленный шлем, громко, но беззлобно расхохотался.

— Настоящее горячее дельце всегда должно с чего-то начинаться, — объяснил он. — Ведь сначала надо подняться вверх по реке. Потом приглядеть место, куда бы можно вытащить корабли. И попробуй-ка найти сразу лошадей для оравы в несколько тысяч человек! Дальше начинают подтягиваться отряды, которые по ошибке вошли не в то устье, что остальные. Да будь у христиан хоть немного извилин в голове, — внушительно произнес он, приправляя слова плевром, — они бы, пока мы каждый раз раскачиваемся, запросто могли спихивать нас обратно в море!

— Змеиноного бы Глаза они так просто не спихнули, — вмешался другой викинг.

— Его бы, пожалуй, нет, — согласился первый. — Со Змеиным Глазом у них могло бы не выйти. Но с другими воеводами — сколько угодно. Помнишь, как нам франки дали по шапке с Ульфкетилем?

В общем, перед тем как ударить, надо первым делом иметь твердую почву под ногами, согласились оба. Это мысль толковая. Только в этот раз все пошло наперекосяк. Слишком долго они торчат здесь. «А все из-за короля Эдмунда, — закивали головами воины в очереди (они называли его Ятмундом), — все из-за него, и никто не знает, почему он ведет себя как последний дурак. Страну его пощипать и заставить его самого просить пощады ничего не стоит. Но жуть как не хочется возиться с Восточной Англией, — пожаловались викинги. — Времени на это уходит много, а толку с нее мало. Какой же дьявол мешает королю заключить сделку и столкнуться с нами о цене? Ведь один раз его уже предупредили».

«Похоже, вы немного переборщили с предупреждением», — подумал Шеф, вспоминая потухший взгляд посаженного в лошадиную кормушку Вульфгара и тот неизъяснимый дух ярости, что всколыхнул все королевство и витал над ними на всем пути через леса и поля Восточной Англии. Но ко-

гда он спросил викингов, почему они так рвутся в Нортумбрию, самое большое, но, пожалуй, не самое процветающее из английских королевств, хохот, который грянул в ответ на этот вопрос, не унимался особенно долго. Когда же наконец ему открыли глаза на сцену с участием Рагнара Лотброка и короля Эллы, когда напомнили слова о старом борове и о поросятах, которые вскоре захрюкают, когда рассказали о Виге-Бранде, не побоявшемся в Бретраборге глумиться над Рагнарссонами, — тогда пробежал по спине его зловещий холодок. Он помнил слова, что слетели с посиневших, набрякших уст в змеином погребке архиепископа; он помнил, как чувство подсказало ему, что против всех них было обращено проклятие...

Теперь он знал, что свершается возмездие. Но этого было еще мало, чтобы утолить его любопытство.

— Почему ты заговорил о Преисподней? — спросил он как-то вечером Торвина, когда, покончив с работой, они поставили на остывавший горн высокие кружки с пряным элем. — Разве ты веришь в то, что существует место, где люди после смерти расплачиваются за земные грехи?

— А с чего ты взял, что «преисподняя» — слово христианское? — спросил его Торвин. — Тебе известно, что значит «рай, Царствие Небесное, Небеса»? — Торвин употребил английское слово — *Heofon*.

— Рай? Небеса? Ну... Это на небе... — смущенно пролепетал Шеф.

— Христиане считают Небеса местом вечного блаженства своих праведников. А слово это существовало задолго до того, как пришли христиане. Они его просто позаимствовали. И придали новое значение. Такая же история со словом «преисподняя». Ты ведь знаешь уже, что такое *hulda*? — На сей раз он воспользовался норвежским словом.

— Это означает укрывать, прятать. То же самое, что по-английски — *helian*.

— Вот именно. Преисподняя — это то, что под покровом, то, что скрыто. То, что находится под землей. Простое слово — как и Небеса. Так что можешь теперь сам наделить эти слова еще каким-нибудь смыслом... А теперь ответь на второй твой вопрос: да, мы верим в то, что существует место, где грешников после смерти наказывают за совершенные грехи. И кое-кто из нас это видел.

С минуту Торвин не проронил ни слова, словно бы обдумывая, насколько разумно с его стороны будет углубляться в объяснения. Когда же он нарушил молчание, с уст его сорвались звуки, напоминающие пение, звонкое, тягучее, наподобие того, что когда-то давно слышал Шеф в исполнении монахов из церкви при монастыре в Эли на рождественской службе.

Чертог стоит на берегу морском,
Вратами на север: в нем вечный сумрак.
С кровли стекает яд.
Стены — гроздь сплетенных змей.
Мертвецы там стенают в скорби и муке:
Волки-убийцы и те, что нарушили клятву,
С лжецами, возлегшими с ложью на ложе...

Торвин потряс головой:

— Да. Мы верим в наказание грехов. Правда, у нас другие понятия о грехе, чем у христиан.

— Кого ты называешь «мы»?

— Выслушай меня, и ты все узнаешь. Я не раз уже думал о том, что я должен тебе это поведать... — Они потягивали приправленный травами эль. Затухающее пламя отбрасывало слабые блики на их тела. Жизнь в лагере замирала. Торвин, перебирая в пальцах свой амулет, вел свой рассказ: — Вот как это было...

Все это началось, — сказал Торвин, — в стародавние времена, быть может, лет сто пятьдесят до нашего рождения. Народом фризов, что живут напротив англичан на берегах Северного моря, правил один великий ярл, бывший в ту пору язычником. Но из-за сказок, которые нашептывали ему миссионеры из стран франков и Англии, а также во имя древнего родства, что связывало его народ с народом принявших христианство англов, он решил креститься.

Как велел обычай, крещение должно было свершиться прилюдно, под открытым небом, в огромной лохани, которую миссионеры соорудили для такого действия. После того как ярл Радбод окунулся бы в эту лохань и принял крещение, примеру его должны были последовать все знатные люди его двора, а за ними — все графство и весь фризский народ. Графство, а не королевство, ибо фризы слишком горды, чтобы удостоить кого-то из смертных титулом короля.

И вот ярл, облаченный поверх белых крестильных одеяний в пурпурную мантию и горностаевые меха, ступил на лестницу, что вела к краю лохани. Торвин утверждал, что нога его почти коснулась воды, когда внезапно он обернулся и спросил главного из миссионеров — родом тот был из франков, и франки звали его Вульфрамном, иначе — Волчий Ворон, — верно ли то, что коль скоро он, Радбод, примет сейчас крещение, предки его, ныне мятущиеся в пламени Преисподней вместе с другими нечестивцами, получают освобождение и будут ожидать появления своих потомков, чтобы взойти с теми в райские чертоги.

Нет, отвечал ему Волчий Ворон, они были язычниками, не принявшими крещение, и, стало быть, не заслужили спасения. Нет спасения, помимо того, что исходит от Святой Церкви. Для пушей убедительности он привел это изречение на латыни: *Nulla salvatio extra ecclesiam*. И к тому же для попавшего в ад дорога обратно заказана. *De infernis nulla est redemptio*.

Но предкам моим, возразил ярл Радбод, никто не говорил о необходимости крещения. У них даже не было случая отвергнуть его! Они не выполнили то, о чем не имели ни малейшего понятия, и разве правильно после этого обрекать их на вечные муки?

Такова воля Господня, отвечал франкский миссионер и даже, возможно, пожал при этом плечами. И тогда Радбод поставил на ступень занесенную над лоханью ногу и во всеуслышание поклялся, что никогда не станет христианином. И уж если выбирать, то он лучше отправится в Преисподнюю к своим безвинным предкам, чем будет жить на Небесах вместе со святыми и епископами, которым неведомы честь и истина. И по всей Фризии начал он свирепо гнать и преследовать христиан, вызвав великий гнев франкского государя.

Торвин долго пил из своего кубка, затем тронул маленький молот, что свисал у него с шеи.

— Так это и началось. Ярл Радбод был мудрейшим из мужей. Он предвидел, что если только у христиан будут свои священники, они одни будут владеть книгами и письмом, тогда их проповеди в конце концов будут приняты всеми народами. В этом-то и есть сила и в то же самое время порок христианства. Христиане никогда не признают, что кто-то

другой, помимо них, владеет хотя бы маленькой толикой истины. На полумеры они не идут. Шага навстречу никогда не сделают. А стало быть, для того, чтобы одолеть их, или по крайней мере приструнить и не пустить дальше, Радбод решил, что народы Севера должны иметь своих священников, которые будут нести слово истины. Тогда и был основан Путь...

— Путь, — напомнил ему Шеф, когда ему показалось, что Торвин, потерял желание продолжать.

— Ты спрашивал, кто мы такие. Мы — жрецы Пути. Перед нами стоит тройная задача. Такой она была всегда, с того самого дня, когда Путь пришел на северную землю... Первая наша забота состоит в том, чтобы проповедовать почитание старых богов, Эзира, Тора и Одина, Фрейра и Улля, Тюра и Ньерда, Хеймдалля и Бальдра. Те, кто верит в этих богов, носят амулет, подобный моему, во славу бога, более прочих любимого этим человеком. Меч носят люди Тюра, лук — Улля, рог — Хеймдалля. Молот же носят во славу Тора, как это делаю я и еще очень многие люди... Следующая обязанность наша — добывать себе хлеб трудом или промыслом. Я кормлю себя кузнечным ремеслом. Ведь нам не позволено уподобляться священникам-христианам, освободившим себя от труда, а вместо того принимающим подати и подношения от других людей, дабы обогащались монастыри их, пока вся земля стонает от их ненасытной алчности... Третье наше предназначение объяснить не так-то просто. На нас лежит ответственность за грядущее, за то, что произойдет с этим миром, — с этим, а не потусторонним. Видишь ли, христианам кажется, что этот мир — только вынужденная стоянка по дороге в мир вечный, и, стало быть, подлинная цель человека может состоять лишь в том, чтобы тронуться в дальнейший путь, сохранив в неприкосновенности душу. Иной ценности они за этим миром не числят. Ни заботы о нем, ни интереса к нему не питают. Они попросту отмахиваются от него... Но мы, люди Пути, верим в то, что настанет день, когда завяжется великая битва. Никто сейчас не может представить, насколько кровавой она будет. И разразится она именно в этом мире, так что долг всех нас — укреплять нашу армию, армию богов и людей, чтобы выдержать решающий бой... Вот почему, помимо занятия делом и ремеслом, возложен на нас долг совершенствовать свое мастерство. Ежечасно должны мы спрашивать себя, что нового, необычного мо-

жем мы привнести в свой труд. Наивысшей же похвалы удостоится меж нас тот, кто сумеет талант свой направить на ремесло, которое не было до того известно среди людей... Я сам бесконечно далек от того, чтобы стяжать подобную славу. И все же за время, что отделяет нас от ярла Радбода, люди Севера успели научиться многому... Даже на Юге прослышали о наших делах. В городах мавров, в Кордове и Каире, в городах, где обитают люди с голубой кожей, идет молва о людях Пути, о северных огнепоклонниках, *majas*, как они нас называют. И теперь они засылают к нам своих лазутчиков, чтобы те, глядя на нас, обучались... Но христиане никого к нам не шлют. Они по-прежнему уверены, что никто, кроме них, не владеет всей полнотой истины. Что только им ведомы путь к спасению и понятие греха...

— Вы не считаете грехом сделать человеку *heimnar*? — перебил его Шеф.

Торвин встревоженно покосился на него.

— Я никогда не учил тебя этому слову! Впрочем... Наверно, ты знаешь гораздо больше того, о чем я решался тебя спрашивать... Да... Делать *heimnar* — это грех, независимо от того, какова вина этого человека. Так поступают люди Локи — бога, в память о котором разжигаем мы костер в нашем капище, рядом с копьем его отца Одина. Но мало кто из нас берет себе знак Одина, и уж никто не возьмет в покровители Локи... Сделать человеку *heimnar*... Нет. Я чувствую, что здесь поработал Бескостный, даже если это и не его собственных рук дело. Для того, чтобы одолеть христиан, существует немало способов, а самый глупый — тот, которому следует Ивар Рагнарссон. В конце концов он останется у разбитого корыта. Да и ты уже сам должен был заметить, что я не слишком жалую Иваровых прихвостней и выкорымышей... На сегодня хватит. Пора спать. — Торвин поднялся, опорожнил свой кубок и направился к спальному шатру. Шефу не оставалось ничего иного, как в глубокой задумчивости поплестись следом за учителем.

* * *

Работа в кузнице Торвина не оставляла Шефу ни малейших надежд на занятие поисками Годивы. Ханда почти немедленно по их прибытии препроводили к знахарю Ингульфу, также жрецу Пути, в свою очередь пользующемуся по-

кровительством Идуны-исцелительницы и разбившему свой шатер в некотором отдалении. С тех пор друзья еще ни разу не встречались. Обязанности помощника кузнеца, которых Шефу с лихвой хватало на целый день, становились особенно тягостными из-за невозможности выйти за пределы ограждения Тора: в его распоряжении была сама кузница, небольшая спальная палатка и пустырь с глубокой сточной ямой. Все это было обнесено веревками с быстроцветом, который Торвин называл рябиной.

— И не вздумай выходить за ограждение, — напутствовал его Торвин. — Внутри ты находишься под покровительством Тора, и если тебя убьют здесь, то жало мести рано или поздно настигнет убийцу. А выйдешь наружу, — он передернул плечами, — улучшишь настроение Муиртайгу, — стоит ему только увидеть, как ты разгуливаешь сам по себе по лагерю.

Так Шеф и не сделал ни одного шага за ограждение.

Но на следующее утро после разговора с Торвином явился Ханд.

— Я видел ее. Сегодня утром, — горячо зашептал он, как только возник перед сидевшим на корточках Шефом. Торвин вышел навеститься к лагерной пекарне — разузнать, не подошла ли их очередь за хлебом. Шефу же было поручено перемалывать в ручной мельнице пшеничные зерна в муку.

Шеф одним прыжком вскочил на ноги, разом рассыпав по вытопанной земле и муку, и немолотые зерна.

— Кого? О ком ты говоришь? О... Годиве?! Где она? Что с ней? Она не...

— Прошу тебя, сиди спокойно. — Ханд торопливо стал соскребывать с земли просыпанную муку. — Мы не должны бросаться в глаза. В лагере и так полно зевак. Выслушай меня. Худые новости. Она теперь женщина Ивара Рагнарссона, того самого, которого они зовут Бескостным. Но он ее пока не трогает. Она жива и невредима. Я это знаю, потому что Ингульф, знахарь, свободно расхаживает по всему лагерю. А теперь, когда я показал ему, что умею делать, он часто таскает меня с собой. Несколько дней назад его вызвали к Бескостному. Меня туда не пустили — там на каждом шагу вооруженная стража, — зато я успел ее увидеть, пока стоял снаружи и ждал Ингульфа. Ошибки тут быть не может. Она прошла самое большее в пяти ярдах от места, где я стоял, хотя меня и не заметила.

— И... какой у нее был вид? — спросил Шеф, цепenea при одном воспоминании о том, что пережили мать и Труда.

— Она была весела. Выглядела так... будто счастлива.

Оба погрузились в молчание. Не первый день они уже находились в этом лагере. Было нечто зловещее в том, что человек, доверенный заботам Ивара Рагнарссона, чувствует себя — или кажется — счастливым и довольным.

— Теперь выслушай главное, Шеф. Годива в страшной опасности. Она ничего не понимает. Ивар с ней любезничает, говорит ласково и до сих пор не затащил к себе на ложе. Поэтому она надеется, что ей ничто не угрожает. Но на самом деле у Ивара не все в порядке — то ли с телом, то ли с головой. Время от времени он дает себе роздых. Вот тогда ему и может подвернуться Годива... Шеф, ты должен вытащить ее отсюда, и как можно скорее. Для начала пускай она тебя хотя бы увидит. После этого мы что-нибудь придумаем — я, правда, пока ничего не знаю. Но если она будет знать, что ты где-то рядом, то постарается в нужный момент тебя известить. Я тут еще кое о чем пронюхал. Все женщины Рагнарссонов и их воевод сегодня выйдут из своих шатров. Я слышал, как они причитали. Дескать, здесь им целые недели приходится мыться в грязной речке. Поэтому ближе к вечеру они собираются выйти из лагеря, помыться и постирать свои тряпки. Пойдут к какой-нибудь заводи, а это не меньше мили отсюда.

— Сможем мы ее увести?

— Забудь об этом и думать. В армии несколько тысяч мужчин, и все изголодались по бабам. Так что сопровождать их будут самые испытанные и проверенные, а этих наберется столько, что ты даже никого за шеренгами не увидишь. Можно только постараться сделать так, чтобы она увидела тебя. — И Ханд принялся поспешно описывать товарищу приметы дороги, в случае необходимости приправляя слова жестами.

— Но как мне отсюда выбраться? Торвин...

— Я уж и об этом подумал. Как только женщины соберутся в дорогу, я приду к Торвину и скажу ему, что мой хозяин просит его сделать наконецники для инструментов, которыми он, Ингульф, вскрывает животы и черепа. А может он творить настоящие чудеса, — проговорил Ханд, завороченно поводя головой. — Таких лекарей я еще не видывал... Как

Торвин о том услышит, он тут же пойдет за мной. А ты прогуляешься к стене, перемахнешь через нее и окажешься впереди женщин, так что запросто сможешь случайно повстречать их на тропинке.

Относительно Торвина Ханд не заблуждался. Стоило ему, запинаясь, изложить кузнецу просьбу своего хозяина, как Торвин немедленно согласился.

— Я иду, — просто ответил он, опустив молот, прихватил с собой точильный камень и оселок для правки с маслом и вышел из шатра.

Дальше, правда, все сложилось хуже некуда. Тут же явились двое заказчиков, и пытаться уговорить их отложить дело было бессмысленно: оба прекрасно знали, что Шеф никогда не отлучается за пределы капища. Едва он покончил с первыми двумя, как возник третий, который, казалось, пришел за тем, чтобы обменяться новостями, расспросить о том и о сем, да и просто отвести разговорами душу. Когда же наконец Шефу удалось перешагнуть через рябиновые гирлянды, он уже понимал, что в этом лагере праздных, изнывающих от скуки людей с их неумным любопытством он сейчас обречен на самое страшное — на спешку.

И все-таки он спешит: вприпрыжку обегает роящихся у него на пути воинов, не отвечая на их недоумевающие взгляды, пролезает под растяжками нескольких пустующих палаток; потом стена с частоколом огромных бревен, руки цепляются за остроконечные вершки вровень с его ростом, мощный толчок — и он кубарем перелетает стену. Откуда-то раздается окрик; его заметили, но погони не будет. Ведь он же не запрыгнул в лагерь, а, наоборот, покинул его, нет повода вопить: «Вор!»

Теперь вся долина перед ним как на ладони: по-прежнему бродят лошади, мужчины изошряются в искусстве ведения боя. В миле от него — рощица, а за ней — заводь. Женщины пойдут вдоль реки, но бежать вслед за ними — это бежать за верной гибелью. Надо оказаться там раньше, чем подойдут они, а после с невинным видом направиться обратно к лагерю. А еще лучше стоять на месте и ждать их появления. К выходу из лагеря тоже приближаться не стоит: там полно стражи, которая несет караул, не смыкая глаз. Выбросив из головы все тревоги, Шеф выпрямился и напрямик через луг устремился к заводи.

Спустя десять минут он уже на берегу, не спеша вышагивает по заброшенной дорожке, проложенной некогда вдоль речного русла. Здесь пока ни души. Требуется всего-навсего сойти за викинга, выбравшего это место для отдыха. Только это и есть самое сложное: есть одна примета, по которой его присутствие здесь сразу бросится в глаза. За пределами лагеря — а чаще всего и внутри него — викинги разгуливали не в одиночку, а сплоченной компанией, составленной, как правило, из команды своего корабля, или, на худой конец, с соседом-гребцом.

Но другой возможности не будет. Надо двигаться им навстречу. И надеяться, что у Годивы хватит зоркости, чтобы заметить его, и сообразительности, чтобы пройти молча.

Впереди слышались голоса, женские возгласы и смех, прерываемые мужскими репликами. Обойдя пышный куст боярышника, Шеф увидел прямо перед собой Годиву. Взоры их встретились.

В ту же минуту вокруг нее всколыхнулось зарево шафрановых пледов. Весь похолодев, Шеф посмотрел по сторонам и тут же в каких-то пяти ярдах от себя увидел Муиртайга, который шагал прямо на него со счастливым выражением победителя. Не успел он пошевелиться, как могучие руки намертво ухватили его под локти. Остальные сгрудились за спиной своего воеводы, на минуту позабыв о своем главном задании.

— Здравствуй, воробушек, — подбоченясь, промурлыкал Муиртайг, — не ты ли тут давеча пугать меня вздумал? Решил прогуляться? Тут есть на что глаз положить, верно? Только это стоить будет недешево. А вы, ребята, отведите его чуть в сторону. — С жутким лязгом он обнажил свой длинный меч. — Мы же не хотим смущать наших леди видом свежепролитой крови.

— Я хочу с тобой биться, — сказал Шеф.

— Ничего не выйдет. Неужто воевода гаддгедларов будет биться с беглым рабом, который еще вчера ходил в своем ошейнике?

— На моей шее никогда не было ошейника, — прорычал Шеф. Его словно бы обдали горячим паром, вмиг избавив от леденящего приступа паники. Да, именно в этом он должен искать надежду на спасение. Только если ему удастся заставить этого человека обращаться с ним как с равным себе, он

может сохранить жизнь. Если же нет — его обезглавленный труп через минуту будет брошен вон в те кусты. — По рождению своему я тебе не уступаю. А по-датски говорю гораздо лучше!

— А ведь это правда, — раздался откуда-то из-за спины оранжевых стражников надменный голос. — Муиртайг, ты отвлекаешь своих людей. А они должны не спускать глаз с наших женщин. Или в одиночку тебе с этим парнем не разобратся?

Толпа поспешно расступилась, и говорящий встретился с Шефом взглядом. Глаза его были почти бесцветны. Они были подобны кусочкам льда на вырезанном из тонкого клена блюде, которое долбили так долго, что оно стало почти прозрачным. Глаза эти не мигали, они ждали, когда дрогнут ресницы Шефа. С усилием он оторвал взгляд от этого лица. Его вдруг пронзил страх. Смерть была совсем рядом.

— Он тебя чем-то рассердил, Муиртайг?

— Да, господин. — Ирландец, в свою очередь, опустил глаза.

— Тогда бейся с ним.

— Гм-м... Я ему уже сказал, что...

— Если сам не хочешь — прикажи кому-нибудь из своих людей. А лучше выбери самого молодого. Пусть мальчишка будет биться с мальчишкой. Если выиграет твой, я ему подарю вот это, — с этими словами Ивар стащил с пальца серебряное кольцо, подбросил его в воздух, поймал и вновь водворил на место. — Расступитесь все, дайте им развернуться. И пусть женщины тоже смотрят. Правил здесь не будет. Победителей и побежденных — тоже. — Сверкнул леденящий душу, безжизненный оскал. Ивар усмехнулся. — Будет только одна жизнь и одна смерть.

Через несколько мгновений Шеф вновь поймал взгляд Годивы. Округлившись от ужаса глаза смотрели на него из первого ряда двойного кольца зрителей, где женские туники пестрели попеременно с яркими шафрановыми пледами. Там и сям были видны алые плащи и золоченые доспехи ярлов и ратоборцев — то была знать северных разбойников. Среди них-то и заметил Шеф знакомую фигуру, исполинские очертания Бранда-Убийцы. Повинуясь внезапному порыву, он бросился к Бранду, пока на другой стороне кольца готовили к бою его противника.

— Сэр, прошу вас, одолжите мне ваш амулет. Я верну его вам... если смогу это сделать.

Ратоборец невозмутимо снял амулет с шеи и протянул его юноше.

— Скинь-ка башмаки, паренек. Смотри, земля совсем сырая.

Вняв его совету, Шеф умышленно принялся глубоко и шумно качать легкими воздух. Не раз до этого он принимал участие в состязаниях борцов, так что хорошо знал, что этот способ поможет ему преодолеть медлительность, неготовность с ходу включиться в бой, которую можно принять за испуг. Потом он скинул с себя рубаху, накиннул на шею амулет, выхватил меч, отшвырнул в сторону щит и перевязь. «Места для схватки нам отвели немало, — подумал он. — Придется побегать».

Противник его тоже потянулся к середине кольца. В свою очередь избавив себя от обузы в виде пледа, и теперь, как и Шеф, по пояс голый, он сжимал в руке длинный меч гадд-гедларов, более узкий, чем обычный меч, но зато на целый фут длиннее. Как и все его соотечественники, в другой руке он держал такой же маленький круглый щит с шипом посередине. На заплетенные в косичку длинные волосы был нахлобучен шлем. Вряд ли он был намного старше Шефа, и будь это борцовский поединок, англичанину нечего было бы бояться. Однако на стороне ирландца были длинный меч, щит, сильные, привычные к бою руки. Да и был он воин, прошедший через пекло боя, побывавший в дюжине схваток.

И вдруг, неведомо откуда взявшись, в ушах его зазвучало пение. То был торжественный голос Торвина. Шеф нагнулся, подобрал с земли хворостинку и, словно дротик, перебросил через голову своего врага.

— Я спущу тебя в Преисподнюю, на Берег Мертвых...

Гул любопытства прокатился над толпой, раздалось гиканье.

— А ну-ка, Фланн! Ткни ему своим щитом! — подбадривали своего ирландцы.

Но ни один возглас не поддержал Шефа.

Спустя мгновение викинг пошел в наступление. Показав, что собирается обрушить удар на голову Шефа, он в последний миг увел меч в сторону и сделал выпад с левого плеча, метя противнику в шею. Шеф поднырнул, ушел вправо и тут

же вынужден был отразить удар, нанесенный острием щита. Викинг снова пошел в атаку, рассек мечом воздух — сначала слева вниз, потом справа вверх. И вновь Шеф попытался — на сей раз сделав вид, что отступит вправо, он ушел налево. Он выкроил миг, чтобы теперь, оказавшись сбоку от противника, успеть поразить правое, незащищенное его плечо. Однако вместо этого он отпрянул в сторону и стал быстро перемещаться в центр кольца. Теперь он точно знал, что ему делать; тело во всем было послушно ему. Легкое, как перышко, оно приводилось в движение некоей тайной силой, что насыщала его легкие, перегоняла по венам кровь. Внезапно он припомнил собственное свирепое ликование, с которым он обрушился на меч Сигварда.

Ирландец тем временем продолжал наступать. Все быстрее размахивая перед противником мечом, он пытался оттеснить его к стоящим в кольце людям. И не сбавлять обороты. Но он привык иметь противника перед глазами, обмениваться с ним ударами, чтобы в конце концов поразить его своим лезвием или точеным шипом. И понятия не имел, как вести бой против человека, который попросту увертывается от его выпадов. Своими размашистыми прыжками Шеф издергал викинга. У того уже начинало сбиваться дыхание. Северное воинство составляли моряки и наездники с неохватными плечами и могучими бицепсами. Но ни к ходьбе, ни тем более к бегу эти воины приучены не были.

Сзади нарастал злобный ропот. Викинги разгадали премудрость боя, которой следовал англичанин. Теперь они, пожалуй, начнут потихоньку подступать ближе и сжимать кольцо. Фланн в который раз применяет свой излюбленный прием — удар слева. Но сейчас он выходит довольно жалким, да и предвидеть его было несложно. И Шеф, впервые за время боя бросившись вперед, как можно жестче встречает противника, стараясь поставить основание своего толстого клинка под самый кончик длинного лезвия викинга. Желанного шелчка не слышно. Однако ирландец чуть теряется, и Шеф, выходя из схватки, успевает сзади полоснуть мечом по руке противника. Брызги крови.

И вновь Шеф уходит, уклоняется от столкновения; он не желает тут же использовать достигнутое преимущество, он кружит, постоянно забирая вправо, но стоит ирландцу подтянуться ближе, как он меняет ход и начинает смещаться

влево. От Шефа не утаился и мгновенный ужас, мелькнувший в глазах воина. Теперь, когда кровь стекает, хлещет струями по его правой, сжимающей меч руке, ему отпущено всего несколько минут, чтобы повергнуть своего врага.

Сотню ударов отсчитали их сердца, пока, сцепившись с англичанином неподалеку от середины кольца, Фланн со всей яростью пытался срубить, заколоть, наконец прошить того насквозь острием своего щита. Шеф отражал удары, вновь и вновь увертывался от них, а заодно пытался выбить меч из залитой кровью руки ирландца.

Наконец Шеф почувствовал, что в ударах противника нет прежней удачи. И тогда вновь заработали его пружинистые ноги, снова принялся он описывать круг за кругом, каждый раз стараясь уйти влево, оказаться под правой рукой противника, нимало не беспокоясь о растрате собственных сил.

Фланн теперь уже не дышал, а стонал. Из последних сил он ткнул в лицо Шефа шипом и тут же постарался пропороть соперника ударом снизу. Шеф, однако, припал к земле, едва не коснувшись ее суставами правой руки, и отбил меч соперника так, что тот отнесло далеко за его левое плечо. В следующее мгновение он разогнулся и что было силы всадил свой собственный меч под обнаженные потные ребра. Когда раненый содрогнулся всем телом и шатнулся назад, Шеф был уже тут как тут, стиснул его шею борцовским зажимом и снова занес свой клинок.

Перекрывая общий пронзительный вой, прогремел голос Бранда-Убийцы:

— Ты обещал отправить его в Ностранд, на Берег Мертвых! Ты должен прикончить его!

Шеф взглянул на зажатое в изгибе его руки мертвенно-бледное, искаженное ужасом лицо еще дышащего человека. Вдруг ярость опалила все его существо. Надавив на меч, он повел клинок через грудь викинга и не ослаблял нажима, пока рука не выпрямилась полностью. Последний приступ боли всколыхнул тело Фланна. Медленно Шеф снял захват, вытащил меч. Следующее, что он увидел, было лицо Муиртайга, побелевшее от бессильного гнева. Шеф шагнул к Ивару, рядом с которым теперь находилась Годива.

— Что ж, весьма поучительный бой, — отозвался Ивар. — Всегда приятно смотреть, когда воин может работать голо-

вой так же удачно, как и оружием. И потом, ты оставил при мне серебряное кольцо. Одно плохо: одним моим человеком стало меньше. Как ты намерен мне за это заплатить?

— Я и сам человек, господин.

— Тогда сядешь на один из моих кораблей. Из тебя получится гребец. Но только не на ладье Муиртайга. Сегодня вечером придешь ко мне в шатер, и мой воевода подберет тебе место.

Ивар замолчал, устремив взгляд куда-то вниз.

— Я вижу на мече твоим зазубрину. Но что-то не припомню, когда Фланн мог ее оставить. Чей же это был клинок?

Одно мгновение Шеф колебался. Но в разговоре с этими людьми удачу, похоже, приносила только беззаветная отвага.

Он ответил громко и с вызовом:

— Это был клинок ярла Сигварда!

Ивар поджал губы.

— Ну что ж, — объявил он. — Для мытья и стирки это место не годится. Не будем стоять на месте.

Он повернулся и притянул к себе Годиву. Та последовала за ним, хотя один неуловимый миг ее беспомощный взгляд блуждал по лицу Шефа.

Перед затуманенным взором Шефа возникло огромное туловище Бранда-Убийцы. Медленно он снял с шеи одолженный амулет.

Бранд подбросил его на ладони.

— В другой раз я бы сказал тебе: «Носи этот амулет, парень, ты заслужил его. Если останешься в живых, быть тебе великим ратоборцем. Это говорю я, Бранд, лучший из воинов Галогаланда»... Но что-то подсказывает мне, что, хоть ты и кузнец, знак Тора — не для тебя. Сдается мне, что ты — человек Одина, которого зовут иначе *Bileyg*, или *Baleyg*, или еще *Bolverk*.

— *Bolverk*?! — вскричал Шеф. — Неужто я сеятель зла — *bale-worker*?

— Пока нет. Но ты можешь стать орудием в руках такого человека. Ибо зло следует за тобой по пятам. — Великан потряс головой. — Однако сегодня ты совсем недурно смотрелся, особенно для новичка. Ты же убил сегодня в первый раз, а я причитаю, как бабка-вещунья. Смотри, уносят тело твоего врага, но щит, шлем и меч сняли и оставили на месте. Они — твои. Таков обычай.

Он говорил так, словно бы собирался испытать Шефа.

Тот медленно покачал головой:

— Я не могу наживаться за счет человека, которого от-правил в Ностранд, на Берег Мертвых...

Он подобрал с земли шлем, размахнулся и швырнул его в мутный поток, потом забросил в кусты щит; наступил ногой на длинное лезвие меча, согнул его раз, другой и, когда оно стало полностью непригодным, оставил его лежать на месте.

— Вот видишь, — проговорил Бранд, — этому Торвин никак не мог тебя научить. Так ведут себя люди Одина.

Глава 7

Торвин не выказал ни малейшего удивления, когда Шеф заявился в кузницу и рассказал ему о случившемся. Он только чуть недовольно хмыкнул, когда Шеф сообщил ему, что Ивар готов зачислить его в свой отряд.

— Только лучше бы ты в таком виде на глаза людям не показывался, — пробурчал он. — Кто-то может над тобой посмеяться. А ты не выдержишь, всплишь — и тогда беда...

Из свалки, что громоздилась в углу кузницы, он извлек пику с недавно приделанным древком и щит в кожаном чехле.

— С этим ты будешь выглядеть поприличнее.

— Это твое оружие?

— Иногда люди отдают доспехи в починку, а потом ни-когда за ними не приходят.

— Я должен поблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня.

— Я помогал тебе потому, что таков мой долг, долг чело-века Пути. Во всяком случае, так мне казалось. Возможно, я ошибался. Но только я не дурак, парень. Я уверен, что ты идешь к какой-то цели, о которой мне ничего не дано знать. Я лишь надеюсь, что цель эта не приведет тебя к беде. Кто знает, может, наши дорожки еще пересекутся.

Не сказав больше ни слова, они расстались. Шеф во вто-рой раз в жизни переступил увешанный рябиной порог ка-пища и впервые зашагал по коридору между палатками бес-страшно, с поднятой головой, не бросая украдкой по сторо-нам тревожные взгляды. И направлялся он не к расположе-

нию Ивара или других Рагнарссонов, но к палатке знахаря Ингульфа.

Как можно было предполагать, там стояла небольшая группка людей. Впрочем, когда Шеф подошел ближе, они уже собрались расходиться. Последние же тащили носилки с замотанным в тряпки телом. Ханд вышел навстречу другу, вытирая на ходу руки.

— Ты занят?

— Помогаю Ингульфу. Просто удивительно, на что спо-собен этот человек! Тот воин боролся с приятелем, неловко упал — сломал себе ногу... Что бы ты стал делать, если бы с твоей ногой случилась такая напасть?

Шеф пожал плечами:

— Перевязал бы ее. Что тут еще сделаешь? Рано или поздно нога бы поправилась.

— Но прямо и ровно человек уже никогда бы ходить не смог. Кости бы срослись так, как придется. На ноге остались бы шишки и опухоли, как у Круббы, которого волочила за собой собственная лошадь. А Ингульф, перед тем как начнет перевязывать ногу, растягивает ее и крепко сдавливает, что-бы пригнать друг к другу концы сломанной кости. Перевязы-вает он ногу, зажав ее между двумя колышками. Когда кость срастется, нога будет прямой. Но самые великие чудеса он делает в случаях, подобных этому: нога у этого бедолаги сло-малась так, что кость прорвала кожу. И тогда Ингульф разре-зает ногу, распяливает ее и вправляет кость на место! Я бы в жизни не подумал, что человек сможет жить после того, как у него так распялили ногу! Но Ингульф все это делает в два счета. А что делать, он знает...

— А сам ты можешь этому выучиться? — спросил Шеф, который не мог не заметить, как во время этого рассказа краска возбуждения залила обычно болезненно-желтое лицо его друга.

— Надо приноровиться, получить навык. Запоминать его объяснения. Знаешь, а ведь он еще кое-что делает. Он вскры-вает тела мертвых, чтобы изучить, как у человека кости рас-положены. Как думаешь, что бы сказал на это отец Андреас?

— Значит, ты хочешь остаться у Ингульфа?

Белый раб медленно наклонил голову. Из-под накидки он извлек на свет цепь. На цепи была небольшая серебряная подвеска. Яблоко.

— Это я получил от Ингульфа. Яблоко Идуны-исцелительницы. Этой веры теперь держусь и я. Верю в Ингульфа, в Путь. Хотя, наверное, не в Идуну... — Ханд бросил взгляд на шею друга. — А Торвин, оказывается, не сделал тебя человеком Пути. И на шее твоей я не вижу молота.

— Не так давно я носил молот. — Шеф коротко поведал Ханду о случившемся. — ...Так что теперь будет у меня случай вызвать Годиву, а потом сбежать. Надеюсь, если я буду стоек и терпелив, Бог смилостивится надо мной...

— Ты говоришь о Боге едином?

— Бог, или Тор, или Один... Я начинаю думать, что для меня это большого значения не имеет. Быть может, кто-то из них обо мне позаботится.

— Могу я тебе в чем-то помочь? — спросил Ханд.

— Нет, — Шеф крепко сжал его руку. — Неизвестно, суждено ли нам еще раз свидеться. Но если когда-то ты покинешь викингов, знай, что у меня всегда найдется для тебя убежище. Даже если это будет хижина на болоте.

Он повернулся и зашагал по направлению к месту, в сторону которого в тот день, когда его нога ступила в лагерь викингов, он не решался даже взглянуть. Он шел к шатрам их военачальников.

Владения четырех Рагнарссонов простирались от восточной стены до западной, на целый фарлонг вдоль береговой линии. В сердцевине его был воздвигнут огромный общий шатер, где хватило пространства, чтобы установить столы на сотню едоков. Рядом же находились нарядные шатры всех четырех братьев, а вокруг каждого из них было тесное нагромождение палаток, в которых обитали их женщины, подручные, ближайшие, самые испытанные телохранители. Еще дальше длинной линией расположился солдатский бивуак. Как правило, в трех-четыре палатках размещалась команда одной галеры. Виднелись палатки чуть поменьше размером — отдельно для шкиперов, рулевых и признанных ратоборцев. При этом свита каждого из братьев постаралась встать отдельно, хотя и невдалеке от трех прочих.

Люди Змеиноглаза были главным образом датчане: любому человеку в армии было известно, что Сигурд намерен вернуться в Данию и вступить в борьбу за престол короля Зеландии и Сконе, который завоевал себе его отец, а через какое-то время собирается подчинить датской власти все

пространство от Балтийского моря до Северного. То будет королевство, которым не владел ни один смертный со времен короля Годфреда, победившего самого Карла Великого.

Убби и Хальвдан могли претендовать лишь на тот престол, на который им удалось бы взойти с помощью силы, и потому рекрутов они набирали отовсюду. Тут были шведы, гуты, норвежцы, люди с Готланда, Борнхольма и других островов.

Что же до воинов Ивара, то они в основной своей массе были людьми ссыльными. Многие, очевидно, были самыми обычными убийцами, бежавшими от мести или судебной кары. Однако по большей части его отряды пополнялись за счет текущего народонаселения Севера, что поколение за поколением перекочевывало к Дальним островам, где обитали кельты: поначалу на острова Оркнейские и Шетландские, потом на Гебриды и, наконец, на материк, в Шотландию. Год за годом люди эти закалялись в схватках в Ирландии и на Мэне, Галловэе и Кумбрии. Меж собой они хвалились тем, — хотя бахвальство это кое-кого повергало в ярость, а в особенности тех норвежцев, которые считали Ирландию своею вотчиной, которой намерены были владеть или, во всяком случае, распоряжаться, — что в один прекрасный день Ивар Рагнарссон будет править всей Ирландией из своего замка на берегу Черной заводи — Dubh Linn, а затем поведет своих доблестных моряков в триумфальный поход против слабосильных королевств христианского Запада. «Уй Наиль еще не сказал своего последнего слова», — полушепотом говорили друг другу гаддгедлары по-ирландски, на языке, которым брезговали все без исключения викинги с Гебридов или Шотландии. Впрочем, говорили они об этом спокойно. Ибо, при всей их национальной гордости, они-то прекрасно знали, что нет людей более ненавистных на их родине, чем они сами, они — отступники от Христовой веры, они — приспешники тех, кто залил кровью и озарил пожарищами каждый уголок Ирландии, они ратным делом стремились стяжать себе власть и наживу, а не честь и славу, как то испокон веку было принято меж ирландцев со времен Финна и Кухулина, а также ратоборцев Ольстера.

Сейчас это готовое в любой миг загореться, как сухой трут, начиненное злобой и распрями пространство озарялось огоньками костров, на которых варилась вечерняя похлебка.

Шефа встретил воевода Ивара. Спросив имя, выслушав короткие пояснения англичанина, он хмуро осмотрел его задрюпанное обмундирование, фыркнул и кликнул из толпы малого, который должен был показать Шефу его палатку, спальное место, весло, а также познакомить с новыми обязанностями. Человек этот — Шефу так и не удалось, да и не хотелось запомнить его имя — сообщил ему, что есть четыре наряда, которые они несут по очереди: это охрана кораблей, караул у входа в лагерь, дежурство у загонов и, по необходимости, стража у шатра Ивара. Как правило, на каждое из этих заданий уходят корабельными командами.

— А мне казалось, что Ивара охраняют гаддгедлары, — заметил Шеф.

Его собеседник смачно сплюнул.

— Они охраняют его. И если он куда-то уходит, они идут с ним. А все добро и женщины остаются здесь. Кто-то должен их сторожить. Но если гаддгедлары далеко отойдут от Ивара — им может не поздоровиться: Кетиль Безносый давно на них зуб точит, да и Торвальд Глухой — тоже. И еще с десяток человек.

— А нам доверят охрану шатра Ивара?

Парень искоса посмотрел на него:

— А чем мы хуже? Послушай меня, *Enzkr*, если ты хочешь протянуть грабли к сокровищам Ивара, то лучше тебе самому их сразу отрубить. Так еще выйдет не слишком больно. Ты никогда не слышал, что Ивар сделал с ирландским королем в Ноуте?

Пока они совершали обход всех постов, он в подробностях описал Шефу, как Ивар наказывает не угодивших ему королей и их подданных. Шеф едва слушал своего проводника, пытаясь рассмотреть лагерь во всех подробностях. Что же до этих басен, то его явно решили поуготать.

Самым уязвимым местом в лагере выглядели корабли. Со стороны реки не возводилось укреплений именно по той причине, что нужно было оставить пространство для галер. Сами по себе корабли могли стать препятствием для нападавших, однако они в то же время были самым ценным достоянием викингов. Надо только прорваться через отряды, дежурившие на берегу реки, а дальше с факелами и топорами двинуться к кораблям. Причем выбить оттуда противника викингам будет непросто.

Другое дело — караульные у ворот. Этих ошеломить не легко. К тому же драться с ними придется на ровной земле и на равных условиях, а это означает, что огромные топоры викингов, их снабженные железными древками дротики быстро решили бы исход дела. Но даже если б и удалось пробиться через них в лагерь, там уже пришлось бы пробиваться через сомкнутые ряды воинов и вязнуть в палаточном городке с его шатрами и бесчисленными веревками.

Что же касается загона... Для него отвели площадь у восточной стены: печальная череда вбитых в землю столбов, кожаные ремни, которые не дают узникам ни на шаг отойти друг от друга. Кучка людей мастерила из холстины укрытие от дождя. На ногах и запястьях — железные путы. Правда, меж собой наручники и кандалы скреплены только кожаными узлами. На цепь викинги поскупились. Но к тому времени, когда человек окончательно перегрызет ремень, это сумеет заметить даже самый беспечный страж. За любую же провинность узники подвергались лютой пытке. Как заметил проводник Шефа, если охранник чересчур уж попортил раба и с продажей его могут возникнуть сложности, он может по своему усмотрению прикончить его, так чтобы и остальные призадумались.

За бревенчатой стеной загона вдруг мелькнули очертания знакомой головы. Ее обладатель лежал ничком на земле, повидимому сраженный постигшей его бедой. Белокурые волосы, задубевшие от грязи локоны. Его единоутробный брат... Альфгар! Еще одна жертва Эмнета. Голова шевельнулась, словно почувствовав обращенный к ней взор, и Шеф немедленно принялся глядеть в другую сторону — словно бы он брел по болоту и внезапно выследил оленюху или кабана...

— Вы еще не начинали продавать рабов?

— Нет.хлопотно с этим возиться. Пока в море выйдешь, англичане десять раз из засады ударят. А это все — Сигвардово добро. — Парень вновь выразительно сплюнул. — Он-то ждет, пока перед ним дорожку расчистят...

— Расчистят дорожку?

— Через два дня Ивар заберет с собой половину войска и пойдет на этого царька Ятмунда — Эдмундом вы его зовете, англичане. Или его разобьет, или страну ему разорит. Можно было все сделать раньше и легче, да мы много времени упус-

тили... Но, говорю тебе, не возрадуется Ятмунд, когда попадет в лапы Ивару...

— А мы здесь остаемся или идем с Иваром?

— Наша команда останется. — Парень вновь то ли с любопытством, то ли со злобою оглядел Шефа. — Зачем, потвоему, я тебе все это рассказываю? Все это время мы обеспечиваем охрану. Я бы и сам хотел пойти с Иваром. Думаешь, мне не хочется посмотреть, что он сделает с вашим королем? Я же тебе рассказал о делах, что творились в Ноуте... Так вот, был я на берегах Бойна вместе с Иваром, когда он чистил могилы их мертвых царей, а священники захотели ему помешать. И знаешь, что сделал тогда Ивар?..

На протяжении всего обеда тема эта не переставала занимать викингов и его дружков. Вслед за мясной похлебкой, соленой свининой и капустой появился бочонок с пивом. Кто-то тыпнул по нему сверху топором или ножом, и вся команда дружно начала прикладываться к образовавшейся прорези. Шеф выпил больше, чем собирался. События прошедшего дня теснились в его голове, поглощали его целиком. Ум пытался охватить и переработать полученные сведения, заложить хотя бы основы предстоящего плана. В ту ночь Шеф едва добрался до ложа. Тело ирландца, выгнувшееся в его руках в предсмертной судороге, было лишь одной из канувших в прошлое подробностей.

Усталость набросилась на него, поволокла за собою в дрему, в гресу. В не совсем обычную гресу.

* * *

Сквозь щель между ставнями открывался вид во двор. Стояла ночь. Светлая лунная ночь. Настолько светлая, что различимы были смутные тени от пробежавших по небу туч. А вдалеке мерцало зарево.

Рядом с ним стоит какой-то человек, что-то бессвязно бормочет, он хочет объяснить Шефу что-то важное. Но он, Шеф, может обойтись без него. Он знает все наперед. Смутные предвестия рока теснятся в его душе. А навстречу им поднимается страшная волна ярости. Он обрывает собеседника на полуслове.

То не заря занимается на востоке, молвит Шеф-который-не-Шеф. То не летящий к нам дракон, не пламя, что лижет

скаты этой крыши. То вспыхнули клинки врагов наших, которые хотят полонить нас спящих... Ибо грядет война, война, несущая горе этой земле. Вставайте же, воины, соберите в кулак ваше мужество, встаньте у дверей дома и бейтесь, как герои.

Во сне за спиной его все пришло в движение; воины вставали, поднимали свои щиты, опоясывались портупеями.

И в том же самом сне — и где-то за порогом сновидения, — не в том доме, где он стоял, и не в славной былине, что сама складывалась перед его воображаемым взором, — услышал он могучий клич. Слишком страшен он был, чтобы вырваться из груди человеческой. Шеф знал, что клич тот испустил бог. Но звучал он не так, как мог бы, пожалуй, прозвучать голос бессмертного: не было в нем ни благородства, ни достоинства. А была в нем насмешка, кривлянье, издевка.

— Ах, полудатчанин, который сам не из полудатчан! Не слушай ты отважного воина! Коль придет беда, не бросайся с головой в сечу. Припади к земле. Припади к земле...

* * *

Вдруг Шеф проснулся. В ноздри ударило горелым. Несколько мгновений, не в силах стряхнуть спуд забытья, мысль его беспомощно блуждала: странный запах, что-то очень едкое, похожее на смолу. Откуда здесь горящая смола? Тут же его захватила царящая вокруг суматоха. Кто-то уперся ногой в его живот, и тогда он пробудился окончательно. Палатка, казалось, содрогалась от проклятий людей, в полной темноте пытавшихся нащупать свои штаны, башмаки, оружие; на одном из бортов палатки маячили блики недалекого зарева. Наконец Шеф понял, что в продолжение всей этой минуты слышит неумолчный рев, в котором смешались беспорядочные вопли, треск падающих бревен, но все перекрывал пронзительный металлический скрежет, с каким встречаются друг с другом лезвия добрых мечей. То был рев сражения, что достигло своего пика.

Люди в палатке истошно кричат, кто-то еще пытается протиснуться к выходу. Но поздно. Рядом, совсем рядом, в нескольких ярдах звучит английская речь. Шеф вдруг вспоминает тот грозный клич, что еще звенит в его ушах. И он припадает к земле. Извиваясь, как ящерица, ползет к центру палатки, прочь от бортов. Вдруг один из бортов комкается.

Блеск наконечника пики. Викинг, что пугал его накануне своими рассказами, до сих пор не успев выпростать из-под одеяла ноги, поворачивается на бок и в то же мгновение повисает на древке пики. Шеф бросается к обмякшему телу, тянет его на себя, поверх себя. Во второй раз за несколько часов чувствует он в своих объятиях пляску смерти, толчки лопающегося сердца.

Теперь заходила ходуном и осела вся палатка. И в тот же миг десятки ног стали притаптывать ее. Пики нещадно кромсали барахтающихся, обреченных людей. Еще не раз и не два дернулось в руках Шефа тело викинга. Кромешная тьма вокруг него наполнилась невообразимыми воплями. Расцарапав его неприкрытое колено, зарылось в грязную землю лезвие меча. Затем вдруг палатку перестали топтать. Рой голосов и грохот сапог стали удаляться по проходу к центру лагеря. Через секунду с новым ожесточением зарычал страшный глас сечи.

Шеф уже понял, что произошло. Английский король, приняв вызов викингов, напал ночью на лагерь. То ли за счет какой-то необыкновенной выдумки, то ли благодаря повышенному самомнению противника, англичане умудрились проникнуть в лагерь через бревенчатый вал. Возможно, ухитрились перелезть его. Теперь они рвутся к кораблям викингов, к шатрам их воевод, истребляя попутно запутавшихся в одеялах людей. Почти не встречая сопротивления, они приближаются к логову заклятых врагов. Шеф похватал штаны, башмаки, перевязь и начал выкарабкиваться из-под груды тел своих недолгих товарищей по оружию. Выбравшись наружу, он вставил ноги в башмаки, натянул штаны и перевязь и, низко пригнувшись к земле, бросился бежать.

В двадцати ярдах от него не было ни одной стоящей фигуры. Вся поверхность была усеяна сваленными шатрами и палатками, под которыми угадывались очертания тел. Кто-то еще хрипло звал на помощь, кто-то хотел подняться на ноги. Нападавшие смертельным вихрем пронеслись по лагерю, рубя и кромсая все, что пыталось шевелиться.

Викингам еще нужно прийти в себя и построиться. За это время англичане смогут оказаться в самом сердце вражеского логова. И тогда исход битвы предрешен. Победа или поражение.

Вдоль ярко освещенной береговой линии валили клубы дыма, время от времени озаряемые сполохами пламени, когда вдруг занимался парус или свежепросмоленный корпус судна. Выхваченные из тьмы, корчились тени пляшущих демонов, градом сыпались дротики, бешено рассекали воздух топоры и мечи. Похоже, еще раньше англичане атаквали врага со стороны реки и не встретили здесь никакого сопротивления. Но ближайшие к судам викинги успели оправиться и теперь сражались с самозабвенной яростью. А что же сейчас творится в шатрах Рагнарссонов? Уж не пришел ли час, когда он должен попытаться вызволить Годиву? Разум был холодным и твердым, поводов для сомнений не оставалось.

Не все сразу. Битва еще в полном разгаре. Обе стороны мертвой хваткой вцепились друг в друга. Если викинги сумеют отбиться, тогда она останется тем же, кем сейчас, рабыней, наложницей Ивара. Но если англичане начнут одолевать... И если бы рядом с ней оказался он...

Он вновь бросился бежать, но не в гущу брани, где еще один едва вооруженный воин ничего, кроме скорой смерти, обрести не мог, а в противоположном направлении, к частоколу. Там по-прежнему темно и тихо. Впрочем, нет. Битва, оказывается, разгоралась не только здесь, в центре лагеря, но и в разных его уголках. Даже у дальних стен завязывались схватки. Там и сям мелькали пики, огненной петлей перелезали через частокол горящие головы. Король Эдмунд решил одновременно атаковать врага со всех сторон. Викинг, естественно, рвался спросонья туда, где видел непосредственный источник угрозы. К тому времени, когда всем станет ясно направление, в котором бросил Эдмунд свои главные силы, он должен выиграть битву. Или неминуемо проиграет ее.

Подобно тени, Шеф пронесся по лагерю и оказался у загона для невольников. Неровные отсветы пламени выхватили из тьмы человека, который, шатаясь, двигался ему навстречу. Бедро его почернело от крови. Длинное лезвие волочилося по земле.

— *Fraendi!* Братишка! — простонал он. — Остановись на минутку, помоги ногу перевязать...

Шеф пырнул его снизу и повернул в ране клинок.

Первый, подумал он, сжимая рукоять тяжелого меча.

Наряд, стороживший загон, все еще находился здесь. Сбившись тесной кучкой у ворот, часовые явно были преисполнены решимости отразить любой натиск. Тем временем

над стенами загона то и дело показывались и снова пропадали головы. Связанные вместе рабы подскакивали, чтобы разобраться в происходящем. Шеф перекинул меч через ближайшую стену. Одно мощное усилие — и он падает в загон вслед за ним. Тут же раздался окрик часовых. Они успели заметить его прыжок, но никак не могут решиться оставить ворота...

Вокруг него заметались тени. Испуская страшную вонь, они тянут к нему свои руки. Крепко выругавшись по-английски, Шеф отпихивает их в сторону, подбирает с земли длинный меч и с размаха перерубает кожаные путы, натянутые между первой же попавшейся парой наручников. Еще удар — и разъединены кандалы узника. Шеф сует меч в его руки.

— Давай начинай рубить ремни, — шипит он, поворачивается в то же мгновение к другому человеку, вытаскивает из ножен собственный меч... Невольникам не сразу удастся прийти в себя, но потом они начинают стряхивать с себя наручники, нагибаются за ножными путами и поддерживают их, чтобы легче было рубить. Двадцать раз ударило сердце — и половина узников уже на свободе...

И тогда со скрипом раздвигаются ворота изгороди, ибо стражники наконец-таки решились отловить незванного гостя. Но не успевает первый из викингов шагнуть в загон, как он уже намертво схвачен дюжиной рук, а в лицо его летит кулак. И вот он сам распластался на земле, а его топор и меч попали в чужие руки. На головы его товарищей, входящих со света в непроницаемую тьму загона, посыпались удары.

Рубя направо и налево невольничьи путы, Шеф вдруг встретился взглядом с Альфгаром. Единоутробный брат взирал на него со смешанным выражением удивления и лютой ненависти.

— Мы должны добраться до Годивы.

Медленный кивок.

— Давай вставай. Пойдешь со мной. Всем остальным — подобрать оружие у ворот. Помогите друг другу. Те, у которых уже есть оружие и кто хочет послужить королю Эдмунду, — прыгайте через стенку. И потом — за мной.

Шеф уже не кричал, а ревел. Он сунул меч в ножны, подбежал к стене, ухватился за край верхнего бревна, подтянулся и вторично перевалился через изгородь. Тут же к нему присоединился Альфгар, который еще пошатывался от того, что пережитого потрясения. Через мгновение вокруг них

роилось уже около двадцати бывших невольников; с изгороди теперь градом сыпались люди. Некоторые из них предпочли поскорее скрыться под покровом спасительной тьмы, другие, одержимые яростью, норовили расправиться со стражниками, которые так и увязли в схватке у ворот загона. Дюжина человек устремилась вслед за Шефом.

В рухнувшем палаточном городке в изобилии имелось оружие. Его можно было вырвать из рук покойников, выбрать себе из куч, в которые оно было уложено на ночь. Шеф рванул на себя полу палатки, придавленную мертвым телом. Подобрал щит и копье. Потом обернулся и, тяжело дыша, окинул пристальным взглядом свое подкрепление. Те тоже занялись сбором оружия. «Должно быть, крестьяне», — рассудил он. Но уж больно они удалые и отчаянные. То, что они испытали в лагере, повергло их в настоящее бешенство. Один из них, правда, отвечал ему сейчас не менее пристальным взглядом, могучий молодец, держится как настоящий воин.

Шеф простер руку в направлении битвы, бушевавшей у все еще нетронутых командных шатров армии викингов.

— Смотрите! Это король Эдмунд хочет раз и навсегда покончить с Рагнарссонами. Если у него это получится, викинги подожмут хвост, сгинут и никогда уже не вернутся. Если же нет, под нами будет гореть земля. Тогда они будут убивать и разорять всех без разбора. У нас есть силы, мы вооружены. Придем же на помощь королю, прорвемся к Рагнарссонам.

Недавние узники все, как один, изготовились к бою.

Альфгар чуть задержался.

— А ведь ты не с Эдмундом сюда пришел. У тебя ни одежды, ни оружия для боя...

— Не твое дело. Ступай вперед да помалкивай, — бросил Шеф и, перескакивая на ходу через многочисленные препятствия, устремился к женским палаткам.

Глава 8

Эдмунд, сын Эдвальда, прямой потомок Редвальда Великого, ныне милостью Божьей король восточных англос, с тоской и тревогой взирал на сечу через прорези забрала.

Они должны сломить строй викингов! Еще один приступ, и воеводы врага дрогнут, ряды их воинов рассыплются;

тогда в крови или в пламени все четверо Рагнарссонов умрут у него на глазах, а все остальное войско, эта Великая Армия, в смятении и страхе будет бежать куда глаза глядят. Но если викинги сумеют выстоять... О, если они сумеют выстоять, то изощренный в битвах ум разбойников очень скоро подскажет им, что если не считать обезумевших от лютой злобы лапотников с их факелами, в других концах лагеря им никто угрожать не может, что единственная серьезная сила находится здесь, перед самым их носом... И тогда викинги, навалившись своей превосходящей силой, втопчут их в прибрежную слякоть, тогда их, англичан, будут травить что крыс на последнем нескошенном участке поля. Он, Эдмунд, до сих пор бездетен. Будущее его династии, его королевства может родиться — или умереть — на этом ревущем, дребезжащем, клацающем клочке земли, на котором сошлись всего двести воинов, по сотне с каждой стороны, — лучшие ратоборцы Восточной Англии и ядро личной дружины Рагнарссонов: одни предпринимали сверхчеловеческие усилия, чтобы прорваться в логово мучителей своей земли, другие же как вкопанные стояли в сплетении лопнувших и натянутых веревок, не желая уступать ни пяди этой земли и стараясь привести себя в чувство после страшного пробуждения.

Кажется, им это начинало удаваться. Рука Эдмунда все крепче сжимала рукоять меча. Он чуть покачнулся, как бы обнаруживая намерение пойти вперед. Тут же ражие молодцы, что стояли по обе стороны от него, старшины королевской дружины, перекрыли ему путь. Эти готовы были в любую минуту прикрыть его и щитом, и телом. Они не дадут ему сломя голову ринуться в сечу. Как только завершилось избиение спящих и завязалось настоящее дело, они постоянно держались впереди на полшага.

— Спокойно, государь, — пробормотал Уигга. — Взгляните! Там бьется Тотта, да и все остальные парни. Они еще успеют смять этот сброд.

Слова эти были сказаны в момент, когда сражение вспыхнуло с новой силой. Сначала расслоились ряды викингов, и англичане устремились было в крохотный зазор. И тут же стали пятиться назад. Еще несколько шагов. Над шлемами и поднятыми щитами описывал бешеные круги боевой топор. Громыканье от ударов липового дерева вдруг пронзил лязг кольчуги. Волна нападавших вновь заколебалась и извергла

из себя тело с кровавым следом через всю грудь. На миг перед глазами Эдмунда мелькнула исполинская фигура, одной рукой вращавшая топор, что деревенский пастушок свой кнут, и зычно призывавшая англичан подойти поближе. Впрочем, их не нужно было упрашивать. Мгновение — и сомкнутые спины его воинов вновь закрыли королю видимость.

— Клянусь, мы прикончили сегодня не меньше тысячи выроdkов, — отозвался стоявший по другую от него сторону Эдди. Но король знал, что очень скоро или тот, или другой скажет: «Пора отступать, государь!» — и тогда ему придется убраться восвояси. Вот только удастся ли ему это? Большая часть его войска — деревенские рекруты во главе со своими танами — уже давно умыла руки. Они свою работу сделали: вслед за королем и его отборными бойцами перебрались через крепостной вал, пустили кровь спящим викингам, смяли караул у кораблей и запалили столько галер, сколько им позволил ошеломленный враг. Но они вовсе не рассчитывали занять место в строю и сойтись лицом к лицу с лучшими воинами Севера. Да и не имели никакого на то желания. Вырезать спящих или невооруженных людей — пожалуйста; но биться с ними тогда, когда они уже очнулись и готовы обрушить все свое бешенство на врага, — нет, для этого у короля есть ратники получше.

Только один прорыв, молился Эдмунд. Боже всемогущий, нам остался один-единственный прорыв через их строй, и тогда мы начнем разить и косить их со всех сторон... И тут же кончится война. О язычниках скоро перестанут вспоминать. Молодые парни перестанут удобрять эту землю своими телами. Из колодцев будут вытаскивать ведра с водой, а не детские трупы. Но если они продержатся еще минуту, хотя бы еще одну минуту, за которую бывалый жнец всегда успеет подточить свой серп, — тогда им, англичанам, здесь сломят хребет. А его самого, очевидно, постигнет участь Вульфгара.

От воспоминания о замученном тане в груди короля заклокотала такая ярость, что, казалось, дрогнули кольца на его кольчуге. Отпихнув в сторону Уиггу, обнажая на ходу меч, он уже выискивал глазами щель в рядах своих подданных, где бы он мог найти выход недавнему его бешенству. Он набрал полные легкие воздуха и прокричал так, что древнее его забрало отозвалось металлическим эхом.

— Вперед, в прорыв! Клянусь, тот, кто пробьется пер-

вым, получит награду из кладовых Редвальда! И сто фунтов тому, кто принесет мне голову Ивара!

А в двадцати шагах от него Шеф готовил к бою вытащенных из вражеской неволи узников. К тому времени ярко полыхало большинство из подожженных галер; зловещие блики блуждали по лицам воинов. Вокруг не было видно ни одной уцелевшей палатки викингов; все они были сметены яростным приступом британцев. Обитатели их либо погибли, либо корчились в смертельных муках. И только в одном-единственном месте, на которое и был сейчас обращен их взор, стояло восемь нетронутых шатров — логово Рагнарссонов, служившее обиталищем для их свиты и телохранителей. И еще — женщин.

Шеф повернулся и внимательно взглянул в лицо Альфгару и могучему тану, что стояли впереди сбившихся в кучку полуголых, натужно дышащих крестьян.

— Смотрите. Мы должны пробиться вон к тем шатрам. Там сейчас Рагнарссоны. «И, разумеется, Годива», — мысленно добавил он для себя. Впрочем, это могло заинтересовать разве что Альфгара.

Пятно света озарило угрюмый оскал тана.

— Повернись-ка, — сказал он.

Ряды сражавшихся вновь на мгновение расслоились, и показались два черных силуэта. Вспышки пламени каждый раз заставляли их в новых позах, чудовищно меняя очертания ратоборцев. Бешено петляли мечи, удары отражались с той же невообразимой силой, с которой наносились, — а сыпались они слева, справа, под всеми углами, — и каждый из них встречал точно выверенный ответ. Противники то вертелись, то словно вращались в землю; вскидывали щиты или сами взмывали в воздух, пропуская под собой секущий удар. Когда случалось выполнить атакующий прием, за ним немедленно следовала перемена стойки, дабы очередной удар вышел еще более тяжким. Даже отводя в сторону клинок соперника, старались они обессилить его руку, чтобы при следующем приеме получить хотя бы крохотное преимущество в виде чуть ослабленного захвата, слишком прямолинейного выпада, единого мига замешательства.

— Взгляните, взгляните на них, — едва ли не с нежностью промолвил тан. — Это самые сильные королевские ратники сошлись с лучшими бойцами из пиратов. Сколько вре-

мени можно продержаться против них? Я, положим, на полминутки развлеку такого. Насчет вас — не знаю. А из этих, — он показал большим пальцем на крестьян, — они сделают фарш для колбас.

— Нам нечего здесь делать. Давайте уходить, — резко выпалил Альфгар. Тут же пришли в движение и забубнили крестьяне.

Внезапно тан железным захватом сдвинул Альфгару локоть.

— Нет. Прислушайся. Это голос короля. Он созывает самых верных. Давай послушаем, чего он хочет...

— Он хочет получить голову Ивара, — процедил один из крестьян.

И все разом ринулись вперед — копья наперевес, щиты вверх. Тан не отставал от крестьян ни на шаг.

«Но ведь он знает, чем все кончится, — подумал Шеф. — Но он не знает, что это может кончиться совсем не так плохо».

В два коротких прыжка он оказался перед ними. Он ничего не объяснял, он все сказал жестами. Люди остановились и, один за другим побросав оружие, устремились к ближайшей обвешанной пламенем галере.

* * *

Рев сражения не помешал противнику расслышать и понять отчаянный клич короля. Там многие имели в наложниках англичанок, да и у отцов недостатка в них не было.

— Король Ятмунд позарился на твою голову, Ивар! — крикнул один из ярлов.

— А я от его головы отказываюсь, — ответил он. — Мне он нужен только живым.

— Что ты хочешь с ним сделать?

— Собираюсь хорошенько об этом поразмыслить, — пробормотал Ивар. — Пока не знаю. Что-нибудь новенькое, любопытное.

«Что-нибудь такое, что вселит в вас свежие силы», — закончил он про себя. Он метался то влево, то вправо, стараясь не упустить ни одного поворота в ходе сражения. Все едва не повисло на волоске. Чего уж удивляться, что его люди немало не в себе. Да он бы сам никогда не поверил, что у это-

го жалкого царька хватит дерзости пойти на приступ укреплений Великой Армии.

— Очень хорошо, — спокойно произнес он, поворачиваясь к гадгедларам, которые в качестве его личного подкрепления выстроились за его спиной. — Пора переходить к делу. Здесь, между шатрами, они уже не прорвутся. Ударим по моей команде. Пойдете прямо на них и не ленитесь, бейтесь как следует. Вы должны мне предъявить их царька — Ятмунда. Не прозевайте его. Он маленького роста, лицо прикрыто забралом.

Ивар вздохнул полной грудью и, подражая врагу, собрался возвысить свой голос над лязгом стали.

— Двадцать унций золота! Двадцать унций золота тому, кто поймает мне английского короля! Но только смотрите не убивайте его. Он должен достаться мне живым...

Но всего этого он прокричать не успел, ибо вдруг со всех сторон к нему стали тесниться ирландцы Муиртайга, издавая при этом испуганное блеянье.

— Взгляни, взгляни — что там?!

— Огненный крест идет на нас!

— *Mac na hoige slan.*

— Пресвятая дева, помилуй нас...

— Что же это такое, во имя Одина?!

Над головами воинов со страшной скоростью неслась огромная огненная масса. То был крест, чудовишный огненный крест. Английский строй чуть попятился, и вперед выступил Бранд-Убийца с высоко занесенным над головой топором. И тогда пылающий крест метнулся вперед. Бесноватые фурии, что держали его, выпустили его из рук.

Бранд успел отшатнуться в сторону, но, споткнувшись о натянутую веревку, с грохотом и кляцаньем рухнул оземь. Что-то ударило о плечо Ивара, и рука бессильно повисла. Когда же занялись стены шатров из вошеного льна, гадгедлары бросились врассыпную. К жуткой многоголосице битвы добавились теперь женский визг и стенания. Тут же из вороха пламени, исполненный ярости и азарта, еще не успевший сорвать с запястий кованые наручники, выскакивает полуобнаженный керл и кидается наперерез своим уносившим ноги мучителям.

Ивар видит летящее в него копьё. Привычным жестом скидывая руку со щитом, он отсекает наконечник от его де-

ревянного древка и в следующий миг корчится от невыносимой боли в плече. Этого мига хватает крестьянину, который подбирает треснувшее древко и без промедления пускает его в ход. И теперь он бьет от души, на убой. Чтобы упал и не встал больше враг.

Удар. Жахнула в глаза земля. Жар от горящего воска... «От руки лапотника, — мелькает в остывающем сознании Ивара. — Но ведь я — ратоборец Севера...»

В языках пламени пляшут теперь другие фигуры. Вон тот парень, который давеча, у заводи... Но он, кажется, наш... Чья-то босая пятка наступает ему на мошонку. Мгла спеленала, погребла под собой Ивара.

* * *

Не переводя дыхания, Шеф неся вперед с тлеющей мачтой. Уже давно изошли пузырями, кое-где обуглились его руки. Но только не сейчас об этом думать. Крестьяне ухитрились выдрать охваченный огнем деревянный остов, с которого еще не упал рей, а они с Альфгаром и таном подхватили его и что есть духу припустили к рядам воинов, мечтая успеть донести его до разящего броска. Но когда им все же удалось швырнуть мачту, из-за их спины выскочили не помнящие себя от бешенства керлы, а вслед за ними, разумеется, поспешили последовать лучшие ратоборцы короля Эдмунда, снесенные лютой яростью и жадной крови. Это означает, что прежде ему надо увести Годиву.

В двух шагах от него какой-то керл старательно обрабатывал палкой от сломанного копья поверженного викинга. Из-под ног его что-то завывало и хрипело. Другой крестьянин летит кровавым кубарем в сторону, снесенный мощным боковым ударом. А желтые пледы, кажется, решили окончательно смазать пятки: таков был мистический ужас, вселенный в их души этим огненным крестом, что послан был сюда для того, чтобы покарать их, предателей и вероотступников. И над всем этим — душераздирающие женские вопли.

Не раздумывая ни секунды, Шеф бросился к палатке с вздувшимися бортами: оттуда и доносился вой. Вытащив меч, он распорол ткань на уровне колен, ухватился за полу и со всей силой дернул ее на себя.

Из образовавшегося проема, что из рухнувшей мельнич-

ной плотины, на него хлынул вал бесноватых женщин. В сорочках, ночных рубашках, некоторые и вовсе со сна неодетые. Годива, Годива — где же она? Да вот же, там, с шарфом, обмотанным вокруг головы. Шеф хватает ее за плечо, разворачивает к себе, срывает шарф. Светло-русская грива, что сейчас, в отсветах пожарища, отликает бронзой. И безумные, какие-то бесцветные глаза. А ведь раньше они были серыми. Славная зуботычина — и он отшатнулся в сторону, с трудом удержался на ногах. И какая-то нелепая боль: вокруг него герои устилают телами землю, а ему помяли кулаком нос!

Придя в себя, Шеф выхватил из тьмы очертания знакомой фигурки. Она уносилась прочь, как и другие женщины. Но если те беспомощно замирали, то она словно бы воспарила над землей, как молодая олениха. Которая летит на верную гибель. Англичане теперь были повсюду; не давая врагу опомниться, они разили его и спереди, и с тыла, намереваясь, вне всякого сомнения, успеть вырезать знать и воевод викингов в скупые мгновения, отпущенные им до того, как на выручку, для свершения мщения явятся сюда воины из остальных частей лагеря. И потому, возбужденные ликованием, страхом, преодолением крайнего напряжения, косили они теперь все живое...

Шеф догнал ее, упал вперед, заплел ей ноги и прижал к земле, словно свирепый налетчик. Тут же увидев где-то сбоку крадущуюся тень, он размахнулся и обрушил удар, способный, по-видимому, раскроить противника на две половины. Затем оба покатились куда-то в сторону. Новая схватка не заставила себя ждать. Над ними замелькали чьи-то ноги, одежды, палицы... Он сгреб ее за талию и поволок в ближайший шатер, сплошь усеянный бездыханными телами.

— Шеф.

— Да, это я. — Он закрыл ей ладонью рот. — Слушай, что я скажу тебе. Нам нужно будет выбраться отсюда. Другого случая уже не будет. Бежим обратно, туда, где ты меня увидела. Сейчас там уже всех перебили. Если мы из этой свары выкарабкаемся, то дальше, у реки, нас уже никто не остановит. Все поняла? Тогда вперед...

Держа в одной руке меч, другой крепко прижимая к себе Годиву, Шеф втянул голову в плечи и шагнул в ночь. Глаза лихорадочно нащупывали брешь в сотне осатаневших бойцов.

«Вот и конец битве», — подумал Эдмунд. Он проиграл ее. Откуда ни возьмись явился этот сброд во главе с полуголым юнцом, и благодаря им он так разорвал последнюю цепь викингов. За несколько последних минут Великая Армия лишилась большей части бойцов, составлявших ее гордость и славу. От такого удара ей вряд ли когда-либо под силу оправиться. Во всяком случае, воспоминания о лагере на берегах речки Стаур будут являться викингам как тяжкий кошмар. Но он, Эдмунд, так и не увидел мертвого Рагнарссона. Там и сям виднелись небольшие отряды врага, которые продолжали биться спина к спине. Возможно, среди них были и Рагнарссоны. Лишь в одном случае вправе он считать себя победителем: если сможет еще хотя бы ненадолго продлить резню, сразить, умертвить каждого из тех, кто сжимает пока оружие.

Нет, об этом нечего и думать. Эдмунд чувствовал, как постепенно остывает кровь в жилах. С ледяным спокойствием заработал мозг. На дальних подступах к шатрам Рагнарссонов установилась зловещая тишина. Викинги, которым со стен частокола на голову сыпались стрелы, которых вывели из себя нахальные вылазки англичан и которые не желали, как их товарищи, получить нож в спину, — эти викинги не выдержали и на какое-то время оставили Рагнарссонов забтам горстки ратоборцев; но эти же викинги не позволяют бесконечно себя дурачить и не станут слишком долго сводить счеты с крлами, когда совсем неподалеку вырезают их вождей.

Эдмунд уже представил себе, как, отступив на безопасное расстояние от языков пламени, строятся эти воины. Вот кто-то рявкнул слова команды. И через пару минут эта силаща сотрет их в порошок. Их там не меньше тысячи. А сколько у него, Эдмунда, осталось людей? Тех, кто остался в живых или не счел за благо удалиться пораньше? Очевидно, не больше пятидесяти.

— Пора уходить, государь, — процедил Уигга.

Эдмунд кивнул. Все отпущенное ему время он использовал. Все, до единого мгновения. Пути к отступлению еще не перекрыты. С ним по-прежнему дюжина лучших его ратников, что сметет прочь с дороги любые случайные помехи.

— Отступаем, — коротко бросил он. — Туда же, откуда мы прорвались. Дальше — к восточному валу. И чтобы убивать каждого, кто попадется под ноги! Стоячих и лежащих, и наших, и викингов. Не оставляйте их Ивару. И дважды убедитесь, что человек мертв!

* * *

Сознание медленно прояснялось. Оно, однако, не желало возвратиться сразу и окончательно. Ему надо постараться не отпускать его. Потому что с ним, кажется, происходит что-то страшное. Грохот сапожищ. Все громче, громче, громче. Перед ним вырастает гигант-*draugr*, вобравший в себя, кажется, силы десятерых мужей, раздувшийся и сизый, будто трехдневной давности труп. Как и каждый, кто обитает в славной Вальгалле, он крепок и бодр. Но есть такие, кто возвращается на землю, чтобы подтрунить над своими потомками. Или — отомстить за их смерти.

Теперь Ивар вспоминает, кто он такой. И как зовут великана — тоже. Это ирландский король Маелгуала, замученный им несколько лет тому назад. Ивар видит, как струится пот по обезображенному ненавистью и мукой лицу; слышит, как бесстрашно поносит и проклинает его Маелгуала, как скрипят колеса под тяжестью припавших к рычагам великанов. Переброшенное через камень тело натягивается, пока наконец...

Сознание, явив Ивару хруст лопнувших позвонков, возвратилось к нему полностью. Что-то сковало мускулы лица, шеи, туловища. Что же это — его уже запеленали в плащ, приготовили для могилы? Он попытался резко приподняться — и тут же осел, пронзенный зверской болью в правом плече. Однако это добавило ясности голове. Еще одна попытка сесть — и теперь уже боль вгрызается в мозг. Но не справа, а слева, не там, откуда шел удар. Значит, тяжелое сотрясение. Надо лечь и не вставать. Но только не сейчас. Он уже знает, что его ждет...

Ивар сделал неуклюжую попытку встать на ноги. Головокружение. Ноги подкашиваются, с трудом разгибается тело. Оказывается, в руке он все еще держит меч. Надо поднять его. Но клинок не слушается, бессильно повисает. Ивар опирается на него и тут же чувствует, как лезвие легко входит во

что-то мягкое. Взгляд его перемещается к западу. Там, в зазоре между искромсанными стенками шатров, где по-прежнему не менее трех двадцаток его людей ведут отчаянный бой, чтобы еще немного выиграть время, — хотя это не мешало им по ходу дела разить своих врагов, — там и увидел он предвестие своей гибели.

О нет, то был не *draugr*. То был король. Он двигался прямо на него, невысокий крепыш в воинской маске. По-видимому, осознавший, что пора уносить ноги. Английский царек по имени Ятмунд. В сопровождении полудюжины исполнов, что держатся по обе стороны от него и чуть позади. Размерами они не уступят викингам, не уступят Виге-Бранду. Ясно же, королевские телохранители, душа и сердце королевской дружины, — *chempan*, как кличут их англичане. Покидая поле сечи, они со знанием дела, даже не останавливаясь, протыкали все попадавшиеся на пути лежащие тела. Что ж, с этим они справлялись на славу. Но только он бы с радостью проломил кому-нибудь из них голову, если бы... только сгодился для ратного дела, если бы не был ранен. И если бы было кому подать пример отваги. Итак, их шестеро. А он едва держит в руках оружие. А уж разить им и вовсе не способен... Покачиваясь, Ивар побрел вперед, наперерез врагу. Пусть потом ни с одних уст не сорвется слово, будто бы его, Ивара Рагнарссона, великого ратоборца Севера, застигли врасплох или при попытке унести ноги. Еще несколько шагов, и раскрашенное забрало повернулось к нему.

Истощенный вопль, судорожный взмах. Королевский перст тычет в него, Ивара Рагнарссона. Англичане срываются с места, кидаются к нему, мечи с визгом вылетают из ножен. Телохранители тщетно пытаются оттереть короля в сторону.

А тем временем Шеф, изнуренный безуспешными попытками найти путь к побегу, увидел наконец щелку между двумя покосившимися шатрами. Затолкав туда Годиву, он перевел дух, готовясь к решающему рывку.

Не вымолвив ни слова, она вырвалась из его рук и стремглав бросилась к какому-то воину. Тому с трудом удавалось сохранять равновесие. Она ухватила его за локоть, поддержала его... Боже праведный, да ведь это же сам Ивар! Сломленный, окровавленный. Шатается, а не стоит.

Из утробы Шефа вырвался вдруг звериный рык. Подражая повадкам тигра, он двинулся вперед. Шаг, другой, тре-

тий, острый клинок чуть опущено, готово уже в яростном выпаде пронзить неприкрытый латами кадык.

Но Годива опережает его, вцепляется в руку. Он пытается стряхнуть ее, но она только впивается в него крепче прежнего, а свободной рукой колотит его в голую грудь и не переставая вопит:

— Сзади! Сзади!

Шеф отпихивает ее, резко оборачивается и успевает заметить лезвие, занесенное над его шеей. Он яростно бьет по нему собственным клинком, уводит лезвие в сторону. Но за первым ударом незамедлительно следует повторный. Шеф приседает, и меч со свистом проносится над его головой. Надо только помнить, что Годива находится сзади, а стало быть, сам он должен стать стеной между ней и ошестинившимися клинками.

Стараясь не увязнуть в ворохах растяжек, он потихоньку начал пятиться. На него шло с полдюжины воинов. Но впереди всех держался человек в диковинного вида золоченом забрале. То был король. Не столь уж важно, сколько при нем ратников. В этот самый миг к Шефу-рабу, Шефу-собачонке обратился король Восточной Англии.

— А ну, прочь с дороги, — сказал Эдмунд, делая шаг вперед. — Ведь ты — англичанин. Это ведь ты мачтой с галеры разогнал всех викингов. Так вот, человека, который стоит позади тебя, зовут Ивар Рагнарссон. Ты слышал, что я обещал награду за его голову? Убей его сам. Или дай нам убить его. И награда — твоя.

— Эта женщина... — пролепетал Шеф. На самом деле он собирался сказать: «Оставьте мне эту женщину». Но времени у него на это уже не было.

Слишком поздно. Зазор между шатрами стал чуть шире, и ратборцы решили не тянуть понапрасну время. В мгновение ока один из них выскочил из-за спины короля и сделал мощный выпад, стремясь заколоть невооруженного юнца снизу, тут же переведя выпад в удар с разворота, а следующим движением, после того как второй удар не смог перерубить ему ребра или снести запястье, уже бил щитом в лицо. Как и в поединке с ирландцем Фланном, Шеф отпрыгивал, нагибался, вертелся на месте, не делая попыток нанести ответный удар или даже отразить выпады.

— Делайте с ним что хотите, — прорычал он.

Он отвел очередной удар и вдруг, нырнув телохранителю под щит, с отчаянной удалью вцепился ему в запястье, что было толщиной с лошадиную бабку, скрутил его, успел поставить бедро и швырнул славного ратборца Уиггу по всем правилам деревенской рукопашной подметать ягодицами грязь.

Рухнул же тот прямо под чьи-то ноги и услышал над собой боевые кличи, грохот и клещанье стальных ударов. Двенадцать человек викингов во главе с Виггой-Брандом явились, чтобы вызволить из лап смерти своего вожака. И теперь уже английские воины стеной окружили своего повелителя и умирали один за другим, а Ивар слабым голосом умолял, чтобы его люди не порешили короля Ятмунда на месте, оставили бы царька ему, Ивару.

Не обращая на кровавую свару ни малейшего внимания, Шеф выкарабкался из путаницы палаток и в нескольких ярдах от сражавшихся мужчин увидел беспомощно застывшую Годиву. Схватив ее за руку, он бросился бежать по направлению к догоравшим кораблям, увлек ее в мутные воды Стаура. За ними простиралось опустошенное английское королевство. Если он когда-либо попадет в лапы к его новым хозяевам, участь они ему уготовят лютую. Однако ж Годива с ним, цела и невредима. И он — ее избавитель.

Пусть сама она спасла от смерти Ивара.

Глава 9

Созвездия, что мутно поблескивали сквозь кроны деревьев, на востоке становились бледнее. Уже целую ночь девушка и ее спутник без устали пробирались сквозь дремучую чащобу. Присмотревшись, Шеф заметил, что самые высокие ветви, которые черными силуэтами заволокли небо, мерно раскачиваются. То колышет их утренний ветерок. А здесь, внизу, его совсем не чувствуешь. Но если же сейчас вдруг наткнуться на прогалину, что образовалась от падения какого-нибудь дуба или ясеня, то ноги вмиг вымокнут в росе. Жаркий выдастся день, подумал Шеф. Один из последних дней уходящего и такого богатого событиями лета.

Пора бы ему поскорей наступить. Оба уже совсем заочнели. На нем самом ничего нет, кроме башмаков да шерстя-

ных портков, в которые успел он влезть во время ночной неразберихи. На Годиве — только ночная сорочка. Там, у пылающих галер, она скинула свое длинное платье перед тем, как броситься в воду. Плавать же она умела как рыба, как выдра; точь-в-точь как выдры они и плыли: сколько хватало сил, держались под водой, стараясь не производить шума, избежать и всплеска, и случайного вздоха. Сотня неторопливых гребков — и десять вздохов на поверхности. Вверх по течению, которое в этом месте было совсем незаметным, слабеньким. Взгляд прикован к берегу. В любой миг могут появиться дозорные. Потом, подплыв к западному валу, где по-прежнему должны были дежурить часовые, они вобрали в легкие довольно воздуха, канули глубоко под воду и долго, долго не выплывали наружу, пока наконец не пришла пора вновь последовать повадке выдры. Еще четверть мили. И только тогда он решил, что им ничто не мешает ступить на твердую почву.

Во время побега он не испытал недомогания: несильные покалывания на обожженных ладонях в момент, когда он ушел под воду. Теперь же его трясло немилосердно, суставы так и ходили ходуном. Шеф не сомневался, что он вот-вот рухнет в беспамятстве. Ему надо подумать о себе, прилечь, дать отдых мышцам. А в голове выстроить события, произошедшие в его жизни за последние двадцать четыре часа. Он убил человека... Нет, уже двоих... Видел перед собой короля. С обычным смертным такое случается раза два за жизнь. Но в этом случае и король видел его, Шефа, даже говорил с ним! И еще он оказался лицом к лицу с Иваром Бескостным, величайшим из воинов Севера. И Шеф знал для себя наверное, что он убил бы его, не возникни перед ним Годива, и тогда бы прославил имя свое на всю Англию, на весь христианский мир.

Но она не дала ему это сделать. Но и это не все. Он предал своего короля, разве что самолично не отдал его на растерзание язычникам. И если только кто-то сумел бы прознать об этом... Но такие мысли надо стараться гнать прочь. Они спасены. А когда придет время, он полюбопытствует, как жилось Годиве у Ивара.

В поредевшей тем временем мгле беглецы разглядели очертания колеи. След был прерывист, наполовину зарос травой. Очевидно, последний раз ступила на колею нога тех,

кто, как и они, спасались от пиратов. Так или иначе, колея могла вывести их к обжитому месту: лагуне ли, сараю. Любой обветшавший сруб был ныне на вес серебра.

Дебри расступились, и они подошли к строению, которое не назвать было даже лачугой, но в качестве укрытия вполне пригодному. То был сложенный из веток навес. Местные лесорубы, по всему видать, хранили здесь поклажу и утварь, когда сами уходили на свой промысел в чашу, чтобы нарубить там жерди, из которых крестьянин потом поставит себе плетень или изгородь, сделает потолок, укрепит шаткие стены своей хибары.

Под навесом не было ни души. Входя, Шеф взял Годиву за руку и мягко развернул к себе. Все также держа ее за руки, он заглянул ей в глаза.

— Смотри, — сказал он. — Здесь у нас с тобой ничего нет. Я надеюсь, что когда-нибудь у нас будет собственный дом. Дом, в котором нас уже никто не потревожит. Для этого я вырвал тебя у викингов. Днем в дороге может приключиться всякое. А потому давай до вечера приляжем и попробуем хорошенько отдохнуть.

* * *

Дровосеки на скорую руку слепили из коры водосточный желоб, который начинался под шершавыми дранками и зависал над большим треснувшим ушатом. Полный до краев ушат мог послужить еще одним доказательством долгого отсутствия людей. Обнаружили они и груды хвороста, покрытую драным тряпьем, бывшим когда-то одеялом. Они, как могли, закутались в эту ветошь, свернулись калачиком и в тот же миг окунулись в сладкую дремоту.

Шеф проснулся, когда под навес скользнули косые лучи солнца. Он осторожно поднялся на ноги, стараясь не потревожить спящую девушку, и ползком выбрался из-под навеса. Пошарив рукой между сучьями, нащупал камень и огниво. Дерзнуть и разжечь костер? Да нет, лучше побережься. Водой и теплом они и так обеспечены, а варить им нечего. Придется питаться тем, что можно сорвать или поймать. Мало-помалу мысли его обратились к будущему. Сейчас, если не считать этих портков, у него ничего за душой. Так что любое приобретение будет подарком судьбы.

Вряд ли им стоит кого-то бояться на этом пути. Во всяком случае, не сегодня. Эту местность еще должны объезжать дозоры викингов, которые он встречал по пути в лагерь на Стауре, да только викингам в ближайшие несколько дней будет не до дозоров. Все, пожалуй, соберутся в лагере, подсчитают потери и будут решать, как им быть, — кто знает, возможно, сцепятся друг с другом, желая каждый взять армию под свое начало. Выжил ли Сигурд Змеиный Глаз? Если да, то ему нелегко будет вновь привести это войско в послушание.

А что до англичан, то, по понятиям Шефа, они должны были убраться как можно дальше от реки и разбрестись по лесу, в котором к тому времени и без того обреталось уже немало народу. Эти люди бежали из сечи еще раньше, до решающего мига, то ли со страху, то ли по иной причине. Сейчас каждый из них, не шадя сил, пробирается к родному дому. Шеф даже сомневался, чтобы в пяти милях окрест лагеря мог встретиться хоть один англичанин. Они смекнули, что приступ их государя захлебнулся и что сам он, по всей вероятности, мертв.

Припомнив рассказы молодого разбойника о том, как Ивар обходится с пленными королями, Шеф искренне на это понадеялся.

Он вернулся под навес и блаженно растянулся на пригретом солнцем одеяле. На бедре непроизвольно задержалась мышца. Ожидая, пока она утомонится, он перевел внимание на вздувшиеся на ладонях волдыри.

— Хочешь, я тебе их прокалю? — Годива присела на корточках, оттянув коленями сорочку. В руках она держала длинную колючку. Он кивнул.

Она склонилась над его левой рукой, и вскоре по изгибу локтя скатился медленный ручеек слез. Он сжал правой рукой ее теплое плечо.

— Скажи-ка мне... Почему ты решила заслонить собой Ивара? Что между вами было в лагере?

Годива потупила взгляд. Кажется, не так-то легко ей было ответить.

— Ты знаешь, что меня... подарили ему? Это сделал Сигвард.

— Да. Сигвард — мой отец. Я знаю об этом. А что произошло потом?

Она не подымала глаз от его волдырей.

— Он подарил меня Ивару во время пира, когда на меня

глазели все воины. А на мне была только эта сорочка. Некоторые из них, говорят, над женщинами издеваются. Вот рассказывают об Убби. Этот выведет женщин прямо к воинам, и если они ему там в чем-то не угодят, то он тут же, на месте, передаст их своим людям, и те пользуют их всем строем. А ты знаешь, что я была девственницей... Я и сейчас — девственница.

— Ты все еще девственница?

Она кивнула:

— Ивар тогда не сказал мне ни слова. И только вчера меня привели в его шатер, потому что он решил со мной поговорить. Он сказал мне... сказал, что он не такой, как другие мужчины... Нет, он не кастрат. Он наплодил множество детей. Так он мне сказал. Но другие мужчины начинают хотеть женщину при одном ее виде. А Ивару этого мало... Ему нужно что-то еще.

— И ты знаешь, что же ему нужно? — резко спросил ее Шеф, вспоминая туманные намеки Ханда.

Годива покачала головой.

— Не знаю... И не понимаю. А еще он сказал, что если бы другие мужчины узнали, в чем дело, они бы подняли его на смех. И в молодости его прозвали Бескостным, потому что он не мог делать то же, что его товарищи. Правда, он перебил многих насмешников и потом вдруг понял, что это ему доставляет удовольствие. Теперь все, кто над ним насмешничал, мертвы, так что только самые близкие могут догадываться, что же с ним такое на самом деле. А если б все знали, то Сигвард бы никогда не осмелился подарить меня ему так, в открытую, при людях. Сейчас, говорит он, они зовут его Бескостным потому, что бояться. По ночам он превращается не в волка, не в дракона, как другие оборотни, а в огромную прожорливую змею, которая ночью выползает из норы на охоту. Не знаю, правда ли это, но так все говорят.

— А сама ты что думаешь? — спросил Шеф. — Ты не забыла, что они сделали с твоим отцом? А ведь он твой отец, а не мой, однако даже мне его жаль. И пусть Ивар не сам это сделал. Он отдавал приказы. Часто он именно так расправляется с людьми. Ты говоришь, он тебя пожалел, не стал насилловать. А откуда ты знаешь, что он для тебя приготовил? Еще ты говоришь, что у него есть дети. Но видел ли кто-нибудь их матерей?

Годива перевернула ладонь Шефа и принялась заново прокалывать волдыри.

— Не знаю. Он жесток, он ненавидит людей. Но это потому, что он их боится. Он боится, что они окажутся более мужественными, чем он сам. Да только как же они проявляют свою мужественность? Тем, что чинят насилие над теми, кто слабее их? Получая наслаждение от чужой боли? Может, это Господь послал Ивара — чтобы он наказывал людей за их прегрешения...

— Может, ты сейчас кручинишься, что я тебя от него отнял?! — Спазмы перехватили его горло.

Годива выпустила из пальцев колючку, медленно склонилась над ним. Коснулась щекой его обнаженной груди. Руки ее заскользили вдоль его туловища. Он привлек ее поближе к себе, и тут же свободная сорочка сорхнула с ее левого плеча. Шеф видел перед собой обнаженную девичью грудь; розовый, по-девичьи, сосок. За всю свою жизнь лишь однажды он лицезрел женщину в таком виде: то была неряха Труда — грузная крестьянка с желтоватым лицом и шершавой кожей. Сейчас его исковерканные ладони с неизъяснимой нежностью ласкали кожу Годивы. Если ему и приходилось взмечтать о таком — а это случалось, когда он, бывало, лежал один в хижине рыбака или заброшенной кузне, — то в мечтах это всегда переносилось в будущее, в те годы, когда он построит себе дом, когда он сможет заслужить ее, когда над ними не будет нависать опасность. Но здесь, в лесу, на пустоши, под лучами солнца, без благословения священника и согласия родителей...

— Ты гораздо лучше, чем Ивар, чем Сигвард, чем все другие мужчины... — пролепетала Годива, зарывшись лицом в его плечо. — Я знала — ты придешь, уведешь меня... Я все время боялась, что они тебя убьют из-за меня.

Шеф потянул за край сорочки. Перевернувшись на спину, она просунула колени под его тело.

— Мы оба должны были вчера умереть. Как же хорошо жить, быть с тобой рядом.

— В наших венах ни капли общей крови... Отцы и матери у нас разные...

И в лучах солнца он овладел ею.

За всем этим из кустов наблюдала пара мутных от зависти глаз.

* * *

Спустя час, прорываясь сквозь листву дуба, солнце еще вовсю припекало. Обласканный теплом, Шеф раскинулся на мягкой траве. Он был недвижим и бестелесен. Но он не забылся. Даже если это и было забытье, сознание бодрствовало; он заметил, что Годива куда-то улизнула. Он вновь размышлял о завтрашнем дне, о том, куда они пойдут. Возможно, в болота, подумал он, вспомнив о ночи, которую они провели с королевским таном. Он все еще чувствовал тепло солнца на своей коже, упругость дерна под спиной. Только казалось — они не здесь, далеко отсюда, в лагере викингов.... Дух его взлетел над лесной пустошью, покинул тело, выбрался из застенков сердца...

* * *

Он услышал голос — рокочущий, глубокий, исполненный величия.

«Ты похитил деву у могущественных людей!»

Шеф знал, что вместо него действует какой-то другой человек. Он был в кузнице. Вокруг все было знакомо: шипение тряпок, которыми он обертывал раскаленные рукоятки щипцов, ломота в спине и плечевых мускулах, когда он тащил раскрасневшийся металл из сердцевины горна, скрежет и шебуриание верхней части кожаного фартука, непроизвольное втягивание и взмахи головы, когда он хотел уберечься от ныряющих в волосы искр. Но кузница эта была не его, не эмнетовская; и не Торвинова, обнесенная рябиновыми гирляндами. Он не чувствовал подле себя границ; он стоял посреди огромной залы — безбрежной и такой высокой, что потолка было не видеть: лишь могучие колонны, что, удаляясь, указывали дорогу наверх, где стелилась пелена дыма.

Он взял в руки большой молот и принялся ковать форму из безликой массы, что поблескивала на его наковальне. Ему еще не ведомо было, что он собирается выковать. А руки все знали наперед, споро и сноровисто вращали крицу, ворочали щипцами, колотили то слева, то справа. То был не наконечник копья, не топор, не лемех, не резак. Похоже, это было какое-то колесо, колесо с множеством зубцов, заостренных на концах, словно в собачьей пасти.

Зачарованный, Шеф смотрел, как диковина эта рождается

после его ударов. Где-то в глубине души он сознавал, что сделать подобное невозможно. Ни один кузнец не сможет выковать такой предмет на своей наковальне. И тем не менее он знал, видел, как можно сделать такое колесо — выковать отдельно зубцы, а потом приплавить их к колесу, которое заготовил загодя. Но только к чему эта вещь пригодна? Может, если крутануть одно колесо снизу вверх, а другое колесо — иначе, вровень с землей, да так, чтобы зубцы на одном колесе сцеплялись бы с зубцами другого, то одно колесо начнет вращать второе.

Ну а дальше-то что из этого? А то, что все это как-то связано вон с той громадной штуковиной, в два человеческих роста, которая стоит у стены и сейчас едва проступает из мрака.

Неожиданно, словно бы внутренним видением, ощутил он некое присутствие, чей-то прикованный к себе взор. То были существа необъятных размеров, под стать этой зале. Он не смог бы толком разглядеть их, да и не решился надолго отвести взгляд от наковальни, но присутствие их ощущал каждой частичкой своего существа. Они стояли друг рядом с другом и не спускали с него глаз. Даже обсуждали его. То были боги Торвина, боги Пути.

Ближе всех к нему громоздилась могучая фигура, немерено разросшийся Вига-Бранд. Выпуклые бицепсы перекатывались под рубахой с короткими рукавами. Должно быть, Тор, подумал Шеф. На лице его застыла брезгливая, враждебная, недовольная гримаса. А дальше виднеется другой бог — востроглазый, остролицый, пальцы подоткнуты под серебряную перевязь, и вот он про себя, втихомолку, явно любит Шефом, словно бы присмотрел он себе на торгах жеребца, чистокровного, породистого, которого недотепа хозяин отдает по бросовой цене.

«Этот точно со мной заодно, — подумал Шеф. — Или он решил себе, что это я с ним — заодно...»

Сзади стояли еще двое богов: один был самый из них высокий, а последний, самый дальний, опирался на копые с трехзубчатым наконечником.

Шеф продолжал делать открытия. Оказывается, у него надрезаны поджилки. Если он и перемещался по кузнице, то не с помощью ног: они волочились за ним, как раздвоенный хвост. Весь свой вес он переносил на руки и, переставляя их, двигался от одного предмета к другому: от высоких стульев к вязанкам

дров, и дальше к скамьям, которыми — как казалось, вне всякого порядка — была заставлена зала, хотя вскоре он понял, что на самом деле все было подчинено единственной цели: облегчить ему передвижение по ходу работы. Впрочем, он мог даже и подняться на ноги, использовать их как опоры, но сухожилий не было, ноги от бедер до икр были неуправляемыми кусками материи. И беспрестанная тупая боль свербила ему колени.

Сквозь дымчатую хмарь залы проступили очертания еще одной фигуры, не огромной, как фигуры богов, а совсем крохотной, словно то был муравей или мышь, что вытаращила свои глазки из щели между деревянными панелями. Да это же Торвин! Хотя нет, не Торвин. Это небольшой, щуплый человечек с продолговатым лицом и пронзительным взором. И то и другое подчеркивалось редкими длинными волосами, спадающими с высокого темени. Однако одет этот человек был подобно Торвину — весь в белом, с ожерельем из ягод рябины. Схожи они были также выражением лиц: глубоко вдумчивым, внимательным, но здесь была и какая-то осторожность, страх.

— Кто ты такой, юноша? Уж не пришелец ли ты из царства людей, забредший во дворец Велунда? Как ты здесь оказался и каким образом отыскал ты Путь?

Шеф потряс головой, делая вид, что желает только уклониться от сыплющихся в глаза искр. Он бросил колесо в лохань с водой и принялся за следующую часть работы. Три быстрых, легких удара, переворот, снова три раза опускается молот, и какой-то раскаленный предмет летит в ледяную воду, а на его месте немедленно оказывается другой. Шеф понятия не имел, чем он сейчас занимается, но занятие это переполняло его возбуждением, диким, необузданным восторгом, какой может испытать узник, узнавший о дне своего побега и не спешащий поделиться этой радостью с тюремщиком.

Вдруг он видит, как к нему направляется один из исполинов — тот, с копыем, который ростом выше всех прочих. Человек-мышь тоже увидел его и поспешно нырнул во тьму. Теперь от него осталось только бледное-пребледное пятнышко.

Палец толщиной со ствол ясеня вздернул вверх подбородок Шефа. Сверху на него взирал один глаз, посаженный на лицо, что напоминало лезвие топора: прямой нос, выступающий подбородок, борода клинышком, косые скулы. После знакомства с таким лицом можно было с чувством облегчения разглядывать физиономию Ивара — как нечто, по крайней мере, постижи-

мое, выражающее вполне человеческие страсти, то есть злобу, ненависть, жестокосердие. Не то с этим лицом: если бы кому-то удалось прознать, что за мысли теснятся в этой голове, он бы до конца дней своих повредился рассудком.

И тем не менее лик этот выражал не одну неукротимую злобу, но и глубокую задумчивость.

— Тебе придется много дорог обойти, клопик, — проговорил он. — Хотя начал ты недурно. Молись, чтобы я не скоро тебя призвал!

— Но почему ты должен призвать меня к себе, Высочайший? — произнес Шеф, втайне поражаясь собственной дерзости.

Лицо сложилось в ухмылку. Будто отделилась от ледника и рухнула в пропасть льдина.

— Не спрашивай, — ответил он.

*Мудрый муж не смотрит в щели,
Не заглядывает в подпол, словно бобылиха.
Волк голодный, видит он врата Асгарда.*

Палец опустился, и, подгребая молот, наковальню, горн, скамьи, ведра, могучая длань вмиг смела их в небытие — и самого кузнеца вместе с ними, — как стряхивают с одеяла скорлупу от семечек. Шеф взмыл в воздух, совершил кувырок, другой, третий; сорвался и полетел в сторону фартук. Последнее, что осталось у него в памяти, это бледное пятнышко, напоминающее чье-то лицо...

* * *

Спустя мгновение он уже валялся на траве, на той самой пустоши под английским небом. Однако солнца больше не было и в помине; вместо него легли на его тело холодные, жуткие тени.

А где Годива? Кажется, она тихонько поднялась, а потом...

Вмиг отойдя ото сна, Шеф уже на ногах. Чужая присутствия врага, бешено блуждает взгляд. В кустах напротив какая-то возня, глухие удары, надрывный женский крик, которому мешает вырваться наложенная на уста ладонь и рука, скованная гортань.

Шеф бросается на этот звук, и тут же из густых дебрей выступают воины, ожидавшие сего мига в засаде. Как десни-

ца судьбы, они сжимают его в мертвое кольцо. А в глаза ему смотрит не кто иной, как гаддгедлар Муиртайг. Через лицо его пробежал синева-багровый рубец, который сейчас морщится от выражения едкой, сдавленной и удовлетворенной ненависти.

— Считаю, что побег удался, паренек, — сказал он. — Зря ты остановился, бежал бы себе и бежал. Тебе захотелось полакомить свой колышек иваровской девкой? Горячий кол голове покоя не даст. Ничего, мы тебе его сейчас остудим.

В приливе глухой тоски он сделал попытку ринуться к кустам, откуда доносились вопли Годивы. Стальные объятия легли ему на плечи. Они ее уже поймали? Как они умудрились их обнаружить? Не могли же они пойти по их следу!

Глумливое хихиканье прозвенело над гомоном гаддгедларов. Корчась от боли в лапах викингов, Шеф все же узнал его. То был смех англичанина. Смех его единоутробного брата.

Глава 10

Когда стараниями Муиртайга с шайкой он вновь оказался за знакомым валом, Шеф был близок к обмороку. Даже во время своего вешего сна он был изможден до предела. Попытки вырваться из захвата викингов, в свою очередь, тоже стоили ему дорого. Что же касается обратной дороги, то в лесу гаддгедлары то и дело осыпали его пинками и ударами, сами не забывая вглядываться в чашу, чтобы случайно не упустить какого-нибудь англичанина, который в этих местах вполне мог им повстречаться. Потом, когда они вышли на луг, где их поджидали товарищи, очистившие до этого округу от последних лошадей, ирландцы взялись за избивание своего пленника. Кажется, они торжествовали. Эти люди были страшно напуганы. Один невольник не смог бы заменить Ивару тех воинов, которых он накануне лишился. Уже в полузабвении, под спудом муки и усталости явилась мысль: ирландцы, довольствуясь той малой жертвой, которая подвернулась им под руку, решили выместить на ней весь ужас минувшей ночи. Впрочем, до конца понял он это тогда, когда, брошенного в невольничий загон, его исколотили на сей раз до потери сознания.

Очнувшись, он тут же пожалел об этом. В загон его бросили, когда утро было в разгаре. Весь долгий теплый осенний день он пролежал без памяти. Когда же наконец он сумел размежить набухшие веки и увидеть свет, он был разбит, покрыт синяками и ушибами, но ни ломоты в членах, ни головокружения не было. Впрочем, он продрог до костей, задышался от жажды, чувствовал пустоту в желудке. И главное, не мог прогнать страх. С наступлением ночи он попытался осторожно выяснить возможности побега. Их попросту не оказалось. Железные кандалы на ногах были надежно привязаны к крепким клиньям. Руки схвачены спереди. Со временем он, конечно, сможет подкопать клинья, перегрызть пути из сыромятной кожи; но даже малый шаг в сторону ничего, кроме окрика или пинка, ему не сулит. Помимо всего, у охранников не так-то много хлопот — пленников в загоне почти не осталось, в ночной смуте умудрились разбежаться едва ли не все захваченные за время этого похода невольники, прихватив с собой кое-какое добро недавних хозяев. Виднелось, правда, несколько незнакомых лиц. Немногим вновь прибывшим пленным викинги оказали такой же прием, как и Шефу.

Рассказы их были малоутешительны. То была горстка уцелевших воинов из отборной дружины короля Эдмунда, которые до последнего мгновения не оставляли попыток уничтожить Рагнарссона, обезглавить орду викингов. Все были с ранениями, в основном тяжелыми. Тихо переговариваясь меж собой, они готовились встретить смерть, в чем ни один из них не сомневался. Сокрушались они лишь из-за того, что им не удалось расчистить себе дорогу в первые две-три минуты атаки. С другой же стороны, рассуждали они, глупо надеяться проникнуть в сердцевину укрепления викингов и рассчитывать не встретить сопротивления. Они неплохо потрудились: корабли сожжены, команды их перебиты. «Мы будем уходить в славе, — сказал один из них. — Как орлы, мы стояли посреди тел павших врагов. Давайте же не будем терзаться, что умереть нам придется раньше, чем мы думали».

— Жаль только, что они взяли короля, — промолвил в наступившей тишине один из его товарищей, вместе со словами выдавливая хрипы из проколотого легкого. Все мрачно закивали, произвольно скосив глаза в угол загона.

Шеф задрожал. Менее всего он желал бы сейчас загля-

нуть в глаза королю Эдмунду. Разве можно позабыть, как король подошел к нему и просил его — бродягу, трэля, бездетного юнца — уйти и не мешать? И послушайся он его, англичане бы праздновали победу. А ему самому не пришлось бы испытать на себе всю полноту Иваровой ярости. Как ни туманен был его рассудок, но он не мог не запомнить насмешек своих мучителей насчет будущей расправы. И опять он вспомнил того олуха, который всего день назад показывал ему сидящих в загоне пленников и пугал его рассказами о том, как Ивар поступает с людьми, которые встали ему поперек дороги. А ведь он, Шеф, увел у него женщину. И не просто увел, а, уведя, познал; такой утраты и впрямь не воротишь. «Что они с ней сделали? — бесстрастно подумал он. — Вместе со мной ее в лагерь не потащили. Кто-то забрал ее и увел...» Но сейчас он не мог беречь себе душу раздумьями о ее судьбе. Чересчур уж много волнений внушала ему его собственная. К страху смерти, к позору предательства примешивался ужас перед Иваром. «Если б только можно было умереть от простуды, — снова и снова думал Шеф в течение этой ночи, — если б только умереть в эту ночь...» Он не хотел увидеть утро.

Мощный пинок в спину носком сапога вывел его из оцепенения. Занимался рассвет. Шеф медленно приподнялся, чувствуя в эту минуту один лишь черствый, разбухший, прилипший к гортани язык. В загоне всюю орудовали стражники: они перерезали веревки и стаскивали в одну кучу тела. Кажется, этой ночью кому-то повезло больше, чем ему. Однако прямо перед ним сидел на корточках кто-то маленький, щуплый, в грязной заляпанной рубаше. Человечек с желтоватым лицом, изборожденным горестными складками. Это — Ханд, и он принес глиняный кувшин с водой! Еще с полминуты Шеф не в состоянии ни о чем думать, а Ханд осторожно, с мучительной расстановкой, орошает его гортань и желудок. Лишь ощутив блаженную полноту под грудной косточкой, познав великую роскошь подтолкнуть избыток влаги к зубам и отрыгнуть его, Шеф догадался, что Ханд пытается с ним заговорить.

— Шеф, Шеф, услышь меня наконец! Мы должны с тобой кое-что выяснять. Где сейчас Годива?

— Не знаю. Я ее вывел отсюда. Потом, наверное, кто-то

на нее наложил лапы. Но меня они взяли еще раньше, так что я ничего поделывать не мог.

— Как ты думаешь, кто ее увел?

Шефу вспомнилось то хихиканье из кустов, нахлынувшее на него подозрение. Предположение, будто в лесу могли затеряться другие беженцы, показалось ему нелепым.

— Думаю, Альфгар. Он всегда был хорошим следопытом. Наверное, вынюхал нас. — Шеф помолчал с минуту, одолевая подступившую вялость. — Потом, думаю, он вернулся в лагерь и привел Муиртайга с его людьми. Может быть, они заключили меж собой сделку. Они меня получили, а он — ее. А может, он ее увел втихую, пока они разбирались со мной. Их было не так много, чтобы разделяться. Особенно после того страха, что они тут натерпелись...

— Теперь слушай. Ивара больше занимаешь ты, чем Годива. Но он знает о том, что ты увел ее из лагеря. А это плохо. — Ханд потеревил свою реденькую бороду. — Шеф, подумай-ка еще разок. Мог кто-то на самом деле заметить, что ты сам, своими руками убивал викингов?

— Я убил только одного. Но это было в темноте, никто этого не видел. Это еще не так страшно. Но меня, наверное, могли запомнить, когда я залез в загон и начал освобождать пленников — в том числе и Альфгара, — кривя уста, добавил он. — И самое главное: я, если знаешь, сорвал с корабля горящую мачту и пробился через щиты викингов. У королевских ратников этого не получилось. — Шеф бросил взгляд на ладони. На месте волдырей теперь были белые подушечки кожи с крохотными точками посередине.

— Понятно. Но все-таки этого может быть мало, чтобы Ивар решил пустить тебе кровь. Мы с Ингульфом за последний день спасли для него десятки людей. Если б не мы, почти все его воеводы сейчас бы смердели и разлагались или остались бы жить с увечьями до конца своих дней. Знаешь, он умеет даже сшивать кишки в животе, так что если человек попался крепкий, от боли не умер, и если зараза во внутренности не проникла, то он будет целехонек.

Теперь Шеф внимательнее пригляделся к разводам, покрывавшим рубашу Ханда.

— Ты хочешь сказать, что хлопочешь за меня? Перед кем — Иваром?!

— Да.

— Вместе с Ингульфом? Но ему-то что за дело до меня?

Ханд смочил в остатках влаги ломоть хлеба и передал его другу.

— Это все из-за Торвина. Он говорит, что это долг людей Пути. Говорит, что тебя необходимо спасти. Не знаю уж почему, но только он из кожи вон лезет. Ему кто-то вчера о тебе рассказал, и он тут же примчался к нам. Скажи мне, натворил ты еще что-нибудь такое, о чем даже мне не сказал?

Шеф бессильно повалился на спину.

— Чего я только не натворил, Ханд... Но уж в одном я уверен: от Ивара вы меня не спасете. Я же украл у него женщину. Какой монетой за такое заплатишь?

— Воришек бьют, а ворах сходит с рук, — сказал Ханд, снова наполнил кувшин водой из меха, поставил его на землю, положил рядом краюху хлеба и накрыл пленника отрезом грязного грубого полотна. — С едой в лагере туго, а половина одеял пошла на саваны. Вот все, чем мне пока удалось разжиться. Так что перебейся пока тем, что есть. А уж если хочешь с Иваром расплатиться — посмотри сначала, как это получится у короля.

И Ханд кивнул в направлении угла загона, раньше скрытого от его глаз телами умиравших воинов, потом поднялся, прокричал что-то охранникам и удалился.

Итак, король. Какую же дань возьмет с него Ивар?

* * *

— Осталась ли, по крайней мере, еще надежда? — проце-
дил Торвин.

Сидевший на другом конце стола Бранд-Убийца поглядел на него с некоторым недоумением:

— Диковинные слова сходят с уст жреца Пути в Асгард! Ты сказал — надежда? Надежда — это слюна, которая вытекает из пасти волка Фенрира, который просидит на своей цепи до самого Рагнарека. Если бы мы приступали к нашим делам лишь потому, что уповали на некую надежду, то чем бы мы отличались от христиан, слагающих гимны своему Богу, ибо надеются, что после смерти он им предложит условия получше, чем в этом мире. Ты забываешь, кто ты есть, Торвин.

Говоря это, Бранд с любопытством поглядывал на свою

правую руку, которую прислонил к грубой поверхности стола близ кузнечного горна. Между указательным и средним пальцами на ладони имелась глубокая выемка, откуда почти до самого запястья шла рубленая рана. Сейчас над ней корпел лекарь Ингульф. Первым делом он промыл рану теплой водой, источавшей слабый аромат какого-то зелья. Затем неспешно и осторожно раздвинул края разреза. Вслед за продвижением пальцев Ингульфа на миг открывалась и тут же исчезала под наплывами крови белая косточка.

— Было бы куда лучше, если бы ты пришел ко мне сразу, а не ждал полтора дня неизвестно чего, — произнес лекарь. — Пока рана свежая, с ней меньше хлопот. А теперь она стала покрываться коркой, и приходится ее вскрывать. Можно было бы зашить ее наудачу, но ведь мы не знаем, что было на клинке у того человека...

Брови Виги-Бранда увлажнились от пота, но он продолжал говорить с прежней рассудительной мягкостью.

— Не отвлекайся, Ингульф. Я на своем веку много повидал смердящих ран, чтобы полагаться на случай. А это — просто боль. Другое дело — гниение. Тогда уже смерть.

— Все равно прийти надо было раньше.

— Я полдня провалился среди трупов, пока один смысленный парень не заметил, что они все холодные, а я почему-то теплый. А когда я очухался и осознал, что это и впрямь самая пакостная рана, которая была в моей жизни, ты был занят более неотложными делами. Правду ли говорят, будто ты вывернул кишки наизнанку старому Бьеру, а потом заштопал их и положил как следует, на место?

Ингульф кивнул, потом внезапно взял в руки пинцет и извлек из раны осколок кости.

— Говорят, он теперь называет себя Гринд-Бьер, потому что, дескать, увидел врата самого ада.

Торвин порывисто вздохнул и подтолкнул к левой руке Бранда пивную кружку.

— Довольно уже. Сколько можно сотрясать болтовней воздух! Отвечай прямо. Можем мы что-то сделать?

Бранд, с лицом белым, как снег, отвечал все тем же невозмутимым тоном:

— Честно говоря, навряд ли. Ты ведь хорошо знаешь, кто такой Ивар?

— Знаю...

— Именно поэтому на некоторые дела он умишком скудоват. Я не говорю о том, чтобы он простил; мы не христиане, чтобы спускать нашим обидчикам. Но ведь он и помыслить не желает, в чем его собственная польза. Парень выкрал у него женщину. Выкрал женщину, насчет которой Ивар что-то себе намечал... И добро бы, если б Муиртайг, дурень этот, привел ее обратно... Да нет, все одно, худо бы кончилось — потому как девка пошла с мальчишкой по доброй воле. А это означает — у мальчишки получилось с ней то, что у Ивара не вышло. Так что Ивар имеет право на кровь.

— Но ведь можно как-то вынудить его передумать! Принять какой-нибудь выкуп!

Ингульф тем временем принялся зашивать рану, с каждым стежком высоко задирая правую руку с иглой.

Торвин притронулся рукой к серебряному молоту, что колыхался у него на груди.

— Клянусь, то будет величайшее свершение во имя нашего дела, Бранд. Ты ведь слышал о том, что среди людей Пути есть те, кому позволено *увидеть*?

— Помню — ты говорил мне об этом, — подтвердил Бранд.

— Они попадают в палаты Могуущественного, они беседуют с богами, а потом возвращаются и рассказывают нам о том, что видели и слышали. Правда, многие полагают, что все это грезы, сновидения, туманности души... Но ведь люди эти обыкновенно рассказывали об одном и том же! Не всегда, впрочем, но великое множество раз; часто это похоже на правдивый рассказ о разных подробностях одного события, как, например, сказывали бы потом об этой ночной битве и одни бы толковывали, что англичане нас одолели, а другие — что это мы их взгрели, хотя все рассуждали бы об одном и том же, о том же событии, времени, месте. И если рассказы эти в чем-то совпадают, значит, сказанному можно верить.

Бранд фыркнул. То ли от недоверия, то ли от боли.

— Мы же не сомневаемся в том, что существует Горний мир, что есть люди, которые рано или поздно попадают туда. И вчера произошло нечто воистину диковинное. Ко мне пришел Фарман — Фарман, который служит Фрейру, подобно тому, как я служу Тору, а Ингульф — Идуне. Он не раз путешествовал в иных мирах, хотя я — ни разу. И он говорит... Утверждает, что был в Великой Зале, там, где боги собирают-

ся, чтобы вершить судьбами девяти миров... Он притаился на полу и был подобен комнатной мыши, что обитает за стенами наших жилищ. И он видел, как совещаются боги...

А потом он увидал моего ученика Шефа. В том он уверен. Ранее он встречал его в этой кузне, и вот он ему явился в видении. Одет он был странно, как одеваются охотники в лесах Рогаланда и Галогаланда. При этом он почти не мог стоять, словно его сделали калекой... Но в лице его он не мог ошибиться. А потом с ним заговорил самолично Отец всех богов и людей. И если б Шеф вспомнил то, что он сказал ему... Крайне редко случается, — заключил Торвин, — чтобы один пришелец в Горний мир увидал другого. Очень редко боги заговаривают с пришельцем, даже просто замечают его. А уж когда совпадает и то, и другое... Но и это еще не все. Кто бы ни был тот человек, что дал мальчишке такое имя, он не соображал, что делает. Теперь-то считается, что это собачья кличка. Но так было не всегда! Слышал ли ты когда-нибудь о Скволде?

— Он — прародитель Скволдунгов, великих датских королей, которых Рагнарссоны и их папаша давно бы лишили престола, если б посмели.

— Англичане прозвали его Скволдом Шифингом, думают, что это значит «Щит-со-Снопом» и рассказывают дурацкую байку о том, будто бы он переплыл океан, сидя на щите, а за ним плыл стог сена. Но любой разумный человек скажет, что Шифинг означает вовсе не «со снопом», а сын Шифа. Кто же такой Шиф? Кто бы он ни был, это он отправил могущественного короля странствовать по волнам, передал ему свою науку о том, как прославить и привести к процветанию свой народ. Это имя того, кто сулит великую радость, особенно же если он получил его по чьей-то неумышленной воле! Ибо англичане в этих местах «Шиф» произносят как «Шеф»... О, мы должны спасти его, избавить мальчишку от расправы Ивара по прозвищу Бескостный. Ведь тебе известно, что есть люди, знакомые и с оборотной стороной Иварова существа, которая не имеет ничего общего с человеческим обликом.

— На то и оборотень, чтобы иметь несколько кож, — согласился Бранд.

— Он — выкормыш Локи, посланный в этот мир нести горе и разруху. Мы обязаны вырвать моего ученика из его

лап. Как же нам поступить, Бранд? Если ни тебе, ни мне не удастся убедить его, не можем ли мы купить его гнев? Есть ли для него нечто более желанное, чем услада мщения?

— Мне нечем ответить тебе на твои рассказы о пришельцах в Горний мир, — молвил, поразмыслив, Бранд. — Ты же знаешь, я примкнул к Пути потому, что он учит великим искусствам и ремеслам вроде того, которым промышляет Ингульф. И еще потому, что я презираю как христиан, так и помешанных кровопийц вроде Ивара. Однако мальчишка этот — храбрец, коли пролез в лагерь ради спасения девчонки. Уж я-то знаю, для этого особенная жилка нужна. Ведь я и сам заявился в Бретраборг, чтобы заманить сюда Рагнарссонов — по наущению твоих товарищей, Торвин... Так что малый мне этот нравится. Правда, я знать не знаю, что Ивар ценит по-настоящему. Да и кто это может знать? Зато я могу тебе сказать, что ему нужно. И Ивар, пусть он и помешанный, не может этого не принять. А если даже откажется, Змеинный Глаз его заставит!

Ингульф и Торвин задумчиво кивнули.

* * *

Люди, которые пришли за ним, посланы не Иваром, немедленно вслед за их появлением заметил Шеф. За то время, что он провел в окружении язычников, он научился распознавать если не все, то основные отличия, что бытовали в их войске. Перед ним были не гаддгедлары; не было в их облике и тех ненорвежских или же полунорвежских черт, свойственных людям с Гебридов или Мэна, которыми так охотно пополнял Ивар свое войско; впрочем, незаметно было и того независимого душка и малоухоженной внешности, часто встречавшихся у его норвежских головорезов, в большинстве своем младших сыновей и изгоев, порвавших со своими семьями и с отчим домом, оставшихся теперь без всяких надежд на пристанище и какую-нибудь жизнь, кроме бивуачной. Люди же, вошедшие в загон, были дородного сложения; не юноши, зрелых, почти средних лет — волосы у многих были схвачены сединой. Перевязи отливали серебром, на рукавах и на шее в ознаменование десятилетий служения ратному ремеслу поблескивали золотые браслеты.

Когда начальник стражи попытался помешать их целена-

правленному продвижению и велел им убираться, откуда пришли, Шеф даже не расслышал их ответа; он прозвучал тихо, как будто говорящий был уверен, что впредь ему не придется повышать голос. Когда же его тюремщик прикрикнул на них, тыча пальцем в сторону разрушенного лагеря и, кажется, сгоревших шатров Ивара, слова его оборвались на звуке глухого удара. Вслед за тем послышался жалобный вой. Вожак знатных воинов поглядел вниз, как бы желая убедиться в том, что попыток дальнейшего сопротивления не предвидится, засунул в рукав продолговатую песочную дубинку и тронулся вперед, более не удостоивая стражника своими заботами.

Пути, стягивавшие ему лодыжки, были распороты, и он одним рывком поднялся на ноги. В бешеном упоении вдруг забило сердце. Его ведут на смерть? Сейчас они вытащат его из загона, подведут к ближайшему пустырю, в одно мгновение поставят его на колени и обезглавят. Он впился зубами в губу. Мольбы о пощаде они от него не услышат. Эти душегубы, видать, надеются позабавиться, глядя, как умирает англичанин. Придав лицу угрюмое выражение, он заковывал к выходу из загона.

Пройти ему довелось всего несколько ярдов. Они вышли из ворот, прошли вдоль ограждения, а затем резко встали у следующих ворот. Шеф вдруг почувствовал, что вожак тщательно его осматривает, точнее, вглядывается в его глаза, словно бы рассчитывает отыскать в непроницаемом лице Шефа признаки, указывающие на способности к пониманию.

— Ты понимаешь по-норвежски?

Шеф кивнул.

— Тогда пойми одну вещь. Заговоришь ты со мной или нет — значения не имеет. А если *этот человек* заговорит — может быть, будешь жить. Может быть! От многого это зависит. Но кое-что тебе очень может помочь. Да и мне тоже. А тебе сейчас, будешь ты жить или нет, позарез нужны друзья. Друзья во время суда. И в пыточной — тоже. Умереть-то можно по-разному. Ну, хорошо. Давайте, введите его. И закройте хорошенько!

Шефа толкнули под укрытие из досок, которые одним концом были наброшены на стену загона. Сначала он увидел лишь крепко вколоченный столб, на нем — железное кольцо. С кольца свисала, стелилась по земле к другому кольцу цепь.

В мгновение ока хомут укрепили на его шее, проделали проволоку в отверстия по обе его стороны. Два раза взлетает молоток, беглый осмотр, потом еще один удар. Человек повернулся и, тяжело ступая, удалился. Ноги Шефа получили свободу, но руки по-прежнему были связаны. Ошейник же и цепь позволяли ему отойти от столба всего на пару шагов.

Теперь в полумраке укрытия Шеф смутно различал очертания человека, также посаженного викингами на цепь. И было в этом распластанном на земле теле нечто, что всколыхнуло в душе Шефа волну стыда, страха, смятения.

— Господин... — прошептал он, запинаясь, — господин... Ты — король?

Тело зашевелилось.

— Я король Эдмунд, сын Эдвальда, короля Восточной Англии. А ты кто таков? Поговору судя, ты родом из Норфолка. Но ты не из моей дружины... Может быть, ты — рекрут? Они поймали тебя в лесах? Повернись, я должен рассмотреть твоё лицо.

Шеф сделал как было велено. Прошел несколько шагов, натянув цепь до предела. Лучи клонящегося на запад солнца брызнули сквозь открытую дверь укрытия и осветили его лицо. Он застыл, в ужасе ожидая слов властительного узника.

— Так-так. Ты — тот самый, что встал между мной и Иваром... Я запомнил тебя. У тебя не было ни доспехов, ни оружия, но ты преградил путь Уигге и на десять ударов сердца вывел из строя. Если б не ты, то были бы последние десять ударов сердца в жизни Бескостного. Скажи мне, зачем понадобилось англичанину спасти викинга? Ты... сбежал от хозяина? Был рабом при монастыре?

— Хозяином моим был твой тан, Вульфгар, — сказал Шеф. — А во время пиратского набега... ты знаешь, что они с ним сделали?

Король кивнул. Теперь, когда глаза его попривыкли к яркому свету, Шеф мог в подробностях разглядеть его лицо. Непреклонное, волевое, оно не взывало о жалости.

— Они увели с собой его дочь — мою... мою сводную сестру. Я добрался до лагеря, чтобы спасти ее. Ивара я не хотел защищать, но твои люди убили бы их обоих — они готовы были убивать всех подряд. Я только хотел, чтобы вы дали мне оттащить ее в сторону! А потом бы я стал драться на тво-

ей стороне. Я — не викинг. А двоих я убил своими руками. И для тебя, король, я совершил одно важное дело...

— Я помню. Я крикнул, чтобы нашелся человек, который прорвет их строй. Ты это сделал. Ты и шайка лапотников. Вылезли как из-под земли с горящей корабельной мачтой... Если б до такого додумался Уигга, Тотта или Эдди или другие мои бойцы, я бы сделал его самым богатым человеком во всем королевстве. Помнишь, что я обещал?

На миг он уронил голову, но затем резко поднял на Шефа глаза.

— Знаешь, что они теперь со мной будут делать? Сейчас они сколачивают капище, алтарь, на котором молятся своим языческим богам. Завтра они явятся за мной, положат на этот алтарь... А потом за дело возьмется сам Ивар. Умерщвлять королей — это же его ремесло. Один из людей, которые меня сторожили, рассказал мне, что присутствовал при расправе Ивара над ирландским королем Манстера. Он стоял рядом с тем камнем, на который Ивар положил короля, и видел, как его люди натягивали, натягивали веревки, — на его шее выступили вены, а он скликал проклятия именем всех святых на голову Ивара. А потом раздался хлопок — треснул позвоночник. Это запомнили все, кто там присутствовал... Однако для меня Ивар приготовил кое-что новенькое. Вообще-то они рассчитывали приберечь это для человека, который убил их отца, для Эллы Нортумбрийского. Но потом решили, что я заслуживаю той же участи... Они меня положат на алтарь лицом вниз. Подойдет Ивар и приставит мне меч к спине. А потом... пощупай себе спину — чувствуешь, как все твои ребра построены домиком, и каждое крепится к позвоночнику? Так вот, Ивар собирается отрезать мне от позвоночника все до единого ребра, начиная с нижних и кончая самыми верхними. Причем меч ему понадобится только для первого надреза, потом, как меня уверили, он будет пользоваться только молотком и стамеской. Когда же он срежет мне все ребра, он дерет кожу на спине, засунет руки в тело и начнет вытягивать ребра наружу... Думаю, что тогда я должен умереть. Говорят, что до этой самой минуты Ивар в состоянии не дать человеку издохнуть, но когда начнут вытягивать ребра, сердце, полагаю, должно разорваться... Когда это будет сделано, они вытащат со спины легкие, а потом развернут ребра так, чтобы они выглядели как крылья ворона или

орла... У них это так и называется: «вырезать кровавого орла»... Хотел бы я знать, что испытаю, когда он коснется мечом моей спины. Признаюсь тебе, молодой керл, — если мужество мое не оставит меня в этот миг, все остальное будет перенести легче. Но вот это прикосновение холодной стали, за которым следует боль... Никогда я не думал, что мне выпадет такой конец. Я защищал свой народ, ни разу не нарушил данного слова, творил милостыню сиротам... А знаешь ли ты, керл, что сказал Христос, когда он висел, умирая, на кресте?

Поучения отца Андреаса чаще всего сводились к восхвалению добродетельного целомудрия и важности своевременного внесения пожертвования в церковную казну. Шеф беззвучно покачал головой.

— Он сказал: «Господи, Господи, зачем ты оставил меня!»

Король долго молчал.

— А впрочем, я понимаю, для чего он это делает. В конце концов, я ведь тоже король... И я понимаю, чего хотят его люди. Последние месяцы были не лучшими для его армии. Они-то надеялись, что здесь им будет удобно высадиться, остановиться, а потом уже пойти для настоящего дела в Йорк! Так оно и могло бы случиться, не сделай они того, что сделали с твоим приемным отцом. Но с тех пор они ни бараклом не могут разжиться, ни хотя бы пары рабов отловить. Простого бычка приходится с боем доставать. А сегодня, чтобы там ни говорилось, их самих-то стало гораздо меньше, чем два дня назад. Они видели, как друзья их издыхают у них на глазах от полученных ран, а у скольких еще начнут завтра гнить раны! Поэтому, если они прямо сейчас не увидят чего-то грандиозного, они совсем опустят руки. Сядут ночью на корабли и уплывут восвояси... Так что Ивару нужно представление. Свидетельство триумфа. Показательная казнь. Или...

Тут Шеф вспомнил темные слова викинга, приведшего его сюда.

— Говори осторожней, государь. Они хотят, чтоб ты заговорил. А меня подослали, чтоб я тебя слушал.

Эдмунд вдруг прыснул и дико расхохотался. Свет уже почти померк, солнце скрылось, но еще густели долгие английские сумерки.

— Ну, тогда слушай. Я обещал, что сокровища Редвальда

достанутся тому, кто прорвет строй викингов. Ты это сделал. Поэтому я отдаю тебе эти сокровища. А ты уж поступай с ними как знаешь. Человек, который выдаст им такое, может выторговать себе не только жизнь! Скажем, если бы я их отдал, то стал бы среди них ярлом. Но Уигга и прочие предпочли умереть за меня, но не выдать тайны. Недостойно короля, тем более потомка Вуффы, пугаться пыток и смерти... А вот ты, малый... Как знать? Может, ты что-нибудь выгадаешь... Теперь слушай и запоминай. Я расскажу тебе тайну сокровищ Вуффингов, и, клянусь Богом, мудрый человек по моему рассказу сможет отыскать сокровища... Слушай, что я скажу тебе...

Король заговорил сиплым шепотком. Шефу пришлось обратиться в слух.

У ивового брода, у деревянного моста
Спят тихо короли, под ними корабли.
Глубокий, беспробудный сон домашней стражи.
Четыре пальца в линию сложи,
Из-под земли. Могила будет севернее прочих.
Вуффа, отпрыск Вегги, покрывает
Заветный клад. Попасть он должен в руки смельчака.

Голос его постепенно слабел.

— Последняя моя ночь, юный керл. Да и твоя, возможно. Хорошенько подумай, как ты будешь завтра себя спасать. Только я не думаю, чтобы викингам оказалась по зубам загадка англичанина... Впрочем, если ты — керл, королевская загадка и тебе не поможет...

Король замолчал. Слабеющим голосом Шеф попробовал было разбудить его, но его собственное истрадавшееся тело тоже переставало подчиняться ему, погружая сознание в тяжкую дремоту. Во время же сна королевские слова повторялись бесчисленное количество раз, наплывали, нанизывались друг на друга. Равно как и вырезанные на пылающем форштевне ладьи драконы.

Глава 11

Как и предсказывал король Эдмунд, Великая Армия переживала великий упадок духа. Застигнутые врасплох в своем собственном лагере войском крошечного государства,

дружиной неприметного королька, о существовании которого многие из них даже не догадывались, викинги, хоть и могли быть довольны исходом битвы, в глубине сердец знали, что был в ней миг, когда они дрогнули. Сейчас они хоронили мертвецов, вытаскивали на берег искалеченные остовы ладей, залечивали ранения. Между знатными вождями вовсю шла торговля — обговаривались условия продажи и обмена кораблей, перевода или замены людей, дабы вскорости увидеть свои отряды готовыми к новой сече. Но самих ратников, рядовых воинов, привыкших сжимать весло или топор, нужно было снова заставить рваться в бой. Показать, что их вожди по-прежнему уверены в себе. Некое действие, способное убедить их в том, что они и в самом деле — ратники Великой Армии, непобедимые воины Севера, перед которыми трепещет весь христианский мир, было необходимо.

С раннего утра люди начали стекаться на размеченную площадку неподалеку от лагеря. Ей и предстояло стать местом совершения *wapentake*, или, по-датски, *vapnatakr*, обряда клацанья оружием, когда мечи выбивают дробь о щиты. Таким способом воины клялись друг другу в вечном согласии. Или же — по недосмотру иных беспечных вождей — начинали выяснять возникшие еще раньше разногласия.

Но задолго до света вожаки викингов обсуждали виды на будущее, прикидывали боеспособность различных отрядов, учитывали настроения, которые могли посетить души и головы их непредсказуемого, своенравного войска.

К тому времени, когда за ним пришли, Шеф почти поправился, по крайней мере телесно. Голод по-прежнему буравил внутренности, жажда обжигала гортань и язык, но он был жизнеспособен, бодр, в ясном рассудке. Он полагал, что Эдмунд также проснулся, хотя тот лежал не шевелясь.

Люди Змеиного Глаза ступили под укрытие с той же деловитой уверенностью, что и накануне. В одно мгновение тиски закусили ошейник, заклепки были содраны. Ошейник разошелся и свалился на землю, а мускулистые руки живо вытолкали Шефа в промозглый осенний полумрак. Над рекой все еще редел туман, умщая влагой папоротниковый настил ската. Шеф уставился на него, раздумывая, нельзя ли прямо сейчас слизать эти капли языком.

— Вы вчера разговаривали. Что он тебе сказал?

Шеф покачал головой и взмахнул связанными руками в

сторону бутылки, висевшей на поясе у одного из воинов. Тот молча передал ее пленнику. Там оказалось пиво — мутное, с ячменной шелухой, по-видимому сцеженное с самого дна бочонка. Не переводя дыхания, в несколько мощных залпов Шеф влил в себя содержимое бутылки до последней капли. Вытирая рот и передавая бутылку владельцу, он чувствовал, как пиво раздувает его, словно пустой мех. Взглянув на его лицо, разбойники удовлетворенно заурчали.

— Как — хорошо? Пиво — это хорошо. И жить хорошо. А хочешь жить и пиво пить, скажешь нам то, что вчера от него услышал...

У викинга по имени Дольгфинн было свойство надолго приковывать взгляд к человеческому лицу и не отводить его, пока он не приходил к определенному выводу. На этом лице он увидел признаки нерешительности, но только не страха. А также неисправимого упрямства. И ума. «Не ошиблись ли мы в этом парне», — подумал он и дал отмашку, заранее оговоренный сигнал. От стоящей невдалеке группы воинов отделился огромный викинг с золотой цепью на шее. Левая его рука покоилась на серебряном навершии рукояти. В то же мгновение Шеф узнал его. Это был тот великан, с которым они сошлись во время сечи на мощеной дороге. Сигвард, ярл с Малых островов. Его отец.

Когда он приблизился к нему, остальные отступили на несколько шагов, чтобы встреча произошла наедине. Некоторое время они пристально изучали друг друга. Сигвард, осмотрев юношу с головы до пят, больше внимания уделил его телосложению. А Шефа занимало выражение лица викинга. «Ведь он смотрит на меня так, будто старается узнать во мне себя самого! Он все знает».

— Мы уже разок встречались, — начал Сигвард. — На мощеной дороге в болотах... Муиртайг донес, будто здесь оказывается мальчишка, англичанин, который говорит, что бился со мною. А теперь говорят, что ты — мой сын. Мощник знахаря, парень, который с тобой сюда пришел. Это его слова... Это — правда?

Шеф кивнул.

— Хорошо. Силушка в тебе есть, и дрался ты тогда как надо. Видишь ли, сынок, — Сигвард шагнул вперед и обвил бицепсы Шефа могучей лапищей, — ты только воюешь не за тех, за кого надо. Да, я понимаю, мать у тебя — англичанка.

Так ведь у половины людей в армии английские матери. Тут есть и ирландцы, и франки, и финны, и лопари, уж если на то пошло. Но кровь переходит от отца. Я знаю, что и вырастил тебя англичанин — тот придурок, которого ты пытался спасти. Но что ты от них хорошего в жизни видел? Если они знали, что ты — мой сын, то уж, клянусь, тебе не поздоровилось. Что, верно?

Он заглянул в глаза Шефу, чувствуя, что попал точно в цель.

— Ты, пожалуй, можешь сказать мне, что я тебя зачал да и бросил. Что ж, верно, так оно и было. Но ведь я ничего о тебе не знал. Не знал, что ты вырос таким молодцом. А теперь, когда ты здесь и я вижу, какой ты из себя, — что ж, теперь я заявляю, что буду гордиться тобой. Как и весь наш род... А потому — решайся. Я собираюсь признать тебя как своего законного сына. У тебя будут такие же права, как если б ты родился на Фальстере. Но ты перестанешь быть англичанином. Христианином. Забудешь свою мать... И как за сына я могу заступиться за тебя перед Иваром. А Змеинный Глаз меня поддержит. Ты сейчас попал в беду. Надо из нее выкарабкиваться...

Шеф отвел глаза в сторону. Здесь было о чем подумать. Он вспомнил кормушки в конюшнях, бесчисленные побои. Отчима, который наложил на него проклятие и обвинил в трусости. Вспомнил бестолковых, тяжелых на подъем танов, которые бесили Эдрика своей робостью вперемежку с кичливостью. Да можно ли всерьез мечтать о ратной славе, когда воюешь под началом таких людей? Шеф пригляделся. За отцом, первым в кучке воинов, от которой он отошел, и лицом к нему стоял юноша в богато разукрашенных латах. Лицо его было бледно, верхняя челюсть, как у лошади, далеко выдавалась вперед. «Еще один сын Сигварда. Еще один братец. И кажется, он тоже не настроен меня любить».

Шефу вспомнилось хихиканье в чаше.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Рассказать, что поведал тебе король Ятмунд. Или выяснить то, что мы хотим узнать.

Шеф тщательно прицелился, воздавая про себя хвалу улажившему гортань пиву, и сплюнул точно на носок кожного сапога Сигварда.

— Ты повелел отрезать Вульфгару ноги и руки, когда он

не мог сопротивляться. Ты отдал мою мать на поругание своим людям. Женщину, которая родила тебе сына. Ты — не *drengr*, ты — ничто! Я проклиная кровь, которая досталась мне от тебя.

Через мгновение люди Змеиноглаз стояли между ними, отпихивая назад Сигварда в сторону и крепко сжимая руку, судорожно стиснувшую рукоять меча. Кажется, он не слишком рьяно сопротивляется, подумал Шеф. Когда его теснили в сторону, он не отводил растерянного, недоуменного взгляда от лица сына. Похоже, он считает, что они не до конца друг друга поняли. Настоящий болван...

— Ты свое слово сказал, — процедил Дольгфинн, посланник Змеиноглаз, с яростью притягивая к себе пленника за сыромятную веревку. — Ну что ж. Сейчас отведите его на *varnatakr*. Потом выведите королька. Посмотрим, может, ему хватит ума передумать, пока наш сход не откроется...

— Ничего не выйдет, — проговорил один из его подручных. — Англичане биться не умеют, а уступать страсть как не любят. Пусть его забирает Ивар. А к вечеру и Один...

* * *

Остатки армии викингов теснились у наружной стороны восточного вала, недалеко от того места, где всего три дня тому назад Шеф перемахнул через частокол, а потом встретился глазами с Годивой и первый раз убил человека. По трем сторонам свободного квадрата выстроились плотными рядами воины, а четвертая отведена была ярлам, знати и Рагнарссоном с их ближайшим окружением. Простые викинги держались сразу за спинами своих рулевых и шкиперов. Они громко болтали друг с другом, окликали людей из других отрядов, всю делились впечатлениями, на сто ладов раздавали советы. В каком-то смысле в этой армии царил вольница. Много, разумеется, решали положение и заслуги, особенно когда доходило до дележа добычи, однако самому простому воину нельзя было просто так приказывать заткнуть рот, если у него хватало духу постоять за себя.

Когда Шефа выпихнули из строя воинов, над всем сборищем прокатился могучий вой. Загромыхали стальные удары. Осмотревшись, Шеф увидел, как к установленной в углу квадрата плахе подводят высокого человека. Даже с расстоя-

ния в тридцать ярдов голова его маячила над шлемами викингов. Лицо же его было ничуть не похоже на закаленные ветрами и солнцем лица людей, которым приходится большую часть жизни проводить вне стен дома — даже если этот дом расположен в Англии. Высокий человек был бледен как простыня. Без лишних проволок викинги толкнули его на плаху; один из них сгреб рукой длинные волосы на его затылке. Блеск стали, глухой стук — и голова скатилась на землю. Мгновение Шеф смотрел на нее как завороченный. Уже в Эмнете он повидал немало трупов, а в последние несколько дней и подавно. Но только не при дневном свете и совсем недолго. Раз решив предать человека смерти, они недолго мешкают. Нужно будет приготовиться в ту секунду, когда они начнут гроыхать мечами.

— Кто это был? — спросил он, кивая на голову, что отпихнули теперь в сторону.

— Один английский воин. Кое-кто, правда, рассказывал, что он верой и правдой бился за своего господина и мы, дескать, должны взять за него выкуп. Но Рагнарссоны сказали, что сейчас не до выкупов. Пришло время преподать урок... А теперь — твоя очередь.

Тычок в спину и, проделав несколько невольных шагов, он застывает прямо перед вождями Великой Армии.

— Кто поможет нам покончить с этим малым побыстрей? — прорычал один из вождей викингов голосом, который мог бы сделать честь бурям в Северном море.

И тогда вперед шагнул Ивар Рагнарссон. Гомон голосов улегся. Правая рука Ивара покоилась на перевязи. Проломанная ключица, подумал Шеф, подметив угол, под которым была подвешена рука. Так вот почему он не мог сразиться с воинами Эдмунда.

— Я расскажу об этом малом, — начал Ивар. — Перед вами не враг, а изменник, вероломный предатель. Он не из Ятмундова войска, он был в одном из моих отрядов. Я пригнул его, накормил, дал ночлег. Но когда появились англичане, он не стал биться на моей стороне. Он вообще не стал биться! Пока другие воины сражались, он сбежал и увел девку из моего шатра. Он ее выкрал, и назад она не вернулась. Девка пропала для меня навсегда, хотя принадлежала мне по праву как даренная мне прилюдно ярлом Сигвардом... Я бы потребовал, чтобы он расплатился со мной за девку, но распла-

титься ему нечем. Но если бы даже ему было чем заплатить, я все равно хочу его смерти, в наказание за оскорбление. И потом, он — предатель и виновен перед всем войском. Кто согласен со мной?

— Я с тобой согласен, Ивар, — отозвался другой голос, принадлежащий огромному седовласому воину, что стоял невдалеке от него. Кто это? Убби? Или, возможно, Хальвдан? Ясно только, что не главный вождь, не Сигурд. Тот так и продолжал стоять в окружении других ярлов. — Я с тобой согласен. Ему дали возможность доказать свою преданность, а он ее отверг. Явился в наш лагерь затем, чтобы шпионить, воровать, похищать женщин...

— Во что обойдется его вина? — вновь прорычал глашатай.

— Смерти одной ему мало! — крикнул Ивар. — За оскорбление я требую его глаза. Отдельно за девку он должен расплатиться своей мошонкой. А руками — за предательство перед всей армией! А потом — пусть себе живет дальше!

У Шефа оборвалось сердце. Позвоночник превратился в студенистую массу. Еще миг, опять поднимется вой, потом заклацает оружие, а когда сердце отстучит еще с десятков ударов, он увидит перед собой плаху и палача с ножом в руке.

Тем временем вперед неспешно протиснулся могучий бородатый человек в кожаном жилете. Рука его также была перехвачена обмотанной во множество слоев белой перевязью, на которой проступило несколько кровавых пятнышек.

— Мое имя — Бранд. Тут многие меня знают. — Ряды согласен загудели. — Я хочу сказать только две вещи. Первое. Скажи, Ивар, каким образом тебе досталась девчонка? Или, точнее, каким образом она досталась Сигварду? Коли Сигвард похитил ее, а мальчишка решил выкрасть ее у тебя, чтоб забрать обратно, в чем же его вина? Тебе надо было просто убить его, когда он ее похищал! Тогда ты этого не сделал, а теперь начинать думать о мести уже поздно... И еще кое-что я тебе скажу, Ивар! Это я пришел тебе на помощь, когда на тебя набросились воины Ятмунда. Я, Бранд, великий ратоборец Галогаланда. Я двадцать лет бьюсь в переднем строю. Пусть кто-то скажет, что я прячусь за чужие спины, когда ударяют копьеносцы! Эту рану я получил, когда защищал тебя, когда сам ты был сильно ранен. Сейчас я кое-что скажу тебе, и попробуй заявить, что я лгу! Когда битва уже закан-

чивалась и английский король смазал пятки, он со своими людьми наткнулся прямо на тебя. Ты был ранен, не мог держать меч. Люди твои все, как один, были уже мертвы. У меня оставалась только левая рука. Рядом с тобой тогда не было ни одного человека! Кто же тогда заградил тебя, кто обнажил свой меч против англичан? Этот мальчишка! Это он их отвлек на себя, а потом я подоспел с бойцами Арнкетили, и все вместе мы накрыли королька! Скажи-ка мне, Арнкетиль, лгу я или говорю правду?

С другой стороны квадрата отозвался голос:

— Все так, Бранд. Все так, как ты сказал. Я видел Ивара, видел и англичанина. Этого мальчишку. Я-то думал, они его кончили в этой сваре, и мне его даже жаль стало. Он славно бился.

— Вот видишь, Ивар, в похищении он не виноват. Вина в измене — тоже отпадает. Он же спас тебе жизнь! Не знаю, что у него там было с Ятмундом, но скажу одно: если этот парень так хорошо умеет красть девчонок, я ему приищу место в своем отряде. Нам нужно подкрепление. А если ты, Ивар, не можешь уследить за своими бабами, то какое это имеет отношение ко всему войску?

Ивар медленно подался вперед. Взгляд его застыл на Бранде. Словно змеиная кожа, лоснился бледный язык. Возбужденный гул прокатился по рядам войска. В нем не было ни на гран ненависти. Просто здесь страсть как любили развлеченья. А начало этого разговора было многообещающим.

Не сдвинувшись с места, Бранд коснулся ладонью навешенного меча. Когда расстояние между ними сократилось до трех шагов, Ивар воздел перевязанную руку так, чтобы ее увидели все воины.

— Когда рука у тебя выздоровеет, я вспомню об этих словах, Бранд, — промолвил Ивар.

— Когда у тебя срастется плечо, я тебе о них напому.

И тогда за спиной Ивара пророкотал холодный как камень голос. Голос Сигурда Рагнарссона, Змеиноглазого.

— Нам надо многое успеть сделать. Войско не может тратить время на болтовню о каких-то мальчиках. Так я сказал, и так будет. Мой брат Ивар должен свести счеты за украденную женщину. За спасенную жизнь он расплатится с мальчишкой, оставив его в живых. И не будет его калечить так, что жизнь ему станет не нужна. Но помните — мальчишка

был одним из нас. Когда же на нас напали, он вел себя не как настоящий товарищ, а бросился обдѣлывать свои делишки. Если он войдет в команду Бранда-Убийцы, то пусть усвоит один урок. Нет, руку мы ему не отнимем — ему нечем тогда будет воевать. И не яички, потому что его нельзя обвинить в краже женщины. Войско требует у него глаз!

В один миг грянули восторженные вопли. Шеф едва стоял на ногах.

— Не оба глаза! Только один. Что скажет на это войско?

Рев ликования. Кланья стали. Шефа подхватывают, тащат в сторону чьи-то руки, но не туда, где стоит плаха, а в противоположную. Люди расступаются, и он видит перед собой жаровню, мерцание углей, раздувающего мехи Торвина. Со скамьи ему навстречу поднимается Ханд, бледный, с трясущимися губами.

— Только не дергайся, — бормочет он по-английски, и в ту же секунду кто-то бьет Шефа сзади по ногам, оттягивает назад голову. Краем сознания Шеф вдруг понимает, что мускулистые руки, словно скобой захватившие его голову, принадлежат Торвину. В бешенстве он пытается освободиться, крикнуть ему в лицо, что он — предатель. В рот ему втыкают кляп, и язык закатывается к небу. Медленно тянется к нему раскаленная добела игла, ближе, ближе; он начинает визжать, пытается вертеть головой, закрыть намертво глаза, но палец растягивает его веко...

Захват, сжимающий его, вдруг становится еще жестче. Огненное жало застывает напротив его правого глаза. Боль, судороги, белый исполох, застилающий весь глаз, проникающий в каждый уголок мозга. Океан крови и слез. И, кажется, где-то вдалеке шипение испепеляемой плоти и опущенной в лохань стали...

* * *

Он висел в воздухе. В глаз его было воткнуто что-то острое, наполнявшее все его существо неубывающей, пронзительной мукой. Стараясь унять ее, он то и дело подергивал лицом, напрягал желваки на шее. Боль не отступала, даже не притуплялась. Она желала остаться там, где была. Но странное дело — она, казалось, не мешала ему. Сознание его не было зату-

манено; он продолжал думать, размышлять, вовсе не отвлекаясь на телесные страдания.

Ничто не мешало и его другому глазу. Он держал его все время открытым. Немигающий глаз прозревал с того диковинного возвышения, где он сейчас находился, величавую картину. Под ним россыпью виднелись горы, долины, реки, там и сям по морям сновали цветные лоскутки — ладьи викингов. На полях же зыбились облака пыли — то шли армии христианских государей Европы с ордами степных кочевников, всегда готовых броситься в бой. Если же теперь сощурить глаза — нет, только один глаз, — особым приемом, вот эдак, — то он мог увеличить размеры фигур и предметов. Он мог по губам прочитать сказанное военачальниками, окружавшими их всадниками, внять смыслу слов, слетевших с уст византийского императора или татарского хана...

Между ним и остальным миром парили птицы. Громадные твари, которые гордо реяли, не тратя усилий на взмахи крыльев, на ненужное порхание, — лишь легкий трепет пробегал по перьям их крыл. Совсем рядом с ним оказались две птицы. Своими изысканными и пронзительными желтыми зрачками они буравили его; сверкнули, вздернулись их грозные клювы. Вороны. Они прилетают, чтобы выклевать глаза висельникам. Человек и птицы не отводили друг от друга немигающего взгляда. Потом, вдруг ударив крылами, они в тот же миг сгнули.

Шип, воткнувший в глаз. Неужто он висит только на нем? Похоже, что так. Но ведь тогда он должен был давно умереть; если человеку проколоть глаз, мозг и прибить его к дереву, он, ясное дело, умрет! Сквозь слой коры отдавалось в его голове биение животворных соков, мощный поток, который расположенные на немыслимой глубине корни посылали ветвям, раскинувшимся в заоблачной выси, — так высоко, что ни одному человеку никогда не хватит сил до него доползти.

Проколотый глаз вновь заставил его скрючиться от боли. Руки же по-прежнему болтались внизу, как руки висельника. И вновь явилось воронье — прожорливое, жадное, умное, выжидающее первый же признак слабости. Они вновь подобрались к нему, захлопали крылами. Вдруг они метнулись вперед и тяжело опустились на его плечи. Но он знал, что на сей раз ему нечего бояться их клювов. Они прильнули к нему, желая вселить в него мужество. Ибо к нему приближался король.

Взрыв в небо из того места на земле, от которого он от-

вернул взгляд, перед ним возвысилось некое существо. Было невозможно смотреть на него без омерзения. По обнаженной человеческой плоти струилась кровь, лицо было изуродовано выражением непереносимой боли. Спина же была разъята от поясицы надвое, в подражание распахнутым крыльям ворона. Грудь осела и сморщилась, над сосками свисали комки пористого мяса. В руке же оно сжимало собственный хребет.

На мгновение чудовище зависло перед ним, пожирая его взглядом. «Оно узнало меня, — подумал повешенный. — Ему жаль меня». Но оно сейчас отправлялось странствовать за пределы девяти миров, следуя иному своему уделу, который суждено повторить немногим, а быть может — никому.

— Помни, — промолвило чудовище. — Помни тот стих, что услышал от меня.

* * *

Мука в его глазу удвоилась. Он испустил вопль, другой, завертелся на острие, что пронзило его насквозь, что не давало ему сдвинуться с места. Он забился в путах, что лишили движения его одеревеневшие руки. Он открыл глаз и увидел перед собой не девять миров, но склоненное лицо Ханда. Ханда, держащего в пальцах иглу. Он вновь взвыл и попытался поднять руку, чтобы заслонить себя от иглы. Рука, к его удивлению, подалась и судорожно сжала запястье Ханда.

— Эй, потише, — отозвался Ханд. — Все теперь позади. Никто тебя не тронет. Теперь ты карл в отряде Бранда с Галогаланда. И прошлого никто не помянет.

— Но я-то должен помнить! — воскликнул Шеф.

— Что ты должен помнить?

Влага оросила обе глазницы — целую и зиявшую теперь пустотой.

— Но я забыл, забыл, — прошептал он. — Забыл тайну короля...

Часть вторая

Глава 1

Уже долгие мили дорога тянулась через плоскую, добротную осушенную от болот равнину, занимавшую южную часть огромной Йоркской долины, что берет начало в топях Гембера. Но даже такую колею нелегко было одолеть Великой Армии, чьи восемь тысяч воинов, такое же количество лошадей, а также сотни сопровождающих, рабынь-наложниц, предназначенных к продаже рабов дорого обходились английским дорогам. Ибо даже те из них, что мостили еще славные римляне, превращались после прохода войска в жидкое месиво, обдающее грязными брызгами лошадиные крупы. Если же войско это шло по пастушьим тропам да по крестьянским просекам, которыми полна Англия, оно оставляло за собой трясины.

Ратоборец Бранд приподнял руку, с которой еще не снимал повязки, и следующие за ним воины — три корабельных экипажа, сто двадцать пять человек — все, как один, осадил лошадей. Тыловой дозор, замыкавший всю Армию, в мгновение ока встрепенулся. Пытливые взгляды устремились в расстилавшееся повсюду серое, сырое марево, через которое теперь начинал просачиваться тусклый свет.

А двое возглавлявших отряд всадников не менее пристально смотрели вперед, где усеянная грязными рытвинами дорога, шириной в четыре размаха, кривой петлей спускалась вниз — по-видимому, к пойме очередной речушки. Еще дальше, в нескольких сотнях ярдов от наблюдателей, начинался подъем, на котором виднелась все та же дорога. Но между подъемом и спуском, там, где должно было быть русло реки, расположилась небольшая ложбинка, густо поросшая дубом и орешником. Раскачивая на крепчавшем ветру высокими коричневыми кронами, деревья теснились у самого края дороги.

— Что скажешь, воевода? — спросил Бранд, расчесывая бороду пятерней левой руки. — Бывает, что человек одним глазом увидит больше, чем все остальные — двумя.

— На кое-что мне и полглаза хватит, — невозмутимо возразил Шеф. — Вон от того лошадиного дерьма у края дороги пар больше не валит. Все ушли далеко вперед. А мы еле плетемся. У йоркширцев куча времени, чтобы забраться им в хвост или нам устроить встречу...

— И что бы ты стал делать, юный женокранд?

— Я бы увел людей с дороги и зашел бы в ложбину с правой стороны. С правой — потому что они, пожалуй, могут подумать, что мы ударим по ним слева, так нам легче будет пройти под щитами на случай, если они устроили нам засаду. Когда подойдем поближе, прикажи дуть в рог. Навалимся на них так, словно нашли брешь в частоколе. Если там ни души — мы, конечно, будем глупо смотреться, но если там и впрямь засада — мы их возьмем голыми руками... Только если делать это — надо делать это живее.

Бранд недовольно повел своей огромной головой.

— Ты, паренек, совсем не дурак... Ответ дал правильный. Только это ответ шайки твоего одноглазого покровителя Одина, предателя воинов, а не карла Великой Армии. Мы здесь для того, чтобы подобрать отставших, чтобы ни один из наших не угодил к англичанам. Змеиный Глаз не придет в восторг, если мы начнем каждый вечер сваливать в лагере свежие трупы... Люди от этого теряют покой. Они-то полагают, что армия печется о каждом, и если уж посылает воина на смерть, то по веским причинам, а не по чьей-то прихоти. Если мы сейчас свернем с дороги, то можем потерять чью-то жизнь. А потом рано или поздно явятся друзья этого человека. Придется отвечать на их вопросы. Так что мы никого не испугаемся и пойдем по дороге, не сворачивая.

Шеф кивнул, скинул с плеча щит и, продев под ремнем руку, ухватился за рукоять под набалдашником. Тут же бряцание и громохание оповестило его, что сто двадцать пять викингов за его спиной изготовились к бою. Лошади тронулись трусцой. Шеф не сомневался, что разговор этот Бранд затеял для его выучки, показывая, как должен рассуждать военачальник. Он с легким сердцем простил ему пренебрежение своим мнением.

И тем не менее глубоко в душе он продолжал терзаться

мыслью, что эти хитрые, коварные военачальники, искушенные в сражениях люди — ратоборец Бранд, Ивар Бескостный, даже сам несравненный Змеиный Глаз, — совершают ошибку за ошибкой. Ошибки эти отнюдь не мешали им растить в порошок армии королевств, против которых они решали ополчиться, и не только армию крошечного королевства восточных англвов. Пусть так. Но его, Шефа, — в недалеком прошлом треля, убившего-то всего пару человек и десять ударов сердца не стоявшего в строю, — его не покидает чувство, что он бы с большим толком сумел распорядиться движением и построением войска.

Что, опять его посещали видения? Или, быть может, то была тайная весть, посланная ему его высочайшим покровителем из Вальгаллы, Одином, — Одином Вероломным, богом висельников, предателем воинов, что постоянно пытается внушить ему Бранд?

«Какова бы ни была причина, — подумал Шеф, — будь я во главе отряда, я бы велел шесть раз на дню останавливаться, трубить в горны, чтобы те, кто идет слева и справа, или же замыкающие знали, где я нахожусь. И я бы не тронулся с места, пока не услышал ответного сигнала».

Конечно, важно, чтобы все точно знали, когда именно ожидать подачи сигнала. Но как этого добиться, коль скоро все отряды находятся друг от друга за пределами видимости? А откуда же бенедиктинцы в своих монастырях узнают час своей молитвы? Шеф не перестал беречь себе душу этими вопросами и тогда, когда лошадь его подошла к рошице и на дорогу упали тени. В последние дни он только и делал, что пытался доискаться нужных ответов, — но каждый раз вынужден был отступать. Казалось, мудрость его века была не способна помочь ему. У Шефа уже чесались ладони по кузнице, по родному делу. Иногда ему являлась чудная мысль, что однажды он сумеет выковать решение прямо на наковальне, а не станет впуская будоражить свой ум.

На дороге их меж тем поджидал человек. Услыхав стук копыт, он живо развернулся, но, по-видимому, узнав своих, спокойно опустил руку с мечом.

— Меня зовут Стуф, — сказал он. — Я в отряде Хумли, из Рибе...

Бранд кивнул. Небольшая шайка, за порядком в ней никто не следит. Запросто могут позволить человеку отбиться и

начинают беспокоиться тогда, когда уже бывает слишком поздно.

— Лошадь захромала, вот я и отстал. Потом решил сам навьючиться, а ее отпустил...

Бранд вновь понимающе кивнул.

— У нас есть лошади без седоков. Сейчас приведу тебе одну кобылку. Это будет тебе стоить марку серебром.

Стуф открыл было рот, собираясь оспорить такое предложение, поскольку там, где речь заходит о четырехногом добре, воин не заключает сделку, не сказав своего слова, но внезапно, так и не издав ни звука, закрыл его и подобрал врученные ему Брандом поводья.

— Цену ты заломил высокую, — пробурчал он. — Но, смекаю я, сейчас торговаться не время. Англичане тут на каждом шагу рыщут. У меня на них нюх.

Уголком глаза Шеф вдруг уловил какое-то едва заметное шевеление в чаще. Дрогнула ветка? Нет, вот уже все дерево стремительно накренилось книзу, изяшной аркой повисая над дорогой. Мелькнули и тут же струной натянулись привязанные к его макушке канаты. Мгновением позже весь лесок по левой стороне дороги пришел в движение.

Шеф едва успел вскинуть руку. Глухой стук, и наконец-то стрелы, продырявив липовую основу щита, вынырнули в дюйме от его запястья. Сзади послышались суматошные вопли; пятились и били копытами лошади. Одним махом слетев с седла, он приник к лошадиной шее, глядя из-за нее на нападавших.

Англичане дождались, пока удалится основная часть войска, и решили перекрыть им дорогу. Впрочем, замыкающий отряд отстал даже больше, чем они рассчитывали. Ударив по викингам слева, они попытаются загнать их в густой орешник по правой стороне дороги. Через поваленное дерево не перепрыгнешь, повернешь назад — свои же затопчут в суглобе... Лошади стали неуправляемыми, люди замешкались. Англичанам только этого и надо.

Шеф выскочил из-под своего живого укрытия и, прячась под щит, а другой рукой нащупывая копьё за спиной, бросился к крутой насыпи, откуда градом сыпались стрелы. Три прыжка, ни единой передышки, чтобы не скользнула под стопой грязная жижа. Сваленные в подобие вала сучья; над ними — устремленные на него глаза. Англичанин лезет рукой в

колчан, судорожно вцепляется в стрелу. Шеф бьет копьём через охапку сучьев, целясь врагу в пах. Глаза искажаются мукой и ужасом; человек скрючивается и пятится назад. Не отпуская копьё, Шеф волочет его к себе и обрушивает англичанина на его же укрытие. Потом он втыкает копьё в землю, перескакивает через тело и поваленные сучья, тут же принимает стойку и, выхватив меч, делает два разящих выпада. Он проник в самую сердцевину засады.

Внезапно он понимает, что глотка его надрывается от истошного вопля. И что ей вторит еще более грозный рык. То оставшийся с одной здоровой рукой Бранд, не решаясь сам принять бой, посылает еще не пришедших в себя викингов вверх на насыпь, в пробитую Шефом брешь. Только что около дюжины человек взяли его в тиски, вынуждая для острастки свирепо рассекать мечом воздух перед их лицами. А в следующий миг кто-то задевает его локтем, он едва не падает, успевая заметить железный веер кольчуг, который, разворачиваясь, заставляет англичан бежать без оглядки, даже не делая попыток принять бой.

«Керлы, — мелькнуло у Шефа. — Керлы в кожаных жилетах, с охотничьими луками и секачами. Война — это не их работа, их дело — загнать борова». Вот если бы викинги, как от них ожидалось, стали бы пятиться в лес, — тогда бы они живо угодили в подготовленные для них ямы и сети, где они беспомощно барахтались бы, пока их не уgomонил бы добрый удар пики. Но они вовсе не воины, чтобы насмерть застыть в строю и рубить головы поверх поставленных щитов.

А потому нет и никакого смысла бросаться им вдогонку. Пусть уходят в свои леса. Викинги огляделись, деловито добили не успевших скрыться врагов, чтобы некому и нечем было потом хвастаться. Шефа тяжело хлопнула по плечу чья-то рука.

— Все правильно, малый. Никогда не топчись на месте, коли угодил в засаду. Либо удирай так, чтоб пятки сверкали, либо иди прямо на них. Только не могу понять, откуда ты все это знаешь?.. Может, и прав Торвин...

Бранд на мгновение стиснул амulet с молотом, а затем таким же зычным голосом начал отдавать людям новые команды: пошустрей обойти поваленное дерево, снять снаряжение с мертвых и сбрую с раненых лошадей. Потом он мельком

оглядел человек десять или двенадцать, раненных во время стычки.

— С такого расстояния, — веско сказал он, — даже с коротких луков можно пробить кольчугу. Но это не страшно. Ребра такая стрела не продырявит, живот не распорет. А вообще луками и стрелами еще ни одно сражение не выигрывалось...

Отряд не спеша тронулся с места и, выбравшись в быстро наступавшей осенней ночи из сумрака ложбины, стал взбираться вверх по склону, что начинался на другом берегу речушки.

Однако вскоре на их пути вновь возникло препятствие. Нет, на сей раз — препятствия. Когда викинги подобрались ближе, Шеф понял, что видит лежащих вповалку двоих викингов, по-видимому таких же отставших воинов, как Стуф. Как все участники дальних походов, облачены они были в груботканые дерюги; и, однако, что-то в их облике заставило его содрогнуться, обдало ледяным ужасом. Что-то, виденное им прежде...

И однажды уже испытанная в Эмнете, явилась жуткая догадка — воины эти неестественно малы ростом... Руки их были отрублены по локоть, ноги — по колени; ударивший в ноздри запах обожженной плоти служил объяснением тому, что люди эти до сих пор могли быть живы. Ибо это и впрямь было так: когда всадники приблизились, один из них приподнял лежавшую на земле голову и взгляделся в перекошенные гневом и ужасом лица.

— Берси, — прохрипел он. — И Скули из команды Бальда... *Fraendir, vinir...* вы должны сделать это... Помогите нам умереть как воинам...

Бранд, потемнев лицом, спрыгнул с седла и левой рукой вытащил кинжал. Правой перевязанной рукой он дружески похлопал один из живых трупов по щеке, потом придал ему устойчивость и одним ударом вонзил ему кинжал под ухо. То же самое он проделал и со вторым воином, который так и не пришел в сознание.

— Выкиньте-ка их с дороги, и двинемся дальше, — проговорил он. — Это называется — *heimnar*, — пояснил он для Шефа. — Не пойму только, кто их этому мог научить...

Шеф не ответил. В далекой дымке, на невысоком холме, выхваченные последними лучами заходящего солнца, что ед-

ва ли не вровень с землей струились теперь через просвет в облаках, сверкнули выложенные желтым камнем стены, скопление домов, поднимавшиеся над тысячами труб столбики дыма... И эту картину ему также приходилось видеть. Вновь тайна — узнавания.

— Юфорвич, — промолвил он.

— Йоврвик, — неуклюже пробубнил стоящий поблизости викинг, не справившись с непривычным сочетанием согласных и гласных.

— К дьяволу все это, — сказал Бранд. — Зовите его просто Йорком...

* * *

Перед людьми, собравшимися на городской стене после наступления тьмы, открылось мерцающее море огней. Великая Армия стряпала себе ужин. Зрелище это явилось их взору с круглого бастиона в северо-восточном углу старинного, массивного укрепления, построенного, по римскому обыкновению, квадратом, для размещения Шестого легиона, дабы тот держал Север в страхе и повиновении. Триста двадцать акров обнесенного стенами пространства вмещали громаду обители Св. Петра, в свое время самого прославленного центра просвещения и учености Северного мира, королевские покои, дома сотни знатных семейств, прилепившиеся друг к другу жилища королевских танов, дружинников, наемников. А также кузницы, арсеналы, оружейные мастерские, сыромятни — опоры власти и военной мощи. Город, впрочем, перешагнул крепостные стены. По берегам Уза имелось множество причалов и складов. Но обо всем этом можно было сейчас забыть. Подлинную ценность представляло лишь то, что лежало внутри римского укрепления, а также крепости, поставленной напротив него на другой стороне Уза, над которой возвышался шпиль церкви Св. Марии. Когда-то выслужившие свой срок римские legionеры основали здесь колонию, не преминув отгородиться стенами от смуты и мести местных жителей.

Король Элла безрадостным взором обвел мириады огней, что пламенели у стен города. Рядом с ним находился его верный страж, Кутред. Неподалеку застыли архиепископ Йорк-

ский Вульфир, облаченный, как и подобает, в пурпурно-белую сутану, и архидиакон Эркенберт в своей черной рясе.

— Они не слишком задержались в пути, — промолвил Элла. — Я полагал, что они на некоторое время увязнут в топях Гембера, но они сумели их проскочить. Потом я надеялся, что они за время похода порядком поистратятся. Однако похоже, они и с этим как-то управились...

Он с тем же успехом мог бы добавить, что надеялся на падение их боевого духа после той трепки, которую задал им король Эдмунд со своими восточными англами. О ночной битве при Стауре теперь ходило множество историй. Но при этой мысли сердце короля сжалось в холодный комочек. Как бы ни сказывались эти истории, кончались они всегда описанием лютой казни короля Эдмунда. У Эллы же не было сомнений — и понял он это в тот миг, когда услышал вести о появлении Рагнарссонов на берегах Англии, — относительно намерений викингов подвергнуть его, Эллу, подобной же, а возможно, еще более жуткой участи. Те восемь тысяч головорезов, что присели сейчас на корточки у своих костров, явились сюда за ним. Если он попытается бежать, они будут преследовать его. Если попытается скрыться — предложат награду за его выдачу. Вульфир мог лелеять надежды остаться в живых. Он, Элла, должен уничтожить Великую Армию или погибнуть.

— Но они потеряли много людей! — воскликнул архидиакон Эркенберт. — Даже керлы начали против них войну. Нападают на отставшие части, отрезают фураж и обозы... Они, пожалуй, перебили несколько сотен человек, а может быть, и тысячи. Каждый мужчина сейчас желает встать в строй.

— Что правда, то правда, — согласился Кутред. — Но только не забудь, кому мы этим обязаны.

Все разом повернули головы, устремив взгляд на стоявшее неподалеку диковинное приспособление. То был небольшой ящик, снабженный длинными ручками, позволявшими тащить его, как носилки. Меж одной парой ручек держалась ось с колесами, с помощью которых ящик этот можно было катать по земле, словно телегу. Внутри же ящика помещено было человеческое туловище. Теперь, когда ящик был поставлен торчком, и тело стояло прямо; таким образом, перед ним так же, как и перед остальными, откры-

вался широкий обзор поверх зубчатых стен укрепления. Обхватившая грудь широкая лямка, а также ремни, продетые под мышками, принимали на себя большую часть его веса. Под пах обрезанные конечности покоились на мягкой прокладке. Почувствовав на себе взгляды, тело дернулось на культах.

— Моя миссия — предостерегать, — пророкотал Вульфгар таким низким голосом, что было страшновато слышать его от казавшегося малорослым человека, — но однажды я начну мстить... За то, что вы видите, и за все остальное, сотворенное против меня язычниками.

Ему никто не ответил. Все были прекрасно осведомлены о том воздействии, которое оказывал вид его изувеченного тела, о его чуть ли не триумфальном пути из дому во главе армии, когда, останавливаясь в каждой деревушке, он рассказывал керлам о том, что уготовано для них и их жен, если они так и не решатся взяться за оружие.

— И что же, как они преуспели, встав в строй?! — горестно воскликнул король Элла.

Кутред соорудил недовольную мину.

— Викингов не задержали. Перебили совсем немногих. Заставили их держаться плотнее. Может, даже сделали их более бдительными. И вот теперь их собралось тут тысяч восемь...

— Мы можем вывести против них войско в полтора раза их превосходящее! — возразил архидиакон. — Мы живем не в Восточной Англии. Только в одном Юфорвиче две тысячи мужчин, годных к ношению оружия. И к тому же на нашей стороне все Небесное Воинство...

— Не думаю, чтобы нам этого хватило, — спустя минуту ответил Кутред, — даже с учетом Небесного Воинства... Конечно, приятно сознавать, что трое наших приходится на двух викингов. Но когда армии сходятся, воины всегда бьются один на один. И хотя у нас есть такие же великие бойцы, как у них, числом они меньше. Поэтому думаю, что если мы выступим против них, они нас разделают.

— Ты не советуешь королю принять бой?!

— Мы останемся здесь, в крепости. Пусть попытаются достать нас в этих стенах. Но сначала их нужно будет перелезть.

— Но тогда они уничтожат и растащат наше добро! —

воскликнул Эркенберт. — Перережут целые семьи, молодых парней и девиц уведут, вырубят сады. Сожгут запасы урожая. Но это не самое страшное. До Михайлова дня церковные подати не предусмотрены; и никто сейчас не подумает их платить. Керлы складывают деньги в кошельки, прячут их в погребах. Но если они увидят, что хозяйства их отданы на разорение, тогда как господа отсиживаются в крепости, они ломаного гроша нам не заплатят!

И он, как юродивый, затряс кулаками.

— Этого нельзя допустить! Храмы Господни по всей Нортумбрии придут в упадок, служители святой веры будут обречены на голод...

— От потери податей за год они с голоду не умрут, — заметил Кутред. — Сколько вы припрятали в сундуки Минстера с прошлогодних сборов?

— Но есть и другое решение, — вмешался Элла. — Я уже предлагал его. Мы можем пойти с ними на мировую. Предложим им дань — можем назвать это вергельдом за убитого отца Рагнарссонов. Чтобы умиротворить их, сумму надо собрать крупную. Но у каждого человека в Нортумбрии, призванного в армию, должно быть по десяти земельных наделов. Десятком наделов керла можно откупиться от карла. Десятком наделов тана — от одного их ярла. Положим, некоторые из них не захотят принимать деньги, но если мы заявим о своем предложении открыто, другие язычники принудят непримиримых. Мы попросим у них перемирия на год. А за этот год — ибо через год они явятся вновь — мы обучим военному делу каждого способного держать меч мужа. Мы так вышколили каждого керла, что он не побоится сразиться и с Иваром Бескостным, и с самим дьяволом. А уж тогда втроем против двоих мы с ними повоюем. Как думаешь, Кута? Да и один на один справимся, если понадобится!

Дородный страж издал удивленное урчание.

— Смело сказано, государь... И намерение твое отменное. Мне-то оно по душе. Но загвоздка в том, что... — Он распустил тесьму на кошельке, подвешенном к перевязи, и высыпал содержимое в ладонь. — Взгляни-ка сюда, государь. Тут несколько серебряных пенни, которые я выручил, продав на Юге свою лошадь. Все остальное — подделка, которую чеканят из свинца, а то и из меди на монетном дворе архиепископа. Ума не приложу, куда подевались наши запасы

серебра. В свое время недостатка в нем не было. Но вот последние двадцать лет с серебром на всем Севере туговато. Теперь мы перешли на монеты архиепископа, но южане даже смотреть на них не хотят, и приходится предлагать им мену, иначе дело теперь не сладишь. Так что ты зря надеешься, что эти ребята захотят взять наши деньги. А зерном да медовыми сотами ты от них не откупишься.

— Но уж раз они здесь, — вскричал Элла, — неужто мы не найдем то, что им нужно? Церковь скопила немало золота и серебра...

— И ты собираешься отдать святыни Церкви викингам, чтобы только откупиться от них?! — едва не задохнулся Эркенберт. — Чтобы только не выступить против них, не принять бой в открытом поле и уклониться от своего долга защитника христиан? То, что ты говоришь, — это святотатство, поношение Церкви! Если керл умыкнет из самой захудалой церквушки серебряную чашу, его должны заживо освежевать и приколотить его шкуру гвоздями ко входу в церковь. А то, что ты предлагаешь, в тысячу раз хуже!

— Даже помыслив о таком, ты совершаешь грех против своей бессмертной души! — прогнусавил архиепископ.

— Не для того мы сделали тебя королем, — словно ядовитая гадюка, прошипел архидиакон.

Зычный рык Вульфгара заставил умолкнуть их обоих.

— И ты, кроме того, забываешь, с кем собрался вести дело. Они ведь не люди. Это порождение геенны. Нет, говорить с ними нам не о чем. И нельзя нам уговаривать их убираться отсюда на несколько месяцев. Мы должны уничтожить их всех до единого... — В уголке его рта начала вскипать слюна, и он, казалось, попытался приподнять свои обрубки, чтобы смахнуть ее. — Государь, язычники — это не люди. Они не имеют души.

«Шесть месяцев тому назад я бы собрал всех нортумбрийцев и повел бы их куда угодно, — подумал Элла. — Сейчас они готовы мне об этом напомнить. Если же я решу по своему, с их помощью легко прослышу трусом. А труса никто не поддержит. Эркенберт слов на ветер не бросает: если я не приму бой, они снова призовут этого своего простака Осберта... Он ведь по-прежнему прячется где-то на Севере. А он-то с радостью полезет в драку... Но Эдмунд однажды уже показал всем, что случается, когда пытаешься сразиться с ними в

открытую, даже если удастся застигнуть их врасплох. Встречу бой по старинке в открытом поле — положу всю армию. *Я это точно знаю.* Положу воинов и сам погибну. Надо придумать что-то другое. Но чтобы и Эркенберт согласился. А на открытую сделку с викингами он не пойдет».

С внезапной решимостью, с нотками королевского величия в голосе Элла произнес:

— Мы выдержим осаду. Она истощит их, а не нас. Кутред, проверишь все бастионы и займешься снабжением. Не забудь вывести за город все ненужные рты. Высокопреосвященный, люди сказывали мне, что в твоей библиотеке хранятся ученые книги, писанные еще римлянами об искусстве ведения войн. А в особенности — о руководстве войском в осаде. Полюбопытствуй, не содержат ли они наставления о том, как нам совладать с викингами.

Он повернулся и зашагал прочь с крепостной стены. Кутред и стайка мелкой знати последовали за ним. Опрокинув носилки, двое крепкого сложения трэлей понесли Вульфгара вниз по каменным ступеням.

— Прав тан восточных англвов, — запричитал Эркенберт, — мы должны развезти эти орды, пока они не разграбят наши имения и не совратят крестьян. Да и дворян тоже. Сдается мне, есть уже один, готовый состряпать с ними делишки за нашей спиной.

— Поройся в книгах. Вегеций, — сказал Вульфир. — Сочинение под названием *De re militaris*. Я и не знал, что государь наш обладает столь обширной ученостью.

* * *

— Он уже четыре дня не выходит из кузни, — проронил Бранд. Вместе с Торвином, Хандом и его хозяином Ингульфом они стояли неподалеку от мерцающего пламени горна. Кузницу, в которой имелся еще полный запас древесного угля, викинги обнаружили в селении Осбалдич, в нескольких милях от Йорка. Шеф самым решительным образом завладел ею, потребовал выделить себе людей, топливо, металл. Двери кузницы были широко распахнуты настежь, и четверка друзей не сводила с кузнеца глаз.

— Четыре дня, — повторил Бранд. — И за это время он почти ничего не ел. Да и не спал бы, если бы люди ему не

сказали, что если сам он спать не собирается, то их это касаться не должно. Пришлось на несколько часов прикорнуть, а не громыхать всю ночь по наковальне.

— По нему не скажешь, что работа ему во вред идет, — заметил Ханд.

И действительно, его друг, который для него по-прежнему оставался сопляком, мальчишкой, за это лето, казалось, совершенно преобразился. По сложению своему он не был гигантом, во всяком случае по меркам Великой Армии, в рядах которой воевали настоящие исполины. Но и в теле он не был. А сейчас Шеф, совсем не думая о ветреной английской осени, обнажился по пояс. И когда он перемещался по кузне, склонялся над наковальней, пытаясь выдолбить какое-то маленькое отверстие, переносил раскаленные листы металла щипцами, хрипло приказывая своему помощнику-англичанину усерднее приналечь на мехи, мускулы поигрывали под его кожей так, словно бы крепились к ней изнутри, не оставляя и намека на присутствие жировой прослойки. Резкий взмах — и один кусок металла уже всю шипит в бадье, а следующий попадает на наковальню. В багряном полумраке кузни он напоминал бронзовую статуэтку древнего божества.

Правда, по части безупречности черт он сравниться с богами не мог. Даже при таком освещении видна была язва на месте его правого глаза. Спину вдоль и поперек пересекали отметины рабства — следы лютых порок. Немногие викинги решились бы разоблачиться, имея под рубахой подобные свидетельства прошлого.

— Быть может, не во вред его телу, — возразил Торвин. — А вот насчет его головы я не уверен. Знаете, что сказано в балладе о Вёлунде?

Сидел он целый день, не спал,
Для Нидуда коварного ковал.

— Не знаю, что за хитроумную вещицу кует наш друг, — продолжал Торвин. — И главное — для кого. Будем надеяться, что ему повезет больше, чем Вёлунду, — в том, что касается его заветных чаяний...

— И что же он успел сделать за эти четыре дня? — допытывался Ингульф.

— Во-первых, вот эту штуковину, — и Торвин передал шлем в руки друзей. Те долго вертели его в руках.

Переданный Торвином предмет, в сущности, был несколько не похож на виденные ими прежде шлемы. Он был необычайно велик; формой же походил то ли на луковицу, то ли на голову гигантского насекомого. Снизу его окаймлял ободок, сверкающий в лицевой части ограненным лезвием. Переносицу должно было оставить в неприкосновенности наверхие, на конце имевшее защитную планку для щек. Затылок же прикрывала пластина из прочного сплава.

Но еще более удивлены были друзья, когда осмотрели шлем изнутри. Там они обнаружили пристегнутую лямками кожаную подкладку. Если водрузить такой шлем, подкладка будет удобно облегать голову, а металл ее не коснется. Кроме того, чтобы придать шлему устойчивость, под подбородком натягивался ремешок.

— В жизни такой диковины не видал, — сказал Бранд. — Если теперь пропустишь удар, то, глядишь, в черепа даже вмятины не останется. Только, скажу я вам, все одно, лучше удары не пропускать.

Сразу вслед за этими словами громыхание в кузнице оборвалось. Было видно, как Шеф старательно прилаживает какие-то мелкие скобы. Затем веселый, лоснящийся от пота, он выступил наружу.

Бранд заговорил первым:

— Слышал, что я сказал, юный нарушитель покоя воинов? Я сказал, что если ты не пропустишь удара, то и шлем тебе не нужен. Но объясни-ка мне во имя всемогущего Тора, что за штукавина у тебя в руках?

Усмехнувшись, Шеф протянул им нечто странное.

Через некоторое время он взял свое изделие наперевес, ухватив его там, где кончался металл и начиналось дерево.

— Как ты хочешь его назвать? — спросил Торвин. — Рубящая пика? А может быть, обухом на топоре?

Шеф приподнял большую руку Бранда и осторожно закатал рукав. Собственное предплечье приложил к могучему предплечью друга.

— Скажи мне, хорошо ли я владею мечом?

— Так себе. Выучки никакой. Но задатки кое-какие есть...

— Ну а обладай я выучкой, я бы мог устоять в бою против такого воина, как ты? Никогда в жизни! Ты взгляни на наши руки! Скажи мне, твоя в два раза толще, чем моя? Или только в полтора? А ведь я не дохляк. Но уж больно разные у нас

статки! Вот из таких, как ты, получаются настоящие бойцы. Ты бы скорее даже должен был орудовать топором, а не мечом. Как мальчишка палкой чертополох сбивает, так и ты мечом вертишь. Мне так ни в жизнь не сдюжить. А потому, если придется мне встать лицом к лицу против ратоборца вроде тебя... А ведь рано или поздно мне придется это сделать. Скажем, выйти против Муиртайга. А может, и того хуже...

Все четверо молча кивнули.

— Значит, мне надо уравнивать положение. А вот этой штукой, — Шеф начал медленно раскручивать свое оружие, — я могу и колоть, и рубить с правого плеча, и тут же, не изготавливаясь, бить слева. Если захочу — перехватить его и ударить древком. Чужой удар им можно встретить как угодно. Причем используя обе руки. Щит уже не нужен. И самое главное — удар этой штуковиной бьет наповал, даже если это моя рука, а не Брандова.

— Зато сама рука у тебя не защищена, — возразил Бранд.

Шеф подал знак, и из кузни поспешно выбежал англичанин. В руках он держал два небольших металлических предмета. Шеф забрал их, а потом передал разглядеть остальным.

То были латные рукавицы, подбитые изнутри кожей и снабженные длинными металлическими раструбами, доходившими до половины предплечья. Однако вскоре, приглядевшись, четверо друзей обнаружили нечто и вовсе поразительное. Латы эти могли шевелиться: каждый из пальцев рукавицы составлен был из пяти желобков, крепившихся друг к другу с помощью небольших заклепок. Пластинки побольше прикрывали суставы запястья и тыльную сторону ладони, но их также можно было привести в движение. Шеф натянул рукавицы и начал медленно сгибать и растопыривать пальцы, то сжимая ими древко, то отпуская его.

— Они похожи на чешую дракона Фафнира, — промолвил Торвин.

— Фафнир плохо кончил — ему проткнули брюхо. Надеюсь, меня убить будет посложнее. — Шеф повернулся в сторону. — Но я еще не закончил. Не успеть бы мне все сделать ко времени, не будь при мне Хельфи. С кожей он работает отлично. Правда, долго возится с мехами.

Положив обе руки на плечи англичанина, он поставил его на колени и принялся подпиливать ему железный ошейник.

— Вы, пожалуй, скажете мне, что нет смысла давать ему свободу, коль скоро тут же найдется человек, который захочет прибрать его к рукам. Но я решил его вывести ночью за сторожевые костры Армии, а хозяин его надолго засел в Йорке. Голова на плечах, да немного удачи — и он сможет унести ноги так далеко, что его уже никто не отловит.

Англичанин пристально поглядел на Шефа, который начал уже потихоньку размыкать на его горле ошейник.

— Вы же язычники, — сказал он, недоумевая. — Священник говорил нам, что вам не ведомо, что такое милосердие. Одному тану вы отрубили и руки, и ноги — я видел это своими глазами! Почему же вы освобождаете человека, которого даже христианские священники держали в рабстве?

Шеф поднял его на ноги и заговорил по-английски:

— Люди, которые изувечили того тана, сделали грязное дело. Но я никак не хочу защищать ни язычников, ни христиан. Среди тех и других есть злодеи. Но я тебе дам только один совет. Если ты не будешь знать, кому довериться, обрати внимание на того, у кого на шее висит вот это...

И с этими словами он подал знак стоящей рядом четверке, каждый из которой приподнял свой амулет: Бранд и Торвин показали молоты, оба знахаря — яблоки Идуны.

— Они могут быть разными. Некоторые носят лодку Ньёрда. Другие — молот Тора. Есть те, у которых на груди — пенис Фрейра. Я не обещаю тебе, что они обязательно тебе помогут. Но они будут обращаться с тобой как с человеком, а не как с неотелившейся коровой.

— Но у тебя самого такой штуки нет.

— Это потому, что я не решил, какой мне носить знак, — ответил Шеф.

В это время в лагере как снежный ком стал нарастать гул. Раздавались веселые выкрики воинов. Наконец к кузнице приблизился человек, состоявший в одной из команд Бранда. От довольной ухмылки борода его расслоилась надвое.

— Мы выступаем!!! — заорал он. — Ярлы, Рагнарссоны и Змеиный Глаз наконец решили перестать развезжать верхом, переливать из пустого в порожнее да чесать себе задницы. Завтра мы идем на приступ! Ну, подождите, бабы и девчонки!

Шеф смерил его угрюмым взглядом.

— Мою девушку звали Годивой. Это означает — Божий дар... — Он вновь натянул рукавицы и задумчиво взмахнул

алебардой. — А это я назову Thrall-wreak — «возмездием раба». И настанет день, когда оно отомстит за Годиву. И не только за нее...

Глава 2

Едва забрезжило утро, отряды Великой Армии, подобно ручейкам, растеклись по узким, с длинными рядами нищих лачуг, улочкам внешнего города. Все три моста через Уз находились под сенью высоких стен древней колонии на южном берегу реки, однако это не могло расстроить планов искусных корабельщиков и дровосеков, в избытке представленных в войске викингов. Снеся на бревна несколько жилых домов, для бревен покрепче — окрестные церквушки, они живо соорудили через Уз широкий мост вблизи от своего лагеря. Армия перешла реку и, подобно морскому приливу, мощно покатила к желтым стенам города. Никто не суетился и никто никого не подгонял; эти восемь тысяч человек — за вычетом тыловых отрядов, оставшихся в лагере, — приближались к своей заветной цели.

Хотя большая часть войска дружно ступала по улочкам Йорка, некоторые викинги время от времени принимались выколачивать ставни и валить двери. Шеф неуклюже поворачивал из стороны в сторону головой, тесно сдавленной шлемом и еще не привыкшей к обузе. Он бросил вопросительный взгляд на вышагивающего рядом с беззаботным видом Бранда, который снял наконец перевязь и теперь помахивал при ходьбе обезображенной рукой.

— Дураки всегда найдутся, — проговорил тот. — Перебежчики сказывали, что король велел еще несколько дней назад всем жителям убраться отсюда: взрослым мужчинам перейти в крепость, а остальным рассеяться по холмам. Но все равно есть люди, которые считают, что они всех умнее и что их беда должна обойти стороной...

Возникшее впереди замешательство подтвердило правоту его слов. Раздались грубые выкрики, женский визг, потом звуки ударов. Перешагивая через разбитую вдребезги дверь, на улицу протиснулись четверо воинов. Лица их расплылись от удовольствия. Они ташили неряшливую молодуху, которая, несмотря на их железный захват, отчаянно извивалась и

крутилась. Идущие в гору люди остановились, чтобы передохнуть и обменяться шутками со счастливыми.

— Смотри, для боя сил не останется, Тости! Лучше разгрузись потом с другой клушей. Сбережешь силы.

Один из воинов схватил платье девушки за подол и напялил его, словно мешок, ей на голову, спутывая ей руки и глуша вопли. Двое других грубо рванули колени в разные стороны. Настроение проходящей толпы стало меняться. Кое-кто начинал присматриваться.

— Там еще останется место, после того, как ты упрaviшься, Скакуль?

Облаченные в латы руки вцепились в древко «возмездия раба». Шеф также повернулся в сторону кувыркавшихся тел. В тот же миг его бицепсы мягко обвила огромная лапища.

— Не оглядывайся, малыш. Если начнется драчка, ей точно конец. Ничего не поделаешь, легкой добычи всегда навалом. Может, они ее и отпустят. Их еще ждет сегодня бой, так что времени у них негусто.

Нехотя он повернулся и зашагал дальше, стараясь не слышать доносящиеся сзади — а спустя некоторое время уже отовсюду — вопли и визги. «Город — все равно что осеннее жнивье, — решил он. — Кажется, что он совсем пустой, но вот проходят жнецы, неубранных всходов остается все меньше и меньше, и вдруг оживает поле...» Так и вконец обезумевшие от страха обитатели Йорка пускались наутек и только чаще попадались на глаза языческому воинству. «Почему они не ушли, когда им велели? — спрашивал себя Шеф. — Король обязан был проследить за этим. Есть в этом мире хоть одна толковая голова?»

Строения заканчивались. Теперь предстояло ступать по размягшей жиже пустыря. До желтой стены, сооруженной римлянами, оставалось пройти ярдов восемьдесят. Выйдя на пустырь, люди Бранда приостановились, чтобы разглядеть фигурки, там и сям снующие по крепостным стенам, а также прислушаться к насмешливым возгласам. Вдруг, пропуская стрелу, загудел воздух. С глухим хлопком она вошла в стену лачуги. Тут же один из викингов разразился градом проклятий. Древко стрелы торчало у него из бедра. Бранд подошел к нему, вытащил стрелу, мельком взглянул на нее и отшвырнул за спину.

— Ранен, Арндор?

— Нет, только шкуру продырявила... Шесть дюймов выше, и от куртки она бы вообще отлетела.

— Пустяки все это, — сказал Бранд. — Поменьше глазейте на этих парней. А то, не ровен час, можно себе и в глаз схлопотать.

Шеф поковылял вперед, как и все, старательно делая вид, что не замечает жужжания и глухих ударов.

— Ты уже ходил так под стрелами? — спросил он Бранда.

Тот остановился, приказал остановиться отрядам и, повернувшись к стене, вовремя успел присесть на корточки.

— Правду сказать, не ходил. Так много их никогда не было. Но сегодня мы будем делать только то, что нам скажут. Рагнарссоны удумали что-то необычайное. Они возьмут город, если каждый справится с тем, что ему поручат... Уж поверь мне на слово, Рагнарссоны — большие мастаки по этой части. Может, слыхал о том, как старик их Рагнар пытался осадить большой город франков? Уф, давно это было, лет двадцать назад. Парижем зовется тот город. Да и с той поры сыночки его множество каменных крепостей брали. Правда, этот город не ровня какому-нибудь рату в Килкенни или Мите... Посмотрим, как они на сей раз управятся.

Шеф оперся на ратовище своей алебарды и огляделся. Перед ним простиралась огромная каменная стена, там и сям укрепленная бастиями. Беспорядочные кучки воинов, не желая более тратить впустую стрелы на Великую Армию, что строилась на самом краю пустыря, явно готовы были сразить врага, когда тот подтянется поближе. Удивительно, подумал Шеф, что даже такое могучее возвышение дает совсем небольшую дальность обстрела. Находящиеся за зубчатыми укреплениями в тридцать футов лучники сами по себе были недосыгаемы, неуязвимы. В свою очередь, им самим оставалось лишь взирать на врага. Окажись он от них ярдах в пятидесяти, можно было бы попытать удачи. С десяти ярдов его можно пробить насквозь. А стоя в восьмидесяти ярдах, он мог без лишней суеты подготовиться к приступу.

Он еще пристальнее вгляделся в древнее укрепление. С левого края оно заканчивалось круглой, выступающей вперед башней. С нее защитники крепости могли держать под обстрелом — в зависимости от убойной силы своих луков — значительную часть пространства вдоль крепостной стены. За башней местность шла под уклон, туда, где катил

свои мутные воды Уз, на другом берегу которого начинался деревянный частокол, что прикрывал предместье — Мэри-стаун, как прозвали его местные жители — со стороны реки. За зубцами частокола также виднелись фигурки англичан, с нетерпением наблюдавших за приготовлениями почти осязаемых и все же безнадежно далеких язычников.

Армия, построившись в шеренги по восемь и по шесть, тем временем застыла в ожидании. Большая ее часть, однако, сгрудилась в узких улицах внешнего города. Над шлемами реяли струйки пара. Тусклое железо, замызганные грязью кожа и шерсть лишь изредка расцветчивал яркий орнамент на щитах. Напротив крепостной стены длиною в пятьсот ярдов они стояли с невозмутимым, праздным видом батраков, ожидающих появления фермера.

Откуда-то из центра строя, ярдах в пятидесяти или шестидесяти от того места, где стоял Шеф, раздался резкий звук горна. Шеф вдруг сообразил, что уже в течение нескольких минут не отрывает взора от ворот, находящихся в самой середине стены. Из них выходит большая торная дорога, но ведет она не к грязному пустырю и к покосившимся плетням. Это явно тракт, соединяющий город с восточным побережьем. Сами же ворота — новые. Ставили их не римляне — слишком уж они кажутся прочными и неприступными. Держатся на балках из мощных стволов дуба, что высотой ровень с пристроенными к воротам башнями, и висят на самых исполинских петлях, какие только способны были выковать английские кузнецы.

И все же с камнем они по прочности не сравнятся. Именно напротив них — и впереди всего строя — расшагивают теперь Рагнарссоны. Шеф ищет взглядом самого высокого из братьев. Правда, в их окружении он кажется худощавым, едва ли не хрупким. Ивар Бескостный. Облаченный по случаю в алый, как языки пламени, плащ, зеленые, под цвет травы, штаны, лишь наполовину виднеющиеся из-под длинного панциря, в расписанный серебром шлем. Вот он обернулся и поднял руку, приветствуя своих любимцев. Те отвечают ему благодарным воем. Вновь заиграли в рог, и англичане, не выдержав, отошлись стайей стрел, которые все позастреливали в щитах, а иные отскочили от кольчуг викингов.

Теперь руку воздел Змеиный Глаз. Внезапно несколько сотен людей снялись с места и припустили трусой к крепо-

сти. То были отборные ратники Рагнарссоновых дружин. Воины в первом ряду тащили огромные щиты, не обычные, круглые, служащие подмогой в бою, а прямоугольные, прикрывающие тело от шеи до самых щиколоток. На них уже сыпался шквал стрел. Наконец викинги построились буквой V, обращенной острием к воротам города. Во втором же и третьем рядах нападавших шли лучники, которые, схоронившись за щитами, затеяли ответную стрельбу. Теперь и те и другие начали нести потери. Стрелы вонзались в головы, пробивали шеи. Иные викинги, которых не спасала кольчуга, грузно и беспомощно оседали на землю. Кое-кто из раненых передового отряда уже ковылял в тыл.

Но перед этой группой ставилась задача только охладить пыл лучников на стенах.

А из проема одной из улиц к пустырю уже подкрадывалось любимое детище Рагнарссонов. Пока оно выползало из-за спин воинов, его можно было принять за чудовищную черепаху, ибо не видны были ноги людей, что приводили его в движение изнутри. В двадцать футов длиной, оно было защищено и с обоих боков, и сверху огромными щитами, заходящими друг на друга краями.

Внутри же скрыт был таран из дубового ствола, подвешенный железными цепями к раме, на которую сейчас налегли пятьдесят самых сильных мужчин Севера. Перемещалась эта рама с помощью восьми колес, закрепленных на осях по обе стороны орудия. Спереди таран был оснащен железным жалом. Когда могучая черепаха тяжело поковыляла вперед, ободренные викинги устремились к крепости, разбегаясь по обе стороны от чудища и не обращая больше внимания на ураган английских стрел. Рагнарссоны яростными взмахами пытались заставить своих людей оттянуться назад и выстроиться в некое подобие колонны. Шеф угрюмо перевел взор на замелькавшие в толпе шафрановые пледы. А вот и Муиртайг; еще не снял с плеча свой меч. Как и вожди, ругается почем зря и размахивает ручищами.

— Вот она, премудрость, — сказал Бранд, который так и оставался все это время сидеть на корточках. — Таран должен разбить ворота, и мы спокойно заходим внутрь.

— Думаешь, они смогут разбить этой штукой ворота?

— Чтобы знать ответы на такие вопросы, мы и ведем войну...

Таран находился теперь всего в двадцати ярдах от крепостных ворот. Сквозь щели в щитах перед силачами, толкавшими его вперед, забрезжила цель. Лучники уже едва поспевали за ними. Внезапно на бастيون гурьбой высыпали защитники крепости, не обращая внимания на черный ураган стрел, который тут же обрушили на них викинги, взяли прицел и запустили в таран огненные пики. Те с тяжелыми шлепками попадали на могучие перекладыны орудия.

— Пустая затея, — сказал Бранд. — В другом месте — пожалуй; но уж только не в Англии... Хлеба уже все сняли! Да такая колдобина, чтобы заняться, должна целый день у горна в кузнице простоять!

Островки огня на бревнах слабо шипели и морщились. Таран не остановился, пока на полном ходу не врезался в ворота. Мгновенная пауза — ратоборцы стаскивают с плеч ремни, на которых они волокли вперед орудие, и хватаются за рукояти самого тарана. Протяжное колебание по всему туловищу черепахи — таран раскачивается на металлических цепях, закрепленных на продольной оси рамы. И бешеный толчок вперед. Мошь, составленная из усилий сотни рук и колоссального веса самого орудия. Ворота дрогнули.

Шеф внезапно почувствовал, что азарт сражения постепенно разогревает кровь и ему, и остальным сторонним наблюдателям. Бранд уже выпрямился; потянулись к крепости его люди. Сам же Шеф стоял, оказывается, на десять ярдов ближе прежнего места. Но бастионы молчали. Стоявшие под крепостными стенами викинги могли действовать безнаказанно.

Все внимание обеих сторон было сосредоточено теперь на воротах. Вновь отвели таран могучие руки, и вновь покачнулась громоздкое орудие. Яростный приступ, невообразимый грохот, начисто смявший вой тысячи голосов. Ворота отдаются дрожью. Но что же думают себе англичане? Если позволить черепахе и дальше терзать ворота, то рано или поздно они разлетятся в щепы, и поток викингов хлынет в беззащитный город.

Наконец в башенных проемах над воротами замелькали головы. Чтобы не быть пронзенными с такого расстояния стрелами, времени у англичан было в обрез, однако его хватало, чтобы занести над головой руки — а в руках этих, видеть, была недюжинная сила — и швырнуть валун на сло-

женный из щитов панцирь: целиться здесь было уже незачем. Щиты проламывались, давали трещины, но, прибитые друг к другу слитной чешуей, к тому же дававшей в обе стороны наклон, держались, а валуны, рокоча, скатывались на землю.

Впрочем, англичане, кажется, расшевелились. Шеф теперь находился совсем недалеко от ворот, чуть позади стрелков Рагнарссонов; из-за его спины выскакивали воины с охапками подобранных неприятельских стрел, однако он не сводил глаз с крепостных башен. А там вовсю налегали на канаты, на великое множество канатов, все те же сильные руки. Стрелы по-прежнему не задевали их. Внезапно мелконуло лицо одного из Рагнарссонов: кажется, то был Убби. Он зарычал на несущихся вперед воинов, требуя метать дротики поверх бастиона, чтобы поразить людей, которые, по-видимому, столпились с внутренней стороны ворот. Не многие, однако, решили повиноваться приказу. Метать предстояло вслепую, и жаль было так бестолково расставаться с дротиком, который воинам задаром не доставался.

Наконец над перекладной ворот показался предмет округлой формы, одним своим краем теперь с каждым мгновением все более выпиравший наружу. Впрочем, он был столь огромен, что не должен был скоро рухнуть. То была каменная колонна — древняя античная колонна с отсеченной капителью. Упав с высоты в тридцать футов, она подомнет под собой самый прочный панцирь.

Шеф пихнул «возмездие раба» в руки Бранду и устремился вперед, рыча нечто нечленораздельное. Скрытые чешуей черепахи люди понятия не имеют о том, что творится над их головами. Им нужно подсказать. Беда в том, что никто ясно не представляет себе, что же делать дальше. Когда Шеф поравнялся с тараном, люди, осадившие его сзади, вопили, что надо бросить таран, вновь надеть лямки и откатить орудие от стены на безопасное расстояние. Другие призывали Муиртайга и его людей ухватиться за наружный выступ рамы. Как только те бросились на помощь, вновь брызнул град английских стрел — на сей раз уже смертельный.

Работая локтями, Шеф проложил себе дорогу в чрево черепахи. В нос немедленно ударило испарениями человеческих тел и дыхания. Разогретые не на шутку пятьдесят силачей в полной сумятице пролезали под трелевочные лямки.

Кто-то еще только отпускал рукояти на массивном теле колеблющегося тарана.

— Нет! — во всю мощь своих легких прорычал Шеф. — Живо хватайтесь за рукояти!

С десятков ошалелых лиц обернулось к нему. Но большинство уже поднатужилось, налегло на лямки.

— Зачем тащить назад всю эту колымагу?! Оттяните просто таран...

Вдруг могучая сила вцепилась в ворот его рубахи, поволокла к передней части черепахи. Викинги прильнули к лямам.

— А ну, выродок, давай работай, как сказано, а не то я тебе всю печень выстригу, — заорал Муиртайг у него над ухом.

Рама дернулась, колеса сделали медленный оборот. Шеф припал к лямке. Два-три фута — и довольно; такую штуковину, какая повисла на краю стены, далеко не выбросишь...

Содрогнулась, затряслась земля. Треск впереди, потом сзади. Он бьется головой о перекладину. Жуткий, будто бы бабий, вой оглушает его.

Спотыкаясь, Шеф наконец твердо встает на ноги. И все-таки викинги опоздали. Сотни рук успели затащить колонну на край стены, где она перевесилась и рухнула точнехонько на железное рыло черепахи, похоронив последнее под слоем земли, порвав цепи и выдрав крепления. Помаяв также переднюю часть рамы, колонна сейчас покоилась на бедрах одного из воинов. Именно он, могучий, уже схваченный сединой мужчина лет сорока, издавал сейчас этот жуткий вой. Его друзья в испуге и замешательстве попятились, даже не замечая три или четыре недвижимых тела, по-видимому настигнутые сорванной цепью или осколком перекладины. Во всяком случае, пока, кроме одного человека, никто не издает ни звука. Вскоре они загальят все разом, но сейчас у него есть секунда, чтобы внушить им свою волю. И он уже знает, что предпринять.

— Муиртайг! Заставь его умолкнуть! — Злое лицо ошарашенно плятится на него, но, кажется, он не узнал. Откуда-то из штанов Муиртайг вытаскивает кинжал.

— Всем остальным: оттащить таран — недалеко, футов на шесть. Так, хорошо. Теперь... — Он прыгнул к передним перекладинам, быстрым взглядом оценивая повреждения. —

Десять человек, которые снаружи, живо, соберите сломанное дерево, ратовища, все, что в руки попадет, — и откатите колонну как можно ближе к воротам. Она всего в два-три фута шириной; если мы прямо к ней подведем переднее колесо, то еще сможем раскачать таран и пробить ворота... Потом надо приладить заново цепи. Мне нужен будет молоток, нет, два молотка. Оттащите немного таран, возьмитесь за ремни...

Бешеными скачками понеслось вперед время. Шеф чувствовал устремленные на себя взгляды; замечал краем глаза, как просовывается под панцирь и тут же исчезает голова в серебряном шлеме; видел, как оттирает свой кинжал Муиртайг. До всего этого ему не было никакого дела. На какой-то миг цепи и крепления, гвозди и проломанные перекладины вдруг замелькали лучезарным узорочьем. Он один знал, как сплести его заново.

Снаружи хлынул восторженный рев: это викинги, пытавшиеся на одном дыхании вскарабкаться по тут же сколоченным из досок лесенкам на, казалось бы, опустевшие крепостные стены, были отброшены прочь вовремя подоспевшими защитниками. А здесь, внутри, бешеная одышка и бормотание: «Это тот одноглазый кузнец. Делай, что он говорит...»

Все готово. С некоторым трудом обретя равновесие, Шеф взмахами призвал ратоборцев вновь приналечь на лямки. Через мгновение колеса тарана заскрежетали по поверхности колонны. Пошатнувшееся острие тарана, его железное рыльце, было снесено и отброшено прочь. Дубу предстояло сломить дуб. И вот ратоборцы снова вцепились в рукояти, на миг застыли и по краткой команде что было мочи раскачали таран. Удар. Потом следующий. Кто-то затянул песню, которую тут же подхватили все остальные — ибо это была знакомая всем песня гребцов. В каком-то полубабении, бездумно они обрушивали на ворота удар за ударом. Щурясь с привычки на солнце, Шеф вновь выскользнул из-под панциря.

Прежде безликий, заваленный хламом пустырь теперь обретал все приметы поля брани. Повсюду валялись трупы, ползали раненые, некоторых из них оттаскивали в сторону товарищи. Земля близ крепостных стен была густо усеяна стрелами и дротиками. Лучники усердно подбирали их и тут же пускали в дело. Возбужденные взгляды лишь на миг задерживались на нем, тут же устремлялись к воротам крепости.

А тем уже недолго было оставаться в целости. После каждого удара по ним пробегала теперь мощная дрожь; один из столбов чуть накренился. Воинам в передней части панциря удалось еще немного подтянуть таран, мощь удара крепчала, и становилось ясно, что пятьдесят, возможно, сотня взмахов, довершат дело. После чего, сверкая золоченой рукоятью мечей, навстречу воинам Дании, Вика и ирландским вероотступникам выступят лучшие из лучших ратоборцев Нортумбрии. Судьба сражения решится именно тогда.

Шеф ловит на себе взгляд Ивара Бескостного. Тот стоит всего в нескольких футах от него. Бледный застывший взор источает ненависть вкупе с недоверием. Но Ивару пора уделить внимание сражению. Ведь и он понимает, что наступают решающие мгновения боя. Взмах обеими руками. Приготовиться. Тут же со стороны расположенных у речушки домов по направлению к крепости припускает внушительная ватага. У них с собой длинные лестницы, нисколько не похожие на те неуклюжие устройства, с помощью которых осуществлялась первая попытка. Эти лестницы мастерили с умом и даже не хотят раньше времени выставлять напоказ. Люди, несущие их, полны сил и отлично знают свою работу. Как только лучшие силы английской дружины бросятся к воротам, Ивар пошлет эти отряды к угловым башням, которые, оставленные самыми отважными и ловкими, станут легкой добычей викингов.

И тогда англичан ждет неминуемый разгром. Укрепление, в котором противник пробил две бреши, само падет к его ногам.

«Зачем же я все это делаю? Почему я помогаю викингам, помогаю Ивару, помогаю людям, которые выжгли мне глаз?»

Из-за сотрясающихся всем телом ворот вдруг раздался чудной дребезжащий звук — будто прогнусавила задетая ногтем струна гуслей. Но звук этот был во много крат громче, он сумел перекрыть рычание брани. И тогда в воздух взмыла исполинская глыба, валун, который не под силу сдвинуть и десяти великанам. «Но ведь такого не бывает», — успел подумать Шеф.

И однако глыба продолжала подниматься все выше и выше; глядя на нее, Шеф вынужден был задрать голову. На одно мгновение, казалось, она замерла в воздухе.

А в следующее оказалась на земле.

Опустилась же она точно в центр тарана, кроша и растирая щиты, раму, перекладину, словно бы их склеил из коры деревенский мальчишка. Боек тарана подпрыгнул и, словно издыхающая рыба, несколько раз успел стукнуться оземь. Изнутри смятого панциря доносились хриплые стенания.

Штурмовые команды тем временем установили лестницы и начали проворно карабкаться на стены; одна из лестниц, впрочем, тут же описала полукруг и рухнула, другим же защитникам не удавалось столкнуть с места. А в двухстах ярдах от места событий, за Узом, на площадке деревянной стены Мэристауна, люди суетились возле какой-то диковинной машины.

На сей раз на викингов летела не глыба. Какое-то продолговатое тело перемахнуло через реку и устремилось к одной из лестниц. Смелчак, ухватившийся было рукой за край зубца и уже переносивший центр тяжести, чтобы ступить в неприятельскую крепость, невольно прервал полет снаряда.

Словно получив пинок великана, викинг на мгновение распластался по стене. Сила удара была такова, что треснула перекладина, на которой он стоял, накренилась и повалилась сама лестница. При падении воина развернуло, руки разошлись в разные стороны, и Шеф увидел огромный болт, выпирающий из его груди. Падал же он медленно, сложившись надвое, но не вперед, а назад, и приземлился на груды тел своих товарищей.

Что же это было? Стрела? Пожалуй, стрелой это не назовешь. Стрелы запускаются в воздух силой человека, а это страшное орудие человеку не запустить. Да и не поднять, не швырнуть ту глыбу. Хотя, говорят, и такое бывает. Шеф сделал несколько шагов и пристально осмотрел валун, не обращая внимания на судорожную возню и стоны погребенных под ним несчастных.

Эти снаряды запускались с помощью машин. Да еще каких машин! Значит, где-то в форте, а может быть, при бенедиктинцах подвизался некий величайший умелец. Он должен его разыскать. И вдруг ему со всей ясностью открылось, отчего он решил помочь армии. Он просто не в состоянии служить неуправляемым силам. Но теперь, похоже, такие силы находили себе применение и у тех, и у других.

Всучив ему в руки «возмездие раба», Бранд сгрел его в

охапку могучей лапишей и свирепо отпихнул прочь от крепостной стены.

— ...Прилип к месту, как сопля, и ждешь чего-то... Ты что ж, не понимаешь, что они готовят вылазку и будут добывать всех, кто им попадется?!

Только сейчас Шеф осознал, что, не считая мертвых и раненых, кроме них, на пустыре перед крепостью не осталось ни единого человека. Остальные поспешно спускались вниз по холму.

Штурм крепости обернулся для Рагнарссонов кровавым провалом.

* * *

С необыкновенной осторожностью Шеф поднес остро наточенное лезвие ножа к нити. Резкий взмах. Груз падает на свободную лопасть деревянного рычага. С другого его конца взмывает булыжник и, описав дугу, падает в другом конце кузницы.

Шеф устало вздохнул.

— Вот на этом все основано, — сказал он Торвину. — Короткий рычаг — тяжелый груз; длинный рычаг — груз полегче.

— Рад, что ты, кажется, наконец-то доволен, — ответил Торвин. — А то ты уже два дня играешься с этими струнами и дощечками, а я должен выполнять всю работу. Теперь можно рассчитывать на твою помощь?

— Да, конечно, но все, что я здесь делал, — очень важно. Люди Пути должны искать нового знания.

— Согласен. Все это важно. Но мы не вправе забывать и о будничных заботах.

Опыты эти волновали Торвина отнюдь не меньше, чем самого Шефа, однако, пару раз попытавшись принять участие в работе, он сообразил, что служит лишь помехой распаленному воображению своего бывшего ученика. А потому он счел за благо погрузиться в обыденные дела, которых у оружейников Великой Армии было невпроворот.

— Но уверен ли ты, что это и впрямь *новое* знание? — осведомился Ханд. — Скажем, Ингульф вытворяет чудеса, на какие не способен ни один англичанин. Причем познает он все только через испытания на мертвых телах. И ты также идешь путем пробы, но в конце концов ты выяснишь только

то, что давно известно бенедиктинцам. А они это знают, не тратя времени на игру с образцами.

Шеф кивнул:

— Да, я понимаю. Я теряю уйму времени. Сейчас я вижу, как эта штуковина действует, но остается множество неясных вещей. Если бы здесь был не образец, а настоящий груз вроде того, который они запустили, то каким же весом я должен надавить на другой рычаг? Ведь его и дюжина человек не поднимет. А если он окажется так тяжел, как же я закреплю на месте длинный рычаг, с которого полетит снаряд? Значит, они используют какую-то лебедку. Зато теперь я точно знаю, какой звук я услышал перед тем, как появилась эта глыба. Они перерубали канаты и отпускали рычаг. Но тут есть еще одна хитрость, и меня она волнует даже больше всего остального. Ведь они метнули только один-единственный снаряд, и он расплющил таран. Но не попали они с первого раза, через полминуты ворота бы уже снесли, а людей, которые умеют управляться с этой машиной, прирезали бы на месте. Значит, они почему-то были полностью уверены в том, что не промахнутся.

Внезапным порывистым движением он стер линии, которые до того чертил на земляном полу.

— Все это пустая трата времени. Ты понимаешь, о чем я, Торвин? За всем этим кроется какая-то наука, знание, объясняющее, почему снаряд полетит именно в ту, а не в иную сторону. Они не ставили опыты, как я. Когда я впервые увидел форт, который вы поставили на Стауре, я все время недоумевал — откуда, дескать, Рагнарссоны знают, сколько им понадобится бревен, чтобы укрыть за частоколом всех своих людей? Теперь-то я знаю, как они это делают: берут палку и наносят на нее насечки. Считают, что для каждой корабельной команды им понадобится десять насечек. Потом палки эти поочередно разбрасываются по кучам. Куч может быть три, четыре, сколько понадобится, — каждая куча означает стену. Когда палок больше не остается, они собирают кучи и считают количество палок. Вот так ведут подсчеты величайшие в мире воины и мореплаватели. Делают насечки на палках. Но англичанам, которые засели в городе, помогает римская наука. Мне известно, что римляне числа записывали так же легко, как и буквы. Вот если б я выучился этой римской премудрости, тогда бы и смог построить такую машину.

Торвин положил на наковальню шипцы и задумчиво повертел в руках серебряную пектораль с амулетом-молотом.

— Нельзя же думать, что римляне имели ответы на все вопросы. Если бы это было так, то они бы и до сих сидели бы в Йорке и правили бы оттуда всей Англией. И кроме того, нельзя забывать — они всего-навсего христиане...

Шеф порывисто вскочил на ноги:

— Ага! Как же ты тогда сможешь объяснить другое устройство? То, которое выстрелило в нас гигантской стрелой. Я думаю об этом дни и ночи напролет. И все впустую. Такой огромный лук сделать невозможно. А на меньшем — дерево треснет. Что еще может стрелять, помимо лука?

— Знаешь, кто тебе поможет? — вмешался Ханд. — Тебе надо дожидаться перебежчика из города. Из Мэристауна. Только такого, который видел машину в деле.

— Может быть, кто и появится... — промолвил Торвин.

В наступившей тишине вновь загроыхал по наковальне молот Торвина, заухали мехи, раздуваемые яростными движениями Шефа. О перебежчиках не стоило и заикаться. Взбешенные неудачей под стенами Йорка, Рагнарссоны обратили свою злобу на окрестные деревни, на беззащитные поля, сады и уголья. Ведь все до единого вооруженные люди и таны, знать и ратоборцы находились за стенами города, защищали короля Эллу.

— Если уж мы не смогли взять город, — бушевал Ивар, — мы сотрем с лица земли все королевство!

Этим викинги и занялись.

— Я начинаю уставать, — пожаловался однажды Шефу Бранд после того, как ему, в порядке установленной для всех корабельных команд очереди, пришлось прочесывать уже давно опустошенные земли. — Не думай, что я такая тряпка. Или что я уподобился христианам. Я хочу разбогатеть и за деньги готов сделать если не все, то очень многое. Но тем, чем мы занимаемся по милости Рагнарссонов, гадгедларов и остальных подонков, денег не заработать. Да и удали собой я здесь не вижу. Знаешь, мало удовольствия прогуляться по деревне после того, как они там побывали. Да, понимаю, англичане — христиане, и, возможно, они заслужили свою участь тем, что лизали пятки своему богу и его жрецам... И все равно в этом нет смысла. Мы сотнями берем невольников. Товар здоровый, хоть куда. Но что нам с ними делать? Про-

давать — а куда? На Юг? Но тогда нужно снарядить сильный флот да набрать востроглазых ребят. Нас здесь не слишком жалуют — и все по вине Рагнара и его отпрысков. Тогда, может быть, в Ирландию? Надо делать крюк, и неизвестно, когда ты получишь навар. А разбегутся рабы — вообще шиш получишь. Церковники все золотишко успели снести в Йорк. А танов или крестьян местных шипать — пустая затея. Одни гроши. Странное дело. Ведь богатая страна — это ясно всякому! Куда ж они подевали все свое серебро? Нет, так мы никогда не разбогатеет. Я иногда начинаю жалеть, что набрался храбрости заявиться на глаза Рагнарссонам в Бретраборг, сообщить им весть о смерти старого Рагнара, послушался жрецов Пути. Не много я с этого получил.

Но Бранд снова и снова выводил своих людей на промысел. Он рыскал по округе, добрался до самой усыпальницы Стеншолла, надеясь там разжиться золотом и серебром. Шеф просил разрешить ему не участвовать в этих походах. Ему неведомо было переносить картины опустошения и поругания, которые оставляли после себя Рагнарссоны и их пособники, одолеваемые желанием показать другим воеводам, как можно добыть из керлов и трэлей сведения о зарытых кладах и замурованных сокровищах, — из керлов и трэлей, которые не в состоянии были поделить ни сведениями, ни самими сокровищами. Бранд хмурился и начинал сердиться.

— Мы сейчас в армии, — говорил он. — И воюем в ней все вместе. То, что мы решили здесь сообща, должен исполнять каждый, независимо от того, нравится это ему или нет. Если же кому-то это не по душе, он должен подговорить других созвать общий сход. Но мне-то, малый, не нравится, как ты рассуждаешь. Что-то ты в армии принимаешь, а от чего-то желаешь отмахнуться. А ведь ты нынче зовешься карлом. Карлы всегда должны радеть о благе товарища. Потому-то всем им дан голос на сходе.

— Я порадел об общем благе, когда сломался таран.

Бранд недоверчиво хмыкнул.

— Для своей же пользы... — пробормотал он.

И однако он согласился оставить Шефа, поскольку Торвин задыхался без помощника. В те редкие мгновения, когда ему удавалось оторвать взгляд от наковальни, Шеф видел стены Йорка. Не спускали с них глаз и выставленные часовые — осажденные в любую минуту могли решиться произ-

вести вылазку. Шеф же довольно скоро начал свои опыты с образцами, заменявшими ему огромные луки и метательные пращи. И одну загадку он все же сумел решить — не благодаря, впрочем, опытам или тем более теоретическим выкладкам.

Присыпанная гравием дорожка зашелестела под бегущими ногами, которым вторили натужные вздохи. Все трое разом бросились к открытому настежь дверному проему. В нескольких футах от них Торвин расставил свои колья. Гроздь рябины, свисавшие с натянутой между кольев веревки, обозначали границу его святилища. В один из столбов сейчас вцепился человек, который тяжело ловил ртом воздух. Одет он был в ветхое рубище. Железный обруч, схвативший его шею, заранее оповещал о его положении. Глаза отчаянно блуждали по незнакомым лицам, но вдруг, остановившись на молоте, что висел на груди Торвина, радостно заблестели.

— *Sanctuarium!* — возопил он. — Молю вас, дайте мне *Sanctuarium!*

Говорил он по-английски, но слово употребил латинское.

— А что такое *Sanctuarium*? — спросил Торвин.

— Убежище. Он ищет твоего покровительства. У христиан иной раз беглец может дотронуться до дверей некоторых церквей, и, пока дело его не будет рассмотрено, он будет находиться под защитой епископа...

Торвин медленно покачал головой. Он уже успел заметить отряд преследователей. То были гебридцы, самые рьяные добытчики живого товара. Видя теперь, что улов от них никуда не денется, они даже убавили шаг.

— У нас нет такого обычая, — пробормотал Торвин.

Раб понял его по жестам, а когда обернулся и увидел своих мучителей, взвыл от ужаса и еще крепче вцепился в хрупкий столбик. Шефу вспомнилось, как сам он ступил вслед за Торвином в его капище, не зная, делает ли он этот шаг к смерти или к жизни. По крайней мере, он мог возлагать надежды на свои способности к кузнечному делу. Этот же человек, похоже, в ремеслах толк не знает и годен лишь на подсобные работы.

— Давай шевелись, — коротко бросил вожак гебридцев, сразу награждая съжившегося раба затрепачной по уху и начиная отдиравать его пальцы от столбика.

— Сколько ты за него хочешь? — порывисто выступил Шеф. — Я его покупаю у тебя...

Гебридцы зашлись от хохота.

— Кого, вот этого? Зачем он тебе, одноглазый? Захотелось задницей полакомиться? Приходи в загон, я тебе подберу кое-кого получше.

— Я же сказал — я решил его купить. Взгляни — деньги у меня есть. — Шеф повернулся и показал на воткнутую в землю у входа в капище алебарду, свое «возмездие раба». С нее свисал тощий кошель, пополняемый Брандом за счет его доли в скудной военной добыче.

— Ничего не выйдет. Желает себе раба — подходи к загонам, продам тебе любого. Но этого я хочу отвести назад. Преподам на его шкуре урок остальным. У нас там много таких, которые сбежали от старого хозяина. Решили, видать, что они теперь будут бегать и от нового. Пора им узнать, стоит это делать или нет...

Раб, по всей видимости, сумевший уловить общий смысл беседы, зашелся пуще прежнего. Когда же стражники, заломив ему руки, потащили его в сторону, пытаясь не нанести урона святилищу, он вдруг принялся яростно упираться и отпихиваться.

— Амулеты!!! — зарычал он. — Говорили, что тем, кто с амулетами, можно верить!!!

— Но мы не можем тебе помочь, — ответил Шеф, вновь переходя на родной язык. — Ты должен был остаться со своим хозяином-англичанином.

— С хозяином? Мои хозяева — бенедиктинцы. Сам знаешь, каково при них рабам живется. А мой хозяин — это изверг, который делает машины. Эркенбертом он зовется...

Один из гебридцев, которому надоела эта возня, выхватил из-за пояса песочную дубинку и ударил свою жертву. Удар, однако, вышел неточным: дубинка скользнула мимо темечка и угодила рабу в челюсть. Раздался хруст, челюсть резко подалась вперед. В уголке рта навернулась кровь.

— Эр... ен... ерт... Он... он — дьяв... Делает дьявольские маш...

Одного мига хватило Шефу, чтобы натянуть свои рукавицы. Оставалось только выдернуть из земли алебарду. Ком сцепившихся тел откатился на несколько шагов вдаль.

— Эй, полегче! — зарычал он. — Этот человек еще может пригодиться. Не покалечьте его.

«Десять слов, — мелькнуло у него. — Десять слов — и этого, может быть, хватит... И тогда мне откроется, что это за волшебный лук...»

Раб, продолжая крутиться и извиваться, словно попавшая в силки ласка, улучил момент и что есть мочи хватил ногой одного из гебридцев. Тот захрипел и с проклятиями присел на корточки.

— Довольно! — крикнул главарь. Шеф метнулся вперед, надеясь, что успеет хотя бы словами помешать ему. Но тот уже вытаскивал из-за пояса клинок. Шаг, скрытый удар снизу. Англичанин, по-прежнему висая на руках поработорителей, искривился дугой, дернулся и обмяк.

— Эй ты, куриные мозги! — не помня себя, возопил Шеф. — Ты убил человека, который управлял метательными машинами!

Гебридец повернулся на этот глас с перекошенным от злобы лицом. Но не успел он открыть рот для ответа, как получил страшный тычок в лицо стальной руковицей. Взмахнув руками, он во весь рост растянулся на земле. Наступила мертвая тишина.

Гебридец медленно поднялся, харкнул на ладонь одним окровавленным зубом, потом другим. Он поглядел на своих людей, передернул плечами. Они бросили труп раба, развернулись и все вместе зашагали восвояси.

— Ну, теперь держись, малыш, — поговорил Торвин.

— О чем ты?

— Теперь произойдет в твоей жизни что-то новенькое.

— Что же это?

— *Holmgang*.

Глава 3

Шеф валялся на соломенном тюфяке неподалеку от присыпанной песком жаровни, то и дело мечась в тяжелом забытии. Торвин перекормил его сегодня тяжелой пищей, чему нельзя, казалось, было не порадоваться после долгого житья в лагере, съестные припасы которого пополняются исключительно за счет успеха — или неудачи — разбойного промыс-

ла. Однако краюха ржаного хлеба и копченая телятина тяжелым грузом лежали в желудке. Еще более тяжкие мысли теснились в оцепеневшем мозгу. Ему были объяснены правила *holmgang'a*, ничего общего не имевшие с действиями, которыми могли следовать воины в драке на смерть, как в случае его боя с ирландцем Фланном несколько месяцев тому назад. Эти правила ставили его в чудовищно невыгодное положение. Но нечего и помышлять о том, чтобы отменить поединок. О нем знает, его с нетерпением поджидает вся армия. Давненько не было у нее таких упоительных развлечений. Он угодил в западню.

И вместе с тем его неотступно преследуют мысли о метательных машинах. Как они строятся? Как создать совершенную? Каким образом пробить брешь в йоркской стене? Пытаясь угнаться за этими мыслями, он соскользнул в дремоту.

* * *

Он стоял посреди какой-то незнакомой долины. Над ним высились стены чудовищного размера, посрамившие бы укрепления Йорка и стены любой земной цитадели. До предела задрав голову, он увидел знакомые ему по прежним грезам — видениям, как называл их Торвин, — исполинские существа с лицами, подобными лезвию топора, на коих написано было выражение суровое и многозначительное. Впрочем, сейчас на их лицах ощущалась и тревога. На переднем же плане передвигалось существо еще более гигантское, чем боги; ростом своим оно было вровень с крепостными стенами, на которых те выстроились. Сложение его, однако, было отлично от человеческого: короткие коренастые ноги, жирные руки, непомерно раздувшийся живот и растянутый до ушей оскал. Оно походило на огромного шута. Выродок, урод, который, появившись он на свет в Эмнете, при условии, что отец Андреас не успеет вовремя принять меры, без лишних проволочек нашел бы свой конец в ближайшем болоте. Гигант этот понукал столь же громадную лошадь, размерами вполне под стать ему самому, что тащила телегу, груженную каменной глыбой, огромной, как гора.

Шеф догадался, что глыбой предполагается прикрыть имевшиеся в стене проемы. Стена еще ждала своего завершения. Это должно было случиться очень скоро. В этом чудном мире солнце также знало, где горизонт. И Шеф понял, что если

строительство будет закончено до того, как солнце встретится с горизонтом, произойдет нечто ужасающее и непоправимое. Так вот почему так встревожены боги и вот почему гигант понукает свою лошадь — присмотревшись, Шеф понял, что это жеребец, — залихватскими, веселыми прибаутками.

Сзади донеслось ржание. Другая лошадь, размерами поскромнее первой. Это гнедая кобыла с черной челкой, нависающей над глазами. Она повторяет свой призыв, затем застенчиво косится в сторону, словно ей невдомек, какое действие должно возыметь ее ржание. Однако оно услышано. Жеребец поднял голову, запрядал ушами, натянул постромки. И орудие его выползает наружу из ножен.

Гигант рычит, колотит жеребца по морде, пытается прикрыть его глаза. А из ноздрей жеребца веет ветерок бешенства. Но вот еще один призыв кобылицы, она уже совсем близко, копыта выбивают сладострастную дробь. Жеребец пятится, а потом вдруг лягает гиганта, разрывает постромки могучими бабками. Телега мчится вперед, кувыркком летит с нее каменная плаха. Гигант заходится в злобной пантомиме. Но жеребец свободен, он несется к кобылице, он готов войти в нее своим неимоверным фаллосом. Но она, скромница, отскакивает в сторонку, дразнит его, а затем устремляется прочь. Они кружатся на месте, потом неожиданно берут полный галоп. Жеребец настигнет ее, но где-то вдалеке, в невидимой дали... А за ними, не помня себя от ярости, продолжает выделять смешотворные коленца гигант. Солнце наконец садится. Одно из угрюмых существ, стоявших на стене, степенным шагом направляется вперед. В руках у него пара стальных рукавиц.

«Пришла пора расплатиться», — мелькнула мысль.

И вновь он стоит посреди долины. Перед ним — обнесенный стеною город. Он также огромен, ибо стены его намного выше стен Йорка, и однако размеры его поддаются человеческому пониманию. Так же, как и те фигурки, что мельтешат сейчас и за, и под стенами. Последние тащили вперед несуслазное чудовище — не черепаху, подобную Рагнарссонову тарану, но огромного деревянного коня. Но чего ради тащить такого коня, спросил себя Шеф. Разве можно с его помощью надеяться кого-либо обмануть?

Никакого обмана и не было. Со стен крепости на лошадь обрушился вал стрел и снарядов, захлестнувший и воинов, что крутили могучие колеса. Стрелы сметали толкачей, но на сме-

ну им безбоязненно устремлялись сотни новых людей, которых уже было не перебить. Когда же конь приблизился к стенам, они оказались ниже его. Теперь, вдруг с ясностью понял Шеф, разрешится мучительная череда событий, которые в течение многих лет уносили тысячи жизней и будут уносить их впредь. Должно произойти нечто, чувствовал он, что потрясет следующие поколения, будет манить их великой своей тайной. Однако большинство, не в силах разгадать подлинный смысл происшедшего, обречены просто смаковать собственные версии...

Из глубин сознания Шеф услышал обращенный к нему призыв. То был голос, увещевавший его перед страшным пробуждением на Стауре. В нем по-прежнему звенела нотка холодно-того и насмешливого любопытства.

— А теперь взгляни-ка сюда...

Конь открыл пасть и накрыл языком стену. А изо рта...

* * *

Торвин вовсю тормозил его, нещадно тряс за плечи. Шеф присел на лежаке, не переставая гадать о смысле увиденного.

— Пора вставать, — сказал Торвин. — Впереди у тебя не легкий денек. Молюсь, чтобы ты увидел его конец.

* * *

Войдя в свою башенную келью, расположенную высоко над крышей обители, архидиакон Эркенберт подвинул подсвечники поближе к своей скамье. Все три свечи были вылиты из воска. Они не коптили, как вонючие сальные свечи, и свет от них шел очень ясный. Смерив их довольным взглядом, он вытащил из чернильницы гусиное перо. Труд ему предстоял долгий, кропотливый и, кажется, не сулящий ничего утешительного.

Перед ним лежали неровные кипы листов пергамента — все исписанные, перечеркнутые, испещренные пометами. Он взял стиль, отобрал нетронутый большой лист и начертал:

De parochia quae dicitur Schirlam desunt hummi XLVIII
Fulford XXXVI
Haddinatus LIX

Край листа медленно полз вверх. Наконец под столбом монастырских должников была проведена черта. Архидиакон издал тяжелый вздох и приступил к своей изнурительной миссии. Теперь ему предстояло сложить эти числа. «*Octo et sex*, — забубнил он под нос, — получается *quattordecim*. *Et novo, sunt... viginta tres. Et septem*». В помощь себе он провел на использованном ранее листе несколько штришков, перечеркивая их с окончанием очередного десятка. Не забывал он и ставить небольшие пометы между XL и VIII, L и IX, дабы впоследствии не спутать, какие части цифр необходимо прибавлять, а какие уже участвовали в сложении. Наконец первый подсчет был завершен; появилось число — CDXLIX. Эркенберт немедленно принялся за те цифры, которые пока не были использованы. *Quaranta et triginta sunt septuaginta. Et quinquaginta. Centum et viginta...* Послушник, который, боясь потревожить архидиакона, за минуту до того припал к дверному «глазку», чтобы узнать, не испытывает ли тот в чем нужду, отпрянул и поспешил поделиться с братьями чудесной новостью.

— Он называет такие числа, о которых я в жизни не слышал, — благоговейно произнес он.

— Он великий человек, — подтвердил один из бенедиктинцев. — Будем только молиться, чтобы Господь не наказал его за изучение столь темной науки...

«*Duo milia quattuor centa nonaginta*», — промолвил Эркенберт и начертал это чудовищное число: MMCDXC. Теперь предстояло прибавить к нему CDXLIX. Снова потребовалось зачеркивать штрихи. Наконец он знал точный результат. MMCMXXXIX. Но он еще не явил свою ученость во всем великолепии. Пока у него есть сумма недополученных податей лишь за один месяц. Во что же она вырастет по истечении года, если Провидению будет угодно, чтобы викинги, этот гнев Господень, и впредь истязали рабов Божиих? Многие ученые мужи, даже те из них, что мнили себя *arithmetici*, пошли бы по более легкому пути и четыре раза сложили бы это число. Но Эркенберт слишком высокого о себе мнения, чтобы отказываться от своих чудесных навыков. И, насупив лоб, он принимается за решение самой темной из задач, которые когда-либо изобретал дьявол, чтобы потешиться над человеком, — он умножает римское число вчетверо.

Когда же действие было окончено, он, не веря своим гла-

зам, долго таращился на результат. Не скоро он заметил, что за окном уже забрезжил рассвет. Трясущиеся пальцы едва сумели справиться с фитилем свечи. После заутрени он должен будет переговорить с архиепископом.

Это число поистине ошеломляющее. Они не могут позволить себе такие убытки.

* * *

Тот же серый рассвет заставил очнуться и женщину, что, свернувшись калачиком под шерстяными накидками и погрузившись в рыхлый тюфяк, лежала в безрадостном забытии в ста пятидести милях к югу от Йорка. Вздрыгнув, она заерзала в своем гнездышке. Рука нечаянно коснулась обнаженного бедра лежащего рядом мужчины и тут же отдернулась, словно дотронулась до чешуйчатого покрова огромной гадюки.

«Он мой единокровный брат, — в тысячный раз начала твердить она себе. — Сын моего отца. Живя друг с другом, мы совершаем смертельный грех. Но кому мне об этом сказать? Даже священнику, обвенчавшему нас, не смела я в том признаться. Альфгар сказал ему, что мы прелюбодействовали, когда бежали от викингов и что теперь молим Господа и Церковь ниспослать нам прощение и освятить наш союз... Теперь они считают его святым. А короли? И в Уэссексе, и в Мерсии короли внимают каждому сказанному им слову — а он разглагольствует о зверствах викингов, о том, как они обошлись с нашим отцом, какие подвиги он совершил, чтобы вызволить меня из неволи... И они считают его героем! Обещают сделать его ольдерменом в шайре, привезти к нему из Йорка несчастного, замученного отца, где тот по-прежнему обличает язычников... Но что скажет отец, когда обо всем узнает? Если бы только Шеф был жив...»

Но стоило ей мысленно произнести это имя, как из-под прикрытых век выступили слезы. Вмиг мокрым стало лицо. Так начиналось каждое ее утро.

* * *

Шеф шагал по грязной дорожке, по обеим сторонам заставленной теплыми шатрами, которые совсем нечасто приходилось покидать викингам во время лагерного зимовья. На

плече его подрагивала алебарда, на руках поблескивали стальные рукавицы, но шлем был оставлен в кузнице. Ему намекнули, что кольчугу и шлем для *holmgang'a* надевать не обязательно. Поединок — это дело защиты чести, а потому его телесные последствия, как-то: жизнь или смерть — первостепенного значения не имеют.

Но это отнюдь не значило, что на поединках не убивают.

Holmgang всегда требовал участия четырех человек. Основные виновники поединка осыпали друг друга ударами, однако ж уберечься от них могли лишь с помощью товарища, который, орудуя щитом, отражал удары и выпады. Жизнь основного участника, таким образом, зависела от мастерства его помощника.

Шеф же собирался явиться на поединок без сопровождающего. Бранд со своей командой вновь отправились грабить окрестности. Торвин едва не рвал в клочья свою бороду, но в качестве жреца Пути он не имел права быть участником. Если бы он и решился на это, судьи ему все равно бы не позволили. То же касалось Ингульфа, хозяина Ханда. Единственным, по сути, человеком, к которому он мог бы обратиться с этой просьбой, был сам Ханд, и стоило этой мысли утрястись в голове Шефа, как он немедленно заключил, что Ханд, узнай он об обстоятельствах Шефа, с удовольствием вызовется помочь ему в поединке. И тем не менее Шеф твердо пояснил своему другу, что в его услугах он не нуждается. Помимо всех прочих соображений, он не сомневался, что в самый важный момент, когда противник занесет над ним меч, Ханд будет пристально рассматривать кочку в болотах, где он только что заметил цаплю или вылезшую из топи выдру, чем, возможно, предрешит участь не только Шефа, но и свою собственную.

— Я сам сумею себя защитить, — объявил он жрецам Пути, собравшимся, к его немалому удивлению, в тот день со всего лагеря, чтобы надавать ему советов.

— Не для того мы заступались за тебя перед Змеиным Глазом и вытаскивали из лап Ивара, — пробурчал Фарман, жрец Фрейра, известный своими посещениями загробных миров.

— Как же тогда ты можешь верить в судьбу? — возразил ему Шеф, и жрецы вынуждены были умолкнуть.

Впрочем, сейчас, направляясь к месту *holmgang'a*, он

знал, что тревожит его не сам по себе исход поединка. Он отнюдь не уверен, что судьи позволят ему биться одному. Это то и волнует его по-настоящему. Ибо если он не получит их разрешения, ему во второй раз придется уповать на милосердие викингов, вновь представ перед их судом на *vapnatakr*. Стоит вспомнить то клаяние и восторженный рык тысяч глоток, как все внутренности начинает сводить судорога.

Он прошел через проем лагерного вала и направился к притоптанному луку, где уже собрались воины. По мере его приближения каждый норовил отпустить остроту или приветствие. Толпа расступилась, пропуская его. Он оказался в небольшом кольце из сплетенных меж собой ивовых прутьев. Между дальними его краями было не больше десяти футов. Торвин объяснил ему, что по правилам *holmgang* должен происходить исключительно на острове в текучей воде. Если же, однако, поблизости ничего подобного обнаружить не удалось, поединок устраивался на суше на условном «островке». При этом никакого передвижения по ходу *holmgang'a* не допускалось: противники вставали в стойку и бились до тех пор, пока кто-то из них не свалится замертво. Равным образом поединок подлежал прекращению, если один из участников не может сражаться дальше либо же договорился о выкупе, а также если бросит оружие или выступит за пределы огороженной площади. Закончив бой двумя последними способами, приходилось рассчитывать только на милость врага, который вправе был потребовать смерти либо увечья... Если же участник показал себя трусом, то судьи без колебаний подтверждали выбор его противника, а то и назначали сразу обе кары.

У границы ристалища уже находились оба противника Шефа. Первым был тот гебридец, которого он лишил пары зубов, по имени Магнус. Его обнаженный клинок вороненой стали был начищен до такого блеска, что в тусклом свете пасмурного утра казалось, будто змеиный узор на лезвии начинает сам по себе корчиться и извиваться. Рядом стоял его товарищ, высокий, спесивого вида воин средних лет с изборожденным шрамами лицом. В руках он держал необъятных размеров разукрашенный деревянный щит, снабженный металлическим ободом и набалдашником. Удостоив их своим вниманием, Шеф неторопливо оглядел первые ряды присутствующих, чтобы отыскать среди них судей.

На несколько мгновений сердце его перестало отсчитывать удары. Впереди всех стояло четверо знатных воинов, но взгляд его тут же застыл на одном из них. Бескостный и на сей раз облачился в роскошный ало-зеленый наряд, но шлем отложил в сторону. Прямо на него смотрели студенистые глаза с невидимыми ресницами. Тут же отметив и непроизвольную судорогу Шефа, и его попытку немедленно придать лицу бесстрастное выражение, глаза сразу обрели покойствие, подозрительность уступила место брезгливой насмешке.

Ивар зевнул, потянулся и собрался уходить.

— Я устраняюсь от судейства в этом поединке, — объяснил он, — у нас с петушком этим свои счеты. Начнет еще говорить, будто я судил нечестно... Жаль, но придется мне уступить его Магнусу.

Ближайшие наблюдатели приветствовали это заявление дружным ревом. Гулом одобрения отозвались дальние ряды. И Шеф еще раз убедился, что в Армии не бывает решений, не нуждающихся в общем согласии. Не заручившись поддержкой воинов, их вожди могли попасть в трудное положение.

После ухода Ивара судейство перешло к трем оставшимся маститым воинам. Все трое были в прекрасных, отливавших серебром доспехах. В том, кто стоял посередине, Шеф узнал Хальвдана Рагнарссона. Он был старшим из братьев и снискал себе славу неистовым нравом и необузданной драчливостью. Он не мог похвалиться мудростью Сигурда или умением Ивара наводить на людей ужас, однако не знал снисхождения к людям, поступившимся правилами чести.

— Где же твой товарищ? — хмурясь, осведомился он.

— Я могу драться без него, — ответил Шеф.

— Драться ты можешь только с ним! По условиям *holmgang'a*, ты должен явиться в сопровождении товарища со щитом. А если ты заявился сюда без него, это все равно что ты согласен сдать на милость твоего противника. Итак, Магнус, что ты пожелаешь с ним сделать?

— Мне не нужен помощник! — закричал Шеф, делая шаг вперед и с силой втыкая ратовище алебарды в землю. — А щит у меня есть. — С этими словами он поднял левое предплечье, к которому была привязана квадратная железная пластина, имевшая в поперечнике фут. Крепкие узлы намертво приторочили ее к локтю и запястью. — Я не собира-

юсь защищать себя досками. Вот мое оружие. Я — англичанин, а не датчанин!

Слова эти встречены были бурным проявлением чувств, среди которых, как показалось Шефу, нашлось место и любопытству. То, что армия обожала всякого рода неожиданности, он понял давно. Если на их глазах затевалось что-то действительно стоящее, викинги способны были поступиться правилами. Человек, которому хватало духу дерзить, когда он был заведомо не прав, мог надеяться на их сочувствие.

— Мы ведь не имеем права на это согласиться, — обратился Хальвдан к двум другим судьям. — Что скажете?

Ряды зрителей зашевелились. Огромный воин, в свою очередь увешанный серебряными бляхами, проложил себе дорогу к ристалищу и прошагал к судьям, около которых находился и Шеф. Стоящие чуть в стороне гебридцы наблюдали за сценой без всякого удовольствия. Шеф не верил своим глазам. Рядом с ним стоял его родной отец, Сигвард. Покосившись на сына, он повернулся к судьям, раскинул свои могучие руки, как человек, радеющий о всеобщем согласии.

— Я хочу держать щит перед этим человеком.

— Он просил тебя об этом?

— Нет.

— Тогда что у тебя за ставка в этом деле?

— Я его отец.

Ряды неистово заревели, выказывая нарастающее возбуждение. Что такое жизнь в зимнем лагере? Холод да скука. А здесь намечалось самое захватывающее дельце со времени провала приступа крепости. Словно дети, кровавые викинги желали, чтобы представление длилось как можно дольше. Они даже немного подтянулись к участникам, ловя каждое сказанное слово и тут же передавая услышанное товарищам. Их напор завораживал судей: они были преисполнены решимости судить по правилам, но не могли не соизмерять свои поступки с настроениями толпы.

Теперь они начали оживленно перешептываться. Сигвард воспользовался минутой, чтобы переговорить с Шефом. Подойдя к нему вплотную, он нагнулся на необходимую пару дюймов и заговорил с мольбой в голосе:

— Послушай-ка меня, малыш. Ты однажды уже отказался от моей помощи, когда тебе было туго. Прямо тебе скажу, лихо меня отбрил!.. Только видишь, чего это тебе стоило. Ос-

тался без глаза. Не повторяй ошибок. А насчет твоей матери... ты меня прости. Если бы я знал тогда, что она мне родила такого сына, я бы этого не сделал. Мне сейчас многие рассказывают, как ты вел себя во время приступа... Как чинил таран. Вся армия об этом толкует. И я горд за тебя... Дай мне поддержать для тебя щит. Я знаю, как это делается. Магнус и Кольбейн — мне не ровня. Если разрешишь мне себя прикрывать, у тебя ни одной царапины не будет. А сам ты однажды уже припечатал этого придурка, словно злючую шавку. Так сделай это еще разок! Мы их обоих кончим.

Он судорожно сжал плечо сына. Глаза его сияли: тут были и неподдельная гордость, и смущение, но ко всему этому примешивалось нечто третье. Тоска по славе, с внезапной ясностью осознал Шеф. Ведь после того, как двадцать лет пользуешься признанием ратников, которые зовут тебя ярлом и доверяют вести себя в бой, трудно удержаться от желания обмануть неумолимую судьбу и вновь явить себя во всей красе. Внезапно уравновешенность и хладнокровие сполна вернулись к Шефу, и он ясно представил, каким именно образом отказать отцу, не задев этим отказом его честь. Самое страшное, он знал наверное, уже не случится. Судьи разрешат ему вести поединок самостоятельно. Кажется, иное соображавшиеся расценят как кошунство.

Шеф выскользнул из-под тесных отцовских объятий.

— Я благодарю ярла Сигварда за то, что он пожелал выступить на моей стороне в этом *holmgang'e* и прикрыть меня своим щитом. Но между нами кровь. Ярл знает, о ком я говорю. Я уверен, что он бы смог надежно защитить меня, что для такого молодого воина, как я, его помощь была бы бесценна. Однако *drengskapr* не позволяет мне принять его предложение.

Шеф употребил слово, обозначавшее ратную честь, достоинство воина. Коль скоро речь зашла о *drengskapr*, шутки в сторону. Человек, решившийся на это слово, тем самым показывал, что он не печется о том, чтобы сохранить себе жизнь. Это слово было равносильно вызову. А значит, стороне, которой он был брошен, оставалось только его принять.

— Повторяю: у меня есть щит, у меня есть оружие. Если же этого окажется недостаточно, то выиграет только Магнус. Я же считаю, что обойдусь и этим. Прав я или ошибаюсь, вы узнаете, когда закончится бой.

Хальвдан Рагнарссон бросил взгляд на двух своих помощников. Те согласно кивнули. Не возражал более и сам Хальвдан. Не мешкая ни секунды, гебридцы перешагнули через ивовую изгородь и встали в стойки один подле другого: теперь любое проявление медлительности или же попытки спорить могли бы дорого обойтись их репутации. Шеф двинулся им навстречу. Тем временем двое младших судей разошлись по обе стороны кольца, а Хальвдан, оставшись стоять в середине, еще раз огласил правила поединка. Уголком глаза Шеф подметил разместившегося в первом ряду зрителей Сигварда. Рядом с ним теперь находился уже знакомый ему юноша, тот самый, с лошадиной челюстью. «Хьёрвард, ярлов сын, — рассеянно подумал он. — Единокровный брат». А за этой парой стоит группа людей с Торвином посередине. Хотя он со всей серьезностью желал выслушать пояснения Хальвдана, его внимание захватили выставленные напоказ у всех людей Пути амулеты. Не видя другого способа помочь Шефу, Торвин и его последователи, по крайней мере, открыто заявляли, чью сторону они принимают в этом поединке.

— ...сражающиеся должны наносить удары попеременно. Если же кто-то попытается ударить дважды, даже если противник окажется без помощника, *holmgang* для него закончен и участь его решат судьи. А их наказание легким не покажется. Итак, Магнус, начинай, ибо ты — сторона оскорбленная. Твой удар — первый.

Хальвдан медленно отступил на шаг, не спуская с противников глаз и держа оружие наготове, на случай, если потребуется его вмешательство. Внезапно все замерло. В сгустившейся тишине перед Шефом стояли двое.

Взмахнув алебардой, он направил ее острием в Магнусово лицо. Левая рука ухватила оружие близ его массивной боевой части. Правая рука придерживала древко снизу, готовая перехватить его в нужном месте и отвести удар в ту или иную сторону. Магнус нахмурился, понимая, что для проведения атакующего приема ему так или иначе придется перемещаться, неизбежно обнаруживая при этом свои намерения. Он решил пойти вперед и вправо, едва не наступив на черту, которую Хальвдан провел между противниками. Ударил он сверху и наотмашь, целясь в область головы. Самое простое решение. Похоже, ему было невтерпех побыстрей со всем этим закончить. Меч сверкнул молнией — ударил

Магнус и впрямь от души. Шеф выбросил вперед левую руку и принял удар прямо на центр своего щита.

Лязганье, мощный отскок. Теперь по всей длине щита пробежала зазубрина. Осталась и небольшая вмятина. Впрочем, Шефу, как кузнецу, не хочется думать, какие последствия такой удар мог иметь для самого клинка.

Магнус занимает место за разграничительной чертой, а подошедший Кольбейн держит перед ним щит. Шеф приподнимает алебарду над своим правым плечом, шагает к линии и, метя Магнусу в сердце и не обращая ни малейшего внимания на выставленный щит, колет трехгранным острием пики, которое прошивает деревянный остов так, словно бы то была головка сыра. Правда, Кольбейн успевает дернуть рукой, и пика отлетает в сторону и вверх, едва не расцарапав Магнусу щеку. Шеф, в свою очередь, дергает пику назад, с силой вращает ее, еще раз рвет на себя. С хрустом пика выскакивает из щита, оставляя после себя в его ярко-голубой окраске зияющую пробоину. Кольбейн и Магнус обменялись многозначительными взглядами.

Магнус вновь делает шаг вперед. Теперь, конечно, он не будет атаковать справа, ибо опасается подвижного щита Шефа. Он бьет слева, однако по-прежнему метит в голову, по-видимому продолжая считать, что человек без нормального меча и щита раньше или позже не может не пасть от его удара. Не меняя захвата, Шеф легонько отводит алебарду дюймов на двадцать в сторону, и рассекающее воздух лезвие обрушивается не на плоскую лопасть, но на самое острие пики, что не шире большого пальца.

Меч делает кувырок и приземляется на половине Шефа. Теперь все взоры устремлены к судьям. Шеф отступает на шаг, другой и... упорно смотрит куда-то ввысь. В ответ — громкое зрительское эхо, которое постепенно сменяется нарастающим гулом одобрения. Профессиональное око уже оценило потрясающие возможности нового оружия, а также вытекающие отсюда последствия для двух гебридцев. С окаменевшим лицом Магнус двинулся вперед, нагнулся, поднял оружие. Чуть помешкав, он коротко отсалютовал противнику и занял место на своей половине.

На сей раз Шеф бьет с левого замаха. Бьет на совесть, как дровосек, валяющий сосну. Левая рука в момент удара скользит вперед и сообщает собственную силу, а заодно и вес семи

фунтов металла разящему лезвию. Кольбейн начеку, он живо выбрасывает вверх правую руку и встречает удар над головой товарища. Топор вгрызается в край щита и, лишь слегка пойдя вкось из-за столкновения с металлическим ободом, вмиг прорубает два фута деревянной основы и глубоко застревает в рыхлой земле. Небольшое усилие, и Шеф уже готов к продолжению поединка.

Кольбейн осмотрел по-прежнему свисавшие с руки останки щита и что-то шепнул Магнусу. Хальвдан Рагнарссон с бесстрастным выражением шагнул вперед, подобрал располовиненный деревянный овал и небрежно откинул его в сторону.

— Щиты подлежат замене только по согласию обеих сторон, — молвил он. — Продолжайте.

Уже с нескрываемым отчаянием Магнус шагнул вперед и внезапно, не изготавливаясь, нанес коварнейший удар снизу под колени противнику. Вооруженный мечом боец, верно, попытался бы прыгнуть над клинком — удар шел по высоте, на которую воин должен уметь прыгать с места. Шеф лишь едва шевельнул правой рукой, и запаянное в сталь древко намертво остановило удар. Не дожидаясь, когда Магнус успеет воспользоваться помощью товарища, он сделал выпад острием пики, на сей раз ведя ее снизу вверх. Глухой стук при соприкосновении с остатками щита и вязкое сопротивление, в котором явно участвует не одно только дерево. Кольбейн по-нурно устоял на лезвие в фут длиной, что, пронзив по пути щит, раздробив локтевой сустав и несколько косточек, выступило наружу из его предплечья.

Шеф перенес руку к боевой части алебарды, покрепче ухватил и рванул на себя древко. Кольбейн пошатнулся, заступил за разграничительную линию, но тут же порывистым движением убрал ногу. Когда наконец он обрел равновесие, в лице, искаженном мукой и страхом, не было ни кровинки. В то же мгновение толпа отозвалась разноголосым ревом.

— Остановить бой, он заступил за черту!

— Он ударил того, кто держал щит!

— Неважно, он ударил воина. А тот сам подставился под удар...

— Кузнец первым пустил кровь. Значит, все квиты...

— Бой надо прекратить! — гаркнул Торвин.

И однако громче всех прозвучал глас ярла Сигварда:

— Пусть продолжают. Они — воины, а не девчонки, чтобы сопли распускать из-за царапины.

Шеф покосился на судей. Хальвдан был суров, но, кажется, пребывал под сильным впечатлением. Он отмахнулся от незваных советчиков.

Кольбейн, трясаясь всем телом, нащупывал пряжки на постромках щита. То, что от него оставалось, было теперь ни на что не годно. Магнус, в свою очередь, побелел от ужаса. Каждый новый удар, казалось, приближал его гибель. И вот теперь у него нет ни защитника, ни защиты. Но нечего и помышлять о побеге. Равно как и о том, чтобы просить пощады.

Лицо его исказила безобразная гримаса. Он ударил слепо, бездумно — поднял меч и что есть мочи опустил его на врага. Удар был из разряда тех, от которого, не раздумывая, увернется любой здравомыслящий воин. Но правила *holmgang*'а немилосердны. Шеф должен был оставаться на месте. Впервые по ходу боя он резко развернул левую руку и со всей возможной мощью встретил опускающийся клинок краем топора алебарды. Противодействие было настолько сильным, что на мгновение вывело Магнуса из равновесия. Пятясь назад, он скосил глаза на свой меч. Тот был еще цел, но лезвие в одном месте было уже наполовину пропорото, а сам меч кризисной больше походил на тесак.

— Мечи подлежат замене, — нараспев повторил Хальвдан, — только по соглашению обоих участников...

Лицо Магнуса почернело. Собравшись с духом, он попытался выпрямиться и так, глядя врагу в лицо, встретить неминуемую кончину. Кольбейн нетвердым шагом подошел к товарищу и с помощью правой руки приподнял руку, которая еще недавно держала щит.

Шеф оглядел лезвие своей алебарды. Провел большим пальцем по свежей бороздке. Надо будет хорошенько приложиться напильником. Оружие его зовется «возмездие раба». Сейчас оно в его руках потому, что стоящий напротив него человек убил беззащитного раба. Настает пора возмездия. Он будет мстить. За этого трэля и, конечно, за многих других.

Но ведь той зуботычиной гебридец был обязан не тому, что убил трэля, но тому, что не пожелал уступить его ему, Шефу. Не дал ему расспросить англичанина о машинах, которые тот строит. Если он сейчас прикончит Магнуса, того

заветного знания ему все равно не стяжать. А кроме того, кое-каких знаний ему и так сегодня прибавилось.

В гробовой тишине Шеф сделал шаг назад и вонзил острие алебарды в грязный песок. Отстегнул ремешки на щите, и тот брякнулся ему под ноги. Обернувшись к Хальвдану, он, желая, чтобы его слышала вся армия, прокричал как можно более звонким голосом:

— Я прекращаю этот *holmgang* и прошу судей рассудить нас по справедливости. Я сожалею о том, что в приступе гнева ударил Магнуса Рагнальдссона и выбил ему два зуба. Если он не будет более настаивать на *holmgang*'е, я готов повиниться перед ним за свой поступок, а также за рану, нанесенную сейчас его помощнику Кольбейну, и обещаю впредь стать ему верным другом.

Вой разочарования смешался с возгласами горячего одобрения. Страсти накалялись. В нескольких местах несогласным уже пришлось отстаивать свое мнение кулаками. Судьи, сбившись плотной кучкой, пытались прийти к какому-то выводу. Наконец было решено выслушать гебридцев. По-видимому, им удалось обо всем договориться. Толпа понемногу утомилась. Ей предстояло не только узнать о принятом решении, но и выразить к нему собственное отношение. Шеф ожидал его без малейшего трепета. Даже жутковатые сцены прежнего Рагнарссонова судилища не будоражили более его память. Он не усомнился в том, что точно угадал настроение толпы. Судьи же никогда не посмеют пренебречь им.

— Мы, трое судей этого *holmgang*'а, заявляем, что обе стороны вели себя в нем храбро и честно, не уронив своего достоинства. Мы заявляем, что ты... — Хальвдан несколько раз попытался произнести английское имя, но неудачно, — что ты... Скъеф, сын Сигварда, вправе просить нашего суда, поскольку сделал это перед своим ударом. — Хальвдан покосился по сторонам и повторил довод еще раз: — Поскольку ты сделал это перед своим ударом! Мы узнали, что об этом думает Магнус Рагнальдссон. Он также согласен принять наш суд. А потому мы объявляем, что поединок этот прекращается и обидчик Магнуса не понесет наказания.

После этого вперед выступил сам Магнус.

— Я заявляю, что готов принять извинения Скъефа Сигвардссона за повреждения, которые он нанес мне и моему товарищу Кольбейну Кольбрандссону, которые мы оценива-

ем в марку серебром каждое... — тут ему пришлось перекривать свист и улюлюканье, которыми было встречено столь скромное предложение островитян, чья алчность стала притчей во языцех, — при соблюдении одного условия. Скъеф Сигвардссон в своей кузнице должен смастерить для нас обоих оружие, похожее на то, которым владеет он сам. За эту работу от каждого из нас он получит полмарки серебром. А уж после этого мы готовы предложить ему нашу верную дружбу.

И с этими словами, ухмыляясь и потирая руки, Магнус смешался со своими товарищами, хлынувшими на ристалище. Неуклюже ступая, к ним присоединился и Кольбейн. Ханд был тут как тут, поднес к глазам кровоточащую и уже начинавшую опухать руку Кольбейна и что-то причитал о замызанном грязью рукаве. Рядом вертелся и Сигвард, пытавшийся втолковать участникам поединка свое мнение об исходе боя. При звуке одного ледяного голоса все остальные мигом утихли.

— Прекрасно. Вы, кажется, решили помириться. Правда, если вы собирались прекратить бой при первой же капле крови, то отправлялись бы себе в нужник и решали бы там все по-свойски, не морочили бы голову всей армии... Но теперь скажи-ка мне, петушок, навозной кучи гребешок, скажи-ка мне одну вещь, — Бескостный вдруг зловеще оборвал собственную речь и прошествовал по направлению к Шефу, буравя того холодным пламенем своих очей. — Может, ты собрался завоевать и мою верную дружбу?! А как ты намерен это сделать? Ну-ну, расскажи! Ведь ты не забыл, что и между нами есть кровь. Мне-то ты что предложишь?

И вновь, вновь Шеф взял на вооружение всепобеждающую наглость. Голосом звонким и ясным, чтобы армия потом не усомнилась в том, что Ивару Рагнарссону был брошен вызов, вложив в уста как можно более презрения и отваги, он крикнул:

— Кое-что я и впрямь предложу тебе, Ивар Рагнарссон. Однажды я уже попытался тебе в этом помочь, да мы с тобой оба знаем, своих силенок у тебя для этого маловато. Нет, я не о женских юбках... — Он увидел, как Ивар отшатнулся, не сводя с его лица страшного взгляда, и вдруг понял, что теперь Ивар никогда не оставит его. Никогда не забудет ни этих слов, ни его самого. До тех пор, пока один из них

жив. — Нет-нет. Дай мне под начало пять сотен людей. И тогда я дам тебе то, с чем ты с радостью поделишься со всеми нами. Я дам тебе машины, равных которым нет даже у христиан. Я дам тебе орудия более страшные, чем то, которым я бился сегодня. А с их помощью я дам тебе в придачу еще один дар. Ты получишь от меня Йорк!

Последние слова он прорычал во всю мощь своих легких. Ответом ему стали неистовые вопли и бешеное кланье мечей. Армия, казалось, зашла от восторга.

— Славная похвальба, — заметил Ивар, озираясь на струдившихся в знак поддержки возле Шефа его отца, гебридцев, Торвина, его последователей с амулетами поверх рубаш. — Или очень печальная, если у мальчика ничего не выйдет...

Глава 4

Никогда не знаешь, когда зимой в Англии наступает рассвет, подумал Шеф. Облака так и льнут к земле, перед глазами мельтешат то струи дождя, то снежные хлопья. Где бы ни находилось солнце, ему, чтобы явить свою силу, придется преодолеть великое множество препятствий. Но пока этого не случится, он не увидит англичан... Пока этого не случится, людям его остается безропотное ожидание.

Передернув ноющими плечами, он немедленно почувствовал, как под пропитавшейся потом шерстью, из которой связана его единственная блуза, под тугой вываренной кожей, которая и по сей день заменяет ему кольчугу, потекли вниз холодные струйки. Неудивительно после стольких часов изнурительного труда. У него даже не оставалось сил говорить в голос. С каким бы удовольствием он сейчас скинул с себя эти обрыдлые одежды и насухо вытер тело. Люди, что вместе с ним ждут рассвета, наверняка думают о том же.

И однако и у него, и у остальных на уме сейчас должна быть только одна задача, задача, выполнению которой они обучались, раз за разом мучительно вызубривая последовательность действий. Один лишь Шеф держал в голове все подробности предстоящего дела, знал, что из чего должно вытекать. Только он представлял себе, какие могут быть допущены ошибки, какие, вероятней всего, могут возникнуть помехи. И не увечья страшился он, не боли, не стыда и не

бесчестия, не неизбежных ужасов кровавой сечи; не боялся и стигнуть в бешеной стихии сражения. Его пугало то, что нельзя предсказать и предвидеть: сломанная спица, скользкие листья, неведомые силы машины.

По мнению иного опытного пирата, Шеф наделал уже немало ошибок. Люди его были построены, но озябли, устали, были малоподвижны и не слишком отдавали себе отчет в происходящем.

Но сегодня быть новому сражению. Для исхода его не важно, насколько подготовлены люди к бою, не важно, так ли хороши они были в сече. Если каждый будет просто делать то, что от него требуется, никакие особые навыки здесь и не понадобятся. Ибо сражение, в сущности, ничем не будет отличаться от вспашки поля. Или от расчистки от корней лесных вырубков. Не нужны здесь ни доблесть, ни молодецкая удаль.

Наконец где-то вдалеке глаз подмечает вспышку. Вот оно. За одной вспышкой другая, третья. Постепенно огненные прутья свиваются в венок. Теперь уже начинают виднеться и очертания строений, овеваемые клубами дыма, который тут же уносит ветер. Огни осветили длинный участок стены, включая ворота, которые Рагнарссоны пытались одолеть с помощью своего тарана. Вдоль всей восточной стены сейчас занимались домá. Ключьями валит дым, повсюду шныряют люди с лестницами — начало приступа. Вот и стрелы замелькали, надрывается рог, одни воины сменяют других, отошедших в тыл... Но вся эта суматоха, пожары и беготня совершенно невинны. Очень скоро английские военачальники смекнут, что атака эта предпринята для отвода глаз, и постараются напрячь внимание для обнаружения истинного источника угрозы. Однако Шеф не забыл невообразимую медлительность и рыхлость строя английских рекрутов; английская армия менее всего зависит от того, что решат ее верхи. Он имел все основания полагать, что к тому времени, когда они наконец сумеют втолковать своим людям не доверять, казалось бы, очевидному, викинги победоносно завершат эту битву.

Дым и пламя. Горны на бастионах трубят тревогу. На стенах крепости, теперь уже неплохо освещенных, начинают снова люди. А это значит, что пора начинать.

Шеф повернул направо и, помахивая своей алебардой,

неторопливо зашагал вдоль длинного ряда домов, что возвышался над северной стеной города. Надо отсчитать четыреста двойных шагов. Сказав про себя «сорок», он увидел исполинскую квадратную конструкцию первой боевой машины. Закрепленный за ней отряд, который ценой немыслимых усилий выкатил ее сюда по идущей в гору узкой улице, застыл неподалеку. Он приветствовал их кивком, приподнял рукоять алебарды и легонько ткнул им стоящего впереди воина по имени Эгиль, родом из Сконе. Эгиль с горделивым видом кивнул ему в ответ и принялся усердно утрамбовывать под собой почву, столь же добросовестно считая каждое касание ступней земли.

Вот, пожалуй, что было самым тяжким во всей проделанной ими работе. Да ведь воинам такое не подобает! Так не должен вести себя *drengr*! Свои же воины поднимут их на смех! Да и главное, мыслимое ли дело, чтобы человек вообще считал так долго?! Шеф вручил Эгилю пять белых булыжников, по одному на каждую сотню, и черный для того, чтобы не ошибиться в последних шестидесяти. Прошагав пятьсот шестьдесят раз на месте, Эгиль должен начать другое движение. Правда, если не сообразится со счета. И если его люди не поднимут его на смех. К тому времени Шеф должен дойти до дальнего конца линии, развернуться и вернуться к своей собственной — срединной — позиции. Нет, он не думает, что людям Эгиля захочется смеяться над ним. Все десять отобранных им счетчиков были прославленными среди викингов воинами. В глазах остальных они олицетворяли достоинство армии.

Возможно, в этом новом сражении перед военачальником будут стоять именно такие задачи. Прежде всего — отобрать людей, подобно тому, как плотник отбирает бревна, из которых он будет рубить дом. Досчитав до восьмидесяти, он увидел перед собой вторую машину, подал знак Скули Лысому, который немедленно подхватил булыжники и принялся за новое для себя ремесло, и пошагал дальше... А кроме того, с умом, по-плотнички, сделать так, чтобы отдельные части общего замысла ладили меж собой.

«Когда-нибудь мне обязательно станет известен более легкий способ счета, — подумал он, минувя третью и четвертую машины. — Ведь наверняка известен он был римлянам с их великим знанием тайных исчислений».

Но заветное это знание ему не выковать на наковальне.

Следующие три машины обслуживались командами с кораблей Бранда. Далее располагался отряд гебридцев. Шестеро из них красовались теперь с новенькими алебардами.

Странное дело, с ним работали одни добровольцы. После *holmgang'a* он испросил у Сигурда Змеинового Глаза пятьсот человек себе в помощники. Под конец ему потребовались еще две тысячи дополнительно — не только для обслуживания машин и проведения ложной атаки, но главным образом для образования подсобных команд, которые занялись бы заготовкой и распилкой леса, ковали бы болты, а затем сумели бы затащить гигантские сооружения вверх по крутому, раскисшему склону Фосс. Но люди, которые выполнили для него всю эту работу, были переданы ему не Сигурдом, не Иваром, не другими Рагнарссонами, которые по прошествии нескольких дней устроились от попечительства над подготовкой к штурму. Все его работники были набраны — причем не по принуждению — из небольших отрядов, составлявших скромный резерв армии. Многие из них открыто носили серебряные амулеты людей Пути.

Шеф с неудовольствием для себя отмечал, что почтение, которым окружили его Торвин и Бранд, начало потихоньку просачиваться и в ряды его помощников. Люди начинали слагать о нем разные небылицы.

Впрочем, в случае удачного исхода сегодняшнего дела поводов для этих басен только прибавится.

При счете «четыреста двенадцать» он поравнялся с последней машиной, резко развернулся и, не связанный более необходимостью следить за порядком цифр, бодрой поступью зашагал обратно. С каждой минутой теперь становилось светлее. У восточной стены вовсю кипели страсти; столбы дыма мешались с низким, пасмурным небом.

На ум навернулись непрощенные строчки. Стишок, который в Англии рассказывают детям.

У ивового брода, у деревянного моста
Спят тихо короли, под ними корабли...

Нет-нет, не так! В том стишке слова были такие: «Пыль поднимается в воздух, повсюду искрится роса, светом полны небеса...» А что же он только что себе бубнил?

Он замер и вдруг, под действием внезапной судороги, за-

трясся, скособочился. Ибо в памяти его сейчас всплывали жуткие образы. И происходило это именно тогда, когда приглядеться, прислушаться к ним времени у него не было. Не без труда выпрямившись, он встретился взглядом с Брандом, который приближался к нему с обеспокоенным видом.

— Я сбился со счета... — начал было Шеф.

— Брось, это уже неважно. Сорок шагов и на глаз сейчас видны. Мы начнем после Гумми... Слушай, есть кое-какие новости. — Бранд нагнулся и зашептал ему на ухо: — Из лагеря появился человек. Говорит, что Рагнарссоны за нами не пошли... Не захотели нас поддержать.

— Прекрасно, значит, управимся сами. Но только еще раз тебе говорю — кто не будет сегодня биться, останется без улова. Рагнарссоны и кто бы то ни было.

— Машины пошли...

Он поспешил к своему орудью, приятно щекочущему нос запахом свежей стружки. Нырнул в ее утробу, нацепил алебарду на полусломанный гвоздь, который приколотил этой ночью, занял свое место у самого дальнего бруса и, поднатужившись, сдвинул машину с места. Скрипучие колеса сделали несколько оборотов по ровной поверхности и покатили к крепости.

Английским же часовым на стенах Йорка почудилось, будто пришли в движение дома. Но не те покосившиеся приземистые мазанки, которые еще вчера покрывали холмы. Больше, пожалуй, это смахивало на усадьбу, которую мог выстроить себе тан, а то и на церковную колокольню. И вот теперь они выползают из утренней мглы и катятся себе прямо на них. За последнюю неделю они не смыкали глаз и, казалось, знали в этой местности каждый кустик. Что же это за диковины, которые высотой вровень с крепостными стенами? Может быть, это тараны? Замаскированные лестницы? Ширмы, которые скрывают таящиеся за ними дьявольские приспособления? На сотне арбалетов натянулась тетива. С шипением унеслись стрелы. Тщетно. Ведь каждому ясно, что чудовища, которые на них движутся, не слишком пострадают от попадания арбалетной стрелы.

Но у них есть средства и надежней... Хрипя от ярости, тан, которому была вверена защита северных ворот, отшвырнул бледного, как мел, фердсмена, призванного в войско с земель какого-то мелкого хозяина, обратно к бастиону, кото-

рый тот было собрался покинуть, затем сгреб первого попавшегося из рабов, служивших при нем нарочными, и зарычал:

— Живо лети к восточной стене! Скажи, чтобы отряды при машинах открывали стрельбу! Теперь — ты. Отправляешься к западной стене, говоришь то же самое... А ты бежишь на площадь, находишь людей, которые мечут каменные снаряды, сообщая им, что к северной стене подходят машины... Запомни — машины! Так и скажи, и не вздумай спутать. Я еще не знаю, что они задумали, но клянусь, это — уже не ложная атака. Вперед, и пошевеливайтесь!

Они бросились врассыпную, и тан не замедлил обратить внимание на поведение своих собственных воинов. Одни из них волочили к стенам громоздкие стремянки; другие, те, кто уже видел, истошно вопили и тыкали пальцами в пространство за стенами.

— Эй, вы! Думайте сейчас только о деле, — гаркнул он. — Вниз посмотрите, дурни! Что бы викинги ни надумали, к стенам эти штуковины они подвести не смогут. А коли подтянутся еще чуточку, поповские орудия их живо перемолотят!

Если бы крепость по-прежнему принадлежала римлянам, предположил Шеф, у основания стены он бы сейчас увидел глубокий ров, который пришлось бы преодолеть любому солдату осаждающей стороны, прежде чем думать о том, как вскарабкаться на стены. За несколько столетий упадка помои и отходы заполнили ров доверху; нагромодили над ним пухлую, ныне поросшую дерном насыпь в пять футов высотой и столько же в ширину. Воин, успевший взбежать на нее невредимым, имел бы над собой еще футов двенадцать до зубчатого уступа. Защитники полагали, что этого вполне достаточно. Но им и в голову не могло прийти, что насыпь эта может представлять дополнительную помеху для атакующей стороны.

Когда осадные башни подкатили к крепости, люди, бежавшие впереди, громкими возгласами заставили команды толкачей ослабить усилия и перейти на медленный шаг. Прокатившись еще несколько футов, машины уткнулись в неподатливое тело насыпи, дернулись и остановились. Тотчас из-за каждой башни выскочила поджидавшая этого мгновения дюжина воинов; половина из них держали тяжелые квадратные щиты, которыми оградили от шквала стрел с

бастионов себя и товарищей. У последних же в руках были лопаты и кирки, и с усердием барсуков они принялись расчищать колею точно в том месте, перед которым остановилась их машина.

Шеф протиснулся вперед между потными телами толкачей и приложился к щели в легкой обшивке передней части орудия. Да, над избыточным весом ему пришлось поломать себе голову. В сущности, башня представляла квадратную раму в восемь футов шириной, двенадцать длиной и тридцать высотой, передвигающуюся на шести колесах; она была неустойчива и громоздка, причем нижние перекладки были отпилены из самых толстых бревен, какие только удалось разыскать в деревнях Нортумбрии. Это была мера защиты против метательных орудий англичан. Но должно было найтись место в конструкции, которое можно было бы облегчить без особого риска. Шеф решил, что следует поискать его в передней части башни. Оставшаяся здесь деревянная обшивка служит лишь в качестве большого щита. Причем наконечники стрел, которые сейчас в нее вонзаются, протыкают обшивку насквозь. А всего в нескольких дюймах не покладая рук орудуя лопатами воины, чтобы еще на пару футов расчистить колею перед колесами машин.

И вот наконец случилось... Когда он уже поворачивался к командам толкачей, узкое пространство огласилось пронзительными воплями попеременно со страшным грохотом. Шеф завертелся на месте. Внутри у него все обмерло. Метательный снаряд?! Или они опять бросили на них какую-нибудь исполинскую глыбу? Нет, не все так страшно. Кто-то из англичан, некий ражий детина, швырнул в машину валун весом, по меньшей мере, футов в пятьдесят. Разнеся несколько планок обшивки, он застрял в передней части орудия. Это поправимо. Другое дело, что один из воинов, Айнштейн, лежит, поджав колени, у левого колеса и ловит ртом воздух.

— А ну отпусти! — крикнул Шеф. Воины, собравшие было все силы для последнего толчка, после которого машина переехала бы через разбитое колено Айнштейна, отлегли от брусьев.

— Стойте. Стубби, оттащи-ка его в сторону. Отлично. Команда с лопатами — быстро в укрытие. Ну, теперь, парни, все разом и дружно... Вот так! Мы на месте! Бранд, забей сваю, чтобы она у нас не шелохнулась! Поставить лестницы! Луч-

ники — на верхнюю площадку! Штурмовая команда, за мной...

Пара стремянок, и двенадцать футов позади. Тяжеловооруженные латники вовсю пыhtят, но азарт подстегивает, окрыляет их. Еще несколько стремянок, еще двенадцать футов. Чья-то рука передает Шефу позабытую впопыхах алебарду. Он хватает ее и выбегает на верхнюю площадку, уже тесно набитую людьми. И так, на одном ли они уровне со стеной?

О да! Частые зубцы проходят теперь где-то на уровне его колена. Из-за них выпархивает стрела; наконецник находит щелочку в обшивке, но толстое древко с треском застревает. До единственного его глаза оставался всего дюйм. Шеф ломает стрелу, бросает через плечо обломки. Люди уже готовы. Пора подавать сигнал.

Взмах алебарды, и, словно волосок от прикосновения бритвы, разрывается толстый канат.

В тот же миг, поначалу тягуче, а потом, влекомый мощным притяжением набитых песком мешков, с внезапной яростной силой сработал перекидной мост. Глухой вздох, поднявший облако песка, вслед за ним — дребезжание тетивы. Лучники немедленно принялись расчищать дорогу.

Свирепо рыча, первым на мост ринулось огромное чудовище с топором, вертя его что тростинку. Вторым хотел было оказаться Шеф, но чьи-то огромные лапищи обхватили его сзади. Обернувшись и задрав голову, он увидел нависшее над собой лицо корабельного повара Ульфа — не считая Бранда, самого могучего человека из всех трех команд.

— Бранд сказал — тебя не пускать. Поберегись минутку-другую.

Воины меж тем хлынули в крепость: вслед за ударной штурмовой группой, в мгновение ока взмыв вверх по лестницам и пробежав по мосту, за зубцы перебрались остальные члены отряда. А их поддерживали воины, рывшие траншеи. И только Шеф метался в объятиях Ульфа, который для верности чуточку приподнял его над поверхностью башни.

Когда на мост устремились бойцы с других кораблей, Ульф разъял свои тиски. Рассекая воздух, Шеф несся к мосту. Наконец-то можно было хоть что-то узнать о развитии последних событий.

В неясном пасмурном свете казалось, что исполинские существа некоей неизвестной породы повывползали на пус-

тошь между крепостной стеной и внешним городом. Многие из них, казалось, приготовились здесь же и умереть. Одно застряло на дальних подступах к крепости. Наверное, ковыляя по ухабам и рытвинам, не выдержало колесо. Или проломилась ось. Не исключено, что машина угодила в выгребную яму. А вот у другой, с гебридцами, дело, кажется, заладилось: и до стены добрались, и мост перекинули. Сейчас по нему бегут последние... Но первым иногда быть лучше: перерублен канат; мост, спихнутый с зубчатых уступов, повисает, словно гигантский вывалившийся язык из страшного, безглазого лица, а с него катятся под крепостную стену тела в тяжелых доспехах.

Теперь можно сойти с моста и уступить дорогу следующему отряду. И заняться подсчетами. Три его осадные башни не дошли до цели. С двух башен люди не сумели переправиться в крепость. Стало быть, самое малое пять отрядов проникли в город. Не так и плохо. Но прокопайся они дальше, потери бы были невосполнимыми. Или если бы не подоспели к бастионам все разом.

А ведь тут есть и кое-что дельное. Как бы это точнее выразить? По-норвежски, наверное, это называется *hoggya ekki hygiask*. Разделаться со всеми врагами одним махом и больше о них не вспоминать. Один исправный удар, и не надо будет потом колотить до изнеможения. Бранду бы это правило точно понравилось.

Все эти мысли исчезли без следа, стоило ему поднять голову и увидеть наяву то, что всю прошлую неделю являлось ему в кошмарах: огромная глыбища быстро, со сверхчеловеческой непринужденностью поднималась над крепостью. И продолжала это делать даже тогда, когда глаза отказывались верить, что она сможет подняться выше. Наконец она замерла. И пошла вниз. Не на него самого, а на его башню.

Шеф в ужасе съезжился. Страшно было не за себя. Страшно было через мгновение услышать оглушительный треск, увидеть исковерканное тело машины, ее вывороченное нутро, рассеянные колеса и балки — страшно было пережить все это после того, как в существо это было вложено столько сил. Викинг, оказавшийся в этот момент на мосту, тоже сгорбился и откинул ставший ненужным щит.

Удар — и мелкой дрожью заходила земля. Отказываясь поверить в то, что произошло, Шеф во все глаза таращился

на жутких размеров валун, подмявший под себя почву футами в двадцати от башни и покоившийся там с таким видом, будто место это принадлежит ему со дня сотворения мира. Они промахнулись... Ошибка в несколько ярдов. А он-то был уверен, что ошибок здесь не бывает.

В следующий миг закованный в тяжелые латы воин срысывается с моста и взмывает в воздух.

Кровавые всполохи в сопровождении ледящего кровь треньканья — словно бы кто-то дернул струну арфы, на которой играют гиганты... Все произошло слишком быстро — воин не успел отвернуться. Снаряд раскроил его тело.

Итак, оба их орудия уже сработали. Шеф поставил ногу на уступ стены и мельком взглянул на растерзанное тело викинга. Что ж, они давно должны были пустить в ход свою страшную силу. Но в одном случае они сплеховали с прицелом, и в том и в другом случае — припозднились. И значит, их еще можно успеть прибрать к рукам...

— А ну шевелись! — злобно крикнул он воинам, теснившимся теперь кучкой у выхода с башенной площадки. — Что вылупились, как на быка красны девицы? Они теперь еще час со своими машинами провозятся... Быстро за мной. Не дадим им больше выстрелить!

Он развернулся и вприпрыжку понесся по проходу, идущему вдоль зубцов. Ульф — эдакая дебелая нянька — не хотел отставать ни на шаг...

* * *

Бранда они застали прямо посреди ворот, распахнутое чрево которых наполнилось обычными приметами сечи: расколотые щиты, погнутые мечи и пики, тела и неожиданно — сапог, неведомо как расставшийся с ногой своего хозяина. Уже с трудом переводя дыхание, Бранд посасывал ранку на обнаженной части руки поверх рукавицы, но в остальном был цел и невредим. Викинги все еще толклись в проходе; шкиперы скликали их, строили и объясняли следующее задание. Всеми управляло некое бешеное нетерпение. В момент их приближения Бранд как раз подозвал к себе двух старших воевод и принялся раздавать указания.

— Сумаррфугль, возьмишь шестерых человек и обойдешь все тела. Разденьте англичан и все собранное сложите в кучу

вон у того дома... Кольчуги, оружие, цепи, драгоценности, кошельки. И не забудьте заглянуть им всем под мышки... Торстейн, соберешь еще шестерых. Отправляешься с тем же самым заданием вдоль стены. Далеко не забирайтесь, не рискуйте. Все добро притащите сюда, скинете в кучу Сумаррфугля. А уж когда покончите с англичанами, начинайте разбирать наших раненых и мертвых. Ого, вот и ты здесь, Торвин!

Жрец подходил к воротам, ведя под уздцы навьюченную кобылу.

— Принес инструменты? Хочу, чтобы ты побыл здесь, пока мы не овладеем Минстером... А потом присоединяйся. Я вышлю за тобой отряд. Поставишь кузницу и не теряй времени, переплавляй добычу... Уф, вот это я могу назвать добычей! — У Бранда засияли глаза. — У меня так и стоит перед глазами ферма в Галогаланде... Угодья, поместья... Уф! Ладно, хватит — пора двигаться.

Он стремительно развернулся и собрался уходить. Шеф шагнул вперед и придержал его за локоть.

— Бранд, мне нужно забрать у тебя двадцать человек.

— Зачем?

— Надо захватить метательную машину в угловой башне. А затем и ту, которая глыбы швыряет.

Ратоборец обернулся и скользнул взглядом по кровавым следам сечи. Потом обхватил плечо Шефа длинными пальцами, тихонько надавил.

— Сопляк ты, и полоумный в придачу. Плевать мне, что ты сегодня хорошего сделал... Запомни: люди сражаются затем, чтобы добыть себе деньги. Деньги!!! — он употребил норвежское слово «*fe*», которое может подразумевать любую разновидность собственности, включая деньги и драгоценности, барахло и домашний скот... — Поэтому позабудь на сегодня о своих машинах, горе-молотобоец, потому что сегодня мы должны разбогатеть.

— Да ведь если мы...

И тут же Шеф почувствовал, как Брандовы пальцы, что железные крючья, впились ему в ключицу.

— Я сказал, и так будет. И не забудь, ты служишь в армии карлом. Поровну кровь, поровну барахло. А значит, клянусь светозарными сосками девственницы Герды, мы и грабим поровну... Так что живо вставай в строй.

Спустя минуту пять сотен человек тесно сомкнутой колонной влились в одну из городских улочек и твердой поступью направились к Минстеру. Шеф, который никак не мог сдвинуться с места, рассеянно глядел в затянутую кольчужой спину. Приподняв алебарду, он с тоской воззрился на небольшую группу людей, оставшихся стоять у ворот.

— Ступай, ступай, не бойся... Бранд оставил здесь ровно столько людей, сколько нужно. Просто для охраны. Тут все поровну — на этом стоит Армия. А ребята эти остались на случай, если вдруг выползут недобитые англичане.

Колонна тем временем не только не сбавляла шаг, но в какой-то момент припустила трусцой, а еще через мгновение разворачивалась в клинообразный строй, уже знакомый Шефу по его самой первой боевой схватке. Дважды викинги столкнулись с попытками сопротивления: сначала пришлось перелезть через наспех построенные баррикады, а потом нортумбрийские таны встретили их остервенелыми взмахами мечей, а подчиненные им керлы — обвалом дротиков и камней с верхних этажей зданий. Викинги карабкались на баррикады, отвечали танам не менее яростными выпадами, выбивали из домов лучников и копьemetателей, рушили внутренние стены, с тем чтобы обойти англичан с тыла и флангов, — и все эти действия совершали без единого слова команды, без малейшей проволоочки, как бы в одном нескончаемом кровавом порыве. Но каждый раз, когда продвижение колонны хоть ненадолго замедлялось, Шеф сокращал расстояние, отделявшее его от маячившей впереди гигантской фигуры. Он уже решил, что не станет мешать им овладеть монастырем. Тогда остается надежда, что, вдоволь нахапав добра — а на самом деле драгоценных реликвий, собиравшихся на протяжении столетий, — Бранд выделит ему несколько воинов, чтобы не упустить и машины. А кроме того, ему надо бы подумать о том, как спасти жизни пленников — по крайней мере способных и обученных.

Викинги вновь припустили трусцой. Бранда отделяло от Шефа теперь всего два ряда воинов. Узкая улочка круто забирает в сторону, и строй вынужден немного разомкнуться, чтобы впустить тех, кто двигался извне. И внезапно перед ними возникает громада Минстера. До него еще шагов шестидесят, но, словно бы ограждая себя от чересчур тесного

соседства окружающих зданий стенами монастыря, он вознес свою надменную красу над городом.

И тогда, движимые отчаянной дерзостью, помня, что за спинами у них осталась обитель Бога, в которого они верят, последний раз на врагов двинулись нортумбрийские таны.

Викингам пришлось погасить свой порыв. Плотнo сдвинулись щиты. Шеф, который по-прежнему продирался вперед, поравнялся с Брандом и в то же мгновение краем глаза заметил, как в руках у нортумбрийца словно бы сверкнула стальная молния.

Не думая, что делает, он приподнял алебарду и тотчас услышал знакомый звук лопающегося клинка. Дальше он уже колот острым концом оружия, раскручивал щит и выдергивал его из рук англичанина. Теперь они с Брандом оказались спина к спине. Хорошенько размахнувшись, он описал вокруг себя невидимый полукруг. Враги чуточку расступились. Со следующего замаха он вновь рассек воздух; перехватив оружие, в третий раз ударил лезвием топора. Англичане увертывались от ударов, однако за эти мгновения викинги уже успели перестроиться. Их клин в который раз опрокинул врага. Во все стороны ошерились широкие клинки. Бранд прокладывал дорогу своим людям, раздавая удары гигантским топором с точностью заправского столяра.

Кровавым шквалом колонна штурмующих смяла, раздавила, затоптала последних защитников Минстера. Словно на гребне волны, Шефа вынесло на открытое пространство — прямо перед ним возник Минстер. Сотни глоток издали ликующий глас.

Слепящий поток солнечного сияния, внезапно прорезав облака, едва не ослепил его. А когда зрение прояснилось, оказалось, что прямо на него взирают воины в шафрановых плащах, возглавляемые, разумеется, Муиртайгом, который почему-то втыкал в землю копьe. Никакого объяснения, откуда взялась здесь эта глумливая физиономия, Шеф подобрать не мог. Еще более странным было увидеть некое подобие Торвинова капища: вход в собор преграждала соединенная веревками цепь копий.

— Хорошо пробежались, ребятки. А теперь встаньте и замрите. Видите — здесь веревки?

Бранд не сбавлял шага. Муиртайг чуть попятился и раскинул руки.

— Ну-ну, потише, орлы. Я могу вам пообещать, что свою долю вы получите. Но тут все решалось заранее и без вашего участия. Так что вы бы улов взяли, даже если бы не смогли попасть в город.

— Но они же шли сзади! — завопил Шеф. — С утра их в помине не было... Они прорвались через западные ворота, потому что мы ударили с севера!

— Прорвались в пустую дырку!!! — зарычал чей-то свирепый голос. — Их же сюда спокойно пропустили! Вот, глядите...

Из ворот Минстера, с обычным для него невозмутимым видом и по-прежнему выряженный в алый и ярко-зеленый цвета, прошествовал им навстречу Ивар. Рядом же с ним шел человек в одеянии, не виданном Шефом с тех пор, как он присутствовал на казни Рагнара: человек этот облачен был во что-то багряное с белым, на голове красовалась престранная высокая шапка, а рука сжимала посох из слоновой кости. Повинуясь силе привычки, он едва не поднял другую руку для благословения собравшейся толпы. Перед викингами стоял глава архиепископской епархии Юфорвича, высокопреосвященный Вульфир собственной персоной.

— Мы обо всем договорились, — сообщил Ивар. — Жрецы Христа предложили нам помочь войти в город при условии, что мы не тронем Минстер. Я дал свое слово. Зато все остальное в нашем распоряжении — город, королевство, королевское имущество. Заберем все, что пожелаем. Кроме Минстера и собственности Церкви. Ну а жрецы Христа — отныне наши друзья. Они нам покажут, что и где можно выкачать из Нортумбрии.

— Но ведь ты — ярл нашей армии!!! — взревел Бранд. — У тебя нет никакого права заключать сделки за нашими спинами!

С деланой осторожностью Ивар приподнял плечо и покрутил им, изобразив на лице мучительную гримасу.

— Вижу, что рука у тебя выздоровела, Бранд. Вот когда и я войду в строй, тогда мы с тобой потолкуем накоротке... Но сейчас — всем выйти за веревку! И проследи, чтобы твои люди помнше болтали. А то для них это плохо кончится.

— И для детишек тоже, — добавил он, бросив взгляд на Шефа.

Тем временем из-за Минстера во двор хлынула толпа воинов: то были личные дружины Рагнарссонов, насчитывающие

сотни человек. Вооруженные не хуже своих потрепанных в бою товарищей, свежие и спокойные, они разглядывали их безо всякого радушия. Вперед выступил Змеинный Глаз с братьями. Хальвдан был мрачнее тучи, а Убби, едва не залившись краской, поспешно опустил глаза и начал говорить:

— Вы показали себя молодцами... Жаль, конечно, что вы ни о чем не знали... Но вам все подробно объяснят на общем сходе. Но Ивар прав. Веревку не переступайте. В Минстер вам заходить нельзя. А в остальном — делайте что хотите, все добро — ваше...

— Как же, будет оно наше, — раздался чей-то голос. — Разве есть тут такое золото, к которому эти жрецы свои грабли не протянули?

Змеинный Глаз по-прежнему не вымолвил ни слова. Ивар же повернулся и дал отмашку. За спинами Рагнарссонов устремился в небо высокий шест. Мощные руки прочно установили его в земле перед дверьми Минстера. Дернулась веревка, и полетело ввысь, вытянулось, заколыхалось на сыром ветру знаменитое полотнище, личный флаг Рагнарссонов. Расправив крылья, летело за добычей воронье.

Мало-помалу спаянные в горниле сражения товарищи, одолевшие сообща крепостную стену, проложившие себе мачом путь через город, начинали разбиваться на мелкие группки, переговариваться меж собой вполголоса. Сплоченный отряд прекратил существование.

— Что ж, пусть Минстер нам не достанется, — пробормотал себе под нос Шеф. — Зато машины заполучить еще успеть можно... Бранд! — крикнул он. — Бранд! Теперь-то ты дашь мне двадцать человек?

Глава 5

В маленькой рощице, через обнаженные кроны которой сочился на землю тусклый зимний свет, рядом друг с дружкой расположилось несколько человек. Веревки тянулись от одного копы к другому, заключая людей в круг, расцветенный алыми гроздьями рябины. Сюда на тайный Совет пожаловали все жрецы Пути в Асгард, что сопровождали в этом походе армию Рагнарссонов: Торвин, жрец Тора, Ингульф,

поклонявшийся Идуне, а также и другие — мореход Вестмунд, наносящий на карту звезды, жрец Ньерда, морского бога, Гейрульф, летописец, человек Тюра, и Скальдфинн, переводчик, находящийся под покровительством Хеймдалля. Самым же почитаемым — за свои видения и путешествия в мир иной — был Фарман, служивший Фрейру.

Внутри круга было воткнуто серебряное копье Одина; рядом был разведен священный костер Локи. При этом не было в армии жреца, дерзнувшего бы взять себе копье Одина. Не было жреца и у Локи. Впрочем, о существовании обоих никто не забывал ни на минуту.

Также в пределах круга, но чуть поодаль от остальных и не смевшие заговорить здесь без разрешения, сидели двое мирян: ратоборец Бранд и Ханд, ученик Ингульфа. Они приглашены были затем, чтобы огласить свидетельство и, если понадобится, дать совет.

Первым, оглядев товарищей, взял слово Фарман:

— Настало время решить, что нам делать дальше.

Молча закивали головы. Эти люди без необходимости рта не раскрывали.

— Всем нам известно, что история мира, *heimsins kringla* — круг земной, — не является заранее предустановленной. Но многие из нас уже много лет лицезреют мир, который живет так, словно история его предначертана... Мир, в котором правят жрецы Христа. Где уже тысячу лет человек принадлежит ему одному и его жрецам. Затем же, по окончании этой тысячи лет — голод и дым пожарищ. И все эти тысячи лет — попытка держать человека в узде, убедить его позабыть этот мир и размышлять только о мире грядущем. Словно бы исход Рагнар-ёк — битвы богов и людей с гигантами — уже предreshен. Словно бы люди могут быть уверены в победе... — С неподвижным, почти окаменелым лицом он не спускал с жрецов пытливого взгляда. — Именно против такого мира боремся мы со всей страстностью; такого будущего хотим избежать... Вы помните, как чудесным образом мне удалось в лондонской таверне подслушать историю о смерти Рагнара Волосатой Штанины. Затем в одном из снов я получил откровение, что наступил миг, когда история может изменить свой ход. И тогда я призвал к себе Бранда, — он простер руку в направлении человека-горы, сидевшего на корточках в отдалении, — и просил его принести весть о смерти

отца сыновьям Рагнара; передать же ее следовало так, чтобы те не смогли бы отмахнуться от этого вызова... Не знаю, есть ли на свете люди, которые вообще сумели бы вернуться живыми после такой миссии. И однако Бранду это удалось. Он сослужил нам великую службу, сделал это во имя того, кто придет с Севера. Придет же он, как все мы верим, для того, чтобы наставить этот мир на путь, ведущий к истине.

Собравшиеся почтительно протянули руки к своим пекторалам.

— Изначально я полагал, что сыны Рагнара, — продолжал Фарман, — нагрянув в христианские королевства Англии, смогут увековечить здесь свою власть, что станет оплотом для нас, людей Пути. Увы, я показал себя глупцом, ибо надеялся разгадать помыслы богов. И дважды глупцом, ожидая, что через зло, творимое Рагнарссонами, может истекать в мир добро... Они — не христиане, но дела их лишь укрепляют христианскую веру. Они пытаются и мучают людей. Они насильничают. Оставляют после себя хеймнары.

Ингульф, наставник Ханда, решил добавить от себя:

— Ивар — это выкормыш Локи, посланный для истязания людей Земли. Но нам известна его обратная сторона, — где нет ничего человеческого. Такое существо не может служить целям добра.

— Что же происходит? — подхватил Фарман. — Власть Церкви нисколько не уменьшается; более того, он заключает с ней союз! Для своего, конечно, блага — ибо только этот недотепя архиепископ способен довериться Ивару! И все же на какой-то период и те и другие стали сильнее...

— А мы — беднее! — не выдержав, рявкнул со своего места Бранд.

— Но не ясно, стал ли богаче сам Ивар, — произнес Вестмунд. — Не пойму, как братья сумели нагреть руки на этой сделке за нашими спинами. Разве что получили доступ в Йорк...

— А я тебе объясню, — вступил в разговор Торвин. — Я хорошенько поломал над этим голову. Помните, мы все обратили внимание, какие здесь никудышные монеты? Серебра немного, а все больше свинца да меди. Куда же девалось все серебро? Англичане сами никак этого не поймут. А я вам скажу куда: его прибрала к рукам Церковь... Нам даже не вообразить себе — да и Ивар не отдает себе в том отчете

та, — каковы богатства Церкви. Воцарившись здесь двести лет назад, она все это время принимала подношения и серебром, и золотом, и землею... А в земле они находят серебряные копи! Впрочем, из земли, которой сами они не владеют, они также качают серебро в свои кладовые: берут за то, что обрызгали водой младенца, за то, что, объявив свадьбу церковным таинством, венчают жениха и невесту; даже за то, чтобы опустить их после смерти в землю и отвести угрозу вечного страдания — не за совершенные в жизни грехи, но за недоплатенные подати...

— Что же они делают со своим серебром? — спросил Фарман.

— Украшения для своего бога. Оно сейчас пылится без дела в Минстере, и проку от него столь же мало, как и тогда, когда оно лежало в земле. Серебро и золото переплавляют они в дарохранилища, в распятия, купели, в подсвечники для своих алтарей, в ящики, куда складывают тела своих святых... А на чеканку серебра не хватает. Поэтому чем богаче становится Церковь, тем скуднее монетный двор... — От отвращения он даже передернул плечами. — Церковь по доброй воле из своих рук ничего не выпустит, а Ивару надо лишь протянуть руку, но он об этом не догадывается... Жрецы заверили его, что соберут все монеты, имеющие хождение в этом королевстве, и переплавят их: удалят весь основной металл и передадут ему серебро, из которого отныне будет чеканиться новая монета: монета Ивара Победоносного, короля Йоркского. И Дублинского в придачу. Так что несметных богатств на этой земле Рагнарссоны, быть может, и не стяжают. Но станут еще могущественнее.

— А Бранд, сын Барна, станет еще беднее! — вновь огрызнулся тот же злобный голос.

— Вот, значит, чего мы добились. Сосватали Рагнарссонов христианским жрецам. Что же ты теперь думаешь о своем откровении, Фарман? И как быть с мировой историей? И с будущим?

— Тогда я еще не получил того откровения, которое доведено до меня ныне. Я имею в виду этого паренька — Скъефа.

— Его зовут Шеф, — вставил Ханд.

Фарман согласно кивнул:

— Можно и так. Он открыто бросил вызов самому Ивару. Он выиграл *holmgang*. Взял приступом стены Йорка. И одна-

жды, несколько месяцев назад, он явился на молитвенный сход, который вел Торвин, и заявил, что пришел с Севера.

— Да ведь он только хотел этим сказать, что пришел на Стаур из северной части королевства, из Норфолка, — попробовал вмешаться Ханд.

— Одно дело — то, что он сам хотел сказать, а другое — то, что хотели сказать этим боги, — возразил Фарман. — И потом, не забывай; я видел его по *другую* сторону. В обители богов!.. Но тут еще есть много диковинного. Кто его отец? Он-то сам считает, что это ярл Сигвард. Так сказала ему мать. А мне кажется, что мальчик этот — первый шаг великой перемены в мироздании. Возможно, ось витка в истории. Такое, конечно, никто не мог и помыслить. Теперь же я хочу задать его друзьям и тем, кто с ним знается, один вопрос... Ответьте мне: безумен ли он?

Мало-помалу все взгляды обратились к Ингульфу. Он наморщил лоб:

— Безумен... Лекари таких слов не употребляют. Но уж коль ты так заговорил, то я тебе отвечу: да, я уверен, что мальчишка этот, Шеф, безумен. Если иметь в виду...

* * *

Ханд не сомневался в том, что долго искать друга ему не придется. Тот стоял посреди свалки из обуглившегося дерева и искореженного железа в северо-восточной башне, что возвышалась над Ольдварком, и окружен был со всех сторон разинувшими от удивления рты людьми с амулетами. Ханд, словно угорь меж стеблей тростника, просочился в центр круга.

— Ну как, ты уже сообразил, как она работает? — спросил он.

Шеф поднял на него глаза.

— По-моему, я сумел доискаться до правильного ответа. К каждой машине они приставили монаха, который должен был проследить за тем, чтобы она была уничтожена до того, как попадет в чужие руки. Монахи принялись за дело и потом все, как один, удрали в Минстер. А остальные, конечно, не хотели сидеть тут и ждать, пока она догорит до конца. Удалось только одного раба поймать... — Он кивнул в сторону закованного в ошейник англичанина, стоящего вместе с

ним в кольце викингов. — Он рассказал, как эта штука работала. Машину заново отстроить я не пытался, но действие ее мне понятно.

Он указал на груды обгорелых досок и железных скоб:

— Вот эта машина и метала снаряды.

Шеф подошел поближе к останкам орудия.

— Видите, пружиной ему служил скрученный канат. Вращая эту ось, они скручивали канат, тем самым и рычаг, и титива могли придать большее ускорение снаряду. И вот в нужный момент вы отпускаете пружину...

— ...и вылетает вот такая дуля, — сказал один из викингов.

Грянул дружный хохот. Шеф показал на зубчатые колеса орудия.

— Глядите, сколько на них ржавчины. Они здесь испокон веку. Я не знаю, когда отсюда ушли римляне. Может быть, после этого машина простаивала в каком-нибудь арсенале. Но мне ясно одно: сработали ее не местные. Они только знали, как ею пользоваться.

— А как дела с той машиной, которая бросала каменные глыбы?

— Ту они сожгли и не спускали с нее глаз. Но я понял, как они работают, еще до того, как мы перебрались в крепость. У монахов в Минстере есть об этом книга, а также части машины, которые остались еще с древних времен, — так сказал мне этот раб... Жаль, конечно, что они все это сожгли. И я бы заглянул в книгу, где показано, как строить такие машины. А есть еще и такая книга, которая учит искусству счисления...

— Эркенберт очень силен в искусстве счисления, — неожиданно промолвил раб, по-видимому распознав похожее норвежское слово в речи Шефа, который до сих пор многие слова произносил на английский лад. — Он — *arithmeticus*.

Кое-кто из викингов украдкой дотронулся до амулетов, прося защиты у своих богов. Шеф расхохотался.

— Может быть, я никакой не *arithmeticus*, но машины умею строить лучше. И я построю множество машин! Трэль рассказал, что монах из Минстера однажды обмолвился: мы, дескать, христиане что карлики на шее гигантов, — имея в виду римлян... Что ж, возможно, они и оседлали гигантов, со своей ученостью, старыми машинами и стенами, доставши-

мися им от прошлого. Но они так и остались карликами. А вот мы...

— Не вздумай говорить это, — произнес один из викингов, делая шаг вперед. — Не вздумай произносить этого проклятого слова, Скъеф Сигвардссон! Мы — не гиганты; а гиганты, страшные *iotnar*, — враги богов и людей. Я думал, ты об этом знаешь. Разве ты никогда их не видел?

Шеф молча кивнул. Вихрем пронесся в памяти тот великан из его грезы, что вел жеребца. Собравшиеся переглянулись и переступили с ноги на ногу.

Шеф швырнул оземь железные скобы, которые до того не выпускал из рук.

— А теперь отпусти этого малого на волю, Стейнульф, в награду за то, что он нам поведал! Покажи ему, как лучше отсюда выбраться, чтобы он не угодил в лапы к Рагнарссонам. А мы теперь справимся и без него.

— Ты думаешь, времени нам хватит? — спросил викинг.

— Время нужно только для того, чтобы раздобыть дерево. И еще для работы в кузнице. А до схода Армии осталось еще целых два дня.

— Это и есть обретение нового знания, — произнес один из слушателей. — Торвин бы это одобрил.

— Значит, завтра утром на том же месте, — решительно заключил Шеф.

Уже собираясь уходить, один из викингов произнес:

— Вот королю Элле эти два дня и впрямь бесконечными покажутся... Какой же нужно быть тварью, чтобы сдать своего короля в лапы Ивару. А уж тот, конечно, опять сочинит «что-нибудь свеженькое».

Шеф проводил говорившего долгим взглядом.

— У тебя ко мне дело? — спросил он, повернувшись к другу.

— Да... Я принес тебе пузырек с зельем... От Ингульфа. Выпей его!

— Пузырек с зельем? Да ведь я не болен! На что он мне? Ханд замаялся.

— Ингульф говорит, это облегчит твою душу. И... воротит обратно твою память...

— Разве у меня нелады с памятью?

— Шеф... Ингульф с Торвином... считают, что ты даже позабыл, как мы тебе выкололи глаз. Это ведь Торвин тогда

тебя держал. Ингульф накалил иглу, а я... а я воткнул ее тебе в глаз. И сделали мы это для того, чтобы ты не угодил в лапы одному из Иваровых мясников. Они утверждают, что неестественно для человека забывать такие вещи. А ты даже ни разу об этом не заговорил. И вот они говорят, будто ты вовсе не помнишь, как был ослеплен. И что Годива — ради которой ты явился в лагерь — истерлась из твоей памяти.

Шеф пристально взглянул в глаза молодому лекарю, на груди которого красовалось серебряное яблоко.

— Можешь уверить их, что ни то ни другое я не смог позабыть ни на минуту. А впрочем, — сказал он, протягивая руку, — зелье твое я, пожалуй, возьму...

* * *

— Он взял зелье, — первым делом сообщил Ингульф.

— Шеф мне иногда напоминает птичку из одной басни, — сказал Торвин. — Есть предания о том, как англы на Севере приняли христианство. Согласно одному сказанию, однажды король Эдвин созвал Совет мудрых, которому предстояло решить, отказаться ли королю и его народу от богов, которых почитали их отцы, обратившись в новую веру. На Совете же поднялся со своего места жрец Эгира и сказал, что поскольку, дескать, вера старых богов не принесла процветания королевству, лучше бы им всем звать к помощи другого бога. Но рассказывают эту историю иначе и, по-моему, более достоверно: взял слово один королевский приближенный и сказал так. Весь мир — это словно королевские покои. Внутри — тепло, сухо, ярко пылают камин и свечи. А за окном — темень да стужа, холодный зимний вечер. И вот откуда, из непроглядной тьмы залетает в покои маленькая птишка. Она греется в тепле человеческого жилища, а потом опять улетает в студеную ночь... Если же через Христа мы узнаем, каково было житье человека до его рождения и будет после смерти, то нам, безусловно, следует тянуться к нему всей душой...

— Хорошая басня, и мораль ее разгадать несложно, — произнес Ингульф. — Вижу я теперь и то, почему напомнил Шеф тебе эту птичку.

— Но он может оказаться и кое-кем другим... Когда Фарман встретился с ним во время своего посещения Асгарда, то

Шеф, по его словам, занял там место Вёлунда, божественного кузнеца... Слушай, Ханд, ибо ты не знаешь, в чем здесь дело. Вёлунд был схвачен и превращен в раба коварным и злым королем Нидудом. Он же подрезал ему поджилки, чтобы тот не смог от него бежать. Вёлунд же обманом заманил сыновей короля в кузницу, прикончил их, из зрачков их смастерил пряжки, из зубов — ожерелье. И то и другое он вручил Нидуду. Затем же завлек в кузницу дочь короля, подпоил ее крепким пивом и изнасиловал.

— Но зачем он все это сделал, коль скоро так и оставался в плену? — спросил Ханд. — Если из-за хромоты своей даже не смог бы бежать от возмездия?

— То был великий кузнец, — объяснил Торвин. — Когда королевская дочка, очнувшись, бросилась к отцу рассказать о том, что произошло, и тот явился в кузницу, чтобы умертвить кузнеца в страшных муках, — тогда Вёлунд приделал себе крылья, которые он ранее мастерил втайне от всех. И улетел восвояси, громко хохоча над теми, кто считал его калеккой.

— Чем же похож Шеф на Вёлунда?

— Он может смотреть и вверх, и вниз. Он видит то, чего никогда не будет дано увидеть простым смертным. На нем печать избранности, но, боюсь, печать эту поставил Один, Один — отец всем богам, Один *Bolverk*, Один — сеятель зла. Твое зелье погрузит его в сон, Ингульф. Только вот что произойдет с ним в этих снах?

* * *

Затухающее сознание еще сохраняло память о привкусе. Переданное Ингульфом зелье было настояно на меду, отличаясь от того варева, которое обыкновенно употребляли они с Хандом. И все ж за этой сладостью проступал и другой вкус... Плесени? Разложения? Что-то сухое, гнилое подкрадывалось исподволь... Уже в тот миг, когда он сделал самый первый глоток, ему стало ясно, что дух его ожидает какое-то испытание...

Однако ж начало самой грезы было и впрямь наисладчайшим. Так начинались его сны тогда, когда все его невзгоды были еще впереди, а значение их — темно...

Он плыл через фен. И чем дальше удалялся от берега, тем мощнее становились его гребки. Берег уже почти и не виден. Кажется, он плывет быстрее, чем мчащаяся галопом лошадь. Вдруг с очередным взмахом он взмыл в воздух. Руки перестают его слушаться. Он беспомощно сучит ими, но, когда страх проходит, вновь устремляется вперед, воспаряя все выше и выше, как свободная птица. Сочная зелень искрилась под ним на солнце, всюду распускались почки, заливные луга окружали подставленные свету бока утесов. И вдруг все смеркло, ибо прямо на него надвигалась непостижимых размеров колонна. Он помнил, что это такое. Он был здесь раньше. Но тогда он был подвешен на ней и смотрел во все стороны со своего возвышения. И меньше всего хотелось ему заставить сейчас то видение, что открылось ему в тот раз: он не хотел еще раз лицезреть чудище с чертами короля Эдмунда, бесконечную тоску на лице страдальца, позвоночник в его руке. Если подлететь бесшумно, не оглядываясь назад, не косясь по сторонам, — быть может, удастся избежать этой встречи.

И медленно, с предосторожностями, душа-скиталица приближалась к гигантскому темному стволу. На древе, прибитое накрепко гвоздями, висело некое существо, что отнюдь не показалось душе той удивительным. Да и из глаза существа выпирало наружу что-то острое. Пытливый взгляд. Я ли это?

О нет! Невредимый глаз существа прикрыт. Никакого любопытства к страннику.

А у головы его вертятся две черные птицы с черными клювами: вороны... Сияющие зрачки ошупывают его; головы забавно вытягиваются. Лишь легкой рябью колыхались кончики оперения; без лишних усилий вороны держались на месте. Ибо существо это звалось Одином, а еще Вотаном; вороны же были его неизменными спутниками.

А как же зовут их самих? Это и любопытно, и поучительно! Кто-то ему это объяснял... По-норвежски это будет... Да, точно: Хугин и Мунин. А по-английски, соответственно, — Нуге или Муне. Итак, первый — это Нугин и Нуге. То есть «ум». Нет, этот ему почему-то не интересен. И, словно бы чуя, что попал в немилость, ворон канул вниз и застыл на плече у хозяина.

Мунин. Или Муне. Что означает — «память». Вот чего он ищет. Но, по-видимому, за память надо платить. Ибо хоть и есть у него друг, покровитель среди богов, но мнится ему, что

покровитель этот — не Один, чтобы там ни твердил Бранд. А значит, придется платить. И еще он знает, какую возьмут с него цену. И вновь, незванный, явился ему кусочек стиха. Он тоже читался по-английски. Говорилось там о висельнике, что раскачивался на веревке, а та своим скрипом созывала воронье. Висельник же не мог поднять руки и отмахнуться от птиц, а те тянули к нему свои жадные клювы...

Они желали его глаз. Затем они явились сюда. Вдруг одна из птиц увеличилась в размерах, заслонила собой все небо. Черный клюв маячит в дюйме от глаза. Но метит не в невредимый его глаз, а в тот, который ни на что не годен. Тот, который он уже потерял! Но ведь это память: она вернула его в прошлое, в пространство, где глаз все еще был при нем. Руки его оттянуты вниз, они не подвластны ему. Наверное, это Торвин их где-то удерживает. Хотя нет, он способен приподнять их. Но не вправе этого делать. И он будет во всем послушен этим правилам.

Да и птица уже смекнула, что не встретит сопротивления. Она дергается вперед с плотоядным визгом, вонзает ему клюв глубоко в мякоть глаза, вводит его еще дальше, в мозг. И когда белая клякса боли застит ему сознание, сами собой наворачиваются слова, что сказал ему когда-то ждущий рокового часа король.

У ивового брода, у деревянного моста
Спят тихо короли, под ними корабли.
Глубокий, беспробудный сон домашней стражи.
Четыре пальца в линию сложи,

Из-под земли. Могила будет севернее прочих.
Вуффа, отпрыск Веглы, покрывает
Заветный клад. Попасть он должен в руки смельчака.

Итак, он уплатил должное. Клюв выскочил наружу. И в то же мгновение он свалился с могучего древа; кувыркаясь, вертясь волчком, ибо руки его по-прежнему были скованы, он понесся к земле, отдаленной от него десятками миль. Впрочем, об этом еще есть время подумать. Руки ему и вовсе не нужны. Тело его целиком подвластно ему; при желании, перевернувшись, он может снова помчаться по направлению к солнцу, а потом, сделав очередной кувырок, устремиться к тому месту, где и должно лежать его тело, к соломенному тюфяку.

Но как же чудно наблюдать за тем, что творится на зем-

ле, узнавать фигурки воинов, крестьян, купцов; кажется, все они куда-то спешат, так и прищипывают лошадей, однако с непостижимой высоты в двадцать миль, где описывает он сейчас круг за кругом, кажется, что им никак не удастся сдвинуться с места. Он видит фен, видит и море, а вот и огромные курганы, могильные холмы, что обильно поросли зеленым дерном. Это не сотрется из памяти, и в следующий раз он об этом поразмыслит. Теперь же у него лишь одна задача, и примется он за нее немедленно по возвращении, немедленно по водворении души в земную оболочку, в тело, которое лежит вон там, на тюфяке, тело, которое еще раз станет принадлежать ему...

* * *

Порывисто дернувшись, Шеф прервал свой сон.

— Мне необходимо это запомнить. Но писать я не обучен, — смущенно проговорил он.

— Я умею писать, — неожиданно отозвался Торвин. Сидя на лавке в шести футах от него, он едва был замечен в слабых отблесках засыпанного очага.

— Как же так? Ты умеешь писать, как христианин?

— Могу и как христианин... Но могу и как норвежец, как жрец Пути: ибо я знаю руническое письмо. Что же я должен записать?

— Пиши быстрее, — предупредил Шеф. — Мунин вернул мне боль, а с ней и эти слова...

Взяв буковую дощечку и ножичек для резьбы, Торвин весь обратился в слух.

У ивового брода, у деревянного моста
Спят тихо короли, под ними корабли...

— Знал бы ты, каково это, писать по-английски, да еще рунами... — пробурчал себе под нос Торвин, но Шеф его не услышал.

* * *

Воины Великой Армии собирались на свой сход подавленными и угрюмыми. Состояться он должен был за три дня до наступления праздника, которым христиане отмечают рождение своего Бога, у восточной стены города. Семь тысяч

воинов могут заполнить всю округу, и уж совсем нелегко найти место для схода зимой, когда закованные в доспехи воины вдобавок закутаны в семь одежек, лишь бы спастись от пронизывающих ветров и лютой непогоды. Но, разобрав перед приступом все дома на этой стороне, Шеф тем самым освободил пространства довольно, чтобы армия разместилась у стены, заключив в неровный полукруг гигантский ее участок.

В центре же того полукруга разместились Рагнарссоны со своими подручными. Тут же реял вороний стяг. В нескольких шагах от них, обвеваемый со всех сторон шафрановыми плащами, стоял темноволосый человек, король Элла. Точнее, бывший король. Белизна же лица его была такова, что Шеф, наблюдавший за всей сценой с расстояния в тридцать ярдов, даже сравнил ее с белизной изнанки сваренного яйца.

Ибо король был обречен на нечто страшное. Армия еще не вынесла свой приговор, но он уже витал над ним с неумолимостью рока... Еще немного, и король Элла услышит лязг оружия, которым армия выразит одобрение решению вождей. И тогда они приступят к нему и вытворят нечто подобное тому, что сделали и с королем Эдмундом, и с королем Маелгуалой, да и со всеми другими ирландскими королями, на которых оттачивал Ивар свои клыки. Участь его была решена. Это он посадил Рагнара в *orm-garth*, а потому даже Бранд, даже Торвин признавали, что сыновья Рагнара имеют право на его кровь. Более того, обязаны ее пустить. Армии же оставалось со всем здравомыслием проследить за тем, чтобы все было исполнено как должно и в полном согласии с воинской честью.

Но собралась она здесь не только затем, чтобы утвердить смертный приговор своему врагу. Ибо на сей раз она готова была предать суду своих вождей. И сам Ивар Рагнарссон, и даже сам Сигурд Змеиный Глаз не могли вполне быть уверены в том, что вернутся со схода в свои шатры, сохранив в неприкосновенности жизни, тела или, по крайней мере, репутации. В воздухе собиралась гроза.

Когда солнце достигло — по понятиям английской зимы — своего зенита, Сигурд, набрав в легкие воздуха, крикнул:

— Мы — Великая Армия! И мы здесь для того, чтобы обсудить дела сегодняшние и дела будущие. Мне многое хочет-

ся вам сказать... Однако до меня дошли слухи, что в армии есть люди, которые недовольны тем, как был взят город. Может быть, кто-то из этих людей выйдет и сам нам расскажет, в чем дело?

Тут из рядов выступил воин. Он подошел к вождям и повернулся вполоборота к ним и к армии, так, чтобы его могли слышать обе стороны. То был Скули Лысый, тот самый, который вел к городской стене вторую башню, но по дороге угодил с ней в яму и до крепости так и не добрался.

— Сработано как надо, — пробурчал Бранд. — Только не думаю, что ему удалось продаться задорого...

— Да, я недоволен! — закричал Скули. — Ведь я вел свои команды к городской стене. Мы собирались взять их приступом! Я потерял дюжину человек, включая своего зятя, а он был хорошим парнем. Мы перелезли через стену и пробивались дальше, пока не дошли до самого Минстера! А потом нам почему-то запрещают потрошить Минстер, хотя это наше полное право! Дальше нам объясняют, что мы только понапрасну теряли людей, потому что город, оказывается, был взят без нашей помощи. К добыче нас не подпускают, убытки возмещать никто не собирается! Почему ж ты позволил нам идти на крепость, Змеиный Глаз, коли знал, что это никому не нужно?

Ряды дружным воем приветствовали слова Скули. Правда, тут же воины с ладей Рагнарссонов подняли оглушительный свист. Сигурд шагнул вперед и взмахом руки унял смуту.

— Благодарю Скули за то, что он это сказал. И признаю, что со своей стороны он прав. Но у меня есть два возражения. Первое. Я не знал, что нам не потребуется атаковать крепость. Жрецы запросто могли бы нас обмануть. И потом, если бы королю вдруг стало об этом известно, он бы послал к воротам своих лучших дружинников. Если начать растолковывать это каждому человеку в армии, то наверняка какой-нибудь раб прослышал бы об этом и донес обо всем англичанам. Так что нам приходилось помалкивать... Но я должен сказать еще кое-что. Поначалу я не верил в то, что Скули со своими людьми переберутся через стену. Честно говоря, я даже не верил, что они смогут подойти к ней. Эти... машины, эти башни для нас еще в диковинку. Поэтому я полагал, что несколько стрел — и все закончится, хоть вы целое море пота пролили, пока их отлаживали. Если бы я знал тогда, что все

будет иначе, я бы сказал Скули, чтобы он поберег свою жизнь, да и людей бы своих тоже. Но я ошибался. И за это приношу свои извинения.

Скули кивнул и со степенным видом прошествовал обратно на свое место.

— Но этого мало! — раздался чей-то голос. — А как быть с возмещением убытков? Мы требуем уплатить вергельд за убитых!

— Сколько вы получили от жрецов? И почему даже не предлагаете нам долю?

Сигурд вновь поднял руку:

— Я еще не закончил!.. Хочу задать армии один вопрос: зачем мы сюда пришли, ради чего воюем на этой земле?

И тогда вперед ступил Бранд. Потрясая своим топором, он зарывал так, что кожа на затылке на миг побагровела:

— Ради денег!!!

Но даже и этот нечеловеческий рык потонул в неистовом хоре:

— Ради денег! Добычи! Золота! Серебра! Сбора дани!

Когда буря стала замирать, Сигурд Рагнарссон снова возвысил голос. «А ведь он держит их всех в руке, — мелькнуло в голове у Шефа. — Все происходит в точности так, как он задумывал. Даже Бранд и тот действует согласно его воле...»

— А теперь скажите мне: для чего вам нужно столько денег?!

Внезапно наступило смятение. Слышны были только отрывистые выкрики. Кое-кто разразился проклятиями.

Сигурд решил не терять времени даром.

— А я сам вам отвечу! Вы же хотите вернуться домой и купить там себе землю! Хотите, чтобы пахали на ней другие и чтобы вы сами никогда уже не притронулись к плугу! А тогда слушайте, что я вам скажу: для этого денег здесь маловато. Точнее, деньги эти ни на что не годны! — Он брезгливо рассыпал по земле пригоршню монет, и все тотчас узнали ту чеканку из низкосортных сплавов, от которой нет никакого проку.

— Но только не подумайте, что мы не сможем получить то, что хотим! Но на это нам нужно время!

— Для чего тебе время, Сигурд? Чтобы подальше упрятать свою долю?

Змеиный Глаз сделал шаг вперед. Отыскивая обидчика,

впились в толпу жуткие зрочки с белоснежной каймой. Рука коснулась навершия меча.

— Мы с вами на открытом сходе, — проговорил он. — Здесь каждый волен говорить то, что захочет. Но если найдется человек, который обвинит меня или моих братьев в том, что мы поступились честью воинов, он объяснится с нами где-нибудь в сторонке сразу после окончания схода!.. А теперь слушайте. Мы взяли недурной выкуп с Минстера. Те из вас, кто брал город приступом, тоже разжились барахлом — поснимали с мертвых, почистили дома за стеной... И все мы хорошенько выпотрошили город за пределами Минстера...

— Да ведь все золото собрано в Минстере! — распаялся пуще прежнего, зарывал Бранд и также сделал шаг вперед, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, что кричал именно он.

Сигурд смерил его холодным взглядом, но угрожать на сей раз не стал.

— Я объясню. Мы сложим воедино всю добычу — и выкуп, и барахло, и все остальное — и разделим ее по командам, как испокон веку повелось в нашей армии... Потом мы обложим королевство новыми податями, которые им велено будет доставить нам до наступления зимы. Они, это понятно, заплатят нам дрянной монетой. Но мы заберем и это. Потом выплавим все серебро и отчеканим все заново. А уж потом новые монеты поделим так, чтобы каждому досталось по справедливости... Есть только одна загвоздка. Для этого нам понадобится *монетный двор*... — Несмотря на то, что Сигурд повторил эти два слова дважды, воины продолжали судачить об их смысле. — И люди, которые справятся с этой работой. А также все необходимые инструменты. Все это мы найдем в самом Минстере. Ибо там сейчас засели христианские жрецы... Я не говорил об этом раньше, но собираюсь сказать сейчас: мы должны заставить их работать на себя...

На сей раз в рядах викингов начался настоящий разброд. Кто-то выступал из рядов, пытался в чем-то убедить товарищей. Шеф все же почувствовал, что предложение Сигурда находило все большую поддержку, ибо рассчитано было на людей, подуставших от бесконечных грабежей, приносящих убогий улов. Впрочем, нашлись и те, кого оно возмутило, в первую очередь — приверженцы Пути, но также и те викин-

ги, которые попросту питали к христианам стойкую неприязнь или отказывались им доверять. По-прежнему раздавались недовольные голоса тех, кто был раздосадован потерей Минстера...

И возмущение это, похоже, все накалялось. Никто не слышал о том, чтобы раздоры на сходах приводили к кровопролитию, — больно уж жестоко оно каралось. Однако все эти свирепые люди имели при себе оружие, латы, шлемы, щиты, а уж быть зачинщиками в сware им не привыкать. Поэтому вероятность дурного исхода полностью исключить было нельзя. А стало быть, рассудил Шеф, Сигурду Змеиному Глазу пора бы принимать меры, пора показать свою мудрость. Тем более что вперед строя выскочил еще один воин — Эгиль из Сконе, а этот сумел-таки перебраться на своей башне в город и своим неистовым обличением вероломства христиан привлек к себе внимание всего войска.

— И вот еще что! — гремел он. — То, что христиане никогда не держат данного нам слова, мы уже знаем. Почему? Потому что они считают, что после смерти спасутся только те, кто уверовал в их Бога... Но есть еще одна опасность. Они ведь и других людей учат нарушать свое обещание. Человек начинает думать, что сегодня он сказал одно, завтра — другое, а потом пойдет к священнику и получит отпущение грехов. И легко отмоется от прошлого — все равно как баба смывает дерьмо с задницы сосунка. И я говорю это вам — вам, сыновья Рагнара!

Повернувшись лицом к четверем братьям, он подошел к ним ближе. «Дерзкий человек, — подумал Шеф. — Отважный и злой». Эгиль тем временем скинул с себя плащ, чтобы все увидели сиявший на его рубахе серебряный горн Хеймдалля.

— И так-то вы помянули своего отца, который встретил смерть в змеином погребке здесь, за стенами этого Минстера? А может, вы уже забыли те обещания, которые давали в Роскилле? Когда вы поставили ноги на колоду и принесли клятвы Браги? Тогда помните ли, что ожидает клятвопреступников в том мире, в который верим мы, а не христиане?!

Из глубины войска донесся протяжный, торжественный глас. То Торвин нараспев читал священные строки.

Мертвецы там стенают в скорби и муке:
Душегубы и те, что нарушили клятву,
Нидхегт кровь высосет всю без остатка,
И волк на кусочки рвет холодные трупы.
Хватит вам этого? Или продолжить?

— Те, что нарушили клятву! — зычно прокричал Эгиль и, повернувшись спиной к Рагнарссонам, прошагал на свое место. Впрочем, казалось, те нисколько не уязвлены произошедшим. Наоборот, они приободрились, словно этот выпад принес им долгожданное облегчение.

— Итак, вы слышали — нам бросили вызов! — крикнул до того не проронивший ни слова Хальвдан. — Теперь мы на него отвечаем. Мы хорошо помним, что сказали в Роскилле. И сейчас вам напомним наши клятвы. Я поклялся, что покорю Англию, чтобы мстить за нашего отца...

Все братья, тесно придвинувшись друг к другу, стали по очереди выкликать слова клятвы.

— И я это сделал! Что же до Сигурда, он поклялся...

— ...поразить всех королей Англии и сделать их нашими вассалами.

— Двоих я уже поразил! За остальными дело не станет...

Эти слова удостоились дружного одобрения сторонников Рагнарссонов.

— Что же до Ивара, то он поклялся...

— ...обратить возмездие на черных ворон, христианских жрецов, которые измыслили *orm-garh*.

Наступила гробовая тишина. Все ждали, как ответит Ивар.

— Этого я не выполнил. Но все еще впереди. И я ни о чем не забыл. Помните — христианские жрецы сейчас в моих руках. Всею свое время!

Никто по-прежнему не проронил ни звука. И тогда Ивар продолжал:

— А мой брат Убби поклялся...

И братья вновь зарычали голос в голос:

— ...схватить короля Эллу и казнить его через страшные муки!

— А этим мы займемся прямо сейчас! — крикнул Ивар. — Стало быть, двое из нас свои обещания исполнили и чисты перед Браги, карающим клятвопреступников. А двое других сделают это очень скоро!.. Ведите сюда пленного!

Муиртайг со своими головорезами подтолкнули вперед несчастного. Вот как Рагнарссоны задумали вернуть себе любовь армии! Шеф вспомнил того паренька из лагеря на Стауре, который, млея от восторга, рассказывал ему истории о зверствах Ивара. Всегда найдутся люди, падкие на такие зрелища. Правда, в этом войске таких могло уже и не оказаться.

Гаддгедлары поставили Эллу перед строем и вколотили в землю толстую жердь. Король побледнел теперь пуще прежнего. Черные волосы и борода делали белизну лица еще более заметной. Рот его, в который не был всунут кляп, был открыт; однако не было слышно ни звука. Шея с одного края была заляпана кровью.

— Ивар перерезал ему голосовые связки, — заявил Бранд. — Ну а с жаровней они что будут делать?

Гаддгедлары, надев перчатки, несли жаровню, битком набитую посверкивающими углями. Из нее, уже накаленные докрасна, торчали железные прутья. Толпа заколыхалась и загудела, предчувствуя что-то зловещее. Кое-кто пытался протиснуться поближе, но были и те, кто, понимая, по-видимому, что их пытаются таким способом увести от разговора по существу, не знали, как помешать этому.

Муиртайг внезапным движением сорвал с обреченного короля плащ, и все увидели его наготу. Его мучители не оставили ему даже тряпки, чтобы прикрыть чресла. Тут же понеслись смешки и издевки, но слышен был и ропот недовольных. Тем временем гаддгедлары схватили и растянули в разные стороны его конечности. Ивар сделал шаг вперед, и все увидели, как в руке его блеснул клинок. Когда он нагнулся к животу Эллы, Шеф едва не испытал приступ дурноты. В следующее мгновение все тело короля зашло в страшных судорогах, руки скрутились под спудом обхвативших их беспощадных тисков.

Ивар выпрямился, держа в руках какую-то серовато-синюю, свернутую мотком склизкую массу.

— Вскрыл ему брюхо и выволок кишки, — проронил Бранд.

Ивар, с улыбкой разглядывая обезображенное болью и диким ужасом лицо Эллы и не спеша разматывая его внутренности, отступил на несколько шагов к жерди, взял в руки молоток и приколол свободный конец.

— Вот так-то... А теперь король Элла будет обходить

жердь по кругу до тех пор, пока сам не выпотрошит из себя сердце! Давай, англичанин, начинай. Чем быстрее ты будешь двигаться, тем скорее все для тебя кончится. Правда, по моим подсчетам, тебе придется пройти не менее десяти кругов... Это не слишком обременительная просьба? Ну, Муиртайг, поторопи его...

Палач сделал шаг вперед и поднес раскаленный прут к ягодицам Эллы. Тот затрясся, мигом посерел лицом и передвинул вперед ногу.

«Вот худшая из смертей, — пронеслось в голове у Шефа. — Нет в ней ни гордости, ни достоинства... Медленно убивать себя самому под ликование своих врагов. Знать, что не можешь этого не делать, что должен пройти столько, сколько потребуется, но быстро это не получится. А сзади раскаленные прутья, так что и шаг свой выбирать ты не волен... Да и голоса нет, чтобы крикнуть. И все это время ты выворачиваешь из себя внутренности...»

Не сказав ни слова, он протянул алебарду Бранду и начал протискиваться назад. Викинги отпихивали друг друга и тянули шеи. Но кое-кто наблюдал за всем происходящим из крепостной башни; Шеф оставил там своих людей, чтобы те присмотрели за машинами. Петляя, на землю упал конец веревки — викинги быстро поняли, чего хочет молодой карл. Вскарабкавшись на стену, он с удовольствием вдохнул запах свежеструганного дерева и металла, недавно побывавшего на наковальне.

— Он сделал уже три круга, — сообщил один из викингов, с шеи которого свисал фаллос Фрейра. — Нет, так человеку ходить негоже...

Стрела уже на месте. Короткий разворот — вчера они думались снабдить орудия парой крепких колес. Оперение стрелы сейчас как раз точно установлено между краями прицела... Три сотни ярдов... Будет чуточку высоковато.

Шеф нацелил стрелу точно на рану в основании живота несчастного короля. Погоняемый огненными прутьями, тот как раз проковылял еще один круг и обернулся лицом к стене. Шеф медленно надавил на защелку.

С глухим клацаньем страшная стрела взметнулась в воздух и упала, прошив грудь Эллы и воткнувшись концом в землю у самых ног Муиртайга. Отброшенный навзничь си-

лой удара, король тут же переменялся в лице. Сейчас на нем были мир и покой.

Не сразу потрясенная толпа пришла в движение. Все головы медленно повернулись к башне. Ивар же кинулся к мертвому телу, но тут же выпрямился и стиснул кулаки.

Шеф взял из рук одного из помощников новенькую алебарду и пошел по уступу стены в направлении войска. Ему необходимо было быть замеченным и узнаваемым. Поравнявшись с одним из крыльев полукруга, он, опершись на алебарду, вспрыгнул на зубец.

— Я в этой армии не ярл, а всего-навсего карл! — воскликнул он. — Но пусть армия услышит, что я ей скажу... Первое. Сыны Рагнара решили выполнить именно эту часть своей клятвы потому, что у них не хватает духу взяться за другие свои обещания... Второе. Что бы ни плел вам Змеинный Глаз, но когда он пролезал в ворота Йорка, которые держал ему священник, то думал он о благе своем и своих братьев, а не о благе всего войска. У него и в мыслях не было, что его обманут и что ему придется драться. Или делиться добычей...

Последние слова потонули в яростных воплях. Гаддгеллары завертелись на месте, выискивая глазами ближайшие ворота в стене. Другие викинги тут же обступили их и вцепились в шафрановые пледы. Шефу приходилось теперь кричать во всю мощь своих легких.

— И третье! Обращаться с человеком и воином так, как поступили Рагнарссоны с королем Эллой, — это не *drengskapr*. Я заявляю, что это — *nithingsverk*.

Nithing — презреннейший из смертных, положением много хуже любого изгоя, человек, лишенный каких бы то ни было прав, и быть обвиненным в *nithingsverk*, да еще перед всей армией, — худшего поношения ни один ярл, да и карл вообразить себе не мог. При условии, что воины с этим согласятся.

Оказалось, что таких было совсем немало. Бешено потрясал своей алебардой Бранд; верные ему викинги еще плотнее сомкнули ряды, оттирая наседавших сторонников Рагнарссона щитами. С другого крыла им на подмогу спешил отряд, возглавляемый Эгилем, почитателем Хеймдалля. А это кто там бушует? Да это же Сигвард, с малиновым от гнева лицом, грозит расправой какому-то обидчику. Скули

Лысый мнется в нерешительности у трупa Эллы, Убби что-то кричит ему, но слов не разобрать...

Вся армия пришла в движение. И разделилась. Сердце успело отсчитать сотню ударов, а между двумя частями некогда единого войска возник уже явный зазор. Во главе стоявшей вдалеке группы оказались Рагнарссоны; ближнюю же возглавили Бранд, Торвин и несколько других сторонников Пути.

— Путь против всех остальных, — пробормотал почитатель Фрейра. — Да еще кое-кто из твоих друзей. По-моему, их двое против одного нашего...

— Ты расколол армию, — сказал гебридец с ладьи Магнуса. — Молодчина. Только, боюсь, ты поторопился...

— Машина была уже заряжена, — отвечал ему Шеф. — Мне оставалось только выстрелить...

Глава 6

Когда армия потянулась прочь от стен Йорка, с безветренного неба повалили густые комья снега. Ту армию уже не назвать было «великой». Великой Армии более не существовало. Та ее часть, что вышла из-под повиновения Рагнарссонам и не желала далее жить с ними в тесном соседстве, насчитывала двадцать больших сотен, или, по римскому исчислению, две тысячи четыреста человек. С ними по дороге шел длинный обоз, навьюченные лошади и мулы, тащились вперед скрипучие телеги, груженные доверху разным добром: бронзой и железом, кузнечными инструментами и точильными оселками, а также сундуками с местной дрянной монетой вкупе со скудной пригоршней настоящего серебра, доставшегося раскольникам после раздела награбленного.

С городских стен за их уходом наблюдали викинги, пожелавшие сохранить верность Рагнарссонам. Те из них, кто был помоложе и поретивее, провожали недавних товарищей издевками и гиканьем и даже запустили им вдогонку несколько стрел, попадавших в снег за спинами уходивших. Но раскольники не отвечали, молчали и их собственные вожаки — и молодые скоро потеряли задор. Поплотнее закутавшись в свои плащи и глядя на низкое хмурое небо, на подбитую морозом траву на склонах окрестных холмов, они с наслажде-

нием возблагодарили судьбу за заготовленные на зиму poleнья и хворост, за заколоченные ставни и не пропускающие сквозняков стены.

— К завтрашнему рассвету по сугробам идти придется, — заметил Бранд, замыкавший колонну на случай какой-нибудь непредвиденной выходки Рагнарссонов.

— Ты же норвежец, — сказал Шеф. — Уж ты-то не должен бояться снега.

— Я его и не боюсь, при условии, что морозы стоят крепкие. Но если снег выпадает и тут же тает, как в Англии, то это значит, что идти мы будем по колено в жиже. Люди устают, скотина выбивается из сил, а телеги вообще еле тащатся. А уж когда человек идет по распутице, он жрет за троих... Ты знаешь, за сколько времени бык проедает свой вес? Ладно, нам нужно отойти от них подальше. Никто ведь не знает, что у них на уме...

— И куда мы теперь направляемся? — спросил его Шеф.

— А я почему знаю? Кто вообще главный в этом войске? По-моему, все считают главным тебя...

Оцепенев от неожиданности, Шеф не смог выговорить ни слова.

* * *

Когда последние замыкавшие колонну воины скрылись за изуродованными остовами домов, Рагнарссоны впервые посмотрели друг другу в лицо.

— Скатертью дорожка, — проговорил Убби. — Меньше ртов кормить надо, меньше ручонков будут к добыче тянуться... Да и что такое несколько сотен сторонников Пути? Слизняки, белоручки...

— Вигу-Бранда еще никто белоручкой не называл, — заметил на это Хальвдан. После того *holmgang'a* нападки братьев на друзей Шефа находили не слишком горячий отклик в его душе. — И потом, он — не человек Пути.

— Какая разница, кто они такие? — сказал Сигурд. — Они для нас теперь враги. Самое главное, что нужно знать о человеке, — враг он или друг. Но пока мы не можем позволить себе разбираться с ними. У нас есть и другие заботы...

И он выразительно ткнул большим пальцем в скопление людей, выжидательно стоящих на стене в нескольких ярдах

от братьев. То был архиепископ Вульфир со своими старыми друзьями-бенедиктинцами, среди которых сразу бросался в глаза своим сухопарым сложением и бледным цветом лица архидиакон Эркенберт, новоявленный хозяин монетного двора.

Ивар внезапно расхохотался. Братья смерили его довольным взглядом.

— А кто говорит, что нам нужно будет с ними разбираться? Они унесли с собой собственное проклятие...

* * *

Вульфир, в свою очередь, не спускал хмурого взгляда с удалявшейся колонны.

— Ну что ж, половина своры сгинула, — промолвил он наконец. — Если бы они это сделали раньше, нам, пожалуй, не пришлось бы договариваться с остальными. Но теперь мы пустили их за наши ворота. — Он говорил на латыни, дабы до варварских ушей не дошло ни слова из сказанного.

— В эти дни смуты мы должны быть мудры, как змеи, и хитроумны, как голуби, — на том же языке ответил ему Эркенберт. — Мы еще одолеем и тех, и других. И тех, что остались за воротами, и тех, что из них вышли.

— С теми, что остались, все ясно. Их теперь стало меньше, и с ними вполне можно справиться. Конечно, не нам, нортумбрийцам. Но ведь есть короли на Юге. И Бургред Мерсийский, и Этельред Уэссекский. Для того мы и послали увечного тана из Восточной Англии, привязав его между двумя пони. Пусть южные государи сами увидят, каковы они, викинги. Может, это чуть растормошит их спящие души. Однако скажи мне, Эркенберт, что же управляет теми волками, что ушли зимой бродить по лесу? И как нам поступить с ними?

Лицо архидиакона растянулось в подобии улыбки.

— Те, кто осмелился пойти в лес, быстро проголодаются. А эти головорезы привыкли набивать себе брюхо. Но в это время года любой кусок, вырванный у крестьянина, вырывается изо рта его ребенка. До весны новых припасов не появится. Так что им придется попотеть, прежде чем заставить керлов кормить себя... А уж я прослежу, чтобы каждая деревня загодя узнавала об их приближении.

* * *

Вылазки начались сразу после того, как короткий зимний свет просеялся сквозь тучи. Сначала все это напоминало детскую игру: из-за ствола дерева выглядывал керл, что есть мочи размахивался и запускал по ветру камень. Бывало, что и стрелял из лука. Каждый раз он сломя голову пускался наутек, даже не решаясь досмотреть, чем все закончилось. Затем мелкие группки набрались храбрости и стали подбираться все ближе. Тем из викингов, за спиной которых висели луки, приходилось нехотя их расшнуровывать, при этом следя за тем, чтобы не намочить тетиву, и отстреливаться. Другие же ограничивались тем, что прятали головы за щитами и всячески подтрунивали над англичанами, не решавшимися подойти ближе. Наконец один из них, не выдержав, метнул пикку в керла, который подошел с камнем ближе прочих; однако промахнулся и тут же с проклятиями ринулся через сугробы ее подбирать. Внезапно поднявшаяся метель на миг скрыла его от товарищей. Когда же она улеглась, викинга нигде не было видно. С большими усилиями воины с его ладьи заставили уныло бредущую колонну остановиться и, не ожидая ничего утешительного, отправились на его поиски. Когда через некоторое время они неуклюже ковыляли обратно с телом на руках, уже раздетым и обезображенным, вдогонку им было пушено еще с дюжину стрел. День клонился к вечеру.

Колонна растянулась по колее едва ли не на милю. Шкиперы и рулевые почем зря кляли и толкали в спины воинов, сбившихся в тесную кучку у телег, по флангам теперь прикрытыми лучниками.

— Они не смогут вас задеть, — раз за разом орал на них Бранд. — У них же только охотничьи луки. Просто кричите и стучите по щитам. Они со страху наделают в штаны и будут драпать не оглядываясь. А если кому ногу продырявит, навьючьте его, как мешок, на лошадь. Можете скинуть хлам с телег, если он вам будет мешать. Но только не останавливайтесь!

Вскоре англичане сообразили, как им действовать дальше. Враги их задыхались под грузом награбленной добычи, были закутаны поверх лат в тяжелые дерюги и плащи. С местностью они знакомы не были. А керлы знали здесь каждое деревце, кустик, тропку и лужу грязи. Спокойно могли ос-

таться в одних рубахах и рейтузах, проворно подскочить к вражеской колонне, нанести разящий удар и столь же молниеносно скрыться. Викинг к тому времени в лучшем случае успел бы выпростать руку из-под плаща. И уж теперь никто из них дальше чем на пару футов не отважился оторваться в непроглядной тьме от колонны.

Спустя какое-то время один из деревенских воевод решился на более серьезную вылазку. Человек сорок-пятьдесят керлов подкрались с западной стороны дороги, перебили первых попавшихся им викингов с помощью дубинок и тесаков и, похватав тела, поволокли их в лес, словно волки загрызенную жертву. Викинги, придя в бешенство, построились и ринулись в погоню. Когда же, рыча от бессильной ярости, не найдя ни единого человека, они возвращались вразброд к дороге, то заставляли здесь опрокинутые телеги, зарезанных животных, повозки с отодранным верхом, которые более не служили пристанищем для раненых: снег уже заметал свежие разводы человеческой крови...

Рыскавший без усталости взад и вперед по дороге, словно взбесившийся тролль, Бранд наконец отозвал в сторонку Шефа.

— Они, видать, решили, что сумеют нас здесь накрыть, — прошипел он. — Но как только начнет светать, я их взгрею как следует, чего бы мне это ни стоило. Долго будут это помнить.

Шеф, усиленно моргая заснеженными ресницами, воззрился на него:

— Вот и ошибаешься. Ты рассуждаешь как карл. Карл армии, которой больше не существует. Так что лучше бы нам позабыть навыки карлов. А вместо этого рассуждать так, как рассуждает почитатель Одина — каким ты меня считаешь, — повелитель битв.

— Ну и что ты можешь повелеть, мальчишка, который в битвах-то почти не бывал?

— Созови немедленно всех шкиперов... Крикни — пусть подойдут все, кто услышит...

И Шеф принялся что-то быстро чертить на снегу.

— Мы недавно прошли через Эрстрик — это вот здесь. Тогда снег был еще плотный. Значит, до Рикколлы нам осталось меньше мили пути. — В ответ многие понимающе закивали. Из-за постоянных набегов викинги худо-бедно разби-

рались в названиях окружающих деревень. — Теперь мне нужна сотня крепких молодых парней, подвижных, еще не уставших. Хочу с ними прямо сейчас овладеть Рикколлом. Захватим несколько человек пленных — пусть потом расскажут, как нам выследить остальных. К тому же в Рикколле можно остаться на ночлег. Вся деревня — пятьдесят халуп да церквушка-мазанка. Но если потесниться, то все уместится... Другая большая сотня — сто двадцать воинов — разобьется на четыре маленькие группы и будет патрулировать на флангах. Англичане, если только подумают, что могут встретиться нос к носу со смертью, близко не сунутся. К тому же без плащей им волей-неволей придется согреться бегом. А все остальные идут, не останавливаясь, в том же направлении. Смотрите за телегами. Как только доберетесь до Рикколлы, телегами и повозками загородите все просветы между хибарами. И скот, и люди должны будут разместиться внутри кольца. Потом сложим костры и попробуем устроиться удобнее. Бранд, начинай подбирать людей. Всем остальным — продолжать движение...

* * *

Спустя два наполненных событиями часа Шеф сидел на лавке в усадьбе рикколльского тана и пристально взирал на пожилого седовласого англичанина. Дом кишмя кишел викингами: кое-кто устроился на корточках, а кто-то уже растянулся на полу. Видны были клубы пара: пропитанная влагой одежда быстро сохла в помещении, согретом теплом десятков тел. Как заранее было велено, налетчики старались не замечать происходящего.

А меж тем сидящие за грубо обструганным столом люди по-прежнему не спускали глаз друг с друга. Шеф придвинул к себе кожаный сосуд с пивом, отпил сам и протянул сидящему напротив человеку с железным хомутом на шее.

— Ты же видел, как я сделал глоток, — сказал Шеф. — Значит, яда там никакого нет. Не дурачься, пей. Если бы я хотел для тебя дурного, можно было сделать это куда быстрее.

При звуке столь свободной английской речи трэль широко округлил глаза. Он взял сосуд и щедро влил в себя его содержимое.

— Кто твой господин? Кому ты платишь подати?

Перед тем как ответить, человек решил покончить с пи-
вом.

— Тан Эднот получил эту землю в кормление от короля
Эллы. Но он убит в бою... А остальным владеют бенедиктинцы.

— Ты с ними расплатился к прошлому Михайлову дню?
Если нет, надеюсь, ты надежно упрятал деньги. Монахи не
жалуют тех, кто уклоняется от уплаты податей.

Глаза раба заволокло страхом, стоило Шефу упомянуть
монахов и их подход к нерадивым плательщикам.

— Ну а если на шее у тебя хомут, ты лучше меня знаешь,
как монахи поступают с беглыми рабами... Ханд, покажи-ка
ему свою шею.

Ханд молча развязал тесьму, на которой висел амулет
Идуны, закатил ворот и явил взору раба мозоли и рубцы, ос-
тавленные годами ношения железного воротника.

— Встречал ли ты здесь беглецов, которые рассказывали
тебе об этой штуке... — Шеф подбросил на ладони амулет
Идуны и вернул его Ханду. — Или вот об этих... — С этими
словами он указал на Торвина, Фармана, Вестмунда и других
жрецов, расположившихся поблизости от собеседников. Те
по очереди и так же молча показали англичанину свои аму-
леты-пекторали.

— А если рассказывали, то, быть может, они говорили те-
бе, что таким людям можно довериться...

Содрогнувшись, раб опустил глаза.

— Я — добрый христианин... И слыхом ничего не слыхи-
вал о всяких языческих штуках.

— Я говорю с тобой о доверии. А не о язычниках и хри-
стианах.

— Вы, викинги, приходите затем, чтобы хватать здесь ра-
бов. А не для того, чтобы выпускать их на свободу...

Шеф нагнулся вперед и постучал по ошейнику.

— Вот это тебе досталось не от викингов. Ну да ладно.
Я — англичанин. Разве ты не понял еще этого по моей речи?
А теперь слушай хорошенько. Я собираюсь отпустить тебя.
Ты же должен найти тех, кто нападает на нас ночью, и ска-
зать им, чтобы они прекратили свои вылазки. Мы им не вра-
ги. Их враги остались в Йорке. Если они дадут нам спокойно
уйти, — обещаю, мы никого не тронем. А потом ты расска-
жешь своим друзьям об этом знамени.

И Шеф указал в противоположный угол помещения, где

за клубами дыма и пара виднелся выводок полковых шлюх.
Те, заметив обращенный к ним жест, поспешно вскочили и
растянули полотнище, которое они до того с необыкновенным
усердием вышивали. На нем, в обрамлении красного шелка,
найденного среди награбленного хлама на одной из телег, из
кусков белой полотняной материи, подернутой серебряной ни-
тью, вышит был кузнечный молот с двумя бойками.

— Другая армия — та, которая осталась в Йорке, — воюет
под другим знаменем, под знаменем черного ворона, птицы,
которая лакомится падалью. Знак, которым отмечают себя
христиане, — это знак страдания и скорой гибели. Но наш
знак — это знак людей дела. Скажи об этом всем. А сейчас
ты получишь от нас залог того, что способен в будущем со-
творить для тебя молот... Мы снимем с тебя ошейник!

Раб затрясся от ужаса.

— О нет... Бенедиктинцы, когда вернутся, они же...

— Казнят тебя через страшные муки. Что ж, запомни и
передай остальным. Мы предложили тебе свободу — мы,
язычники. Но из-за страха перед христианами ты пожелал
остаться рабом. А теперь иди!

— Я осмелюсь смиренно просить вас. Прошу вас, не уби-
вайте меня за то, что я сейчас скажу... Но ваши воины опу-
стошают погреба, в которых мы храним мясо. Они лишают
нас надежды пережить эту зиму. Если вы не остановите их,
то к весне вымрут многие детишки...

Шеф вздохнул. Предстоял тяжелый разговор.

— Бранд, расплатись с этим человеком. Он должен полу-
чить деньги. И смотри заплати ему настоящим серебром, а
не этими побрякушками, которые чеканит архиепископ.

— Мне заплатить ему?! — взревел Бранд. — Это он обя-
зан мне платить! Как я получу свой вергельд за убитых пар-
ней? Да и с каких это пор армия оплачивает свой постой?!

— Армии больше не существует. И никакого вергельда он
тебе платить не обязан. Ты и так без спросу гостишь на этой
земле... Так что заплати-ка ему. А уж я позабочусь, чтобы ты
от этого не обеднел.

Что-то бормоча себе под нос, Бранд принялся распуты-
вать тесьму на кошельке. А распутав, отсчитал шесть сереб-
ряных уэссекских пенни.

Раб долго отказывался поверить в то, что произошло.
Потом с минуту пялился на монеты, что теперь поблескива-

ли в его ладони, словно бы он никогда не держал в руках таких денег. Впрочем, так оно, скорее всего, и было.

— Я расскажу им, — едва не закричал он. — И о знамени сказать не забуду.

— Если ты это сделаешь и вернешься этой же ночью, я заплачу тебе еще шесть пенни — причем этим ты ни с кем делиться не будешь.

Когда, сопровождаемый воинами, которые должны были отвести его за огни караула, потрясенный раб удалился, Бранд, Торвин и остальные смерили Шефа осуждающими взглядами.

— Будь уверен: ни раба, ни денег тебе не видать, — сказал Бранд.

— Это мы посмотрим... Пока же мне нужны будут две большие сотни верховых. И чтобы лошади под ними были дюжие и кормленые. Выступим сразу после того, как вернется раб.

Бранд с треском распахнул ставню. На дворе всюду бушевала вьюга.

— И куда тебя на сей раз понесет? — буркнул он.

— Для начала я должен буду вернуть тебе твои двенадцать пенни. Есть у меня и другие цели... — Сосредоточенно насунив лоб, Шеф принялся что-то неспешно выцарапывать на поверхности стола острием ножа.

* * *

Бенедиктинцы из обители Св. Иоанна в Беверли, в отличие от братии церкви Св. Петра в Йорке, не были защищены от внешнего мира стенами легионов. Впрочем, взамен этого их данники, а также поселяне, обитавшие на равнинных землях восточной части Йоркширской пустоши, без особого труда могли вывести в поле две тысячи крепких воинов, не считая гораздо более многочисленных легковооруженных копьеносцев и арбалетчиков. В течение всей осени они считали, что набеги пришельцев им не страшны, — с оговоркой, что против них не выступит какое-либо значительное боевое соединение. Но к этому они особо готовились. Ризничий бесследно исчез со всеми наиболее драгоценными реликвиями монастыря, а появившись днями позже, счел необходимым переговорить наедине только с самим настоятелем. Монахи держали в постоянной готовности половину всех своих

ополченцев; другим же поручено было надзирать за ходом сбора урожая и заготовками на зиму.

И прошлым вечером у них наконец отлегло от сердца. Лазутчики донесли, что Великая Армия распалась надвое, что часть ее и вовсе пожелала отправиться на юг, то есть вдаль от монастырских владений. И однако в середине зимы ночь в Англии длится от заката до зари шестнадцать часов; а этого вполне довольно, чтобы решительно настроенные верховые сумели одолеть расстояние в сорок миль. Первые несколько миль проводник вел их по извилистым и раскисшим проселочным тропам; в дальнейшем же, когда начались пригодные для верховой езды дороги пустоши, всадники начали набирать скорость. Небольшие задержки каждый раз вызывались необходимостью обойти стороной каждое лежащее на пути поселение. Проводник по имени Тида превосходно справился со своими обязанностями и оставил их лишь тогда, когда на фоне бледнеющего небосвода замаячила остроконечная кровля самой обители. Из сторожевых домишек в тот миг как раз высыпали заспанные рабыни, чтобы начать разводить костры и молоть на утреннюю кашу пшено; с невообразимым писком и причитаниями заскакивали они внутрь, стаскивали с отмахивающихся вояк одеяла, слыша в награду за свое усердие проклятия, которые очень скоро вкупе со всем остальным создавали невообразимый переполох, без которого, похоже, англичане не умели взглянуть в лицо неожиданностям.

Распахнув настежь огромные деревянные двери, Шеф шагнул в обитель, ведя за собой нетерпеливо протискивающих вперед товарищей.

Обитель встретила их гулками антифонами монашеского хора, разместившегося по обе стороны нефа и исполнявшего сладкозвучные гимны с призывом Христу явиться на этот свет. Других верующих не было видно, хотя с дверей были сняты засовы. Каждый день возносили монахи хвалебные псалмы, независимо от того, были ли рядом единоверцы. Впрочем, студеным зимним утром на их появление едва ли можно было рассчитывать.

За все то время, что викинги, по-прежнему укутанные в вымокшие одежды, не извлекавшие мечей, если не считать алебарды Шефа, шли вдоль одного из приделов по направлению к алтарю, настоятель не спускал с них оцепеневшего от

ужаса взгляда. Неожиданно для себя Шеф почувствовал, как испуганно мечутся его дух и ум, — дух и ум человека, возвращенного пред ликом величия Церкви.

Он начал было откашливаться, понятия не имея, что должен сказать в первую очередь.

Позади же него находился Гудмунд, шкипер ладьи, приплывшей со шведского побережья Каттегата, которому были не слишком ясны причины подобного замешательства. Всю свою жизнь живя мечтой, что и ему выпадет счастье потрошить какой-нибудь скопивший громадные богатства монастырь, он не мог допустить, чтобы все сорвалось по вине какого-то недотепы. Нежным движением приподняв молодого воеводу в воздух и поставив его так, чтобы он ему больше не помешал, Гудмунд схватил ближайшего к себе монаха за черную рясу и что есть силы швырнул его на алтарь, достал из-под плаща топор и выразительно вонзил его в перила, преграждавшие мирянам доступ к алтарю.

— Начинайте хватать черные рясы, — прорычал он. — Всех их загоняйте вон в тот угол. Тофи, соберешь эти подсвечники. Франи, я хочу вон то блюдо. Снок и Угги, вы у нас легонькие, видите там наверху статуя? — он указал на висящего высоко над алтарем распятого Христа, взирающего на них печальным взором. — Слазайте-ка за ней и попробуйте заодно снять корону. Сдается мне, она не поддельная... Остальным — перевернуть тут все вверх дном. Забирайте все, что блестит. Я не собираюсь ничего оставлять тем недоноскокам, что остались в Йорке. Так, а ты... — И он шагнул в сторону настоятеля, который в этот миг постарался слиться со спинкой своего кресла.

И в тот же миг между ними вырос Шеф.

— Вот что, святой отец, — начал он по-английски. При первых же звуках родной речи настоятель воззрился на него, как ошпаренная ящерица. Был в том взоре и ужас, но еще больше — испепеляющей ненависти. Все колебания улетучились. Шеф подумал о человеческих кожах, которыми покрывали монахи двери своей обители — этой и многих других. О человеческих кожах, сдираемых с живого тела за грех святотатства, за то, что несчастный додумался наложить руки на церковную собственность. И сердце его окаменело.

— Скоро здесь будут твои стражи. Хочешь жить — прикажешь своим людям не совать сюда носа.

— Нет!

— Тогда встречай смерть, — и острие алебарды уперлось настоятелю под кадык.

— Сколько времени вы хотите? — Его трясущиеся руки заметались вокруг алебарды, но не смогли ее оттолкнуть в сторону.

— Немного. А потом можете поохотиться за нами. Вам же захочется вернуть награбленное. Так что делай, как я говорю.

Сзади послышались звуки возни. Гудмунд тащил к алтарю какого-то монаха.

— А вот, по-моему, ризничий, — сказал он. — Правда, утверждает, что ризница у них пуста.

— Это верно. Всю утварь мы припрятали несколько месяцев назад, — произнес настоятель.

— Что припрятано, то не потеряно, — ответил на это Гудмунд. — Начнем с самого молоденького, просто чтобы они поняли, что я не шучу. Одного-двоих без головы оставим, казначей как шелковый заговорит.

— Этому не бывать, — сказал Шеф. — Мы уведем их с собой. Тот, кто следует Пути, не может убивать человека. Это запрещают боги Асы. У нас и так недурной улов. А теперь выведи их так, чтобы стражники могли их видеть. У нас впереди еще долгая дорога.

В рассеивающемся сумраке взгляд Шефа нашупал нечто висящее на стене и представлявшее собой, по-видимому, гладкий лист тонкого пергамента с диковинным узорочьем.

— Что это? — спросил он настоятеля.

— Таким, как ты, эта вещь не нужна. Золота там нет, серебряной рамы — тоже. А называется она *mappamundi* — карта мира.

Шеф резким движением сорвал карту со стены и засунул ее поглубже под рубаху. Воины уже подталкивали настоятеля и монашеский хор к выходу, чтобы выставить их на обозрение беспорядочной ватаги англичан, едва успевших к тому времени подняться с постелей.

— Нам сюда уже никогда не вернуться, — промычал Гудмунд, крепче стискивая позвякивающий мешок.

— А мы и не собираемся, — отвечал ему Шеф. — Подожди немного и все поймешь.

Бургред, король Мерсии, одного из двух значительных королевств Англии, до сих пор не завоеванных викингами, оказавшись у дверей, ведущих в его покои, чуть помедлил, решил избавиться от изрядного числа сопровождающих и приспешников и позволил стянуть со ступней пропитанные снегом сапоги, заменив их на чудесные туфли из дубленой кожи. Его ожидала приятная минута. По его распоряжению, в покои прибыли тот юноша со своим отцом, а также этелинг Альфред, который должен был представлять здесь своего брата Этельреда, короля Уэссекса — еще одного сохранившего независимость могущественного королевства.

Предстояло им ныне решить судьбы Восточной Англии. Ее король был мертв и не оставил после себя наследника. Народ роптал и питался слухами. Впрочем, не приходилось сомневаться, что если бы Бургреду взбрело в голову пойти на них войной, дабы сделать Восточную Англию частью своей Мерсии, он бы встретил самое яростное сопротивление. И, как часто бывало, англичане вновь принялись бы проливать кровь друг друга. Однако был и другой ход — предложить им в повелители человека местного, человека вполне знатного, который тем не менее всем — и прежде всего войском, с которым он прибыл на родину, — был бы обязан ему, Бургреду; и это бы, пожалуй, они проглотили.

А уж особенно если вспомнить о том, что у этого самого дворянина — и благодарного ему во всем юноши — был столь незаменимый отец! Это ведь не просто человек, это... живая верительная грамота викингов, — вдруг мрачно ухмыльнулся про себя Бургред. Да кто осмелится ополчиться против такого — пусть даже подставного — лица! В сущности же — лица на подставке, вновь состриг король. И молча воздал хвалу тому благословенному часу, когда на растянутых между двумя пони носилках этот человек въехал в его город.

А какой красавицей обзавелся этот Альфгар! И как все было трогательно обставлено: едва пони приблизились, юноша, не дожидаясь, когда расстегнут лямки на носилках, бросился перед отцом на колени и громко выпрашивал его прощения за то, что осмелился жениться без его согласия! Вообще-то паре этой, с учетом испытаний, выпавших на их долю,

можно было простить что угодно, однако Альфгару и в голову не пришло уклониться от сыновнего долга. На нем была печать тех чувств, которые рано или поздно возвысят англичан над другими народами. Чувства долга и чести — так бы назвал их он, Бургред. *Gedafenlicnis*.

А вот что на самом деле шепнул коленопреклоненный Альфгар отцу: «Я женился на Годиве, отец. Я помню, что она моя единокровная сестрица. Но не вздумай об этом болтать: иначе я тут же всем скажу, что ты от пережитого повредился рассудком. А дальше у тебя могут возникнуть неприятности. Знаешь, безрукого человека придушить недолго... И, главное, не забывай: мы же оба твои дети. Если нам повезет, внуки твои станут зваться принцами. Это самое меньшее».

Когда же миновало первое потрясение, Вульфгар порешил, что все не так страшно. Что верно, то верно, настоящая инцест — кровосмешительство, на родном языке. Но что значит подобный пустяк? Вот, например, Трит, его собственная жена, прелюбодействовала с викингом-язычником, и кому до этого было дело? А если у Альфгара и Годивы родится от инцеста дитя, подобно тому, как родилось оно у Зигмунда и его сестры, о чем повествуют нам старинные предания, то оно, во всяком случае, будет не хуже того ублюдка, которого он, как осел, когда-то дал согласие вырастить...

Как только король Мерсии размашистым шагом вошел в комнату, сидевшие в ней мужчины поспешно вскочили и поклонились. Красавица же из Восточной Англии приветствовала его поклоном, исполненным на новый манер, позаимствованный у франков. Двое прислужников, которые до того о чем-то спорили вполголоса, приподняли устеленный одеялами короб с телом Вульфгара и поставили его сначала к стене, а затем, по мановению руки короля, на высокое кресло с ручками, ибо *heimnar* не смог бы поддержать в равновесии свое туловище. Все остальные, за исключением короля, также расселись.

— У меня есть вести из Юфорвича, — начал Бургред. — Эти вести свежее тех, что принес нам ты, — кивок в сторону Вульфгара, — и вести эти счастливые! Так или иначе, они побудили меня действовать. Ибо по всему выходит, что после сдачи города и короля Церковью...

— Назови вещи своими именами, государь, — оборвал

его молодой этелинг из Уэссекса. — Король Элла был вероломно предан людьми, которых он взялся защищать...

Бургред насторожился. Юнец этот, он давно приметил, не отличается особой почтительностью ни к королям, ни к церковным иерархам.

— После сдачи в руки язычников короля Эллы, Рагнарссоны подвергли его лютой участи. В особенности же поусердствовал тот, кого они кличут Бескостным. Как и в случае с твоим бедным государем Эдмундом, — вновь кивнул он в сторону Вульфгара. — И однако казнь эта вызвала разлады среди их войска. До нас дошла странная весть, что казнь будто бы закончилась тем, что тело короля было пробито какой-то гигантской стрелой, пущенной из *машины*. Из-за этих машин якобы и произошел раздор. Впрочем, нам важно то, что это произошло. Ибо армия викингов отныне расколота на две части.

Мужчины удивленно и радостно хмыкнули.

— Одна их часть покинула Юфорвич и направилась на юг. Часть хотя и меньшая, но вполне боеспособная. Спросим себя, зачем и куда они идут? И я отвечу — идут они в Восточную Англию, идут туда, откуда явились...

— И назад к своим ладьям, — вернул словцо Альфгар.

— Что же, вполне возможно. Причем сдается мне, восточные англты не захотят мериться с ними силами. Своего короля они уже потеряли, а с ним — в той битве при Стауре — и лучших ратоборцев дружины. Спаситься удалось лишь тебе, юноша, и только благодаря твоей беспримерной отваге. Я помню, что все вы твердите одно, — король бросил на Альфреда чуть снисходительный взгляд, — что настало время дать викингам бой... А посему я решил послать в Восточную Англию воеводу, которому дам в придачу крупную дружину. Она будет там его опорой, покуда ему не удастся собрать свое собственное войско... Им будешь ты, юноша, — Альфгар, сын Вульфгара. Родом ты из Норфолка. Твой отец был таном при короле Эдмунде. Твоя семья больше всех пострадала, больше других вынесла потерь. Тебе и поднимать королевство!.. Впрочем, называться твоя страна будет не королевством, а немного по-другому...

Бургред почувствовал, как вцепился в него колючий взгляд этелинга Альфреда Уэссекского: те же лазурные, как у Альфгара, очи, те же белокурые локоны — ни дать ни взять

принц королевской крови. И однако ощущалось в нем бие-ние некоей особенной жилки — несговорчивости, что ли. И еще — ума. Ведь оба они понимают, что Восточная Англия может стать камнем преткновения. У Бургреда Мерсийского прав на нее несколько не больше, чем у Этельреда Уэссекского. Причем тот король, который отвоюет себе сей лакомый кусок, станет неоспоримо сильнее другого.

— Как же будет именоваться мой титул? — осторожно осведомился Альфгар.

— Ольдермен, — спокойно отозвался король. — Ольдермен Норфолка и Суффолка.

— Но ведь это два разных шайра, — возразил Альфред. — Человек не может стать ольдерменом сразу в двух шайрах.

— Времена меняются, — сказал Бургред. — Но вообще-то в том, что ты говоришь, есть своя правда. Со временем, Альфгар, ты сможешь рассчитывать на новый титул. У священников это называется *subregulus*. Станешь вице-королем. А потому ответь — присягнешь ли на преданность мне и моей Мерсии?

Не говоря ни слова, Альфгар повалился Бургреду в ноги и простер руки между его колен в знак признания его верховенства. Король похлопал его по плечу и легонько обнял.

— Пройдет немного времени, и мы все оформим подобающим образом. А пока мне хотелось знать, вполне ли мы друг друга понимаем. — Он повернулся к Альфреду. — Да-да, юный этелинг, что до тебя, то ты, разумеется, нас здесь не поймешь. Что ж, расскажи своему королю и брату, как обстояло дело. Пусть же он держится своего берега Темзы, а я останусь на другом. Но от севера Темзы до юга Гембера простираться отныне моей стране. Быть по сему.

Бургред сполна насладился напряженной тишиной, сковавшей присутствующих в этот судьбоносный миг, и продолжал:

— Но вести, которые нам рассказывают, и впрямь диковинные. Рагнарссоны, которые были во главе Великой Армии с начала всего похода, остались сидеть в Юфорвиче. А те же, кто с ними порвал, судя по слухам, вовсе не имеют воевод или имеют их в большом множестве. Нам доносят, будто один из воевод — чуть ли не самый важный из них — по рождению англичанин, а по речи своей, как утверждает посыльный, — уроженец Восточной Англии. Что же до его имени,

то посыльный лишь мог повторить то, как кличут его викинги, — а они по-английски говорят до того скверно, что я никак не могу взять в толк, каково же настоящее его имя. Викинги называют его Скьёф Сигвардссон. И как же это может звучать по-английски? Или, скажем, на восточноанглийском?

— Шеф! — вдруг вскричала все это время молчавшая красавица. Скорее — выдохнула. А ее глаза, ее чудные глаза с поволокой, вдруг заискрились таким светом, что муж ее уставился на нее так, будто уже примерялся для хлесткого удара розгой. Тем временем тесть ее и отец вытаращил глаза и покрылся красными пятнами.

— А ведь кто-то сказал, что видел его мертвым, — прошипел он.

— Вскоре так оно и будет, — отвечал сын. — Мне нужны люди...

* * *

А в двухстах милях к северу от этого места Шеф снова и снова вертелся в седле, чтобы лишний раз убедиться в том, что замыкающие не начали отставать: сегодня колонну особенно важно было удерживать в пределах слышимости. Ибо дорожную грязь, оставленную его отрядом, месил другой, превосходящий его собственный не менее чем вчетверо, но не смевший напасть на них, поскольку в руках Шефа находились заложники, монахи обители Св. Иоанна вместе со своим настоятелем Саксвульфом. Но важно было и не сбавлять скорости, так как, невзирая на утомительный ночной переход, следовало опередить новости об их приближении и тем самым предотвратить любые попытки подготовиться к их приему.

С каждой милей все сильнее становился манящий аромат моря. И наконец, когда они одолели небольшой подъем, величаво возвысился перед ними мыс Фламборо, который не спутаешь ни с какой другой приметой. Завидев его, Шеф гиканьем и яростными взмахами заставил прибавить в скорости передних всадников.

Гудмунд отставал от него всего на пару ярдов. Рука его по-прежнему цепко держала под уздцы лошадь настоятеля. Шеф поманил его.

— Сейчас держись рядом. И главное — настоятель должен быть у меня под рукой...

И, зычным окриком заставив припустить рысью своего подуставшего мерина, он нагнал кавалькаду в тот самый момент, когда сто двадцать разбойников с тридцатью заложниками, проделав долгий спуск, вихрем ворвались в неказистые улочки нищего Бридлингтона.

Мигом поднялся переполох. Заметались женщины, прижимая к груди завернутых в грязные пеленки младенцев с посиневшими коленками; мужчины хватались было за копья, но тут же бросали их и припускали что есть к мочи к берегу, надеясь найти спасение в лодках, остовы которых чернели на припущенном снегом грязном песке. Шеф крутился по узким улочкам, постоянно подталкивая вперед в качестве приманки легко узнаваемого в своей черной рясе настоятеля.

— Мир! — вопил он. — Мир! Мне нужен только Ордлаф!

И он, Ордлаф, уже готовился предстать перед ним. Бридлингтонский рив, человек, захвативший в плен самого Рагнара — хотя никому и в голову не пришло отблагодарить его за это. Ошеломленно поглядывая на викингов и бенедиктинцев, он шагнул навстречу врагам. Хочется этого ему или нет, он, староста, принужден был ответить за все.

— Ну-ка, покажи ему настоятеля! — шелкнул пальцами Шеф. — И смотри, чтобы те, кто сзади, ближе не подходили... — Он поманил Ордлафа. — Помнишь? Мы с тобой раз встречались. Когда ты накрыл своим неводом Рагнара.

Спрыгнув с седла и всадив свою алебарду глубоко в песчаную почву, он положил руку на плечо старосты, увлек его в сторону для разговора, подальше от ушей метавшего на них свирепые взгляды настоятеля, и тон взял самый решительный...

— Но это невозможно, — произнес Ордлаф минутой позже. — Из этого ничего не выйдет.

— Почему бы нет? Да, открытое море, и погода дрянная, но ветер-то дует западный.

— Юго-западный с уклоном на запад... — непроизвольно вырвалось у Ордлафа.

— Поймаешь его на левый галс и пройдешь с ним к югу. Дотянешь до самого Сперна. Тут миль двадцать пять, больше не будет. Дотемна будешь на месте. Я же не прошу тебя пере-

сечь океан. А если море переменится — бросим якорь и переждем непогоду.

— Когда будем заворачивать к Сперну, придется идти против ветра. Мы себе руки надорвем...

Шеф многозначительно махнул большим пальцем поверх своего плеча.

— В твоём распоряжении лучшие гребцы всех морей. Можешь посадить их куда надо, а сам будешь стоять сзади у рулевого весла, как большой хозяин...

— Ну, хорошо... А что случится, когда я вернусь сюда, а настоятель пришлет сюда своих людей? Они выпотрошат из меня все кишки!

— Ты же спасешь ему жизнь!

— Что-то я не верю, что ему захочется меня отблагодарить.

— Во всяком случае, ты не обязан торопиться с возвращением. И у тебя будет время спрятать то, что мы тебе заплатим. А расплатимся мы серебром из их монастыря. Твоим же серебром! Это подати, которые они выкачивали из тебя. Спрячь, а потом переплавь. Они в жизни не найдут его следов.

— Хорошо... А почему я должен быть уверен в том, что вы просто не перережете мне глотку? А заодно и моим ребятам?

— Уверен ты быть не можешь. Но выбор у тебя небольшой. Смотри сам.

Рив еще с полминуты колебался. Вспомнил он и Мерлу, двоюродного брата жены, которого без его ведома настоятель превратил в раба. А пуше этого ужаснуло его мгновенное воспоминание о жене самого Мерлы, которой приходится кормить себя и своих детишек брошенным ей подаванием.

— Я согласен, но... Покажите им, будто вы меня заставили силой.

Шеф зарычал как бешеный зверь и со всего размаху стукнул рива по голове. Вытащил из ножен кинжал. Только после этого рив повернулся к своим людям и начал раздавать команды. Те вяло повиновались: начали ставить мачты, выволакивать из сараев паруса. Плотным строем викинги спустились к воде, толкая перед собой пленников. А всего в пятидесяти ярдах за их спинами пятьсот английских верховых изнемогали от желания вырезать маленький отряд до того,

как он скроется в море вместе с заложниками, но мечи, занесенные над тонзурами, убедили их этого не делать.

— Удержи их, — приказал Шеф настоятелю. — Обещаю, что половина твоих людей будет освобождена, как только мы окажемся в лодках. А остальные вместе с тобой отплывут на ялике после того, как мы выйдем в море.

— Надеюсь, ты соображаешь, что сейчас мы теряем всех лошадей, — угрюмо проронил Гудмунд.

— Один раз ты их своровал. Своруешь еще разок...

* * *

— ...а в устье Гембера мы входили на веслах, когда смеркаться начало. Приглядели безопасное местечко и втащили лодки на берег для ночлега. А утром гребли вверх по речке, пока не встретились с вами. Мы и улов с собой захватили...

— И каков он? — осведомился Бранд, заседавший среди членов этого совета.

— Я уже успел его взвесить, — объявил Торвин. — Дарохранительницы, подсвечники... потом эти коробочки, в которых христиане хранят фаланги пальцев своих святых, эти штуки для разжигания ладана... и еще монеты. И много монет. Я думал, что монахам-то уж не полагается стяжать блага этого мира, однако Гудмунд уверяет, что у них у всех звенят кошельки — стоит их только потрясти хорошенько. Итак, даже за вычетом того, что он отдал рыбакам, у нас все равно остается... девяносто фунтов серебра... И главное, у нас есть золото. Та корона, которую вы сорвали с их Бога, оказалась из чистого золота. Причем на вес очень тяжелого. И блюда эти — тоже. Это еще четырнадцать фунтов. Мы исходим из того, что фунт золота ценится дороже фунта серебра в восемь раз. Значит, это можно посчитать за восемь стоунов серебра: и получаем еще центнер, который надо прибавить к твоим девяноста двум фунтам.

— Итого — двести фунтов, — задумчиво произнес Бранд. — Теперь нам нужно все распределить по кораблям. А дальше пусть все решает команда.

— Нет, — не согласился Шеф.

— За последние дни ты другого слова не сказал, — заметил Бранд.

— Это потому, что я знаю, что надо делать, а другие ни-

чего не хотят смыслить. Деньги эти — не для дележа. Это наша армейская казна. Для этого я за ними и ходил. Поделим мы их — и каждый чуточку станет богаче. А я хочу, чтобы все мы вместе разбогатели по-настоящему.

— Если ты сумеешь это объяснить воинам, — сказал Торвин, — думаю, они с тобой согласятся. Это ведь ты добыл эти деньги. Тебе и решать, как толковее их использовать.

Шеф извлек из-за пазухи *mapramundi*, которую сорвал с монастырской стены.

— Взгляните-ка на эту штуку, — сказал он.

Дюжина викингов склонилась над огромным листом тонкого пергамента. Постепенно на лицах обозначилась разная степень недоумения.

— Может кто-то это прочесть? — спросил Шеф, указывая на неразборчивые чернильные каракули.

— Вот здесь, в середине, — сказал Скальдфинн, жрец Хеймдалля, — там, где картинка, — написано «Иерусалим». Это священный город христиан.

— Как всегда, ложь, — сказал Торвин. — Смотрите — эта черная кайма, по всей видимости, обозначает океан... огромное море, которое омывает Мидгард. Таким образом, они хотят доказать, что их священный город лежит прямо в середине мира. Этого и следовало ожидать...

— Смотрите-ка лучше по краям, — рявкнул Бранд. — Может, там найдутся места, которые и нам известны. А если они и насчет них наврали, то вся эта штука ничего не стоит, и тогда Торвин прав.

— Тут написано: «*Dacia et Gothia*», — прочитал Скальдфинн. — «*Gothia*»... Должно быть, они имеют в виду страну *Gautar*, которая южнее шведов... Хотя, быть может, так они называют Готланд. Но ведь всем известно, что Готланд — это остров, а здесь он — часть материка. А дальше... дальше у них находится... Болгария.

Члены совета разразились дружным хохотом.

— Болгары воюют с императором греков, в Миклагарде, — провозгласил Бранд. — Да от гаута до ближайшего болгарина два месяца пути!

— А по другую сторону от Готии написано «*Slesvic*». Ну, это хоть ясно. Мы знаем с вами, что Шлезвиг — это датская земля... Но здесь еще кое-что приписано: «*Hic abundant leones*». А это значит — «Здесь обитает множество львов».

Викинги так и покатались со смеху.

— Бывал я на рынке в Шлезвиге — не меньше дюжины раз, — кричал Бранд. — И встречал людей, которые говорили, что встречались со львами. Это такие огромные кошки, водятся они в жаркой стране, южнее Сардинии. Но уж в Шлезвиге точно львов отродясь никто не видывал. Зря только старался, когда сюда волок эту... как ты ее называешь... *манну*. Сплошная галиматья, как и все, что христиане почитают за мудрость.

Но Шеф продолжал пытливо водить пальцем по строкам, бормоча под нос буквы, которым кое-как обучил его отец Андреас.

— Тут попадают и кое-какие английские слова. И рука их написала другая. Вот здесь написано «*Suth Bryttas*» — южные бритты...

— Он имеет в виду бретонцев, — объяснил Бранд. — Они живут на большом полуострове по другую сторону Английского моря.

— А это ведь не настолько неверно. Значит, иногда *mapra* говорит правду. Взгляни-ка вот сюда...

— Все равно мне не понять, как мы собираемся там разбогатеть, — сказал Бранд. — Ты же обещал в скором времени этим заняться.

— Разбогатеет мы не там, — Шеф свернул пергамент и отбросил его в сторону. — Но эта вещь поможет нам это сделать. Нам еще надо набрать множество важных сведений. Вспомните — если бы в тот день, когда мы попали в пургу, мы бы не знали, где находится Рикколл, мы бы потеряли друг друга из виду, а керлы с удовольствием перерезали бы нам глотки. Когда я выступил в Беверли, я знал только направление, но в жизни бы не нашел монастырь, не будь с нами проводника, объездившего все дороги в округе. А Бридлингтон и того человека, который согласился нас вытащить из западни, я отыскал только потому, что однажды уже побывал на этой дороге... Теперь понимаете? Каждый из нас знает не так и мало, но держит наше знание в своей голове. И ведь нет такого человека, который бы смог нам ответить на все вопросы. Эта *mapra* может стать ларцом, в котором бы хранились знания, важные для множества разных людей. Теперь, если нам понадобится, мы сможем отыскать дорогу в

страну, в которой никто из нас не бывал. Мы сможем заранее выбрать направление, даже прикинуть расстояние...

— Значит, *mapra* — это теперь наша голова, — резко вклинился Бранд. — Отлично. А теперь поведай нам, как мы разбогатеем.

— У нас есть еще одно очень ценное приобретение, — сказал Шеф. — И уж им-то мы обязаны не христинам. Торвин вам все расскажет. Я выкупил его сам. А передал мне его Мунин — ворон Одина. Недешево оно мне обошлось. Покажи им, Торвин...

Из-под исподней рубашки Торвин вытащил тонкую квадратную дощечку, испещренную крохотными руническими письменами. Каждая из буквочек была выцарапана ножом, а затем залита красной краской.

— Это загадка. Тот, кто загадку отгадает, найдет кладовые Редвальда, короля Восточной Англии. Вот что искал там Ивар прошлой осенью. Но тайна эта ушла в могилу вместе с королем Эдмундом.

— Королевские кладовые... — протянул Бранд. — Да, этим можно заняться... Но сначала нужно решить эту загадку.

— Вот тут нам и пригодится *mapra*! — твердо произнес Шеф. — Если мы начнем записывать все ценное, что нам удастся узнать, то когда-то по крупницам наберем все сведения, необходимые для решения загадки. А если не станем записывать, то в один прекрасный день, когда мы получим самые последние сведения, мы забудем, что было вначале... И это еще не все... — Внезапно образы памяти застили ему взор. Он вспомнил, как распростерлась под ним земная поверхность. Из всех людей такой она являлась только ему... — Вот взять, к примеру, эту *mapra*. Тут же сокрыта одна великая премудрость... Ты словно рассматриваешь мир, сидя на облаке. И он у тебя весь как на ладони. Так, наверное, его орел видит. И в этом заключается истина...

Шведский шкипер Гудмунд вывел викингов из задумчивости:

— Нам пока рано что-то рассматривать или искать. Сначала нужно решить, куда мы двинемся дальше.

— Правильно, — поддержал Бранд. — Но еще важнее решить, кто этой армией руководит. И по каким законам она живет. Когда все мы входили в состав Великой Армии, то придерживались нашего старого *hermannan lug* — устава вои-

на, — завещанного нам предками. Но потом Ивар Бескостный его преступил — а теперь нам и самим не хочется к нему возвращаться... И хоть вижу я, что не все среди нас носят такие подвески, — он бросил многозначительный взгляд на Шефа и Гудмунда, — однако ж я все равно считаю, что следует нам жить по одному закону. И пусть закон этот зовется *Vegmanna lug* — законом людей Пути. Первым же шагом к этому будет решение, принятое на общем сходе воинов, которое должно определить, кому войско доверит вершить над собою власть и устанавливать законы...

Все принялись обсуждать сказанное, а тем временем внимание Шефа, как часто с ним случалось, полностью переключилось с завязавшегося спора на дела совсем другие, занимавшие его куда более этих... Он уже знал, как им надо поступить: как можно скорей уйти из Нортумбрии, дабы обезопасить себя от Рагнарссонов; стремительно пройти через земли Бургреда, могущественного повелителя Мерсии, и утвердить свою власть над лишенной правителя Восточной Англией, предложив населению защиту в обмен на содержание и подати. Защищать они их будут от других королей, от жадности настоятелей и епископов. А размер податей спустя совсем недолгое время должен удовлетворить даже аппетитам Бранда.

А пока ему еще надо поломать голову над этой картой, маппой. Да и над этой загадкой... И самое главное, уж если суждено армии Пути ломать хребты всякому дикому зверю, то он обязан обеспечить ее новым оружием. Новыми машинами...

Когда же в сознании его стали вырисовываться контуры новой катапульты, в его блуждающую мысль внезапно вклинился чей-то голос, который упорно доказывал, что в совете войска необходимо предусмотреть несколько мест для родовой знати.

И тогда одно из них достанется его отцу Сигварду, который в последний момент со своими командами нагнал уходящую из Йорка колонну. Но ему, Шефу, было бы лучше, если б тот остался там, где был. Так же как и его сынок с лошадиной челюстью — Хьёрвард. Впрочем, может, им и не придется встречаться. Возможно, армия не одобрит этого решения о ярлах...

И тут Шеф вновь задумался над тем, как ему совладать с тем громоздким, многопудовым противовесом... Пальцы Шефа ощутили знакомый зуд. Они истосковались по молоту.

За четыре последующие недели тоски этой порядком прибавилось. И вот он стоит подле собственной катапульты, неподалеку от бивуака, разбитого Армией Пути на зиму. Впрочем, если бы сыны Ромула могли видеть эту катапульту, они бы ее не узнали.

— Ну, опускайте, — крикнул он восьмерым своим помощникам.

Длинный рычаг, скрипя, скользнул в ожидавшие его руки. В кожаной праше, подвешенной на двух крючках, лишь один из которых был закреплен, раскачивалось теперь десятипудовое ядро.

— Натяните! — скомандовал Шеф. И тогда восемь дюжих викингов, стоявших у другого рычага катапульты, налегли всем своим могучим весом на канаты и изготовились к решающему усилию. Шеф почувствовал, как рычаг, представлявший собой отпиленную над самой палубой мачту ладьи — а было в той без малого шестнадцать футов, — вздыбившись под действием двух сил, начал потихоньку поднимать его над размягшей землей.

— Налегай!

Викинги дружно повиновались, вложив в этот рывок вес собственного тела вкупе с мощным усилием мышц спины, и сделали это до того слаженно, что, любуясь на них, можно было вообразить, будто эти великаны лихо брасуют рей корабля где-нибудь в волнах коварной Атлантики. Короткий рычаг катапульты мигом сиганул вниз. А длинный взмыл ввысь. Праща с ужасающей скоростью прочертила в воздухе круг, в заданной точке сорвалась с одного из колец, расслоилась и вмиг опустела.

Ядро воспарило в хмурые небеса. Потом, дойдя до крайней точки траектории, оно, казалось, застыло в неподвижности, пока наконец не кануло вниз, зарывшись в мягкую разжиженную почву. Место падения было от места взлета шагах в двухстах пятидесяти. Туда тотчас же устремились с десяток одетых в лохмотья людей, во что бы то ни стало желая быть первыми у диковинной глыбы и завладеть ею навсегда.

— Опускай! — во всю мощь легких заорал Шеф. Его подчиненные, как обычно, даже не оглянулись. Наблюдая за су-

матой на другом конце полигона, они гикали, резвились, поздравляли друг друга хлопками по спине.

— Чтоб мне провалиться, да оно на целый фарлонг садануло, — промычал Стейнульф, один из рулевых Бранда.

— Опускай! Мы сейчас проверяем не на дальность, а на скорость! — взревел Шеф. Наконец викинги соображали обратить внимание и на него. А один из них, судовой повар Ульф, вразвалочку подходя к Шефу, любовно постучал его по спине.

— Да подтереться бы ей, твоей скоростью, — дружелюбно пробубнил он. — Надо будет заработать быстрее — не бойся, сделаем. А сейчас — пора бы уж об обеде подумать...

Его приятели ответили согласными кивками и начали собирать свои куртки, повешенные на подпорки катапульты, из-за которых вся конструкция слегка смахивала на виселицу.

— И развлеклись, и дело сделали, — заявил гебридец Кольбейн. Новообращенный, он шеголял ныне фаллосом, амулетом Фрейра. — А завтра вернемся. Надо же и о желудке не забывать.

Шеф смотрел, как удаляются они к изгороди, за которой одна к другой лепились палатки и грубо крытые сараи, и сердце его изнывало от бессильной ярости.

Замысел этой новой конструкции он позаимствовал у рыбаков Ордлафа, когда те натягивали снасти на мачте своего суденышка. Та исполинская машина, что три месяца тому назад одной выброшенной глыбой вдребезги разбила Рагнарссонов таран, мощью своей обязана была противовесу. Сам же противовес ценой невероятных усилий подтягивали с помощью лебедки. В конце концов, сила противовеса лишь вмещала в себя сумму усилий тех людей, что вращали колесо лебедки.

Итак, зачем же одну силу подменять другой? Не лучше ли вместо этого расставить людей у короткого рычага, чтобы они по команде опускали его вниз? Ведь с небольшими камнями вроде тех, которым они смогли кое-как придать условно округлую форму, эта новая машина — викинги прозвали ее камнетолкалкой — справлялась просто на славу.

Метала она снаряд почти по прямой траектории, так что можно было брать прицел с погрешностью всего в несколько футов. Выбрасываемые ею валуны превращали в буквальном смысле в прах все, что ни попадалось им по пути: растирали

в порошок камни, кромсали, словно нежную кору, щиты из крепкого ясеня. Вскоре, узнав, как извлекать из этой машины наибольшую для себя выгоду, они постепенно довели дальность выстрела до четверти мили. А кроме того, он был уверен, что, сделай они так, как было велено, он сумел бы выбросить в воздух до десяти валунов за то время, пока кто-то досчитал бы до ста.

Однако этот отряд и не мыслит себе катапульту в качестве орудия. Для них это всего лишь игрушка, которая сгодилась бы, скажем, тогда, когда нужно будет продырявить часток или стенку. Но в остальном служащая недурным подспорьем, чтобы разогнать скуку бесконечного зимовья, тем более такого, при котором даже традиционные зимние забавы викингов, как-то: лихие вылазки в соседские деревушки за девками и лишней добычей, — находились под строжайшим запретом.

Однако этим метателям когда-то придется иметь дело с вполне серьезными целями. С кораблями. Да и с целыми армиями. Любопытно, как поступит изготовившийся к атаке строй, когда на него обрушится смертоносный камнепад, а приводящие его в действие люди будут явно недосыгаемы для стрел лучников.

Внезапно он почувствовал на себе пытливые взгляды. Исходили они от сбившихся в кучку скалящих зубы от смущения и любопытства рабов. То были беглецы из Норфолка и из Мерсии, которых согнал в эту местность, лежащую на стыке двух королевств на узком клочке пустынной топкой земли между Нином и Уэлландом, необыкновенный слух, будто бы захватчики готовы навсегда избавить их от ненавистных ошейников, а заодно сытно кормить при условии добросовестной службы. Им даже посулили, хотя они отказывались пока в это поверить, что они не будут закабалены и тогда, когда сгинут их хозяева.

Каждый из оборванцев теперь прижимал к себе десятипудовые камни, которые в течение всего прошлого дня они усердно обтесывали по краям с помощью самых ненужных Торвину зубил.

— Молодцы, — похвалил их Шеф. — А теперь выройте колышки, разберите машину, снимите перекладину и заверните все это в парусину.

Рабы переминались с ноги на ногу и нерешительно по-

глядывали друг на друга. Потом, подталкиваемый остальными, вперед выступил один из них и, запинаясь и потупя взор в землю, промямлил:

— Мы вот тут подумали, хозяин... Ты ведь сам-то из Эмнета, понимаешь... Ну, говоришь, как мы, и все такое...

— Давай по делу...

— Мы вот все хотели попросить тебя... коли ты сам, значит, из наших... может, дашь хоть разок стрелнуть?

— Мы же все сами видели! — не выдержал другой. — Нас, знамо дело, такой говядинкой, как викингов, не потчуют, но налечь на ляжку мы можем...

Шеф обвел пристальным взглядом возбужденные лица, измороженные недоеданием тела. А почему бы и нет, подумал он внезапно. Всегда исходишь из того, что главное в такой работе — это мышцы и собственный вес. Да ведь и без слаженности тоже не обойтись. И кто знает, не заменит ли дюжина худосочных англичан восемь гигантов викингов. В ратном деле такому не бывать. Зато эти бывшие рабы со всей прилежностью будут исполнять то, что им велено.

— Отлично, — сказал он. — Сделаем пять пробных попыток... А потом поглядим, сколько вы выбросите булыжников, пока я насчитаю пять двадцаток...

Англичане заулюлюкали, запрыгали от радости и стремглав припустили к машине.

— Обождите-ка. Мы с вами сейчас устроим проверку на скорость. Значит, так, правило первое: камни складывать кучно, чтобы больше чем на шаг от рычага не отходить. Запомните еще вот что...

Спустя час его новые подчиненные были отпущены с указанием разложить по местам части того, что отныне называли они «нашей машиной». А Шеф с задумчивым выражением прошествовал в шатер, разбитый Ингульфом и Хандом. Там сейчас лежали больные и раненые. Ханд вышел ему навстречу, отирая с рук пятна крови.

— Как они? — поинтересовался Шеф. Речь шла о жертвах его второго детища — катапульты с раскруткой, или вражательницы, как называли ее северяне, том самом гигантском арбалете, что подарил желанную смерть королю Элле.

— Живы. Один без трех пальцев остался. А мог бы и все предплечье потерять, да и руку, если на то пошло. Другому всю грудную клетку разворотило. Пришлось Ингульфу его

разрезать, чтобы из легкого осколок вынуть. Но оно теперь быстро заживает. Я сейчас только понюхал его швы. В порядке, нагноений нет. Слушай, это уже второй случай за четыре дня. В чем там дело?

— Машина не виновата. Все эти норвежцы... Мощные ребята, силушку свою любят. До предела закрутят передачу — а потом один обязательно плюхнется на рычаг грудью, чтобы еще поворотик выгадать. Ну а пружина срывается — и кто-то обязательно калечится.

— Значит, тут не в машине дело, а в людях?

— Ну конечно. На самом деле люди мне нужны такие, чтобы делали ровно столько поворотов, сколько им сказано, и ни единым больше. И вообще бы слушались...

— Таких в лагере немного...

Шеф пристально посмотрел другу в глаза:

— Особенно тех, которые по-норвежски не знают.

Семена его мыслей упали на подготовленную почву.

Вскоре над лагерем сгустились зимние сумерки. Вечерами он сидел и работал при свете свечей над новой маппой — картой Англии, — Англии, какой она была на самом деле.

— Поесть, конечно, ничего не оставили? Только ржаную кашу?

Ни говоря ни слова, Ханд протянул ему миску.

* * *

Сигвард чувствовал себя не в своей тарелке. Жрецы Пути, святилище, увешанная рябиной ограда капища; тут же копье, воткнутое в землю, и разожженный костер. Мирянам снова велено было оставаться снаружи. В мутном полумраке под парусиновой крышей шатра виднелись очертания только шести жрецов в белых тогах. Их взгляды устремлены к нему, Сигварду, ярлу с Малых островов.

— Настала пора, Сигвард, — произнес Фарман, — нам наконец получить внятное разъяснение: почему ты так убежден, что именно ты отец Шефа?

— Так говорит он сам, — сказал Сигвард. — Да и все так думают. Да и мать его об этом говорит — она-то уж знает! Понятно, она могла его где-то нагулять, когда смылась от меня, — девка первый раз без присмотра осталась. Так что

могла немножко порезвиться. — Оскалились желтые клыки. — Но я так не думаю... Она все-таки леди...

— Мне кажется, самое главное я знаю: ты похитил ее у мужа. Но одно я никак не могу взять в толк. Она от тебя улизнала — во всяком случае, так нам рассказали... Ты что же, всегда так беспечно обходишься со своими пленницами? Как ей удалось сбежать? И как она умудрилась вернуться назад к мужу?

Сигвард задумчиво почесал челюсть.

— Двадцать лет уж минуло. А история, правда, вышла забавная. Я ее и сейчас хорошо помню... Случилось это так. Мы возвращались из южного похода. Сходили мы так себе, и на обратном пути я решил: а что, если заглянуть в Уош и там порыскать... Дело обычное. Пристали к берегу — и вперед. И вышли на деревеньку эту, на Эмнет. Увели с собой столько народу, сколько сумели... И была среди них танова жена — имени ее сейчас не помню... Но вот саму ее я не забыл. Красавица была. Я решил ее для себя оставить. Мне тогда было тридцать, ей двадцать. А это как раз то, что требуется. У нее уже тогда был ребенок, стало быть — уже драная. Только вот сдается мне, с мужем у нее не все ладно было. Поначалу-то она, как волчица, когти распускала, но это дело обычное — мне к этому не привыкать... Они всегда так себя ведут, чтобы показать, что они не шлюхи. А когда до нее дошло, что выхода все равно другого нет, — тут уж она разошлась... Я там один фокус ей показал — так она, когда ее черед настал, аж в воздух подскакивала, со мною вместе...

Торвин досадливо фыркнул. Фарман, одной рукой придерживая засушенный пенис жеребца, который являлся таким же атрибутом его культа, каким служил молот самому Торвину, взмахом руки заставил его не перебивать.

— Но ладью качает, так что особенно не нарадуешься... Мы немного прошли на север вдоль берега, и я стал приглядывать какое-нибудь славное местечко — устроить там *strandhugg*. Разжечь костры, разогреться, нажарить говядины, выкатить пару бочонков пива, ну и поразвлечься напоследок. Чтобы ребята перед океаном зарядились хорошим настроением. Но наказал им, заметьте, быть начеку — хоть вокруг англичане, но все же... И, значит, углядел я такое местечко. Полоска песка, со всех сторон высоченные утесы. Через ложину туда протока вела. Я расставил там дюжину бойцов на

всякий случай, чтобы девки пойманные не сделали ноги. И по человеку — на каждый склон утеса, раздал им горны, чтобы трубили, если покажется дружина, которую в погоню за нами послали. Утесы были крутые, и я им выдал еще по веревке — к кольям привязаться. Ну и если англичане бы за нас взялись, они бы тогда дули в горны, парни, которые у ручья стояли, бросились бы на подмогу, а сами горнисты по веревкам бы спустились. И потом, все ладьи — а у меня было тогда три штуки — мы, как коней, поставили на перевязь: нос укрепили на берегу, а с кормы сбросили якорь. Если б возник переполох, нам и нужно-то всего было, что всем запрыгнуть внутрь, ошвартовать носовую часть да сняться с кормового якоря. Но главное, что весь берег у меня за семью печатями был, как тайны монахини...

— Да уж ты знаешь, что говоришь, — пробурчал Торвин.

Сигвард опять осклабился от удовольствия.

— Так, как я, никто этого не знает, если только он не архиепископ...

— И все-таки леди от тебя убежала, — напомнил ему Фарман.

— Что верно, то верно... Сперва мы с ней позабавились. Один раз, потом другой, прямо на песке. Начало темнеть. Я решил ее по кругу не пускать, но ребята в тот момент как раз резвились с дюжиной других молодлиц, и я почувствовал, что могу им помочь... Ха! Мне ж тогда всего тридцать было. Поэтому я столкнул ладью в воду, одежду свою оставил на песке, а сам забрался с ней в посудину. Потом отмотал кормовый канат — может быть, ярдов на тридцать, наложил узел, оставил ее в ладье, а сам нырнул в море и поплыл к берегу. Помню, все не терпелось мне добраться до одной полной светлой девахи. Уж больно сладко она мычала... Ну а спустя какое-то время сижу я, жареные ребра обгладываю, эль из кувшина потягиваю, — как вдруг люди мои загалдели. Поднимаю голову и вижу в темноте, за кострами нашими, какую-то огромную тушу... Мы решили, что это кита на пляж выбросило, подбежали поближе, но оно вдруг как захрипит, как прыгнет на одного из наших, что впереди был... Он еле успел ноги сделать. Мы похватались за оружие. Я тогда подумал, что это, наверное, hrosswhale... кит такой... Моржом его иногда называют. И прямо в этот момент на одном из утесов тоже поднялся шум. Слышу, что один из пар-

ней, Стиг, зовет на помощь. Поняли? Не в горн дудит, а помощи просит! И точно, показалось мне, словно он там с кем-то бьется. Я взялся за веревку и полез наверх. Думаю, кто же это мог быть...

— И кто же там оказался?

— Когда я вскарабкался — никого! Но парень чуть не слезами обливается и говорит — на меня, дескать, *скоффин* напал...

— *Скоффин*? — спросил Виглик. — А это еще кто такой?

Скальдфинн от души расхохотался:

— Ты бы чаще старых кумушек слушал, Виглик! *Скоффин* — это нечто противоположное *скупгабальдуру*! Первое — это помесь лиса и кошки, а второе — кота и лисицы...

— Тут уже полный переполох начался, — продолжал Сигвард. — Я сказал Стигу, чтобы не валял дурака, оставил его стоять на месте, а сам по веревке спустился на берег и приказал всем грузиться в ладьи... Но когда мы столкнули их в воду, я хватился своей леди. И ее с нами не оказалось. Мы обыскали весь берег. Я перетолковал с ребятами, что протоку сторожили, — они, пока мы готовились к отплытию, ни на дюйм не отходили, клялись, что никого не видели. Я снова забрался на утесы — сначала на один, потом на другой. Никто из часовых ничего не замечал. Тут уж, не знаю почему, меня такая злоба разобрала, что я взял и скинул с утеса Стига за то, что расквасился, как баба. Малый сломал себе хребет да и сдох на месте. Пришлось по возвращении домой мне за него вергельд родичам уплачивать. А женщину ту до прошлой осени я так ни разу и не видел! Но в этот раз у меня работы было столько, что я даже забыл ее расспросить...

— Аye! И то правда! — не унимался Торвин. — Известна нам твоя работа. Но это работа Бескостного...

— Ты что же — христианин? Что ты скулишь?

— Получается, — перебил их Фарман, — что она могла в этой неразберихе просто-напросто уплыть. Ты-то сам поплыл к берегу...

— Тогда уплыла она во всех своих юбках, потому что одежда с берега тоже исчезла. И плыть-то ей пришлось бы не к берегу, а долго-долго по темному морю, чтобы утесы обогнуть. Потому как на берегу ее не было, я вам ручаюсь.

— Байки, так я и поверил! Чешуйчатый кит. *Скоффин*... Женщина, которая исчезает, а потом появляется вновь, да

еще на сносях... — бубнил Фарман. — Нет, тут должно быть объяснение! Хотя, возможно, объяснений этих может быть несколько...

— Вы, понятно, все думаете, что это не мой сын, — сквозь стиснутые зубы прохрипел Сигвард. — Считаете его сыном одного из ваших богов!.. Что же, я скажу вам одну вещь. Я, кроме Ран, богини, которая живет в морской пучине и встречает там потонувших мореходов, других богов не чту. А Горний мир, о котором вы твердите, все эти ваши видения — в лагере все молотят языками о Пути... Меньше надо крепкого эля пить и жрать кислой пищи. А бред — дело заразное, один бредит, а другой и все остальные за ним начинают сочинять истории о своих разговорах с богами, только чтобы от других не отставать... Это все такая же чушь, как и рассказы о скоффинах. Мальчишка — мой сын! Он похож на меня. И внешне, и поведением. Я сам так же себя вел, когда молокососом был...

— Он ведет себя как мужчина, — зарычал Торвин. — А ты ведешь себя как дикий зверь в пору течки у самок! И знай, что хоть ты за всю свою жизнь, похоже, ни разу ни о чем не пожалел и не понес наказания за свои злодеяния, таким, как ты, положен свой удел... Один из наших поэтов вот какую песню сложил о Хеле:

О, сколько там стенают, рыдают,
Безутешные, бродят дорогами Хеля!
К лицам их скошенным кровь так и липнет...
Пусть же воздастся истязателям женщин!

Сигвард вскочил, сжал ладонью рукоять меча.

— А я тебе расскажу стих покруше этого. Скальд Бескостного сложил его в прошлом году на смерть Рагнара.

Дорогу себе мы проложим мечами. Да, братья,
Ради радости рати охота нам за оружие браться,
Смерти взглянуть в лицо. Тот, кто хочет быть сильным,
Женщин себе раздобудет в победах. Это путь дренгра!

Вот песнь, достойная дренгра — воина! Достойная того, кто не боится ни жизни, ни смерти. И для него всегда найдется место на пиру Одина, плевать, скольких женщин он поставил стенать... Это поэзия для викинга! А не для размазни и слюнтяя...

В наступившей тишине мягко заговорил Фарман:

— Хорошо, Сигвард... Мы благодарим тебя за твой рассказ. Мы помним, что ты — ярл и член нашего Совета. И учтем, что ты живешь по закону Пути, что бы ты сам ни думал о нашей вере...

И он дернул за веревочку. Пола шатра приоткрылась, и Сигвард вышел из капища. Жрецы склонились друг к другу и вполголоса начали обсуждение.

Шеф, который к тому времени уже был не-Шеф, знал, что мрак, окутывавший его, рассеивается раз в сотню лет. Какое-то время окружавшие его каменные своды и земляной пол колышались в мерцании разлагающейся плоти, освещая бессловесные, яростные усилия личинок, обгладывавших тела, глаза, печень, костный мозг несчастным, что угодили в это место. Но сейчас личинки исчезли, от многочисленных тел оставались лежать белые скелеты, такие же твердые и неподвижные, как точило, на котором покоилась его собственная обглоданная длань. То была его собственность, но не более того; она не жила своей жизнью, однако так же непреложно принадлежала ему, как сундук, сума, ящики, стоящие в его ногах и под креслом, как и само кресло — громоздкое сиденье с высокой спинкой, в коем он обосновался уже семь поколений тому назад — и на веки вечные. Кресло же подгнило снизу, подгнило вместе со своим хозяином, и оба уж вросли друг в друга, слились в одну материю. И существо это сидело недвижимо, а обращенные к земле пустые глазницы, казалось, хотели проникнуть куда-то вглубь.

Он, то самое существо в кресле, не забыл, как его усадили сюда. Люди вырыли глубокий ров, по бревенчатым колодам вкатили в него ладью, внесли высокое кресло и установили его, как он и указал, на юте, точило с выгравированными на нем свирепыми ликами возложили на одну ручку кресла, а его длинный меч — на другую. Кивком он призвал людей продолжить начатое дело. И тогда они привели его верного жеребца, поставили напротив хозяина и прирезали его на месте. Затем появились четыре любимейших его пса и на глазах хозяина были заколоты прямо в сердце. Он зорко следил за тем, чтобы каждый из них издох. Ибо не имел ни малейшего желания оказаться в вечной своей обители с загнанным в ловушку хищником. Далее последовали ястребы — их придушили. А за ними — женщины, четыре

писанные красавицы, которые не переставали рыдать и молить о пощаде, хотя их заставляли дышать маком. Воины управились и с ними.

И тогда они внесли сундуки, держа их за ручки по двое. И вновь он следил за тем, чтобы все делалось споро и без промедления. Если бы они осмелились, они попытались бы прибрать к рукам его добро. Теперь, если только посмеют, они могут разграбить его могилу. Но они не посмеют. Ибо в будущем году курган озарится синим пламенем, каким горит истлевшая плоть. Когда воин поднесет к земле факел, она, дохнув на него смрадом разложения, воспламенит его... И станут слагаться саги, что дойдут и до усыпальницы Кара Старого. Только вот усыпальница ли это для Кара...

После того как сундуки были расставлены, воины начали застилать нутро ладьи штабелями трупов. Другие же насыпали со всех сторон от него каменный вал, пока тот не сравнялся высотой с шелковым балдахином его кресла. Поверх вала набросили крепкие балки, а уж те сверху прикрыли листами свинца. Далее, ступни его и сундуки обернули просмоленной холстиной. Со временем гниение поразит дерево, земля обвалится и засыплет трюм ладьи, мертвых женщин и животных, разбросает их в разные стороны, придаст диковинные позы, в которых их и застигнет тление. Ну а он будет все так же сидеть и разглядывать их, ибо земля не сумеет поглотить его. Они были похоронены замертво. У него будет другая участь.

Когда со всем было покончено, у кресла лицом к нему оказался человек. Люди звали его Коль Скупой, и был он сыном Кара Старого.

— Мы все сделали, отец, — промолвил он. И лицо его искалось гримасой то ли ненависти, то ли смертельного ужаса.

Кар кивнул, глядя перед собой немигающим взглядом. На прощание он не пожелает своему отпрыску ни счастья, ни удачи... Если бы в жилах того зыграла черная кровь его предков, он бы предпочел навсегда остаться с отцом в гробнице, ибо прильнуть в вечном сне к его сокровищам было бы ему желаннее, чем взирать, как попадают они в лапы королю, явившемуся сюда с юга, чем наслаждаться жизнью, купленной бесчестьем, чем быть царьком, во всем покорным истинному властелину.

Самые испытанные из его воинов, всего шесть человек, принялись перерезать глотки многочисленным рабам и укладывать их тела в ладью. После этого они вместе с его сыном выкараб-

кались наружу. И спустя несколько мгновений сваленная по краям рва земляная насыпь в клубах пыли понеслась в корабельный трюм, ком за комом заполнила его, вздыбилась над перекрытием, поглотив свинцовые листы. Он же сидел не двигаясь, не обращая внимания на струйки, запорошившие руку, что покоилась на точиле.

Все-таки свет нащупывает себе путь... Но вот новый вал земли. И все гаснет... Издав вздох облегчения, Кар наконец позволил себе расслабить спину. Что ж, теперь все на своем месте. Каждая вещь. Где она пребудет в вечности и будет принадлежать только ему одному.

Он вдруг спросил себя, умрет ли он прямо здесь. И от чего он примет смерть? Впрочем, какое это имеет значение... Живой или мертвый, он останется тем, кем был... *Naugbui*. Властителем в собственной могиле.

* * *

Задохнувшись, Шеф открыл глаза. По телу, закутанному в грубые одеяла, ручьями стекал пот. Набравшись решимости, он сбросил их с себя и с глухим стоном повалился со своего висячего ложа на сырой, изрядно утрамбованный земляной пол. Морозный воздух немедленно ужалил его, и он лихорадочно стал просовывать руки и голову сначала в конопляную рубаху, а затем ощупью нашел плащ из грубой шерсти и такие же штаны.

«Торвин утверждает, что видения эти посылаются богами мне в научение. Ну и какой же смысл в том, что я сейчас видел? Тем более никаких машин на сей раз не было...»

Парусиновая пола над входом в шатер всколыхнулась, пропуская внутрь недавнего раба, именем Падда. Снаружи поздний январский рассвет если что и являл глазу, то лишь укутанную туманом заболоченную землю. Вся армия сегодня допоздна будет валяться без дела.

Теперь эти имена, что открылись ему в грезе. Кар и Коль. Какие-то они не английские. А на норвежские и вовсе не похожи. Но вообще-то северяне большие мастаки имена сокращать. Вот, Гудмунда, например, его друзья кличут Гумми. А Тормод превращается в Томми. Да и англичане так часто делают. А эти имена, что прозвучали в загадке короля Эдмунда? «Вуффа, отпрыск Веггы»...

— Есть у тебя более длинное имя, Падда? — спросил он бывшего раба.

— Есть, хозяин. Палдрихт. Так меня никто не называл с тех пор, как умерла мать...

— А какое имя получится из Вуффы?

— Не знаю... Но, может быть — Вульфстан? Вообще-то может по-разному получиться. Вот я знал одного человека, именем Виглаф. Очень благородное имя. И мы его как раз называли Вуффой.

Пока Падда усердно раздувал тлеющие в золе с вечера угольки, Шеф предавался размышлениям. Вуффа — сын Веггы. Вульфстан или Виглаф, сын... Веостана? Или, быть может, Веоварда? Он этих имен не знал. Когда-то придется заняться и этим.

Падда сновал туда-сюда с охапками хвороста, чанами, ушатами, колдуя над своей неизменной кашей. Шеф извлек *карту*, несколько раз заботливо обернутую скатертью, разложил ее на козлах, нашел груз, чтобы придавить углы. Он теперь и не глядел на ту ее сторону, что запечатлела христианские представления о мире; его занимала обратная сторона, на которой он начал рисовать другую карту, карту своей Англии, на нее он наносил все, чем ему только удавалось разжиться. Очертания, названия и расстояния, которые еще нуждались в проверке, вчерне наносились на лист бересты. В дальнейшем он скрупулезно проверял сведения; лишь окончательно убедившись, что они во всем подтверждают друг друга, он решался занести их на пергамент. И все же карта день ото дня все более испещрялась линиями и каракулями; Норфолк вышел аккуратным и точным, тогда как Нортумбрия, в особенности же та часть ее, что лежала за Йорком, получилась маловразумительной и измазюканной, а уж Юг пока и вовсе зиял пустотами, не считая города Лондона, стоящего на Темзе, а также краткого упоминания о некоем Уэссексе, лежащем от него на востоке.

Впрочем, Падда как-то разыскал для него одного человека родом из Суффолка, и тот, в обмен на завтрак, рассказывал Шефу все, что знал он о шайре.

— Ну-ка, позови своего друга, — сказал Шеф, разворачивая свежий лист бересты и проверяя на годность свой резец.

— Хочу, чтобы ты подробнее рассказал мне о Суффолке, — обратился он к незаметно юркнувшему в шатер чело-

веку. — Каждый городишко, каждая речка. Кстати, о речках... О Яре и Вэйверли ты в прошлый раз уже рассказывал...

— Так-так, — степенно заговорил южанин. — А ближе к берегу течет у нас Альда. Впадает в море близ Альдборо. Есть еще и Дебен. У этого устья милях в десяти южнее Альдборо, там еще стоит городишко Вудбридж, около которого, поговаривают, захоронены были в стародавние времена короли. Ты ведь слышал о том, что у нас в Суффолке свои короли были, еще до христиан...

Спустя минуту запыхавшийся Шеф ввалился в кузницу, где Торвин готовил все необходимое, чтобы приступить к очередной партии зубчатых передач для «вращательниц».

— Немедленно созывай Совет армии! — прокричал его бывший ученик.

— Но что стряслось?!

— Кажется, я знаю, как сделать Бранда богатым...

Глава 9

На поиски сокровищ Армия Пути выделила отряд, который выступил спустя неделю после Совета. Совет армии отверг предложение сняться всему войску с насиженного места, поскольку, во-первых, необходимо было позаботиться о сохранности кораблей, уткнувшихся в ту пору носами в берега Уэлланда, а во-вторых, лагерь мог не только поддерживать очаги, которые еще не раз пригодились бы в оставшиеся недели зимы, но и служить складом для запасов съестного. Да и нужно было считаться с тем, что многие члены Совета с прохладцей относились к страстной убежденности Шефа в том, что карта его хранит ключ к будущему процветанию нескольких поколений.

С другой же стороны, не вызывало сомнения, что командой с пары кораблей здесь не обойдешься. Королевство Восточная Англия прекратило свое существование, а все лучшие его ратники и воинственные таны были мертвы. Однако сохранялась опасность, что, подстрекаемая одним видом викингов, ненависть англичан могла дорого обойтись небольшому отряду. Местным керлам ничего не стоило собрать ополчение, во много раз превосходящее силы врага. В связи с этим Бранд пробурчал, что, хотя вся затея от начала и до

конца могла оказаться пустой блажью, ему отнюдь не хотелось бы проснуться от стука вываленных перед его лагерной палаткой голов своих земляков. В конце концов Шефу было позволено набирать себе добровольцев. В чем тот не испытал ни малейших осложнений: бесконечная тоска зимовья была ему надежной помощницей.

Отряд включал тысячу верховых — восемь больших сотен и еще сорок человек, — которые, по заведенному меж ними обычаю, держались каждый при своей команде; сотню пони, навьюченных палатками и постелями, мясом и элем, вели под уздцы англичане-трэли. Однако посреди колонны наблюдалось новшество: караван телег тащил на себе канаты, перекладины, балки, колеса и рычаги, причем каждая из балок была особо помечена зазубринами, чтобы облегчить дальнейшую сборку. Была здесь дюжина камнетолкалок и восемь вращательниц — все до единой машины, которые Торвин и Шеф успели соорудить за время постоа. Оставь они их в лагере, о них тут же бы позабыли, забросили, а при случае и разобрали бы на дрова... Уж слишком много было вложено в них труда, чтобы допустить нечто подобное.

Возле телег толклись трэли, беглецы, что стекались в лагерь со всей округи, причем к каждому оружию прикреплен был особый отряд, возглавляемый назначенным Шефом человеком из той первой дюжины. Такое положение дел вызвало глухой протест викингов. Спору нет, в армии должно быть подразделение трэлей. Надо же кому-то копать отхожие места, разжигать костры, чистить и кормить лошадей... Но повесить себе на шею этакую ораву? Ведь они и жрут поровну со всеми! Да еще пообещать им, что после всего этого их отпустят на волю?! Даже приверженцам Пути никогда бы в голову не пришло, что существо, не знающее норвежского, могло стать их полноправным товарищем. Да и сам Шеф остерегался заявить об этом вслух.

Падде же и прочим командирам закрепленных при машинах отрядов он втолковал, что лучше пока не высовываться самим и тем более не позволять это делать своим людям. Если викинг хочет, чтобы трэль размолот для него мясо или расчистил палатку, — пусть так и будет. А уж если совсем неохота этого делать, тогда надо не попадаться им на глаза.

И все же Шефу хотелось, чтобы новобранцы почувствовали перемену в жизни. Они должны гордиться той быстро-

той и проворностью, с какой принимались они за дело, крутили колеса, вращали рычаги.

Чтобы выделить их из общего числа, членам орудийных отрядов велено было одеться в одинаковые короткие куртки, сделанные из грубой мешковины серого цвета, которые они носили теперь поверх тех лохмотьев, в которых впервые появились в лагере. А на куртке, и спереди и на спине, каждый трэль тщательно выткал полотняный молот с двумя бойками. Каждый, далее, подпоясан был ремнем или на худой конец веревкой, за нее затыкались ножи — если они вообще были.

Может, все и получится, размышлял Шеф, глядя на ни шатко ни валко катящиеся вперед телеги. Спереди и сзади от них плелись викинги, а трэли в куртках бодро вышагивали посередине. Уже сейчас с катапультами они управляются куда расторопнее, чем викинги, которых они заменили. Да и зимой, в этот промозглый морозный день, они выглядят молодцами.

Странный звук прорезался в воздухе. Один из трэлей, Квикка, появившийся в лагере совсем недавно — он бежал от своих хозяев из обители Св. Гудлака в Кроуленде — и вышагивающий теперь впереди всего обоза, заиграл на своей волынке, к которой относился с необычайной трепетностью. Теперь именно за ним, волынщиком, вовсю раздувавшим щеки и проворно перебиравшим лады костяной трубки, подтягивался весь караван. Товарищи его оживились и зашагали еще дружнее. Некоторые даже начали задорно присвистывать.

Внезапно викинг из передового отряда развернул своего коня и, ощерясь своими длиннющими зубами, с мрачной миной подъехал к музыканту. То был Хьёрвард Сигвардссон. Его единокровный брат... Общий же их отец так стремительно изъявил свое желание участвовать в розысках сокровищ суффолкских королей, что устранить его присутствие сразу стало невозможно; он был зачислен в этот поход даже быстрее Торвина и охочих до наживы гебридцев, быстрее, чем долго колебавшийся Бранд... Хьёрвард тем временем рысью подлетел к волынщику, уже наполовину с угрожающим видом обнажив меч из ножен. Волынка взвыла на разные голоса. Наконец все звуки затихли.

Шеф прищипил своего пони и преградил дорогу брату. Спрыгнув с лошади, он сунул поводья Падде.

— Когда быстро шагаешь, не успеваешь замерзнуть, — сказал он, глядя в злые глаза Хьёрварда. — А с музыкой легче дорогу коротать. Так что пусть он играет.

С мгновение Хьёрвард колебался, затем резко дернул в сторону лошадиную морду.

— Поступай как знаешь, — бросил он уже через плечо. — Но воину услаждают слух гусли. А волюнку слушает только *hornung*.

Hornung... Gadderling... По-разному можно назвать ублюдка. Да только некоторых мужчин это не останавливает... И одного такого ублюдка, быть может, готовится произвести на свет Годива.

— Играй, не останавливайся! — зычно прикрикнул он на волынщика. — Сыграй-ка «Танец быстроцвета». Сыграй-ка его для Вотанова сына, пусть прокатится в Хель с монахами!

И волынщик, дудя еще усерднее, чем в предыдущий раз, завел лихую плясовую мелодию, которую все его друзья сопровождали молодцеватым присвистом. Влекомые невозможными быками, телеги мерно катились вперед.

* * *

— Ты уверен в том, что король Бургред всерьез намерен воцариться в Восточной Англии? — спросил король Этельред брата. Последние слова вопроса потонули в приступе кашля — колючего, беспощадного, надрывного, который, накатывая волна за волной, казалось, никогда не отпустит несчастного.

Младший брат Этельреда, Альфред, наблюдал за ним с тревогой. И не без некоторых сомнений, от которых не так-то легко было отмахнуться. Отец Альфреда, Этельвульф, король уэссекский, родил пятерых богатырей: Этельстана, Этельбалда, Этельберта, Этельреда и его самого. Но в то время, когда жена его разродилась пятым сыном, казалось настолько маловероятным, что младенцу когда-либо доведется править страной, что обязательная августейшая приставка рода Уэссексов «Этель» — выглядела бы излишеством. А посему решено было назвать его Альфредом, в честь мужчин из рода его матери.

И что же? Отец его и трое братьев мертвы; нет, они пали не в сражениях, и однако всех их можно считать жертвами викингов. Целые годы они провели в походах, спали в вы-

мокших плащах, пили воду из источников, протекавших через расположение их лагерей, не боясь, что в воду ту испражнялось и выкидывало помой все войско. И умирали от спазмов внутренностей, от болезней легких. А вот теперь и Этельред подхватил этот губительный кашель. Как долго еще ему придется, спросил себя Альфред, оставаться последним этелингом королевского дома Уэссексов? Впрочем, до того времени он — подданный своего брата.

— Конечно, я в этом убежден! — ответил он. — Он же заявил об этом вслух! А когда я отъезжал домой, он уже объявил сбор ополчения. Впрочем, он не собирается воцариться там сразу и сам: для того чтобы властвовать Восточной Англией, обзавелся он вице-королем, сыном тана, что оттуда родом. Тамошние жители примут такую власть с легким сердцем... Особенно же, учитывая, что с ними будет этакий идол... Человек с отрубленными конечностями — я тебе говорил о нем.

— Это тоже имеет значение? — устало промолвил Этельред, отирая разводы пены со рта.

— Восточные англы владеют двадцатью тысячами гайд земли. Если добавить это к тому, чем уже сейчас владеет Бургред, получится совсем немало — он становится сильнее даже нас, а уж Нортумбрии — и подавно. Конечно, собрав со всех этих земель великое множество ратников, он может повести их на викингов. Это было бы неплохо! Но боюсь, что он может соблазниться на более легкую наживу: объявить, что его долг — объединить всю Англию, все королевства, не забыв и о нашем...

— Итак?

— Полагаю, нам впору самим заявить свои притязания. Гляди, Эссекс уже наш. Граница же Эссекса и Суффолка проходит по...

И двое братьев, король и принц, принялись горячо обсуждать границы своих территориальных аппетитов. Границы же по необходимости были весьма условны: не имея ни малейшего представления о том, какой вид имеет местность, о которой шла речь, они управлялись, пуская в оборот названия рек, городов, используя сведения о том, что один город или одна река находятся севернее другого города или другой реки, а те, в свою очередь, принадлежат такому-то шайру. Подобные упражнения сказались на разбитом здоровье Этельреда даже хуже, чем предыдущие рассказы брата.

* * *

— И ты убежден, что они раскололись? — в свою очередь ядовито переспросил Ивар Рагнарссон.

Посыльный кивнул:

— Почти половина отправилась на юг. А в лагере осталось самое большее двенадцать больших сотен...

— И никакой склоки не было?

— Не было. В лагере болтали, что те парни отправились на поиски сокровищ короля Ятмунда, которого ты превратил в кровавого орла.

— Это чушь! — прорычал Ивар.

— А ты помнишь, что они притащили после набега на монастырь в Беверли? — спросил Хальвдан Рагнарссон. — Сотню фунтов серебра и столько же — золотом! Это больше любого нашего улова! У паренька этого голова на плечах имеется. Тебе после того *holmgang*'а надо было с ним помириться... В друзьях его иметь лучше.

Ивар развернулся к брату. Лицо стало матовым, глаза налились той самой яростью, от которой трепетала вся армия. Брат, однако, взирал на него с полной безмятежностью. Рагнарссоном еще никогда не приходилось ссориться друг с другом. В этом была тайна их могущества; даже Ивар при всем своем безумии не забывал об этом и в случае необходимости отводил себе душу на ком-нибудь другом. Другое дело, что тайны надо уметь беречь. Впрочем, и с этим они не раз справлялись...

— Так или иначе, сегодня — он наш враг, — решительно промолвил Змеинный Глаз. — Надо решить, главный ли он наш враг, или есть враги пострашнее, чем этот. Но если это не так... Посыльный, свободен!

И вновь устремившись вместе к единой цели, братья, сидевшие в продуваемом всеми сквозняками зале во дворце короля Эллы в Юфорвиче, принялись за подсчет людей и паев, расстояний и возможностей.

* * *

— Мудрость змеи, хитрость голубя, — с довольным видом промолвил архидиакон Эркенберт. — И наши враги перекроют друг друга, преосвященный...

— Истинная правда, — подтвердил Вульфир. — Язычники подняли большой переполох. Царства пришли в упадок.

Но Господь скоро явит свою силу и мышцею сильной покарает неверных...

Стоя в монастырском монетном дворе, оба пытались перекричать грохот штемпелей. Братья-послушники, водворив предварительно на место серебряную заготовку, что есть силы колотили по ней молотком, чтобы на обратной ее стороне запечатлелся рельефный рисунок, затем переворачивали заготовку, клали на другой штемпель и колотили повторно. Сперва отпечатывался Рагнарссонов ворон с распростертыми крылами; потом — буквы S.P.M., *Sancta Petri Moneta*. Мимо сновали закованные в ошейники рабы, переносившие на себе мешки с древесным углем, катя к выходу тележки, груженные ненужным отныне свинцом, медью, шлаком. Серебра же могли касаться только монахи, ибо в монастырском имуществе числилась и их доля. А если бы кому взбрело в голову незаметно прибрать к рукам лакомый кусочек, то он тут же вспоминал устав св. Бенедикта и предусмотренное в нем право архиепископа накладывать наказания на провинившихся. Немало лет минуло с тех пор, как последнего монаха до смерти забили розгами на глазах Совета ордена или же заживо замуровали в монастырский погреб. И однако молва о таких случаях дошла и до нынешних поколений.

— На них падет тяжесть десницы Божией, — продолжал архиепископ. — И тех, кто посмел разграбить сокровища монастыря Св. Иоанна в Беверли, неминуемо постигнет небесная кара...

— Но десница Господня являет мощь свою через усилия людские! — напомнил Эркенберт. — К людям мы и должны взывать о помощи.

— Ты говоришь о королях Мерсии и Уэссекса?

— О нет! Есть властелин могущественнее...

Обернувшись, Вульфир смерил архидиакона удивленным, недоверчивым, оценивающим взглядом. Эркенберт слегка нагнул голову.

— Да-да. Составлено письмо, которое ты скрепишь своей печатью...

На лице Вульфира нарисовалось выражение крайнего удовольствия, не исключено, внушенного предвкушением тех радостей жизни, на которые так щедро была, по слухам, жизнь в Святом городе.

— Это жизненно необходимое решение! — провозгласил он. — Я сам, лично, отвезу послание в Рим.

Шеф задумчиво разглядывал обратную сторону пергамента, на которую наносил он карту Англии. Лишь проделав половину работы, он открыл для себя, что такое масштаб: но перекраивать карту на новый лад было уже поздно. Таким образом, Суффолк получился несоразмерно обширным, заняв едва ли не целый квадрант поверхности листа. С краю же Шеф выписал все имевшиеся в наличии сведения о северном берегу речки Дебен.

«Да-да, все сходится, — думал он. — Есть такой город — Вудбридж. Это — первая строчка стиха. И точно, строчка эта и должна подразумевать город: ведь и там все мосты — деревянные. Но самое главное — это то, что он рассказал о безымянном месте, которое находится за мостом вниз по течению, возле брода. Он сказал, что там насыпаны курганы, а в курганах тех — древние усыпальницы королей. Спрашивается: а что это за короли? Имен раб не знает, но хелмингэмский тан, который поставляет нам веселящий душу мед, изучил древо наследников Редвальда Великого, среди которых обнаружили Виглаф и его отец Веостан, то есть Вуффа, отпрыск Веггы... Если бы раб вспоминал и дальше, он, возможно, подтвердил бы, что там имеются четыре гробницы, которые составляют неровную линию, вытянутую с севера на юг... Мне же нужна северная. Там захоронены кладовые... Но почему же до сих пор их никто не ограбил? И если король Эдмунд знал, что в этом месте спрятаны несметные сокровища его предков, почему же — как сказано в стихе — гробницы никем не охранялись?.. Впрочем, быть может, и охранялись... Только не людьми. Так и раб думал. Не случайно же, стоило ему узнать, что именно я замышляю, он словно откусил язык. А потом исчез. Выходит, он предпочел быть пойманным, но не отправиться грабить могилу...»

Шеф постарался занять голову более насущными заботами. Землекопы, охрана... А также — лопаты, веревки, ящики, лебедки, на которых придется вытаскивать землю из глубоких могильных ям. И еще факелы — совсем не желательно заниматься раскопками при дневном свете, когда соберется толпа зевак со всей округи.

— Скажи-ка, Торвин, что бы мы могли обнаружить в этих могилах? Будем надеяться — не считая золота...

— Корабль, — неожиданно промолвил Торвин.

— Это почти в миле-то от моря?

— А ты взгляни на карту. Его могли затащить здесь вверх по пологому склону. Все курганы имеют форму кораблей. А тан рассказал нам, что Виглаф был королем морским, сам родом с берегов Швеции, если только он сказал правду. В моей стране даже фермеры побогаче, если могут себе позволить, завешают хоронить себя сидящими в лодке, с прямой, как струна, спиной. Они верят, что именно так им удастся пересечь все моря и добраться до *Odainsakr* — Берега Бессмертия, где их ждет встреча с предками и богами Асами. И возможно, они не заблуждаются...

— Что же, скоро мы все узнаем. — Шеф бросил взгляд на заходящее солнце. А за рядами палаток тем временем уже выстроился необычный отряд — в нем было пятьдесят стражников, двадцать землекопов-англичан. Пока они занимаются приготовлениями. Но начнут только с наступлением тьмы.

Когда Шеф поднялся, чтобы отдать последние указания, Торвин попридержал его за локоть.

— Уж слишком беспечен ты, малый... Я и сам не особенно верю в рассказы про *draugar* или про оборотней, про оживших мертвецов и драконов в виде скелетов... И все же: ты собираешься ограбить могилу. Об этом в народе ходит множество поверий, но все они сводятся к одному и тому же. Мертвецы без боя свое добро не уступают. А потом все равно возьмут с тебя мзду. Лучше бы ты захватил с собою жреца. Или Бранда...

Шеф лишь покачал головой. На эту тему они уже не раз горячо спорили. Он находил оправдания, приводил доводы... Но все это пустое. В глубине души Шеф знал, что он один наделен правом на эти сокровища, ибо они завещаны ему были умирающим королем.

Он шагнул в сгустившиеся сумерки.

Сколько же минуло часов, прежде чем он услышал треск рассекаемого дерева? Он разогнул спину, порывисто вскочил. Перед ним зияла черная дыра. Но прежде чем увидеть ее, пришлось пережить незабываемую ночь. Имея при себе карту, они недолго искали заветное место. Вокруг не было

ни души. Вопрос был в том, где начинать раскопки. И отряд прикрытия, и сами землекопы сбились в тесную кучку, не двигаясь ни на шаг и во всем полагаясь на него. Шефу же необходимо было зажечь факелы, чтобы поискать неровности на земле. Но стоило только просмоленному тряпью заняться, как по захоронению вдруг пробежала, превращаясь по пути в смерч, волна синего пламени. Немедленно Шеф потерял половину своих доблестных землекопов — те просто унеслись в ночь, сверкая пятками. Викинги выглядели получше. Они, правда, то и дело обнажали мечи и поминутно озирались вокруг, словно бы ожидали нападения со стороны какого-нибудь особо раздосадованного их вторжением мертвеца. Что и говорить, даже такой заядлый любитель пожить чужим добром, как Гудмунд, прозванный Жадным, внезапно сдал. «Надо бы нам пошире встать, — бурчал он. — Чтобы никто в темноте не мог подойти!» Но когда это было исполнено, викингов и след простыл. Скорее всего, стоят маленькими кучками где-то в темноте, жмутся друг к другу спиной. А с Шефом остался десяток англичан, у которых с перепугу зуб на зуб не попадает. Не имея ни представления о том, как делаются подобные дела, ни более подробных сведений, он вывел их всех на вершину кургана и приказал копать как можно ближе к центру, сам не слишком отчетливо понимая, где тот находится.

В конце концов раздался глухой удар.

— Что там? Ящик? — крикнул он в раскоп.

Ответом ему было лишь бешеное подергивание канатов, уходивших в кромешную тьму восьмифутовой ямы.

— Они хотят вылезти, — прошептал один из стоящих рядом трэлей.

— Тащите же быстрее...

Наконец на краю отверстия показались замызганные землей люди. Собрав всю свою волю в кулак, Шеф ждал их слов.

— Там не ящик, хозяин... Там — лодка. Дно лодки. Они, наверное, перевернули ее вверх дном...

— Ломайте ее.

Не отвечая, они качали головами. Наконец один из них все так же молча протянул свою мотыгу. Другой передал слабо мерцающий еловый факел. Шеф принял и то и другое. Добровольцы и впрямь сделали свое дело. Новые уже не

нужны. Воткнув алебарду глубоко в землю острием копья вниз, он взялся за веревку, дернул пару раз, убедился в прочности крепления и еще раз оглядел темные фигуры, различимые сейчас разве по блестящим белкам выпученных глаз.

— От веревки ни на шаг. — Головы закивали в ответ. Держа в одной руке факел и мотыгу, он не без труда съехал по веревке на дно ямы.

Упор оказался нетвердым: нога заскользила по уходящей вниз деревянной плоскости. Очевидно, он находился у самого кия. Посветив себе коптящим факелом, он пробежал пальцами по обшивке. Планки заходили одна на другую — обшито судно было внакрой. И, чувствуется, просмолили корпус на совесть. Сколько же все это могло пролежать в сухой песчаной почве? Он приподнял мотыгу и обрушил на обшивку мощный удар. Затем другой. С треском взметнулась вверх щепа.

Волна ядовитого зловония хлынула на него. Факел вспыхнул с ужасающей силой. Тут же сверху послышались крики, топот удаляющихся шагов. Но то, что он сейчас вдыхал, не было смрадом разложившейся плоти. Было в этой вонии что-то от того дурманящего запаха, который бьет в ноздри поздней зимой в коровнике. Он нанес еще пару ударов. Пробойна в обшивке разверзлась. Ибо внизу была не земля, но полое пространство. Устроители усыпальницы позаботились о создании особого помещения для мертвеца и его сокровищ, дабы тому не пришлось в свое время прокладывать путь к заветным сундукам с помощью лопаты через земляные залежи.

Шеф сбросил веревку в пробитую им дыру и, захватив факел, медленно покачиваясь, стал спускаться в гробницу.

Наконец под ногами что-то хрустнуло. Человечьи косточки. Взглянув же вниз, он ощутил прилив шемящей жалости. Расплющенные им кости принадлежали не хозяину усыпальницы. То был скелет женщины. Из-под ее черепа лучилась драгоценная фибула — застежка с плаща. Лежала она ничком, растянувшись во всю длину гробницы. Рядом с ней находилась ее товарка: позвоночники обеих были, судя по всему, разможены ударом большого каменного песта. Им связали руки, опустили в гробницу, где и сломали спины. И оставили умирать в кромешной тьме. Что же до песта, то он красноречиво указывал на род их занятий при хозяине: несчастные толкли ему зерно при жизни и потому навечно

были приставлены к покойному для ублажения его мясом и кашей.

Однако там, где слуги, там и хозяин. Он приподнял факел и направился к корме судна.

Вперив в пришельца пронзительный взгляд, царствуя здесь над скелетами псов, коня и женщин, в высоком кресле восседал король. Сквозь висевшую ключьями кожу проглядывал желтый оскал зубов. На голом черепе все еще покоился золотой венец. Подойдя ближе, Шеф пристально всмотрелся в полусохранившееся лицо, словно бы пытаясь разгадать тайну королевского величия. Ему вспомнилась решимость, с какой Кар Старый возжелал навечно остаться с тем, что принадлежало ему по праву, взамен позорного продолжения жизни попраным и ограбленным. Под правую его руку был положен точильный камень, символ власти короля-воина, жизнь которого непредставима без отточенного лезвия клинка.

Вдруг Шеф застыл неподвижно. К горлу подступили холодные спазмы. Ибо кресло теперь закрипело, закрипело под тяжело поднимавшимся с него хозяином. Старый король желал самолично встретить дерзкого, посмевшего проникнуть в его последнюю обитель и наложить руки на его сокровища. Скелет уже шевелил фалангами пальцев, оскал зубов растягивался в леденящую кровь гримасу.

Шеф повернулся и, не видя перед собой ни зги, сделал три шага. Потом еще пару. Кажется, сейчас он находится под местом своего недавнего спуска. И тьма здесь вроде бы чуточку рассеивается. Однако почему же он весь трясется, словно какой-нибудь тщедушный раб? Ведь он уже смотрел смерти в глаза. Там, наверху. Почему же он не в состоянии сделать то же самое под землей?

— Теперь ты лишился права на это золото, — обратился он в темноту, поворотясь к страшному креслу. — Король, родившийся от детей твоих внуков, передал мне его. И сделал это по доброй воле!

Он ощупью нашел факел, нагнулся и, достав из сумы кремень, трут и огниво, принялся высекать искру.

— А вообще-то, старик, ты должен радоваться тому, что добро твое попадет в руки англичанина. Там, наверху, есть хищники, которые не чета мне...

Факел наконец занялся. Он осторожно приставил его к

трухлявому стволу мачты и, возвратясь к трону, медленно обвил руками его обладателя, столь же медленно приподнял тело, от души надеясь, что оставшиеся куски ветоши, плоти и кожи сумеют не дать распасться высохшим костям. Вернувшись на прежнее место, он положил монарха рядом с телами умерщвленных рабынь под самой скважиной в обшивке.

— Наверное, вам надо еще свести старые счета...

Он снял с черепа золотой венец и водрузил его себе на макушку. Затем, вновь вернувшись к опустевшему креслу, взял точильный камень, что лежал под правой рукой жуткого властелина, и задумчиво поиграл двухфунтовой тяжестью в ладони.

— Одно я тебе могу твердо пообещать взамен, — промолвил он. — Отмстить за твоего потомка! И пусть месть эта падет на голову Бескостного!

Стоило ему произнести эти слова, как за спиной его раздался какой-то шебуршащий звук. Шеф непроизвольно отшатнулся. Неужто это Бескостный услышал свое имя и явился сюда? Или, быть может, его ожидает встреча с брошенным когда-то в могилу чудовищным змеем?

Собравшись с духом, Шеф шагнул туда, откуда доносился звук. Перед ним лежал отрубленный конец веревки.

Высоко наверху раздавалось усердное пыхтение. И, повторяя картину из недавнего сна про Кара Старого, в пробоину судна полетели комочки земли.

* * *

Он не сразу сумел заставить себя избавиться от наваждения. То, что с ним происходило, не было кошмаром; он не имел права на помешательство. Надо было отнестись к этому как к неприятности, в сущности, к задаче, которую предстояло решить.

Итак, наверху враги. Падла с его людьми мог, конечно, струхнуть и унести ноги, однако они не стали бы подрубать веревку и засыпать его здесь живьем. Не стал бы этого делать и Гудмунд. Следовательно, пока он находился здесь, кто-то сумел убрать его товарищей. Англичане, которые решили воспротивиться ограблению могилы своего славного повелителя? Но не похоже, чтобы они их выследили... Так или иначе, через это отверстие выбраться ему не удастся.

Но не мог ли здесь быть другой ход? Когда-то король Эдмунд кричал о сокровищах Редвальда, однако он сейчас стоит в усыпальнице Вуффы. Разве не могли и он, и его предки использовать это место в качестве кладовых для хранения сокровищ великого короля? А если так, то должен здесь быть тайный коридор... Сверху курган выглядит совершенно цельным. Куда же тогда ведет этот коридор, если только он и впрямь существует? Но искать его в любом случае следует у золота. А золото? А золото, конечно, должно быть рядом с тем, кто его охраняет.

Перешагивая через тела, он добрался до кресла и резко потащил его на себя. Через миг взору его открылись четыре массивных ящика. Изучив их на ощупь, он понял, что сами сундуки сколочены из прочной древесины, ручки же были кожаные. А за ними, там, где начинал загибаться книзу нос галеры, зияла черная дыра, размерами немногим шире торса среднего мужчины. Вот он, тайный коридор!

Шеф едва не застонал. Оказывается, все это время дух его томился под спудом тяжкого бремени. Итак, он нашел спасение. А те, кто проникал сюда с поверхности, могли действовать безнаказанно: подползти, открыть сундук, закрыть сундук. Можно было избежать нежелательной встречи со старым королем...

Итак, в туннель. Он крепче усадил на голову золотой венец, подхватил факел, к тому времени почти полностью выгоревший. Не захватить ли с собой мотыгу, а заодно точильный камень? Не исключено, что мотыга еще понадобится. Но, однажды лишив монарха скипетра, обратно его не возвращают...

Держа в одной руке факел, в другой — оселок, Шеф опустился на корточки и просунул голову и плечи в туннель.

Отвоевывая у туннеля и мрака дюйм за дюймом, он вскоре вынужден был начать работать плечами по очереди. Туннель все сужался. Факел, последний раз вспыхнув, опалил ему руку. Разломав его надвое о твердый земляной свод, он теперь подтягивался вперед с его помощью, твердя себе, что своды туннеля не могут сомкнуться или закончиться тупиком. Пот градом катил по его лицу; у него не было возможности смахнуть ни единой капли, заставшей ему глаза. Более того, стало ясно, что и обратного пути он себя лишил: тун-

нель был уже настолько низким, что приподнимать бедра и пятиться назад он уже не смог бы.

Внезапно его ладонь не нашла под собой земляного упора. Вместо этого она повисла в воздухе. Яростный рывок, и теперь повисают в воздухе голова и плечи. Он осторожно протянул вперед руку. Глухая стенка. Это колодец. В два фута шириной. А вниз, в неизвестность, уходит пропасть. «Кажется, строители туннеля слегка перестарались, — подумал он. — Но ведь я знаю, что это такое и где я ползу. Я ползу по туннелю, который ведет к выходу из гробницы. Никакой ловушки здесь быть не может. Значит, сейчас я должен подтянуться, перевалиться через этот край... Потом голова зароется в землю. Но мне не привыкать задерживать дыхание. Если я ошибался, я очень скоро задохнусь... Уйдя головой на фут в землю, особенно не надышишься. А если я начну там барахтаться, то это произойдет еще раньше. Стало быть, барахтаться незачем. Если мне не удастся раскопать себе дорогу, значит — смерть».

Подтягиваясь, а потом извиваясь, Шеф окунается в неизвестность. Однако падения не происходит. Ноги предательски застревают в туннеле, а телу в тесном колодце уже не развернуться и не оттолкнуться. Наконец, каким-то образом сократив мышцы, он срывается вниз. Два фута — и внезапный удар. Зажатый меж стенок сузившегося колодца, он висит вверх тормашками. И по-прежнему — кромешная, абсолютная тьма.

«Не паниковать! Не верещать от ужаса! Да, это задача, над которой требуется поломать голову. Никакого тупика здесь быть не может. Зачем бы он понадобился? Торвин всегда говорит, что нет бремени приятнее, чем бремя разума».

Он осторожно начал ощупывать стену. Возле его шеи был проем. Изогнувшись, словно змея, нырнул он внутрь. Тело плюхается на земляной пол. А лаз на сей раз ведет наверх!

Прошла, кажется, вечность с тех пор, когда он в последний раз стоял на своих ногах. А пальцы уже нащупывают деревянную лестницу.

Преодолевая немоту в членах, он начал карабкаться наверх и вскоре стукнулся головой о люк. Однако люк этот, по замыслу, должен был открываться снаружи. Попыткам же

поднять его снизу он покорится не так-то легко. Не исключено, что над ним слой в полфута земли.

Вытащив из-под пояса точило, Шеф уперся ногой в стену колодца и острым концом ударил по люку. Дерево треснуло, полетела стружка. Еще несколько ударов, и он смог просунуть свободную руку в образовавшуюся расщелину. Теперь ему стало легче орудовать оселком. Наконец-то устремились вниз струйки земли, с каждым мгновением теперь утолщаясь, ускоряясь, пока не забрезжило над головой Шефа оконце раннего света.

Собрав последние силы, Шеф вывалился из туннеля. Вокруг были густые заросли боярышника. От входа в курган, в котором он проделал столь долгий путь, его отделяло не более сотни шагов. На его вершине стояла сейчас группа людей, что-то внимательно высматривавшая у себя под ногами. Ни прятаться от них, ни подкрадываться к ним незаметно он не будет. Шеф выпрямился, поправил на голове венец, приподнял оселок и зашагал вперед спокойной поступью.

Увидав своего единокровного братца, он почти не удивился. Заметили и его — день занимался ясный. Кто-то крикнул, кто-то бросился бежать. Другие начали медленно пятиться прочь от кургана. Над все еще не заваленной скважиной теперь высилась только долговязая фигура Хьёрварда. Шеф переступил через тело одного из своих соотечественников, рассеченное с плеча до середины груди мечом с широким лезвием. Успел он приметить и уцелевшего Гудмунда, который, оттянувшись со своими людьми на пятьдесят ярдов в сторону, напустил воинственный вид, вмешиваться, однако, не спешил.

Шеф поднял на лошадиное лицо брата утомленный взор.

— Так-так, братик, — промолвил он. — Тебе, похоже, одной своей доли показалось маловато. Тебе хочется чего-то еще. Или, может быть, тебя об этом кто-то очень попросил?

Хьёрвард вытянул лицо пуше прежнего. Вытащив из ножен широкий меч, он взмахнул щитом и начал спускаться по склону кургана по направлению к Шефу.

— Ты моему отцу не сын!!! — заревел он и размахнулся мечом.

Шеф выбросил вперед руку с каменным оселком, который был в ширину не меньше запястья крепкого воина.

— Нашла коса на камень, — невозможно заметил он,

проводя взглядом разлетавшиеся осколки. — А камень — на череп... — добавил он и, внезапно сложившись, молниеносно распрямил руку с оселком. С громким хрустом один из свирепых резных ликов на конце оселка погрузился в висок Хьёрварда.

Викинг пошатнулся, затем упал на одно колено, поддерживая себя в равновесии с помощью обломка меча. Шеф отошел, тщательно прицелился и на сей раз ударил еще сильнее. Снова хрустнула кость, и теперь Хьёрвард бессильно повалился навзничь. Из ушей, изо рта фонтаном хлестала кровь. Не спеша Шеф вытер с камня серую накипь и с некоторым для себя удивлением заметил стоящих вокруг воинов с корабля Хьёрварда. Те, в свою очередь, смотрели на него, разинув рты.

— Ничего, ребята. Дело семейное. Можете так не волноваться...

Глава 10

Кажется, этот Совет ничего путного не решит. Побелевшее, с трясущимися губами лицо Сигварда смотрело теперь в одну точку.

— Он же убил моего сына... — вновь и вновь бормотал он. — Пусть он мне за это уплатит...

Бранд, словно веслом, взмахнул своей ручищей, понуждая Сигварда замолчать.

— Мы сейчас слушаем Гудмунда! Продолжай, Гудмунд!

— Я расставил своих людей вокруг кургана. Тьма была кромешная. Вдруг появился Хьёрвард со своими людьми... Мы услышали их голоса, поняли, что это не англичане, но не понимали, что нам дальше делать. Тех, кто им мешал, они убрали с дороги... И потом Хьёрвард пытался убить своего брата Скъефа. Сначала хотел заживо похоронить его в кургане, а потом пошел на него с мечом. Мы все это видели. А Скъеф был только каменным брусом вооружен...

— Он убил Падду и пятерых землекопов! — пытался вставить Шеф. Но Совет пропустил эти слова мимо ушей.

Негромко, но внушительно зарокотал голос Бранда:

— По всему видать, Сигвард, что никаким вергельдом здесь и не пахнет. Даже за сына! Ведь он пытался убить тако-

го же, как он, члена нашей армии, жизнь которого охраняется уставом Пути. Если бы ему это удалось, я бы вздернул его на первом же суку. И кроме того, он пытался заживо зарыть в могиле своего брата. И если бы он его зарыл, вдумайтесь, чего бы мы лишились!

И он замотал головой, словно бы пытаясь вытряхнуть из нее столь чудовищное предположение.

А лишились бы они по крайней мере двухсот фунтов чистого золота. Причем много его было вылито в столь изысканные формы, что стоимость работы во много раз должна была превосходить стоимость самого металла. Были тут покрытые резьбой сосуды, сделанные руками римлян, изумительные крученые ожерелья из тусклого золота ирландской работы, монеты с ликами неизвестных римских правителей. Они нашли сокровища из Кордовы и Миклагарда — Византии, Рима и Германии. А помимо этого — набитые серебром мешки, которые в течение нескольких поколений казначеи королев складывали под землей у входа в туннель. Богатств этих, словом, хватило бы, чтобы осчастливить каждого из воинов Армии Пути. Впереди забрезжила безоблачная жизнь, вот только неизвестно было, всем ли удастся до нее дожить... Ибо с наступлением рассвета тайна перестала быть тайной.

Сигвард, не меняя выражения лица, сокрушенно pokrutil головой.

— Ведь они были братьями. Оба — сыновья одного отца...

— А потому здесь даже нельзя заикаться о мести, — подхватил Бранд. — Ты не можешь мстить одному своему сыну за другого. И мы требуем, чтобы ты поклялся, что не станешь искать этой мести... — Он помолчал. — Таков был удел, определенный им обоим нормами. Печальный удел, согласен. Но смертные не вправе его отвергнуть!

Сигвард на сей раз медленно нагнул голову.

— Ахе!.. Норны... Да, Бранд, я клянусь. Для меня Хьёрвард останется неотмщенным. Для меня...

— Вот и славно... Честно вам скажу, — проговорил Бранд, обводя взглядом сидевших за столом, — теперь, когда я сижу на всем этом немереном добре, у меня расшалились нервы, словно у девки, которую первый раз притащили на оргию... Вся округа только и делает, что перемалывает новости о том, что мы тут разыскали. Бывшие рабы Шефа чешут языками с керлами и трэями. И поэтому слухи идут и в ту и

в другую сторону. Так вот, рассказывают, что в королевство это вошла огромная армия. Англичане — из Мерсии. Они хотят тут заново утвердить владычество королей. И уж не сомневайтесь, о нас им тоже рассказали. И если они ребята толковые, они должны тут же постараться отрезать нас от кораблей. Это если они здесь нас не застанут... Поэтому мы снимаем лагерь сию же минуту. Люди должны выступить до наступления ночи. Идем, не останавливаясь, всю ночь и целый день — до завтрашнего захода солнца. Предупредите шкиперов, распорядитесь накормить скотину. И стройте своих людей.

Воеводы встали и потянулись к выходу. Шефу пришлось в голову проведать свои телеги. Могучая рука заставила его врасти в землю.

— К тебе это не относится, — сказал Бранд. — Была бы у меня с собой пластина вороненой стали, я бы тебе дал поглядеться... Ты знаешь, малый, что у тебя на висках седина выступила? Твоими упряжками займется Гудмунд. А ты уляжешься на задок телеги и накроешься моим плащом поверх своего собственного. — Он извлек из-за пазухи фляжку и передал ее Шефу. — Вот, отдавай. Я это для тебя приберегал. Считаю, что это подарок от Одина человеку, который раскопал самый ценный клад с той поры, когда Гуннар припрятал золотишко нифлунгов. — Шеф с наслаждением вдохнул пряный аромат забродившего зелья: мед Одина...

Пока он пил, Бранд с тревогой всматривался в мертвенно-бледное, осунувшееся лицо, в единственный и глубоко запавший глаз, в выпирающие из-под тугих желваков скулы. Любопытно, спросил он себя, сколько же запросил с него *draugar* в усыпальнице за свои сокровища? Он еще раз хлопал Шефа по плечу и поспешил восвояси, громко скликая Стейнульфа и шкиперов.

Когда колонна выступила, Шеф занял свое место на задке телеги, уместившись меж двумя сундуками с сокровищами и перекладной катапульты. Медовый напиток и мерное покачивание колымаги быстро сморили его в сон. По обеим сторонам каждой из груженных сокровищами телег выступало по дюжине викингов, выделенных Брандом из своих команд и осуществлявших отныне непосредственное сопровождение. Далее беспорядочной гурьбой шли освобожденные рабы-катапультеры, вдохновляемые слухами о том, что их доля

также может быть учтена при разделе этих несметных сокровищ, в каком случае они впервые в жизни ощутили бы тяжесть монеты в ладони. С тыла и фронта колонну прикрывали сильные отряды заграждения, которые готовы были поднять тревогу при малейшем признаке погони или засады. Бесконечно сновал туда-сюда Бранд, меняя своих кобыл всякий раз, когда те отказывались далее носить на себе его громадное тело. При этом он не переставая сыпал проклятиями, надеясь заставить колонну быстрее работать ногами.

«Пусть теперь другие помянутся», — устало подумал Шеф и вновь соскользнул в бездну дремы.

* * *

На сей раз он скакал во весь опор по равнине. Какое там скакал — неся, бешено прищипывая своего коня, который свирепо ржал каждый раз, когда седок растирал колесиками шпор кровоточащие раны на его ребрах, бился в удилах, но покорялся твердой руке и мчался дальше. Шеф приподнялся в стремях и огляделся. На кромке высокой гряды холмов показалось полчище всадников. Завидев их, преследователи, возглавляемые наездником на могучем сером скакуне Адилем, королем Швеции, бросились догонять.

Но кто же теперь он сам? Его мозг не в силах был распознать, в какую оболочку на сей раз было облачено его тело. Но то был человек необыкновенно высокого роста, настолько высокого, что, даже сидя в седле, он задевал ногами землю. У этого верзилы-Шефа были спутники, заметил разум. И тоже престранные. Например, рядом с ним мчался по равнине воин с такой широкой грудью, что под его кожаной курткой, казалось, припрятано дояркино коромысло. Широким было и его лицо; нос был вздернут, выражение лица говорило о звериных повадках. Лошадь его, в свою очередь, тоже была измотана скоростью этой скачки и, казалось, прогибалась под весом седока. Рядом же с ним скакал необычайно красивый юноша, стройный, светловолосый, с длинными девичьими ресницами. Девять или десять прочих верховых, несясь все с той же убийственной скоростью, держались впереди верзилы и двух его товарищей.

— Они нагоняют нас! — прорывал широкоплечий. Из-под седельной луки он достал короткий топорик и погрозил им преследователям.

— Нет еще, Бедвар, — произнес верзила. Он остановил скакуна, достал из переметной сумы мешочек, запустил в него руку и набрал в ладонь пригоршню золота. Покружив на месте, он рассыпал золото по земле и вновь пустил коня галопом. Спустил пару минут, оглянувшись с гребня следующего холма, он с удовольствием увидел, как их преследователи придерживали коней у золотой россыпи, начали теснить, оттирать друг друга, дабы успеть нагнуться и подобрать раскиданное золото. Но вот серый жеребец вырвался из толчи на простор и понесся во след беглецам. Большая часть всадников не пожелала от него отставать.

И еще пару раз верзила испытывал то же средство против погони, теперь уже почти растаявшей. Но шпоры уже никак не раззадоривали скакунов, которые не скакали, а едва перебирали медленной трусцой. Однако и до желанного спасения было теперь рукой подать: где, правда, они должны были его искать, Шеф-сознание указать бы не смог. Корабль? Граница? Не важно! Главное — туда добраться...

Лошадь под Бедваром внезапно рухнула и покатила вперёд, обдавая наездника брызгами пены и крови из ноздрей. Тот проворно выбрался из стремян, вскочил на ноги, вытащил свой топорик и с бесстрашным лицом стал дожидаться приближения немногочисленных теперь врагов. Те были всего в ста ярдах. А впереди всех Адиль Шведский на сером скакуне Храфне. Силы, однако, были неравны.

— Забери его, Хьялти, — скомандовал верзила и вновь запустил руку в заветный мешочек. Там было пусто, если не считать одной-единственной вещи. Кольца Свиагрис. С каждым мгновением смерть становилась все ближе. А чтобы спастись, требовалось одно последнее усилие. И все же он не знал, как ему поступить. Наконец, широко размахнувшись, верзила запустил кольцо в воздух. Оно упало в грязное месиво колеи и покатило вниз по склону прямо под копыта Храфна. Верзила же спешил и со всех ног бросился бежать к спасительному кряжу.

На гребне же холма он оглянулся в последний раз. Адиль, поравнявшись с кольцом, пытался подцепить его наконечником своей пики и без промедления возобновить погоню. Кольцо же каждый раз соскакивало с острия. Он попытался подвести скакуна с другой стороны, чем только задержал своих спутников, ибо вновь потерпел неудачу.

С бессильной злобой Адиль посмотрел вослед удалявшимся

врагам. Те уже почти скрылись из виду. Кольцо тем временем почти полностью утонуло в куче жидкого навоза. Внезапно он спрыгнул с седла, нагнулся, запустил руку в навоз...

Увидав это, верзила зашелся в приступе зловещего хохота. Его товарищи, бежавшие чуть впереди, обернулись и смерили его удивленным взглядом. Не скрывая своего ликования, он громко возвестил:

— По моей воле властелин всех шведов, как свинья, засунул сейчас свое рыло в дерьмо!

* * *

Пробормотав «*svinbeygt*», Шеф порывисто поднялся со своего ложа. Торвин не отрывал взгляда от его лица.

— Опущенное рыло, так ты сказал? Слова, произнесенные королем Рольфом в долине Фюрисвеллир! Рад, что ты отдохнул. Теперь, думаю, тебе лучше будет, как всем остальным, пойти пешком!

Он помог Шефу спрыгнуть с края телеги, сам спустился вслед за ним и немедленно зашептал ему на ухо:

— За нами движется войско. В каждом хуторе твои трэли узнают свежие новости. Судя по всему, нас преследует никак не меньше трех тысяч человек. Армия Мерсии. Они вышли из Ипсвича тогда же, когда мы вышли из Вудбриджа. О золоте им уже известно. Бранд послал нарочных с приказом для тех, кто остался в нашем лагере в Кроуленте, немедленно выступить, ждать нас в Марче и быть готовыми принять сражение. Если мы успеем с ними встретиться, — мы спасены. Двадцать пять больших сотен англичан на двадцать — у викингов. Но они, как всегда, не смогут держать строй. Но если они догонят нас до Марча... Все сложится совсем иначе... Знаешь, они говорят удивительные вещи. Армией той якобы верховодит *heimnar*. *Heimnar* — и его сын...

Шеф почувствовал, как внутри у него все затрепетало. Внезапно по колонне, от головы к тылу, начали передавать команду; воины оттаскивали телеги в сторону и отстегивали вьюки.

— Бранд останавливает отряд каждые два часа, чтобы напоить животных и подкормить людей, — объяснил Торвин. — Он утверждает, что даже при такой спешке это выкраивает для нас лишнее время.

«Итак, за нами движется армия, — думал Шеф. — А мы, сбиваясь с ног, спешим к своему избавлению... Знакомая история. Что-то должно мне быть передано через это кольцо, кольцо Свиагрис... Но кто тот, кто предупреждает меня? Ясно, что он — один из богов. Но не Тор и не Один. Тору я не мил, а Одину все равно: он только наблюдатель. Сколько же вообще существует богов? Хотел бы я спросить об этом Торвина! Но вряд ли это понравится моему покровителю. Не думаю, чтоб ему пришлось по душе любопытство!»

И Шеф зашагал к началу колонны, не переставая гадать о смысле кольца Свиагрис. Краем глаза он приметил сидящего на обочине дороги Сигварда. Тот восседал на складном парусиновом сиденье и провожал сына внимательным взглядом.

Когда начало светать, усталый взор Шефа нащупал величавые очертания элийского монастыря, выплывшие из пасмурной февральской мглы справа по ходу движения колонны. В свое время Рагнарссоны хорошенько почистили этот монастырь. Странно, что они не тронули шпиль на церкви.

— Теперь мы вне опасности? — спросил он Торвина.

— Трэли, похоже, так и думают. Смотри, как они веселятся. Но с чего бы? До Марча еще целый день топать... А войско из Мерсии в двух шагах от нас...

— За Эли начинаются фены, — сказал Шеф. — В это время года отсюда до Марча добраться можно только по гати, проложенной над водой и трясинной. Если нужно, мы можем перегородить строем дорогу и спокойно их поджидать. Обойти они нас не смогут. Здесь только одни местные тропки знают...

Внезапно вся колонна замерла. Замерла, потому что этого захотел Бранд.словно из-под земли он вырос перед Шефом и Торвином. Черный его плащ был изрядно замызган дорожной грязью, лицо было бледным и предвещало недоброе.

— Стоять! — зарычал он. — Всем стоять! Напоить, накормить лошадей! Ослабить подпруги! — Понизив голос, чтобы его слышали только стоящие перед ним члены Совета, он добавил: — У нас беда. Встречаемся в голове колонны. Только не показывайте виду...

Шеф и Торвин переглянулись и молча поплелись следом за Брандом.

Дюжина воевод уже поджидала их на обочине дороги, то

и дело выковыривая сапоги из трясины. Посередине, держа, как всегда, руку на навершии меча, молча стоял ярл Сигвард.

— Это Ивар... — без предисловий объявил Бранд. — Он ударил по лагерю в Кроуленде. Кого-то он прирезал, кто-то успел удрать... Ну и конечно, кое-кого он поймал. К этому утру они уже должны были заговорить. Значит, он уже знает, где мы назначили встречу. И о золоте он тоже будет знать... Стало быть, надо исходить из того, что он готовится перехватить нас. И наверняка уже выступил. Получается, с севера у нас будет Ивар, а всего в двух милях с юга — англичане.

— Сколько у Ивара людей?

— Те парни, которые сумели доскакать до нас, уверяют, что около двух тысяч. Часть армии осталась в Йорке. И других Рагнарссонов с ними нету. Только Ивар со своим отребьем.

— Если мы все будем в сборе, мы с ним потягаемся, — предположил Гудмунд. — Это же горстка ублюдков. Гаддгеллары. Гнилой народ...

— Но собрать-то всех наших мы не можем!

— Скоро соберем, — невозмутимо продолжал Гудмунд. — Если уж Ивар прослышал насчет золотишка, то, клянусь своими потрохами, в лагере об этом узнали раньше. И небось перепились там все так, что маму бы родную не признали. Ивар, наверное, тогда по ним и ударил. Но когда они придут в себя, те, кто уцелел, сразу выступят в Марч. Вот когда мы их там встретим, тогда сил у нас хватит, чтобы с Иваром говорить на равных... Но его самого ты забирай себе, Бранд! Ведь у тебя к нему свой счет.

Бранд только усмехнулся. Испугом эту братию не возьмешь, мелькнуло у Шефа. Чтобы их одолеть, придется их всех до одного вырезать. Плохо только то, что это может произойти очень скоро.

— А сколько англичан у нас сзади? — осведомился он.

Бранд вышел из состояния задумчивости, наваянного упоминанием о скором поединке с врагом.

— Ну, тут головных болей поменьше... Мы же всегда англичан колотили. Другое дело, если они залезут нам в тыл, пока мы с Иваром разбираться будем... Нам нужно время. Время, чтобы соединиться с остатками армии. И покончить наконец с Иваром.

Шеф размышлял о своем недавнем сновидении. Итак, надо им что-то подбросить... Какую-нибудь приманку. Но

только не сокровища! Живым Бранд с ними никогда не расстанется.

Королевское точило из усыпальницы по-прежнему торчало у него из-за пояса. Он вытащил его и обвел взглядом бородатые, увенчанные коронами лица, что были вырезаны на каждой его грани. Свирепые лица, не понаслышке знакомые с властью над людьми. Ведь короли делают то, что другим людям не под силу. И не только короли. Военачальники. Как, скажем, ярлы. Не зря же говорилось, что с захваченных сокровищ ему, дескать, придется платить подати... Кто знает, не нашел ли он способ это сделать. Он поднял глаза и вдруг увидел, что тяжелый взгляд Сигварда прикован к вещице, которую он крутил в руках. И которой он вышиб мозги из черепа его сына.

— Гать... — сипло выдавил из себя Шеф. — Поставим небольшой отряд. Это как глухая стена... Кругом не обойти, а лаза нету...

— Согласен, — отозвался Бранд. — Но кому-то из нас придется их возглавить. Им нужен воевода. Такой, чтобы привык брать на себя команду. И чтобы это были его люди, которым он доверять мог. Большой сотни, я думаю, хватит.

В течение минуты никто не проронил ни слова. Речь шла о выборе смертника. Живым из такого боя не возвращаются. Такую цену за собственную дерзость даже эти викинги платить не хотели.

Сигвард, сверля Шефа ледяным взглядом, ждал, что тот заговорит первым. Однако первым тишину нарушил Бранд.

— Один из нас имеет в своем распоряжении полную команду. Я говорю о человеке, сделавшем *heimnar* из тана, которого несут с собой англичане...

— Ты говоришь обо мне, Бранд? Ты желаешь, чтобы я и мои ребята ступили на тропу в Преисподнюю?

— Так, Сигвард. Я говорю о тебе!

Сигвард собрался было ему что-то ответить, но, подняв глаза на Шефа, замолк.

— Что же, я сделаю то, что ты хочешь. Вырезаны руны, в которых обо всем этом сказано... Ты мне до этого сказал, что смерти моего сына пожелали норны. Сдается мне, что норны на этой гати решили выткать узор из наших судеб. И не одни только норны.

Он ждал, когда сын поднимет на него глаза.

Передовой отряд английской армии, в котором никто за всю предыдущую ночь не сомкнул глаз, спустя час после начала сумерек угодил в кровавую западню. Англичане вступили на узкую гать по десять человек в ряд. Не успели они толком отдышаться от ночного перехода, а с полсотни лучших ратоборцев уже лежат поперек этой гати бездыханными. Остальные, смешавшись, попятились назад. Измученные, промокшие, голодные, злые на своих воевод, они даже не захотели попытаться уберечь от врага тела раненых и оружие. В течение целого часа воины Сигварда, не размыкая строя, вслушивались в беспорядочные обрывки чужой речи. Англичане что-то выговаривали друг другу. Затем голоса начали удаляться. Казалось, звучат они если не испуганно, то безо всякого воодушевления. Кто-то советовал проверить, нет ли обходной дороги. Другие считали, что надо подождать точных указаний. Стало ясно, что они готовятся сначала выспаться, несмотря на то, что одеяла их пропитались сыростью. А уж потом решить, стоит ли ставить под угрозу свои драгоценные жизни.

«Двенадцать часов мы отыграли, — подумал Сигвард, разрешив своим людям разобрать строй. — Но я-то ничего не выиграл. Могу присмотреть за дорогой, могу еще чем-то заняться. После того как он убил моего сына, я спать не буду. Одного сына у меня больше нет. А другой? Кто он такой? Если он все-таки мой сын, то это проклятие, которое послали мне боги...»

Когда начало светать, вновь появились англичане. Три тысячи человек хотели знать, какого рода препятствие встало у них на пути.

Тем временем викинги в неподатливом февральском грунте успели прокопать траншею, уходящую в фены по обе стороны от мостков. Углубив ее на фут, они увидели воду. Еще через пару футов выступила жижа. И вместо обычного для себя земляного рва они вырыли канаву в десять футов шириной. Со своей стороны они устроили завал из досок, на которые пошла оставленная Шефом телега. Вообще-то завал этот несколько керлов разобрали бы в два счета. При условии, правда, что за ним не останется ни одного викинга.

Поперек гати могло уместиться в линию не больше десяти

человек. А если вступить в бой, пространства хватило бы только на пятерых. Воины из Мерсии, боязливо подкравшись к врагам, вдруг обнаружили, что беспомощно барахтаются по пояс в ледяной воде. Обутые в кожаные башмаки ноги увязали в канаве. Когда же они наконец подошли к викингам вплотную, то, взглянув наверх, обнаружили обращенные прямо на них угрюмые лица, топоры с двумя руками, покоившиеся на исполинских плечах. Попробовать по ним ударить? Но сначала надо умудриться вскарабкаться по склизкому склону. И, скорее всего, только затем, чтобы стать более удобной мишенью для викинга.

Тогда, быть может, разворотить бруствер? Но только опустишь глаза, как такой вмиг снесет тебе с плеча руку, а то и голову с шеи.

Чем больше вступал в свои права короткий зимний день, тем настойчивее становились попытки цеплявшихся, подобно крабам, за крутой подъем канавы мерсийских ратоборцев завязать бой. Те, кто держался позади, подбадривали передних оглушительным воєм.

Поначалу ленивое, сражение становилось все более грозным. Квикхелм, опытный воевода, получивший поручение Бургреда сопровождать и поддерживать советом юного ольдермена, вконец раздраженный характером боя, решил отвести своих людей, а поперек дороги расставил двадцатку лучников, снабдив их огромными связками стрел.

— Метйтесь им в головы, — приказал он. — Не важно, попадете или нет. Главное — пусть пригнутся.

И поверх запрудивших канаву англичан на викингов обрушился ураган стрел и дротиков. Лучшие же из ратоборцев Квикхелма, подстегиваемые призывами к их гордости, получили наказ вязаться в схватку, но не пытаться с ходу пробить строй. Хорошенько измотать врага, а потом уступить место товарищам. Тем временем около тысячи человек были отосланы на многие мили в тыл, чтобы натаскать валежника и постепенно покрыть им дно канавы. Волны атакующих вскоре должны будут утрамбовать его, превратив в пригодную для решающего приступа почву.

Альфгар, взирая на сражение с расстояния в двадцать шагов, яростно теребил свою светлую бороду.

— Сколько же тебе потребно людей, чтобы перейти канаву и разобрать завал?! — вскричал он. — Да один добрый

удар — и мы прорвем строй. Велика важность, если некоторые погибнут!

Опытный воевода смерил старшего по положению Альфгара откровенно издевательским взглядом.

— Иди да сам скажи об этом этим некоторым! Или, может быть, ты сам хочешь счастья попытать? Вон, скажем, того истукана сможешь пройти? Который в середине и зубы сейчас скалит? Видишь, какие они у него желтые...

За полосой холодной воды, за спинами бьющихся воинов из мглистого воздуха выступило лицо Сигварда, хладнокровно расправлявшегося с потугами англичан подняться чуть выше по уступу канавы.

Альфгару пришлось поспешно спрятать за перевязью задрожавшие руки.

— Притащите-ка сюда отца, — глухо обратился он к своей свите. — Здесь ему есть на что полюбоваться.

* * *

— Смотри, ярл, англичане притащили какой-то гроб, — крикнул один из бившихся в первом ряду викингов. — Странно, что только один.

Сигвард метнул взгляд на проложенный соломой ящик, который носильщики поставили почему-то торчком. В ящике находилось тело, которое удерживалось в таком положении при помощи ремней и лямок. Сигвард прищурился и внезапно узнал человека, которого он изувечил. Задрав голову, он зашелся в припадке дикого хохота. Потом, подняв щит и потрясая топором, что-то крикнул по-норвежски.

— Что он говорит? — прошептал боровшийся с ужасом Альфгар.

— Он говорит твоему отцу, — перевел Квикхелм. — «Узнаешь этот топор? Думаешь, этот топор тебя забыл? Попытайся снять с себя штаны, и сам тогда все вспомнишь!»

Вульфгар шевельнул устами. Сын нагнулся к нему, пытаясь разобрать нечленораздельное сипение.

— Он говорит, что пожалует целое поместье тому, кто выдаст того человека живым...

Квикхелм только выпятил губы.

— Говорить — это одно... Это ведь такие дьяволы... Их,

конечно, можно одолеть, но голыми руками еще ни у кого не выходило. Никогда и ни у кого...

Высоко над их головами раздался какой-то леденящий душу свист. С каждым мгновением он становился все ближе.

* * *

— Опускай! — рявкнул карл, надзирающий за орудийной командой. Дюжина приникших к канатам трэлей одновременно выбрасывает правую руку поверх левой и гудит: «Раз-два-три-двигай»... Праша соскальзывает в руки карла. В то же мгновение заряжающий вскакивает с колен, заталкивает десятипудовое ядро в петлю праши и тотчас пятится назад на свое место, тянется за следующим снарядом.

— Натяни! — Спины и рычаг выгибаются дугой, а карл приподнимается на цыпочках.

— Толкай! — Двенадцать глоток ухают, хлопает праща, и ядро уходит буравить воздух. По пути оно вращается, и благодаря проскобленным на ее поверхности бороздкам по всей окружке разносится зловещее завывание. Спустя еще миг вторая команда слышит окрик своего карла:

— Натяни!

Приводимые в действие натяжением канатов катапульты удивительны тем, что становятся по-настоящему страшным орудием при использовании на возможно дальнем от цели расстоянии. Чем выше заброшены в небо их снаряды, тем хуже придется тем, кого они поразят при падении. Обе команды бывших рабов, оставленные Шефом при отступлении вместе с телегами и орудиями, установили свои камнетолкалки на той же гати, точно отсчитав двести шагов от места, где Сигвард возвел свой бруствер; камни же перелетали викингов на двадцать пять ярдов.

Худшего положения, чем то, в котором очутились англичане, вообразить было невозможно. Узкая гать мигом обернулась для них кровавой кашей: ядра не отклонялись от заданной траектории больше чем на два-три фута — таким образом недавние рабы после сотен упражнений добились того, что каждый из них теперь каждый раз проделывал в точности то же самое и с той же умопомрачительной скоростью. Три минуты они вели безостановочный обстрел. Затем получали время, чтобы отдышаться.

Сыпавшиеся с небес камни несли смерть, не оставляя раненых. Первый же снаряд ударил в голову высокого воина и приплюснул череп так, что он едва ли не сравнялся с туловищем. От второго кто-то непроизвольно попытался укрыться щитом. Руку отнесло за спину, а скользящий по щиту камень раздробил грудную клетку. Третий камень поразил чью-то спину и разможил позвоночник. Возникла невообразимая сутолока. Англичане не в силах были уразуметь, каким образом их истребляют. А в сгрудившуюся массу людей по-прежнему сыпались ядра, меняя разброс лишь в зависимости от того, насколько мощно налегли на канаты трэли. Но, летя по прямой, ядра эти неумолимо поражали воинов, остававшихся на этом участке гати. Вне опасности оказались лишь те, кто бросился с перепугу в канаву перед бруствером викингов.

Через три минуты, ошеломленно озираясь, возглавлявшие приступ ратоборцы увидели, что все пространство за ними превратилось в кровавое месиво, из которого пытались всеми способами выбраться обезумевшие люди. Дальше известной отметки ядра не долетали.

Квикхелм, пробившись вперед, взмахнул мечом и зарычал вне себя от бешенства, обращаясь к Сигварду:

— Давай сделай шаг! Перейди свою канаву, и поговорим, как мужчина с мужчиной! Или вы горазды только камни швырять?

Сигвард вновь показал ему свой желтый оскал.

— Сам иди! Иди сделай меня! — заорал он на своем подобии английской речи. — Ты храбрый такой. Возьми больше таких храбрых!

«Ну вот, еще несколько часов... — подумал он. — Сколько еще нужно англичанину, чтобы начать работать головой?»

«Не так уж много», — мрачно подумал он спустя некоторое время. Под конец короткий февральский день одарил всех хлопьями мокрого снега. Да, канавы и эти камни в придачу сбили их с толку. Но очень медленно, хотя, быть может, чуть быстрее, чем бы ему хотелось, они оправлялись от потрясения. И начинали делать то, что он на их месте сделал бы почти сутки назад.

Ничего в частности — но зато все сразу, одновременно. Во-первых, изнуляли небесные силы датчан лобовой атакой. Изматывали нервы стрелами и пиками. Забросали канаву валежником, чтобы наступающим было легче продви-

гаться к завалу. По гати двигались разреженным строем; были все время начеку, не желая стать легкой жертвой камне-толкалок. Другие небольшими группками попробовали пробраться через болото, обойти его отряд, чтобы еще больше потерзать скудную оборону. Третьи раздобыли лодки и на баграх собирались пройти ему в тыл, угрожая отрезать пути к отступлению. Его парни то и дело теперь вращают головами. Один мощный натиск — и англичане, даже если кое-кто из них останется лежать в этой канаве, прорвут его строй.

Он вдруг почувствовал, что кто-то несильно тянет его за рукав. Это был один из тех рабов, что обслуживали камне-толкалки. Он лепетал на ломаном норвежском:

— Мы уходим... Камней — нет. Мастер Шеф сказал — стреляйте, пока камни не кончатся, а потом уходите. Режьте канаты, машину утопите в болоте... Уходите.

Сигвард кивнул. Тоненькая фигура развернулась и засеменила обратно. Пришла пора решить вопрос чести. У него есть судьба, от которой он не вправе уклониться. Он шагнул к переднему ряду бойцов и поочередно похлопал их по спине.

— Начинай двигаться, — говорил он каждому. — Быстро в седло. И не задерживайся. Скачи прямо на Марч. Они тебя не догонят.

Его рулевой Вестлиди, когда ярл обратился к нему, посмотрел, однако, на него с сомнением.

— А кто тебе подведет коня, ярл? Лучше бы ты уходил сейчас.

— Мне еще есть чем заняться. Давай, Вестлиди. Это моя судьба. Тебя она не касается.

Когда, шлепая по грязи, за его спиной стихли последние шаги, Сигвард увидел обращенные к нему лица лучших ратоборцев Мерсии. Они опасливо подкрадывались к нему, лихорадочно озираясь в ожидании очередного подвоха после дня, унесшего столько жизней.

— Вперед, смелее, — прорычал он. — Здесь только я один!

В этот момент передний воин пошатнулся на скользком грунте, и Сигвард со скоростью дикого вепря бросился на него, рубя мечом наотмашь. Следующий удар, колющий, распорол англичанину подбородок. Сигвард отпрыгнул, качнулся сначала влево, потом вправо, сбивая с толку взбешенных врагов.

— Все ко мне! — крикнул он и вдруг затянул «Песнь на смерть Рагнара», сочиненную скальдом Ивара Рагнарссона:

Дороги свои проложил я мечом. Шесть раз по десять
И еще один бой провел я в переднем строю,
Но сколько врагов ни встречал я, — хоть рано я начал
Кольчуги на кольца кроить, — с равным себе я не бился.
Пусть же боги готовят мне встречу. О смерти я не горюю...

Над бешеным лязгом поединка, в котором один человек схватился с целой армией, громыхал страшный глас Вульфгара:

— Живым! Живым! Давите его щитами! Только живым!

«Пускай теперь делают со мной что хотят, — подумал Сигвард, вращаясь и раздавая во все стороны удары. — Я еще не выиграл сыну столько времени, сколько ему нужно. Но еще одну ночь он получит... Правда, для меня она будет очень длинной...»

Глава 11

Шеф и Бранд, стоя плечом к плечу, внимательно разглядывали развернутый строй — двести человек в ряд, — надвигавшийся на них по ровному, густо поросшему травами дерну. Над передней линией реяли боевые стяги, личные знамена ярлов и знатных ратоборцев. Воронов братьев Рагнарссонов среди них заметно не было: они взмывали над строем только тогда, когда войско вели все четверо. В тот день над головами задних рядов ветер надувал продолговатый стяг с изображением свернутой кольцом Гадюки. Это и было личное знамя Ивара Рагнарссона. Прищурившись, Шеф заметил мелькнувшие за спинами воинов серебряный шлем и алую накидку.

— Чую, быть настоящей мясорубке. Мы с ними друг друга стоим... — бормотал Бранд. — Даже победивший за победу эту заплатит сполна. А уж в переднем строю сегодня только самые лихие и отчаянные пойдут. Ивар-то сам подальше держится. Жаль, что он так струхнул, я бы тогда сам с ним разобрался. Потому что есть только один-единственный способ все решить без особых хлопот: побыстрее кончить Ивара. Тогда все остальные сразу руки опустят.

— А они сами такой способ к нам не применяют?

— Вряд ли у них получится. Нашим парням не надо объяснять, как выглядит золото. А они его в глаза не видели.

— И все-таки ты думаешь, что нам с ними не справиться? Бранд снисходительно потрепал Шефа по плечу:

— Герои такие мысли от себя гонят. Но ведь каждый когда-то должен проиграть. А числом мы им уступаем...

— Ты, кажется, забыл посчитать моих трэлей.

— Что-то не слышал я, чтобы трэли сражения выигрывали...

— Сегодня ты сможешь это увидеть!

И Шеф, оставив Бранда стоять под знаменем с Молотом, бегом направился в тыл их собственного строя. Он был развернут точно так же, как войско Ивара, только в шеренги по пять, ибо с подкреплением у Армии Пути было негусто. Свои поставленные на колеса вращательные катапульты, метавшие гигантские стрелы, Шеф приказал расположить в одну линию. Прикрывал их только первый ряд воинов с длинными щитами. Гораздо дальше первых он поставил другие свои катапульты, что метали камни, — здесь, правда, недоставало двух машин, переданных им Сигварду. Отряды трэлей придерживали хлопающие на сильном ветру ремни.

Но первым в дело предстояло вступить вращательницам. Упершись алебардой в землю, Шеф легко вскочил на центральную из девяти расставленных им телег, в упряжи которых по-прежнему били землю копытом быки, и обвел внимательным взглядом устремленные к нему лица. Воины застыли в ожидании решающего зова.

— Разойдись!

Викинги, заграждавшие собою смертельное оружие, попятись в разные стороны. Канаты были уже закручены до предела; заряжающие толклись рядом с машинами с охапками стрел; все было готово к бою. Медленно катящийся на Армию Пути плотный вал людей был изумительной мишенью. А над лугом тем временем хриплым эхом прокатилась песня: «*Ver thik*, — мычали Рагнарссоновы викинги, — *ver thik, her ek kom*. Берегись, я уже близко».

Шеф пронзил воздух острием алебарды, указывая на приближающегося врага.

— Отпускай!

Черные полосы прорезали в воздухе дугу и на излете вгрызлись в первый ряд войска Ивара.

Приникшие к рычагам трэли бешено завращали колесо;

снаряды точно легли в желоба. Шеф дождался, когда будет перезаряжено последнее орудие. Наконец он увидел взмах, сообщавший о готовности.

— Отпускай!

И снова глухой стук, снова темнеет и оглашается жутким воем небо. А за ними следует возбужденное гиканье стрелков. Ибо от бывшего грозного строя в Иваровом войске не осталось и следа. Пение становится все тише, а потом и вовсе смолкает. Разрозненные группки викингов устремляются вперед, рассчитывая побыстрее прийти в соприкосновение с передовым строем врага, дабы не ждать, покуда их, подобно пороссятам, насадят на вертела, не дав им даже разок ударить мечом. А ведь забег на полмили в тяжелых латах хорошенько с них спесь собьет. Так что с одной задачей его стрелки уже справились.

И однако бесконечно истреблять врага они не способны. Шеф прикинул, что до момента сближения еще дважды успеет перезарядить орудия. Что ж, одних врагов будет меньше, а остальным это должно потрепать нервы.

Когда, выстрелив последний раз, орудия тяжело откатились назад, он приказал отвозить их в тыл.

Обслуга похватила вожжи и, радостно галдя, потащила вращательницы в тыл.

— Заткнитесь и начинайте подводить камнетолкалки.

Спустя всего несколько секунд трэли нагружали пращи и наводили прицел на новых орудиях. От викингов такого не дожدهшься. Они бы обязательно с минуту-другую бахвалились, какие они герои, подумалось Шефу. По взмаху его алебарды в воздух одновременно взмыло десять булыжников.

В мгновение ока в пращах повисли новые ядра. Следуя указаниям карлов, трэли привели в исходное положение громоздкую раму. Теперь противника терзал непредсказуемый камнепад — единого залпа орудия больше не давали. Причем каждая из машин производила выстрел немедленно вслед за тем, как в прашу погружалось ядро.

Измотанные таким положением дел, воины Ивара побросали свои места в строю и пошли в отчаянную атаку. Камни уже перелетали переднюю линию наступающих. Однако через бреши в рядах противника Шеф не без удовлетворения разглядел разможенные тела, судорожно копошащих-

ся раненых. Казалось, по стае улиток прошла маршем могучая колонна.

Наконец с воем и клацаньем два строя перемешались, вмиг покатались к Шефу, затем, спружинив, качнулись обратно. Армия Пути приняла удар, выстояла и начала оттеснять врага. Еще через пару мгновений сражение распалось на десятки парных боев, в которых викинги изощрялись в своем искусстве, мечами и топорами орудия с одинаковым совершенством; блестяще прикрывались щитами, стараясь заодно увести руку противника, успеть сделать выпад мечом или закончить поединок свирепым ударом наконечника на щите под ребра или в лицо.

И в тон оглушительному лязганью облаченные в белые одежды жрецы Пути, сгрудившись у священного серебряного копья Одина, бога всех воинов, затянули свою унылую песню.

Шеф то сжимал, то разжимал пальцы на древке алебарды. Строго говоря, он со своей задачей справился. Должен ли он теперь сломя голову кинуться на подмогу бьющимся в строю товарищам? Стать одним из четырех тысяч викингов?

Но нет! Он уже видит новую позицию для своих орудий. Крича и размахивая руками, он понукает трэлей. Новая задача для них в диковинку, они не сразу смекают, что к чему. Наконец они подбегают к метательным машинам со стрелами и начинают подгонять снабженные колесами орудия к стоящим неподалеку телегам, вталкивают их под парусиновый навес.

— Вокруг строя — за мной! Они сейчас пошли напролом. Мы сможем забраться им в хвост...

Заглушая грохот сечи собственным скрежетом, повозки нестерпимо медленно потащились в обход фронта и были услышаны кое-кем из стоявших в подкреплении викингов. Он поймал на себе несколько недоуменных взглядов. Не собирается ли он удрать вместе с машинами? Да еще с телегами и быками? Некоторые лица он узнал: то были Магнус, Кольбейн и другие гебридцы, ожидавшие, когда наступит их черед включиться в сражение. Бранд поставил их в заднем ряду, заявив, что с их алебардами лучше не соваться в близкий бой.

— Магнус! Мне нужно поставить по шесть человек к каждой телеге для прикрытия.

— Если я отпущу людей, в подкреплении никого не останется.

— Если ты их отпустишь, подкрепления уже не понадобятся.

Гебридцы примкнули к поезду повозок. Шеф повел их в обход обеих сражавшихся армий: сначала они миновали ряды воинов Пути, затем — разинувших от изумления рты викингов Ивара. Но, находясь в самой гуще сражения или на ближайших к нему подступах, они не захотели расходувать внимание на это чудное зрелище. В конце концов телеги удалось поставить в отменную позицию справа от задней линии Ивара.

— Теперь стойте. Раскрутите телеги влево. Под колеса — подпорки. Да нет же! Не надо снимать машины с телег. Будем стрелять прямо из них. А теперь живо стащите парусину...

Сопровождавшие вырвали колышки, стащили и сбросили с каждой телеги парусиновый верх. Заряженные, с туго натянутыми канатами, орудия смотрели своими жалами на Иварово войско.

Шеф решил тщательно выбрать цель. Оба войска вцепились друг в друга смертельной хваткой, не помышляя пока обходить врага с края. Сражение, по сути, протекало по одной линии около двухсот ярдов длиной. В центре же своего строя Ивар собрал как можно больше бойцов; поставленные в шеренги по двадцать, они неистово рвались вперед, давя своею страшной массой на уступавшего числом врага. Именно числом и весом Ивар, кажется, намеревался прорвать линию Армии Пути. Именно над центральной частью строя развевался его змеиный стяг. Итак, ему есть куда прицелиться. И не обязательно бить в передние ряды, чтобы случайно не попасть в своих.

— Меться в центр. В самый центр. Видите — где флаг с гадиной?.. Отпускай!!

Выстрелив, катапульты подскочили передками в воздух, однако жесткий деревянный настил гасил откат лучше размягшей почвы. Трэли уняли колебание орудий, откатали их чуть назад, а обслуга, работавшая на рычагах, успела проворно приладить к ним отскочившие было рукоятки.

А вокруг змеиноного стяга творилось нечто невообразимое. В гуще мельтешивших тел взгляду Шефа явились двое, припиленные друг к другу огромным шипом, что жаворонки

при за жарке. Другой воин отчаянно пытался извлечь сломанный наконечник из своего плеча. Постепенно свирепые взгляды викингов обратились к орудиям. И не только взгляды. Многие выставили щиты, видимо успев сообразить только, что их атаковали с тыла, и готовясь немедленно встретить противника. Гадюка над их головами по-прежнему свивала кольца. Знаменосец был окружен стеной тел. Как только снаряды были водворены на место, Шеф рывкнул:

— Отпускай!

И на сей раз Гадюка куда-то сгнула, что немедленно нашло восторженный отклик среди воинов Пути. Тут же кто-то подхватил, дерзко возвысил знамя, но в центре Иварова войска образовалась теперь кровавая прогалина глубиной в пять ярдов. Уцелевшие воины тщетно пытались удержать равновесие — их ноги то и дело спотыкались о мертвые тела, скользили по влажной траве. Однако произошло еще одно важное изменение: к машинам теперь со всех ног бежала рычащая ватага викингов.

— Меняем прицел? — осведомился старшина трэлей, тыча в приближавшегося врага.

— Нет! Наводи на Гадюку! Отпускай!

Шквал снарядов принимал плотный строй воинов, похоронил в общем хаосе знамя. Некогда поднять голову, взглянуть в ту сторону еще разок. Рычаги бешено вращаются. Но следующего выстрела, судя по всему, уже не будет.

Шеф нагнулся, зажал древко «возмездия раба» латной рукавицей. Застегнул на голове шлем, который еще ни разу не прошел испытания боем.

— Те, кто с алебардами, — становитесь на телеги. Постарайтесь их осадить. Обслуга при катапультах — вытащите рычаги, хватайте мотыги...

— А с нами что будет, хозяин? — с полсотни освобожденных рабов с вышитыми на камзолах молотами не тронулись с места. — Ты разрешишь нам бежать?

— Живо залезайте под телеги. И работайте ножами.

В следующую секунду вал армии Рагнарссонов захлестнул их. Последнее, что успел ясно увидеть Шеф, — это перекошенные нетерпением лица и бешеная пляска мечей. С этой секунды он почувствовал громадное облегчение. Думать было уже поздно. О других заботиться — тоже. Исход битвы более никак не зависит от его решений. И оставалось лишь

крутить, вращать, крушить своей алебардой, как бы снова оказавшись в кузнице перед наковальней, а не перед свирепой шайкой врагов, оставалось защищать себя и отвечать ударом на удар, выпадом на выпад.

Разумеется, на ровной поверхности приспешники Рагнассонов, превосходившие, помимо умения, своих противников даже в количестве и вооружении, разорвали бы такой ничтожный отряд в мелкие клочья. Но они решительно не представляли себе, как следует действовать против забравшихся на телеги воинов с длинными алебардами. Стоя на дубовом настиле, гебридцы во главе с Магнусом были уже одним футом выше врагов. И еще один лишний фут преимущества они получали благодаря изготовленному для них Шефом оружию. Викинги пытались поднырнуть под древки алебард и вскарабкаться в повозки, но тут же ощутили на себе крепость английских дубинок и мотыг. А пока они приходили в себя, из-за колес вдруг показывались тощие руки и втыкали им в пахи и бедра ножи.

Сделав несколько неудачных попыток, викинги оттянулись назад. Как всегда, среди них нашелся толковый воин, который зычно стал призывать товарищей перестроиться. Спустя пару минут у всех телег была перерублена упряжь. Быков отогнали прочь. Схватив вожжи, викинги поволокли телеги в сторону, желая перебить засевших под ними трэлей. Другие отошли на пару шагов и ошетинились лесом дротиков и пик. Ни увернуться, ни защитить себя гебридцы не сумели бы.

В этот миг взгляд Шефа внезапно остановился на Муиртайге. Великан немедленно выступил вперед, причем шеренги расступились, давая ему проход, точно волчья стая — своему вожаку. Кольчуги на нем не было; свисавший с левой части туловища шафрановый плед оставлял неприкрытыми правую руку и торс. Он отшвырнул свой круглый маленький щит и сжимал обеими лапами гигантский меч с длинным острием на конце.

— Ну, малыш, давай поговорим по душам, — сказал он. — Я лично собираюсь снять твой скальп и хорошенько им подтереться.

Вместо ответа Шеф, дернув за застежку, рванул на себя парусину с телеги.

Но следующего движения он сделать не успел. Муиртайг

метнулся вперед с такой скоростью, какую Шеф вообще никогда бы не заподозрил за человеческим существом. Благодаря чистому наитию Шеф в самый последний миг отпрянул, но споткнулся о колесо своего стоявшего сзади орудия. Муиртайг уже перескочил борт телеги, выбросил вперед руку с мечом, намечая место в теле врага, которое он собирался продырявить. Шеф еще раз отпрыгнул, налетел на могучего Магнуса, вновь потерял устойчивость и уже не мог ни ударить, ни отвести удар...

Муиртайг отвел руку. Когда же он, вложив все силы в удар, начал движение, по плечу его ударил рычагом волеинщик по имени Квикка. Клинок, словно тоненькую ниточку, рассек натянутую на совесть могучую тетиву катапульты.

Гнусавое пение катапульты тут же перекрыл оглушительный хлопок, более громкий, чем звук, с каким входит в воду гарпун.

— Святая дева... — прохрипел Муиртайг, бессмысленно глядя пред собой.

Спущенный рычаг катапульты, сорвавшись с места, разрушил все, что оказалось у него на пути в ближайших шести дюймах. Дальше этих шести дюймов он просто не смог пролететь. Но в его коротком перелете оказалось не меньше мощи, чем у снаряда, пролетевшего мимо. Половина обнаженной груди Муиртайга была снесена, словно бы на нее опустил свой страшный молот какой-то йотун. Изо рта ирландца хлынули потоки крови. Он отступил на шаг, пошатнулся и тяжело рухнул на борт телеги.

— Ты, кажется, опять обратился в христианство, — сказал Шеф. — Вспомни: «око за око»... — И, перевернув алебарду, он пронзил Муиртайгу глаз и ввел ее острие глубоко в его мозг.

В течение этого короткого поединка картина боя полностью переменялась. Подняв голову, Шеф увидел лишь спины. Нападавшие были обращены в бегство, бросали оружие, судорожно расстегивали лямки на щитах.

— Братья! — кричали они. — Товарищи! Сколько вместе браги выпито...

Один из них, по всей видимости сторонник Пути, побоявшийся оставить отца или вождя в Йорке, стоял, нелепо вытаскивая из-за рубахи серебряную пектораль. А сзади Иварово войско настигал ощерившийся мечами клин, во главе ко-

торого мчался семимильными шагами Бранд. Вся равнина впереди клина была усеяна беспорядочно бегущими, отчаянно ковыляющими, просящими пощады с поднятыми руками викингами. Все это означало, что строй Ивара был прорван. Теперь те, кто рассчитывал выжить, должны были уповать на собственную выносливость, ибо снимать кольчуги было не время, либо на милосердие врага.

Шеф опустил «возмездие раба» и почувствовал внезапный прилив усталости. Свесившись с борта телеги, он краем глаза неожиданно приметил какое-то стремительное перемещение. Два скакуна, на одном из которых был всадник в алом плаще и ярко-зеленых шароварах.

Повернувшись в седле, Ивар Рагнарссон взглядом пронзил стоявшего у телеги Шефа. Затем он и его телохранитель подстегнули коней и скрылись с поля боя, подняв после себя в воздух только облако пыли.

К Шефу могучими шагами направлялся Бранд.

— А ведь ты меня напугал, — заговорил он, крепко сжимая его руку. — Я-то подумал, что ты сделал ноги. А ты и впрямь сделал ноги, только не от сечи, а в самую ее гущу... Неплохой выдался денек!

— День еще не закончился. У нас в тылу целая армия, — сказал Шеф. — И Сигвард. Вообще-то я ожидал, что мерсийцы покажутся сегодня на рассвете. Значит, он каким-то образом сумел задержать их на двенадцать часов дольше, чем я мог надеяться.

— Дольше, да недостаточно долго, — проговорил не слезавший с телеги Магнус, прозванный теперь Щербатым. Подняв руку, он показывал куда-то вдаль. Там, на горизонте равнины, превращая в слепящие стрелы шальное зимнее солнце, искрились наконечники копий и шлемов надвигавшейся на них развернутым строем огромной армии.

— Мне нужно время, — глухо процедил Бранд на ухо Шефу. — Иди, малый, затей с ними торги. Выгадай мне пару часиков...

Выбора не было. Гудмунд и Торвин вызвались его сопровождать. Они пошли навстречу мерсийскому строю, отличавшемуся от того, который они только что сокрушили, разве что внешними атрибутами, а именно тремя вознесенными над ним огромными крестами.

А в это время Армия Пути лихорадочно пыталась привес-

ти себя в порядок. Не менее трети воинов она потеряла за несколько часов боя убитыми или тяжелоранеными. А потому работа нашлась даже тем раненым, что могли держаться на ногах: нужно было разоружить сдавшихся в плен Иваровых сторонников, снять с них доспехи, тщательно расчистить поле боя от всего нужного и ненужного — в чем им с понятным воодушевлением помогали бывшие трэли, — а также отогнать, словно скотину, раненых врагов от кораблей, для чего понадобилось набрать особый отряд, а тех немногих, кто умудрился выжить после того, как над ними поработали мародеры, перепоручить заботам лекарей.

Армия же могла создать лишь видимость построения. Несколько сотен уцелевших ратоборцев встали в линию. За ними же шеренгами были выстроены пленники с длинными путами на руках. Взамен обещанной жизни им было велено стоять здесь и пугать противника своим количеством. В полумиле за строем трэли и воины усердно копали канаву, расставляли орудия. Но другие в это же время разворачивали лошадей и повозки, готовясь к новому отступлению. Армия Пути была явно не настроена сражаться. Нет, дух ее был на высоте, но после победоносного изгнания врага с ратного поля обычай требовал закатить пиршество и, во всяком случае на время, дать себе роздых. Повести же воинов в новое сражение при неравенстве сил было и вовсе нелегко.

Навстречу Шефу шагали трое, один из них священник. Еще двое толкали перед собой странного вида тачку. Следующие несколько минут, подумал Шеф, могут иметь самые серьезные последствия для жизни многих тысяч людей. А что до тачки, то он ни минуты не сомневался, что она служит пристанищем для его приемного отца.

Обе группы, остановившись шагах в десяти друг от друга, обменивались не слишком приветливыми взглядами. Молчание стало тяготить Шефа.

— Молодчина, Альфгар, — промолвил он. — Вижу, ты становишься важной птицей. Довольна ли тобой наша мама?

— Наша мама до сих пор не может прийти в себя после того, что сделал с ней твой отец. Твой покойный отец. Но перед тем, как умереть, он много нам о тебе рассказал. Времени у него было сколько угодно.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это ты его взял в

плен? Или, как в той битве при Стауре, ты держался подальше от мужского дела?

Альфгар шагнул вперед, порывисто хватаясь за рукоять меча. Но угрюмого вида воин, державшийся чуть сзади остальных, успел перехватить его руку.

— Меня зовут Квикхелм, я воевода короля Бургреда Мерсийского, — произнес он. — Мне поручено помочь учредить власть нового ольдермена над шайрами Норфолк и Суффолк и обратить их в подданство моему королю. А кто вы такие?

Неторопливо и обстоятельно, памятуя о судорожных приготовлениях, развернувшихся за спинами парламентаров, Шеф представил своих товарищей. Столь же внимательно выслушал Квикхелма, представлявшего ему Альфгара, Вульфгара и священника. Отрекся от каких бы то ни было враждебных намерений. Объявил, что намерен отвести свои войска. Намекнул, что за причиненный шайрам ущерб готов выплатить необходимую подать...

— Брось мудрить, шенок, — внезапно перебил Квикхелм. — Ты не можешь сейчас драться, вот и начинаешь нам зубы заговаривать. Поэтому, если хочешь завтра солнышко увидеть, будешь делать то, что я тебе скажу. Во-первых, ты разграбил усыпальницу королей в Вудбридже. Теперь ты отдашь все сокровища до последней цепочки. Я должен передать их своему королю. Это теперь его земля...

— Во-вторых, — подхватил священник в черной рясе, который все это время сверлил взглядом Торвина, — среди вас оказались христиане, которые отступились от своей веры, предали своих господ. Они должны получить заслуженное наказание...

— И ты в том числе, — сказал Альфгар. — Как бы мы ни решили с остальными, тебя мы с отцом не отпустим. Я посажу тебе на шею хомут собственными руками. Можешь поблагодарить нас за то, что ты не познаешь участи своего отца.

Шеф невозмутимо переводил сказанное Гудмунду.

— Какова же была участь моего отца?

До этого самого момента Вульфгар не проронил ни слова. Крепко привязанный лямками, он откинул голову на заднюю стенку тачки. Шеф хорошо помнил изуродованное мучкой лицо Вульфгара, сидящего в лошадиной кормушке. Те-

перь же оно зарумянилось, а сквозь подернутую сединой бороду проступили хищные красные уста.

— Такая же, какую в свое время познал я, — пророкотал он. — Но только мой замысел оказался изящнее. Сначала мы отсекали ему пальцы на руках, затем — на ногах. Потом срезали одно ухо, другое, оторвали губы. Глаза мы ему оставили — он видел то, что с ним делали. Язык тоже — чтобы верещал. Отняли руки и ноги — сначала запястья и ступни, потом руки выше локтей, выше колен — бедра. Я проследил за тем, чтобы крови не было. Одним словом, я обстругал его, как мальчишка обстругивает ножиком прутик. От него в конце концов осталась только одна тушка... Вот, мой мальчик, взгляни. Это тебе на память о твоём отце.

Он кивнул, и один из слуг, размахнувшись, швырнул под ноги Шефу кожаную суму. Шеф развязал тесьму и заглянул внутрь. Потом пихнул мешок в сторону Квикхелма.

— Ты служишь подонкам, воин, — произнес он.

— Пора уходить, — шепнул Гудмунд.

Не решаясь повернуться друг к другу спинами, англичане и викинги начали пятиться, пока не оказались на достаточно безопасном расстоянии. Затем быстрым шагом устремились к своим. Подходя к строю Армии Пути, Шеф услышал, как за спиной взревели боевые рожки мерсийцев. Вслед за тем округа огласилась протяжным воем и звоном кольчуг. Англичане пошли вперед.

И в то же мгновение, как и было условлено заранее, строй викингов пошатнулся, рассыпался и дал стрекача. И это была лишь первая стадия их тщательно разработанного плана отступления.

* * *

Спустя несколько часов, когда тьма наконец проглотила долгие зимние сумерки, Бранд сипло выдавил на ухо Шефу:

— Ну, малый, по-моему, достаточно...

— На сегодня — да, — согласился Шеф. — А что будет завтра — не знаю.

Бранд неуклюже повел плечами и начал раздавать команды — остановиться, разжигать костры, готовить ужин.

Целый день воины Армии Пути откатывались назад, прикрывая свои грозные орудия и пуская их в действие вся-

кий раз, когда мерсийцы развертывали строй; затем поспешно грузили их на телеги, навьючивали отдельные части на лошадей и вновь, разбившись на отряды, начинали отступление. Мерсийцы же наваливались на них, подобно людям, которым не терпится поскорей усмирить и посадить на цепь дикую собаку: едва подкравшись вплотную к рядам викингов, они тут же, напуганные видом клыков и свирепым кланьем, рассыпались в обратном направлении, но вскоре, одумавшись, начинали облаву по новой. Три раза за этот день строи двух армий сходились, но только тогда, когда воины Пути решали уцепиться за преграды, так или иначе возникшие на пути англичан: была ли то вырытая ими канава, или плотина, насыпанная вдоль кромки болота, или же обмелевшая илистая речушка наподобие Нин. И всякий раз, выдержав полчаса жесточайшей сечи, мерсийцы в мрачном отчаянии откатывались восвояси, не в силах проложить себе дорогу через эти препятствия; если же им это удавалось, их тут же начинал терзать убийственный град камней и металлических снарядов.

Азарт битвы все больше воодушевлял викингов, но беда была в том, что и англичане с каждой новой стычкой делали необходимые выводы. Поначалу они вздрагивали при одном звуке взмывшего в воздух ядра, при одном виде направленной в их сторону вращательницы. Каждая канава, попадавшая им на пути, вызывала подозрение об устроивших прямо в болоте засаду викингах. Сигварду, бесспорно, удалось навести на них страху.

Но чем ближе к завершению клонился этот изматывающий день, тем более дерзким становилось поведение армии Бургреда.

Так и оставив недоеденной полмиски каши, Шеф откинулся на выюк в седле и погрузился в тяжелую дремоту.

Проснулся он неотдохнувшим, помятым и озябшим до посинения. Играли первую зорю. Слева и справа от него неохотно начинали копошиться люди. Некоторые прочищали горло водой, а кое-кто — оставшимися после налетов каплями меда и эля. Прodelав это, викинги потащились к брустверу, насыпанному накануне посреди хутора, в котором Бранд решил устроить ночлег.

Когда же мгла рассеялась, они увидели нечто способное отбить охоту воевать даже у самого удалого вояки. Армия, с

которой им уже пришлось помериться силой, по вчерашнему вечеру запомнилась им такой же побитой, как они сами, — одежды англичан постепенно превратились в черные, прокисшие лохмотья, щиты были вывалены в навозе, в лица по самые глаза въелась грязь; потери на поле боя и потоки беглецов привели к тому, что их воеводы наутро в лучшем случае могли бы располагать в полтора раза меньшим количеством людей против их прежнего состава.

Этого войска больше не было. На его месте, сомкнув шеренги, стояли полные сил молодцеватые воины. По их виду можно было предположить, что они едва прибыли на сбор. Гордо витало в воздухе протяжное пение рожков. Щиты отливали свежей краской, в косых лучах раннего солнца рдели мечи и пики. Над строем были вознесены распятия, но вот знамена у войска были несколько другие, ибо рядом с крестами появились золотые драконы.

От строя теперь отделился всадник на сером скакуне, запряженном в алую сбрую и покрытом такого же цвета попной. Он отвел щит в сторону, держа его на вытянутой руке. Это всадник предлагал перемирие.

— Он просит начать переговоры, — сказал Шеф.

Спустя пару минут викинги угрюмо отпихнули в сторону перевернутую вверх дном телегу и выпустили группу парламентаров. В ее составе были все вожди армии: Бранд, Шеф, Торвин, Фарман, Гудмунд и Стейнульф. Не проронив ни слова, они последовали за разнаряженным верховым к длинному столу, неведомо как оказавшемуся посреди поля. Подле стола расположились Квикхелм, Альфгар и поставленный торчком Вульфгар, все трое с каменным выражением на лицах. Герольд знаком попросил шестерых представителей викингов занять лавку по другую сторону стола.

К торцовой же части стола подсел неизвестный Шефу молодой человек — белокурый, голубоглазый, увенчанный золотым венцом, подобным тому, который красовался на голове у старого короля в усыпальнице. «Какой у него странный, вдумчивый взгляд», — подумал про себя Шеф. Когда он присел, глаза обоих юношей встретились. Венценосный сверстник взглянул на Шефа с дружеской улыбкой.

— Мое имя Альфред, я — этелинг из Уэссекса, брат короля Уэссекского Этельреда, — начал он. — Мне стало известно, что король Мерсии Бургред назначил ольдермена шай-

рам, когда-то входившим в королевство Восточная Англия, и сделал эти шайры своею вотчиной.

Он не торопился продолжать.

— Однако этому не бывать.

Ответом ему были исполненные глухой злобы взгляды Альфгара и Квикхелма. Кажется, они уже знакомы с мнением этелинга.

— С другой же стороны, я никогда не допущу, чтобы викинги или любая иноземная армия обосновались в любом из английских шайров и принялись бы, по своему обыкновению, грабить, насильничать, убивать. Чем допустить подобное, мне легче истребить всех вас до единого человека.

Этелинг снова помолчал.

— Однако я в затруднении. Я не знаю, как мне быть с вами. Мне сообщили, что вчера вы наголову разбили Ивара Рагнарссона. Человека, с которым у меня никогда не может быть мира, поскольку именно он убил короля Эдмунда. Ответьте теперь: кто убил короля Эллу?

— Его убил я, — спокойно отвечал Шеф, — но если бы король мог, он бы отблагодарил меня за эту услугу. Ибо я обвинил Ивара в том, что только *nothing* способен был сделать с человеком то, что он сделал с королем Эллой.

— Что ж, в таком случае и я тебя благодарю. Теперь позволь спросить тебя о главном. Заключим ли мы мир, или ты предложишь мне драться с тобой?

— Узнал ли ты мнение своих жрецов? — осведомился Торвин, медленно выговаривая английские слова.

Юноша усмехнулся:

— Мы с братом как-то раз поняли, что в ответ на любую просьбу мы так или иначе слышим от них лишь требование новой мзды... Впрочем, не помогают они нам держать в узде и таких зверей, как Ивар. Это не значит, что сам я — не христианин. Я верую в Бога и держусь законов своих предков. Надеюсь, что и вы, норвежцы, когда-нибудь примете крещение и будете жить по законам христианской веры. Но я — не церковный человек...

— Некоторые из нас — христиане, — сказал Шеф. — В состав войска влилось множество англичан...

— И вы признаете их полноправными членами своей армии? Со всеми вытекающими последствиями?

Бранд, Гудмунд и Стейнульф не сразу поняли, куда клонит этелинг. А поняв, многозначительно переглянулись.

— Если ты хочешь сказать, что так должно быть, считай, что так оно и есть... — отвечал ему Шеф.

— Хорошо! Стало быть, среди вас есть и норвежцы, и англичане. Христиане и варвары...

— Нет, не варвары, — поправил его Торвин. — Люди Пути.

— ...и вы неплохо меж собою ладите! Кто знает, не намекали это для всех нас? А теперь выслушайте меня внимательно. Мы можем с вами столкнуться. Обсудим и установим доли в податях, оброках, сборе дани; далее, договоримся о взаимных правах, о законах, о вергельдах, об освобожденных рабах. Можно обговорить сколько угодно подробностей. Но самое главное — в другом... Я отдаю вам Норфолк. Можете править им по своим законам. Но правление ваше должно быть справедливым и быть не во вред людям. Вы будете оберегать население от вторжения чужеземцев. Тот же из вас, кто станет ольдерменом, торжественно поклянется мне на святых мощах, а также и на ваших реликвиях быть добрым соседом королю Этельреду и его брату. Если же мы о сем договоримся, кого вы, между прочим, хотели бы в ольдермены?

Исполосованная шрамами рука Бранда легла на плечи Шефа.

— Вот этот будет, — страшно коверкая английский, заговорил он. — Вот этого делай, королевский брат. Смотри, у него тут знака Пути нету. И он крещеный. Но он — наш друг. Выбирай его.

— Но он предатель, он бежал сечи... — неожиданно взвизгнул Альфгар. — Он вообще — трэль... Пусть он покажет тебе свою спину: увидишь, как над ней розги и плетки поработали!

— А над лицом его поработал палач, — заметил Альфред. — Что ж, тогда он, возможно, добьется того, чтобы в Англии и того, и другого стало бы меньше... Но ты-то можешь утешиться! Одного я тебя обратно к Бургреду не отправлю.

Он взмахнул рукой. Стоявшие за его спиной воины раступились, и к столу подошли, шелестя юбками, несколько женщин.

— Это общество я застал совсем неподалеку отсюда. Бро-

дили без дела и без прикрытия. Я велел привести их сюда. Тем более одна из них, говорили мне, — твоя жена, дворянин. Забирай ее да и отправляйся подобру-поздорову к королю Бургреду.

Его жена. Шеф, не отрываясь, смотрел в серые глаза Годивы. Такой прекрасной она не была даже в его воспоминаниях. Но что она-то могла о нем подумать, об одноглазом каляке, заляпанном липкой болотной грязью, от которого за три версты несет неумытым телом и потом? На мгновение ее лицо опухло от приступа ужаса. Шеф почувствовал, как холодная, костлявая лапа вцепилась ему в сердце...

В следующий миг она, рыдая, повисла в его объятиях. Прижав ее к себе одной рукой, он обвел взглядом встревоженное, побледневшее лицо Альфреда, Альфгара, бешено пытающегося вырваться из захвата двух ражих стражников, Вульфгара, что-то злобно каркающего из своего ящика...

Как только переполох унялся, Шеф спокойно произнес:

— Эта женщина принадлежит мне.

— Она моя жена! — выпалил Альфгар.

«И твоя единокровная сестрица, — добавил про себя Шеф. — Если сказать об этом вслух, ему не поздоровится. Вмешается Церковь, и ее от него отнимут. Но тем самым я признаю верховенство Церкви и над самим собой, и над Армией Пути... И над землей, которая собирается жить по законам Пути... Вот плата, которую старый *draugar* взимает с меня за уступленные сокровища. В прошлый раз я расстался с глазом. В этот раз я, похоже, лишаюсь сердца».

Словно бы одеревенев, он стоял и смотрел, как слуги оттаскивают Годиву прочь от него, обрекая ее на грех кровосмешательства, на мужа, потчующего ее, без сомнения, забавшими от крови розгами.

«Человек, желающий стать королем, властелином над людьми, приносит в жертву радости, доступные простым смертным...»

— Если ты готов отступить от женщины в знак своей доброй воли, — громко и ясно произнес Альфред, — я включу Суффолк в королевство своего брата, но тебя, Шеф Сигвардссон, признаю ольдерменом Норфолка! Итак, что же ты мне ответишь?

— На ольдермена не соглашайся, — неожиданно встрял Бранд. — Требуй себе нашего титула. Титула ярла.

Часть третья

Глава 1

Сидя за простым, грубо сколоченным столом на трех ножках, Шеф всматривался в лица жалобщиков. Одетый по старинке в тканную из конопляных нитей рубаху, шерстяные шаровары и не имея при себе ни малейших знаков, свидетельствующих о его новом положении, в изгибе левой руки он поместил скипетр, а точнее, оселок, испещренный резными ликами, что изъясил он из королевской усыпальницы. По одному из них, бородатому и свирепому, Шеф задумчиво постукивал сейчас большим пальцем.

— ...и порешили мы представить это дело на суд короля Эдмунда в Норидже. А рассудил он нас в своих спальнях покоях, — он только успел с охоты вернуться, и стольник помогал ему умыть лицо, помню это как сейчас, да вырвет мне Бог глаза, если я теперь солгал; и повелел он, чтобы вся земля отошла ко мне на десять лет, а потом бы была возвращена...

Говоривший, норфолкский тан средних лет, которому сытое житье порядком оттопырило золоченую перевязь на брюхе, на миг смутился собственного упоминания Бога: не пошло бы оно во вред на суде, отправляемом по законам Пути.

— Есть ли свидетели, готовые подтвердить правоту твоих слов? — спросил Шеф.

Тан по имени Леофвин забавно напыжился. По всей видимости, заданный вопрос покорибил танову спесь. Едва ли часто в своей жизни ему в открытую выказывали недоверие.

— Яснее ясного, такие свидетели у меня есть. В тот день в королевские покои множество разного люда набилось. Были там Вульфхан и Витхельм. И королевский тан Эдрик тоже там был. Правда, Эдрика убили язычники... Я хотел сказать, он погиб в сражении, так же как и Вульфхан. А Витхельм скончался, потому что у него были слабые легкие... Но ужель усомнишься в моей правдивости?! — внезапно, не выдержав, вскричал Леофвин и обвел взглядом других присутствующих:

стражников, прислугу, истца, других танов, ожидавших своей очереди изложить тяжбу новоявленному ольдермену.

Последний же, прикрыв свой единственный глаз, мысленно находился сейчас на том уютном привале посреди фена, рядом с таном Эдриком. Кажется, это было в другой жизни. А все же до места этого отсюда рукой подать. Итак, он узнал участь тана Эдрика. Что ж, этого следовало ожидать.

Он снова открыл глаз и воззрился теперь на Леофвина истца.

— Почему же, — мягко выговорил он, — решение короля Эдмунда кажется тебе в этом деле неправым? А может статья, ты отрицаешь, что было его решение таково, каким изложил его нам этот человек?

Истец, другой тан, и возрастом, и прочими качествами под стать ответчику, заметно стушевался под наведенным на него пронизывающим взглядом. Весь Норфолк знает, что юнец этот — бывший раб, родом из Эмнета. Последний человек, из уст которого мученик-король слышал английскую речь. В дальнейшем — одному Богу известно, каким способом, — ставший во главе языческого войска. Раскопавший сокровища самого Редвальда. Разбивший наголову самого Ивара Бескостного. И столь же непостижимо снискавший дружбу и поддержку могучего Уэссекса! Найдутся ли уста, могущие втолковать ему, тану, каким образом все это свершилось? Да только, собачье он имя носит или нет, взгляд у него вон какой цепкий, так что и врать ему несподручно.

— Нет, — осторожно начал тан. — Я не отрицаю того, что такова была королевская воля. И я покорно ее принял. Но когда король объявлял нам свой суд, то и нами, и королем принималось как должное, что по прошествии десяти лет означенную землю Леофвин вернет моему внуку, сироте, отца которого убили язычники... Оговорился: норвежские воины. И, понятное дело, в том же пригодном виде, в каком он ее получил. Человек же этот, — внезапный взрыв негодования мигом заставил его позабыть об осторожности, — человек же этот надругался над нашей землей! Он срубил весь лес, он перестал сеять и собирать урожай, запустил плотины и водотводные канавы, а посевные угодья превратил в заливные луга, где косят траву на солому! Через десять лет за эту землю никто не даст ломаного гроша!

— Ты сказал — ломаного гроша?

Истец помешкал.

— Она потеряет в цене, господин ярл.

Где-то за дверьми прозвенел звонок, возвещавший о том, что слушание тяжб на сегодня прекращено. И однако с этим делом ему следует разобраться прямо сейчас. Вообще-то случай не из легких — истец и ответчик уже в течение нескольких часов утомляют суд припоминанием старых, тянувшихся с незапамятных времен распрей и склок. Не меньший срок насчитывают и узы сложного родства, связавшие обе стороны. И тот и другой таны ныне порастеряли бывшее влияние. Да и король Эдмунд, видно, невысокого о них был мнения, раз позволил им сидеть в своих гнездах, когда лучшие люди Норфолка, такие, как Эдрик, умирали, сражаясь за родную страну. И все же люди это знатные, роды их испокон веку живут в Норфолке. Заручиться расположением таких людей было бы отнюдь не излишне. И то, что они позволили молодому ярлу рассудить их старинную тяжбу, можно считать добрым знаком.

— Вот вам мой суд, — молвил наконец Шеф. — До окончания срока найма земля эта останется в пользовании Леофвина...

Багровое лицо Леофвина зарделось пуще прежнего.

— Но каждый год он будет представлять отчет о своих доходах моему тану в Линне по имени...

— Болд, — подсказал человек в черном балахоне, стоявший по правую руку Шефа за высокой конторкой для письма.

— По имени Болд... А по прошествии десяти лет, если доходы, извлекаемые им, покажутся Болду чрезмерными в сравнении с обычными, Леофвин либо передаст этот чрезмерный доход за все десять лет найма в пользу внука этого тана, либо заплатит сумму, равную по цене падению стоимости, которая земля эта претерпела за время аренды... Выбор же при сем остается за его дедом, присутствующим в этом доме.

На одной физиономии сияния поубавилось, тогда как другая вмиг расплылась от удовольствия. И однако спустя еще мгновение лица эти насупились. На обоих отразилось напряженное умственное усилие. Таны занялись вычислением. Что ж, тоже недурно, подумал Шеф. Пусть ни тот ни дру-

гой не чувствует себя победителем. С тем большим почтением примут они мой суд.

Он поднялся со своего кресла:

— Вы слышали колокольчик. На сегодня мы покончили с тяжбами.

Среди ожидающих тут же поднялся сердитый гомон. Кто-то попытался протиснуться вперед.

— Но завтра мы обязательно продолжим. У всех остались бирки? Тогда покажите их на входе в эти палаты, и мы займемся тяжбами в том же порядке. Никто не будет обижен. — Голос Шефа уверенно заглушал мычание недовольных. — И заметьте: мы творим наш суд не взирая на лица. Нам безразлично, язычник перед нами или христианин. Смотрите — на мне нет пекторали. И здесь трудится отец Бонифаций, — он показал на писца в черном балахоне, — он священник, но явился сюда без креста. Правосудие не будет зависеть от того, какой веры держится человек. Запомните же и поведайте о том всем, когда выйдете из палаты. Теперь ступайте. На сегодня мы закончили.

Распахнулись двери в противоположном конце комнаты. Брызнул яркий весенний свет. Служители стали оттирать к выходу разочарованных сутяг. Другой служитель, с аккуратно вышитым на рубаше молотом, знаком предложил только что судившимся сторонам подойти к отцу Бонифацию, чтобы тот в их присутствии дважды записал ярлов суд, а они подтвердили бы верность сразу двух грамот, одна из которых должна впоследствии лечь на полку в скрипторий ярла, а другая — тщательнейшим образом разрывалась писцом на две половины, для того чтобы никому не пришлось в голову представить впоследствии подлог.

Тем временем через задние двери в палату решительно проложил дорогу кто-то очень знакомый. Кольчуга и накинутый поверх нее плащ пронесли над головами толпившихся в дверях людей. Оружия, правда, у Бранда при себе не было. После унылых часов, проведенных на поприще судейства, Шеф с ликованием встретил друга.

— Бранд! Наконец-то ты вернулся! А ведь ты поспел вовремя: у меня есть минутка, чтобы переговорить с тобой.

Руку Шефа стиснула лапища, которую ее обладатель вряд ли смог бы просунуть в пивную кружку емкостью в квартиру. А ликующий взгляд был под стать его собственному.

— Не могу согласиться, что я поспел вовремя, господин ярл. Я уж два часа как здесь толкусь. Да только твои стражники не хотели меня пускать. И так нагло водили у меня перед носом своими алебардами, что мне лень с ними стало спорить. Тем более там почти никто ни словечка по-норвежски связать не может...

— Но ведь это их обязанность! В палату, где отправляется правосудие, я распорядился не пропускать ни одной живой души, кроме самих жалобщиков. Прервать мою работу имеют право только нарочные, прибывшие с известием о войне. Но я виноват в том, что не подумал о втором исключении — о тебе, Бранд. Я бы с удовольствием допустил тебя на слушание дел, а потом бы выпросил твое мнение.

— Мнение? Оно уже у меня есть, — Бранд качнул своим гигантским пальцем в направлении дверей. — Начальником твоей стражи оказался катапульта, который меня вспомнил, хотя я его не узнал. Он угостил меня славным элем — просто диво что за эль, особенно для человека, который только что вернулся с моря и хочет вымыть себе из кишков соль. И подпустил меня к дверям. Так что я все слышал.

— И что же ты скажешь? — спросил Шеф. — Понравилась ли тебе мои хоромы?

— Ты здорово развернулся. Страшно подумать, что в этом месте творилось четыре месяца назад: грязь непролазная, люди прямо на полу спят. Ни кухни нормальной, ни жратвы... Ну а теперь — и часовые, и управляющие, и пекарня, и пивоварня. Плотники прилаживают ставни на окнах, какие-то люди красят все подряд, что только движется. Имя и род занятий спросить не забудут. И самое главное — еще и запишут, когда ты им скажешь.

Неожиданно Бранд нахмурился и, опасливо озираясь, заговорил шепотом, который в его исполнении звучал как рокотание прибора.

— Шеф, или господин ярл, послушай дельного совета. Почему здесь столько черных ряс? Как можно им доверять? И, во имя Тора, ответь мне, для чего ярлу, главному из всех воинов, выслушивать басни этих недоносков про какие-то водостоки... Лучше бы ты прогулялся на свежем воздухе, пострелял из катапульт. Или поразмялся в кузне...

Шеф покосился на друга и вдруг прыснул. На животе Бранда красовалась громадная серебряная бляха, к перевязи

прикреплен был пухленький кошель, а исполинскую талию обвивал роскошный наборный пояс, составленный из серебряных монет.

— Расскажи-ка мне, Бранд, как ты съездил домой? Ты купил все, что собирался?

На лице Бранда вдруг выступило выражение чуткого на подвох торгаша.

— Деньги свои я вложил в надежные руки. Цены в Галогаланде высокие, а народ стал подлее прежнего. Но я все же рассчитываю прикупить себе небольшую фермочку, когда навечно зарюю свой топор и задумаюсь, как бы спокойнее провести старость.

Шеф вновь расхохотался:

— Да с твоей долей от всех наших трофеев ты бы мог скупить для себя и своих родичей половину Норвегии...

Тут и Бранд позволил себе ухмыльнуться.

— Да, мы неплохо подзаработали, допускаю. Быть может, самый удачный мой поход.

— Ладно, дай я тебе расскажу про черные ряссы. Мы никогда не задумывались, сколько денег имеется у местных крестьян. А ведь это соль земли!.. Земля же здесь поурожайнее, чем в твоей Норвегии, где пахать приходится по камням. На ней трудятся десятки тысяч людей. Возделывают землю, стригут овец, прядут руно, заготавливают лес, куят железо, держат ульи, разводят лошадей. И страна эта совсем не маленькая. Тут тысячи и тысячи акров. И с каждого акра подали идут мне, ярлу. Я взимаю налоги на войну, на дороги, мосты... И многим удается полностью со мной рассчитаться! А причина в том, что я обратил в свою собственность все церковные земли. Одну их часть, поделив на участки по двадцать акров, я роздал освобожденным рабам, помогавшим нам в битвах. Для них это целое состояние — а для меня капля в море. И многое я отдал внаем, причем людям побогаче и по скромной цене, при условии расчета на месте сделки. Эти люди ни за что не допустят, чтобы Церковь позарилась на их добро. Однако многим владею я сам. Получу доходы, накоплю денег и найму рабочих и воинов... Но что бы я стал делать без помощи черных ряс, как ты их называешь? Кто бы сумел держать в голове все эти сведения о земле, о товарах, о найме?! Торвин, правда, знает нашу грамоту, зато других грамотеев можно пересчитать по пальцам. И вдруг к

моим услугам оказываются сразу сотни ученых мужей, церковников, у которых не осталось теперь ни земли, ни дохода. Вот я и нанял несколько полезных людей...

— Но разве можно им доверять, Шеф?!

— Те, которые ненавидят меня и никогда не простят ни тебе, ни мне некоторые наши делишки, подрапали к королю Бургреду и архиепископу Вульфиму. И теперь плетут там против нас свои козни.

— Надо было просто вовремя перерезать им всем глотки, — предположил Бранд.

Шеф покрутил в воздухе своим каменным скипетром.

— Ты знаешь, христиане считают, что кровь мучеников — это семя, из которого родилась Церковь. И я с ними согласен. Поэтому мучеников я плодить не собираюсь. Однако я позаботился о том, чтобы злейшие наши враги узнали имена оставшихся с нами церковников. И те, что согласились служить нам, никогда не смогут вымолить себе пощады. Точно так же, как и те богатые таны. Их судьба целиком зависит от моей.

Они тем временем оказались у невысокого строения, поставленного за частоколом, который окружал весь ярлов *burg*. Навстречу потокам солнечного света были распахнуты ставни. Шеф молча показал на покрытые листами пергамента высокие конторки, рядом с которыми о чем-то толковали писцы. А на стене вывешена была невиданных размеров маппа: новая, в которой не было привычных узоров, зато пестрели какие-то письма.

— К зиме у меня будет опись каждого земельного надела в Норфолке и вывешено описание всего шайра. И уж к следующему лету из казны не будет наобум истрачено ни единого пенни: и тогда мы заживем в достатке, который даже Церкви не снился. А с такими деньгами мы будем способны поднять великие дела!

— Если только серебро у тебя будет доброй пробы, — заметил Бранд.

— Оно у нас лучше, чем на Севере. Я уже об этом думал. Кажется, в стране этой серебра больше, чем во всех английских королевствах, вместе взятых. И применение ему всегда найдется. Серебро должно работать. Мы покупаем на него товар, начинаем торговать... И получается, что чем больше его лежит в сундуках церковников, или выменивается ими на

золото, или переплавляется в различные драгоценности, которые как мертвый груз... тем больше тот остаток, который остается... тем труднее пустить остаток...

Шеф окончательно запутался, ибо не только его познания в норвежском, но и родной язык никак не могли помочь ему отыскать нужное слово.

— Если короче, церковники выкачивали серебро из северных королевств, и оно оседало в их сундуках. Из торговли оно уплывало. И монеты там поэтому такие никудышные. А король Эдмунд был менее сговорчивым. Вот почему здешняя монета гораздо лучше. А в будущем она станет лучшей в Англии... И не только она, Бранд. — Молодой ярл внимательно поглядел в лицо другу. Единственное его око искрилось восторгом. — Ведь я твердо намерен сделать шайр Норфолк самым прекрасным и счастливым местом во всем северном мире. Я хочу властвовать над страной, в которой человек от рождения до седых волос жил бы в благополучии, не ведая тревог. И не имел бы ничего общего с животным, которое роется в помоях в поисках корма. Это будет страна, где люди будут спаяны взаимовыручкой... Ибо когда-то с помощью Ордлафа, бридлингтонского рива, я понял одну важную вещь. Убедил меня и пример тех рабов, что сообщали мне сведения для моей карты и привели нас к разгадке тайны сокровищницы короля Эдмунда. И об этом обязательно должны знать люди Пути. Скажи мне, о чем в первую голову печется человек, ступивший на Путь в Асгард?

— О новом знании, — тут же ответил Бранд, непринужденно сжимая свой амулет.

— Новое знание очень ценно. И, конечно, не каждый способен его добыть. Однако есть на свете нечто, по сути не менее ценное, и происходит оно каждый раз из неведомых источников: *до сих пор неоцененное старое знание*. Окончательно я уверовал в это тогда, когда стал ярлом. Всегда должен найтись человек, который обладает ответом на твой вопрос, средством для достижения поставленной тобой цели. И однако никому в голову не приходило расспросить такого человека. А ведь он — или она — может оказаться рабом и рабыней, рудокопом и слепой старухой, сельским старостой и священником!.. И вот когда вся премудрость, какой только можно поживиться в Норфолке, будет запечатлена на листах

пергамента, когда мы перепишем все угоды, учтем все запасы серебра, тогда мы и впрямь создадим нечто великое!

Встав подле незрячего глаза Шефа, Бранд смотрел на взбухшие желваки на шее друга, на подернутую сединой скромную бородку. «А на самом деле нужна тебе молодуха, да половчее и погорячее, — подумал Бранд, — чтобы ты поменьше скучал. Только даже я, лучший ратоборец Севера, не осмелюсь предложить такое приобретение».

* * *

Этим же вечером, когда клубы дыма из печных труб начали теряться в сгушавшихся сумерках, жрецы Пути явились на назначенный сбор в огороженный круг своего капища. Встреча происходила в небольшом садике, разбитом близ стен ярловой усадьбы и напоенном сейчас пряным благоуханием трав вперемешку с душистым яблочным ароматом. В густой листве ни на минуту не умолкали дрозды.

— Он и впрямь не догадывается о подлинной цели твоего путешествия? — спросил Торвин.

Бранд покачал головой:

— Даже не задумывается.

— Но ты передал им наши вести?

— Передал; и привез взамен другие. Молва о том, что происходит на этой земле, разошлась уже по всем жрецам. Они донесут ее до всех людей Пути. Слухи о наших делах уже достигли Бирки, Каупанга и Скирингсалья. О них прознали даже тренды...

— Итак, мы вправе рассчитывать на подкрепление, — заявил Гейрульф, жрец Тюра.

— Когда наши люди поймут, какие мы здесь раздобыли деньги, когда по всей стране начнут ходить скальды и рассказывать о наших свершениях, то каждый воин Севера отдаст последнее, чтобы снарядить корабль и явиться сюда в поисках процветания... Даже жрецы, если сумеют оторвать себя от выполнения долга. Только не сомневайтесь: двурушников тоже будет немало. Но мы с ними справимся. Да и главное не в этом...

Бранд перевел дух и обвел пристальным взглядом встревоженные лица.

— По пути домой я был в Каупанге, где встретился со жрецом Вигликом.

— Это тот самый Виглик? Человек, который совершил столько путешествий в невидимые миры?! — вскричал Фарман.

— Пусть так. Но это он. Виглик созвал тайный Совет жрецов со всей Норвегии и Южной Швеции. И объявил мне в их присутствии, что серьезно обеспокоен.

— Почему же?

— Тому немало причин... Он, как и мы, уверен, что Шеф является стержнем всех грядущих перемен. Он даже согласен с нами в том, как мы поняли собственные слова Шефа, сказанные им при встрече с Торвином: «Я пришел с Севера»... — Бранд вновь оглядел присутствующих, безмолвно внимавших ему. — Но конец этой истории может оказаться совсем не таким, каким он нам виделся. Даже самым мудрым из нас. Если только сам Виглик ничего не путает. Так или иначе, он утверждает, что Шеф никогда не сможет стать норвежцем, ибо он англичанин по матери.

Ответом ему было недоуменное передергивание плечей.

— Ну и что ж из этого? — вскричал Вестмунд. — Тут у половины матери англичанки и ирландки. А моя бабка была саамкой.

— Он воспитывался как христианин. И его крестили.

Многие собравшиеся насмешливо хмыкнули.

— Да ведь все мы видели рубцы на его спине, — сказал Торвин. — Христиан он ненавидит не меньше нашего. Даже не так... Не то чтобы он их ненавидит — скорее считает, что у них куриные мозги.

— Пускай так. Но в этом и зарыт корень всех несчастий. Понимаете? Он не хочет выбрать себе амулет. На самом деле нам не верит. У него бывают видения, Торвин, — во всяком случае, он тебе пересказывает какие-то истории. Да только сам он вовсе не считает, будто путешествует по иным мирам. И вообще — разве верит он в Путь?!

Настала мертвая тишина. Все исподтишка смотрели в сторону Торвина. Жрец Тора изо всех сил теребил бороду.

— Как знать... Но равно ты не можешь сказать, будто он в него не верит. Спроси его, и он тебе скажет, что человек, правящий христианами, не имеет права носить пектораль. И даже когда христиане перестанут быть христианами, ничего не изменится. Он скажет, что вера — это одно, амулет —

нечто другое... Он скажет, что это подобно ковке металла, который не изведает горна. Кроме всего, он и не знает, какой амулет должен носить.

— Зато я знаю, — буркнул Бранд. — И понял это еще в прошлом году, когда увидел, как зверски он убивал свою первую жертву.

— И я с тобой согласен, — сказал Торвин, — ибо и впрямь он должен носить копье Одина, бога повешенных, предателя воинов. Ибо только такой человек способен послать собственного отца на истязание врагам. Однако он бы сейчас ответил, что другого выхода в ту минуту не было...

— Разве Виглик говорит только от своего лица? — внезапно перебил их Фарман. — Или, быть может, он заручился каким-то особым посланием? Посланием, переданным ему богами?

Ни говоря ни слова, Бранд вытащил из-за пазухи завернутые в тюленью шкуру дощечки и передал их жрецам. Дощечки были испещрены руническими письменами: выдолбленные бороздки с засохшей в них краской. Торвин медленно поднес их к глазам. Не утерпев, вместе с ним теперь читали послание Гейрульф и Скальдфинн. Внезапно все трое стали мрачнее тучи.

— Виглик кое-что видел, — после долгого молчания выговорил Торвин. — Тебе не приходилось слышать, Бранд, сказание про мельницу Фроди?

Ратоборец покачал головой.

— Лет триста тому назад в Дании жил-был король по имени Фроди. Рассказывают, что была у короля волшебная мельница, которая, вместо того чтобы перемалывать зерно на муку, производила на свет мир, благополучие и плодородие. Мы думаем, что то была мельница нового знания. Работали же на ней две исполинские девы — Фенья и Менья. Но Фроди желал, чтобы мир и благополучие навечно поселились в Дании, и потому заставлял великанш работать, не зная ни минуты отдыха.

И бархатистая речь Торвина растянулась в торжественное песнопение.

Проспишь ты не дольше, — молвил Фроди-король, — чем длится кукушечий зов, или, коль хочешь, чем путь мальчугана, которого спровадили с вестью, до того как загорланит он песню.

— Тогда разъяренные рабыни вспомнили, что в их жилах течет кровь гигантов, ненавистников богов, и из мельницы отныне появлялись на свет лишь пожары, кровь и ратники. А потом однажды ночью на Фроди напали враги, убили его самого, стерли с лица земли его королевство. И волшебная мельница навсегда исчезла... Это и было явлено Виглику. Толкует же он это так: человек, одержимый насаждением новых знаний, может наломать дров, если мир не готов принять их. Молотобоец и впрямь кует, пока горячо. Однако бывает, что он слишком долго и усердно раздувает мехи.

Вновь наступило молчание. С некоторой неохотой Бранд взялся держать ответ:

— Давайте я лучше поведаю вам, что сам ярл, сам Скъеф Сигвардссон рассказал мне утром о своих планах. Сравните, насколько это соответствует предсказанию Виглика.

* * *

Спустя несколько дней Бранд стоял возле огромной глыбы, уже немного осевшей в рыхлую луговую почву. В этом месте утопающая в грязи гать, проложенная от самого Эли через сплошные болота, вдавалась в распаханые поля возле Марча.

Глыба та была покрыта вязью рунических знаков еще совсем свежей работы, о чем свидетельствовали их заостренные кончики. Шеф пробежал по ним подушечками пальцев.

— Я сочинил эти руны самостоятельно, на вашем языке, и помог мне в этом Гейрульф. Вот что они гласят:

Он жизнь кончил героем. Что из того, что прожил ее
Он беспутно. Смерть — нашей жизни вершина.

А сверху выбито его имя: ярл Сигвард.

Бранд досадливо хмыкнул. Он не слишком жаловал Сигварда. Верно, однако, и то, что этот человек мужественно перенес известие о смерти одного своего сына; другого же сына спас от гибели, а заодно — и всю Армию Пути. Причем для этого ему пришлось отдать себя в буквальном смысле на растерзание врагам.

— Что ж, — наконец промолвил Бранд. — Теперь ты воздал ему должное. У него есть свой *bautasteinn* — могильный камень. Недаром говорится: «Если бы сыновья не ставили

камни, и память была бы шаткой». Но, кажется, убили они его не здесь?

— Они убили его еще там, в болотах. Мой другой отец, Вульфгар, по всему виду, не мог дожидаться, когда они доберутся до этих полей... — Он вдруг скрутил рот на сторону и харкнул на траву. — Но если бы мы поставили камень на месте его гибели, его бы недель в шесть проглотила трясина. А потом, я хотел, чтобы ты увидел вот это.

Он слегка усмехнулся и, повернувшись к Марчу, показал рукой в сторону почти неразличимого для глаза подъема. Неведомо откуда к ним донесся жутковатый звук — словно бы где-то разом тащили на убой тысячу свиней. Брандов топор описал в воздухе предупредительную дугу, а его хозяин метал окрест себя свирепые взгляды.

Скрытая до того уступами глубокой колеи, к ним вышагивала вся работающая щеками колонна волынщиков, по четверо в ряд. Уже опуская руку, Бранд узнал старого знакомого Квикку — бывшего раба при обителе Св. Гудлака в Кроуленде.

— Слушай, они же играют все тот же напев! — заорал Бранд, перекрикивая невообразимый визг. — Это ты им приказал?

Шеф покачал головой и показал пальцем на музыкантов:

— Нет, это они сами так решили. Это их напев. Знаешь, как он называется? «Обглоданный Бескостный»!

Бранд от растерянности только покачал головой. Английские рабы смеют издеваться над величайшим раторборцем Севера... Уму непостижимо...

А вслед за волынщиками выступала длинная колонна алебардщиков в ослепительно начищенных шлемах с острым ободом и в кожаных тулупах с металлическими бляшками. К левому предплечью был туго пристегнут небольшой меч. И эти тоже англичане, подумал Бранд. Как это видно? Пожалуй, косточкой они не вышли. Выше пяти футов с половиной не видать ни одного человека. А вообще-то среди англичан стали нынче попадаться крепкие ребята — вспомнить хотя бы тех медведей, которых ему пришлось ломать, чтобы добраться до Эдмунда. Но эти-то не просто англичане, это полные доходяги... Куда им до танов, до карлов. Это — керлы. Возможно, даже рабы. Рабы, которым дали в руки оружие и позволили носить доспехи.

Бранд взирал на них с возрастающим недоверием. Уж ему-то с молодых ногтей известно, сколько весит кольчуга. И сколько требуется сил, чтобы вращать, находясь под таким спудом, мечом или топором. Если на войне полный набор доспехов, он несет на себе — и не просто несет — сорок-пятьдесят фунтов. Сколько времени сможет средний человек удержать на себе такую тяжесть? Ибо стоит лишь начать слабеть его руке, как следующий удар врага может быть последним. По понятиям Бранда, сказать про мужчину «вот это боров» — значит воздать ему высокую хвалу. А хлюпиков он мог назвать семнадцатью бранными словами.

Он продолжал наблюдать за шествием горе-воjak. Всего их было человек двести, и все без исключения держали алебарду у правого плеча. Войско, идущее плотным строем, не вправе позволить себе никакой вольницы. Колонне викингов это обстоятельство тем не менее не мешало двигаться вразброд, оружие держать как кому нравится — и все ради того, чтобы продемонстрировать свою независимость.

За алебардщиками показались верховые. Значит, Шефа не устраивали больше медлительные тележки, запряженные неповоротливыми волами, которые не спеша ташили его орудия в обход армии Ивара. Первые десять пар упряжек везли повозки, на которые были уложены разобранные части катапульт, что выкидывали камни. Подле каждой машины шествовала обслуга, облаченная в куртки серого цвета с вышитыми на них молотами. Те заслуженные ветераны зимней кампании, с которыми столь щедро расплатился Шеф, сначала отбыли к своим наделам — занялись их обустройством, оставили пахарей, — а потом явились к своему господину и благодетелю для продолжения службы. И каждый теперь получил в подчинение по отряду, набранному из освобожденных с церковных земель рабов.

Следующие десять пар упряжек также представляли собой нечто необычное. За лошадьми оказалась продолговатая конструкция на добротных колесах, чей длинный хобот одним концом был вздернут вверх, а другим — едва ли не терся о землю, отчего вся машина походила на курицу, выскивающую в луже червей. Вращательницы, метавшие исполинские стрелы. И не разобранные на части, а готовые при первой необходимости начать разить врага. Этих колес не было, когда встретил смерть король Элла и когда сгинула извивав-

шаяся гадюка Ивара. Каждую из машин также сопровождал отряд, численностью в дюжину человек, которые, увешанные гроздьями своих стрел, браво размахивали при ходьбе рычагами.

Когда же проследовали и они, Бранд неожиданно понял, что визг волюнок, который наконец-то зазвучал на иной лад, вовсе не стал тише. Сотня человек, что прошествовала перед его взором, самостоятельно развернулась и, глядя друг другу в затылок, обходила его в обратном направлении.

А потом появилось нечто более напоминавшее ему армию. Пренебрегая каким бы то ни было построением, вразнобой и в небрежных позах, двигались к Бранду десятки верховых. Они хлынули в колею подобно пенистому прибою. Замелькали кольчуги, широкие мечи, шлемы, знакомые физиономии. Он радостно помахал Гудмунду, которого по-прежнему все звали Жадным. Многие ответили ему тем же. Тут же понеслись какие-то возгласы. Вряд ли такое позволило себе новое английское войско. Были тут и Магнус Щербатый со своим другом Кольбейном, оба при своих незаменимых алебардах; Вестлиди, когда-то бывший при ярле Сигварде рулевым, дюжина прочих, знакомых ему как приверженцы Пути.

— Некоторые вроде тебя отправились за море пристраивать свои деньги, — шепнул Шеф на ухо Бранду. — Другие их выслали; кто-то решил оставить их при себе и продолжал служить здесь. Многие купили себе землю. Так что они защищают теперь свою собственную страну.

Волынщики разом оборвали свои рулады. Бранд вдруг понял, что стоит посреди кольца воинов. Обведя их всех пристальным взглядом, он постарался прикинуть их численность.

— Две сотни? — спросил он. — Половина — англичане, половина — норвежцы?

Шеф кивнул:

— Что ты о них скажешь?

Бранд покачал головой.

— Лошади в упряжке... — проговорил он задумчиво. — Такая упряжка в два раза быстрее бычьей. Но я не знал, что англичане умеют толково запрягать лошадей. Я один раз видел, как они это делали: они тогда ставили дышло так, как ставят на быков — поперек груди. Лошадям это сбивает ды-

хание, и они могут работать вполсилы. Как ты всему этому научился?

— Я же говорил тебе: всегда есть человек, знающий больше, чем ты. И на сей раз им оказался один из людей твоей команды, Бранд: хромой Гаути. Он тоже как-то раз поглядел, как я запрягаю лошадей, и назвал меня олухом. А потом показал мне, как это делается в Галогаланде. Вы же там всегда на лошадях поле бороните. И это не назовешь новым знанием, это — старое знание, которое не всем известно. Ну а как перевозить орудия, мы и сами догадались.

— Все это приятно слышать, — сказал Бранд. — Но ответь мне на такой вопрос. Забудь про свои катапульты, про упряжки — с лошадьми они или без... Сколько в твоём распоряжении англичан, способных держать строй в бою с хорошо обученными ратниками? С воинами, которые раза в полтора тяжелее твоих доходят и в два раза мощнее? По одной твоей указке из поваренка ратоборец не получится! Уж лучше бы ты набрал себе людей из местных танов, которые не изнурили себя голодом. Или их сыновей.

Шеф слегка загнул палец. От строя отделилась пара алебарщиков, толкая пред собою пленника. Пленником же был норвежец, бородатый, с обветренным, но бледным лицом. Он был на голову выше сопровождавших его стражей. Левое свое запястье он придерживал правой рукой, как делают люди со сломанной ключицей. Лицо его показалось Бранду немного знакомым. Пожалуй, они встречались как-то раз за ужином у армейского костра, еще до раскола.

— У этого человека было три корабля. Ребята решили попытать счастья и наведались в наши земли неподалеку от Яра. Ну-ка, расскажи нам, как ты отличился.

Во взгляде этого воина Бранду почудилась немая мольба.

— Трусые... Честно с нами биться они не желают! — прошипел он. — Взяли нас, когда мы уходили из первого селения. Дюжину моих людей уложили на месте своими толстыми стрелами. Мы даже не успели сообразить, откуда они бьют. А когда пошли к их машинам, они начали отмахиваться своими громадными топориками. Потом напали на нас со спины.... А когда разобрались с нами, поволокли меня смотреть — у меня была перебита ключица, и щит я держать не мог, — как они будут уничтожать наши корабли. Один они раздолбали своими глыбищами. Два сумели уйти. — Он

поморщился. — Меня зовут Снекольф, я родом из Раумарики. Откуда мне было знать, что вы, люди Пути, научили англичан ратному делу. Иначе бы я сюда не сунулся!.. Слушай, может, замолвишь за меня слово?

Шеф опередил ответ Бранда.

— В том селении его люди устроили настоящее зверство. Этого больше не должно повториться. Я его держал только для того, чтобы он поведал тебе, как было дело. А теперь он будет повешен на первом же суку.

Стражники тычками в спину уводили обомлевшего от ужаса викинга, в это время откуда-то сзади послышался стук копыт. Шеф бестрепетно обернулся и спокойно воззрился на наездника, погонявшего коня галопом по прокисшей колее. Наконец посыльный осадил скакуна, спешился и, коротко поклонившись, обратился к Шефу. Все войско Пути — и англичане, и норвежцы — обратилось в слух.

— Вести из твоего дворца, господин ярл. Вчера прискакал нарочный из Уинчестера. Скончался король западных саксов Этельред. Болезнь легких. Ожидают, что наследует ему твой друг этелинг Альфред...

— Добрые вести, Шеф! — сказал Бранд. — Хорошо, когда друзья становятся королями.

— Ты сказал «ожидают»? — спросил Шеф. — Но кто может оспорить его право наследовать престол после брата? Ведь другие их братья давно лежат в могиле...

Глава 2

Молодой этелинг принял к узкой бойнице в каменной стене. За его спиной тихо и нежно звучали голоса монахов Старого Минстера. Одну за другой заказывал им Альфред заупокойные мессы. Мессы за упокой души своего брата, короля Этельреда. А перед его взором вовсю кипела жизнь. Широкая улица, пересекавшая Уинчестер с запада на восток, кишмя кишела торговцами и покупателями. Сквозь торговые ряды протискивались телеги, груженные лесом. По обеим сторонам улицы три различные артели строителей занимались каждая своим делом: одни рыли котлован, другие укрепляли балки в земле, третьи приколачивали к перекладинам доски. А подняв взор чуть выше, можно было увидеть, как

десятки человек трудятся над обустройством крепостного вала, начатого еще при его брате. Сейчас в него загонялись бревна, устанавливались площадки для лучников.

Зрелище это ласкало взгляд и подогревало честолюбие молодого этелинга. Ибо это был его город — Уинчестер. Ибо его род владел этим городом с незапамятных времен. Ибо нога первого германца еще не ступала на берег Англии, а этот город уже принадлежал ему. Ведь в нем, в Альфреде, помимо английской, течет и римская кровь. И Минстер этот он также по праву может считать своим. Двести лет назад далекий его предок король Кенвалх отказал в пользу Церкви огромный надел земли, чтобы там совершилось строительство Минстера, и еще больший надел в кормление монахам. Здесь похоронен не только брат его Этельред, но и их отец, Этельвulf, а также другие его братья, дядья и прочие бессчетные родственники. Они жили на этой земле, здесь они нашли вечный покой. На смену им приходили другие. И только земля была все той же. Молодой этелинг, хоть и остался единственным в роду, одиноким себя не чувствовал.

Приободренный такими мыслями, он наконец прислушался к скрипучему и острому, как пила, голосу, который старался возвыситься над доносившимся с улицы шумом. Голос же принадлежал епископу Уинчестерскому Даниилу.

— Как ты сейчас сказал? — откликнулся этелинг. — Если я стану королем? Но я и *есть* король. Я — последний из рода Сердика, чья линия восходит к Вотану! *Уитанагемот* единодушно избрал меня королем, даже не пожелав обсуждать этот вопрос. И воины подняли меня на своих щитах! Кто же я теперь, по-твоему?

Епископ состроил брезгливую мину.

— Как можешь ты говорить о Вотане, этом языческом идолище?! И после этого ты желаешь, чтобы тебя признали христианским государем! А то, что свершили *уитаны* — мудрые, то, как поступили твои воины, пред ликом Господним ничтожно... Ты не можешь считать себя королем, покуда не помазан на царствие священным миром, как помазаны были Саул или Давид. И правом на таинство помазания обладаю только я и другие епископы королевства. Узнай же теперь, что этого мы не сделаем! Не сделаем, пока не убедимся в том, что ты по праву можешь владеть христианской страной! А чтобы доказать нам это, тебе придется разорвать союз с по-

гаными гонителями Церкви. Прекратить покровительствовать этому человеку по имени Сноп. И объявить войну язычникам. Язычникам Пути!

Альфред вздохнул. Медленно прошелся по комнате. Остановившись у стены, потер пальцем темное пятно — след пожара.

— Отец мой, — кротко заговорил он. — Ты был здесь два года назад. Тогда этот город был razoren и сожжен язычниками. Именно язычниками. Они не пощадили ни единого дома, они очистили наш Минстер от всех реликвий, которые предки мои собирали веками. Они отобрали горожан и священников для своих невольничьих рынков и увезли их от нас... Вот каковы дела язычников! И ведь сделала это даже не Великая Армия, не Рагнарссоново войско, не Сигурд Змеиный Глаз и не Ивар Бескостный. Сделала это просто шайка головорезов... Видишь, как мы пока слабы. Но, быть может, все это в прошлом. Ибо я намерен сделать так, — тут он неожиданно повысил голос и заговорил с вызовом, — чтобы подобное злодейство никогда не пришло больше на мою землю. Я хочу, чтобы предки мои в мире покоились в своих могилах. Для этого мне необходимо стать сильным. И заручиться поддержкой. Люди Пути нам не угрожают. Они будут жить с нами в согласии, язычники они или нет. Главное в том, что они нам не враги. И как христианин, как король, я прежде всего должен печься о благе ближних... Именно это я и стараюсь делать. Отчего ж вы не хотите венчать меня?!

— Христианский король, — медленно взвешивая каждое слово, начал епископ, — подлинный христианский король прежде и превыше всего ставит благо Церкви... Да, язычники могли сжечь кровлю Минстера. Но они не лишали нас наших земель и доходов. Ни один язычник, включая и самого Бескостного, не присваивал себе церковных земель, не раздавал их рабам и другому отребью...

Увы, то была горькая правда. Шайка мародеров, даже сама Великая Армия, могла налететь на монастырь или на кафедральный собор, могла обчистить его до нитки, прихватить с собой его реликвии и сокровища. Епископ Даниил оплакивал бы утрату горькими слезами, страшным казням подверг бы каждого пойманного им отставшего викинга. И все же для него это не был вопрос жизни и смерти. Церковь настелит над монастырями новые кровли, заполнит

свои закрома, вырастит новых прихожан и вдобавок еще сможет выкупить у варваров свои книги и святые мощи.

Но вырвать из их лап землю, служившую залогом их благополучия, землю, завещавшуюся Церкви веками по последней воле умирающих, — это и впрямь было верхом дерзости. И совершил ее новый ольдермен — нет, ярл — земли Пути. Что же удивительного в том, что епископ так раздражен? Он, епископ, имеет великую ревность о Церкви. Но сам этелинг ревность имеет о своем Уинчестере. Это Альфред понял твердо. И не столь уж важно, будет ли город перестраиваться, сможет ли выкупить реликвии. Но он не позволит, чтобы его еще раз разорили и предали огню. Для него город важнее Церкви.

— Обойдусь без вашего елеса, — высокомерно молвил он. — Править я могу и без вашей помощи. Ольдермены, ривы, таны, советники, воины будут мне верными подданными. И признают меня своим государем, для них не имеет большого значения, пройду ли я через ваше таинство.

Епископ вперил в храбреца немигающий взор. Затем покачал головой, трясущейся от ледяной ярости.

— О нет! Этому не бывать. Подумай о писцах. Кто станет писать твои высочайшие повеления, грамоты, указы? Кто станет вести учет твоим ссудам? Никто из них не пошевелит и пальцем, если я прикажу им. Ведь во всем твоём королевстве — коль скоро ты стал называть себя королем — ты не сыщешь ни одного мирянина, обученного чтению или письму. И потом — ты и сам не знаешь грамоты! Уж как только твоя набожная, благочестивая матушка не старалась тебя подвигнуть к овладению этой премудростью — все понапрасну!

При напоминании об этом позорном обмане лицо молодого этелинга густо зарделось от стыда и отчаяния. Он заставил этого человека читать ему вслух особенно любимое его матерью английское стихотворение до тех пор, пока не вызубрил его наизусть, чтобы, представ перед ней и водя глазами по открытой странице, ввести ее в столь жестокое заблуждение. Где же теперь эта книга? Забрал какой-то священник. Должно быть, стер те старые письма, а взамен их нацарапал какое-нибудь поучение из святых отцов.

Голос епископа скрежетал все пронзительнее.

— Итак, юноша, я тебе, выходит, все-таки нужен. И не только потому, что у меня имеется сонм преданных церков-

нослужителей, знаниями которых я могу позволить тебе воспользоваться. Ибо не один ты имеешь союзников. Ведь ты — не единственный христианский государь в Англии. Есть еще благочестивый Бургред Мерсийский, который остался верен своему долгу. И тот юноша, у которого ты отнял Норфолк, ольдермен Альфгар, как и его достойнейший отец Вульфгар, изувеченный язычниками, также не забывает о своем долге. Скажи-ка, ты не думаешь, что таны твои и ольдермены смогут присягнуть одному из них?

— Таны Уэссекса присягнут только уэссекскому государю!

— Даже если им очень посоветуют этого не делать? Скажем, из Рима?

Слова замерли на устах Альфреда. Презрительный ответ, который он приготовил, мигом вылетел из его головы. Однажды на его памяти уже был случай, когда Уэссекс не повиновался Риму. Было это тогда, когда брат его Этельбад решил жениться на вдове своего отца, что противоречило церковным установлениям. Были сделаны тайные распоряжения, посыпались угрозы. Вскоре Этельбад умер, и никто в точности не знал причины его кончины. Невеста же была возвращена своему отцу, королю франков. А семье запретили похоронить Этельбада в Уинчестере.

Губы епископа растянулись в улыбке. Стрела угодила в незащищенное место.

— Как видишь, государь, выбора у тебя нет... Впрочем, поступки твои могут иметь последствия разве что для тебя. Они лишь засвидетельствуют твою преданность Церкви. Ибо человек, которому ты покровительствуешь, Сноп, сын языческого ярла, англичанин, воспитанный в лоне Церкви, а затем покинувший его, вероотступник, мерзость которого хуже любого язычника, хуже даже Бескостного, — человек этот доживает последние недели. Его враги готовят облаву. Поверь мне на слово! Мои уши слышат то, что не слышат твои... Итак, ты должен порвать с ним. Яви свое смирение перед волей Матери Церкви.

И епископ откинулся на спинку кресла, совсем недавно вышедшего из мастерской резчика, преисполненный уверенности в том, что одержал верх. Наконец он утвердит свое превосходство над этим юнцом. И продлится оно отныне столько, сколько отпущено тому прожить лет.

— Король ты или нет, но находишься ты в нашем Мин-

стере. Стало быть, чтобы выйти отсюда, тебе потребуется наше соизволение. Считай, что оно у тебя есть. Ступай же. И сделай распоряжения, о которых мы условились.

Неожиданно в памяти Альфреда всплыло то самое стихотворение, которое он учил для матери. В нем, в сущности, давались мудрые наставления воинам.

«На ложь отвечай ложью, — говорилось в нем, — пусть враг твой или тот, кто насмеялся над тобой, будет сбит с толку. И, когда твой гнев падет на его голову, он меньше всего будет к этому готов».

«Уж не послала ли этот совет мне матушка?» — подумал Альфред.

— Я буду тебе послушен, — сказал он вслух. — И я должен молить тебя простить мне оплошности юности, а также поблагодарить за разумный совет.

«Экий слизняк!» — невольно подумал епископ.

«Что же такого слышали его уши?» — подивился напоследок король.

* * *

И для людей, что знали Ивара Рагнарссона раньше, и для не знавших его, изменения, произошедшие с ним после страшного поражения и постыдного бегства по зимним лесам Англии, были слишком очевидны. Глаза его по-прежнему наводили ужас своим ледяным выражением, а вечно заиндевевшие ресницы так и не начали мигать. И однако появилось в них нечто совершенно новое — всегдашняя отрешенность, сосредоточенность на чем-то постороннем. Ивар производил впечатление человека, неотступно преследуемого какой-то одной мыслью. Походка у него теперь сделалась медлительная, осторожная, почти болезненная, в ней больше не было того молодцеватого изящества, которое некогда было ей свойственно.

Впрочем, когда было необходимо, Ивар мог ничем не отличаться от себя прежнего. Скачки от норфолкских полей до лагеря братьев, ждавших его возвращения в Йорке, выдались долгими и изнурительными. Население, бежавшее из этих мест при одной вести о появлении викингов, ныне набрасывалось на двух обессиленных всадников со всех окрестных тропок и просек. Ибо их и впрямь осталось только двое —

Ивар да его верный оруженосец Хамаль. По меньшей мере шесть раз им устраивали засады злобные керлы, местные таи и телохранители короля Бургреда.

Ивар разделался с ними играючи. Когда же они покидали Норфолк, он двумя ударами снес головы паре керлов, направлявшихся куда-то на своей колымаге, снял с них кожаные куртки и чепраки с их лошадей. Когда они добрались в конце концов до Йорка, Ивар успел пролить море крови.

«Против него не устоят и трое сильных ратников, — нашептывал Хамаль зачарованно слушавшим викингам, — он собирается всем доказать, что остался лучшим ратоборцем Севера».

«Долго же придется теперь доказывать, — раздавались недоверчивые голоса, которые всегда находились среди викингов, — уйти с двадцатью сотнями, а вернуться с одним человеком!..»

Итак, он изведal поражение.

Этого-то Ивар и не мог никак позабыть. И братья, которые усиленно отпаивали его по возвращении горячим медом в своих покоях в Минстере, — братья поняли это. Поняли, что брат их, никогда не будучи человеком особенно надежным, теперь и вовсе не годится в помощники в деле, требующем трезвого расчета. Это не оборвало уз их родства — нарушить его было и вовсе невозможно; однако отныне, всякий раз, когда затевался общий разговор, участников всегда было трое и еще один, особняком. Раньше их было всегда четверо.

В первую же ночь братья распознали эту перемену. Обменявшись втихомолку взглядами, они, также не сказав ни слова, совершили то, что делали много раз до этого и в чем не признавались не только своим людям, но и друг другу. Они отобрали рабыню, закутали ее в парусину, засунули ей в рот кляп, крепко связали и глухой ночью подсунили в покои Ивара, где хозяин лежал с широко раскрытыми глазами, ожидая своей поживы.

Утром же они явились снова с деревянным сундуком, уже давно используемым для этой цели; сложили и забрали то, что осталось после этой ночи. Нет, Ивар еще не помещался, не сделался берсерком. И однако всякий благоразумный человек старался держаться от него подальше.

— Вот он, — крикнул один из монахов, выглянув из двери огромной мастерской, в которой монастырский люд тру-

дился теперь на благо своих бывших союзников, а ныне хозяев. Рабы обливались потом в кузнице. Их можно было не подгонять. Они миглом удвоили свои усилия, зная, что Ивару ничего не стоит зарубить человека, показавшегося ему недостаточно усердным.

Алый плащ и серебряный шлем показались в дверном проеме. Ивар прошествовал внутрь, остановился и начал медленно озираться. Эркенберт, единственный человек, который после появления Ивара не переменялся в лице, пошел к нему навстречу.

Ивар оттопырил палец и помахал в сторону мастеровых.

— Все готовы? Уже?

Он общался с англичанами на смешанном англо-норвежском языке. За эту зиму церковникам пришлось к нему приновиться.

— Обоих хватит, чтобы испытать.

— Те, что мечут стрелы, — готовы?

— Взгляни.

Эркенберт прихлопнул в ладоши. Монахи тут же начали выкрикивать команды, а рабы лихорадочно принялись раздвигать ряды машин. Ивар не спускал с них глаз. Рассказывали, что после того, как братья унесли свой сундук, он неподвижно лежал в постели день и еще целую ночь, натянув на лицо плащ. Затем он встал, подошел к дверям комнаты и визгливо крикнул:

— Меня победил не Сигвардссон! Меня победили его машины!

И с тех пор, с тех самых пор, когда он призвал к себе Эркенберта в помощники, кузница ни на минуту не знала покоя.

Рабы выволокли за дверь мастерской метательное устройство, точь-в-точь такое же, какое применено было для отражения первого приступа Йорка. Установив его во дворе Минстера, они нацелили его на дальнюю стену, находившуюся в фарлонге от места стрельбы. Дюжина рабов укрепила там огромное соломенное чучело. Остальные же с бешеным усердием крутили ворот со свежеразплавленными зубцами.

— Хватит! — скомандовал Эркенберт. Подойдя к оружию, он сам проверил положение стрелы, бросил взгляд на Ивара и передал ему шнур, привязанный к железному рычагу-тормозу.

Ивар рванул на себя шнур. Рычаг отлетел вбок, ударился о шлем и отскочил. Все заглушил свист, с которым стрела, выскочив из своего желоба, унеслась к противоположной стене, и грохот удара. Никто не успел ничего толком заметить, а стрела раскачивала уже соломенное чучело, глубоко увязнув в его утробе.

Ивар выпустил из рук шнур и повернулся к архидиакону:

— Следующее.

На сей раз рабы выволокли на площадку совсем необычное орудие. Как и вращательница Шефа, оно держалось на раме из прочного дерева. Однако зубчатая передача крепилась не сверху, а сбоку, натягивая единственный трос, который наматывался вокруг деревянного бруса. На конце бруса была подвешена вместительная праща, своею сумкой едва не подметавшая землю. Рабы налегли на рычаги. Брус заегозил в гнезде засова.

— Это орудие стреляет камнями, — объяснил Эркенберт.

— То, что сломало мой таран?

Архидиакон довольно усмехнулся.

— Нет-нет. Там была огромная машина. Она метала большие камни. Но чтобы управлять ею, нужно было набирать очень много людей. И стреляла она только один раз. А эта машина мечет маленькие булжники. Такую машину после римлян еще никто не делал. И только я, Эркенберт, смиренный раб Господень, вычитал ее описание у Вегеция. И построил это орудие. Зовется оно онагр, иначе — «дикий осел».

Раб водрузил десятифунтовую глыбу в сумку пращи и подал Эркенберту знак.

Архидиакон снова протянул шнур Ивару.

— Дерни и сорви засов, — сказал он.

Ивар повторил прежнее движение. Брус совершил невидимый для глаза рывок и с оглушительным хлопком застыл стоймя у перекладки, ударившись о прикрученный к ней туюфак. Громоздкая машина запрыгала на земле, словно кузнечик, а праща уже описала куда более стремительную дугу, чем при выстреле из самодельного устройства Шефа. Черной молнией прорезав пространство двора, не поднимаясь и не снижаясь, камень вонзился в цель, подняв в воздух вороха соломы. Чучела больше не было. Беспомощно болтались рваные концы веревок. Рабы радостно загалдели.

Ивар медленно повернул голову к Эркенберту.

— Это совсем не то, — промолвил он. — Те камни сыпались на мою армию как град. Каждая градина — смерть. Они высоко летели! — Он подбросил вверх булыжник. — А не так! — И он швырнул другой булыжник в скачущего рядом воробья. — Ты мне сделал плохую машину.

— Как она может быть плохой?! — вскричал Эркенберт. — Первое — величайшее из всех осадных орудий! А второе предназначено для полевого сражения!

— Тогда эти недоноски из Армии Пути придумали что-то новенькое. Об этом не говорит... не говорит твоя книга.

Эркенберт только вздернул плечами. Неужели ему теперь придется считаться с тем, что плетет этот разбойник? Он своих-то букв не знает, не говоря о латыни.

— А она стреляет быстро? — Ивар мрачно воззрился на рабов, вращающих рычаги. — Ты знаешь, что те штуки, которые я видел своими глазами, кидали следующий камень, пока первый еще был в воздухе. А эта, твоя, такая медленная.

— Зато такое ядро может сокрушить все на пути!

Ивар поднял лицо и долгим задумчивым взглядом изучал рассеянные по двору остатки мишени. Внезапно он закрутился на месте и выпалил несколько слов по-норвежски. В то же мгновение Хамаль с дюжиной своих подручных ринулись вперед, отпихнули от машины рабов и принялись разворачивать громоздкое, готовое к выстрелу устройство в другую сторону...

— Нет! — взвыл Эркенберт, кидаясь к викингам. Но железная рука Ивара преградила ему дорогу, обвилась вокруг его горла. Короткое сжатие — и Эркенберт поник, не в силах выговорить ни слова.

Тем временем люди Ивара еще на фут подтолкнули орудие в сторону, а затем, повинаясь приказу, начали оттащить его назад. Без труда захватив в охапку беспомощного архидиакона, Ивар другой своей рукой дернул шнур в третий раз.

Гигантские врата Минстера, защищенные огромными деревянными балками, что были наложены на них в несколько слоев крест-накрест и вставлены в могучие металлические скрепы, исчезли в то же мгновение; медленно реяли и опали сотни мелких обломков. Изнутри же теперь катился

во двор многоголосый стон ужаса. Монахи выскакивали наружу и тут же, не чуя под собой ног, уносились обратно.

Спустя несколько мгновений все разглядывали зловещую, необъяснимых размеров пробоину.

— Вот видишь, — просипел Эркенберт, — это и есть настоящее орудие. Вот какая у него сила удара!

Ивар уставился на него, брезгливо шуря глаза.

— Ничего ты не знаешь, монах. Это — не настоящее орудие. Для настоящего у тебя мозгов маловато. Но бьет оно неплохо. Ты теперь мне сделаешь очень много таких штук...

* * *

А в другом соборе, чье величие было неизмеримо выше храмов Уинчестера или Йорка, в стране, отделенной от Англии и небольшой полоской моря, и обширными владениями франкских государей, никто не осмелился бы нарушить царственной тишины... Священный престол пережил немало бед и напастей. Многие понтифики стали мучениками, некоторые бежали, спасая свои жизни. Всего тридцать лет назад сарацинские пираты оказались у ворот самого Рима, ворвались в священную базилику Св. Петра, тогда еще не обнесенную стеной, и подвергли ее безжалостному разорению.

Этому больше не бывать. Он, признанный Церковью равным святым апостолам, наследник св. Петра, хранящий ключи от Царствия Небесного, преисполнен решимости утвердить свою власть. Добродетель — это великая сила. Смирение, целомудрие, нестяжание. Но добродетель нуждается в защите, которую может дать ей только сильная власть. И долг свой по отношению ко всем смиренным и целомудренным он должен видеть в том, чтобы снискать себе эту силу. На этом пути он низложил уже многих сильных мира сего. Он — Николай I, понтифик Римский, слуга Господень.

Сухая рука старика, наделенного острым, соколиным ликом, задумчиво взъерошила шерсть на спине любимой кошки. Секретари и помощники старались ни единым шорохом не нарушать тишину. Какой же олух этот архиепископ... этот архиепископ из английского города с таким странным названием — Эборакум, что ли? — впрочем, у него такое варварское произношение, что точно не разберешь... Он со всей любезностью выпроводил его, препоручив кардинальским

заботам. Кардиналы окажут ему достойный прием, помогут не скучать в Риме. Однако какую же чушь он тут нагородил! Какая-то новая религия, угроза авторитету Церкви, северные варвары проявляют интерес к образованию... У страха глаза велики.

Но, быть может, не случайны тогда другие события, происходящие, по его сообщению, в той же Англии? Разграбляют церкви. Отчуждается земля. Растет добровольное отступничество. Есть такое слово — *dispossession*. Подрыв основ. И если слухи об этом рассеются по миру, найдется немало охотников последовать такому примеру. Даже в землях Империи. И даже здесь, в Италии.

С другой же стороны, и он, и Церковь сейчас отягощены иными заботами. Есть более неотложные дела, чем водворение мира между английскими и северными варварами, что режут друг другу глотки из-за земли, которую он никогда не увидит... В корне же этих забот — раздел Империи, великой Империи, основанной королем франков Карлом Великим, коронованным Императором в этом самом Соборе в рождественский день 800 года... Как же давно это было... Ибо уже тому двадцать лет, как Империя Карла перестала быть единым целым, а враги ее поднимают головы. Внуки Карла вступили друг с другом в кровавую распрю и не остановились, пока дело не кончилось заключением мира и позорным разделом. Одному досталась Германия, второму — Франция, третьему же — длинный безымянный участок земли от Италии до Рейна. А уж когда умер этот третий, его доля поделена была еще раз натрое, так что сам Император — старший сын старшего сына — владел ныне лишь девятой частью земель, над которыми когда-то властвовал его дед. Но что за дело до этого Императору — Людовику II, который не в состоянии даже держать в узде сарацинов?! Или брату его Лотарю, хлопотушему — впрочем, тщетно — перед ним, Николаем, о разводе со своею бесплодной супругой и о разрешении вступить в брак со здоровой любовницей?

Итак, Лотарь, Людовик, Карл... Сарацины и норвежцы. Земля, власть, подрыв могущества... Рука понтифика ходит взад-вперед по кошачьей холке, мысль его то и дело вращается вокруг тех же имен... Нет, что-то определенно подсказывает ему, что, растащив эту деревенскую свару, о которой этому олуху непременно понадобилось донести лично, бро-

сив дела своей епархии, он отыщет ключик к одновременному решению всех этих головоломок.

Из груди понтифика вырвался старческий клекот, похожий на трель сверчка. Первый писец немедленно обмакнул перо в чернильницу.

— Верным нашим слугам Карлу Лысому, королю Франкскому... Людовику Немецкому... Людовику, императору Священной Римской Империи... Лотарю, королю Лотарингскому... Ты сможешь перечислить их титулы, Теофаний. Пусть все эти христианские короли получают одно и то же наше послание: «Знайте, возлюбленные мои, что мы, Николай, радея о пушем процветании и твердости устоев христианского мира, зная, как дорожите вы нашей милостью, повелеваем вам найти согласие со своими братьями и прочими родичами, христианскими государями Империи, дабы...

Теперь Папа уже знал, как должны развиваться действия. Он добьется союза. Он предотвратит гражданскую войну, не даст разнести по кусочкам великую Империю. И сделает это во имя спасения Церкви, истребления ее врагов и — в том случае, если архиепископ все же сказал правду, — соперников.

— ...а также желаем, — проговорил Папа своим скрипучим голосом, — чтобы в ознаменование службы в воинстве Святой Матери Церкви каждый человек, принявший участие в этом достославном и священном походе, носил бы поверх одежды своей и доспехов изображение Креста... Теперь закончи послания, Теофаний. Я подпишу их, скреплю своей печатью. Завтра. Не забудь подобрать надежных посыльных!

Николай поднялся и, призвав к себе кошку, неторопливо ушел из кабинета.

— Крест на груди — великолепное новшество, — заметил один из секретарей, правя очередную копию собственными красными чернилами Папы.

— О да, — ответил другой. — Его Святейшество, должно быть, почерпнул эту идею из сообщения англичанина, рассказавшего нам, что язычники ходят теперь с молотом на груди — как бы в подражание кресту...

— Превыше всех прочих будет оценено иное новшество, — спокойно заметил старший секретарь, усердно посылая бумагу песком, — касающееся собственности.. В случае повиновения им обещан в награду весь... как его бишь? Альбион, Британия?

— Альфред просит прислать *миссионеров*?! — вскричал Шеф, не веря своим ушам.

— Именно так было сказано. *Missionarii*. — Торвин был так возбужден, что невзначай выдал одну свою тайну, о которой, правда, Шеф давно догадывался: что при всей своей неприязни к христианскому учению Торвин немного владел его языком — священной латынью. — Именно этим словом испокон веку христиане называли людей, которые пытались навязать нам почитание их бога. Но никогда, никогда не слышал я, чтобы христианский государь просил бы прислать людей, способных обратить его подданных в *нашу* веру...

— Ты полагаешь, что Альфред ставит перед собой именно такую цель?

Шеф колебался. Было слишком очевидно, что Торвин, несмотря на свойственные ему выдержку и холодный расчет, сейчас был преисполнен радужных ожиданий славы, которую ему и его помощникам сулило столь невиданное предприятие.

И все же, мыслил Шеф, предложение что-то да означало. И вряд ли то, что лежало на поверхности. Ведь самого этелинга Альфреда, с которым однажды он уже имел встречу, несколько не прельщает языческая религия. Наоборот, по тому, что он от него тогда услышал, Альфред скорее производил впечатление набожного христианина. И если он решился призвать в Уэссекс миссионеров Пути, за этим кроется некий более глубокий замысел. Поощения Церкви? Несомненно. Ведь можно веровать в Христа и отвергать Церковь, созданную Его последователями. Но куда же метит Альфред? И как поведет себя в этом случае та самая Церковь?

— Теперь нам с другими жрецами предстоит решить, кто из нас или наших друзей отправится с этой миссией...

— Нет, — коротко обронил Шеф.

— Опять его любимое словцо, — заметил Бранд, который, развалившись в кресле, безмолвно наблюдал за происходящим.

— Не вздумай посылать своих товарищей. Вообще норвежцев не посылай. Есть довольно англичан, неплохо осведомленных в твоём вероучении... Выдай им всем по амулету. Разъясни им в подробностях то, что им следует проповедо-

вать. И пошли их в Уэссекс. У них не будет трудностей с языком, так что они вызовут больше доверия, чем твои люди.

Говоря это, Шеф поглаживал резные лики на своем скипетре.

Бранд же замечал и раньше: Шеф всегда делает так, как только начинает лгать. Может быть, сказать об этом Торвину? Или лучше уж самому Шефу: если собрался лгать, надо делать это умеючи.

Торвин же тем временем вскочил со своей лавки.

— Есть такая священная песнь — христианский гимн. Называется он *Nunc dimittis*. Там есть такие слова: «Господи, заberi душу раба своего, ибо Ты дал ему насладиться концом пути его». Кажется, я сейчас готов пропеть ее сам себе! Ведь сотни и сотни лет, больше, чем я могу сосчитать, Церковь расплзалась по миру — сначала по южным странам, потом по северным... Они надеялись, что она поглотит всех нас! И никогда не было, чтобы Церковь упускала то, что раз было ею завоевано.

— Но она еще ничего не упустила, — возразил Шеф. — Король просит прислать миссионеров. Не посулив вам даже того, что кто-то захочет их слушать. Не говоря уж об обращении.

— У них есть их Книга, у нас — наши видения! — вскричал Торвин. — Теперь посмотрим, чья возьмет!

Из кресла донеслось глухое рокотание Бранда:

— Наш ярл прав, Торвин! Отправь-ка лучше освобожденных рабов.

— Но ведь они не знают предания! — кричал Торвин. — Они даже не знают, кто такие Тор и Ньёрд, не знают, кто такие Фрейр и Локи! Они понятия не имеют о священных для нас сказаниях, о скрытом их смысле...

— От них этого и не требуется, — отвечал Бранд. — Толковать они будут главным образом о деньгах.

Глава 3

Погожим воскресным утром — каким и положено быть всякому воскресному утру — обитатели деревушки Саттон, что в Беркшире, где испокон веку жили западные саксы, выполняя волю своего господина, подтягивались к его усадьбе.

Господина звали Херезвит, и еще недавно служил он таном королю Этельреду. Теперь, стало быть, был он таном при короле Альфреде. Или его по-прежнему величать надо этелингом? Это им вскорости растолкуют. Вороватые взгляды подсчитывали присутствующих, подмечали недостающих. Всегда любопытно, найдется ли смельчак, который решит испытать на себе волю грозного тана? Ведь он наказал им каждое воскресенье по утрам посещать церковь, слушать проповеди и учить слово Божие, перед которым ничтожны все людские законы.

Мало-помалу взгляды их, однако, устремились в одном и том же направлении. На незанятом толпой участке луга возле крыльца тановой усадьбы расположилась небольшая группа иноземцев. Чужой человек в нехоженных этих местах — явление почти необыкновенное. Хотя, если приглядеться, не такие уж они иноземцы, не так уж мозолят своим видом глаза... И одеты кое-как: в поношенные шерстяные рубахи. Пока они не сказали ни слова. Стоят себе вшестером и молчат. А все-таки никого из них ни в Саттоне, ни в полях керлы не встречали. И опираются они на чудные посохи, обитые какими-то железными скрепами, похожие на боевые топоры, но только вдвое длиннее.

И, едва заметно для глаза, керлы стали потихоньку пятиться назад. Откуда им знать, чего ради явились сюда эти люди. Зато опыт приучил их, что все новое следует встречать с опаской, по крайней мере до тех самых пор, пока его не одобрит — или не отвергнет — их господин.

Дверь деревянной усадьбы распахнулась настежь. В окружении жены и многочисленного потомства на крыльцо выступил Херезвит. Увидев перед собой опущенные лица и пустующее пространство вблизи крыльца, он перевел взгляд на чужестранцев. Рука его непроизвольно опустилась на рукоять меча.

— Ответьте: зачем вы ходите в церковь? — вдруг звонким голосом прокричал один из чужаков. Расхаживающие по грязной луже голуби переполошились и захлопали крыльями. — Смотрите, какая погодка! Разве не охота поваляться на солнышке? Или пойти поработать в поле, коли есть такая нужда? Зачем тащиться за три мили в Драйтон, а потом еще столько же топтать обратно? Все ради того, чтобы услышать, что вам следует вовремя уплатить вашу десятину?

— Кто вы такие, негодяи? — взревел Херезвит, делая шаг вперед.

Незнакомец не тронулся с места и крикнул так, чтобы его услышали все собравшиеся. Выговор у него тоже чудной, решили селяне. Англичанин, дело ясное. Но не из здешних мест. И не из Беркшира. Может быть, он вообще не из Уэссекса?

— Мы стоим за короля Альфреда! — крикнул человек. — Находимся мы здесь по велению короля. Он разрешил нам говорить с вами. Ответьте: за кого стоите вы? За епископа?

— Не поминай короля Альфреда, проходимец! — прохрипел Херезвит, обнажая меч. — Вы — чужеземцы. Мой слух не обманешь.

Незнакомцы предпочли не шевелиться, словно приклеившись к своим посохам.

— Это правда. Мы — чужеземцы. Но мы здесь по королевскому повелению. И явились мы к вам с даром. Ибо дарим мы вам вольную — от Церкви и от рабства.

— Мои рабы вольную получают только по моему велению! — крикнул Херезвит, потеряв остатки терпения. Размахнувшись мечом, он попытался одним ударом слева снести голову с плеч самозваному посланнику.

Тот, в мгновение ока спружинив на ногах, выставил вперед свой диковинный железный посох. Металл заскрежетал по металлу. Меч выскочил из не привыкших к оружию ладоней тана. Херезвит наклонился, шаря руками по земле и поедая глазами чужаков.

— Ну-ну, полегче, господин хороший, — произнес главный из них. — Мы люди мирные. И тебе тоже зла не желаем. А если ты нас выслушаешь, то поймешь, почему король просил нас прийти к вам и почему мы считаем его нашим повелителем, хотя мы и вправду люди не здешние...

Однако все в Херезвите восставало против такого положения дел. Ни слушать, ни даже прислушаться он не имел ни малейшего намерения. Подобрав меч, он выпрямился, сделал замах и попытался подсесть колени противника. Тот вновь сделал быстрое движение, и лезвие уперлось в посох. Когда тан начал в очередной раз отводить руку, чужеземец шагнул вперед, перехватил посох обеими руками и ударил им тана поперек груди.

— Эй, люди, на помощь! — завопил Херезвит. Крестьяне

понурили головы. Тан не унимался. Он ринулся вперед, пригнув голову, уверенный, что этим-то ударом выпустит врагу внутренности.

— Ну, хватит, — проговорил другой чужеземец и пихнул свой посох нападавшему под ноги. Тан растянулся на земле, но тут же поднялся на колени. Однако встать ему не дали: из рукава первого чужеземца выскочил зашитый в полотно короткий гибкий предмет — то была дубинка работорговца. Один замах — и дубинка звучно хлопает по виску Херезвита. Чужак присел на корточки, желая знать, насколько исправным вышел удар. Убедившись, что упавший ничком Херезвит не скоро сможет кому-либо помешать, он кивнул, выпрямился, упрятал дубинку и знаком предложил жене тана оказать пострадавшему помощь.

— А теперь слушайте меня! — обратился он к ошеломленной, но по-прежнему неподвижной толпе. — Я скажу вам, кто мы такие и зачем мы здесь... Мы люди Пути! Мы пришли к вам из Норфолка. Точно в это же время, но год назад мы еще были рабами Церкви. С нас драли по семь шкур наши хозяева из Эли. Мы хотим рассказать вам, как нашему брату добиться свободы.

Стоявшие в толпе рабы изумленно и испуганно уставились друг на друга.

— А свободные люди, которые тоже здесь стоят, — не останавливался Сибба, в недавнем прошлом раб, затем храбрый катапультир Армии Пути, отличившийся в битве с Иваром Бескостным, — узнают, как мы получили наши наделы! Ибо каждый получил по двадцать акров, и двадцать акров эти свободны от всяких податей и оброков. За них мы обязаны лишь службой нашему ярлу Шефу. А помимо этого, мы добровольно — поняли, добровольно? — участвуем в делах Пути. Двадцать акров. Не обложенных данью! Есть тут свободный, который скажет, что и у него дела не хуже?

На сей раз зашевелились уже свободные. Последние слова Сиббы были встречены возбужденным гулом. Теперь, когда беспомощно мотающего головой Херезвита оттащили с крыльца в дом, поселяне начали потихоньку подбираться к пришельцам, не обращая внимания на брошенный в грязи меч.

— Скажите: во что обходится вам ваша вера?! — восклицал Сибба. — В какие деньги? Если не знаете, то я вам скажу...

— Они облепили все королевство, — вещал бейлиф, доверенное лицо епископа. — Все равно как блохи на старой собаке — всех и не пересчитаешь...

Епископ Даниил сдвинул брови. Ни в коей мере не приветствуя столь бесцеремонные выражения, он, однако, счел за благо придержать язык: ему предстояло еще многое выпытать из собеседника.

— Да-да! — продолжал тот. — Все эти проходимцы заявлялись к нам из Норфолка. И все утверждают, что раньше были рабами. Но вообще-то это возможно. Посуди сам, преосвященный отец: только у нас в Уинчестере и в поместьях числится тысяча рабов. А у этого ярла, как его кличут язычники, у него и три тысячи в Норфолке запросто наберется... Вот он и послал их всех к нам смуты устраивать.

— Все до единого должны быть схвачены. Эту заразу нужно вытаскивать с корнем, как сорную лебеду из злаков.

— Это легче сказать, чем исполнить, преосвященный. Рабы ведь их нам не выдадут, керлы — тоже. Танам они просто так в руки не даются. Если те их выследят, то негодяи эти и постоять за себя могут. Меньше чем в паре с кем-то они в деревнях носа не кажут. А часто приходят целой дюжиной, иногда — двадцаткой. Для маленькой деревни это большая сила. Ну и потом... потом...

— Что такое? — насторожился епископ.

На сей раз бейлиф тщательно взвешивал слова.

— Пришельцы заявляют — они, конечно, и солгать горазды, преосвященный, — что якобы находятся у нас по велению короля Альфреда...

— Этелига Альфреда! Этот человек никогда не был венчан на царствие!

— Виноват, преосвященный отец. По велению этелига Альфреда. Но даже и среди танов найдутся такие, кто костью ляжет, а Церкви королевского посланника не выдаст... А поселянин простой так думает: они там наверху друг другу глотки грызут, так зачем мне вмешиваться?

«А многие так или иначе примкнут к принцу, последнему из великого рода Сердика, лишь бы досадить Церкви!» — про себя добавил бейлиф. Но ему хватило ума удержаться от этих слов.

«Лжец и изменник, — проносилось в голове епископа. — Ведь всего месяц назад он сидел в этих самых покоях, потупя взор, как овечка, и просил у меня прощения за прошлое и наставления в будущем! А выйдя отсюда, стал созывать на помощь гонителей Церкви! Потом же бесследно исчез; никто не скажет теперь, где он обретается; только поступают сведения от бейлифов, что его видели то в одном селении Уэссекса, то в другом... И всюду он призывает оказывать неповиновение Церкви и брать пример с Норфолка, с учения, которое язычники прозвали Путем. Даром что бьет себя в грудь и кричит, что не оставил Христовой веры. Долго ли протянет такая вера, которая осталась без денег и без земли? Но если дела так и дальше пойдут, то и самому епископу останется только ждать часа, когда к воротам его Минстера подъедет облаченный в неизвестные цвета герольд и потребует, чтобы епископ отрекся от своих прав и привилегий».

— Итак, — промолвил наконец Даниил, обращаясь больше к самому себе, нежели к собеседнику, — мы не можем найти на них управу и должны просить чужой помощи. И воистину, уже движется к нам сила, которая вытравит с нашей земли эту скверну, так что та уже не сможет более поднять голову... Правда, я не могу позволить себе ждать! Епископ, сидящий в такой час сложа руки, едва ли может рассчитывать на расположение Его Святейшества, которому когда-то придется решить, кого назначить верховным иерархом Англии... О нет... Коли корень сей заразы питается соками из Норфолка, то самому Норфолку под силу будет сделать так, чтобы он зачах навечно. И ведь среди норфолкцев немало тех, кто не растерял понятий о христианском долге.

— В самом Норфолке, преосвященный? — с сомнением произнес бейлиф.

— О нет, в ссылке... Калека Вульфгар и его сын. У одного викинги отняли конечности, у другого — шайр... И есть еще на свете Бургред Мерсийский. Когда-то я считал, что мне безразлично, кто будет править Восточной Англией, Мерсия ли, Уэссекс... Как все переменялось! Пусть же королевство Эдмунда Мученика достанется благочестивому Бургреду, но не отойдет Альфреду... Альфреду Неблагодарному — вот достойный его титул!.. Пришли-ка мне секретарей. Я собираюсь отписать каждому из этих славных мужей, а также брать-

ям своим в Личфилд и Уорстер. Потерянное Церковью да возвратится ей.

— Но придут ли они нам на помощь, господин мой? — осторожно вставил бейлиф. — Не побоятся ли направить свои армии в пределы Уэссекса?

— Настал черед мне говорить от имени всего Уэссекса. Но все эти воинства ничто в сравнении с той несметной силой, что уже движется к нам. Я лишь собираюсь предложить Бургреду и остальным присоединиться к победившей стороне раньше, чем сама победа будет одержана. А кроме того, покарать дерзких. Покарать язычников и рабов. Мы явим достойный пример остальным королевствам!

И епископ судорожно стиснул кулаки.

— Нет, я не просто выташу эту мразь с корнем. Я выжгу ее, как язву на живом теле...

* * *

— Сибба... Сибба... Здесь что-то неладно, — горячо шептал чей-то голос в темном пространстве комнаты, в которой, зарывшись в одеяла, коротала ночные часы дюжина миссионеров Пути.

Стараясь не шуметь, Сибба подкрался к крохотному оконцу, у которого уже стоял его помощник. Снаружи спал мертвым сном Стенфорд, поселок, до которого от Саттона проделали миссионеры десять миль и ровно столько же прочли проповедей. Облака, гонимые ветром, отбрасывали тени на скособоленные мазанки и на добротный, сложенный из крепкого леса сруб тана, в котором и нашли ночлег норфолкцы.

— Что ты там увидел?

— Там что-то полыхнуло.

— Может, огонь кто затушить забыл?

— Не похоже.

Молча отвернувшись, Сибба проследовал в небольшую комнату, смежную с большой приемной. Там должен был со своей семьей заночевать их хозяин, тан Эльфстан, поклявшийся преданности и верности королю Альфреду. Спустя минуту он вернулся.

— Они на месте. Я слышал, как они дышат.

— Значит, там кто-то другой бродит... Меня глаза не обманут. Вот, смотри-ка сам!

Действительно, в мгlistом мареве ночи появилась густая тень. Один прыжок, другой — она крадется к дому. А вот и вспышка. Так мерцает только вороненая сталь.

Сибба мигом повернулся к спящим товарищам:

— А ну-ка, парни, подъем. Собирайте свои манатки...

— Что, бежать предлагаешь? — осведомился часовой.

Сибба покачал головой:

— Они нас всех до одного посчитали. Если решились напасть, значит, уверены, что управятся с нами. И легче им подкараулить нас снаружи, чем травить нас внутри дома. Так что придется нам сначала пересчитать некоторым зубы.

А за его спиной пыхтел, шуршал штанинами, шелкал пряжками маленький отряд. Один из миссионеров развязал тесьму на каком-то мешке и начал извлекать оттуда необычной формы металлические лопасти; все остальные выстроились к нему в очередь, сжимая в руках длинные посохи, с которыми ходят по дорогам странники.

— Натягивайте их поглубже, — пробурчал человек, державший мешок. Сам он не без труда насадил боевую часть алебарды на тщательно обструганный кончик древка.

— Шевелитесь быстрее, — сказал Сибба. — Ты, Берти, возьми двоих и встанешь у дверей. Вилфи, прикройешь другой вход. Все остальные пока останутся при мне. Когда начнется, разберемся, кто куда пойдет.

Ночное брожение и клацанье железа подняло на ноги и тана Эльфстана. Он появился в комнате, вопросительно глядя на Сиббу.

— Там, во дворе, люди. По-моему, у них в головах дурные мысли.

— Я их сюда не звал.

— Мы знаем. Тебя они выпустят, господин. Решай быстрее!

Тан чуть помешкал. Потом что-то негромко сказал жене и детям, которые уже почти готовы были к выходу.

— Можно мне открыть двери?

Сибба последний раз бросил взгляд на свой отряд. Все было наготове.

— Открывай.

Тан приподнял массивную перекладину, которой запирались створки, и с силой распахнул ворота. Со двора внутрь дома донеслось рычание, более похожее на могучий вздох.

Готовые ринуться на приступ, гурьбой стояли вооруженные люди. Теперь они знали, что их уже поджидают.

— Это моя жена и дети! Дайте им выйти! — крикнул Эльфстан. Дети прошмыгнули за дверь, следом засеменила жена. Но через несколько шагов она повернулась к мужу и принялась отчаянно призывать его последовать за ними. Он покачал головой.

— Эти люди пришли в мой дом как добрые гости, — сказал он. Внезапно повысив голос, чтобы его услышали налетчики, он прорычал: — Я говорю: мои гости и гости короля Альфреда! Я не знаю, что это за ночное ворье разгуливает у моих ворот! Здесь, в королевстве Уэссекс, действует власть закона и короля! И когда проснется королевский рив, он вздернет этих бродяг на первом же суку.

— В Уэссексе нет короля, тан, — ответили ему со двора. — Здесь люди короля Бургреда. Бургреда и Святой Церкви! А твои гости — отребье, сброд, еретики! А ну, лапотники, вон из дома! Мы принесли вам ошейники. И клеймо не забудем выжечь.

Показавшаяся в этот миг серебристая луна осветила людей, выступивших из-за стен окрестных домов.

Кажется, нападавшие не собирались мешкать. Обрушиться на спящих рабов было бы и вовсе удовольствием, но с этим они не успели. Впрочем, в тановой усадьбе засели низшие из низших, заморыши, не умевшие правильно держать в руках меч, в отличие от них, ратоборцев, которые с молодых ногтей знали, в чем состоит их призвание. А потому дюжина мерсийских воинов дружно шагнула к темному порогу передней. Тем временем на площадь перед усадьбой высыпали из засады все новые силы. Рожки трубили атаку.

Двойные двери усадьбы имели в поперечнике около шести футов, что позволяло одновременно протиснуться внутрь только двоим вооруженным воинам. Или одному, если он хотел с порога начать раздавать удары. Мерсийцы ринулись в бой вдвоем, занеся над головами щиты и свирепо вращая зрачками в поисках невидимого врага.

Но они так и не успели понять, кто и как их убил. Позволив сделать им только один шаг, алебардщики, стоявшие, как было им велено, по обеим сторонам от дверей, одновременно ударили нападавших в область паха — под кольчуги и поднятые щиты. Алебарда же, увенчанная и топором, и ост-

рием пики, весом своим вдвое превосходила широкий палаш. Первая из них легко рассекла бедро воина и ушла в глубь тела. Вторая прошла тело от бедра и застряла в тазовой кости. Один из нападавших, сразу потерявший очень много крови, был обречен на быструю смерть. Другой метался по полу, корчился и отчаянно скулил, пытаясь выдернуть страшное лезвие, крепко засевшее в кости.

Следом за ними в помещение ввалилась вторая пара нападавших. Их встретил двойной молниеносный выпад, от которого невозможно было уберечься с помощью деревянных щитов. Оба мерсийца отлетели прочь, под ноги товарищам, дико вопя от нестерпимой боли. Оба получили ранения в живот. А лезвия алебард уже успели описать гигантскую шестифутовую петлю и рвали в клочья бесполезные кольчуги, ломали позвонки. Так поступают со скотиной, прежде чем она угодит под нож мясника. Правда, могло показаться, что за счет все сыпавшихся в дверной проем тел нападавшие все же проникнут в усадьбу.

И однако страх перед жутким и неизъяснимым взял свое. Атакующие начали потихоньку оттягиваться назад. Те, кто стоял у самых дверей, не решаясь войти внутрь и прикрывая головы щитами, оттаскивали за ноги убитых и раненых.

— Для начала совсем неплохо, — проговорил один из воинов Пути.

— Подожди, они вернутся, — ответил Сибба.

Мерсийцы возвращались еще четырежды. С каждым разом они действовали все осмотрительнее. Теперь, когда они поняли, как и каким оружием их убивали, ратоборцы вынуждали норфолкцев первыми пустить в ход свое несколько громоздкое оружие, отскакивали в сторону или пригибались и тут же устремлялись внутрь дома. Норфолкцы не отходили от дверных проемов, осыпая врагов боковыми ударами. Но и среди них были уже убитые и раненые.

Когда край небес начал бледнеть, Эльфстан, наблюдавший за боем со стороны, прошептал на ухо Сиббе:

— Они будут сейчас пробивать стену.

— Какая разница? Им все равно надо будет протискиваться в щель поодиночке. Вопрос только в том, хватит ли у меня людей...

А снаружи увитый белокурыми локонами молодой дворянин злобно поедал глазами чье-то забрызганное кровью,

перекошенное лицо. Альфгар явился, чтобы лично понаблюдать за расправой над людьми Шефа. То, что он увидел, ему не понравилось.

— Вы даже не можете влезть внутрь?! — орал он. — Да там горстка рабов, и больше — никого!

— Эта горстка рабов перебила уже многих наших лучших людей, — ответил мерсиец. — Восемь человек убито, дюжина раненых, причем все — тяжелые... Но сейчас я сделаю то, что нам нужно было сделать с самого начала.

Он подал знак своим людям, и те, обойдя дом с торца, принялись сваливать к стене вороха колючих сучьев, выдернутых из плетня, пока те не приняли вид огромной сети. Затем чиркнуло о кремь огниво; языки пламени запрыгали по высохшим за лето веточкам. Через мгновение занялась вся куча.

— Я должен получить пленных, — промолвил Альфгар.

— Получишь, коли останутся, — отвечал ему мерсиец. — В любом случае теперь они поговорят с нами на открытом воздухе.

Когда дым начал проникать сквозь дырявые стены старого дома, Сибба обменялся быстрым взглядом с хозяином. В раннем свете утра они уже различали лица друг друга.

— Ты еще сможешь сдать в плен, если сейчас выйдешь, — промолвил Сибба. — Потребуешь, чтобы они передали тебя твоему королю. Ты все же тан, так что, может, они тебя и послушают...

— Брось сказки рассказывать.

— Что же мы будем делать?

— Что в этих случаях делают... Будем торчать внутри, пока дыхания хватит. А когда оно кончится, попытаемся выбраться. Глядишь, в таком чаду одному-двум удастся улизнуть.

Дым валил в дом теперь густыми клубами. На стенах кое-где уже плясали огненные язычки, быстро пожирая деревянную обшивку дома. Эльфстан подошел было к дверям, чтобы оттащить задыхавшегося в дыму раненого, но Сибба знаком остановил его.

— Такая смерть самая легкая, — объяснил он. — Всяко лучше, чем в огне жариться.

Мало-помалу силы защитников иссякали; тогда они выскакивали из дверей и старались одолеть в дымовой завесе,

двигаясь по ветру, хотя бы несколько ярдов; но, откуда ни возмись, с торжествующим видом им под ноги выныривали враги; они преграждали обреченным дорогу, заставляя тех так или иначе пускать в ход свое оружие; подползали со спины с обнаженным мечом или кинжалом. После такой ночи у нападавших разыгрался аппетит; предстояло выместить горечь позора и потерь. Больше прочих не повезло Сиббе: перед тем как настал его черед выходить из дома, два мерсийца, знавшие теперь, каким образом их жертвы пытаются выйти из горящего дома, натянули над тропинкой веревку из сыромятной кожи... Сибба попытался было встать на ноги, выдернуть нож, но тяжелое колено уже прижимало его к земле, а мускулистые руки скручивали запястья.

Последним в доме оставался его хозяин, Эльфстан. Наконец он показался в дверном проеме, однако не помчался сломя голову сквозь клубы дыма, а сделал три могучих шага и предстал перед врагами с поднятым к бою щитом. Завидев его, мерсийцы заколебались: перед ними наконец явился человек, которому полагалось оказать совсем другую встречу. Прильнувшие к изгороди рабы и поселяне приготовились увидеть, как их господин встретит смерть.

Эльфстан сиплым голосом бросил вызов мерсийским раборцам. Один из них приблизился к нему, сделал замах справа, потом слева и вдруг совершил яростный выпад железным наконечником своего щита. Эльфстан, обнаруживая блистательную выучку, рубящим движением собственного щита отвел удар в сторону, обошел соперника сначала с одной стороны, потом неожиданно с другой, раз за разом проверяя цепкость его запястьев, крепость ног, быстроту движений. Поединок больше напоминал величественный танец, изысканному исполнению которого, в сущности, было подчинено все воспитание английских танов. Мерсиец, впрочем, догадывался, что противник его потерял гораздо больше сил, нежели он сам. Улучив момент, когда тот начал опускать щит, он показал, что собирается подсечь тана снизу, а сам молниеносно перевел удар в короткий выпад. Лезвие распороло кожу под ухом. Уже падая, Эльфстан нанес последний удар, но слегка промахнулся. Его противник, однако, пошатнулся, изумленно вытаращив глаза на собственное бедро, из перебитой артерии которого фонтаном хлестала

кровь, и сам осел на землю, тщетно пытаясь прикрыть рану руками.

И тогда над Стенфордом прокатилось горькое стенание. Ибо пусть Эльфстан был не самым ласковым хозяином, пусть многие рабы извели на себе силу его кулаков, а крестьяне проклинали его нахрапистость и бесконечные побои — это был их сосед, и встал он на защиту своего дома от непрошенных пришельцев.

— Хорошая смерть, — бесстрастно заметил старшина мерсийцев. — Он умер, но, кажется, успел прихватить с собой соперника.

Альфгар застонал от бессильного бешенства. К ним быстро катилась тачка, служившая экипажем его отцу. А сквозь пробоины в изгороди видны были и остальные участники кортежа: фура с облаченными в черные рясы священниками, над которыми сверкала в лучах солнца золоченая епископская тиара.

— Хорошо еще, что хоть пару человек мы прихватили...

* * *

— Двоих?! — не веря своим ушам, переспросил епископ Даниил. — Вы убили девять человек и взяли только двоих?!

Никто не знал, как ответить епископу.

— Что же, будем рады тому, что есть, — проговорил Вульфгар. — Как же ты намерен с ними поступить? Ты уверял нас, что собираешься казнить их в назидание всем остальным!

Люди, представшие перед ними, были освобожденными рабами, у которых вместо ошейников на шеях были ремешки с подвешенными на них пекторальями. Даниил остановился напротив одного из пленников, ухватился за ремешок и, резко дернув, сорвал его с шеи. То же самое проделал с другим пленником. Две серебряные подвески, одна в форме молота, свидетельствующая о связи ее хозяина с Тором, другая же, мечевидная, принадлежавшая человеку Тюра, оказались в ладони епископа. Забавные вещицы. Он сунул их в карман. Надо показать их архиепископу. Хотя нет, Кеолнот — ужасная тряпка, бесхребетный, как этот слюняй Вульфгар...

Нет, пусть на них взглянут другие очи — святейшего их отца Николая. Пусть он тоже ощутит их тяжесть в своей ру-

ке. И тогда, быть может, он спросит себя: не пора ли избавить Церковь в Британии от бесхребетных архиепископов?

— Я обещал выжечь эту язву. Свое обещание я сдержу.

Спустя всего час Вилфи из Эли привязали к столбу, несколько раз окрутив крепкими путами его ноги, дабы он не смог затоптать ими огонь. Сухой хворост занялся ярким пламенем, лизнул шерстяные штанины... Чем выше карабкался по телу огонь, тем неистовей оно корчилося, сиюсь освободиться от страшной муки, тем чаще вырывались из уст несчастного стенания, как бы отчаянно ни старался он их подавить. Мерсийские воины глазели на его муки, желая знать, как встретит смерть столь низкое существо. Керлы же были от этого зрелища в почти нескрываемом ужасе. Повидав на своем веку немало казней, они привыкли к тому, что даже самые отъявленные злодеи, совершившие смертоубийство или грабеж, в худшем случае попадали в петлю; слуханное ли дело, чтобы в Англии так медленно лишали человека жизни! Впрочем, Англия карала по своим законам, а Церковь — по своим.

— Дыши дымом, — вдруг раздался пронзительный вопль Сиббы. — Дыши дымом!

Приступы боли не помешали Вилфи услышать этот призыв. Он как можно ниже пригнул голову и принялся глубокими вздохами набирать в легкие дым. Мучители его остерегались помешать ему в этом; через минуту тело Вилфи начало перевешиваться над сковавшими его путами. Когда сознание прояснилось в последний раз, он напрягся, поднял голову вверх и прокричал:

— Тюр! Тюр, приди мне на помощь! — И пелена дыма, словно бы повинаясь его призыву, вдруг вздулась и окутала его целиком. Когда же ветер снес ее в сторону, тело Вилфи уже бессильно скрючилось. Наблюдавшие разом затараторили.

— Слабовато твоё назидание, — бросил Вульфгар епископу. — Может, позволишь мне показать тебе, как это делается?

Спустя минуту к другому столбу поволокли Сиббу, а по слову Вульфгара воины забежали в соседний дом и вышли оттуда, неся бочонок пива, который сможет нацедить в Англии самый нищий двор. Затем, следуя его указаниям, они проломили крышку бочонка, перевернули его, пробили такое же отверстие в его дне... Владелец бочонка, не смея про-

молвить ни слова, смотрел, как плещется в грязи его эль с летнего урожая.

— Я долго решал эту задачу, — проговорил Вульфгар. — Мысль — мое единственное утешение. Здесь необходимо создать тягу. Если есть камин, то и труба должна стоять.

Бледного, дико озирающегося Сиббу привязали к столбу неподалеку от бездыханного тела его товарища. Тщательно обложили его ноги хворостом. К приговоренному подошел епископ.

— Отрекись от своих языческих идолищ! — сказал он. — Вернись в Христову веру. Я сам исповедую тебя и отпущу твои грехи. И тебя тут же заколют, не подвергая мучительной смерти.

Сибба покачал головой.

— Вероотступник! — взвизгнул епископ. — То, что испытываешь ты через минуту, будет только началом твоих вечных корчей в пламени ада! Понял ли ты меня?! — Он повернулся и погрозил кулаком кучке керлов. — Эти муки изведает всякий, кто отвернется от подлинной веры, отвернется от Христа и Церкви. От Христа и Церкви, которая владеет ключами от Царствия Небесного.

По команде Вульфгара палачи опустили на приговоренного полый бочонок; один высек огонь и поднес трут к тонким сучкам, а другой принялся трясти щитом, нагнетая потоки воздуха. Первые же зарезвившиеся язычки огня, подхваченные тягой, устремились вверх и начали неистово жалить тело и голову человека. Мгновение, и страшные вопли понеслись над Стенфордом, становясь с каждой минутой все громче и пронзительнее. А на лице похожего на пень существа, поставленного на застеленное дно тачки, проступала довольная ухмылка...

— Он что-то говорит! — вдруг вскричал Даниил. — Он желает отречься! Отведите от него пламя! Разберите костер!..

Палачи нехотя разбросали горящие ветви, обмотали руки тряпками и осторожно сняли со столба тлеющий бочонок.

К столбу лепилась обуглившаяся плоть. На выгоревшем лице, в прорези между сплюснутыми от жары губами поблескивал белый оскал. На месте глаз образовалась морщинистая корка. Огонь выжег изнутри легкие. Но тело Сиббы судорожно ловило воздух, и даже сознание еще не покидало его: почуяв свежий приток воздуха, медленно поднялась сле-

пая голова. Епископ подошел поближе и прокричал что было мочи:

— Покайся и отрекись от идолищ! Поддай только знак, и я перекрещу тебя, а твоя душа, не ведая мук, будет ожидать Судного Дня...

И он пригнулся еще ближе, готовясь внимать каждому звуку, который сорвется с уст умирающего.

Сибба, сотрясаясь пронзительным кашлем, набрал воздух в легкие и смачно харкнул черной слизью в лицо епископа.

Даниил отступил на шаг, гадливо смахивая на изысканное шитье рясы отрыжку раба. Несмотря на видимые усилия сдержаться, его всего трясло.

— Сначала... Все сначала... — выдавил он. — Соберите костер. А теперь пусть вызывает к помощи своих богов, пока сам дьявол не заберет его...

Но Сибба больше не издал ни звука. Даниил витийствовал, Вульфгар про себя глумился над его впечатлительностью, воины в очередной раз заваливали оба тела хворостом, не желая, по-видимому, тратить силы на копанье ямы, а двое людей, замеченные только своими соседями, отдалялись от толпы поселян в направлении леса. Один из них был сыном сестры Эльфстана, другой же видел, как его лишают дома в битве, где он был лишь сторонним наблюдателем. Молва уже подсказала им, чьи уши должны были первыми услышать о случившемся.

Глава 4

Когда посольный, который после бешеной скачки испытывал явную слабость в членах, начал выкладывать новости: мерсийская армия хозяйничает в Уэссексе; король Альфред бежал, и местонахождение его решительно никому не известно; он и соратники его преданы церковниками анафеме, выведены из-под защиты закона, и теперь всякому велено отказывать им в помощи и убежище, — на лице Шефа не дернулся ни один мускул.

Всюду в Уэссексе, лепетал посольный, жгут людей; но если на казнь не прибыл Вульфгар, наводящий ужас живой труп, то по приказу епископа отступников ожидает распятие на кресте. Далее зачитан был страшный список с именами

катапультиров, боевых товарищей тех людей, что молча внимали страшной вести в приемной ярла. Торвин, не в силах говорить, беспрерывно стонал, ибо список казался нескончаемым. Его совсем не утешало то, что убиенные не были ему ни родичами, ни соплеменниками, да и в веру его обращены без году неделя... А Шеф неподвижно восседал на своем складном сиденье, и только пальцы его то и дело прогуливались по свирепым лицам на скипетре.

«Ведь он знал, знал, — твердил себе Бранд, не спуская с ярла глаз и ясно вспоминая сейчас то внезапное противодействие, которое Шеф оказал горячему порыву Торвина самому сеять семена новой веры. — Он знал, что это должно случиться, во всяком случае, допускал нечто подобное. А это значит, что он послал своих соотечественников, да что там — парней, которых своими же руками он вытащил из грязи, — на верную и мучительную смерть! И ведь так же этот человек обошелся с собственным отцом. Не проморгать бы самому, когда ты и на меня посмотришь точно так же — печально и задумчиво... Если раньше я еще хоть немного сомневался в том, что ты — сын Одина, то уж теперь-то я сполна убедился... Правда, не сделай ты этого, я бы сейчас оплакивал своего друга Торвина, а не свору чумазных лапотников...»

От усталости и ужаса у посольного уже заплетался язык. Но список подошел к концу. Шеф отправил его на кухню, а сам невозмутимо повернулся к членам Совета, рассевающимся в залитой летним солнцем приемной на верхнем этаже ярлова бурга. Здесь были Торвин, Бранд, ведун Фарман и бывший священник Бонифаций, всегда державший наготове перо и бумагу.

— Вы слышали вести, — молвил Шеф. — Что вы мне посоветуете?

— Неужто ты сомневаешься? — вскричал Торвин. — Наш друг попросил у нас помощи, и вот теперь Церковь сделала его человеком вне закона! В таких случаях мы немедленно должны прийти на выручку!

— И это еще не все, — добавил Фарман. — Если мы жаждем необратимых перемен в этом мире, то более подходящего времени не будет! Смотрите — в королевстве этом брожение умов... Нас поддержал его государь — пусть сам он считает себя христианином. Вспомните: в прошлом церковники всегда начинали обращение в свою веру народов с того, что

приобщали к ней государя, а тот уже заставлял креститься своих подданных. Стало быть, нас должны поддержать не только рабы, но и керлы, и даже таны. Настал миг, когда начнется откат христианской волны... И не только в Норфолке, но и в великом Уэссексе.

Шеф недовольно оттопырил губу.

— А ты какого мнения, Бранд?

Бранд повел своими необъятными плечищами.

— За убитых товарищей надо мстить. Христиан тут вроде нет... Прошу прощения, отец Бонифаций. Но остальные-то не христиане — отчего ж мы должны прощать причиненное нам зло? Мое мнение — надо выступать.

— И все-таки решать здесь буду я...

Чуть помешкав, наклоню головы присутствующие обозначили покорность.

— Вот о чем я сейчас думаю. Когда мы послали миссионеров, мы разворошили осиное гнездо. Это надо было предвидеть с самого начала.

«Уж ты-то все предвидел с самого начала», — подумал Бранд.

— А на другое гнездо наступил я сам, когда отобрал у Церкви землю. Меня еще, правда, никто за это не ужалил. Но, чувствую я, долго так не продлится. Я даже кое-что предвижу. Короче говоря, давайте сначала убедимся, где нам искать врагов. А потом уже ударим. Пусть сами сначала покажутся.

— А товарищи наши будут гнить в земле неотмщенными?! — прорычал Бранд.

— И упустим возможность создать собственное королевство, королевство Пути! — вскричал Фарман.

— А как же твой друг Альфред? — воскликнул Торвин.

Шеф принялся заново охлаждать их пыл. Приводил собственные доводы, опровергал их послышки. И в конце концов убедил-таки их повременить неделю, подождать свежих известий.

— Надеюсь только, — напоследок промолвил Бранд, — что хорошее житье не слишком тебя расхолодило. Да и всех нас. А тебе, ярл, надо больше времени тратить на армию, а не на уговоры этих тупорылых в твоей судейской палате.

«Чем плох совет?» — насмешливо подумал Шеф. Чтобы унять спорящих, он обернулся к отцу Бонифацию, не прини-

мавшему участия в общем разговоре, а терпеливо ожидавшемуся решения ярла, дабы занести его на пергамент.

— Святой отец, сделайте нам одолжение, пошлите кого-нибудь за вином. Нам бы всем не мешало смочить горло. И помянуть наконец наших убиенных товарищей. А для этого хорошо бы пригубить что-то более приятное, чем эль.

Священник, кажется, не собиравшийся расставаться со своею черной рясой, остановился у дверей передней.

— Вина у нас не осталось, господин ярл. Люди мне говорили, что ждут груза из устья Рейна, но он все не идет... Уже четыре недели ни одного корабля не было. Даже в Темзу никто не заходит. Зато у меня припасен бочонок превосходного тягучего меда. Его-то я и распоряжусь откупорить... И однако странно это, с кораблями... Может, ветер их пугает?

Бранд молча поднялся с кресла и прошествовал к открытому окну. По безмятежному небу неслись легкие перистые облачка. «Ну и ну, — подумал Бранд. — Да в такую погоду я бы из устья Рейна до Яра добрался в кадушке, где мать белье полоскала... А он говорит — ветер им мешает. Что-то им мешает, это точно, да только не ветер это...»

* * *

Занималась заря. Гребцы и шкиперы сотен скопившихся в гавани судов — а были здесь и огромные ладьи с грузами, и небольшие, наполовину перекрытые палубой баркасы, и крутобокие ялики, а также корабли английские, франкские, фризские — с обреченным видом стаскивали с себя одеяла и в который раз — а точнее, каждый день в течение всего месяца — возносили пытливые взгляды к дюнкеркскому небу, убеждались, что и сегодня ничто не препятствует выходу в море, и начинали гадать, соблаговолит ли это сделать их хозяева.

А восточный край неба все больше озарялся солнцем, которое в этот час светило уже почти всей Европе, прокатившись над заставами и дремучими лесами, узкими улочками городов и полноводными реками, *шлоссами* и *кастелями*. И всюду с его приходом поднимались на ноги солдаты, начинали снаряжаться обозы, конюхи брали под уздцы запасных лошадей...

Когда же оно пролило свой свет и на Ла-Манш — в ту

пору еще называемый Франкским морем, — то осветило не-большой вымпел, венчавший каменный *донжон* — часовую башню деревянного форта, охранявшего подступы к Дюнкерку. Трубач облизнул и оттопырил губы и прорезал безмятежную тишину летнего утра неистовым скрежетом своей меди. В тот же миг часовые, расставленные по всем бастионам крепости, начали вторить ему. Солдаты гарнизона поднимались со своих постелей. И всюду — в порту и в городе, на уходящих в поля подъездных дорогах и в лагере, разбитом близ Дюнкерка, происходила одна и та же сцена: люди вставали, проверяли и приводили в порядок свои пожитки. И в сотый раз спрашивали себя: что думает себе наш господин? Отдаст ли наконец король Карл приказ своим, а также вверенным ему рекрутам богобоязненных и чтущих волю Папы родичей, покажет ли наконец на столь близкий отсюда английский берег?

А в гавани капитаны то и дело поглядывали на флюгеры, обводили протяжными взглядами горизонт на северо-западе. Владелец небольшой ладьи под названием «*Dieu Aide*», который добился высочайшей чести перевезти на своем борту самого архиепископа Вульфира и папского легата, легонько подтолкнул локтем своего старшего помощника и показал ему на неподвижно вытянувшийся на ветру флажок... Четыре часа можно будет идти на прекрасной отливной волне. Течение без помех донесет их до самого британского берега. Ветер дует с правого румба и стихать не собирается.

Успеют сухопутные жители спуститься и вовремя взойти на борт? Моряки уже боялись задавать себе такие вопросы. Рано или поздно, но чем-то это положение должно разрешиться. Однако... Если король франков Карл, прозванный Лысым, всерьез вознамерился быть послушным высочайшим повелениям Папы, своего духовного наставника и властелина, в том, чтобы заново сплотить разрозненные уделы могучей Империи прадеда, Карла Великого, а также пожить, да еще во имя святой цели, британским добром, — то лучшего часа для начала всего этого они этим летом не дождутся...

Они так и не успели оторвать взгляда от застывшего флага, когда со стены форта снова донесся пронзительный звук. Но зорю уже трубили; значит, сигнал относился к чему-то другому. И сначала вялый, но с каждой секундой все более ясный и ликующий, катился, подхваченный юго-западным

ветром, победный вопль. То солдаты приветствовали долгожданное решение. Не желая более мешкать, капитан «*Dieu Aide*» выразительно ткнул пальцем на подъемные стрелы и льняные стропы, постучал ногой по люкам одного из отделений трюма. Открыть люки. Подъемные стрелы — в сторону. Они нам понадобятся, когда будем грузить лошадок. Наших боевых французских лошадок — *distriers*.

* * *

Тот же самый ветер, и в те же самые ранние утренние часы, нещадно хлестал морды драконов, нависших на четырех десятках ладей, что, выйдя из устья Гембера, пошли вдоль берега левым галсом; вскоре ветер стал почти встречным, так что про оснастку можно было забыть. Но Ивар Рагнарссон, похоже, и не вспоминал о ней. Лучшие гребцы всех морей вытащили весла из уключин; в случае надобности работать таким гребком они могли в течение восьми часов кряду; теперь со свирепым урчанием они отшвыривали за спину толщи воды, с неподражаемой согласованностью переносили весла плашмя и, успевая сказать в продолжение прерванной беседы два-три слова, погружали их в море, начиная следующий гребок.

Лишь на первых шести галерах гребцы Ивара вынуждены были выполнять дополнительную работу: на каждой из них подле мачты разместилось по полторы тонны мертвого веса, который, впрочем, грузился с величайшими предосторожностями: то были онагры Эркенберта, которые йоркские кузницы успели поставить за те недели, что дал им Ивар. Узнав о весе орудий, Ивар едва не задохнулся от ярости; архидиакону приказано было изыскать способ их облегчить. «Но это выше моих сил, — отвечал тот, — так они описаны у Вегеция». Впрочем, более доходчивым аргументом оказались обломки облегченных онагров, которые Эркенберту все же пришлось изготовить и которые прекращали свое существование после дюжины выстрелов; дело же было в том, что «дикий осел» с такой силой лягаться мог только благодаря удару направляющего бруса о поперечный. Не будь этого удара, не было бы у онагра этой ошеломляющей разрушительной мощи. Облегченная же перекладина, даже вдвойне про-

тив прежнего обернутая тряпьем, выдерживала не слишком долго.

Раздумья Ивара были прерваны громкими натужными стенаниями. Каждому из онагров была придана обслуга из дюжины трэлей Минстера, а командовать ими Ивар поставил, разумеется, Эркинберта, наперекор отчаянным возражениям последнего, он-то мечтал наконец уединиться в тиши библиотеки со своими фолиантами. Размеренное колыхание Северного моря пошло не в жилу кому-то из этих слизняков, и теперь его нещадно выворачивало наружу у одного из бортов судна. Причем борт для этого занятия он выбрал, разумеется, неподходящий, и все скудное содержимое его желудка отлетало в лица ближайших гребцов, которые рычали, сыпали бешеными проклятиями и, самое главное, опаздывали с гребком.

Нашупывая рукоять торчавшего из-за пояса огромного ножа для потрошения туш, Ивар направился к недотепе. Но стоило ему сделать шаг, как его оруженосец Хамаль, тот самый, что подвел Ивару коня, когда началось повальное истребление его войска, бросился вперед, ухватил раба за шиворот, оглушил его двумя страшными ударами в лицо и в висок и, взвалив на себя, швырнул через банки на подветренную сторону, чтобы тот смог спокойно предаться своему хлопотливому делу.

— Я сегодня вечером с него шкуру спущу, — пообещал он. Ивар вперил в него свой немигающий взор. Он прекрасно знал, что у Хамалья на уме. Ну что ж, можно и обождать... Ивар вернулся на нос и вновь погрузился в темный омут своих мыслей.

Гребцы исподтишка поглядывали на Хамалья. Зная это, он выразительным жестом вытер с лица несуществующую испарину. Ивар теперь в среднем убивал в день по человеку, в основном трэлей, которые продолжали казаться ему ненужным хламом. При такой резвости ко дню сражения он оставит орудия без обслуги. Да и неизвестно еще, как он поведет себя, когда все рабы будут перерезаны... Впрочем, бывают случаи, способные насытить даже Ивара.

Надо молить Тора, чтобы сражение состоялось как можно скорее. Ибо единственная жертва, которую примет Иварово безумие, — это человек, уже несколько раз посрамивший его. Скъеф Сигвардссон. Пока Ивар не получит его го-

лову и яички, он будет истреблять все, что движется. Поэтому-то братья и поспешили на время от него отделаться, представив к нему в качестве няньки Хамалья и приемного отца Змеиноного Глаза, которому полагалось доносить в Йорк о состоянии дел.

«Если мы вскорости не выйдем на Скъефа, — думал Хамаль, — я при первом же случае смазываю пятки. Ивар, конечно, обязан мне жизнью, но помешанный не знает благодарности... А с другой стороны, чует мое сердце, если направить его безумие куда следует, мы вполне можем полакомиться жирным кусочком. На Юге королевства богатые... Как налившиеся зерном колосья — только тронь и сами рассыплются...»

* * *

— Вот ведь гнида, — сплюнул Озви, ранее раб на землях монастыря Св. Этельтрит в Эли, а ныне старшина команды катапультиров, входящей в состав армии Норфолка, Армии Пути. Услышав такое мнение, его подчиненные согласно закивали. Все они уже в течение нескольких минут не отрываясь смотрели на свою любимую, но порой такую коварную игрушку. Перед ними была снабженная колесами вращательница, метавшая гигантские стрелы благодаря мощному натяжению тетивы. Все до единого катапультеры несказанно гордились своей ролью в армии. Даже имя своему оружию они выбрали нежное: «чистая просека». Каждую ее переключали, перемычку, зубец на колесах они вдохновенно перечисляли по нескольку раз за день. Увы — в душе они не доверяли своей любимице.

— Вроде и обороты каждый раз считаешь, когда колесо вращаешь, чтобы она, зараза, не лопнула...

— А я наклоняюсь ухом к канатам и слушаю, как она звучит, — сказал один из его помощников, — как только слышу, что она запела, как струна на арфе, — кончаю крутить...

— А все равно в один прекрасный день она возьмет да и снесет тебе полголовы, — задумчиво продолжал Озви.

Все снова мрачно закивали.

— Надо бы нам промыслить дерево покрепче для рычагов, — сказал Озви. — Тогда она у нас будет как шелковая.

— Может, просто канатами их обмотать?

— Да нет, они все равно плотно рычаги облегать не будут.

— Я сам из кузнецов, — смущенно пролепетал новобранец отряда. — Вот, думаю, если надеть на них железные скобы...

— Тоже не выход, — оборвал его Озви. — Рычаги при вращении должны немного выгибаться. Без этого ничего не выйдет. А если ты на них железо прибьешь, то как они будут гнуться?

— Это смотря какое железо. Можно его так хитро расплавить и закалить, что из железа получится сталь... Сталью эту штуку мой хозяин называл. А сталь эта может чуток гнуться — не как плохой, мягкий металл, а иначе. Она упругой становится. Так что если мы прибьем полоску стали изнутри каждого рычага, она будет спокойно гнуться вместе с деревом, а если дерево вдруг треснет, то разлететься уже не сможет...

Некоторое время катапультеры переваривали услышанное.

— Может, ярла спросим? — робко предложил кто-то.

— Кто тут ярла поминал? — вдруг раздался за их спинами голос. Шеф решил откликнуться на совет Бранда и прогуливался по расположению своей армии, когда увидел сосредоточенные лица катапультеров.

Теперь на них выступили тревога и оцепенение. Еще мгновение, и вся группа приходит в брожение, перестраивается таким образом, что в середине ее оказывается новобранец. Никогда не знаешь, что на уме у господ.

— Тут вот Удду мысль дельная пришла... — промычал Озви, чувствуя необходимость разделить ответственность.

— Давайте послушаем, что за мысль...

Новобранец, поначалу запинаясь и заикаясь, а потом с каждым словом все бойчее и свободнее, принялся излагать способ изготовления мягкой стали. Слушая, Шеф приглядывался к ученику кузнеца. Невзрачный человечешко, ростом еще меньше остальных, глаза смотрят кротко, спина сутулая... Такого Бранд со товарищи выгнали бы из лагеря взащей, посчитав, что он не сможет отработать свою пайку даже рытьем канав. А человек этот меж тем хранит важнейшие сведения. Снова новое знание? Или знание старое, которое использовали в работе многие кузнецы, если были у них на то подходящие условия, но не имели другого способа оставить его после себя, кроме как постараться втолковать его своим подмастерьям?

— Сталь, которая гнется, говоришь, — протянул Шеф. — И к тому же упругая? И ты уверяешь меня, что она не такая, как мой меч... — с этими словами он вытащил из ножен отличный скандинавский клинок, привезенный ему Брандом. Оружейник смастерил этот клинок с помощью той же самой премудрости, какую сам Шеф применил при изготовлении своего первого и ныне давно утерянного лезвия, когда он сплавил меж собой пластинки из негнувшейся стали и мягкого железа, — ...а сделана из цельного куска? Что она упругая по всей своей плоскости?

Сутулый человечек уверенно кивнул.

— Отлично. — Шеф с минуту поразмыслил. — Озви, скажешь начальнику лагеря, что ты и твоя команда на сегодня свободны от всех дежурств. А ты, Удд, завтра с утра наберешь себе столько помощников, сколько понадобится, пойдешь в кузницу к Торвину и начнешь ковать пластинки так, как ты мне рассказал. Первую пару приладишь к «чистой просеке». Если все пройдет успешно, поставишь пластинки на все машины... Да, еще. Когда закончишь, сделай несколько полосок лично для меня. Хочу поглядеть на них.

Когда Шеф двинулся по направлению к бургу, уже трубили отбой. Один за другим гасли костры. Выходили в дозор часовые. «Что-то в этом есть, — крутилась в голове мысль. — Что-то толковое, полезное». Не за горами тот день, когда армии будет не обойтись без очередного новшества. Ибо, вопреки укоренившейся уверенности Торвина и его друзей, он твердо знал, что если они ограничатся использованием уже испытанных в бою орудий, враг вскоре сотрет их в порошок. Каждое поражение учит. А врагов у него хоть отбавляй — на Севере и на Юге, Церковь и язычники... Епископ Даниил, Ивар, Вульфгар, Альфгар, король Бургред. Они не будут стоять с обреченным видом и ждать, когда их размолят камне-толчалки или продырявят вращательницы!

Шеф не знал еще, что грядет на смену этим машинам. Но это свежее изобретение обязано было ошеломить врага. Непредсказуемость — великий залог побед.

* * *

Греза ли, видение — и то и другое было весьма кстати. Шеф чувствовал, как начинает теряться в сыпавшихся на него вопросах. И знал, что не ведает, как на них ответить. Если

же некая тайная сила взялась ему помочь, он был ей только благодарен. Другое дело, что он не верил в наставничество Одина, принявшего ипостась Бельверка — Сеятеля Зла, хотя Торвин упорно настаивал на том, что ему, Шефу, необходимо повесить себе на шею пектораль в виде копья. Тогда кто же станет руководить им? «Если бы мне было открыто это, — успел подумать в полугрезе Шеф, — амулет такого божества я бы с радостью носил...»

* * *

Заснув же, он немедленно вознесся в заоблачную высь. Во всяком случае, так ему показалось, когда спала пелена перед глазами и он устремил взгляд на землю. На месте последней оказалась огромная доска. Точнее — шахматная доска, сплошь заставленная фигурами. Партия была в самом разгаре. За доской же находились два исполинских существа, уже знакомые ему по прежним видениям: то были боги Асгарда — в этом, во всяком случае, уверял его Торвин. Сейчас они нависли над своею священной доской, расчерченной на серебряные и золотые клетки.

И однако, присмотревшись, Шеф понял, что играющих было больше. Просто размеры их были столь грандиозны, что, как бы ни вертел он головой, охватить взором всех он был не в состоянии, как невозможно увидеть целиком горный кряж. Правда, одного бога он мог рассмотреть полностью и подробно. То был не пышущий здоровьем Тор, покровитель Бранда; не чудище с лицом, подобным лезвию топора, и голосом, от звука которого мог надвое расколоться могучий ледник, — то был не Один. Этот бог был на вид более щуплый, вертлявый, с чуть перекошенным ликом. Фигуры он переставлял с затаенно лукавым выражением. Уж не мошенник ли это Локи? Локи, огонь которого всегда горел в капище Пути, хотя никто не знал людей, избравших его своим покровителем.

Но нет. Может, бог этот и мошенник, но на Локи он ничуть не похож. Это был тот самый бог, который смотрел на него как на жеребца на торгах. Да и это лукавое выражение... Да, конечно: только ему мог принадлежать этот вечно насмешливый голос, что уже дважды слал ему предупреждения... «Вот он, мой покровитель. И однако имя этого бога мне неизвестно. Каковы же его свойства и предназначение? Какой знак ему желанен?»

Внезапно Шеф осознал, что доска, на которой они играли, была вовсе не обычной шахматной доской, а манпой. Но то была не *tarratundi*, а карта Англии. Он весь подался вперед, силясь увидеть расположение фигур на доске. Ведь богам, конечно, известно, где находятся его враги, каковы их устремления. Но вскоре он понял, что, несмотря на все старания, ничего уразуметь не сможет. Ибо был он сейчас не чем иным, как мышкой, притаившейся на каминной полке. Он воспринимал фигуры, ходы, партию, но дальше этого дело не шло. А боги водили по доске фигурами, раздражались раскатами то ли хохота, то ли грома. Для него же все происходящее было непостижимо. И коль скоро ему отказано в понимании, зачем он был перенесен сюда?

И тогда он почувствовал обращенный к себе лукавый взгляд. Внезапный ужас приковал его к месту. Он не знал, как быть — попробовать улизнуть или застыть в неподвижности. Этот бог, впрочем, хорошо знал, что Шеф здесь находится. Он протянул руку, раскрыл ладонь. Другие боги не отвлекались от партии.

Он показывал Шефу фигуру. Фигуру, которая в дальнейшем станет решающей.

И фигурой этой была королева. Он напряг зрение пуще прежнего, ибо черты ее лица напоминали ему...

А безымянный бог уже смотрел в другую сторону. Потом, не оборачиваясь, сделал небрежную отмашку. Словно бы подхваченный вихрями бури, Шеф кубарем покатился куда-то вниз, к лагерю, постели, одеялам. В миг, когда он очнулся, он уже точно знал, на кого была похожа шахматная королева.

* * *

Задохнувшись, Шеф вскочил с постели. «Годива, Годива, — шептал он. — Не иначе неутоленное желание послало мне это видение. Какое отношение девица может иметь к ратным подвигам?»

А за окном его спальных покоев было беспокойно. Кто-то кричал, звенели подковами лошади. Суматоха катится к его дверям. Стук сапог. Грозные вопли ключников. Но твердая поступь совсем близко. Успев натянуть рубаху, Шеф настежь распахивает дверь, чтобы встретить пришельца...

И видит перед собой знакомое лицо. На голове юного

Альфреда по-прежнему золотой венец, да и сам он почти не переменялся. Решительные движения, умные, живые глаза, сейчас чуть подернутые тревогой...

— Когда-то я отдал тебе этот шайр, — начал он без преисловий. — Боюсь, я поступил неправильно: мне нужно было поставить ольдерменом твоего врага Альфгара, сына калек! Ибо эти двое, а также изменники-епископы объединились с королем Бургредом и травят меня, как бешеного пса.

Вдруг порыв уступил место усталости и разочарованию.

— Я пришел сюда искать крова и защиты. В Уэссексе подо мною горит земля. Мне даже некогда было собрать верных мне танов. На хвосте у меня висела мерсийская армия. Когда-то я спас тебе жизнь. Не хочешь ли ответить мне тем же?

Пока Шеф обдумывал ответ, снова раздался стремительный топот ног. В освещенный факелами круг, в котором стояли они с Альфредом, ворвался запыхавшийся посыльный. Кажется, он готов был пренебречь формальностями. Увидев, что его господин вышел из своих покоев, он завопил:

— Маяки... Огни в море, господин ярл! Целый флот на подходе. Часовые с маяка рассказывают — кораблей сорок. Не иначе Ивар к нам пожаловал.

Шеф видит, как цепенеет лицо Альфреда. И вдруг с внезапной ледяной ясностью он осознает собственное положение.

«С одной стороны от меня Альфгар. С другой — Ивар. Между ними имеется кое-какая связь. У одного я увел женщину. Другой ту же самую женщину увел от меня. Во всяком случае, теперь я могу не сомневаться в подлинности того видения. И тот бог, как бы его ни звали, не обманул меня. Этот узел может распутать только сама Годива».

Глава 5

Еще с первых дней своего правления ярл Шеф уяснил для себя одно весьма ценное правило: люди всегда либо украшают, либо чернят действительность. Так и в этот раз. Маяки хороши для того, чтобы поднять на ноги народ. С их помощью можно передать сообщения о направлении движения судов, а при известной изобретательности — даже сведения об их количестве. Однако с расстоянием дело обстоит

хуже. Цепь маяков тянется от самого Линкольншира. По сути дела достоверно известно вот что: Ивар — даже если это и впрямь он — вышел из устья Гембера и теперь, как немедленно возгласил Бранд, будет изводить своих парней, ибо грести им придется против убийственного ветра.

Далее. Альфред не сомневался в том, что король Бургред, пригrevший недавних родственников Шефа и подстрекаемый кознями коварных епископов, гонится за ним по пятам и замышляет — ни больше ни меньше — полное разорение земли Пути и уничтожение его армии, а заодно присоединение к своему королевству всей Англии к востоку от Гембера. Однако Альфред — зеленый юнец, переутомленный бешеной скачкой и оставшийся с единственным телохранителем. А Бургред хорошо известен своей склонностью к роскоши, которой не изменяет и во время походов; войско его никогда не обходится без длинного обоза. Так что сорок миль они пройдут не раньше чем за четверо суток.

Итак, Шефу надо готовиться сразу к двум суровым испытаниям. Другой вопрос, можно ли успеть это сделать.

Начиная отдавать распоряжения, Шеф сосредоточился только на том, что обязан был сделать в первую очередь, но чувствовал, что без верного помощника ему не обойтись. Впрочем, на этот вопрос ответ следовал и вовсе легкий. Как только ему удалось отделаться от членов Совета, завалив их разнообразными поручениями, он выскользнул за ворота бурга, пресек попытки изумленных телохранителей сопроводить его в городе и, стараясь оставаться неузнанным, смешался с уличной толпой.

Ханд, как и предполагалось, находился на месте и занимался врачеванием; на сей раз он колдовал над женщиной, которая, завидев ярла, пришла в сильнейший трепет: то была известная в Норидже потаскуха. Ханд же продолжал обращаться с ней так, словно больная была супругой тана. Лишь после ее ухода он сел подле друга, по обыкновению выжидая, что тот заговорит первым.

— Однажды мы уже спасли Годиву, — сказал Шеф. — Придется мне сделать это еще раз. Опять же с твоей помощью. Никому другому я довериться не могу. Ты сможешь мне помочь?

Ханд кивнул, но потом чуть замешкался.

— Я всегда готов тебе помочь, Шеф. Но дай я задам тебе

один вопрос. Почему вдруг ты решил заняться этим именно сейчас? У тебя было несколько месяцев, чтобы попытаться увести Годиву. А сегодня у тебя голова должна болеть о другом...

Шефу пришлось со всей трезвостью решить, сколь далеко может зайти его откровенность. Сам он уже твердо знал то слово, каким называется уготованная им для Годивы роль — наживка. Ничто так не взбесит Альфгара, как известие о том, что Шеф выкрал у него жену. А если удастся представить дело таким образом, что кражей этой Путь дал пощечину всем силам союзников, то на наживку эту клюнут все его враги. Пусть гонятся за Годивой, как прожорливые рыбы, пока не попадутся на крючок Ивару. Да и Ивара будет несложно приманить: надо напомнить ему о женщине, которую увели у него из-под носа, и о мужчине, который это сделал.

И однако всего этого Ханду, пусть он и друг детства, не скажешь. Таким же другом детства Ханд приходится Годиве.

Шеф, как мог, показал, что озадачен и смущен вопросом Ханда.

— Да-да... Знаю, надо было заняться этим раньше. Но сегодня я понял, что боюсь за нее...

Ханд зорко наблюдал за выражением единственного глаза Шефа.

— Ладно, согласен, — сказал он. — По-моему, у тебя есть на то свои веские причины. И как же мы собираемся ее спасти?

— Я выйду из города, когда стемнеет. Встретимся на том месте, где испытывали катапульты. За оставшееся время собери полдюжины людей. Но только запомни: норвежцев не трогай. Только англичане. И чтобы все — освобожденные рабы. Главное, они должны иметь такой вид. Такой вид... как у тебя, — добавил Шеф, глядя на тощего, малорослого Ханда. — Захватите лошадей и еду на неделю... Но только наденьте на себя какое-нибудь рваньё... Теперь слушай и поймешь, в чем будет заключаться твоя помощь. Меня узнать нетрудно — после того, как меня без одного глаза оставили... — Шеф едва не сказал «ты меня, друг, без одного глаза оставил». — Когда мы входили в лагерь Рагнарссонов, это было другое дело. А теперь я хочу забраться в лагерь своего отчима и приемного брата. Так что придется мне переодеться. И вот что я на этот счет думаю...

Шеф быстро объяснил, чего хочет от него. Ханд время от времени перебивал его, предлагая те или иные уточнения. Наконец маленький лекарь засунул под ворот свой амулет Идуны и тщательно разгладил складки на рубахе.

— Если боги примут нашу сторону, мы еще можем на что-то надеяться, — проговорил он. — Ты представляешь, что подумают люди, когда завтра проснутся и хватятся своего ярла?

«Решат, что я их бросил, — подумал Шеф. — Я передам им послание, где будет сказано, что я сделал это ради женщины. Пусть даже это будет совсем не так... Странное дело. Когда я подползал на брюхе к лагерю Ивара, у меня на уме было только одно: спасти Годиву, чтобы найти счастье для двоих. И вот я вновь собираюсь спасти ее. Но на сей раз я делаю это отнюдь не для нее. И даже не для себя. Я просто собираюсь сделать то, что не могу не сделать. Вот и ответ. И в ответе этом две части: я и она. Мы — маленькие зубчики, приводящие в движение колеса, на которые натягивается тетива катапульты, а она в конце концов должна выстрелить. Мы не можем сказать, что устали, что работа эта нам претит».

Потом он вспомнил то странное сказание про мельницу Фроди, которое поведал ему Торвин. Вспомнил исполинских дев и короля, который не давал им даже минуты покоя.

«Разве не хочу я дать им отдохнуть, разве не хочу, чтобы они перестали вращать колесо войны?! Но я не знаю, как оторвать их от этого колеса. И себя — тоже».

Он чувствовал, как ремень его оттягивало точило великого правителя.

«По-настоящему свободен я был тогда, когда был трэлем».

* * *

Высунув голову из женской половины на задах огромного лагерного шатра короля Бургреда, Годива засеменила вдоль длинных, пока еще не заставленных снедью столов. В случае, если ее остановят, ей есть что ответить: она направляется к королевскому пивовару, чтобы велеть ему откупорить очередной бочонок с пивом и по настоянию Альфгара проследить за тем, как он будет это делать. В действительно-

сти же она просто мечтала вырваться из удушливого общества своих товаров, пока сердце ее не разорвалось от тоски и безысходности.

Ее уже трудно было назвать красавицей. Она знала, что другие женщины с удовольствием сплетничают о ней, злобно потешаясь над увяданием фаворитки. Но о причинах они могут только догадываться. Они, конечно, знают, что Альфгар избивает, истязает ее обнаженное тело — и с каждым разом все свирепее, все беспощаднее — березовыми прутьями, так что на следующее утро ее сорочка прилипает к окровавленной плоти. Долго такое занятие не утаишь. Его не скрыли даже дубовые стены Тамворта, столицы Бургреда; шум проникал сквозь щели в бревнах и настилах. А уж когда это происходит в лагерных шатрах, которые на лето становятся домом для всех королей Англии, такое скрыть и подавно не удается.

И хотя люди все слышали, обо всем знали, помогать ей никто не собирался. На следующий день после порки мужчины при встрече прятали улыбки, а женщины говорили с ней елейными, задушевными голосами. Ведь все уверены, что свершается это по непреложным законам этого мира. Правда, они терялись в догадках относительно причин побоев, считая, вероятно, что эта женщина не может как следует ублажить своего повелителя.

Никто из них — за исключением Вульфгара, который все равно ничем не мог ей помочь, — не сознавал глубины той бездны отчаяния и стыда, в которую она канула. Это падение напоминало ей о себе всякий раз, когда она делила ложе со своим братом. Грех этот ей уже никогда не замолить... И никто не знает, что она стала убийцей. Дважды за эту зиму она ощущала в себе бремя другой жизни. Правда, хвала Господу, она так в ней и не зашевелилась. А если бы это случилось, у нее не хватило бы духу отправиться в лес искать себе родильный корень и пить изготовленную из него горькую настойку, чтобы убить в утробе дитя своего срама.

Но даже не это наложило морщины, иссушило прежде срока ее лицо, сдавило ей плечи, заставляло шаркать при ходьбе ногами, словно старуха. То была память о счастье, которое довелось ей однажды изведать. Память о жарком утре в лесу, о хороводе листвы над головой, об обжигающих ласках,

о бьющемся в судорогах теле — и незабываемом чувстве освобождения.

Все это длилось не больше часа. И память об этом часе отравляет ей жизнь. И какой страшной получилась их последняя встреча. Перед ней был одноглазый человек с жестоким лицом. Непозабываемая скорбь во взгляде. И потом наступает этот миг, когда он отпускает ее от себя...

Годива опустила глаза еще ниже и едва ли не бегом направилась через пустырь, оставленный перед королевским шатром. Сейчас здесь толпились воины из личной свиты Бургреда, его гезиты. Сновали посыльные. Расхаживали с бесстрастным видом воеводы. Мерсийская армия готовилась вступить в Норфолк. Прошелестев юбками мимо праздной группы, рассеянно слушающей слепого менестреля и его помощника, она вскользь заметила про себя, что исполняют они песнь о Зигмунде, сразившем дракона: она слышала ее прежде в доме отца.

Рассматривая ее, Шеф вдруг почувствовал, как похолодело у него на сердце. Казалось бы, нужно радоваться тому, что он застал ее с мужем в этом лагере. Хорошо и то, что, пройдя в шести от него футах, она умудрилась его не узнать. Плохо другое. Она подурнела, зачахла. И совсем грустно ему стало от того, что при взгляде на нее, против ожиданий, не зашемило сердце. А ведь это происходило всякий раз, начиная с того самого дня, когда он впервые увидел в Годиве женщину. Значит, чего-то лишился он сам. Нет, не глаза, а чувства, которое хранила с детства душа.

Шеф гнал от себя эти мысли. Ему предстояло еще закончить балладу. Как только он дошел до конца, Ханд сорвался с места и бросился к слушателям, призывно поводя перед их носами развязанной сумой. Те, добродушно урча, отпихивались от неказистого бродяжки. В конце концов сума его наполнилась ломтем черного хлеба и куском черствого сыра, а один воин бросил огрызок яблока. Разумеется, таким образом нечего было рассчитывать заработать себе на пропитание. Однако дальновидная парочка на это и не рассчитывала: с наступлением темноты они собирались разыскать знатного воеводу и испросить его разрешения немного поразвлечь размякших после обеда ратников. Вот тогда можно будет неплохо набить себе брюхо, получить ночлег и, коли повезет, даже несколько монет или паек на утро.

Впрочем, облик обоих вполне был под стать их полной несостоятельности как менестрелей. Прекрасно понимая, что на попрание исполнения баллад лавров ему не снискать, Шеф решил предстать жертвой кровавого времени, какие рассеяны были тогда по всей Англии: младший сын, был призван в ополчение, в сражении стал калекой, воевода его вышвырнул, семья отказалась... что ему остается, как не просить на пропитание, воспевая чужую доблесть и славу? А искусство Ханда снабдило эту легенду доказательствами на теле Шефа. Первым делом он нарисовал красочный шрам поперек его чела — этакий рваный рубец от удара топором или мечом, от которого несчастный лишился одного глаза. Затем он весьма умело обмотал несуществующую рану грязными лоскутами, какими в английской армии обычно пользовались лекари, выставив напоказ только ее края, что должно было напоминать о душераздирающем ее виде, скрытом под повязкой. Далее, Ханд подложил под широкие шаровары Шефа деревянные планки и крепко привязал их к его коленям: колени перестали сгибаться. И наконец, дабы сделать несчастье страдальца и вовсе нестерпимым, приладил к его позвоночнику металлическую пластину. Теперь и туловище для Шефа сделалось словно чужим.

— Ты выронил свой щит, — втолковывал Ханд другу. — А викинг полоснул тебя мечом по лицу. Ты стал падать вперед, и тогда тебе вдогонку заехали обухом топора и сломали позвоночник. Так что теперь ты можешь только волочить за собой ноги. Передвигаться будешь на костылях. Запомнишь?

Но никому и в голову не пришло выведывать у Шефа подробности этой истории. Опытному воину и так все было ясно. Но была и другая причина, по которой мерсийским ратникам не хотелось подвергать расспросам калеку и его худосочного дружка: им было страшно. Такая судьба могла постигнуть каждого. Короли и воеводы порой держали при себе искалеченных ветеранов, чтобы внушить всем остальным веру в их великодушие либо же повинуюсь родственному чувству. Однако когда страна охвачена войной, благодарность и милосердие становятся обременительной роскошью.

Тем временем слушатели начали расходиться. Ханд вытрусил из мешка содержимое, половину отдал Шефу и уселся рядышком на корточки. Оба уписывали свой завтрак за обе щеки, и аппетит отнюдь не был притворным: в течение

двух дней они подбирались все ближе к центру растянувшегося лагеря Бургреда. В день они были в состоянии одолеть до десяти миль, причем Шефа тащил на себе краденый ослик. С наступлением темноты они валились в своих ветхих одеждах прямо на холодную росу.

— Видел ты ее? — пробормотал Шеф.

— Когда она пойдет обратно, я подам ей знак, — ответил Ханд. Больше никто не произнес ни слова. И так было ясно, что это самая уязвимая часть их плана.

Затягивать свое отсутствие бесконечно Годива была не в состоянии. Там, в женской половине, в любую минуту могла подняться тревогу старуха, которой Альфгар поручил шпионить за ней. Если эта потаскуха, напустившая муж старую каргу, заведет себе хахалю, он ее мигом отправит в Бристоль и сплавит по бросовой цене валлийским вождам на тамошнем невольничьем рынке.

Она вновь шла через кишаший военным людом пустырь перед господскими шатрами. Менестрель и его помощник все еще были на месте. Вот бедняжки! Таких даже валлийцы себе не купят! Сколько же они еще протянут? До зимы, пожалуй, смогут. Только ей самой, кажется, отпущено и того меньше.

Менестрель прикрыл голову подобием капюшона из грязного рубища — моросил дождик, превращая слои пыли в залежи слякоти. А может, он желал таким способом укрыться от жестоких взглядов людей, ибо и голову свою он обхватил ладонями. Когда она поравнялась с побирушками, младший из них вдруг стремительно подался вперед и бросил ей под ноги какой-то предмет. Непроизвольно нагнувшись, она подобрала его.

Это было чистое золото. Золотая арфа, крошечная фибула для детского наряда. Но эта маленькая вещица способна была кормить и того и другого в течение года! Странствующий нищий с подобной драгоценностью — это какая-то непепость. А к арфе на тонкой веревочке привязан...

Сноп?! Всего несколько связанных колосев. Но ошибиться невозможно. И если арфа подразумевает менестреля, то сноп...

Обмирая сердцем, она подняла взгляд на калеку. Тот отнял руки от лица, отогнул край повязки и обнаружил живой глаз. Пронзительный взгляд приковал ее к месту. Потом глаз

медленно мигнул. Прежде чем снова уронить лицо в ладони, Шеф успел тихо, но достаточно внятно произнести заветную фразу:

— У отхожего места, в полночь.

— Но ведь там всегда стражники, — пролепетала Годи-ва. — И потом, Альфгар...

Ханд выбросил ей под ноги суму, как бы доведенный до отчаяния отказами в подаении. Распахнув края сумы до отказа, он вдруг сунул в руки Годивы маленький пузырек.

— Капни это в эль, — прошептал он. — Кто сделает глоток, будет спать как убитый.

Годива в страхе отняла руку. Ханд, показывая, что его в очередной раз отпихнули, с убитым видом попятился, а мнестрель еще ниже уронил голову: вынести это зрелище было ему не по силам. Пройдя несколько ярдов, Годива увидала ковылявшую ей навстречу старую Польгу, уже готовую морочить ей голову своими упреками. Годива испытывала непреодолимое желание броситься этой ведьме на шею. Она вдруг вновь ощутила себя юной девственницей, шаловливой и беззаботной. Но подол шерстяного платья, коснувшись свежих рубцов на бедрах, натянулся и едва не лишил ее равновесия.

* * *

Шеф не думал, что будет спать в такой день. И тем не менее за несколько часов перед похищением его неумолимо потянуло в сон. У него закрывались на ходу глаза. На естественную сонливость это было непохоже. И стоило ему кануть в бездну своей обычной грезы, как он немедленно услышал знакомый голос. Но только не голос неизвестного покровителя: то был голос Одина, повелителя рати, предателя воинов, бога, который принимал жертвы, отправленные на Брег Бессмертия.

* * *

— *Смотри, будь осторожен, клопик, — сказал голос. — Ты и твой отец вольны действовать, как вам заблагорассудится, да только не забывайте и про мою долю... А как я поступаю с забывчивыми, ты сейчас увидишь.*

И Шеф очутился на самом краю освещенного круга, внутри

*которого находился гуслар. Гуслар исполнял какую-то балладу, которой внимал седовласый старик с лицом отталкивающим и жестоким, наподобие тех, что изображены были на оселке ярла. Гуслар пел для старика, но сам Шеф напевал балладу, предназначенную для ушей девушки, что сидела в ногах у отца. То была песнь любви, привезенная из южных земель: говорилось в ней о женщине, слушающей в своем саду пение соловья и чахнувшей от тоски по любимому. Свирепый лик старого короля чуть разгладился; от удовольствия он прикрыл глаза. Ему вспомнилась молодость, когда, не зная удержу, добивался он своей ныне покойной жены. Гуслар только и ждал этого мгновения: продолжая перебирать струны, он положил к ногам девушки *gipakeflí*, испещренную рунами палочку, — то было послание от ее возлюбленного. И возлюбленным этим, открылось Шефу, был он сам. Звали его Геоден. Гуслар же носил имя Георренд — несравненный. И послан он был своим господином для того, чтобы выкрасть у ревнивого отца — беспощадного Гагены — красавицу дочь.*

*Теперь Шеф становится участником совсем другой сцены. На морском берегу беспокойно. Над иловой отмелью вскипают волны. Армии изготовились к бою. Из строя вышел вперед воин. Он направляется к врагам. То Геоден несет выкуп за похищенную невесту. Он никогда бы этого не сделал по доброй воле, но люди Гагены догнали беглецов. И вот он показывает им мешки, набитые золотом и драгоценностями. Однако стоящий неподалеку старик так и не проронил ни слова. В знак того, что ему не угодно принять этот выкуп, старик обнажает меч *Дайнслаф*, который выковали для него карлики. Пока клинок его не обогрится кровью, он никогда не будет вставлен обратно в ножны. Старик хочет сказать этим, что одна только смерть Геодена утолит его жажду мести за нанесенное оскорбление.*

*Его куда-то торопят, тискают... Но он не может не досмотреть последнюю сцену. Стоит ночь; сквозь прогалину в туманах роняет свет луна. Поле усыпано мертвыми телами, сжимающими обломки щитов: они не уберегли воинов от разящих ударов. Бедыханные, лежат Геоден и Гагена, не размыкая хватки, юноша и старик, ставшие друг для друга вечным проклятием. Но вот одна тень зашевелилась. Это Хильда, потерявшая в битве несправедливого мужа и жестокого отца. Теперь она обходит место побоища, напевает песнь — *galdorleoth*, — которой научила ее финка, присматривавшая за ней в детстве.*

И вдруг трупы воинов также начинают шевелиться. Медленно поднимаются. Увидав в свете луны лица своих врагов, взмахивают мечами и начинают все сначала. Хильда испускает вопль ужаса и отчаяния; но ни отец, ни возлюбленный не хотят слышать ее: они сходятся, осыпают друг друга ударами, каждый из которых смертелен, ибо щиты их давно расколоты. Шеф внезапно понимает, что этой битве, которая разыгралась на берегу Хой, на далеких Оркнеях, так и не будет конца до самого Судного Дня.

* * *

Боль все усиливалась. Наконец, востепенувшись, он очнулся. Надавив большим пальцем на известную ему точку под левым ухом, Ханд смог так вывести Шефа из забытья, что тот не издал ни звука. Вокруг все стихло; лишь изредка покашливали да ворочались в своих шатрах и палатках сотни спящих воинов. Улеглись наконец и бражники в шатре Бургреда. Шеф бросил взгляд на луну. Была полночь. Можно начинать.

Вынырнув из темноты, шестеро отобранных в Норифиле бывших невольников во главе с волынщиком Квиккой тихонько прокрались к стоящей поблизости тачке. Все вместе они налегли на рукояти и не без труда сдвинули тачку с места. С первым же оборотом немилосердно заскрежетали несмазанные оси и колеса; из палаток немедленно понеслась ядреная брань. Люди Шефа навалились на рукояти с удвоенной силой. Освобожденный наконец от щитков и лохмотий, но не решаясь отбросить костыли, вслед за ними упорно ковылял сам ярл. А Ханд, проводив всю группу встревоженным взглядом, бросился бежать через освещенную луной часть лагеря по направлению к условленному месту, в котором ожидали их лошади.

Грохочущая тачка приближалась уже к шатру Бургреда. Наконец дорогу Квикке и его друзьям преградил тан, поставленный в ту ночь на часы подле покоев своего господина. Шеф слышал, как процедил тот грязное ругательство, как затем гулко стукнулось о плечо какого-то бедолаги древко пика. Тут же до него донеслись жалобные причитания. Квикка, плаксиво ноя, пытался убедить тана пропустить их. Тот было шагнул вперед, желая знать, что за груз толкают вперед рабы,

как вдруг поперхнулся, подавился, бешено замахал руками. Откинув прочь костыли, Шеф незамеченным юркнул в лес веревок, на которые был расчален шатер. Тем временем тан упрямо отказывался пропустить Квикку. Но и тот, хоть и съезжился в раболепном испуге, не сдавался, голося пуше прежнего, как бывалый чистильщик отхожих мест:

— Приказали вычистить все корыта прямо сейчас. Господин так и сказал — не хочу, чтобы дерьмо днем перекидывали. И чтобы мы, чистильщики, не воняли при леди. Думаете, господин, мы сами этого хотим? Да мы бы давно уже спать легли, а так нам приказано это сделать, мы же шкурой своей за это отвечаем, управляющий так и сказал: не сделаешь, сдеру с тебя шкуру к растакой матери...

Хныкал Квикка бесподобно. И не просто хныкал, а понемногу подталкивал вперед тачку, чтобы тан постоянно втягивал в себя ароматы человеческих испражнений двадцатилетней выдержки, которыми полнилась его тачка. В конце концов тан вынужден был уступить. Отвернувшись, он побрел восвояси, по-прежнему разгоняя воздух у лица взмахами ладони.

«Заинтересовать такой историей сказителей будет непросто, — подумалось Шефу. — Да разве придет им в голову слагать баллады в честь подвигов таких людей, как Квикка?!»

А ведь не протащи он сейчас эту тачку, все остальное теряло смысл. Рабы, свободные керлы и воины были тремя разными сословиями, которые отличались меж собой и по внешности, и по речи. Квикка был рабом, выполнявшим повеление своего господина, — в этом не усомнился бы ни один английский тан. Принять этого слизняка за воина вражеской армии было бы верхом помешательства.

Тем временем дружный отряд был уже около отхожего места для женщин, на задах огромного, в акр площадью, шатра. И здесь также поставлен был нести дозор стражник, вооруженный до зубов верзила в шесть футов ростом, в шлеме и сапогах с коваными заклепками. Шеф, не выходя из своего убежища, приготовился следить за развитием событий. Наступал решающий момент. Правда, Квикка своей громоздкой повозкой ухитрился почти полностью закрыть часового от остального лагеря, однако не исключено, что за происходящим сейчас наблюдает еще одна пара бессонных очей.

Помощники Шефа обступают часового, они почтительны, но настойчивы; они во что бы то ни стало настроены добиться своего. Они даже трогают его за рукав. Потом рука вдруг натягивается, и часовой чувствует, как его тащат вниз. В тот же миг костлявая рука зажимает ему гортань. Он еще пытается барахтаться, сдвленно мычит. Но в следующее мгновение вверх ударяет черная в лучах лунного света струя крови: одним страшным движением своего острого, как бритва, ножа Квикка перерезал вену, артерию и дыхательные пути, доведя лезвие до шейных позвонков.

Часовой повалился лицом вперед, но был тут же подхвачен шестью парами рук и брошен в тачку. Шеф был тут как тут, стащил с мертвого шлем, взял копье и щит. Через мгновение он шагнул в пятно лунного света, нетерпеливо понукая рабов следовать дальше. Теперь, если и был в этой ночи неизвестный ему наблюдатель, он мог лицезреть вполне зурядную сцену: ражий молодец приказывает шестерым хилым работягам не отравлять воздух вонью. Люди Квикки распахнули дверь уборной, подперли ее своими лопатами и ведрами. Шеф еще секунду постоял в положенном месте, а потом, как бы желая проверить рабов, ступил в тень и скользнул внутрь уборной.

Годива бросилась в его объятия. Кроме сорочки, на ней ничего не было.

— Я не могу забрать свое платье, — сказала она. — Он каждый день кладет его в сундук. Альфгар... Альфгар выпил эль и заснул. Вульфгар тоже спит в нашем шатре, но эля пить не стал, потому что постится. И он видел, как я выходила. Если я не вернусь, он поднимет крик.

«Отлично, — пронеслось в ледяном мозгу Шефа. — Теперь все остальное покажется для нее вполне естественным. Что ж, тем меньше придется потом изворачиваться и душой кривить. Так она, может быть, никогда не узнает, что пришел я сюда не ради нее...»

А за его спиной вовсю кипела работа: Квикка с друзьями должны были производить впечатление людей, которые справляются со своим делом быстро, но без суеты.

— Я иду в шатер, — шепнул Шеф своим людям. — Леди идет со мной. Если услышите шум, бегите, чтобы духу здесь вашего не было...

Стараясь не дышать, они крались мимо отгороженных

спален, устроенных в шатре для самых верных приближенных мерсийского короля. Годива двигалась в темноте с уверенностью человека, преодолевавшего этот путь сотни раз. Шеф услышал, как горячо зашептал ему во след Квикка:

— Уж коли мы здесь, может, мы еще на что сгодимся? Несколько ведер дерьма перековырнуть — невелика забава...

У очередной парусиновой полы Годива задержалась и почти беззвучно промолвила:

— Вульфгар... Он — налево. Уже много ночей спит рядом с нами, чтобы я могла его переворачивать... Сейчас он лежит в своем коробе.

«У меня же нет кляпа, — пронеслось в голове у Шефа. — Ведь я почему-то был уверен, что он будет спать». Не говоря ни слова, он нагнулся, поймал подол сорочки Годивы и задрал его над ее головой. Годива, устыдившись, решила было помешать ему, однако передумала и позволила раздеть себя. «Первый раз в жизни... — подумал Шеф. — Никогда не думал, что это будет так гадко. Но ничего не поделаешь — если она войдет голой, Вульфгар так обомлеет, что и крикнуть не сможет».

Он подтолкнул ее вперед. Спина Годивы непроизвольно выгнулась. Знакомая шероховатая корка, спекшаяся кровь. Вдруг неодолимый приступ ярости вцепился ему в горло: как случилось, что за все эти месяцы он ни единого разу не удосужился спросить себя, что ей приходится здесь сносить?

Слабые лунные блики, падающие на парусиновую перегородку, выдавали движение тени Годивы: вот она подошла к ложу, где, усыпленный зельем, покоился ее муж. Тут же откуда-то слева донесся сиплый вздох изумления. В то же мгновение над набитым ватой коробом навис Шеф. Не мигая, он изучал изменение выражений на лице Вульфгара. Дождавшись, когда отвиснет от ужаса губа отчима, пасынок решительно засунул ему в рот окровавленную сорочку.

По всему телу Вульфгара пробежала сильнейшая дрожь, словно то был не человек, а угодивший в капкан гигантский удав. Пусть у Вульфгара не было конечностей — он мог оказывать сопротивление сжатием мускулов спины и живота; он пытался переместить туловище к краю короба, возможно, считывая таким образом перевернуть его или самому грохнуться на пол. Впрочем, своими неистовыми потугами он уже мог разбудить спящие поблизости знатные пары. Нез-

вестно, не захочется ли им вмешаться, когда они услышат возню...

Хотя вряд ли. В условиях лагеря даже благородные танцы стараются оставаться глухими к любовным стонам соседей. Равно как и к стонам избиваемой мужем жены. Шеф вспомнил иссеченную шрамами спину Годиwy, подумал о своих собственных рубцах. Мгновенное отвращение было преодолено. Удар коленом в поддых. Рука мощно вводит кляп поглубже в горло хеймнара. Оставшиеся концы перекидываются за его шею, крепко-накрепко стягиваются узлом. Потом еще одним. Подоспевшая вовремя Годиwa протянула ему ремни из сыромятной кожи, какими люди Альфгара приторачивали свою поклажу к лошадиным крупам. Несколько раз перехватив веревками короб, они не стали связывать самого Вульфгара, но ограничились тем, что полностью лишили его возможности самостоятельно вылезти наружу. Покончив с этим, Шеф знаком приказал Годиwe взяться за другой край короба. Они осторожно приподняли его с нар и опустили на пол; теперь он не смог бы и опрокинуть его вниз.

Справившись с Вульфгаром, Шеф приблизился к огромному ложу, на котором сладко дремал Альфгар. Лунный свет падал на его красивое лицо. Через приоткрытый рот доносился мерный храп. Этот человек в течение двенадцати месяцев заставлял Годиwu выполнять любые свои прихоти. Однако он не чувствовал желания перерезать ему глотку. Альфгар ему еще понадобится. Ведь у его плана имеется важное продолжение. А пока достаточно одного штриха, от которого план только выиграет.

Его размышления были прерваны появлением Годиwy, которая успела натянуть на себя платье и набросить накидку. В руке она сжимала небольшие швейные ножницы, найденные в том же сундуке, где Альфгар запирает на ночь ее одежду. По выражению ее лица можно было безошибочно угадать, что она собирается сделать в следующее мгновение. Шеф вырос у нее на пути и решительно отвел назад занесенную руку. Потом, вопросительно глядя в глаза, несколько раз провел по спине рукой.

Годиwa кивнула в направлении угла спальни. Там лежала целая охапка свежесрезанных березовых прутьев, еще не успевших вымокнуть в крови. Он предусмотрителен. Шеф по-

тянул Альфгара за ноги, придал телу ровное положение, сложил на его груди руки и всунул в пальцы березовый прут.

Потом решил вернуться к Вульфгару: лицо с глазами навывкате также было хорошо освещено луной, но выражение его было разгадать непросто. Ужас? Изумление? Или все же угрызения совести? Вдруг в голове его пронеслось воспоминание: они втроем, Шеф, Альфгар и Годиwa, еще совсем малые дети, играют в какую-то игру — кажется, она звалась у них «забияки». Сорвав побеги подорожника, каждый по очереди хлестал своим побегом черенок, который был в руке у другого, до тех пор, пока с растения не срывалась головка. И здесь же Вульфгар — смотрит на них, весело смеется, даже сам принимает участие в забаве.

Не вина этого человека, что викинги сделали из него хеймнара. И он оставил при себе его мать, не вышвырнул ее на улицу, хотя имел на это право.

А потом он вынужден был наблюдать, как сын его до полусмерти истязает его дочь. Медленно, так, чтобы Вульфгар мог проследить за всеми его движениями, Шеф вынул из кармана одолженный серебряный амулет, подышал на него, потер ладонью поверхность. И возложил Вульфгару на грудь.

То был молот Тора.

Затем оба молча выскользнули из шатра в крошечную тьму и зашагали туда, где скрежетали и позвякивали лопаты. Вдруг Шеф понял, что не посчитался с одним важным обстоятельством. Надо было задуматься об этом раньше. Ведь с ним дама благородного звания и воспитания, выросшая в уюте и достатке... И тем не менее существует один-единственный способ вытащить ее отсюда. Квикка с друзьями могут за себя не бояться: их постыдное занятие, а также самый их рост и походка, безошибочно выдающие их рабскую принадлежность, станут для них надежным пропуском. Сам он может подобрать копье и щит, пойти впереди тачки, громко жалуюсь на то, что по прихоти воевод ему, знатному тану, приходится сопровождать тачку с дерьмом, чтобы только заставить рабов не слоняться без дела. Но вот как быть с Годивой... Ей придется залезть в тачку. И лежать рядом с трупом под слоем испражнений.

Но только он набрался решимости объяснить ей создавшееся положение, извиняться, убеждать в том, что другого

выхода нет, как Годива шагнула и остановилась рядом с тачкой.

— Снимай-ка крышку, — приказала она Квикке.

Ухватившись за обвешанный нечистотами край телеги, она прыгнула в темное зловонное месиво.

— А теперь двигай, — донесся ее глухой голос. — После двора короля Бургреда мне здесь совсем неплохо дышится.

Раздался невообразимый скрежет, и тачка медленно подалась вперед. Шеф шагнул рядом, держа копые наперевес.

Глава 6

Шеф оценил выражение лиц поджидавших его друзей. Кроме презрения и злобы, других чувств на них написано не было.

— Решил расслабиться? — спросил его Альфред.

— Надеюсь, она хотя бы того стоила... — пробормотал Бранд, изумленно поглядывая на сутулую, потасканную девицу в крестьянском платье, которая, сидя в раскорячку на своем пони, показалась из-за спины Шефа.

— Такое поведение недостойно военачальника, — заявил Торвин. — В самый грозный миг — между двух врагов — оставить армию и ускакать неизвестно куда, чтобы устроить свои делишки! Понимаю, ты к нам и заявился тогда, чтобы спасти эту девушку. Но неужели нельзя было выбрать для этого другое время... Она могла бы подождать.

— Она и так ждала очень долго, — отрезал Шеф. Он одним прыжком соскочил с лошади, слегка морщась от боли в бедрах. Опять пришлось провести в седле целые сутки. Утешало одно: даже если Бургред бросится в погоню сломя голову, подгоняемый бешенством Вульфгара и епископов, раньше чем через два дня мерсийскому королю сюда не добраться.

Шеф повернулся к Квикке и его товарищам.

— Ступайте сейчас к себе, — сказал он. — И запомните: нами будут гордиться наши потомки. Когда придет время, вы поймете, что мы совершили подвиг...

Когда же помощники, включая Ханда, удалились, он вновь осмотрел членов своего Совета.

— Итак, теперь нам известно, где стоит Бургред. Для не-

го это два дня пути, хотя подозреваю, что он постарается не затягивать сборы. Наши границы, по моим подсчетам, он пересечет на вторую ночь после этой... А как поживает Ивар?

— Скверные известия, — отозвался Бранд. — Два дня назад он с сорока судами подошел к устью Уза... Я, понятно, имею в виду норфолкский Уз, а не йоркширский. Напал на Линн, стены порушил в два счета, а потом сровнял городишко с землей. Людей, как всегда, не осталось, поэтому рассказать некому, что он там вытворял... Ясно только, что это его рук работа.

— Устье Уза... — пробормотал Шеф. — Но ведь это же в двадцати милях от нас. И Бургреду до нас — столько же.

Не ожидая распоряжений ярла, отец Бонифаций извлек огромную карту Норфолка, составленную по велению Шефа и обычно висящую в его главной приемной. Шеф наклонился над картой, пытаясь оценить положение.

— Первым делом... — начал он.

— Первым делом, — вдруг перебил его Бранд, — нам надо потолковать о том, можем ли мы и дальше считать тебя своим ярлом.

Шеф поднял голову и смерил того пронзительным взором. Два глаза против одного. Бранд вынужден был уступить.

— Ладно, ладно, — буркнул он. — Вижу, ты опять что-то замыслил. Может, и соблаговолишь когда поделиться с нами...

— Ну а пока, — вставил Альфред, — уж если ты ради дамы пошел на такие подвиги, было бы нелишне уделить ей еще минутку внимания, а не бросать ее стоять неприкаянной рядом с палаткой...

Шеф вновь увидел перед собой угрюмые лица друзей и перевел взгляд на Годиву. У той было мокрое от слез лицо.

«Да сколько можно нянчиться с вами, увещевать... — едва не завопил он. — Нет у меня времени убеждать каждого, что я буду любить его по гроб жизни! Мы все с вами — коллеги в большой машине. Боюсь только, что когда вы об этом узнаете, то расхотите вращаться...»

— Это моя вина, — сказал он. — Прости меня, Годива. Стоило нам наконец доехать, как я успокоился и стал думать совсем о другом... Дай-ка я познакомлю тебя со своими друзьями.

Увенчанные драконами носы ладей бороздили теперь мелкие, заросшие илом воды Уза. Строем в кильватере по сорок они вошли в западные пределы земли Пути, погубить которую с их помощью и вознамерился Ивар. Мачты и убранные паруса хорошо просматривались из всех точек этой покрытой вечнозеленой травой и ровной, как блюдо, местности. На некоторых кораблях гребцы, чтобы занять себя, горланили песни, чего не происходило на ладье самого Ивара — там люди не нуждались ни в песне, ни в помощи запевалы. Где бы ни находился теперь Ивар Рагнарссон, он всегда внушал окружающим чувство тревоги и неуверенности, в чем не могли не признаться себе даже бывалые участники его походов, которые вслух готовы были бесконечно хвастать, будто нет человека, перед которым они бы робели.

Рулевые, свободная смена гребцов и трепещущие рабы Ивара, приставленные к его машинам, что размещены были на шести первых судах, давно уже показывали друг другу на перекинутый через Уз мост, под которым вскоре предстояло пройти ладьям. Впрочем, и мостом-то этот бревенчатый настил назвать было нельзя: так, место, где дорога должна была пересечь речку. Засады здесь не будет, дело ясное. Но матеры пираты потому и доживают до преклонных лет, что научились не искать себе лишних приключений. Даже Ивар, который был равнодушен к любым опасностям, когда они касались его одного, вынужден был считаться с заведенными среди этих людей правилами. Когда до мостков оставалось около одного фарлонга, роскошный воин, застывший на носу судна в алом плаще и ярко-зеленых шароварах, обернулся и издал резкий возглас.

Гребцы тут же застыли на мгновение, развернув лопасти, приподняли из воды весла и снова опустили их в воду. Пройдя еще несколько ярдов, ладья остановилась. Остальные суда выстроились вслед за первым в плотную цепочку. Повернувшись сначала к левому берегу, затем к правому, Ивар дважды взмахнул рукой. Движение флота легко просматривалось сквозь раскинувшиеся близ города заливные луга, и отряды верховых, повинаясь приказу, рысью направили своих коней к мосткам. А команды тем временем четкими, заученными движениями снимали мачты с кораблей.

Ни пушенной из засады стрелы, ни топота ног. И только когда отряды спешили и зашли на мостки с обоих берегов реки, они поняли, что их появления очень ждали. На самой середине мостков, оставленная так, чтобы нельзя было на нее не наткнуться, лежала деревянная коробка.

Дольгфинн, который командовал верховым дозором, поглядывал на коробку без всякого удовольствия. Тревожные предчувствия навевало одно ее положение на самой середине колеи. Определенно, подброшена она сюда умышленно, и тот, кто это сделал, прекрасно знал о пути следования эскадры Ивара. Внутри подобных вещей всегда находишь какое-нибудь зловещее послание или издевательский вызов. Скажем, чья-нибудь отрезанная голова. И уж можно не сомневаться, что коробочку эту надлежало передать в руки Ивару. Не успел он это подумать, как тут же, взглядевшись, обнаружил на ее поверхности грубо намалеванный рисунок: высокий человек в алом плаще, зеленых штанах и серебряном шлеме. За себя Дольгфинн мог не бояться — он был доверенным лицом самого Сигурда Рагнарссона, посланным Змеиным Глазом для того, чтобы присматривать за помешанным родственничком, а если существовал на этом свете человек, мнение которого хоть что-то значило для Ивара, то это был его старший брат Сигурд. И все же Дольгфинн без всякого удовольствия представлял себе сцену передачи этого послания. Кому-то Ивар точно пустит кровь. Дольгфинну вспомнилось, как много месяцев тому назад он присутствовал при безумном поступке Виги-Бранда: этот человек принес Рагнарссонам весть о смерти отца и при этом дерзнул еще потешаться над ними! О таких делах скальды слагают поэмы. Да только у самих Рагнарссонов все потом пошло наперекосяк. Уж не предвидел ли такой исход Бранд — хотя ему, Дольгфинну, он всегда казался человеком простодушным — с самого начала, уж не затеял ли все это с недоброй целью?.. И каков же вывод?

Дольгфинн выбросил из головы лишние сейчас тревоги. Пусть они угодили в западню. Но если так, гадать уже поздно. Придется убедиться в этом на собственной шкуре. Он подобрал с земли коробку — она оказалась совсем легкой, стало быть, головы там не было — и спустился к воде: на него уже надвигалась морда дракона. Дольгфинн ухватился за спущенное весло, впрыгнул на палубу и направился к Ивару,

который молча поджидал его в носовой части ладьи, опершись на огромную тушу метательной машины. Дольгфинн, также не говоря ни слова, опустил коробку к ногам Ивара, выразительным жестом показал тому на рисунок, выхватил из-за перевязи нож и протянул его Ивару рукоятью вперед. Вождю викингов предлагалось самому вскрыть предназначенную ему посылку.

Будь на месте Ивара какой-нибудь английский король, такое хлопотное дело он наверняка бы поручил своему слуге. Однако вождю разбойников негоже чураться черной работы. В четыре ловких прихвата Ивар выдрал гвозди и отбросил крышку в сторону. Дольгфинн почувствовал, как неприятно сжимается сердце под страшным студенистым взглядом. Однако лицо Ивара, к его изумлению, сияло от удовольствия. Впрочем, он тут же понял почему: Ивар не хуже его понимал, что сейчас извлечет на свет нечто для себя оскорбительное, и предвкушение того, что ему вскоре придется задуматься о возмездии, вселяло в него радостную уверенность.

— Ну-ну, поглядим, как нас приветил Путь...

Он запустил руку в коробку.

— Ага, вот первая весточка: каплун — кастрированный петушище. — Он повертел в руках дохлую птицу, выпустил ей перья. — Так-так. Хотел бы знать, что они хотели этим сказать...

Ивар выдерживал паузу до тех пор, пока не стало ясно, что ни Дольгфинн, ни остальные свидетели сцены не собираются отвечать ему на этот вопрос.

— А вот весточка вторая. Видите — к каплуну привязаны стебельки соломы...

— Это не стебельки, — решил Дольгфинн. — Это — сноп. Разве сам ты не знаешь, на кого может указывать сноп? Имя его не сходило у тебя с языка...

Ивар кивнул:

— Спасибо за напоминание, Дольгфинн. Тебе не пришлось слышать такую старую поговорку: раб мстит тут же, трус не мстит никогда?

«Да я и не считая тебя трусом», — мелькнуло в голове у Дольгфинна, но он вовремя придержал язык. Это уже звучало бы как оправдание. Если Ивар расценил его замечание как оскорбление, то имело смысл заговорить о другом.

— А ты, Ивар Рагнарссон, слышал ли такую присказку:

«От малой искры — большой пожар»? Не пахнет ли здесь паленным? Давай узнаем.

Ивар снова запустил руку внутрь коробки и извлек на сей раз третий, последний предмет, при взгляде на который на лице его выступила искренняя растерянность; в руке у него был угорь, похожая на змею рыба, обитающая в болотистых водоемах.

— Что это такое?

Никто не знал, что ответить.

— Есть человек, который может мне это объяснить?!

Струдившиеся вокруг вождя воины угрюмо покачали головами. За одним из орудий смущенно загозил прильнувший было к земле раб. Хищному взгляду Ивара было довольно и этого шевеления.

— Тот, кто растолкует мне смысл этого знака, получит от меня награду.

Раб, трепеща от страха, выпрямился и подался вперед. Теперь все взгляды были устремлены на него.

— Ты обещаешь мне награду, господин?

Ивар кивнул.

— По-английски эта рыбаина зовется угрем, господин. И смекаю я — означает она один город, Эли. Это отсюда вниз по течению. Там есть такой Угриный остров. Всего в нескольких милях отсюда. Стало быть, человек этот, сноп то есть, хочет сказать, что он будет ждать тебя на этом Угрином острове...

— Меня — то есть каплуна? — уточнил Ивар.

Раб поперхнулся.

— Ты обещал награду, господин, человеку, который тебе это растолкует. Моя награда — это я сам. Моя свобода.

— Никто тебя не держит... — сказал Ивар и отвернулся в сторону.

Раб вновь поперхнулся, окинул взглядом бесстрастные бородатые лица; потом сделал шаг и, убедившись, что его и впрямь не собираются хватать, в два прыжка оказался у борта. С необычайной проворностью сбежал он по свисавшему веслу, но когда спрыгнул на берег, отчаянно заметался в поисках какого-либо укрытия. Передвигался он при этом высокими скачкообразными движениями, словно лягушка.

— Восемь, девять, десять, — закончил счет скачкам Ивар, отвел руку с копьем, на миг застыл, а потом мощно подался

вперед. Серебряный наконечник копья впился рабу в спину, пройдя точно между лопаток. Раб ничком повалился на траву.

— Еще найдутся желающие назвать меня каплуном? — осведомился Ивар.

«Один уже нашелся», — мрачно подумал Дольгфинн.

Вечером, после того как Ивар, не решившись подойти ближе, велел швартоваться к берегу за две мили до назначенного места, самые бывалые его шкиперы собрались у лагерного костра, чтобы вполголоса, если не шепотом, рассудить одно чрезвычайно занимавшее их дело.

— Думаешь, за что его прозвали Бескостным? — говорил один. — За то, что он не способен иметь женщину!

— А я тебе говорю, что способен, — возражал другой. — У Ивара есть дети.

— Да, только он сначала знаешь что с женщинами делает? Мало кто из них после этого выживает. Тогда слушай...

— Ладно, брось чушь городить, — прервал его третий. — Я тебе скажу, почему у него такое прозвище. Это потому, что он может летать быстрее ветра. Вот сейчас, скажем, он может подслушивать у нас за спинами...

— Все это враки, — заговорил Дольгфинн. — Я сам не человек Пути, но у меня есть друзья оттуда... Точнее, были мы когда-то друзьями. И они мне сказывали такую вещь: да, дескать, он — *beinnlauss*. Тут все правильно. Но не в смысле «бескостный»... — Дольгфинн потряс в воздухе жирным говяжьим ребром, чтобы все поняли, какое из двух значений этого норвежского слова он имеет в виду, — а «безногий». — И Дольгфинн похлопал себя по бедрам.

— Так ведь ноги-то у него на месте, — подивился один из слушателей.

— Это как сказать. Нам кажется, что да. А те люди, что видели его в Другом Море, утверждают, что там он ползает на своем брюхе в обличье громадной змеи — дракона то есть. Ивар — оборотень, у него несколько обличий. И поэтому, чтобы убить его, одного клинка будет мало.

* * *

Первым делом, взяв в руки принесенную ему маленьким Уддом стальную полоску длиной в два фута и шириной в два дюйма, Шеф попытался согнуть ее пополам. На плечах его

заходили мускулы: в этих руках оказалось довольно силы, чтобы раззять железный рабский ошейник. Гибкая сталь поддалась на дюйм, потом на другой, но тут же спружинила и выпрямилась.

— На машинах наших она работает что надо, — ввернул Озви, наблюдавший за опытами ярла вместе с другими катапультерами.

— Хотел бы я знать, нельзя ли ее пустить на какое другое дело, — сказал Шеф. — Может, лук из нее смастерить?

Он положил пластинку на колено и надавил на края всем своим весом. Сталь поддалась на очередную пару дюймов. Нет, для лука она жестковата. Хотя, быть может, жестковата она только для рук человека? Однако сколько на свете вещей, над которыми надрываются люди! Те же катапульты, скажем. Или тяжелые камни. Реи на мачтах. Шеф повертел в руках пластину. Каким-то образом он чувствовал, что она заключает в себе ответ на загадку, над которой бился его пылливый ум. Ибо она была сплавом нового знания, ценимого людьми Пути, и старого, так часто открывавшегося ему самому. Только сейчас не время занимать голову загадками.

— Сколько ты изготовил этих штуковин, Удд?

— Наверно, около двадцати... Это не считая тех, которые мы приладили к машинам.

— Завтра утром пойдешь в кузницу. Возьмешь с собой столько людей, сколько будет нужно. Сделайте мне этих пластинок побольше. Мне нужно будет пять двадцаток... нет, десять... чем больше сделаете — тем лучше.

— Что же получается? Мы так и не поучаствуем в сражении? — вскричал Озви. — Так и не выстрелим ни разу из нашей старой «чистой просеки»?

— Хорошо. Пусть тогда Удд выберет себе только по одному человеку от каждого отряда обслуги. А остальные останутся в строю и увидят сражение...

«Не знаю только, что это будет за сражение, — добавил он про себя. — Если оно состоится, то вовсе не по моей воле. Во всяком случае, я в нем ничего не выиграю... Если вся Англия — шахматная доска богов и все мы в этой игре пешки и фигуры, то я просто должен убрать с доски кое-какие фигуры и пешки противника. И меня не должно беспокоить, что на сей счет подумают другие».

* * *

Как только первые лучи солнца прорезали окутавший ложбину туман, войско короля Бургреда, насчитывавшее три тысячи вооруженных ратников и ровно такое же количество шлюх, рабов и погонщиков мулов, стало готовиться к утреннему выступлению, делая это на обычный английский манер неуклюже, недружно и безалаберно, хотя и с ощутимой горячностью. Таны первым делом позаботились о посещении отхожих мест; некоторые, впрочем, не утруждали себя столь дальними прогулками. Рабы, не успевшие смолоть зерно для неизменной лагерной каши, принялись делать это сейчас. Затрещали костры, запузырилось в котлах варево, и все грознее звучали окрики королевских гезитов, требующих выполнения воли короля от его верных, но бестолковых подданных.

— Накормить всех лодырей, чтобы у котлов дно было чистое, и пускай начинают шевелиться... — усталым голосом долдонил своим подчиненным воевода Квикхелм. — Сегодня мы подходим ко вражескому стану. Перейдем Уз и свернем на дорогу к Эли. И в любой момент можем ввязаться в сражение...

Дерзкая выходка врагов, побывавших в его собственном шатре, надолго лишила короля покоя. Витийствовали церковники. Наконец, поток невнятной брани извергался из уст хеймнара Вульфгара, наводившего ужас на всю армию. Все это, вместе взятое, заставило мерсийское войско быстрее, чем обычно, снять палатки и облачиться в доспехи.

* * *

А в увенчанных драконами челнах события развивались совсем иначе. Часовой склоняется над шкипером, шкипер цедит сквозь зубы одно-единственное слово. В считанные мгновения все его люди выстраиваются вдоль борта. Там спешились двое верховых. Они были в дозоре в двух милях отсюда, слышали голоса с западной стороны, видели даже английские разезды... Теперь слово за Иваром. И он его произносит, и тоже одно-единственное. Мигом половина людей из каждой команды сходит на берег и начинает заниматься приготовлением завтрака для себя и товарищей, которые так

и не покидают строя. На первых шести судах обслуга сгрудилась возле машин, привязывала к ним снасти, снасти, как лебедки, закидывала на ворота. Теперь по приказу они должны будут поднять орудия, подтягивая снасти к закрепленным реям, и погрузить машины на подготовленные загодя телеги. Но пока еще не время. У викингов было золотое правило: жди до последнего, а потом уж не дай маху...

В стане Пути, затерянном в густом березняке в четырех милях от войска Ивара, костров не жгли и лишних звуков старались не издавать. Шеф, Бранд, Торвин и их помощники не пожалели усилий, чтобы накануне втолковать самым взбалмошным викингам и наиболее непутевым англичанам из числа бывших рабов следующие заповеди: не шуметь, не гулять, а отдыхать спокойно под одеялом, пока не разбудят. Выспаться, позавтракать отрядами. А потом построиться. И главное — не высовываться из березняка.

Повинуясь собственным приказам, Шеф лежал на ложе и чутко вслушивался в негромкую суету, что охватила разбуженный лагерь. Итак, наступил решающий день. И не то чтобы все должно решиться именно сегодня. Но это последний день, когда он может еще навязать событиям свою волю. А значит, нужно сделать все необходимое, чтобы день этот прошел удачно и создал бы запас, который, возможно, пригодится ему в будущем.

Рядом с ним на соломенном тюфяке лежит Годива. Они спят вместе уж четвертую ночь, но он так и не пожелал овладеть ею, даже не сделал попытки стянуть с нее сорочку. Мудреное ли дело, стянуть с нее сорочку? При этой мысли, при воспоминании о том, как однажды он уже справился с этой задачей, он почувствовал, как разбухают его чресла. Она отдалась бы ему с радостной готовностью. Именно этого она и ожидала от него; она наверняка теряет в догадках, почему он до сих пор с этим тянет. Уж не второй ли он Бескостный? Или не такой ненасытный, как Альфгар? Шеф вдруг представил себе, как она разрыдается после того, как он все-таки соединится с ней.

И можно ли будет корить ее за эти рыдания? Она ведь и до сих пор морщится, переворачиваясь с боку на бок. До конца дней своих она, равно как и он, проносит на спине следы истязаний.

Но все же она сохранила в неприкосновенности оба гла-

за. Она не знает, что такое радоваться милосердию Ивара и его *vapnatakr*. При мысли же о Иваровом милосердии бешенство в его чреслах разом унялось; мысли об обжигающих ласках и нежных пытках улетучились из его головы, что камень из пращи катапульты.

И вдруг в пустоты его сердца нахлынуло какое-то холодное и жуткое предчувствие. Нет, день сегодняшний ничего не решал. Он мог спокойно отмахнуться от скороспелых оценок друзей. Пусть все будет подчинено конечной цели. Шеф потянулся, блаженно расслабился и, чувствуя каждую жилку и косточку своего тела от пят до самой макушки, сосредоточился мыслями на том, что ему готовит занимавшийся день.

«Ханд, — пронеслось в его голове. — Настал черед нанести визит Ханду».

* * *

Туман над вражеским строем уже совсем разошелся. Ивар, наблюдавший за англичанами вместе со своим разъездом, отметил, что строй этого войска ничуть не отличается от образцов боевых порядков их предшественников: та же беспечность и неразбериха. Английская армия.

— Да ведь это же не они... — осенило Дольгфинна. — Это не Армия Пути Скъефа Сигвардссона. Посмотри-ка на всю эту христианскую мишуру. Вон там кресты, а за ними — черные рясы. Служат свою утреннюю... как ее там?... мессу... Значит, либо Сигвардссон морочил нам голову своею посылкой, либо...

— Либо тут на подходе совсем другая армия, которая собирается перерезать глотки счастливым победителям, — холодно закончил мысль Ивар. И снова лицо его перекосила желчная, болезненная ухмылка. Такое выражение иногда можно заметить на лисьей морде, обнюхивающей издохшего в капкане волка.

— Вернуться к ладьям?

— Не думаю, — проговорил Ивар. — Да и речка здесь узковата, чтобы сорок ладей развернулись... А если будем грести дальше, они в любой момент смогут спешиться и тогда живо вытащат нас из ладей. На это даже англичанам ума хва-

тит... Так что мы поступим иначе. В Бретраборге мы с братьями поклялись Браги, что покорим Англию, поразим всех английских королей, чтобы отомстить за кровь нашего отца. Двоих мы уже поразили. Подоспела очередь третьего.

— А как же быть с Сигвардссоном? — решил напомнить Дольгфинн.

Ухмылка еще шире растянула Иварово лицо, от чего сходство с лисьим оскалом только увеличилось.

— Он никуда не уйдет. И уж я обязательно прослежу, чтобы он меня дождался. А теперь слетай-ка к ладьям, Дольгфинн, и скажи, чтобы начинали выгружать машины. Но только не на этот берег, а на дальний, понятно? Отсчитаешь сто шагов. А потом натяните поверх каждой машины парус. Пусть думают, что мы там поставили лагерь. И скажи людям, чтобы готовы были стягивать паруса, когда появятся англичане, будто бы они собираются сниматься с места. Только делать это все медленно, по-английски, — как слепая бабка внучат пересчитывает. Поручи это рабам.

Дольгфинн рассмеялся:

— За последние месяцы ты отучил своих рабов лениться, Ивар!

Всякое веселье в один миг слетело с Иварова лица. В белесых глазах было не больше краски, чем в мертвенной коже лица.

— Тогда ты сейчас заново их этому научишь, — произнес он. — Живо. Машины на тот берег, людей — на этот. — Он вновь устремил взор к приближавшемуся строю. Шеренги по шестеро, высоко реют знамена, топорщатся кресты, установленные на особые телеги. — И пришли-ка сюда Хамаля. Он сегодня у нас будет командовать конницей. Я хочу с ним прежде кое о чем потолковать...

* * *

Расположившись под раскидистым кустом цветущего боярышника, Шеф пытался предугадать ход событий. Лучшего места для наблюдений нельзя было желать. Чуть позади от своего военачальника, притаившись за кучами живой изгороди, ожидали своего часа воины Пути. Громоздкие камнетолкалки до сих пор не были собраны, а установленные на телеги вращательницы велено было держать подальше от

места событий. Волынщикам, равно как и горнистам из числа викингов, велено было под страхом всех мук ада, — включая лишение недельной порции пива, — не производить ни звука. Шеф имел основания быть спокойным за то, что им удалось не обнаружить себя. Действительно, дозоры и мерсийцев, и викингов Ивара не смотрели в их сторону, а кочевали взад-вперед по полю, на котором, по всем признакам, должна была вскоре завязаться сеча. Что ж, для начала не плохо.

Однако были основания и для тревоги. Машины Ивара. Шеф видел, как их выгружали, видел, как гнулись реи, как кренились борта. Трудно сейчас сказать, как устроены эти штуковины, но весом они куда как превосходят его собственные орудия. Уж не с их ли помощью свалил Ивар часток вокруг Линна? Правда, ставит он их неправильно, не на том берегу. Так, конечно, безопаснее на случай вылазки врага, зато если сражение сместится в сторону, машины останутся без дела. Любопытно все же знать, как они работают, смогут ли повлиять на его участие в этой битве.

Точнее: на его неучастие в этой битве.

* * *

Квикхелм был воеводой бывалым, прошедшим через горнила множества сражений. Он бы не задумываясь остановил продвижение своего войска, как только передовые дозоры донесли ему, что к берегу реки причалили ладьи с драконами. Драться с целым флотом викингов в его намерения никак не входило. Вообще, будь его воля, он бы к любым непредвиденным обстоятельствам в этом походе на землю Пути относился вдвойне внимательно, памятуя о жуткой войне в болотах, которая началась для него с кровопускания на узкой гати.

И однако судьбы этого похода не были послушны воле Квикхелма. Викинги и люди Пути были одним миром мазаны для его короля: и те и другие были на свой лад угрозой принятому порядку вещей. Для Вульфгара и для епископов они все поголовно были язычниками. Ладьи с драконами расставлены вдоль береговой линии? Прекрасно! Ударить по ним, пока между ними есть зазоры!

— Если это не люди Пути, — желчно процедил Альф-

гар, — то тебе и вовсе не о чем беспокоиться. Ведь у других викингов нет машин, которые тебя так напугали.

Больно задетый за живое, сознавая также, что даже самый нехитрый поворот строя покажется чересчур мудреным сельским танам, составлявшим большинство в Бургредовом войске, Квикхелм бросил своих людей в атаку вниз по покатому склону утеса, ведущему к берегу реки, причем сам бежал впереди строя вместе со своими испытанными оружиеносцами, исторгая из легких грозные шумы и яростными взмахами меча призывая своих не отставать.

Английские воины, завидев пред собою ненавистные драконьи морды и построенные клином кучки викингов подле каждой из них, воодушевились. «Хорошо бы, викинги не успели их остудить. Или сами они не надорвались прежде времени», — подумал Квикхелм, сбавляя скорость и сразу оказываясь в середине сомкнувшегося вокруг него кольца воинов. Он приладил щит к плечу, не считая нужным поднимать его над головой. Щит весил не меньше стоуна — четырнадцать английских фунтов; остальное снаряжение — вооружение и доспехи — еще три стоуна. Поклажа, может быть, и не великая. Но много с ней не набегашь. А чтобы драться в латах, нужно с умом распределять силы... Потоки пота застили Квикхелму глаза, но на противоположном берегу он смутно различал суетящихся людей, впопыхах снимающих лагерь... «Не часто удастся накрыть викингов спящими. Чаше мы горазды собственную гибель проморгать».

Первый залп из эркенбертовских онагров прорубил шесть чистых просек в английских шеренгах, состоявших, в свою очередь, из шести воинов каждая. Ядро, предназначавшееся для державшихся в середине строя воевод, золотые, темно-вишневые и алые одеяния которых бросались в глаза с любого расстояния, было пущено по чуть более высокой траектории, чем остальные, — точнее, на уровне их роскошных шлемов. Выстрела, сорвавшего его голову с шейных позвонков, Квикхелм не услышал и даже не почувствовал; меж тем силы удара хватило еще на то, чтобы скосить всю шедшую за ним следом колонну. Прodelав кровавый путь, камень замер у колес фуры, на которой епископ Даниил, стоя, воспевал в псалмах воинскую доблесть. В один миг викинги обезглавили и воеводу, и армию.

Большинство же англичан, лишенных бокового обзора

краями забрал на шлемах, не заметили ничего дурного: они видели перед собой лишь разрозненные отряды врага, ощерившиеся им навстречу слабосильными клинами по сорок человек, каждый подле своей ладьи и на расстоянии ярдов десяти один от другого. Захваченные этим соблазнительным зрелищем, англичане с дружным воем обрушились на викингов, тыча их копьями, решительно рубя поверх их деревянных щитов, а то и норовя подсесть снизу. Свежие, хорошо отдохнувшие викинги, сцепив зубы, пытались во что бы то ни стало удержать много превосходящие силы врага. Они знали, что совсем скоро им станет легче.

А тем временем, проносясь сквозь тщательно выверенные бреши в строю норвежцев, мерсийцев продолжал сметать кровавый вихрь.

— Что-то сейчас будет, — глухо выговорил Бранд.

Шеф не ответил. Последние минуты он отчаянно напрягал свой единственный глаз, пытаясь разгадать, какая же сила несет столь опустошительные последствия. Он приковал взгляд к одной из машин, несколько раз пересчитал удары сердца в промежутке между выстрелами. Наконец кое-что начало проясняться. Несомненно, то была вращательная катапульта, что явствовало из невысокой скорострельности вкуче со свойствами поражения: каждый снаряд поднимал в воздух клубок из человеческих тел. И при этом устроены они были не по образцу лука. Мало что можно увидеть с расстояния в милю, однако Шефу достаточно было различить квадратную, чуть приподнятую над землей форму машин. И третье. В игрушках этих — немерено тяжести; вспомнить только, как их ставили на телеги — крепили к снастям, снасти накидывали на ворот... Потребовалась дополнительная прочность... Эти орудия работали за счет какого-то мощного столкновения разных частей конструкции. Правильно. Теперь еще хотя бы краем глаза взглянуть на машины эти поближе, и тогда...

Но он уже не успевает за собственными мыслями. Надо переключить внимание на сражение. Что-то будет, так сказал Бранд? Нетрудно догадаться, что именно. После очередного залпа английские ратники, находившиеся в брешах между клиньями, сообразив наконец, что эти самые клинья являются для них единственным укрытием, начали оттирать своих же товарищей — сосредоточенных, как всегда, в цент-

ре лучших ратоборцев, которые только что вошли во вкус и готовились вот-вот прорвать строй викингов. В большинстве своем ратоборцы эти понятия не имели, что делается на поле сражения. Они чувствовали только, что творится что-то необычное: тогда некоторые из них стали пятиться назад, чтобы иметь возможность поднять на миг забрало или хотя бы отпихнуть от себя товарищей, которые, вместо того чтобы усиливать давление за их спинами, мешали им своей толкотней. Если бы люди Ивара бились в сомкнутом строю, они бы могли воспользоваться этой неразберихой, чтобы устроить прорыв. Но это было не так. Любая атакующая вылазка со стороны небольших разбросанных отрядов, которые сдерживали бешеный натиск врага не без помощи защищавшей их с тыла реки, обречена была закончиться, даже не успев начаться. Исход сражения по-прежнему был непредсказуем.

Бранд вновь привлек внимание ярла, на сей раз судорожно вцепившись кончиками пальцев в его руку. Командовавший орудийной обслугой викинг приказывал рабам сменить прицел, не забывая подкреплять слова пинками и зуботычками. Бросившись на врага, англичане оставили неприкрытыми громоздкие фуры и телеги с расставленными на них знаменами короля и ольдерменов, огромными крестами епископов и настоятелей монастырей. И вот уже одной из телег как не бывало. Над тем местом, где она стояла, взмывают в небо вороха щепы. Прямое попадание. Следующий выстрел — и целая упряжка быков грузно валится с ног, куда-то в сторону катится колесо. А за спиной ярла катится уже по рядам его войска могучее эхо, которое способно поднять и повести в бой людей Пути куда быстрее, чем подзатыльники и брань воевод. Тем временем на одной из телег дрогнул крест. Какое-то время казалось, что он сможет устоять; но, медленно покачнувшись, он осел и с глубоким вздохом грохнулся оземь.

И тогда в утробе ярла сцепилось и сдвинулось нечто тяжелое и могучее, словно повернулась огромная зубчатая передача. С невозмутимым видом, зная, что нарастающее возбуждение освобождает его от любопытных взглядов, он влил в себя остатки пива из небольшой фляжки, которую не выпускал из рук целый день. А ведь пиво там было неплохое. Но все удовольствие портила всыпанная во фляжку труха из небольшого мешочка, который вручил ему сегодня утром

Ханд. Шеф выпил все до последней капли, неимоверными усилиями загоняя в глубь пищевода тошнотворнейшие кусочки протухшего мяса. «Скажи-ка, что ты даешь людям, когда им нужно хорошенько проблеваться?» — спросил он давеча друга. «Вот это — неплохое средство», — степенно промолвил Ханд, вручая ему мешочек. Ощувив на языке первые же капли пойла, Шеф не сомневался, что друг его не подвел. Шеф решил не давать повода для подозрений и расстался с фляжкой тогда, когда был уверен, что внутри — сухо. Потом выпрямился во весь рост. «Еще минута, самое большее — две... Нужно, чтобы *все* увидели».

— А кто это там скачет? Они хотят на лошадях строй викингов сломать?

— Конная атака? — неуверенно протянул Бранд. — Это больше на франков похоже. Но не знал, чтобы англичане...

— Да нет же, нет! — крикнул Альфред, который тоже вскочил на ноги и теперь даже приплясывал от нетерпения. — Это таны из конной свиты Бургреда. Ну и болваны! Они, видать, решили, что сражение проиграно, и помчались вперед вызволять своего повелителя! Но ведь как только он сядет в седло... Боже всемогущий, так он и сделал!

Действительно, над яростным смерчем сечи вдруг вспыхнуло золотое сияние: то была венценосная голова мерсийского монарха, оседлавшего подведенного ему скакуна. Впрочем, пару мгновений он еще пытался сопротивляться усилиям доброхотов, но кто-то крепко держал скакуна под уздцы. Наконец кучка всадников сначала шагом, а потом погоняя лошадей галопом, начала отдаляться от гуши сражавшихся; но как только это произошло, тут же строй англичан пополз по швам, как ветошь: сначала прорехи возникли в отдельных местах, но потом расплозлось и все войско. Чувствуя пустоты за спинами, передние бойцы поворачивались и также показывали противнику спины. Мерсийская армия, отнюдь не разбитая, даже не теснимая врагами, стала стремительно откатываться восвояси. А когда по бегущим в очередной раз ударили орудия с другого берега, те припустили пуще прежнего.

Теперь на ноги поднялась вся Армия Пути. Все взгляды были прикованы к ярлу и его окружению. Лучшей минуты не подгадать, подумал Шеф. Мощный приступ, который застанет врасплох обе стороны. Потом захватить машины — они

наверняка не успеют сменить прицел. Бросить людей на корабли и таким образом взять Ивара в тиски.

— Дай мне несколько всадников, — умолял его Альфред. — Бургред — болван, но он женат на моей сестре... Я должен его спасти. Мы заставим его отречься, отправим к Папе... Пусть позаботится о его старости...

«Да-да, все так, — думал Шеф. — И тогда на доске останется одной тяжелой фигурой больше. И потом Ивар. Ивар, даже если мы сегодня опять оборвем ему когти, улизнет от нас. Улизнет, как однажды он уже сделал. И это будет вторая тяжелая фигура. А наша задача — побыстрее расчистить доску. Чтобы в конце концов оставалась только одна фигура. Ибо я хочу остановить мельницу!»

Наконец-то! Когда он делает шаг вперед, из его нутра поднимается страшная, неодолимая волна. Гортань вяжет мерзкая холодная слизь. Один раз в жизни он такое испытывал — когда в одну трудную зиму отведал мертвечины. Нечеловеческим усилием он задержал волну и повернулся к армии. *Все* должны видеть.

Его люди уже не прятались за укрытиями. С горящими от нетерпения глазами, готовые в любой момент исторгнуть свирепый боевой клич, ждали они слова своего ярла.

— Люди Пути! — крикнул Шеф, приподняв алебарду и делая взмах в сторону Уза. — Вперед...

Сгусток рвоты с такой мощью вылетел из его гортани, что обляпал покрытый финифтью щит Альфреда. Тот, открыв рот от изумления, медленно перевел на него оторопелый взор. Шеф уже скрючился в три погибели. Шутовство закончилось. Свалилась на землю алебарда. Содрогаясь в страшных корчах, он упал на колени и забыл обо всем.

Воины Пути, кто в ужасе и гневе, кто в сильнейшем замешательстве, взирали на своего вождя, катавшегося по траве и оставлявшего после себя смердящие лужицы. Альфред поднял было руку, чтобы потребовать себе лошадь под седлом, но вдруг бессильно уронил ее, вновь устремив взгляд на извивавшееся в корчах тело. Тем временем по войску прокатился недоуменный ропот. Какая была команда? Идем вперед или нет? Сигвардссон лежит? А кто примет армию? Викинг? Что ж нам теперь — под разбойником воевать? Или англичанин? Уэссекский король?

Получив крошечную передышку, мучительно ожидая но-

вого спазма, Шеф распластался на траве и вдруг увидел над собой брезгливую гримасу Бранда.

— Есть такая поговорка, — сказал он. — Не до поросят, когда матку палят. Какие уж тут сражения! Что я могу сделать, если его так разобрало?!

«Подождать, пока ему не станет легче, — подумал Шеф. — О Тор! О Господи... Кто-нибудь... Еще немного...»

* * *

Глаза цвета разведенного молока пытливо блуждают по сторонам. Где-то должна быть засада. Это — яснее ясного. У ног его валяются тела трех мерсийских ратоборцев. Он добровольно занял место на острие клина, составленного из людей его ладьи. Желание поскорее оказаться в лучах немержнувшей славы, которая, как они знали, ждет воина, сразившего в бою этого жесточайшего из врагов христианского мира, толкнула ратоборцев в объятия смерти. Один за другим они убедились в том, что субтильное телосложение Ивар не только скрывает сверхчеловеческую силу его ударов, но и оказывается вполне под стать его змеиным повадкам. Один из них, рассеченный через кольчугу от ключицы до ребер, испускал произвольные стоны и с нетерпением ждал конца. Словно змеиное жало, сверкнуло в руках Ивара лезвие, впилося раненому в адамово яблоко, разрезало позвонки. Ивару сейчас было не до забав. Он хотел тишины и спокойствия. Ибо ему было над чем поломать голову.

Ни малейших следов засады. В лесу, на флангах, сзади — ни души. Но если они не захопнут западню сейчас, скоро станет уже поздно. А может быть, ему уже и теперь нечего бояться. Меж тем по полю рассеялись его воины, без приказов и напоминаний, по сотни раз отработанному порядку исполняя одну из заповедей викингов: полем брани должно овладеть полностью. Одно из преимуществ орд северных разбойников над врагами заключалось в том, что их военачальникам никогда не приходилось лишний раз заставлять рядовых воинов выполнять их обязанности. Военачальники же могли спокойно сосредоточиться на обдумывании плана сражения. И вот, разбившись на пары — один прикрывает шитом, другой колет, — викинги тронулись в неторопливый обход, не ленись дважды, а то и трижды потрудиться, чтобы едва дышащий англичанин не успел напоследок сквитаться с

врагами. А за этими парами двигались собиратели добычи с разверстыми мешками, делая пока предварительную часть работы: полностью они разденут мертвецов чуть попозже, а пока необходимо снять с них все самое ценное и бросающееся в глаза. На ладьях же корпели над ранеными лекари.

При всем этом викинги не спускали глаз со своего вождя. В любой миг с уст его мог слететь свирепый вопль. Ибо, уверовав в победу, любой военачальник пойдет до конца.

«Мышеловка не сработала, — размышлял Ивар. — Что-то им помешало. Может, лень было шевелить с утра задницей. Или где-нибудь в трясине увязли...»

Набросив шлем на острие копья, он несколько раз потряс им в воздухе. И не успел он опустить руку, как из засады, устроенной вниз по течению, покатились на англичан дикая волна наездников, нещадно колотящих в бока своих скакунов и слепящих врага стальным блеском наконечников пик, шлемов и кольчуг. Мерсийцы, уже готовые признать свое поражение, прищурились, завопили и припустили без оглядки. «Экие дурни, — подумал Ивар. — Ведь даже сейчас их шестеро на одного верхового Хамаля! Встать бы им сейчас плотнее, построить два-три ряда, они бы от них живого места не оставили, да и мы бы помочь не успели... А если б даже мы пошли вперед всей ватагой, то они бы здесь же, у берега, нас всех до одного порешили». И однако, увидав катящийся на них вал конных викингов, англичане, похоже, не желали утруждать себя исчислениями.

При всем при том атака эта, на которую Ивар отпустил Хамалю всех лошадей, каких только возможно было поставить под седло, вовсе не имела целью беспорядочное истребление первых попавшихся. Теперь, когда враг побежал, пришло время охоты на главных действующих лиц. Падение армии должно было стать падением королевства. Вот почему, завидев, как пятьдесят викингов на самых норовистых скакунах забыли и думать об атаке и устремились наперерез златоголовому всаднику, вместе со своей конной свитой во весь опор уносящемуся к краю небосвода, Ивар вполне их одобрил. Другая группа обрушилась в это время на неповоротливые телеги и фуры, которые не могли состязаться в скорости с преследователями. Наконец, третьи все с той же бешеной скоростью устремились вверх по склону, желая поскорее очутиться в лагере врага и удивить своим появлением тех, кто в этом лагере оставался; ибо ясно было, что лагерь,

невидимый с этой стороны кряжа, находится всего в нескольких сотнях ярдов по другую его сторону.

Теперь пришла пора включиться в дело самому Ивару. Пора отхватить себе кусок пожирнее. Пора позабавиться. Ивар чувствует, как клокочет в гортани восторженный зуд. В случае с Эллой ему отравили все удовольствие. С Эдмундом все прошло как нельзя лучше. С Бургредом он тоже не подкачает. Убивать королей — это несравненное удовольствие. Что же потом? А потом его ждет встреча с одной шлюшкой — а может статься, и леди, — так или иначе, с одним бледным и нежным созданием. Не заметить ее нельзя. Ну а чуть позже, когда лагерь начнут разносить по частям, когда на каждом углу будут кого-то резать или насиловать, за ней уже нельзя будет уследить... И он получит не ту девицу, которую выкрал у него Сигвардссон. Нет-нет, совсем другую. Но всему свое время.

Ивар отступил на шаг, не торопясь обошел оползень из внутренностей, расстающихся с исполосованным телом, поправил шлем на голове и взмахнул щитом. Поджидавшая этого мига армия, которая уже успела покончить со сбором первого урожая своей победы, ответила гулким коротким эхом и тронулась с места. Они шли вверх по склону, перешагивая и наступая на мертвецов, павших от их рук или сраженных залпами смертоносных онагров. Когда настал черед, клинья войска начали притупляться, пока не перемешались друг с другом; наконец армия построилась в одну гигантскую линию длиной в четыре сотни ярдов. В спину им смотрел небольшой наряд корабельной стражи, заблаговременно назначенный Иваром.

Тому же занятию, за рошей, расположенной в миле вверх по течению, поневоле предавалась многочисленная, но подавленная, изнывающая от своего бессилия Армия Пути, в которой уже вовсю закипали страсти вокруг темной личности ее вожака.

Глава 7

— Мы больше не можем позволить себе проволочек, — твердил Торвин. — Надо раз и навсегда получить точный ответ. И сделать это прямо сейчас.

— Да ведь в войске и так уже царит смута, — возразил Гейрульф, жрец Тюра. — А если люди увидят, что ты, Торвин, оседлал коня и умчался куда-то, не говоря ни слова, — их уже никто не заставит взять оружие в руки.

На такое возражение Торвин замахал руками, как на докучливую муху. Они сидели в своем обнесенном рябиновыми гроздьями капище; как и прежде в подобных случаях, к копью Одина и костру Локи были допущены только жрецы Пути. А это означало, что разговор обязательно затронет темы, не предназначавшиеся для ушей непосвященных.

— Вот этими-то отговорками мы и потчевали себя! — вскричал Торвин. — Каждый раз находилось какое-то оправдание, чтобы не подумать о главной загадке. А ведь ответ на нее получить мы могли уже год или два назад, как только начали смекать, что он не случайно тогда о себе сказал: «Я пришел с Севера»... Что же мы делали? Начали расспрашивать его самого, его друга, ярла Сигварда, который был уверен, что он — его отец! А когда понимали, что правдой здесь и не пахнет, опускали руки... Но настала пора во всем разобраться. Когда мальчишка отказывался надеть на себя амулет, я успокаивал себя тем, что он всегда успеет это сделать, что впереди еще целая вечность. Когда он бросил армию на произвол судьбы и отправился красть себе девку, мы с вами сказали себе — дескать, он ведь еще мальчишка. Потом он делает вид, будто намерен вести армию в бой, а потом делает так, что у армии этой опускаются руки... Чего еще нам от него ждать? Давайте, по крайней мере, к этому подготовимся. Надо знать: действительно ли он — дитя Одина? А если да, какую сущность своего отца он воплотил? Одина — Прародителя Живущих, Отца богов и воинов? Или Одина — Сеятеля Зла, бога висельников, предателя воинов, который призывает к себе героев только с тем, чтобы они порадели для осуществления его замыслов?! Не случайно ни один среди нас не осмелился взять себе в покровители Одина, не случайно число жрецов его во всем Пути можно сосчитать на пальцах. Если ж таково его происхождение, мы обязаны это знать. Но может случиться, что это не так. Ведь, помимо Прародителя Живущих, своими приходами в мир известны и другие боги...

Торвин многозначительно повел головой в сторону немолчно потрескивавшего костра.

— Вот почему прошу я вас разрешить мне исполнить то,

что стоило сделать уже давным-давно: отправиться к его матери и получить ответ от нее самой. Мы знаем с вами, в какой деревне она живет, — отсюда до тех мест будет не больше двадцати миль. Если мать его окажется на месте, я все узнаю. И если ответ будет тот, какого мы с вами боимся, то послушайте меня — мы должны будем гнать его от нас поганой метлой, пока с нами не приключилась великая беда! Вы помните предостережение, которое послал нам Виглик?!

Воцарилось долгое молчание. Первым заговорил Фарман, жрец Фрейра.

— Предостережение Виглика я помню хорошо, Торвин, — сказал он. — И я сам боюсь вероломства Одина. Однако прошу тебя задуматься вот над чем: не обрекают ли Один и его подручные воинов и людей на тяжкую участь только ради того, чтобы уберечь их от еще более тяжкого зла...

И он, в свою очередь, устремил пронзительный взгляд к костру.

— Вспомни, когда мальчишка был твоим учеником, я встретил его в Ином мире в кузне Вёлунда. Но мне довелось увидеть там нечто гораздо худшее... Ибо то было отродье Фенриса, внук Локи. Поверь мне, Торвин, если бы ты побывал в Ином мире и мог сравнить своего ученика с внуком Локи, ты бы никогда впредь не стал бы их путать, никогда бы козни одного не принял за коварство другого...

— Я не спорю, — сказал Торвин. — Но согласись и ты, Фарман: идет война между богами и гигантами, между Одином и Локи. Редко ль бывает, что даже в тех войнах, что проходят на наших глазах, одна воюющая сторона ничем не отлична в повадках своих от врагов?..

Один за другим жрецы закивали головами. Последними это сделали Гейрульф и Фарман.

— Решено, — сказал Фарман. — Отправляйся в Эмнет, разыщи его мать и спроси у нее, от кого она прижила такого сына...

И тогда впервые заговорил Ингульф, великий знахарь, жрец Идуны:

— Ты можешь сделать одно доброе дело, Торвин, когда отправишься в Эмнет... Захвати с собой англичанку Годиву. Она по-женски поняла то же, что и мы с вами. Он пожелал спасти ее вовсе не из-за какой-то любви. Она понадобилась ему как приманка. Плохо, когда человек узнает про себя такое...

* * *

Сквозь застывшую сознание пелену, еще в те минуты, когда беспомощно сотрясалась его изнемогающая утроба, и чуть позже, уже придавленный собственной слабостью к постели, Шеф улавливал кое-какие свидетельства начавшихся раздоров среди его сподвижников. Был момент, когда Альфред попытался обнажить меч против Бранда, с чем последний справился со скоростью могучего пса, отметающего в сторону докучливую шавку. Потом Торвин, кажется, умолял остальных разрешить ему какую-то поездку... И все же по большей части он мог отдавать себе отчет только в том, что какие-то заботливые руки поднимают его, перекладывают с места на место, подносят ему питье, ждут, пока иссякнут очередные позывы. То были руки Ингульфа и Годивы. А вот Ханд, похоже, устранился от ухода за другом: боясь, как успел подумать Шеф, что при виде последствий своего поступка ему может изменить беспристрастность лекаря.

Теперь, когда сгушалась темнота, Шеф чувствовал себя уже гораздо лучше. Блаженная истома переполняла тело. Мгновение, и он заснет. А проснется бодрым, готовым действовать...

Но сначала должен прийти сон.

Когда же это произошло, стало ясно, что его будет ворошить с души так же, как выворачивала наизнанку его внутренности тухлая и заплесневелая мертвечина Ханда.

* * *

Он двигался вдоль узкой горной протоки, со всех сторон теснимой исполинскими скалами. Стояла непроглядная тьма. Дальше чем на пять-шесть футов видимости не было, и он двигался почти на ощупь. Где-то на немыслимой высоте края скалы черными клыками вгрызались в сероватый лоскуток неба. Он двигался вперед, следя за каждым своим движением: стоит один раз споткнуться, неправильно опустить ногу, и его похоронит под собой камнепад... Или он окажется один на один с существом, с которым может тягаться кто угодно, но только не смертный.

В руке его тускло поблескивает клинок. В клинке этом притаилась страшная колдовская сила: он сам, помимо воли хозяина, способен нанести смертельный удар. И вот сейчас он исхо-

дит мелкой дрожью в руке Шефа и при этом тихонько позвякивает, будто бы поминутно стучается о поверхность камня. Он, впрочем, догадывается, что все надо делать тихо. Звуки эти предназначены только для ушей хозяина. К тому же они наверняка тонут в гроыхании потока, мчащегося по дну ложбины. Меч жаждет крови, но будет хранить свое нетерпение в тайне.

И как часто бывало раньше, сделав несколько движений, ощутив дыхание своей новой плоти, Шеф начинает понимать, какое обличье уготовано ему грезой. На сей раз он был настоящим великаном, широкоплечим и толстоногим; руки же в запястьях были столь огромны, что вздымались над золотыми браслетами, которыми были унизаны, а весили столько, что оставалось удивляться, каким образом они сохраняют подвижность.

И этот самый великан сотрясаясь сейчас от ужаса. Даже дышал он поспешно, порывисто — не потому, что спешил одолеть подъем, а потому, что был подгоняем страхом... В желудке же словно образовалась пустота, в которой гуляли сквозняки. И ощущения эти сами по себе служили источником страхов, ибо великан испытывал их впервые. Он не знал, что с ним происходит, он даже не знал, как это назвать. Смущая его, они не могли заставить его развернуться и пойти в обратную сторону. Ему неизвестно было, как можно отказаться от раз начатого дела, не попытавшись довести его до конца. И однако свершения, подобного тому, которое ему предстояло, не знала вся его предыдущая жизнь и не будет знать вся последующая... И вот теперь он упорно крался вдоль горного потока, он держал наготове обнаженный меч, он знал, что уже недалеко то место, в котором он устроит засаду... Хотя при мысли о том, что будет он лицезреть, выскочив из этой засады, сердце его сжималось в хлипкий комочек.

Вернее же всего, ничего лицезреть он не будет. Даже он, Сигурд Сигмундссон, чье имя будут воспевать поэты до окончания веков, не сможет заглянуть в лицо того, кого возжелал повергнуть.

За поворотом одна сторона теснины вдруг исчезала; на ее месте всюду разбросаны были беспорядочные груды щебня; казалось, какому-то чудовищу в железном панцире невтерпех было спуститься к водостоку, и оно обрушило, растерло скалу, навалившись на нее своею страшной тушей. Дойдя же до этого места, Сигурд встал в землю как вкопанный: нуть ему преграждала невидимая стена неизяснимой воню. Так смердят останки

мертвецов, в течение двух недель со дня битвы пролежавшие на летнем солнцепеке. Однако эта воню отдавала также копотью, пожарищем; кроме того, в нос било еще какой-то дрянью, так что казалось, стоит кому-то высечь искру, и сам запах обратится в пламя...

То был запах огромной змеи, дракона. Пожирателя зари, что обращает в тлен все живое, прыскающая в него своим ядом. Злобное чудовище, ползающее по земле на брюхе. Безногое...

Отыскав наконец в нагромождении камней желанную щель, герой понял, что не будет корить себя за поспешность. Ибо выяснялось, что дракон безногим был лишь для тех, кто следил за его перемещениями издали. Из-за каменной своей засады до героя доносилось теперь громоподобное шарканье, которому вторили столь же оглушительные звуки, когда вслед за одной из конечностей волочилось вперед драконье брюхо. Молва гласила, что брюхо у него кожаное. Лишь бы это оказалось так!

Герой попробовал замереть, лежа на спине, потом передумал и быстро принял новое положение. Теперь он приник к земле одним боком так, чтобы следовать за продвижением чудовища, оперся на левый локоть, правую же руку с мечом осторожно отвел назад, выпростав ее вдоль туловища. Теперь верхняя часть его головы и, главное, его глаза, оказались вне прикрытия. Пустяки, он примет меня за камень, твердил себе Сигурд. Ничего другого ему не оставалось: даже он, неустрашимый Сигурд, мог лишиться последних остатков мужества, если бы продолжал лежать и ждать, когда дракон перешагнет — или не перешагнет — его тело. Нет, он должен его видеть.

И вот наконец в серой мгле замаячила огромная голова. Поначалу ему казалось, что разверзлась каменная порода. Но голова продолжала колыхаться; когда же чудовище подползло ближе, оказалось, что череп его и гребень поверх чешуи непрерывно колыхаются. Все ближе становилось зловещее шуршание набитого живой добычей обрюзгшего брюха. Тусклый блик со звездного неба неожиданно выхватил ступню, застывшую на мгновение на каменной глыбе. Вглядевшись в эту ступню, герой едва сам не превратился в камень. Четыре сустава, каждый размером с человеческое бедро, выпирали один из другого, словно щупальца рыбы-звезды; бородавчатые и шишковатые, как жабыя спина, они истекали слизью и внушали уверенность, что одного прикосновения к ним будет достаточно, чтобы умереть от ужаса. Герою же хватило духу, чтобы прилечь к земле. Сердце его зашлось от неизвестной доселе жути. И однако любое движе-

ние теперь обречет его на верную гибель. Он мог уповать только на свое сходство с камнем.

Заметит ли его чудовище? В любом случае, да. Оно двигалось прямо на него, ленивой поступью переноса лапы на гигантские расстояния. Наконец правая лапа оказалась всего в десяти ярдах от его головы; левая же опустилась на выступ, прикрывавший его убежище. Нужно во что бы то ни стало дожидаться, когда брюхо окажется над головой, пронеслось в наполовину застывшем сознании. Дождаться. Ибо здесь чудовище свернет к протоке. А когда он услышит над головой урчание жидкости, настанет миг удара.

Проговаривая все это, он вдруг увидел, что голова чудовища замерла всего в несколько футах от его собственной. Мгновение — и он увидел то, о чем не смог поведать еще ни один смертный. То были его глаза. Они были совершенно белыми, как заплавшие от белым глаза старухи. И при этом они излучали слепящий свет, шедший откуда-то изнутри.

И тогда герой понял, чего он на самом деле страшился. Нет, не того, что безногая — бескостная — гадина сожрет его. После того, что он испытал, такую смерть он принял бы с радостью. Он страшился того, что чудовище заглянет ему в глаза. А потом остановится. И, не желая торопить события, заведет с ним беседу. Оно всегда успеет наверстать свое...

Дракон замер, так и не опустив занесенную ступню. И посмотрел на человека.

* * *

Истошно вопя, Шеф скатился с ложа на землю. Первым делом он увидел глаза — три пары внимательных, удивленных, преданных глаз. И нашлись среди них те, в которых мелькнула искра понимания.

— Ты что-то... видел? — спросил Ингульф многозначительно.

Шеф запустил руку в слипшиеся от пота волосы.

— Я видел Ивара. Бескостного. Я видел его оборотную сторону.

* * *

Слишком самолюбивые для того, чтобы явно выказать свою тревогу и беспокойство, воины наблюдали за Иваром исподтишка, уголком глаза, однако ежеминутно спрашивали себя, на кого он обратит уже клокотавшую в его груди ярость.

Даже головорезы, прошедшие с ним огонь и воду, даже доверенные лица его братьев в одну минуту могли быть брошены на съедение псам. Сам Ивар замер в резном кресле, доставшемся ему из обоза короля Бургреда, судорожно сжимая в правой руке кубок с элем, который он время от времени макал в огромную королевскую бадью, и наворачивал на левую руку золотую диадему, что еще совсем недавно украшала голову мерсийского монарха. Сама же голова, нанизанная на пику, стала лишь одним из украшений весьма своеобразного частокола, которым викинги решили обнести лагерь своих врагов. Оттого-то и не находило себе покоя Иварово сердце. Судьба опять провела Рагнарссона.

— Конечно, плохо, что так получилось, — говорил ему верный Хамаль. — Мы хотели взять его живьем, как ты потребовал... Но он дрался как поднятый из берлоги медведь. Сначала отбивался сидя на лошади, потом уже стоя на ногах. Да мы и такого живым бы взяли, но он вдруг за что-то зацепился, полетел вперед головой и наварлся прямо на меч...

— И чей же это был меч? — мирно осведомился Ивар.

— Мой, — сказал Хамаль, и сказал неправду. Если бы он назвал имя мальчишки, который проткнул Бургреду брюхо, Ивар бы немедленно выместил на том бушевавшую в нем злобу. У самого Хамалья была надежда выжить, на которую он не слишком уповал — даже принимая во внимание все его прежние заслуги. Однако Ивар некоторое время молча изучал его лицо, затем бесстрастно процедил: «Лжец, и гадкий в придачу» — и заговорил о другом.

Никто не усомнился в том, что Ивар не позабыл о случившемся. Живописуя подробности одержанной победы — пленные, добро с поля боя, небывалый улов в лагере, золото, серебро, женщины, запасы съестного, — Дольгфинн измаялся в ожидании разосланных по всему лагерю добытчиков наживы. Обнюхайте каждую палатку, напутствовал он их, раскидайте каждую постель. Выбросьте пока из головы женщин, вы еще до наступления ночи успеете вдоволь порезвиться. Но во имя самого Рагнара Волосатой Штанины, найдите его сыночку какую-нибудь игрушку. Или завтра вместо жаворонков он прикажет поварам приготовить на жаркое нас с вами.

Неподвижные глаза Ивара вдруг чуть скосили в сторону. Дольгфинн отважился проследить за его взглядом. Ого! Ка-

жется Грелпи с мальчиками старались не напрасно... Но только, во имя Хель, повелительницы Преисподней, что же это такое они катят?!

То был ящик. С торцевой стороны к нему были прилажены колеса. Поэтому его можно было толкать вперед. Ни дать ни взять — гроб на колесиках. И пусть для гроба ящик маловат, тело в нем все же есть. Дюжина гогочущих викингов подтолкнула ящик к ногам Ивара и поставила его торчком. Изнутри на Рагнарссона смотрело живое лицо с беспокойными глазами. То и дело облизывал губы язык.

Ивар не спеша поднялся, в первый раз за этот вечер выпустил из рук диадему и подошел вплотную к Вульфгару.

— Так-так, — промолвил он наконец. — А что, совсем неплохо сработано. Правда, кажется, не моя рука... Во всяком случае, лица я этого не помню. Скажи мне, хеймнар, кто это над тобой постарался?

Бледное лицо со странно живыми, алыми устами задержало взгляд на Иваре. Но уста так и не разомкнулись. Один из викингов шагнул вперед, вытер нож о штанину и занес его над Вульфгаром, готовый по приказу вождя выскоблить тому глаз или отсечь ухо, но Ивар остановил его взмахом руки.

— Думай, что ты делаешь, Клегги, — внушительно произнес он. — Неужели ты надеешься этим запугать того, кто уже столько всего потерял? Глазом или ухом меньше — велика ли важность?... А ты все-таки ответь мне, хеймнар. Ты ведь и так мертвец. Мертвец с того часа, когда кто-то тебя поместил. Скажи, кто это был? Может, и мне этот человек неприятен так же, как тебе?

Ивар продолжал говорить по-норвежски, но выговаривал слова четко и внятно, так что англичанин смог уловить знакомые сочетания.

— Это сделал ярл Сигвард, — ответил Вульфгар. — Ярл с Малых островов, так они его называли... Но мне хочется, чтобы ты кое-что зарубил себе на носу. То, что со мной сделал Сигвард, я в точности исполнил с ним. Нет, не в точности — с большей выдумкой. Он достался мне в болотах близ Эли — если ты и впрямь Рагнарссон, ты хорошо должен помнить это место. Я обтесал его, как полено, — он смог умереть только тогда, когда ножу не над чем было больше работать. И знай: что бы ты сейчас со мной ни сделал, только осрамишься...

Он вдруг изрыгнул из себя плевок, плюхнувшийся прямо на сапог Ивару.

— И такая кончина уготована всем вам, безбожным варварам! Мне же это будет великим утешением. Ибо умирать вы будете в страшных муках. Для вас уготована одна прямая тропа — навечно жариться в Преисподней... А я буду взирать на вас из *Neorxna-wang*, из Долины Праведников, и радоваться тому, как исходят волдырями ваши тела. Вы же будете умолять меня дать вам сделать крошечный глоточек эля из моего кубка, чтобы на мгновение увлажнить иссохшую гортань. Но и я, и Бог скажем вам «нет».

Вульфгар не сводил с Ивара своих голубых глаз, упрямо выдвинул вперед нижнюю челюсть. А Ивар вдруг задрал голову и громко расхохотался, затем словно вспомнил о кубке, что держал в правой руке, и осушил его до последней капли.

— Ладно уж, — сказал он, — если ты решил так сурово со мной обойтись, я отвечу тебе так, как учат ваши христианские книги: отплачу тебе добром за зло!.. А ну-ка, бросьте его в эту бадью!

Поскольку викинги, похоже, оторопели от неожиданности, Ивар сам нагнулся и перерубил лямки, крепившие туловище и культи Вульфгара. Следующим движением он ухватил его за перевязь, вытащил из ящика и, в три могучих шага преодолев со своим грузом расстояние, отделявшее его от королевской бадьи с элем, свалил хеймнара внутрь. Оказавшись в бочонке в четыре фута высотой, до краев наполненном сотней галлонов пива, Вульфгар заметался, запрыгал как поплавок, заколотил по поверхности останками своих конечностей, поскольку нижние культи, по-видимому, не доходили до дна бочки.

Ивар возложил руку на голову Вульфгара и оглядел присутствующих взглядом учителя, собирающегося показать несколько наглядных опытов.

— Ответь мне, Клегги, — произнес он, — чего более всего боится человек, которого так изувечили?

— Беспомощности...

Ивар надавил на голову.

— Пусть вдоволь налакается! А то он все надеется на свою загробную жизнь... Но ведь лучше все делать заранее, коли есть возможность.

Несколько викингов покатались со смеху. Кое-кто клик-

нул приятелей. Дольфинн изобразил на лице ухмылку. Ни особой доблести, ни славы в том, что происходило, он не видел. Тем более — *drengskapr*. Одна надежда, что это утешит сердце Ивара...

— Дай ему выплыть! — крикнул он. — Может, он теперь смилостивится над нами и угостит глоточком эля, когда придет на Небеса...

Ивар сгреб мокрые волосы Вульфгара и приподнял его голову над краем пены. Тараша подернутые ужасом глаза, хеймнар бешеными хрипами втягивал в себя воздух. Похоже, Ивар заставил его пожалеть о кичливых посулах. Наконец хеймнар перекинул одну из культей поверх края бадьи и попытался лечь на него грудью.

Неторопливыми движениями Ивар сбил культю, спихнул хеймнара и пристально посмотрел в его глаза, на сей раз — как лекарь в глаза больному. Потом удовлетворенно кивнул и еще раз надавил на голову.

— Вот теперь ему стало страшно... — пояснил он стоящему рядом Клегги. — Он еще попробует с нами поторговаться, вот увидишь. Не нравится мне, когда они перед тем, как издохнуть, норовят меня унижить. Нет уж, пусть сами расквасятся...

— Да все они в конце концов сопли распускают! — довольно скаля зубы, произнес Клегги. — Точно как бабы...

Ивар рывком погрузил голову еще глубже.

* * *

Шеф повертел в руке предмет, переданный ему Уддом. Он находился в обществе соотечественников: то были освобожденные рабы — и катапультиеры, и воины с алебардами. Отдельной группкой стояли люди, набранные Уддом для воплощения его замысла. Они-то и выковали полоски гнушейся стали.

— Видишь, господин, — сказал Удд. — Мы сделали, что ты нам велел. Вот пластинки — каждая длиной в два фута. Ты сказал нам — попытайтесь устроить из них луки. Мы сделали на обоих краях надрезы, приладили тетиву. На тетиву пустили нити из скрученных кишок — надежней не бывает!

Шеф кивнул.

— Только натянуть ее вы не сможете...

— Твоя правда, господин. Не сможем, да и ты не сможешь. Но мы тут маленько пораскинули мозгами, и Сакса, — Удд кивнул в сторону одного из своих помощников, — тогда сказал: человек, который горбом своим на хлеб зарабатывал, знает, что ноги у него сильнее, чем руки... Тогда обтесали мы несколько штук деревянных колодок, пропилили на них спереди скрещивающиеся пазы, пропустили в них пластины и закрепили их клином. На другой стороне колодок приладили собачки, вроде тех, которые уже делали на вращательницах наших... А потом мы установили с краю колоды такую железную петлю... Вот попробуй сам, господин. Сунь сюда ногу.

Шеф всунул ногу в петлю.

— Теперь захвати обеими руками тетиву, упрись покрепче ступней и тащи тетиву на себя... Тащи, пока не зацепишь за собачку.

Шеф поднатужился и потянул тетиву. Она поддалась, повиливая его усилию — мощному, но не на пределе его возможностей. Хилая команда не смогла сделать верную поправку на мускулы воина, тем более такого, который качал их долгой работой в кузне. Зацепившись за собачку, гнусаво загудела тетива. Шеф убедился, что в руках у него действительно лук, — но только его надо держать поперек тела стрелка, а не как обычный деревянный лук.

Один из мастеров Удда, ухмыляясь, протянул ярлу короткую стрелу: короткую, поскольку сталь поддалась всего на несколько дюймов, не на полдлины руки, как полагалось бы тетиве деревянного лука. Шеф уложил стрелу в шероховатый желоб, выдолбленный в верхней части деревянного бруса. Круг стоявших перед ним людей разомкнулся, и ярдах в двадцати от себя Шеф увидел ствол дерева.

Он выровнял лук, прицелился, непроизвольно стремясь уловить цель в зазор между оперением стрелы, и надавил на собачку. Отдачи, знакомой ему по выстрелам из крупных образцов, на сей раз не последовало. Не было и уносящейся ввысь черной молнии. Стрела с шипением рассекла воздух и вошла в дерево точно посередине ствола.

Шеф подошел к мишени, ухватился за стержень стрелы и принялся ковырять и колупать им дерево; наконец с десятой попытки стрела выскочила из отверстия целиком, не надломившись.

— Совсем неплохо, — проговорил Шеф, — но и хвалить вас особенно не за что... По-моему, луки эти бить будут не дальше, чем обыкновенные охотничьи. Для войны они не сгодятся.

Обмерев от стыда и ужаса, Удд принялся было тихо оправдываться; Шеф знаком прервал этот лепет раба.

— Перестань, Удд. Мы же все тут ученики. Я тебе это докажу. Вот сейчас перед нами новая вещь. Никто в мире до нее не додумался. Скажи-ка мне, а чья в том заслуга? Саксы, который просто напомнил тебе, что ноги сильнее, чем руки? Или твоя — это ведь ты первый рассказал нам, как твой хозяин ковал стальные пластины? А может быть, моя, потому что это я велел тебе изготовить лук из гибкой стали? Или все-таки племени Ромула, которое изобрело катапульты со вращением и положило начало всему остальному? Получается, что ничьей заслуги в отдельности тут нет. Получается, что мы ничего не изобретали, мы просто воспользовались старым знанием, почерпнув его от самых разных людей, которые сами когда-то почерпнули его. Что же до лука... Нам нужно добавить ему мощи. Пусть он перестанет называться луком, но натяжение тетивы необходимо удвоить. Может, кто-то скажет мне, как этого добиться?

Понурое молчание прервал Озви, старшина команды катапультиров.

— Ну, коли ты так рассудил, господин, то дело здесь ясное. Как обычно делают, когда что-то тяжелое поднять нужно? Ставят ворот, натягивают лебедку. Как норвежцы, скажем, когда корабли свои грузят. Да нам и покороче лебедка сгодится. Крепим ее к поясу, один конец наматываем, другой конец крючком цепляем за тетиву — натягивай сколько душе угодно!..

Шеф отдал устройство Удду:

— А вот тебе и ответ, Удд. Собачку передвигаю вверх по колоде, пока сталь будет гнуться. Прилазь к каждому такому луку небольшой ворот с лебедкой. А как закончишь и увидишь, что вещь работает исправно, начинай ковать сами луки — и чтобы пустить в дело все пластинки! Возьми себе столько людей, сколько понадобится...

Викинг, что в эту минуту прокладывал себе дорогу в толпе, не смог побороть чувства брезгливости при взгляде на ярла, который, казалось ему, якшается с недоносками. Сам он

прибыл в Норфолк совсем недавно, этим летом, взбудораженный, как и вся его родная Дания, молвой о необыкновенных достижениях этого правителя, о достатке и процветании его земли, о падении Рагнарссона. Все, что до сих пор видел викинг, — это как ярл выводил на бой свое войско. Бой, который для него закончился, не успев начаться. А теперь он стоит и молотит языком с этими трэлями, как с равными. Сам викинг был верзилой под шесть футов, весу в нем было не меньше двух сотен фунтов, такой бушель с пивом поднимет и левой, и правой — на выбор. «Нечего сказать — хорош ярл! — дивился теперь викинг. — С воинами он перетолковать не хочет, зато с мелюзгой всякой лясы в охотку точит. С такими, как он, *skraelingjar*, не видать побед, как собственного носа».

Вслух же он громко, без обиняков рявкнул:

— Господин, тебя хочет видеть Совет.

Выполнив поручение, он развернулся и, не добавив ни слова, загромыхал своими сапожищами в обратном направлении.

Собравшись с духом, Озви решился произнести вслух то, что занимало его и всю армию.

— Дадим мы недругу бой, господин? Ведь нужно же когда-то нам найти управу на Ивара! И если б ты ему помял косточки прямо завтра, мы бы не возражали...

Шеф не мог не заметить упрека, но пропустил его мимо ушей.

— Если очень хочется, дать бой — дело нехитрое, Озви. Вопрос в том, готов ли ты к нему.

* * *

Стоило Шефу переступить порог шатра, где в этот раз разместился Совет Армии Пути, его словно окатили ледяной водой из ушата. Собравшиеся — включая Альфреда, всех членов Совета в лице Бранда, Ингульфа, Фармана, других жрецов и Гудмунда, а также представителей всех подразделений армии — разглядывали его с нескрываемой неприязнью.

Он занял свое место, привычным жестом нащупывая под правой рукой скипетр-точило.

— А куда подевался Торвин? — спросил он.

Фарман открыл было рот, но осекся, услышав яростный

глас юного короля Уэссекса. Тот уже освоил корявый англо-норвежский жаргон, нашедший пристанище при дворе ярла.

— Один человек, два человека — не в счет. Мы тут решаем то, что не откладывают. Мы и так потеряли кучу времени.

— Вот-вот, — загромыхал со своего места Бранд. — Знаешь, когда на хуторе живешь, можно просидеть всю ночь в курятнике, ждать, когда наседка яйца снесет... А утром выходишь на воздух, глядь — всех гусей лисица за ночь загрызла!

— И кто же эта лисица? — спросил Шеф.

— Рим! — воскликнул Альфгар, вскакивая на ноги и обводя пылающим взглядом собравшихся. — Рим, Церковь, о которых мы как-то забыли! Ты отобрал у них земли, я грозил лишить их всех доходов, и они натерпелись страху. Сам Папа перепугался.

— И что из этого?

— А то, что на английский берег высадились десять тысяч латников! И есть среди них франкская конница в броне — слышал о такой? Ведет их король Карл. У всех поверх доспехов и плащей нашиты кресты. Они всем говорят, что пришли защитить Церковь от посягательств язычников... Но как смеют они заикаться о язычниках?! Это мы, англичане, уже сотни лет сражаемся с язычниками! Мы, англичане, ежегодно посылаем в Рим лепту св. Петра, ибо хотим явить доказательство нашей верности. Я сам, — Альфред едва не задохнулся от переполнявшей его обиды, — я сам был отослан отцом своим в Рим, к покойному Папе Льву! Я был тогда еще мальчишкой, но Папа даровал мне титул его консула. И однако за несколько сот лет мы не дождались от Священного престола ни единого пенни, ни единого солдата, дабы поддержать наш отпор нашествию язычников! Но как только оказалась под угрозой церковная собственность, Папа Николай шлет сюда целую армию!!!

— Но ведь армия эта будет воевать с язычниками... Не исключено, что и с нами. Но только не против тебя.

Краска бросилась в лицо Альфреду.

— Ты забыл о том, что епископ Даниил отлучил меня от Церкви. Мои же лазутчики рассказывают мне, что эти воины с крестом на пузе твердят направо и налево, что в Уэссексе, дескать, нет короля и требуют признать сюзереном Карла... А пока мои подданные будут раздумывать, они успеют очистить каждый шайр до последней нитки! Считается, что они

пришли сюда воевать с язычниками. Но грабят и насилюют они только христиан!

— Чем же мы можем помочь тебе?

— Мы должны немедленно выступить и ударить по армии франков прежде, чем она обескровит мое королевство... Епископ Даниил либо мертв, либо скрывается в укромном месте, да и его мерсийские сторонники разбрелись по своим норкам. Мой королевский титул отныне не осмелится оспорить ни один англичанин. Верные мне ольдермены и таны уже сейчас сплываются. Я могу поднять всех рекрутов Уэссекса, со всех шайров без исключения. И если, как утверждают некоторые языки, лазутчики мои преувеличили силы врага, то я смогу сразиться с ним равным числом. Но верьте мне: я готов сражаться с франками любым числом! И все же, ярл, я буду безмерно признателен тебе, если решишь оказать мне помощь.

Он вернулся к своему креслу и принялся напряженно озиаться по сторонам, желая знать, встретила ли его речь поддержку.

Никто, однако, не произнес ни слова. Наконец Бранд изрек лишь единственное:

— Ивар...

Все взгляды обратились к Шефу. Возложив свой оселок на колени, он так и не нарушил молчания. Тяжелый приступ оставил после себя бледное и исхудалое лицо с жутковатыми выступами скул и сморщенной плотью вокруг похожей на воронку глазницы. «Знать не знаю, что у него на уме, — подумал Бранд, — но если правда, как говорит тот же Торвин, что в сновидениях душа его целиком выходит из тела, то хотел бы я знать, почему этого тела с каждым видением становится меньше...»

— Итак, Ивар, — наконец промолвил Шеф. — Ивар и его машины... Мы не вправе отмахнуться от них и бросить все силы на юг. Ибо Ивар теперь укрепит. Мерсийцы остались нынче без своего Бургреда, но они поспешат выбрать себе нового короля, чтобы тот поскорее заключил мировую с Иваром и спас бы королевство от разорения. Ивар согласится, зато разживется у них и деньгами, и людьми — как в свое время позаимствовал у Йорка его серебро и науку. Не своим же умом он дошел до этих машин... А значит, мы должны дать ему бой. Это будет мой бой с Иваром. Я знаю, что мы с

ним две нити одного спутанного узла, и, чтобы развязать его, одну из них придется разрезать... Что же до тебя, король... — Скипетр тем временем переключался в левую руку Шефа. Свиристые лица вперили в ярла свой властный и непреклонный взор. — На твоих плечах лежит забота о твоём народе. Не лучше ли тебе покинуть нас, собрать войско и повести его против твоих врагов? Каждому из нас суждено пройти через свою битву. И каждый будет сражаться в ней так, как научился. Пусть же христиане бьются с христианами, а язычники — с язычниками! А потом, если на то будет общая воля твоего бога и наших богов, мы вместе поведем эту страну к процветанию.

— Быть по сему, — промолвил Альфред, и кровь снова хлынула ему в лицо. — Я сейчас же соберу людей и выступлю часом позже.

— Отправляйся с королем, Лалла, — приказал Шеф старшине отряда алебардчиков. — Ты тоже, Озмод, — обратился он к командующему катапультами. — Проследите, чтобы король не имел недостатка в лошадях. Путь у него не короткий.

Оставшись с их уходом единственным англичанином в Совете армии, Шеф тут же перешел на плавный поток норвежской речи, приправленной галогаландским выговором, что заимствовал он у Бранда...

— Только хватит ли у него умения, чтобы одолеть франков? Расскажи, Бранд, что ты о них слышал.

— Нашего-то умения ему хватит, если он не зря здесь время тянул... По франкам надо бить тогда, когда они не ждут, лучше всего — когда костры погасят. Что там говорить — не выпотрошил ли этот волчара Рагнар, недоброй памяти, в те годы, когда отцы наши молоды были, все барахлишко из их главной крепости? А потом еще обложил короля франкского данью!.. Но если только молодой король вздумает с ними воевать английским умением, когда солнце в зените и герольды раструбили на сто миль вперед о походе... — Бранд недоверчиво фыркнул. — Когда еще жив был мой дед, франками правил великий король Карл — Карл Великий, Шарлеманом они его звали. Он заставил покориться самого Годфрида, короля датского! Франки, если им дать развернуться, всех могут порубать... И знаешь почему? Потому, что они сражаются, не слезая с коней. И вот однажды, как гром

среди ясного неба, налетят ястребы в седлах — подпруги подтянуты, волосы на конских бабках заплетены, или как там они их называют... Я, благодарение Тору, не наездник, а моряк — корабли, по крайней мере, на ноги тебе кучу не навалят... Но вот когда такой денек настанет, я бы никому не пожелал встретиться с ними в чистом поле. Если же Альфред захочет воевать с ними по-английски, то он наверняка именно этого дня и дождется...

— С одной стороны — конница, с другой — адские машины, — медленно промолвил Гудмунд. — Есть от чего аппетит потерять...

Члены Совета затаили дыхание, ожидая, чем ярл ответит на эту дерзкую выходку.

— Первым делом займемся Иваром и машинами, — сказал Шеф.

Глава 8

Уже не первый день по изумрудным лугам центральной Англии устало брели два диковинно выраженных человека: Альфгар, танов сын, любимчик одного покойного короля, и Даниил, облаченный в сутану, но лишенный причета епископ. Оба чудом унесли ноги от Иваровых конников после разгрома под Эли, более того, исхитрились сохранить при себе дюжину стражников и запасы денег и съестного, позволявшие им без особых тревог добраться до Уинчестера. Но вот тут-то и обрушились на них невзгоды.

Началось все с того, что однажды на рассвете епископ и Альфгар обнаружили, что лишились даже своего невеликого числом войска: то ли солдаты отплатили хозяевам за поражение в битве со злейшим своим врагом, то ли не желали более выносить грязные присловья Альфгара или взрывы необузданного епископского гнева, но только все до единого исчезли в ночи, захватив все запасы продовольствия, деньги и лошадей. Даниил повел своего спутника к ближайшему церковному шпилю, посулив Альфгару, что как только они предстанут перед местным священником, его епископские регалии смогут накормить их и добыть смену лошадей. До шпиля же им так и не суждено было добраться. В жужжащих как потревоженный улей местах, крестьяне предпочитают не оста-

ваться в своих жилищах, тем более если на дворе лето — они уходят с семьями в леса и строят из веток шалаши. Правда, епископские регалии Даниила не вызвали сомнений у приходского священника; он смог даже убедить свою паству не убивать на месте пару бродяг, более того, добился, чтобы епископу были оставлены самые эти регалии: кольцо, крест, золотая маковка на посохе... Со всем остальным пришлось расстаться, включая, разумеется, оружие и латы Альфгара. После чего, трясаясь от холода и страха, три ночи кряду беглецы осушали голыми животами росу на окрестных лугах.

И все же Альфгар, равно как и его единоутробный брат, а ныне — смертельный недруг Шеф, был сыном фенов. Ему ничего не стоило захватить ужей в силки, сплетенные из ивовых прутьев, или поймать в местных топях рыбу на булавку, выдернутую из рубахи, и подтаскивая ее к себе с помощью выпущенной из той же рубахи нитки. Мало-помалу оба перестали лелеять несбыточную мечту об избавлении, все больше полагаясь на свои способности. Наконец на пятый день их мытарств Альфгару удалось выкрасть двух коней из конюшни, охранявшейся одним нерасторопным конюхом, а заодно завладеть его ножом и обильно заселенным блохами одеялом. Дела их, казалось, пошли на лад. Правда, настроенная это обоим не прибавило.

Встретив у брода через Ли купца, готового явить большую отзывчивость при виде епископского кольца, они узнали от него о высадке франков. Это уже в корне меняло положение.

— Церковь не оставит в беде своих преданных слуг, — витийствовал Даниил, сверкая раскрасневшимися от усталости и воодушевления очами. — Я знал, что меч ее обогрится кровью язычников. Мне было неведомо, когда это произойдет и где. И вот теперь Господь явил свою силу: богобоязненный король Карл пришел сюда, чтобы очистить эту землю от скверны. Мы же отправимся к нему и поведаем ему свою повесть, расскажем о тех, кто заслужил великую кару, — о язычниках и о еретиках, пошатнувшихся в вере... И тогда нечестивое племя Пути, а также неблагодарные прихвостни Альфреда узнают, что мельницы Господни воистину мельят не скоро, но мелко.

— Куда же ты предлагаешь направиться? — угрюмо спросил Альфгар. Он отнюдь не жаждал отдаться под покрови-

тельство Даниила, однако отчаянно сознавал необходимость для себя сблизиться с партией, которой достанется победа в грядущей войне, чтобы наконец обратить раскаленное жало своей мести на заклятого недруга, похитителя невест, — вернее же, человека, который дважды лишил его женщины, и один раз — власти над шайром. По дюжине раз за день вспоминал он, трепеща от стыда, как проснулся, держа в руках березовые розги. Несколько физиономий, скалясь, нависли над ним. «Крепко спал! Ты ничего не слышал? Да у тебя этой ночью женщину увели! Отца твоего, который без ног и без рук, схомутали как следует, а тебя трогать не стали... И ты ни разу так и не проснулся?»

— Франкский флот пересек Узкий канал и причалил к берегам Кента! — воскликнул епископ. — Неподалеку от епископского престола при соборе Св. Августина в Кентерберии! Купец сказал, что они поставили лагерь в Гастингсе.

* * *

Карл, прозванный Лысым, король франков, переводил взгляд со стен Кентерберии, куда он прибыл после утомительного шестидневного объезда будущих данников, на нескончаемую процессию, вышедшую из открытых ворот города с тем, чтобы оказать ему надлежащие почести. В том, что это будет за процессия, сомневаться не приходилось: впереди ее реяли знамена с ликами святых, торжественно звенели благодарственные псалмы, веял дымок от кадил дяконов. За ними несли кресло с восседавшим на нем седобородым старцем, облаченным в пурпурную мантию и белую сутану, который мог оказаться только одним лицом — архиепископом Кентерберийским, наместником Святой Церкви в Англии. «Любопытно все же, — подумал Карл, — в моем лагере в Гастингсе обретается некто Вульфир, архиепископ Йоркский, который, чего доброго, захочет оспорить у этого старикашки право зваться архиепископом... Надо будет устроить им встречу и посмотреть, как они поладят...»

— А этого как зовут? — обратился он к своему коннетаблю Годфруа, гарцующему рядом на скакуне не хуже того, что был под королевским седлом. Седла же у обоих всадников были глубокие, с высокой передней и седельной луками, а ступни вставлены в стальные стремена.

Годфруа воздел очи горе:

— Его имя Кеолнот. Архиепископ Кантварабюригский...
Боже праведный, что за язык!

Наконец процессия достигла места и цели своего назначения. Утихли хвалебные гимны. Носильщики опустили кресло. Старик архиепископ, нетвердой ногой нащупав под собой опору, зашагал к безмолвному, угрожающего вида всаднику, с головы до пят закованному в латы. Он не поскупился на доспехи и для лошади. А за спиной всадника стелется дым. Горят окрестные села.

Архиепископ открыл рот и заговорил. Через минуту король не выдержал, поднял ладонь в железной рукавице и повернулся налево, чтобы обратиться к легату — папскому уполномоченному — Астольфо из Ломбардии, клирику, пока еще не возведенному в епископский сан. Пока.

— Что он такое говорит?

Легат передернул плечами:

— Понятия не имею. Похоже, он решил побеседовать с нами по-английски.

— Попробуй заговорить с ним на латыни.

Из уст легата посыпалась бойкая латинская речь, точнее — наречие, ибо легат произносил слова священного языка, разумеется, так, как могли выговаривать их современные обитатели великого города. Кеолнот, обучавшийся латыни по совсем другим источникам, слушал его, не подавая ни малейших признаков понимания.

— Но не может же быть, чтобы архиепископ не знал латыни! — промолвил наконец король.

Легат вновь пожал плечами.

— Что ты хочешь, государь, это и есть Английская Церковь, — сказал он, не отвлекаясь на попытки архиепископа что-то промямлить в ответ. — Правда, мы не знали, что дела обстоят так худо. Начать с клириков и епископов. Одеваются они не по церковному уставу. Литургию служат по устаревшему чину. Священники во время проповедей переходят на английский, потому что сами не знают латыни. Им хватило даже дерзости перевести слово Господне на свой варварский язык! А их святые! Можно ли испытывать благоговение, произнося такие имена, как Виллиброрд? Или Кинехельм? Фрайдсвайд, наконец? Смею надеяться, что после моего доклада

Его Святейшеству он лишит всех этих шарлатанов правомочий епископов.

— И что тогда?

— Здесь образуют провинцию, которая будет управляться напрямую из Рима. Подати будут поступать непосредственно в папскую казну... Разумеется, речь идет только о податях, уплаченных на духовные цели, включая десятину, плату за крестины и похороны. Что же до самой страны и владений светских вельмож, то они, конечно, поступят в распоряжение мирян... И их вассалов.

Король, легат и коннетабль обменялись понимающими взглядами, исполненными благодушия.

— Чудесно, — проговорил Карл. — Глядите-ка, наш хозяин, похоже, нашел попика помоложе, который в больших ладах с латынью. Объясните ему, что нам от них надо.

Когда наконец подошел к завершению перечень контрибуций, обязательных поставок, обязательных податей, призванных удержать франков от разграбления города, а также подлежащих немедленному выделению заложников и земельных участков, чтобы начать обустривать форт — в нем намерены разместиться пришельцы, — Кеолнот готов был отказать в доверии переводчику.

— Да ведь они собираются поступить с нами так, словно мы проиграли им войну, — запинаясь, пробубнил он ему на ухо, — но это ошибка, мы не враги им! Враги короля — язычники. Именно я, а также архиепископ Йоркский и достопочтенный епископ Уинчестерский просили его помощи. Объясни же, наконец, королю, кто я такой. Скажи, что произошла ошибка.

Карл, который уже готов был обернуться к сотням закованных в доспехи ратников, ждущих одного взмаха своего повелителя, приостановился. Слов епископа он понять не мог, но недоуменный лад речи подсказал ему, в чем дело. По невзыскательному мерилу франкской военной аристократии образованность монарха была вполне удовлетворительной. В молодости ему довелось зубрить латынь и даже читать повествования Тита Ливия о римской истории.

Ухмыльнувшись, он вытащил свой длинный заостренный с обоих концов меч. Лезвие дрогнуло и покачнулось на манер весов негоцианта.

— А тут и переводчика не понадобится, — сказал он Год-

фруа. Затем, наклонившись в седле к старому епископу, ясно и внятно вымолвил два слова:

— *Vae victis.*

«Горе побежденным».

* * *

Одну за другой перебирая возможности захвата лагеря Ивара, Шеф взвешивал их, как осторожный шахматист, одержимый желанием представить себе все последствия своего хода. Но партия, которую он затевал, в любом случае должна была разыгрываться иначе, чем предыдущие. В новых условиях старые приемы войны ни к чему, кроме потери жизни, а в конце концов и поля боя, не привели бы.

Куда легче было бы предложить воинам сходиться с врагом сомкнутым строем, колоть и рубить, пока сильнейший не одолеет. Он не сомневался, что в сердцах его викингов, истомившихся по славному звону сечи, зреет недовольство нововведениями. Но Ивара с его орудиями можно было сокрушить только с помощью чего-то непривычного. Точнее, непривычное нужно соединить с привычным.

Ну конечно! Необходимо найти удачное сочетание старых и новых приемов. Все равно как в тот день, когда он смог соединить мягкое железо и твердую сталь и выковал из них меч, потерянный в битве при Стауре. Вдруг в мозгу его воссияло слово.

— *Flugstrith!* — крикнул он, вскакивая на ноги.

— *Flugstrith?* — вопросительно посмотрел на него Бранд, шурясь в окутавшую лагерь мглу. — Что-то я тебя не понял.

— Именно так мы и выиграем битву. Мы устроим Ивару *eldingflugstrith*...

Бранд смотрел на него с искренним недоумением.

— Битву молний?! Я уверен в том, что Тор воюет на нашей стороне, однако сомневаюсь, чтобы тебе удалось убедить его начать разить наших врагов прямо с неба...

— Да ведь я не разящих молний от Тора ожидаю. Я только хочу сказать, что наша битва будет подобна вспышке молнии. Я чувствую, что нашел решение, Бранд. Мне надо только обдумать все хорошенько, довести все до ума... Скоро мы будем знать весь ход битвы от начала и до конца — так, словно бы она уже закончилась.

И вот сейчас, спокойно поджидая, когда начнут редеть предрассветные сумерки, Шеф твердо знал, что замыслу его суждено воплотиться. Ибо его одобрили и доблестные викинги, и жаждавшие пострелять из катапульт соотечественники. И честное слово, лучше бы ему воплотиться. Шеф не мог не видеть, что после его вызывающей отлучки в лагерь мерсийцев за Годивой, а потом срама, постигшего его на виду всей армии, ему будет несдобровать, если он и в этот раз умудрится обмануть зыбкое доверие своих воинов. Он и без того чувствовал, что многие вещи ему стараются не объяснять. Ничего вразумительного он не смог вытянуть из членов Совета касательно внезапного исчезновения Торвина и Годивы.

И, как когда-то перед стенами Йорка, он думал сейчас о том, что рубка да сеча в новых условиях недорого стоят. Во всяком случае, не в этой битве... Правда, как бы он тому ни противился, время от времени всплеск ужаса люто ошпаривал его внутренности, ужаса, не имевшего ничего общего с боязнью поражения, смерти или бесчестия. То был ужас перед драконом, обитавшим под личиной Ивара. Шеф в очередной раз подавил тошнотворный приступ, поднял голову к первым светлым разводам на все еще черном небосводе и устремил вперед долгий немигающий взор. Ему не терпелось увидеть очертания логова Рагнарссона.

Это логово Ивар обустроил в точности по образцу того самого стана к югу от Бредриксворда, в который вторгся отважный король Эдмунд. Глубокий ров, затем вал с вкопанным в него частоколом представляли собой три стороны квадратного укрепления, с последней стороны защищаемого Узом, на заваленные илом берега которого выволок Ивар свои лады. Часовой, что прохаживался сейчас по валу вдоль частокола, сам был участником той битвы и, чудом оставшись в живых, не нуждался в наставлениях о повышенной бдительности. Темное время суток было, конечно, самым тревожным, однако длилось оно совсем недолго. Увидав, как светлые всполохи подернули край небосвобода и почуяв свежий ветерок, который обыкновенно предшествует восходу, часовой расслабился и принялся мечтать о том, каким может обернуться для него новый день. Меньше всего он желал стать свидетелем очередного кровопускания этого мясника Ивара. И почему только они прилипли к этому месту? В кон-

це концов, если Сигвардссон пообещал Ивару сразиться с ним на Эли, Ивар этот вызов принял. А стало быть, пусть Сигвардссон думает, как отмыться от бесчестия.

Часовой задержал шаг и на мгновение прислонился грудью к частоколу. Не стоит думать о постороннем. И все-таки в ушах так и стоят звуки, которые сопровождали нынче лагерную жизнь с утра до самого вечера, — стенания пленников, зверски казнимых Иваром. Здесь, у частокола, в свежерытой яме сложены тела двухсот мерсийских воинов — итог недельной бойни, учиненной Рагнарссоном. Где-то неподалеку ухнул филин. Часовой вздрогнул. Уж не дух ли одного из этих несчастных явился к викингам, алчущий свершить над ними святое дело мести?

Это была последняя мысль в жизни часового. Гудение отпущенной тетивы достигло его слуха уже после того, как поперхнулась железом гортань. В тот же миг на вал вскарабкались темные фигуры, подхватили мертвого и, бесшумно опустив тело на землю, замерли в ожидании. Они уже знали, что крик филина предвестил молниеносную гибель всех остальных часовых, поставленных у частокола.

Даже самая мягкая подошва, ступая по траве, будет испускать шорох. Две сотни бегущих ног устремились к лагерю подобно пене, шебуршащей в прибрежной гальке. Понеслись к западной стене неустойчивые тени. Момент для их появления был выбран с особой тщательностью. Их очертания едва выступали из нетронутого светом сумрака, тогда как противная сторона, когда проснется, будет неизбежно уязвима на фоне занимающейся зари.

До рези в единственном оке ярл Пути вглядывался в зардевшие острия частокола. Исход битвы будет ясен ему через несколько мгновений. Ибо все свершалось по образцам, однажды уже испробованным при приступе Йорка, — только все делалось проще и быстрее. Не было ни громоздких башен, предпринимавших тогда его успех, ни размеренности при смене различных его этапов. Ивар вполне мог бы оценить замысел Шефа — внезапная искрометная вылазка, победа или поражение — вопрос пары минут.

Его всегда готовые поплотничать умельцы сколотили мостки из прочных досок — двенадцать ярдов в длину, три в ширину, обили их планками и прихватили железными скобами длинные рукояти, которые выпирали из-под мостков в

разные стороны. Сейчас их лихо волокли на себе викинги, привычно сжимая деревянные поверхности и гордые от сознания собственной мощи, требуемой для подъема и перемещения на полном бегу такой тяжести к стенам укрепления.

Впереди мчались, конечно, самые ражие молодцы. Ока завшись у рва, они дружно ухнули, не только переведя дыхание после своего могучего рывка, но и запасаясь воздухом для заключительного усилия: передний край мостков должен был взлететь над уровнем земли футов на семь, а этого хватило бы, чтобы опрокинуть его на шестифутовый частокол укрепления.

В следующий миг Шеф увидел, что его расчеты оправдались. В последнем яростном броске перемахнув через ров, викинги с грохотом обрушили мостки на острия частокола, проворно отскочили в сторону и скатились на дно канавы.

Их же товарищи, бежавшие сзади, мгновенно поставили мосты и уже сотрясали деревянные настилы своей нешуточной массой, а еще через мгновение оказались в логове своего заклятого врага. Первый, второй десяток воинов Пути уже в лагере Ивара, а теперь уж и не меньше сотни... Наконец их примеру успели последовать тяжеловесы, опрокинувшие мостки на вал укрепления.

Шеф позволил себе улыбнуться. Что ж, он повелел сколотить шесть мостков, и пять из них приставлены к частоколу. Край одного виднеется из канавы, откуда сейчас выполнят, кляня все на свете, викинги, озираясь в поисках ближайшего мостка, дабы немедленно поддержать порыв более удачливых товарищей.

И вот над лагерем поплыли, сливаясь в страшный вой, вопли ужаса и предсмертные стенания. Поначалу их сопровождал только глухой перестук боевых топоров, рубящих человеческую плоть. Но по мере того как успевшие проснуться хватались за оружие, пространство над лагерем огласилось свирепым клацаньем. Шеф ждал именно этого мгновения. В последний раз он бросил взор на светлый край небосвода. И так, воины неукоснительно выполняют задачу. Не просто уничтожают все на пути, но держат строй. И не замедляют шага, несмотря на свою обильную работу. Можно было начинать.

Шеф бросился к восточной стороне укрепления. Там своего участия в приступе ожидали английские солдаты Пу-

ти. Заслышав первые звуки завязавшейся сечи, они немедленно двинулись на лагерь. Оставалось надеяться, что Шеф не погрешил с расчетами. Он расставил их в двухстах ярдах от ограждения, вычислив, что если они начнут движение при первых звуках сражения, у стен лагеря они будут именно тогда, когда сражение это будет в самом разгаре. И тогда все Иварово войско будет иметь перед собой только одну цель: отбить вылазку викингов с запада. Во всяком случае, он истово на это надеялся. У угла частокола он оказался одновременно с первыми рядами алебардщиков.

Помимо своего оружия, те тащили охапки валежника, которые уже через секунду покрыли дно рва, а через пару дали возможность англичанам обрушить лезвия алебард на деревянные столбцы частокола и кромсать кожаные лямки, служившие им креплением.

Тут же появилась вторая волна наступающих — то были арбалетчики, они пустили в дело кинжалы, отсекали уцелевшие обрывки лямок, валили ограду, проникали внутрь лагеря сквозь проделанные бреши, а некоторые — просто перепрыгивая поверх устоявших столбов.

Шеф поспешил за ними, не без труда прокладывая дорогу в толчее устремившихся в лагерь потоков. Впрочем, ни в каких наставлениях никто из них не нуждался. Арбалетчики, следуя многократно отработанному накануне приему, отсчитали ровно по десять шагов от частокола, остановились и срослись в единую линию. Другие замерли чуть позади, образуя теперь вместе с первыми сдвоенный ряд, протянувшийся от стены до реки. А самые быстроногие кинулись вперед, срубили растяжки на палатках и поспешно откатились в сторону, ибо арбалетчики уже натягивали тетиву на ворот своего оружия.

Их успели заметить лишь несколько полковых шлюх да сопливых пацанов, которые, постояв с миг с разинутыми ртами, тут же и бросились врассыпную, так что ветер свистел в ушах. И однако ни одного Иварова головореза не объявилось; похоже, все они были увлечены знакомым ляганьем, раздававшимся у западной стены.

Шеф выбрался на один шаг вперед из сомкнутых рядов, вскинул руку, оглядев непреклонные лица, застывшие в ожидании команды своего ярла. Рука рассекла воздух, и все лица

на миг развернулись к мишени. Мгновенный прицел — и сотни смертоносных пчел одновременно сорвались в воздух.

Короткие крепкие стрелы неслись по лагерю, сражая на своем пути людей, пронзая кожу и кольчуги, распарывая полы палаток.

Первая шеренга уже успела натянуть тетиву для перезарядки, а вторая прошла вперед, дождалась взмаха руки ярла и обрушила на лагерь вторую волну смерти.

Испуганные вопли, крики тревоги смешались с перебившим гул сражения многоголосым стенанием. Обернувшись, викинги Ивара с ужасом видели, как тылы их строя выпалываются подчистую. Тем временем викинги Пути и не думали повременить со своим неистовым натиском, желая, напротив, вложить в него все силы без остатка, поскольку им было обещано, что он продлится считанные мгновения.

Первый отряд лучников снова изготовился к стрельбе. Покончив с перезарядкой самострела, каждый арбалетчик ступал в бреши между стрелками из второго отряда и спешил сомкнуться со своими товарищами. Кому-то это удавалось сделать быстрее, кто-то замешкался. Шеф, скрипя зубами от нетерпения, дождался, пока ряд не сомкнулся — это было важно для того, чтобы придать залпу по-настоящему убойную силу, — и затем снова сделал отмахку.

Англичане успели дать четыре залпа. После четвертого к ним уже бежали озверевшие воеводы викингов, на ходу выкрикивая команды, пытаясь построить защитников лагеря. Ноги последних то и дело увязали в тлеющих угольках костров и в ворохах обрушенных палаток. Когда же они подобрались, англичане вновь исполнили распоряжение ярла. Тот, кто успел зацепить тетиву на собачку, произвел последний выстрел и стремглав уносился прочь вслед остальным арбалетчикам — а точнее, мимо и за спины воинов с алебардами, которые изготовились к бою за их спинами и сейчас чуть расступались, давая проход лучникам. Спустя миг они вновь сомкнули ряды и ошетинились остриями алебард.

— Ни шагу вперед, стоять на месте! — крикнул Шеф. Последний арбалетчик исчез из виду. Трудно сказать, услышан ли был его призыв, — рев сражения становился оглушительным. Оно готовилось вступить в стадию, в обсуждении которой Бранд прибежал к самым мрачным предсказаниям: он не

верил, что эта худосочная мелкота устоит против напора громил Ивара.

Англичане четко выполняли приказ. Недвижимо застыв на месте, они выровняли ряд наконечников своих оружий, причем воины во втором ряду положили алебарды на плечи товарищей. Даже тот из воинов, чьи внутренности сейчас разьедал червячок страха, понимал, что от него не ждут подвигов. Он должен выполнить лишь то, что ему по силам. Да и ударной мощи натиску викингов уже явно не доставало. Многие были сметены железным шквалом, выпущенным из арбалетов, причем немало среди них оказалось воевод Ивара; другие же колебались или, во всяком случае, были не готовы к решительным действиям. Волна атакующих, как неизбежность, накатывалась на англичан по частям и разрозненно. Первым делом нападавшего ждал тычок наконечником алебарды, затем сыпались удары лезвием топора, а попытки викингов прорубить бреши в рядах, не пожелавших защитить себя щитами, пресекались внезапными выпадами алебард из второго ряда. Очень скоро викинги вынуждены были бесславно откатиться назад, свирепо озираясь то на недогнущий строй немощных с виду врагов, то друг на друга, желая, видимо, решить, кто из них возглавит следующую попытку прорыва.

Но за их спинами уже гремело ликующее эхо. Бранд-Убийца, почувствовав, как редет и комкается строй врага, державший его молодцов, наскоро отобрал самых могучих из них и бросил в сердцевину сечи. Те в считанные секунды начали одолевать. Строй распался. Ратоборцы Бранда стремительно оттирали смешавшиеся ряды в разные стороны, расчищая простор для остальных нападавших.

Сплошь и рядом воины Рагнарссона кидали на землю мечи. Сражаться далее не имело смысла.

Наблюдая за ходом битвы со стороны реки, Ивар Рагнарссон не испытывал на этот счет сомнений. Сон на «Линдормре» — так назвал он свою ладью — оказался слишком глубоким. Из-под одеял он выскочил тогда, когда оставалось лишь созерцать, но никак не пытаться менять ход сражения. А теперь — вновь испытывать леденящий привкус поражения.

Он знал, почему это произошло. Бойня, которая не прерывалась в течение этих нескольких дней, врачевала его душевные раны. Он наконец дал себе роздых, утолив снедав-

шее его бешенство, ранее утишаемое разве что нечастыми и непостоянными подношениями в виде любезностей его братьев, а также прилюдными истязаниями, которые Великая Армия готова была до поры до времени стерпеть. Итак, он ублажил себя, но пресытил кровожадность своих головорезов. Боевой дух пошатнулся. Не чересчур, но достаточно для того, чтобы вложить чуть меньше рвения в то бешеное усилие по защите лагеря, которое требовалось во время этой вероломной вылазки.

Собственное поведение не заставляло Ивара сокрушаться. Его терзало лишь то, что у руля этой вылазки стоял, разумеется, Сигвардссон. Это его повадки: ночная атака, как можно более быстрое проникновение внутрь укрепления, а потом, когда его люди изготовились отразить напор, подлейшая вылазка с тыла. Не лучше ли вновь избежать такого желанного еще вчера свидания? Победители тем временем во всю наседали и приготовились угостить Ивара еще одной неожиданностью, загодя спустив вниз по течению Уза на утлых шаландах и плотиках и переправив на другой его берег с десятком вращательниц и камнетолкалок. Первые уже выстроились на берегу усилиями усердных керлов. Когда же свет забрезжил сильнее, Рагнарссон увидел нацеленные на его корабли камнетолкалки, что стояли чуть в отдалении.

На самом же «Линдормре» к орудиям приникли еле живые от страха рабы Йоркского Минстера. При первых признаках нападения они сорвали с машин чехлы, закрутили рычаги и вложили стрелы. Теперь они недоуменно поглядывали на Ивара, теряясь в догадках, какой он предложит им взять прицел. Тот тем временем поднялся на борт и запрыгнул на планширь.

— А ну, отчаливай, — крикнул он. — Бросьте машины. Берите шести. Мы уходим.

— Ты так быстро решил бросить свою армию? — спросил Дольгфинн, наблюдавший за этой сценой в окружении нескольких бывалых шкиперов. — Ни разу даже не подняв на врага меч? Если начать рассказывать об этой истории, кое-кому это может не понравиться...

— Я не бросаю армию. Я хочу подготовиться к удару. Прыгай на борт, пока не стало поздно. Но у тебя есть выбор: можешь ловить здесь миг удачи, чтоб продать себя подороже, как старая потаскуха...

От такого оскорбления краска мигом хлынула в лицо Дольгфинна; он шагнул вперед, стискивая рукоять меча. Вдруг на виске его словно выросло красное оперение, и он грохнулся оземь. По павшему к их ногам лагерю веером развернулись арбалетчики, добывая то, что они готовы были принять за очаги сопротивления. Ивар юркнул за толстые брусья своей машины, стоявшей на самом носу судна. Не имевшие сноровки в таких делах рабы долго отталкивали «Линдорм» от берега, и взгляд его вдруг упал на знакомую сухопарую фигуру, оставшуюся стоять на берегу.

— Ты... быстро. Прыгай сюда.

Архидиакон Эркенберт явно против своей воли приподнял полы рясы, перелетел через узкую полосу воды и угодил прямо в объятия Ивара.

Ивар внушительно ткнул пальцем в сторону арбалетчиков, которых нетрудно было разглядеть в брызнувших лучах солнца.

— А вот еще одни устройства, о которых ты забыл мне рассказать. Ты, видать, и сейчас мне скажешь, что их просто не существует. Знай: если я сумею дожить до завтрашнего дня, то сумею и вырезать из твоей груди сердце, а от Минстера твоего не оставлю камня на камне.

Рабам же он скомандовал:

— Кончайте с этим. Бросьте якорь. Скиньте на берег сходни.

Окончательно сбитые с толку рабы, поднатужившись, скинули на берег громоздкие, в два фута высотой, сходни с планширя. Ивар подкатил к себе машину так, чтобы ее опорный брус оказался за его спиной, словно спинка кресла, устроился поудобнее, все так же при этом сжимая запястье архидиакона, и приготовился созерцать истребление своего войска. Страха у него не было, а дума на сердце была одна: единственная: омрачить врагу радость победы, сдобрить горчинкой его ликование...

* * *

Сопровождаемый бдительной свитой, Шеф широкими шагами продвигался в глубь поверженного лагеря. Шлем был нахлобучен по самые глаза, алебарда мерно покачивалась на плече. В этом бою он не нанес и не отразил еще ни

единого удара. Армия Пути уже сгоняла пленников, как мусор веником, в одно место. Кое-кто из уцелевших пытался искать спасения, разбегаясь в обе стороны у реки группками по двое или по трое. Эти, разумеется, уже не могли представлять из себя боевой силы.

«Я победил, — твердил себе Шеф, — и победил играючи. Мой замысел удался на славу. Что же тогда свербит в утробе? Играючи, именно играючи... Боги этого не любят: они желают получить жертвы за некоторые из своих милостей». Завидев далеко впереди шлем Бранда, он вовсю припустил бегом. Великан вел своих воинов к кораблям, ровняя с землей стан врага. Вдруг мачта одной из ладей озарилась золотой вспышкой; поймав солнечный луч, метнулось с мачты и кануло вниз полотнище. То была гадюка Ивара. Рагнарссон своими руками сломал свое знамя.

Бранд теперь не спешил. Поставив ногу на планширь «Линдормра», разодевшись в свои шегольские ярко-зеленые штаны, рубаху, кольчугу и серебряный шлем, Ивар явно поджидал именно его. Алый плащ лежал у его ног, зато в косых лучах рассвета испускала багряное сияние вороненая поверхность щита. Рядом с Иваром с выражением застывшего ужаса на исхудалом лице находился тшедушный христианский клирик.

Когда и той и другой стороне стало ясно, какие грядут события, сеча прекратилась сама собой. Викинги из обеих армий мерили друг друга пристальными взглядами, кивали, выражая тем самым согласие относительно ее исхода. Когда же подоспели английские воины, менее склонные к деловитости в таких вопросах, враги поспешили бросить к их ногам свое оружие и просить их милости. Теперь уже все — англичане и норвежцы, люди Пути и разбойники — подобрались поближе к ладье, желая знать, что предпримут их вожди. Оказавшись за плотным кольцом наблюдателей, Шеф проклятиями и тычками прокладывал себе дорогу вперед.

Бранд на миг сбавил ход. Нужно было хоть немного отдышаться после недолгой — около десяти минут, — но неистойвой встряски. Потом он шагнул к сходням и поднял правую руку, рассеченную промеж двух пальцев в памятной им обоим битве с королем Эдмундом. Он поиграл пальцами, показывая всем, что рука его вполне выздоровела.

— Ты помнишь, Ивар, мы с тобой кое о чем столкова-

лись, — начал он. — Было так: я посоветовал тебе, Ивар, присматривай за своими девками! Ты этот совет не принял. Может быть, ты просто не знаешь, как это делается? А ответил ты так: когда, Бранд, мое плечо срастется, тогда я вспомню твои слова. А я сказал тебе, что когда заживет моя рука, я сам тебе о них напомним. Видишь, я свое слово сдержал. Ну а ты? Боюсь, ты надумал отправиться куда-то в плавание.

Ивар усмехнулся, обнаруживая ряд ровных клыков. Очень медленно он вытащил из ножен меч, а украшенные резьбой ножны швырнул в воды Уза.

— Подойди, и сам все узнаешь.

— А почему бы тебе не подойти ко мне? Оба будем твердо стоять на ногах. Не бойся, я буду драться один. А если твоя возьмет, тебе дадут спокойно подняться на борт и уйти.

Ивар покачал головой.

— Если ты такой храбрый, заходи на сходни. А на ногах надо твердо стоять везде! — И с этими словами он спрыгнул на мостки и сделал два шага к берегу. — Думаешь, я пытаюсь извлечь для себя пользу? Зря! Мы будем стоять с тобой и драться на сходнях! А уж после кто-то из нас уступит другому дорожку...

Толпа воинов отозвалась на эти слова гулом одобрения, нараставшим по мере того, как замысел Ивара становился им понятен. Ведь на первый взгляд Рагнарссон не мог надеяться выйти живым из этого поединка. Ивар был фунтов на семьдесят легче Бранда, а макушка его едва доходила Бранду до плеча. В умении и опыте владения оружием Бранд также никак не уступал Рагнарссону. И однако все знают, что дерево сходя прогибается под ногами одного человека. Что будет, когда на них начнут выплывать два воина? И один из них — такой боров, как Бранд? Каково будет плясать на таком настиле? И не значит ли это, что оба — а быть может, только один из них — растеряют в таких условиях всю свою сноровку и ловкость? Ивар тем временем принял стойку — ноги расставил настолько широко, насколько это позволяли предложенные им условия, руку с мечом выбросил вперед, не пытаясь пригнуться за щитом, как делают воины, стоящие в строю.

Бранд не спеша приблизился к сходням. Одна его рука сжимала огромный топор, к другой был прикручен ремнями круглый щит. Основательно и неторопливо принялся он от-

стегивать ремни. Наконец, когда щит скатился ему под ноги, взял топор обеими руками. Когда Шеф, задыхаясь, протолкался к мосткам, он увидел, как Бранд прыгнул на доску, выбравшую Иваром для поединка, дважды подскочил на ней и, оказавшись подле врага, нанес страшный удар слева и сверху, целясь в Иварово лицо.

Ивар легко отпрыгнул назад, уступив противнику только те шесть дюймов, на которые необходимо было отвести голову. Тут же, пригнувшись под повторным ударом, он сам постарался рассечь бедро Бранда. Тот отбил лезвие вниз своим окованным древком и похожим рубящим движением обрушился на руку, это лезвие сжимавшую... Далее в течение секунд десяти едва ли кто-либо из наблюдателей боя мог сказать, что происходит: два ратоборца успевали осыпать друг друга шквалом ударов, отражать их, нырять под замахами противника, отводить плечо, пропуская в последний миг лютый выпад или рубящий удар. При этом ни один из них не сдвинулся с места.

По прошествии этих десяти секунд Бранд, отведя вверх очередной выпад Ивара, сделал полшага вперед, взлетел над сходнями и приземлился всем своим чудовищным весом на их середину. Глубоко прогнувшись, деревянный мостик тут же подбросил обоих бойцов вверх, и вот тут-то Бранд со страшной силой ткнул Ивара в висок окованным в железо обухом своего топора. Раздался оглушительный скрежет — удар приняла на себя боковая пластина шлема. И в то же мгновение Ивар, уже успевший выпростать руку для нового удара, с нечеловеческой силой вогнал свой клинок в утробу Бранда, раскромсав по пути кольца его кольчуги.

Второе приземление Бранда нельзя было назвать устойчивым. Ивар же даже не пошатнулся. На миг оба застыли, спаянные меж собой страшной железной скобой. В следующий миг, как только Ивар начал сжимать рукоять меча, готовясь одним вращательным усилием изодрать в клочья внутренности и артерии своего врага, Бранд опомнился, что было силы отпрыгнул назад и соскочил с Иварова клинка. Теперь, оказавшись на самом краю доски, он нащупывал левой рукой рану, судорожно пытаясь остановить потоки крови, что хлынули сквозь пробоину в кольчуге.

Схватив его одной рукой за ворот, другой — за талию, Шеф оттащил его со сходней, отпихнул, уже едва стоявшего

на ногах, себе за спину. Со стороны зрителей слышались возгласы неодобрения и протеста. Кто-то, правда, пытался подбодрить его. Сжимая алебарду обеими руками, Шеф шагнул на сходни. В первый раз с того дня, когда его лишили глаза, увидел он перед собой лицо Ивара. И тут же поспешил отвести взгляд. Если Ивар и впрямь — дракон, как в том видении, где ему явился Фафнир, тогда в его силах наложить на него свои черные чары, вселив в него чувство ужаса и беспомощности... Чары, которые не сможет разрушить стальной клинок.

На лице Ивара тем временем выступила презрительная и горделивая гримаса.

— Опоздал ты на наше свидание, петушок, — прохрипел он. — Или ты думаешь, что способен заменить собой продырявленных ратоборцев?

Шеф заставил себя поднять глаза. Теперь он смотрел на своего врага в упор. И сознанием его тут же властно овладела Годива. Какую участь готовило ей это чудовище, которое сейчас смотрит на него из человеческой личины? Ту же, которой подвергло оно своих бесчисленных наложниц и рабынь... Если существовало заклятие против Иваровых чар, то это была мольба о воздаянии.

— Я способен заменить неспособных, — проговорил Шеф. — Да и не только я. Здесь все, кроме тебя, с этим делом управятся. Понимаешь теперь, почему я послал тебе каплуна?

Ухмылка Ивара вдруг обратилась в ледянистый душу оскал, застывший и огромный, как на оставшемся без плоти черепе. Он легонько постучал острием меча по настилу.

— Давай, — прошептал он, — давай подходи...

Шеф уже знал, что ему делать. Упражняться с Иваром в искусстве владения оружием значило обресть себя на почти мгновенную смерть. Его сила в другом. Прежде всего нужно вывести Ивара из равновесия. Да, вывести из равновесия. Использовать его нескрываемое презрение к себе...

Осторожно продвигаясь по сходням, Шеф неуклюже попытался ткнуть врага наконечником своей алебарды в лицо. Ивар отвел удар в сторону, не только не дернув туловищем, но и не скосив взгляда. Но атаковать не стал, решив подождать, когда его бестолковый противник подтянется поближе и откроется уже целиком.

Теперь Шеф делает высокий-превысокий замах. Кажется, он приготовился расцечь своего закованного в латы противника пополам, от макушки до чресел. Ивар снова расплылся в ухмылке. С берега разочарованно загудела толпа воинов. Да ведь это не хольмганг, где можно крушить противнику кости, потому что он не вправе сделать и полшага в сторону. Даже дряхлый старик способен увернуться от эдакого удара, а потом еще успеет сделать шаг вперед и проткнуть горло такому вояке, пока он будет оправляться после своего промаха. Такой прием с ним, с Иваром, может испробовать разве что трэль, случайно взявший в руки оружие. Каковым, если разобратся, и является Сигвардссон.

Шеф вложил в удар всю свою силу. Против ожиданий огромное лезвие алебарды было направлено не на Ивара, но в доску сходен, на которой стояли оба противника. Раздался хруст расщепленного дерева. Алебарда расколола мостки надвое. Ивар, потеряв и спесь, и равновесие, отпрянул назад, к ладье. Не теряя времени, Шеф выпустил из рук древко алебарды, бросился на врага, обхватил его за туловище и в тот же миг повалился вместе с ним в мутные и прохладные потоки Уза.

Когда же оба оказались в реке, Шеф неожиданно для себя вздохнул, но вместо воздуха вобрал в дыхательные пути жидкость. Задыхаясь и барахтаясь, он рванулся к поверхности. Но сильные пальцы Ивара уже вцепились в него. Мало того, вода просочилась под шлем, и теперь его голова стала словно вдвое тяжелее обычного. Вокруг горла свила кольцо могучая змея. Другая рука Ивара свободна, он нащупывает ею перевязь, пытается выдернуть кинжал. Отчаянным усилием Шеф сковывает запястье Ивара, оба всплывают и начинают неистово кувыркаться на поверхности. Но едва Шеф успевает наполнить легкие воздухом, как Ивар подминает его под себя, и Шеф идет ко дну, придавленный его весом.

Внезапно тот тошнотворный спазм, который стоял у него в горле с первых мгновений схватки, тот ледянистый внутренности ужас перед Фафниром, канул в небытие. Ибо канул в небытие тот дракон. Не было ни чешуи, ни панциря, ни жуткого взора, встреча с которым заказана смертному... С ним боролся человек, мужчина... Даже, пожалуй, и не вполне мужчина, с ликованием пронеслось где-то в темноте его сознания.

Вертясь и изворачиваясь с проворством ужа, Шеф притянул туловище врага поближе, и вдруг, нагнув голову, боднул его железным ободом своего шлема. Тем самым ободом, который он время от времени оттачивал напильником, пока тот не обретал качества бритвы. Хруст твердого предмета, вслед за ним — что-то податливое. Впервые Ивар сам пытается уйти из захвата. А над рекой уже стелется громкое эхо: бдительные зрители заметили, как краснеет поверхность Уза над невидимыми врагами. Шеф раз за разом пускает в ход тот же прием, но вдруг понимает, что Ивар уже сменил захват, вновь зажал его гортань мертвой хваткой и вдобавок навалился на него. Через мгновение Ивар уже ловил ртом воздух, набираясь сил с каждым сделанным вздохом, тогда как возможности Шефа стремительно шли на убыль.

И тогда правая рука Шефа, словно бы по собственной воле, нащупала колено Ивара. «Это, конечно, не *drengskapr*, — успел подумать Шеф. — Бранду было бы за меня стыдно. Но это лучше, чем разделить на мелкие кусочки Годиву, словно зайчиху на жаркое...»

Рука его неумолимо подползла под рубаху и проникла в промежность врага; судорожной хваткой утопающего обхватил он весло Ивара у самой его уключины, сдавил, скрутил и рванул на себя, призвав на помощь все проведенные у наковальни годы. Где-то над поверхностью реки уже помутившееся сознание уловило нечеловеческий, душераздирающий визг. Но Уз утопил его, заглушил своими илистыми водами. Когда легкие Шефа также дали течь, впустив в себя удушающие потоки, он твердил про себя одно: «Давить, давить... Только не выпускать...»

Глава 9

Рядом с постелью сидел Ханд. Шеф с минуту не сводил с него взгляда, затем, словно ужаленный притаившимся насекомым, резко подскочил на ложе.

— Что с Иваром?

— Ну-ну, не так шибко, — проговорил Ханд, мягко отталкивая его от себя. — Ивара больше нет. Остались одни рожки до ножи.

Язык ворочался во рту, что весло в илистой заводи. С громадным усилием Шеф выдавил:

— Как это?!

— Сразу и не скажешь, — рассудительно отвечал Ханд, — может статься, что просто утонул. Или потерял слишком много крови. Ты ведь ободком шлема искромсал ему все лицо и шею... Хотя, по моему разумению, он умер от боли. Ты же держал его мертвой хваткой... Понимаешь, о чем я? Мы потом вынуждены были поработать ножом, чтобы высвободить туловище. Так что если бы он к тому времени еще не издох, мы бы прикончили его в этот момент. Забавное дело, — неторопливо продолжал Ханд, — он оказался вполне нормальным мужчиной. В смысле устройства тела. И если у него выходили передрыги с женщинами — то это только по вине его головы. Все остальное у него было на месте.

Не сразу сквозь сумбур, царивший в сознании Шефа, всплывали вопросы, которые задают в таких положениях.

— А кто меня самого вытащил?

— Ах да. Квикка со своими приятелями. Викинги-то просто стояли на бережку и тупо глазели. У них на родине, видно, существует такая забава: два человека пытаются отправить друг друга на дно. Пока кто-то из них не победит, зрители не трогаются с места. Не имеют права, если хорошо воспитаны. К счастью, у Квикки в воспитании были изъяны.

Шеф старательно воссоздавал картину поединка на шатких мостках. Вдруг с пронзительным чувством он припомнил, как Бранд пытается сорваться с Иварова клинка...

— Что с Брандом?

На лице Ханда мгновенно выступило выражение профессиональной озабоченности.

— Трудно сказать. Может, и выживет... Силища в этом человеке необыкновенная. Но лезвие проникло в кишки. А куда ему было деваться? Слишком глубоко Ивар его проковырял. Я дал Бранду чесночную муку, чтобы отвлечь от себя внимание, сам нагнулся и втянул запах из его внутренностей. Воняло уже изрядно. Чаще всего вслед за такой штукой однозначно наступает смерть.

— А в этот раз?

— Ингульф ничего нового не сделал. Разрезал ему брюхо, вывалил наружу кишки, кое-где поставил швы и вложил обратно. Да все прошло как-то через пень-колоду... Мы ему да-

ли настой белены с маком, которым намертво усыпили Альфгара, а Бранд все равно сознания не терял... Мышцы живота у него сейчас твердые как булыжники. Если яды начнут бродить по телу...

Шеф не дослушал. Спустив ноги на пол, он попытался встать. Приступ тошноты едва не заставил его отказаться от этого намерения. Собрав последние остатки сил, он отпихнул с пути Ханда, честно пытавшегося заставить его улежся.

— Я обязан повидаться с Брандом. Тем более если он и вправду скоро сыграет в ящик. Он еще многое... многое должен мне рассказать. О франках, к примеру...

* * *

А в десятках миль от берегов Уза изможденный телом и удреченный духом странник сидел на корточках, греясь подле угольков очага, в покосившейся кентской лачуге. Немногие узнали бы в этом бродяге некогда блистательного этелинга, едва не коронованного на трон своего королевства. Не украшает голову его нынче золотая диадема — сбита со шлема ударом пики. Нет при нем ни кольчуги, ни щита с изысканным узорочьем — он избавился от них, сорвал с себя в считанные секунды передышки между вражьими натисками. Даже оружие он не вынес из этой сечи, отрубив от перязи ножны, когда после целого дня нескончаемой резни, в которую она превратилась, он понял, что должен искать смерти или спасения в побеге — либо сдаться на милость франков. Долгие мили он не выпускал из рук обнаженный клинок. Не раз и не два с помощью верных бойцов из павшей дружины отбивался от настигавших их отрядов легкой конницы. Потом конь его рухнул; едва успев выпрыгнуть из седла, Альфред покатился кубарем в сторону. Тут же над его телом завязалась яростная схватка. Когда же она чуть отдалась и он, шатаясь, поднялся на ноги, вокруг не было ни души. Он бросился в объятия спасительной тьмы, в дебри кентского Вельда. За пазухой пусто, в карманах гуляет ветер — теперь он стал настоящим попрошайкой. Хорошо, что до наступления ночи его внимание привлекло слабое марево света. И, как самый настоящий доходяга, он просил приюта в этом захудалом дворе, расположенном посреди охваченной голодом местности, а теперь должен не спускать глаз со ско-

вороды, на которой жарились овсяные лепешки, прислушиваясь к тому, о чем судачили его не слишком доброхотные хозяева, которые сейчас запирали своих коз в загоне. Не стогариваются ли они о его выдаче?

Но он не верил, что они смогут решиться на подобное. Даже беднейшие поселяне Кента и Суссекса зарубили себе на носу, что от франкских меченосцев с вышитыми на туниках крестами лучше держаться подальше: зла они творят никак не меньше, чем викинги, но с язычниками легче было объясниться — а эти по-английски не знали ни слова.

Та скорбная мысль, что тяжелым грузом навалила на плечи короля, что шипала то и дело предосудительной слезинкой его очи, порождена была не тревогой за собственную участь. Скорее то был страх за жутковатый поворот, произошедший в делах людских.

Он дважды имел дело с этим человеком, с одноглазым Шефом. Первый раз тот был целиком в его власти, от мановения руки принца зависело, сколько он проживет на этом свете. Он, Альфред, был этелингом и имел под своим началом боеспособную армию; Шеф, исчерпав последние возможности отпора, должен был попасть в тот день в руки мерсийцев. Этелинг спас карла и вознес его до немыслимых высот: сделал ольдерменом или, как выражаются люди Пути, ярлом. На второй же раз Шеф располагал рвущимся в бой войском, а он, Альфред, превратился в изгоя и просителя. Впрочем, в изгойстве своем он не лишен был некоторой поддержки и ожиданий лучшей доли.

И что же? Одноглазый властелин Пути отослал его от себя, отправил на юг, рассудив, что каждому из них предстоит свой собственный бой. Альфред не отвернулся от своего боя, собрав под свои знамена всех верных из преданных ему восточных шайров королевства, призвав к себе всех ратников, жаждущих положить конец бесчинству захватчиков. И они были рассеяны как жухлая листва осенней бурей. Тяжелая конница франков сделала свое дело. Что же до его бывшего союзника, в глубине сердца Альфред почему-то был уверен в том, что у того дела сложились совсем иначе. Из своего боя Шеф должен был выйти победителем.

Христианство не вытравило из сердец Альфреда и его соотечественников нечто более древнее и загадочное, чем вера в богов, — и христианского, и языческих. Король Уэссекса

верил в судьбу. Судьбу одного человека. Судьбу целого семейства. Верил в знак, который не стирает череда столетий, в жребий, выпавший до начала начал. Величайшее благоговение, которое внушал подданным дом, к которому принадлежали Альфред и потомки Седрика, зиждилось на непоколебимой уверенности в том, что именно счастливая судьба, выпавшая на долю этого славного семейства, держит его у кормила власти в течение четырех сотен лет.

Изгой, пригревшийся у чужого очага, имел все основания полагать, что судьба презрела его род, точнее сказать, более благоволит другому, сильнейшему вождю — одноглазому ярлу, начавшему жизнь рабом или трэлем, совершившему головокружительный взлет от пыточной плахи викингов до почтенного чина карла Великой Армии и далее ставшего правителем Норфолка. Может ли быть более весомое свидетельство того, что судьба изменила своим пристрастиям? И если она так облагодетельствовала одного-единственного человека, что от ее щедрот достанется его союзникам? Или, скажем, соперникам? Вдруг волна холодного отчаяния обволокла его душу. Эту удачу он сам вручил одноглазому: легкомысленно, по доброте сердца, не задавшись вопросом о последствиях. Тот же ухватился за нее и смог извлечь всю мыслимую выгоду из преимуществ своего нового положения. Скорбь свила черные крыла вокруг чела Альфреда. Все было кончено — для него, для его семьи, для королевства. Для всей Англии. Ему оставалось загонять внутрь сотрясавшие грудь рыдания.

А вместе с ними в гортань его проникла вонь от обуглившейся муки. Вспомнив о своей новой роли, он принялся лихорадочно переворачивать лепешки. Все было тщетно. Они сторели напрочь. Стали несъедобны. В тот же миг желудок Альфреда откликнулся тоскливым спазмом: после шестнадцати часов нечеловеческого перенапряжения сил он мог распрощаться с мечтой о скором его заполнении. Дверь лачуги приоткрылась, и вошли керл с женой. Увидев, что произошло, они извергли на него поток проклятий и издевательств. Ведь он и этих несчастных лишил надежды утолить голод. Явился к ним в дом, спалил за здорово живешь их последний овес. Проходимец, у которого кишка тонка была умереть на поле боя вместе с товарищами. Белоручка, которому лень было справиться с простейшим поручением. И ему

еще, видите ли, гордость не позволяет предложить им монетку за кров и ужин, которым они с ним поделились...

Из всех разоблачений одно терзало Альфреда самой неистойвой мукой: он знал, что крестьяне говорят правду. Он не чаял ни малейшей надежды подняться из бездны, в которую пал. С такого дна не выбираются. Если у Англии есть будущее, то оно более никогда не будет в руках таких, как он, верующих христиан. Ее участь решат меж собой франки и норвежцы. Те, что напялили на себя кресты, и те, что толкуют о своем Пути... Пошатываясь от нестерпимой душевной муки, Альфред толкнул дверь и ступил в беспросветную ночь.

* * *

На сей раз Шефу самому довелось оказаться у ложа больного. Или умирающего. Бранд с таким трудом повернул к нему голову, что стало немедленно ясно, какую муку причиняет ему даже столь незатейливое движение: могучее тело еще сопротивлялось тлетворному действию ядов, хлынувших в брюшную полость.

— Я должен расспросить тебя насчет франков, — сказал Шеф. — Всех остальных мы уже научились бить. Но ты был почему-то уверен, что с Альфредом они справятся.

Голова Бранда медленно повернулась.

— Что в них такого грозного и опасного? И могу ли я вообще положить их войско? Больше спросить мне некого. В открытом бою никто из нас с ними не встречался. Зато есть викинги, которые бахвалятся, будто бы собирали в их землях неплохой улов. Может, надоумишь меня, как франки это терпели? Позволяли викингам раздевать себя, а сами из себя такие страшные, что даже ты не хочешь с ними удалю помериться?

Бранд что-то мучительно обдумывал. Не мысль, которая была ему вполне ясна, но ответ, который не мог быть слишком долгим. Наконец, словно застрявшую кость, он выдавил из гортани слова:

— Они часто задираются друг к другу. Нам это всегда было на руку. И в море не умеют ходить. И потом — они не могут много воинов поставить. У нас как? Способен взять в руки щит, меч, копьё — значит, можешь и строй держать. А у них целая деревня одного воина готовит. Вяжет кольчугу,

меч и пику кует. Но самое-то главное — это конь. А кони у них огромные. Отборные жеребцы. Неумелый человек на таком долго не усидит. Потом их учат держаться в седле, когда в одной руке — щит, в другой — пика. И начинают сажать в седло еще сопляков. Взрослого уже не научишь... Один конный франк — это не страшно. Но когда их всего полсотни — уже неприятно. Ну а если тысяча...

— А если десять тысяч? — перебил Шеф.

— Я о таком и не слыхивал. Никогда их столько не собиралось... Потом, у них еще легкая конница есть. Эти тоже опасны, потому что летают как черти, достают тебя тогда, когда ты думаешь, что их духу здесь быть не должно...

Бранд последним усилием остановил начавшийся отток сил.

— Они тебя живо в землю затопчут, если им позволить... Могут устроить засаду во время перехода... Мы-то все больше жались к кораблям своим. Да ставили укрепления.

— А можно попытать их в открытом поле?

Бранд едва повел головой из стороны в сторону. Трудно было определить, имел ли он в виду «не знаю» или «нельзя». В тот же миг на плечо Шефа легла рука Ингульфа. Пора было уходить.

Когда щурясь на дневной свет, он вышел из шатра лекаря, Шеф подумал, что заботы вновь осаждают его со всех сторон. Необходимо было выделить людей для сопровождения перехваченной добычи Иварова войска в Норидж, где оно поступит в распоряжение его казны. Надо было что-то решать с пленниками. Среди них было немало чистопробных мясников, но были и вполне обыкновенные вояки. Надо было принимать и рассылать нарочных. И за всем этим маячил самый неразрешимый вопрос: Годива и ее исчезновение. Почему она ушла именно с Торвином? И в чем была причина такой загадочной спешки его бывшего наставника?

А теперь перед ярлом предстал отец Бонифаций, священник, ставший его писцом, а рядом с ним — маленький человек в черных одеждах клирика, с лицом, источающим горечь, досаду, недоброжелательство. Приглядевшись, Шеф понял, что видел этого человека раньше — правда, издали и очень давно. В Йорке.

— Это — архидиакон Эркенберт, — произнес Бонифаций. — Мы его сняли с Иваровой ладьи. Он — знаток разных

осадных и боевых орудий. Рабы, которые крутили рычаги на его катапультах, рассказали нам, что именно он построил все орудия для Ивара. А еще они сказали, что нынче вся церковь в Йорке день и ночь трудится на Рагнарссонов.

И он оглядел Эркенберта с нескрываемой брезгливостью.

«Так вот он, тот самый знаток, о встрече с которым я когда-то так истово мечтал, — подумал Шеф. — А теперь? Есть ли смысл вообще заводить с ним разговор? Как машины его работают, я и так, пожалуй, прикинуть смогу, а нет — пойду да посмотрю... Но я уже понял, что стреляют они очень медленно, зато очень убойно. Не знаю я только того, что еще скрывается в этой голове. Но до этого я вряд ли когда-то попытаюсь. А все ж я думаю, что он мне еще сослужит службу».

В потоках сознания застряли слова Бранда. Надо будет выстроить их в порядок. И продумать, что делать дальше.

— Не спускай с него глаз, Бонифаций, — сказал он. — И проследи за тем, чтобы с рабами из Йорка обращались по-человечески. Скажешь им от моего имени, что они все отпускаются на свободу. Потом пошлешь за Гудмундом. Приведи также Луллу и Озмоду. И еще Квикку, Удда и Озви.

* * *

— ...а мы этого делать не хотим, — упрямо повторил Гудмунд.

— Хотя сложного для вас тут ничего нет?

Гудмунд помешкал. Изворачиваться ему не хотелось, но и уступать он не любил.

— Да нету здесь ничего сложного. А я все равно думаю, что замысел твой хромает. Оставить всю армию без викингов, посадить их на Иваровы корабли, заставить людей Рагнарссона грести к Гастингсу. И все потому, что именно там ты решил задать трепку франкам... Послушай меня, господин, — голос Гудмунда звучал теперь почти вкрадчиво. Кажется, ради достижения цели он на свой лад готов был подольститься к ярлу. — Согласен, мы с ребятами немного дали маху насчет тех англичан, что ты с собой приволок... Называли их по-всякому. Выродками, недоносками, *skraelingjar*... Говорили, что пользы от них — шиш, что они вечно чужой хлеб жрать будут. Они доказали, что мы были не правы... Но ведь у нас тоже свои причины так говорить были. А коли ты

надумал тягаться с франками, то тут надо семь раз отмерить. Допустим, англичане твои могут из машин бить. Алебардой махать научились, как мы мечом. Но сколько их ни учи, сколько ни гоняй, силенок, чтобы строй держать, ты им не прибавишь... Подумай, почему все франков так боятся? Потому, что они бьются на лошадях. Сколько каждая лошадь весит? Не меньше тысячи фунтов. Вот тебе и весь сказ, господин. Чтобы парочку раз стрелкнуть по франкам, надо их на месте удержать. Мои ребята, может, это и сделали бы — хоть алебарду им в руки дай, хоть меч. И то еще посмотреть надо. Никто ж не знает, каково это на самом деле. Но уж если ты всех до одного вышлешь подальше, тебе никто не поможет. А теперь подумай, что будет, если нагрянут франки? Выставишь против них своих воробушков? Недолго они простоят, господин. Надорвутся в два счета...

«Да и гоняли их мало, — подумал про себя Гудмунд. — И потом, никто из них толком не знает, что это такое — видеть, как на тебя катится лавина в латах и начинает косить и сметать все живое с пути. А уж если она конная... Нет, они без нашей подмоги никогда не сдюжат».

— Ты забываешь о короле Альфреде, — ответил Шеф, — ведь он собирает армию для войны с франками. И помни: английские таны в силе и доблести викингам не уступят — их только не научили правильно вести себя во время битвы. Но уж об этом моя голова болеть будет.

Гудмунд нехотя кивнул.

— А значит, пусть каждый займется своим делом. Норвежцы морем доставят машины. Мои англичане будут из этих машин обстреливать франков. А англичане Альфреда — биться в строю и выполнять мои указания. Доверься мне наконец, Гудмунд. Ты ведь и в прошлый раз не хотел мне верить. И в позапрошлый. И тогда, когда мы с тобой устроили набег на собор в Беверли...

Гудмунд вновь кивнул, на сей раз с большей готовностью. Но, уже собираясь уходить, он позволил себе заключительное замечание:

— Господин, ты не моряк... Не забудь во всей этой суматохе один мой совет. Начали хлеба убирать. Когда ночь догоняет день — тебе каждый моряк скажет, — погода меняется. Запомни: погода будет меняться.

* * *

Вести о том, что франки разбили в пух и перья армию Альфреда, настигли Шефа и его лишенную ударной силы армию на второй день похода. Войско двигалось в южном направлении. Догнавший их тан, весь расхристанный и белолицый, пересказывал ярлу подробности битвы в кругу любопытных слушателей. Как только викинги во главе с так и не утомившимся Гудмундом погрузились на ладьи, Шеф упрямил советы с приближенными. Недавние рабы заметили, что за время рассказа выражение лица ярла поменялось дважды: первый раз, когда тан направил проклятия в адрес франкских лучников, которые ураганом своих стрел заставили войско Альфреда в двух случаях приостановить свое продвижение и искать спасения за поднятыми щитами, в этом невыгодном положении их и застиг стремительный бросок франкской конницы, а во второй раз — от сделанного таном признания, что никто с тех пор ничего не знал и не слышал о судьбе Альфреда.

Молчание, наступившее вслед за окончанием этого рассказа, нарушил Квикка, положившись на свое право задавать ярлу вопросы, как его спаситель и поверенный.

— Куда же мы теперь двинем, господин? Назад повернем или будем шагать вперед?

— Вперед, — не задумываясь, бросил Шеф.

Когда вечером того же дня вокруг бивуаков сложили костры, слово это вызвало самые горячие толки. После отплытия викингов Пути оставшаяся часть армии словно преобразилась. Дело в том, что английские ратники всегда немного побаивались своих собратьев по оружию — как побаивались когда-то за силу и крутой нрав своих хозяев, при том что викинги считались не в пример воинственнее английских танов. После расставания с норвежцами армия выступила в поход как на праздничное шествие: гудели волынки и трубы, то и дело раздавались раскаты смеха, воины не забывали окликнуть жниц, собиравших в полях урожай, которые, в свою очередь, уже не спешили скрыться с глаз долой, едва завидев появление дозоров или передовых отрядов.

Впрочем, страх также был залогом успеха. Как бы ни гордились освобожденные рабы своими приобретенными умениями и навыками, своими алебардами, машинами, арбале-

тами, не было у них самонадеянности, которая поселяется в привыкшем к победам сердце.

— Легко сказать «вперед», — заявил из темноты неизвестный голос. — А кто подумал, что будет с нами? Альфред нам теперь не помощник! Норвежцы уплыли. Уэссексцев не позовешь. Только на себя и осталось надеяться... Ну, кто мне скажет, что будет?

— Мы им все косточки перемелем, — неумолимо отвечал Озви. — Как Рагнарссону... У нас есть машины, а они даже не знают, что это такое. А потом еще арбалеты...

Все присутствующие готовы были согласиться с этими словами. И однако по утрам воеводы приносили Шефу все более тревожные сводки. Число беглецов, покидавших армию каждую ночь, увеличивалось. Они уносили с собой уже завоеванную свободу и серебряные пенни, выплаченные Шефом из сундуков Ивара, отказавшись от надежд на обещанные в будущем землю и вспомоществование для обзаведения хозяйством. По подсчетам Шефа, он уже сейчас не располагал достаточным количеством людей для прикрепления обслуги ко всем его пятидесяти машинам — вращательницам и камнетолкалкам, а также для того, чтобы пустить в дело двести арбалетов с воротом, которые успел смастерить к этому времени Удд со своими помощниками.

— Как ты собираешься поступить? — спросил его на четвертое утро похода Фарман, жрец Фрейра. Он, Ингульф и Гейрульф, жрец Тюра, были единственными норвежцами, которые настояли на том, что их участие в нем совершенно необходимо.

Шеф пожал плечами.

— Ты знаешь, это не ответ.

— Ты его не услышишь, пока не расскажешь мне, куда исчезли и по какой причине меня оставили Торвин и Годива. И когда они собираются возвратиться.

Настала очередь Фармана отвечать.

* * *

Множество мытарств и злоключений выпало на долю Альфгара и Даниила, прежде чем они сначала сумели отыскать место расположения франкского войска, а затем долго и бесплодно пытались проникнуть через заставы и отряды

стражи внутрь укрепления, чтобы повидаться с королем. Конечно, внешний вид у них был не совсем подходящий: замызганные, пропитавшиеся грязью одежды и балахоны остались от ночей, проведенных в открытом поле, долгой дороги верхом на неоседланных убогих клячах, которые посчастливилось украсть Альфгару. Первый увидавший их часовой был несколько озадачен этой встречей: он не предполагал, что кто-то из англичан способен сунуть сюда нос по доброй воле. Все благоразумные керлы давно покинули эту местность. Те, кто был поудачливее, успели прихватить с собой жен и дочерей. Однако ему и в голову не пришло звать на помощь переводчика. После нескольких безуспешных попыток переговоров поверх запертых ворот лагеря стражник деловито приладил стрелу к тетиве и пустил ее под ноги Даниилу. Альфгар, недолго думая, потащил Даниила подальше от стены.

После этого они пару раз попытались приблизиться к кавалькаде воинов, ежедневно покидающей лагерь ради дальнейшего опустошения уже порядком разоренных мест. Король Карл тем временем спокойно поджидал того, кто следующим отважится бросить ему вызов. Первая попытка стоила им лошадей, другая — епископского кольца Даниила, который больно уж рьяно выставлял его на всеобщее обозрение. Доведенный до отчаяния Альфгар решил, что должен вмешаться. Когда Даниил, увидав франкского священника, что кропотливо исследовал остатки утвари одной разграбленной церкви, накинулся на него со злобными выкриками, он оттолкнул его и заговорил сам.

— *Machina*, — громко и внятно произнес он, намереваясь использовать все свои познания в латыни. — *Ballista. Catapulta. Nos videre...* — Он дотронулся до глаз. — *Nos dicere. Rex.* — И он знаком показал, что хочет говорить, и махнул рукой в сторону лагеря.

Священник внимательно посмотрел на него, потом кивнул и обратился к епископу, ожидая от него более связной латинской тирады. Сам же говорил он, диковинно коверкая знакомые епископу слова, и при этом каждый раз перебивал его, как только Даниил собирался завести скорбный разговор о перенесенных им невзгодах и лишениях. Его интересовали только точные сведения. Спустя некоторое время он подозвал к себе сопровождавший его небольшой отряд верховых стрелков и велел отвести в лагерь обоих. Там их пере-

давали из рук в руки другие церковники, допрашивая со все большим пристрастием и надеясь еще обратить себе на пользу бессвязные речи Даниила.

И вот наступила минута, когда клирики их оставили. Альфгара, предварительно хорошенько почистив ему плащ и сдобрив сытной пищей желудок, легонько подтолкнули к треножному столу, а епископу велели держаться сзади. За столом сидела группа людей, весь вид которых свидетельствовал об их принадлежности к воинскому сословию, а лысую голову одного венчала золотая диадема. Подле короля, не садясь, застыл англичанин, старавшийся не упустить ни единого произнесенного Карлом слова. Дослушав до конца, он повернулся к Альфгару. За последние дни английскую речь Альфгар слышал только из уст Даниила.

— Священники сообщили королю, — говорил переводчик, — что ты человек более толковый, чем твой друг епископ. Но епископ этот утверждает, что только вы вдвоем знаете правду о том, что произошло на Севере. И что вам почему-то не терпится, — англичанин ухмыльнулся, — оказать помощь королю и христианству, поделившись с ним тем, что знаете. Итак, во-первых, король не желает выслушивать жалобы и советы епископа. Он хотел бы получить сведения об армии Мерсии, об армии язычников Рагнарссонов и, наконец, об армии еретиков. На сражении с ними особенно настаивают епископы, которые прибыли вместе с королем. Расскажите подробно все, что вам известно, ведите себя разумно и не пожалейте. Королю понадобятся верные англичане в том королевстве, которое будет здесь создано взамен старых...

Придав своему лицу выражение самой искренней преданности и твердо глядя в лицо франкскому королю, Альфгар внятно и ясно изложил события разгрома при Узе, рассказал о том, как умер король Бургред. Переводчик старательно переводил каждое предложение. Затем Альфгар перешел к описанию машин, с помощью которых Ивар посеял панику в рядах мерсийцев еще до начала сражения. Не забыл он упомянуть и о машинах Армии Пути, которые не раз терзали его войско прошлой зимой. Набравшись отваги, он даже опустил в чашу с вином, стоявшую перед королем, амулет с молотом. Под конец он рассказал об освобождении рабов из церковных владений.

Король помедлил, затем, едва повернувшись на стуле, бросил через плечо короткую фразу. Из темноты зала выскользнул человек в черной рясе, державший в руке стиль и вошеную дощечку, и принялся чертить контуры онагра. Затем метательной катапульты. Наконец орудия, действующего с помощью противовеса.

— Король спрашивает: ты видел именно такие машины?

Альфгар кивнул.

— Король сказал, что это весьма забавно. Его ученые мужи также прекрасно знают, как делать эти штуки. Они вычитали это в книге другого мужа по имени Вегеций. Но король раньше думал, что англичане для этого слишком невежественны. Франки используют эти орудия только на время осад. А бороться с их помощью против конной атаки не имеет смысла. Для этого конница франков слишком быстрая. Но король все равно благодарен тебе за готовность оказать помощь и желает, чтобы ты был рядом с ним в его дальнейших походах и начинаниях. Он полагает, что твои познания еще найдут себе полезное применение. Твой спутник должен будет отправиться в Кентербери и там ответит на вопросы папского легата. — Англичанин вновь позволил себе ухмыльнуться. — Думаю, что твое положение более выгодное...

Альфгар низко поклонился и, пятясь задом, удалился от стола. Бургред бы от него такого не дождался. Альфгар твердо пообещал себе еще до наступления ночи найти человека, который смог бы обучать его французскому.

Карл Лысый проводил его взглядом и вспомнил о своем вине.

— Крысы бегут... — бросил он коннетаблю.

— Но некоторые из них бегают по полю с осадными орудиями. Разве тебя никак не взволновала эта история?

Король расхохотался:

— Знаешь, пересечь Узкое море — все равно что отправиться в царство предков. Мои деды принимали бой в колеснице, запряженной волами... Во всей этой стране нет ни одного мало-мальски достойного противника. Есть, правда, норвежцы-лиходеи, но и эти побоятся зад от ладей своих оторвать. Да доблестные меченосцы, с которыми мы давеча позабавились... Усища длинные, а ножки короткие. Лошадей они не знают, копыя настоящего в руках не держали. Полководцев толковых над ними тоже никогда не было. Мы, ко-

нечно, учтем их новые способности. — Он задумчиво потерял бороду. — Однако, поверь, для того, чтобы перебить самую сильную армию христианского мира, одних машин будет мало.

Глава 10

На сей раз Шеф сам сгорал от желания поскорей окунуться в видение, которое, он чувствовал, будет ниспослано ему в ближайшее время. Голова его шла кругом от сомнений, вопросов, бесчисленных возможностей. Однако ясность не приходила. Он был уверен в одном: помощь придет извне. Обычно это случалось тогда, когда тело его переживало упадок сил или, наоборот, было укреплено обильной и жирной пищей. В этот раз он с умыслом не садился весь день в седло, пропуская мимо ушей подтрунивание воинов. Вечером он щедро сдобрил внутренности кашей, приготовленной из остатков зимних запасов — новое зерно от жнецов еще не поступало. Он растянулся на ложе, умоляя своего неведомого покровителя не обмануть его ожиданий.

* * *

«Да!» — прогремело в его сознании. Волна облегчения сразу унесла прочь тревоги. Шеф не мог не узнать этот голос. Он принадлежал тому насмешнику, который велел ему припасть к земле, который позже послал ему грезу о деревянном коне. Тому безымянному богу с лукавым лицом, что сунул ему под нос королевскую шахматную доску. Богу, дававшего ему советы. Его же задача всегда была в том, чтобы верно разгадать их смысл.

— Да, — произнес голос. — Ты увидишь именно то, что должен знать. Ты, правда, думаешь, что тебе необходимо знать совсем другое. Ты всегда горазд вопрошаешь «как и что?». А я покажу тебе ответ на вопрос «почему?». И еще — на вопрос «кто?».

В тот же миг он оказался на вершине высоченного утеса, столь гигантского, что весь мир распростался перед ним в мельчайших подробностях: он видел даже клубы пыли, поднимающиеся над колоннами марширующих армий. Что-то подобное предстало его взору накануне убийства короля Эдмунда.

И снова пришло чувство, что стоит ему сощурить глаза определенным способом, как он сможет распознать все, что вызывало его любопытство, как, скажем, команды, слетавшие с уст франкского военачальника, или местность, где прячется сейчас, живой или мертвый, неприкаянный король Альфред. Шеф обвел открывшуюся под ним землю жадным взором, выискивая самое интересное.

Но вдруг внимание его захватило совсем иное видение: оно таяло в огромной дали, оно было отделено от осязаемого мира толщами времени и пространства.

Первым делом он увидел человека, спускавшегося вниз по горной тропе. У него было смуглое веселое, плутоватое лицо — в такое лицо никогда до конца не поверишь. Ибо то было лицо бога из его грез, хотя Шеф, приблизившись к нему сквозь пространство, понял, что у него было несколько обликов.

Человек — если он все-таки мог так называться — подошел к убогой лачуге, неуклюжему строению из подпорок, жердей, коры, обляпанных сгустками торфа и уродливыми вкраплениями глины на месте многочисленных щелей и зазоров. Вот так люди жили в старину, подумал Шеф. Теперь они умеют строить себе более удобные жилища. Но кто надоумил их на это?

Мужчина и женщина, что ковырялись в грязи возле лачуги, бросили свои занятия и уставились на незнакомца. Выглядели они как-то чудно. Долгие годы труда в три погибели согнули их спины. Были они низкорослыми и приземистыми, кривоногими и короткошеими. На лица землистого цвета нависали темно-русые шапки волос. На руках топорщились узловатые пальцы.

— Их зовут Ай и Эдда, — прозвучал голос бога.

Хозяева радушно встретили гостя, предложили ему войти, сунули ему в руки горшок с кашей. Это было гнусное варево, в котором то и дело попадались обуглившиеся корки, шелуха и даже каменная пыльца, поскольку зерно для каши толклось вручную пестиком в ступе, а смочено было жалкими каплями козьего молока. Гость, которого, казалось, нисколько не смутил такой прием, оживленно болтал с хозяевами, а когда подошло время, улегся прямо между ними на ложе из замызганных, дурно пахнущих шкур.

Посреди ночи он повернулся к Эдде, которая так и не сняла с себя своих черных лохмотьев. Ай забылся в глубоком сне. Человек с лицом пройдохи начал быстренько стаскивать с его же-

ны тряпки, возлег на нее и приступил к делу без лишних проволок.

На следующее утро незнакомец поднялся и ушел своей дорогой. А Эдда начала прибавлять в весе да раздуваться. В страшных муках произвела она на свет четырех младенцев, столь же приземистых и уродливых, как она сама. И однако нрав у детей оказался более шустрый и предприимчивый. Навоз и хворост они возили на телегах, выращивали свиней, научились вскапывать землю деревянными лопатами. «Они и положили начало трэлям, — выговорил внутренний голос. — Когда-то и я был трэлем. Но этому уже не бывать».

Сознанию его вновь явился плутоватый странник. Легкой поступью кружа по горным тропам, он вывернул наконец к большой хижине, добротному строению; венцы сруба соединялись с соседними через вытесанные топором пазы; в строении было окошко с удобными, прочными ставнями. Отхожее место было вынесено за дом, к глубокому оврагу. Здесь странника встретила пара, отличная от первой: коренастые люди, кровь с молоком, с круглыми кирпичными лицами. Женщины такого сложения созданы для обильного потомства. На этой было длинное черное платье, но рядом наготове лежала теплая шерстяная шаль, которую она накинет прохладным вечером и скрепит ее на груди бронзовой застежкой. Ноги мужчины привольно чувствовали себя в широких шароварах, которые и сейчас носили викинги. Туловище его прикрывала кожаная рубаха, изрезанная на рукавах и талии, чтобы обнаружить достоинства его телосложения. Примерно так и живут сейчас в большинстве своем люди... «А этих зовут Афи и Амма», — подсказал голос.

Странника вновь пригласили в дом, поставили на стол угощение — миски с посоленной жареной отбивной из свинины, ломти хлеба, густо пропитанные топленым салом, — пища тружеников, людей, отработавших день от зари до заката. Отобедав, все трое улеглись на соломенные тюфяки и укрылись шерстяными одеялами. Афи так устал, что не снял на ночь рубашки. Когда он захрапел, странник повернулся к Амме и проник под ее свободное платье, горячо шепча на ухо какие-то слова. И с молниеносностью и сноровкой, которые он уже выказал в первом случае, он наслаждался Аммой.

Наутро пришелец вышел за ворота дома, а женщина вскоре необыкновенно раздулась и разродилась четырьмя детишками, перенеся эти роды с поразительной выдержкой. Дети вымахали

такими же крепышами, но были они, пожалуй, посмышленее, непоседливее мамыши, горазды испробовать то, за что раньше никто не решался браться. Они приручили скотину, сложили из бревен ясли и хлев, сколотили плуг, приладили к нему лемех, сплели рыбацкие сети, наконец, пустились в плавание по морям. Шеф не сомневался, что ему показано было, откуда взялись на земле карлы. «И через это я прошел. Но никогда больше не быть мне карлом...»

Странник шел теперь по равнинной дороге. В стороне от нее он заметил крупное строение, огороженное забором из вколотенных в землю столбиков. Сам дом состоял из нескольких комнат — в одной спали, в другой обедали, в третьей держали скотину. Во всех помещениях имелись окна или широкие двери. Хозяева, сидевшие на резной лавке подле дома, окликнули странника, предложили напиться чистой воды из глубокого колодца. Оба, и мужчина, и женщина, были весьма красивы и пригожи: продолговатые лики, широкие лбы, гладкая, не заматеревшая от трудов кожа. Когда же мужчина встал и подошел к страннику, он оказался почти на полголовы выше его. Широкие плечи, стройная выправка, сильные, привыкшие к тетиве пальцы. «Их имена Фатир и Мотир», — прозвучал голос покровителя.

Они пригласили незнакомца в дом, провели по полам, устланным тростником, усадили за стол, поднесли воды в лохани, чтобы он мог умыть руки, и принялись потчевать его разной снедью: были там и жареная птица, и лепешки, и масло, и колбаса с кровью. А когда с трапезой было покончено, женщина села за свою прялку, а мужчины проводили время в беседе.

Когда же спустилась ночь, хозяева, чувствуя себя чуть скованно, проводили гостя к своей просторной, с валиками в головах, перине. Гостю предложили лечь между супругами. Фатир тут же уснул. А неугомимый странник повернулся к хозяйке и принялся страстно ее ласкать. Скоро он овладел ею с неистовостью годовалого жеребенка.

Наутро гость ушел своей дорогой, а у женщины стал разрастаться живот. Через положенный срок она дала потомство ярлов, графов, воинов. Людей, способных вплавь пересечь фьорд, объезжать жеребцов, закалять сталь, обагрять лезвия мечей и в конце концов кормивших своею плотью воронов на местах побоищ. Именно такой жизни желают для себя сегодня люди. Или, может статься, кто-то желает за них...

Однако разве положен предел тому, что он видел? Ай стал

Афи, Афи — Фатиром. Из Эдды получилась Амма, из нее — Мотир... Фатир и Мотир, отец и мать, должны иметь сына и дочь, какое там — прапраправнуков! От трэля к карлу, от карла — к ярлу. Так я зовусь сегодня. Но кем я стану после? Кем станут дети ярла? Долго ли еще бродить этому страннику? Сын ярла должен стать королем, а сын короля...

* * *

Шеф не сразу сообразил, в какой момент проснулся; он до мельчайших подробностей мог вспомнить увиденное и ни на гран не усомнился в том, что оно содержало намеки на него самого. Видение, пожалуй, представляло собой исполинское предначертание изменения потомства, направленное на выведение некоей лучшей людской породы под стать тому, как сами люди занимаются разведением более совершенных пород лошадей или охотничьих псов. Однако в каком смысле — «лучшей»? В умственном? Более способной к овладению новым знанием? Так наверняка бы и сказали жрецы Пути. Или более способной к внутренней перестройке? Умеющей, стало быть, откликнуться на знания, накопленные предыдущими поколениями?

В одном Шеф мог быть вполне уверен: если выведение этой породы осуществлялось тем прохвостом с глумливым лицом, которое, впрочем, было и у его заботливого покровителя, то самые что ни на есть совершенные люди вынуждены будут уплатить ему мзду. С другой же стороны, странник тот указывал ему путь к достижению самых заветных целей.

В непроглядной предрассветной тьме Шеф натянул на ноги вымокшие в росе кожаные башмаки, поднялся со своего соломенного ложа, закутался потуже в одеяло и шагнул в пронизывающую до дрожи рань. Таким и должно быть английское утро на исходе лета. Словно привидение, пересек он спящий лагерь. Оружия при нем не было, только скипетроселок притаился в изгибе локтя. Англичане его не утруждали себя окапыванием своего стойбища и не ставили вокруг него изгороди, как обязательно поступили бы на их месте старательные в таких делах викинги, однако недалеко от последней палатки стояли часовые. Шеф подошел вплотную к одному из них, алебарщику Лулле, едва не задел его плечом... Тот, глядя на него широко открытыми глазами, никак

не дал понять, заметил ли он появление ярла. Шеф, не оборачиваясь, прошмыгнул мимо и углубился в глухую чашу.

Восток уже обагрился; пока еще невидимые, начали щebetать птицы. Осторожно пробираясь сквозь густые поросли боярышника и крапивы, Шеф вышел на тропку, чем-то напоминавшую ему ту дорожку с лесосеки, которая вывела их с Годивой к пустоши и хибарке, где нашли они недолгое убежище от Ивара. И как следовало ожидать, и пустошь, и хибарка вскоре предстали его взору.

День уже вовсю занялся, когда он подошел к хибарке, оказавшейся на поверку совсем жалкой развалюхой. Пока он разглядывал ее, дверь отворилась и на порог тяжело ступила женщина. Трудно было определить ее возраст. На ее бледном лице запечатлелись свидетельства перенесенных утрат; она сутулилась, смотрела перед собой тусклым взором. Так выглядят люди, которым редко удается наесться вдоволь. И все же эта женщина — далеко не старуха, думал Шеф, прячась за деревом. Женщина сиротливо огляделась; не заметив незваного гостя, вышла на захваченную первыми лучиками солнца часть пустоши и вдруг, закрыв лицо руками, тяжело осела и отдалась безутешным рыданиям.

— Какая беда с тобой приключилась, матушка?

При звуке человеческого голоса женщина вздрогнула и подняла искаженное от страха лицо. Увидев, что к лачуге ее пожаловал только один пришелец, да и тот не имеет при себе оружия, она успокоилась и заговорила.

— Беда, говоришь? Давно это уже было, давно началось. Мужа моего увели в войско одного короля...

— Как звали того короля? — спросил Шеф.

Она пожала плечами.

— Не знаю я. Давно это было, несколько месяцев назад. Так я его и не дождалась. Все лето просидели голодные. Мы-то сами не рабы, да земли у нас своей нету. Раньше Эди на богатеев батрачил, а потом нас кормить стало некому. С началом этого урожая мне разрешили ходить по полям, подбирать колосья, которые жнецы не скосили. Крохи малые... А хоть бы и так, если бы чуть раньше я их в дом снесла, можно было бы дочурку мою спасти. Но она не дожила до этого, умерла две недели назад... Но это еще не все. Отнесла я ее в церковь, чтобы схоронить по-христиански, а священника-то в деревне больше нет. Выгнали его, говорят, увели язычни-

ки, как их там?... люди Пути. Деревенские-то радовались, говорят, не нужно теперь будет ни десятину попом давать, ни лепты св. Петра вносить. А мне-то какая с того радость? Я — бедная, с меня священник десятины не брал, а иной раз и выручал съестным или деньгами, свое же добро отдавал. А хоронить теперь мою дочурку некому. Как теперь успокоится ее душа, если не сказаны над ней слова пастыря? Заступится ли Христос за нее перед Отцом Небесным?

И, раскачиваясь всем телом, женщина снова дала волю рыданиям. Что бы сказал на это Торвин? Наверное, то, что христиане не всегда были такими злодеями. Что во всем виновата прогнившая Церковь. Однако эта самая Церковь утешает людские души. И Путь обязан принять на себя то же бремя, а не думать только о тех, кто идет тропой воина, чтобы в конце концов ступить под своды Вальгаллы Одина или Друдвангара Тора. Он ошупал пояс, думая, что захватил с собой кошель. Но он оставил его в лагере.

— Видишь, что ты натворил? — произнес голос за его спиной.

Шеф медленно повернулся. В двух шагах от него стоял Альфред. Под глазами юного короля образовались черные круги, одеяния его были вымазаны в грязи и крови. Он лишился плаща и оружия. Остались лишь кольчуга да кинжал, что торчал из-за пояса.

— Я натворил? — переспросил Шеф. — По-моему, она — твоя подданная, ибо не кто иной, как ты, владеет землями по эту сторону Темзы. Быть может, мои люди и увели священника из деревни, но ты забрал у нее мужа.

— Значит, натворили мы оба.

Король и ярл не сводили пристальных взглядов с рыдающей женщины. «Вот к чему я был призван, — думал Шеф. — Однако, следуя Пути — одному только этому Пути, — или Пути, как его понимают Торвин или Фарман, — мне это свершить не под силу».

— У меня есть к тебе предложение, король, — произнес он. — На поясе у тебя висит кошель с деньгами. У меня его нет. Отдай деньги этой несчастной женщине. Пусть у нее хотя бы будет надежда дожидаться возвращения мужа. А я взамен отдам тебе все свои владения. Точнее, пока мы не победили твоих врагов с крестами на пузе — своих я уже победил, — мы оба будем властелинами — ты да я.

— Два властелина?

— Мы все поделим поровну. Казну. Людей. Власть. Опасности. Мы заживем отныне одной общей судьбой.

— Значит, и удача будет одна на двоих? — вспомнил Альфред.

— Да.

— Тому я предположу два условия. Первое. Я не смогу идти в бой под стягом с Молотом, потому что я — христианин. Но и под знаменем с Крестом воевать я не желаю, поскольку его уже осквернили разбойники-франки и Папа Николай. Вспомним же об этой женщине, о постигшем ее горе и объединим оба знака. А если нам суждено победить, мы позволим нашему народу искать мира и утешения там, где велит ему душа и совесть.

— Каково же второе условие?

— Вот оно, — и Альфред указал ему на оселок. — Ты должен раз и навсегда от него избавиться. Когда он при тебе, ты начинаешь лгать. Ты посылаешь друзей на гибель.

Шеф взглянул на скипетр, осмотрел еще раз свирепые лики бородачей, что украшали его с обоих концов: они напоминали ему одного бога с ледянящим душу голосом, которого он встречал в своих видениях. Он подумал о кургане, где скипетр попал ему в руки, о рабных с проломанным позвоночником, о Сигварде, обреченном им на мученическую смерть, о Сиббе и Вильфи, посланных на костры... Наконец, об Альфреде, которого он хладнокровно обрек на неминуемое поражение. О Годиве, спасенной только для того, чтобы сыграть роль приманки.

Размахнувшись, он запустил свой скипетр в воздух. Тот сделал несколько оборотов и приземлился где-то в сырой лощине. Так и лежать ему в плесени до скончания веков.

— Сказано — сделано, — сказал он. — Сражаться мы теперь будем под двумя знаками. Под ними обретем победу или смерть.

Он протянул королю руку. Альфред вытащил кинжал, срезал с пояса кошель и швырнул его несчастной. Когда тот гулко плюхнулся ей под ноги, он ответил на рукопожатие.

Они уже уходили прочь, а непослушные пальцы женщины еще лихорадочно возились с узелками.

Не успев пройти по тропке и ста ярдов, они поняли, что в расположении Армии Пути творится что-то неладное: раздались крики, потом стальной перезвон, лошадиное ржание. Они сорвались с места и во весь дух припустили к лагерю. Мешали густые заросли, цеплялись за одежды колючки. Когда они выбежали на пустошь перед шатрами, все было кончено.

— Что случилось?! — крикнул Шеф таращившим на него глаза воинам.

Из-за складок поваленной палатки показалась голова Фармана.

— Легкая конница. Франков было совсем немного, может быть, сотня... Где ты был на этот раз?

Но Шеф уже не смотрел на него. Через строй галдящих воинов к ним пробивался Торвин, решительно ведя за собой Годиву.

— Мы появились точно на рассвете, — промолвил Торвин. — Не успели прийти, как начался налет...

Шеф не произнес ни слова. Взор его был прикован к Годиве. Наконец та подняла лицо и ответила ему таким же долгим взглядом. Он нежно дотронулся до ее плеча:

— Прости, если я о тебе забыл... Неотложные дела... Если не сейчас, то... Когда-нибудь я постараюсь исправиться... Но всему свое время. Я все еще — ярл. Поэтому: расставить усиленные наряды около лагеря. Чтобы больше — никаких неожиданностей. Через некоторое время будем выступать. А пока — Лулла, Фарман, все жрецы и воеводы — ко мне. Но сначала — расставить наряды... Теперь задание тебе, Озмод. Пришлешь ко мне двадцать женщин.

— Ты сказал — женщин, господин?!

— Да. У нас их немерено. Жены, подружки, потаскушки... Мне все равно. Главное — чтобы умели нитку в иглолку вдевать.

Спустя пару часов Торвин, Фарман и Гейрульф, единственные жрецы Пути, в обществе полудюжины английских воевод с убитым видом наблюдали, как женские руки поспешно нашивают на знамя их войска новую эмблему взамен старой. Вместо гордо и прямо стоявшего белого Молота из-

под их рук появлялись пересекающие друг друга под углом Молот и Крест.

— Знаешь, как это называется? — произнес Фарман. — Сделка с врагами. Только они бы ради нас на такое никогда не пошли.

— Это условие, которое поставил король, обещав нам свою поддержку, — ответил Шеф.

Все присутствующие перевели недоуменные взгляды на потрепанного горемыку, сидящего в сторонке.

— Дело не в моей поддержке, — сказал Альфред. — У меня еще есть целое королевство. Можно потерять одну армию, но набрать другую, потому что людей, готовых сразиться с этими супостатами, в Уэссексе всегда довольно. Но им легче будет это сделать, если их не заставят менять свою веру.

— Все правильно, люди нам нужны, — вмешался назначенный воеводой Озмод, старшина катапультиров. — Сколько народу уже сбежало! А после сегодняшнего набега у нас при каждой катапульте осталось семь, ну, может быть, восемь человек. А нужна дюжина. Да и с Уддом осталось людей меньше, чем он арбалетов припас. Но нужны-то они нам прямо сегодня, сейчас. А где мы их найдем при такой спешке?

Переваривая вопрос, Альфред и Шеф обменялись растерянными взглядами. Надо будет еще поломать над этим голлову.

Все вздрогнули, когда из угла шатра зазвучал женский голос. Голос Годивы.

— У меня есть решение. И я могла бы с вами им поделиться. Но прежде вы дадите согласие на два моих условия... Во-первых, я требую себе место члена этого Совета. Не хочу, чтобы по чьей-то прихоти меня однажды вышвырнули за ненужностью, как захромавшую лошадь или занемогшую собаку. Во-вторых, я не желаю больше слышать, как ярл повторяет: «Нет, не сейчас, нет, не теперь, потому что я все еще ярл».

Советники, не зная, что сказать, оторопело взирали на нее. Потом с тревогой стали вглядываться в лицо ярла. Тот уже нашупывал свой незаменимый скипетр. Но теперь приходилось черпать уверенность в самом себе. Он устремил взгляд в ее прекрасные глаза, словно бы лицезрел их впервые в жизни. Скипетра больше не было. Теперь все будет иначе. Шеф опустил взор.

— Я принимаю оба условия, — сипло выговорил он. — Поделись же теперь с нами своим решением, советник.

— Нужных вам ратников вы отыщете прямо здесь, в лагере, — сказала Годиwa. — Точнее — ратниц... Я говорю о женщинах, ярл. Их здесь сотни. А сколько еще деревень на пути будет! Ярл называет их потаскухами. «Только чтобы нитку в иголку вдели». Но многие вещи они делают не хуже мужчин. Приставьте по шесть женщин к командам катапультиров. А освободившиеся воины могут перейти в распоряжение Удда и войти в отряд арбалетчиков; которые посильнее — возьмут алебарду, помогут Лулле. Но вообще-то я и Удду посоветую: набери себе стрелков среди молоденьких девушек. Они не такие пугливые и со всем справятся.

— Ну, так не бывает, — окончательно растерявшись, протянул Квикка.

— Это почему же?

— Ну... тут ведь силу в руках нужно иметь.

Шеф громко расхохотался.

— Про тебя в свое время то же самое говорили викинги, Квикка! Помнишь, как это было? Сколько, дескать, силенок требуется, чтобы снасти тянуть, рычаг повернуть да лебедку на ворота крутить? Машина живо их сильными сделает.

— Да они струхнут в самый важный момент и пятки смажут...

Ледяной голос Годиwy заставил его замолчать.

— Ну-ка, посмотри мне в глаза, Квикка. По-твоему, и я была трусихой, когда в телегу с дерьмом прыгнула? А если и так, важно то, что меня это не остановило... Позволь мне переговорить с женщинами, Шеф. Я отберу самых надежных. Если нужно будет, сумею ими командовать. И еще я хочу, чтобы все помнили, — она обвела надменным взором собрание, — женщинам больше терять, чем мужчинам... А значит, и сражаться они будут с удвоенной силой.

В наступившем молчании зазвучал голос Торвина:

— Все это, конечно, приятно слышать... Но подумайте: сколько у короля Альфреда было людей, когда он выступил против франков? Пять тысяч? И все — обученные воины. Ну пусть мы задействуем всех женщин, какие только сопровождают армию. Наберем треть от этого числа. Что мы с ними будем делать? Они ведь даже из рогаток по птицам никогда не стреляли! За один день воинами не становятся!

— Если захотеть, арбалетчиком можно стать еще быстрее! — неожиданно вмешался Удд. — Тут дело нехитрое: натягивай да целясь.

— А что это меняет? — возразил Гейрульф, жрец Тюра. — Мы же сегодня видели, как действуют франки. Они не будут стоять на месте и ждать, когда ты их подстрелишь!.. В том-то и дело, что никто знать не знает, как с ними воевать...

— Послушайте, что я вам сейчас скажу, — глубоко вздохнув, промолвил Шеф. — И тогда узнаете...

Глава 11

Словно гигантская металлическая змея, изогнувшись и поблескивая чешуйками в свете наступившего утра, армия франкского короля оставила свой лагерь близ Гастингса. Первой двигалась легкая конница, все снаряжение которой составляли шлемы без забрала, кожаные жилеты и сабли; перед ней ставилась задача обнаружения противника, прикрытия флангов и расширения участка прорыва. Затем следовал строй лучников; будучи посажены в седло, как и вся армия, они готовы были на расстоянии пятидесяти ярдов от вражеского строя спешиться и включиться в дело; им поручалось держать неприятеля на месте, заставить его прятать лица под щитами, а потом и присесть на корточки, чтобы уберечь ноги.

А затем уже наступала очередь тяжелой кавалерии. Именно она принесла славу франкскому оружию, сделавшись грозой почти всех европейских народов. Мало того что каждый всадник был закован в тяжелую кольчугу, ноги прикрывали длинные набедренники, живот и низ спины особо защищали высокие седельные луки, а на голове был шлем с забралом. Но были еще и щит, и длинный меч, и пика, и широкие стремена. Щит, имевший сходство с воздушным змеем, прикрывал тело, а правая рука держала пику, которая благодаря тому, что всадник при ударе и сверху, и снизу привставал в стременах, становилась самым страшным оружием того времени. Разумеется, очень немногие воины, и уж тем более не англичане, способны искусно владеть пикой, когда ко второй руке крепкими лямками приторочен огромный щит, а пышущего норовом жеребца необходимо держать в повиновении одним сжатием бедер и касанием кончиков пальцев

руки. Считалось, что против такой конницы не сможет устоять ни одна пехота в мире, коль скоро она посмеет оставить свои корабли или укрепленное расположение.

Карл Лысый, который сейчас держался во главе своей знаменитой конницы — всего в отряде было около девятисот всадников, — повернулся в седле и устремил взгляд сквозь лес знамен к собственному укреплению, которое он наконец покинул, к кораблям, кучно расставленным на берегу. Лазутчики принесли добрые вести. Кажется, сражения с ним ищет еще одна армия. Последняя из всех, которые могли быть набраны к югу от Гембера. Разумеется, такая же беспечная и не готовая к тому, что ее вскоре ожидает. Именно этого Карл и хотел: один мощный удар, все воеводы перебиты, остальные вызывают к его милосердию, а он наконец прибирает к рукам бразды правления... Жаль, что это произошло только сейчас, а не немедленно после разгрома этого удалого дурня Альфреда. Лето бы не показалось таким скучным.

Во всяком случае, и он, и армия уже давно созрели для такого развлечения. Даже, пожалуй, чуточку перезрели. Впрочем, не сегодня, так завтра все должно решиться. Продолжая глядеть в сторону берега, Карл наконец сообразил, что видимость рассеивается из-за струй дождя, которые ветер наносит с моря. Он повернулся в другую сторону и, не придерживая коня, поманил к себе англичанина-перебежчика и переводчика. Те поспешно повиновались.

— Ты родился в этой забытой Богом стране, — проговорил он. — Долго ли продлится непогода?

Альфгар бросил взгляд на поникшие стяги, опознал хилый юго-западный ветерок. Похоже, что дождик зарядил на всю неделю. Только стоит ли расстраивать короля?

— Думаю, это ненадолго, — ответил он. Король недоверчиво хмыкнул и пришпорил коня. Армия медленно тащилась через неубранное жнивье Англии, перемалывая раскисшую землю в непроходимую жижу. На окрестных торфяных полях оставили широкие черные борозды передовые дозоры.

Находясь в пяти милях к северо-западу на небольшой возвышенности близ Кольдбек-хилл, Шеф уже видел первых вражеских конников. Подле него на тележке, запряженной волами, было установлено высокое древко с новым полотнищем, где Молот и Крест наискось пересекали друг друга. Можно было не сомневаться, что и разведчики франки уже

оповестили короля Карла о расположении стана Пути. Войско ярла выступило уже в сумерках, залечив раны после набега хоббеларов франков. Ночью его ратники — и мужчины, и женщины — уже занимали позиции, на которых им предстояло принять бой. Причем рядом с ярлом никого из них не оказалось. Да, в его командах более никто и не нуждался. Вопрос был в том, сможет ли армия выполнить указания военачальника; точнее, сможет ли она держаться их в условиях, когда связь с полководцем будет отсутствовать.

Одно Шеф знал наверное: в армии его сейчас гораздо больше людей, чем докладывали ему последний раз воеводы. Весь вчерашний день в лагерь стекались группки керлов с копьями, дровосеков с топорами, даже чумазые добытчики угля из Вельда, поскольку все они могли считаться фердсменами Альфреда — ратниками наследственного ополчения Уэссекса и подчиненных ему земель. И старожилы, и новобранцы получили одно главное наставление. Не ввязываться в бой. Не пытаться сдерживать франков строем. Постараться подкараулить случай, когда можно будет ударить по ним с флангов. Приказ был прост и воспринят всеми с большой готовностью, особенно когда его огласил сам король.

«Как, однако, обложило, — думал Шеф, поглядывая на небеса. — На руку ли нам этот дождь?.. Ну, скоро узнаем...»

Сражение завязалось не сразу. Началось все с того, что Озви поставил свою «чистую просеку» под навесом в полусторевшем хуторе, а полсотни франкских всадников, уйдя влево и заметно оторвавшись от остального разъезда, оказались перед ним, как на блюде. Не утерпев, он надавил на собачку давно заряженной машины. Знакомая отдача, и черная молния, пролетев над пшеничным полем полмили, взрвалась в крупное скопление всадников. В тот же миг вся команда — семеро мужчин и четыре девушки — принялась бешено вращать рычаг, перезаряжать катапульту, искать новый прицел. Тридцать сердцбиений, произвольно подумал Шеф.

Командующий отрядом не вполне понимал, что происходит. Один из его людей ничком лежит в грязной земле, из ребер торчит огромное древко. Но ведь это осадная катапulta. Поразительно! В открытом поле. Он закусил губу. Как бы то ни было, действуют в таких положениях всегда одинаково. Разомкнуть строй, рассыпаться и ударить по неприятелю с тыла. Только вот где у них тыл? Кажется, стреляли с того

фланга... Он пришпорил лошадь, что-то гаркнул, и франки, стараясь не сблизиться, галопом пошли в атаку.

Густые насаждения, какие всегда идут вдоль английских дорог, чтобы не дать уйти с выгона скотине и не пустить туда диких свиней, вскоре выстроили всадников в растянувшуюся кавалькаду. Вдруг за их спинами из колючих кустов выросло несколько фигур с самострелами. Стрелы, пущенные с десяти ярдов, легко проникали в тела сквозь кожаные жилеты. Но сами арбалетчики не изъявили желания досмотреть, чем все закончилось. В тот миг, когда стрела покидала паз арбалета, они разворачивались и что было духу уносились прочь, а еще спустя мгновения уже влезали в седла своих пони и погоняли их к ближайшей рощице.

— У Ансио, кажется, не все ладно, — проговорил командующий вторым отрядом конницы. — Засада, что ли? Но мы ему поможем. Затянем им удавку, ударим по лапотникам с другого фланга. Один раз проучим — в следующий раз бояться начнут...

Показав направление взмахом руки, он бросил своих людей в атаку. Но не успели они перейти на галоп, как воздух вновь огласился зловещим свистом, вслед за которым раздался пронзительный вопль: вылетев словно из-под земли, гигантская стрела продырявила бедро всадника, прошла насквозь во внутренности лошади и пришила несчастного к крупе издыхающего животного. Всадник продолжал выть от ужаса и боли, мешая своему начальнику решить, откуда летела стрела. Из засады? Но где она? Он привстал в стременах, пытливым взглядом обводя невыразительную картину: разрозненные деревца, живые изгороди, неубранное жнивье. Куда теперь направить людей? И всюду эти изгороди... Колесания его были прерваны страшным ударом в лицо: он не успел заметить, как на расстоянии ста пятидесяти ярдов от него, высунувшись из кустов изгороди, поставил арбалет на одно колено и спустил тетиву англичанин. Меткий же стрелок, закоренелый браконьер из Диттона, не стал искать спасения в бегстве: плюхнувшись на живот, он с проворством ужа юркнул в канаву, которая уже наполовину была заполнена дождевой водой. Что же до вошеной, скрученной из кишок тетивы его арбалета, то она, по его наблюдениям, не слишком боялась сырости. Франки довольно долго справлялись с очередной волной замешательства, и в момент, когда нако-

нец решились бросить свои силы к месту последнего выстрела, снова оказались под прицелом вращательницы.

И медленно, но грозно, как канат, стягивающийся на колесе катапульты, без единого призыва горна и рожка два десятка разрозненных стычек начали разворачиваться в сражение.

Устроившись поудобнее в своем укрытии, Шеф наблюдал за опасливым приближением главной ударной силы франков. Кажется, они не слишком рвались в бой, желая прежде убедиться в прочности своих флангов. Но происходящее на флангах не поддавалось сейчас оценке. Оттого-то франки поминутно останавливались и озирались. Скорее всего, они должны ударить сейчас по рощице, потом построиться в линию и пойти на сгоревший поселок. Как будут развиваться события дальше, он уже увидеть не сможет. Зато сейчас его единственное око сумело распознать сквозь пелену мороси нечто любопытное: пара лошадей бешеным галопом тащила за собой катапульту на колесах, вслед за которой, нещадно стуча пятками в бока своих пони, неслись Озви и вся остальная команда. При этом brave катапультеры улизнули с хутора именно тогда, когда с другой стороны двора в него хлынули франкские конники. Попытка же франков разделить на две группы с тем, чтобы преградить Озви пути к спасению, была пресечена перекрестным обстрелом из других вращательниц. Прodelав недолгий путь, катапульты внезапно скрылись из видимости в небольшой ложине. В считанные секунды с нее можно будет снять оглобли, развернуть и нацелить на любую мишень, которая в пределах полумили от «чистой просеки» обречена, если застынет на месте.

Замысел Шефа зиждился на трех преимуществах, которыми должна обладать Армия Пути. Во-первых, знание местных условий. Только те, кто жил, хозяйничал и охотился на этой земле, представляли, где в случае необходимости искать удобную тропку и безопасные пути для отхода. Поэтому каждому отряду был придан крестьянин или мальчишка из местных, которые прибились к армии в последние часы. Остальные же разбросаны по всей округе, где они дожидались в укрытиях своего часа. В сражении принимать участия они не будут, зато сослужат добрую службу как проводники, лазутчики, посыльные. Вторая сторона замысла заключалась в использовании вращательных катапульт с их гигантскими сна-

рядами и нововведения Шефа — самострелов со стальной пластиной. Правда, и те и другие довольно долго перезаряжались, однако тот же самострел рвал в клочья кольчугу на расстоянии двух сотен шагов. К тому же из них можно вести стрельбу на поражение, не показываясь из укрытия.

Но самым важным основанием его замысла было совершенно новое понимание того, каким образом может быть выиграно сражение. В сущности, мыслил Шеф, для этого есть только два способа. Первый — когда успех достигается за счет сокрушительного удара, позволяющего одному строю пробить брешь в другом. Так выигрывались все виденные им до сей поры сражения. Именно так были одержаны все победы европейских армий за последние несколько веков. Проводить строй можно было по-разному — топором или мечом, как предпочитали викинги, грудью жеребца или пикой, как это повелось у франков, наконец, ядром или снарядом, как стал делать он, Шеф. Прорыв же строя означал неминуемый успех в битве.

На самом же деле сражения можно выигрывать совсем иначе. Не прорывать строй, не наносить сокрушительные удары, но терзать и подтачивать силы врага обстрелом из метательных орудий. Выполнить подобную задачу способны были только такие неучи и невежды в ратном деле, как вчерашние рабы Шефа, слишком уж вразрез она шла с привычными понятиями о ведении войны. Поле брани, как таковое, теряло значение. Поле брани существовало затем, чтобы отдавать его противнику. Доблесть поединка уходила в прошлое. Она уже несла на себе печать грядущего поражения. Предстояло отказаться от обычных способов подавления страха: от горнов, рожков, воинских песен, зычных призывов военачальников, но главным образом — забыть о чувстве локтя, о том, что кто-то обязательно должен находиться с тобой рядом. В сражении такого рода куда легче будет отступить, рассеяться, а то и просто спрятаться и вынырнуть тогда, когда неприятель забыл о твоём существовании. Шеф надеялся, что его разрозненные отряды будут постоянно прикрывать друг друга; в каждый из них он выделил по полсотни человек; каждый получил в распоряжение катапульту, двадцать арбалетов и несколько алебардчиков. Впрочем, характер битвы был таков, что им неминуемо придется расслоиться.

Вопрос в том, смогут ли они в нужную минуту вновь сойтись в один отряд.

Когда он начинал вспоминать те беспорядочные, но болезненные укусы, которым подверглась в снегах близ Йорка колонна викингов, ему казалось, что смогут. Мужчинам и женщинам, составившим его войско, не нужно было задумываться, во имя какого дела взялись они за оружие. Вокруг расстилалась родная земля, колосились неубранные нивы. Дымились развалины деревень. Как бурелом, лежали погубленные сады. Бедняки не могут спокойно взирать на брошенную землю. Слишком много у них на памяти голодных зим.

Продолжая следить за развитием сражения, Шеф вдруг ощутил прилив радостного чувства — если не самой свободы, то свободы от тревог. Он был теперь лишь малым зубцом на колесе. Зубец крутится, ибо вращается одно колесо, и в свою очередь вращает колесо другое. Но не он решает, будет ли работать машина. Будет она работать или надорвется и сломается — зубец за то не в ответе. У него есть своя небольшая задача, и он должен с ней справиться.

Шеф опустил руку на плечо Годивы. Та быстро покосилась на его обезображенное лицо, но не отодвинулась.

* * *

Взмахнув рукой, король Карл в двадцатый раз прервал монотонное продвижение своей колонны к Кольдбек-хиллу, на вершине которого, крепленное к высокому шесту, реяло знамя его врага. До стана Пути было уже совсем близко. Но сначала стоит выслушать начальника хоббеларов, прискакавшего на взмыленном коне. Всадник и сам вымок до нитки: шерстяная рубаха и кожаный жилет не спасали от дождя.

— Как дела, Рожер?

Всадник с отвращением тряхнул головой.

— Не пойми что — бьемся сразу в полсотне мест... Но бой они принимать не хотят. Мы их только зазря гоняем. С одной позиции выбьем, начинаем разворачиваться, — а они появляются сзади, и начинается все сначала.

— Как ты думаешь, что случится, если мы не станем на них больше отвлекаться, а просто все вместе ударим по их

стану? — И он показал всаднику на стяг, до которого оставалось не больше мили.

— Пока мы дотуда доберемся, они устроят нам веселую жизнь.

— Ну-ну, это не так долго терпеть. Решено, Рожер. Можешь еще некоторое время пощекотать этих заморышей, но потом присоединяйтесь к нам. Ударите по холму вместе с основной группой. А уж когда мы сотрем в порошок их центр, можно будет спокойно разобраться с теми, кто на флангах.

Король повернулся к войску, поднял копье и потряс им в воздухе. Воины откликнулись хриплыми возгласами, пришпорили коней и пошли дружной рысью.

— Ну вот, началось, — бросил Шеф стоящему за Годивой Альфреду. — Только земля размякла, так что они еще побегут силы для последнего рывка.

В стане ярла скопилось не более пятидесяти человек, главным образом посыльные, но была здесь и команда, работавшая с камнетолкалкой. Неуклюжее, непригодное в такой битве сооружение находилось здесь же.

— Лебединые камни, — приказал Шеф.

Счастливые от того, что им наконец-то выпала возможность размять косточки после столь долгих часов унылого ожидания, мужчины и женщины, входящие в службу, разбежались по своим местам. Их участие в этом сражении также ограничивалось весьма узкими рамками. Еще в начале испытания камнетолкалок англичане Шефа обратили внимание, что при изменении рисунка бороздок на ядрах, запускаемых с помощью их любимой машины, изменялась и трель, которыми те оглашали окрестности при полете. Вообще же гудение это напоминало лебединое курлыканье. Потехи ради они принялись состязаться в том, кто сумеет вырезать такой рисунок, при котором звук станет наиболее пронзительным. Этими навыками Шеф собирался сейчас воспользоваться для того, чтобы оповестить все свои рассеянные отряды о начале сбора.

Команда камнетолкалки работала слаженно. В считанные секунды машина была заряжена, рычаг раскачан, и ядро взметнулось в воздух. Летело оно и впрямь с леденящим душу воем. Камнетолкалка тут же развернулась и послала ядро на противоположный фланг. Отряды катапультиров и лучников, по-прежнему ожидавшие в засаде франкской конницы,

немедленно взнуздали коней, оттянулись назад и устремились к вершине холма. В первый раз за день они оказались под командой своего ярла. Пока они подходили, по приказу Шефа раздвигались фуры и телеги, которые он заранее расставил в линию по гребню холма; машины выдвигались в освободившееся пространство, а воины с самострелами занимали позиции в самих повозках. Всего в пяти ярдах от места событий конюшие держали лошадей в количестве, необходимом, чтобы усадить в седло каждого воина и снарядить упряжку для машин.

Шеф расхаживал взад и вперед вдоль линии, повторяя как заклинание:

— Три выстрела с катапульты. Не больше! Начнете с самого дальнего расстояния. Арбалеты стреляют один раз, по моей команде.

Когда король Карл наконец достиг подножия холма, сердце его, несмотря на непрекращающийся дождь, радостно забило. Замысел врага вдруг стал ему предельно ясен. Они попытались извести, издергать его людей с помощью своих орудий, а теперь полагаются на крутой склон и слякоть, которые, как они надеются, подорвут мощь франкского натиска. Однако всадники из передовых отрядов уже сделали свое дело, в рядах еретиков наверняка много потерь. И главное, они до сих пор ухитрились не понять, с кем имеют дело и что такое *élan* в исполнении тяжелой конницы. Всадив шпоры в круп своего коня, он направил его вверх по склону сначала легким, а потом и быстрым галопом. Графы из его личной свиты в один миг догнали короля, взяли его в кольцо. Приступ начался.

Первый раз прогнусавили катапульты. Черный ураган обрушился на подножие холма. Металлическое тело, что карабкалось на его вершину, содрогнулось, скомкалось, но через считанные секунды оправилось и продолжило наступление. За эти секунды проворные руки, работая с неистовой скоростью, заново закрутили рычаги машин. И вновь из зазоров между тележками с гнусавым стоном вылетела черная смерть. Истощенные крики продырявленных людей и животных. Передние катились под ноги тем, кто скакал сзади. «Странное дело, — невозмутимо размышлял Карл, уже в подробностях разглядывая укрепление, — какие-то телеги,

но ни щитов, ни ратников. Они надеются, что нас остановят эти деревяшки?!»

— Отпускай, — скомандовал Шеф, дождавшись, когда первые всадники поравняются с белыми столбиками, заходя вбитыми им в склон холма этим утром. И в тот же миг взревел на пример Бранда, дабы перекричать одновременный грохот выпустивших стрелы арбалетов: — Не бежать! Не бежать! Все по коням!

Вскоре по противоположному склону холма устремились вниз сотни коней, причем первыми скакали стрелки, а за ними катапультиеры, которым понадобилось секундой больше, чтобы пристегнуть упряжь. Последней села в седло Годива. Вдруг, помедлив, она сорвала с шеста знамя, набросила его поверх своего мерина и припустила вниз. Знамя волочилось за ней, как шлейф платья.

С горящими очами, с пиками наперевес франкские воины вылетели на гребень холма, готовые искромсать недруга, попортившего им в этот день столько крови. Некоторые из них направили своих жеребцов прямо в бреши между телегами, там резко осадили их и взяли в сторону, намереваясь с помощью окованных сталью конских копыт растолочь в мелкую муку пеших воинов, которые, очевидно, прильнули к телегам...

Но у телег не было ни души. Вся вершина холма испещрена следами копыт. Стоит только одно осадное оружие, брошенное англичанами в суете отступления. В бреши укрепления стекалось все больше и больше всадников. Некоторые, спешившись, в великой досаде переворачивали телеги вверх дном. Король Карл задрал голову и посмотрел на пустующий кончик древка, с которого Годива минутой раньше сорвала флаг. Не успел он это сделать, как, словно бы в насмешку над его растерянностью, в полумиле от места, где он стоял, знамя с Крестом и Молотом взмыло над другой возвышенностью, отделенной от этой густой чашей и извилистой протокой. Некоторые сорвиголовы, более не в силах удерживать в себе так и не выплеснутую ярость, издали боевые рыки и пришпорили жеребцов. Властный окрик заставил их воротиться на место.

— Я запасаюсь ножом, чтобы разрезать телятину, — шепнул король на ухо Годфруа. — А мне подали плошку с супом.

Причем очень жидким. Мы возвращаемся в Гастингс. Никогда не поздно пораскинуть мозгами.

Вдруг взгляд его упал на Альфгара.

— Кажется, я слышал, что дождь вот-вот кончится.

Вместо ответа Альфгар потупил очи. А король вновь устремил взгляд на жердь, на которой недавно развевалось знамя. Флага не было, но флагшток на месте. Стоит, крепко-накрепко прибитый к телеге.

— Повесить изменника, — коротко бросил король.

— Но ведь я предупредил тебя, что у них машины!!! — заверещал Альфгар, когда на нем сомкнули железные объятия.

— О чем это он? — спросил один из рыцарей.

— Откуда мне знать? Местная тарабарщина...

* * *

А на небольшом бугре в стороне от дороги, по которой в обратном направлении поплелась кавалькада франков, уединились Торвин, Гейрульф и Фарман. Решено было провести срочное совещание.

— Ну, что скажете? — спросил Торвин.

Гейрульф, жрец Тюра, сокрушенно покачал головой.

— Это что-то новенькое... Такого еще не было! И я еще ни разу не слыхивал, чтобы так вели себя воины на поле брани. Спросим себя: кто может подсовывать ему такие идеи? Кто, как не сам Прародитель Живущих?! Он — сын Одина! Мы еще хлебнем с ним лиха.

— Нет, я не согласен, — сказал Торвин. — И я беседовал с его матерью.

— Мы знаем, что сказала тебе его мать, — ответил Фарман. — Да только ты нам никак не втолкуешь смысла этой истории. А раз так, я присоединяюсь к мнению Гейрульфа.

— У меня просто нет на это времени, — сказал Торвин, — видите, как все меняется? Франки-то собрались домой!

* * *

Шеф с недобрым чувством смотрел в спины удалявшимся конникам. Он был почти уверен, что они попытают счастья еще разок, и этим окончательно надорвут свои силы, потеряют людей и совершенно замучают лошадей. А если

они потянулись домой, то сохранялась большая вероятность того, что они доберутся до своего лагеря, передохнут и в один прекрасный день попытаются стереть в порошок Армию Пути. Бессознательно он отдавал себе отчет в том, что непрофессиональная армия не в силах сделать одну вещь: преградить врагу доступ на определенную территорию. Сегодня он и не пытался этого сделать, а король франков не захотел его к этому принудить. Очевидно, король слишком был уверен, что заветное желание обеих сторон состоит в том, чтобы выяснять отношения в открытом сражении. И все же он должен заставить франков пойти еще в одну атаку. Под пятой захватчика истекает кровью вся Южная Англия.

Он должен добыть победу сегодня. А это значит — поставить на карту больше, чем он рассчитывал. И в случае выигрыша получить больше, чем он надеялся. К счастью, отступающие армии в одном отношении более уязвимы, чем армии наступающие. К этому моменту едва только половина из всех воинов Шефа поучаствовала в деле. Пришла пора привлечь остальных. Призвав к себе нарочных, Шеф принялся раздавать приказы.

Тем временем, спускаясь по прокисшим склонам, ведущим от моря к холмистой равнине Южной Англии, франкские кавалеристы наконец-то начали принимать меры предосторожности. Не желая становиться удобной мишенью для противника, они уже не скапливались большими группами, а вместо этого сами старались отсидеться в укрытии. Двигались же они только в случае необходимости и легким галопом. Стоя в перелеске под мокрыми кронами деревьев, один из таких отрядов изготовился к бою: совсем рядом послышался стук бегущих ног. На тропинку выбежал мальчуган-посыльный; он даже не заметил всадников, думая только о том, как побыстрее доставить послание. Один из верховых прищпорил коня. Блеснул в яростном замахе обнаженный клинок.

— Он же был безоружен, — заметил другой франк, подъезжая ближе и глядя, как стремительно краснеет дождевая лужица под неподвижным телом.

— Он нес оружие у себя в голове, — буркнул в ответ старший воин. — Стройтесь, сейчас двинемся дальше.

А брат мальчугана, что отстал от погибшего шагов на пятьдесят, лежал, притаившись, как мышка, за кустом ог-

ненно-красной рябины. дождался, когда всадники отъедут на безопасное расстояние. И бросился собирать истителей.

Лучники же франков до сей поры довольствовались случайными, часто наудачу, выстрелами. Теперь же намокшая от непрерывного дождя тетива их пришла в полнейшую негодность. Командиры понуждали их занять ключевые позиции вдоль пути отхода армии. В свою очередь, лучники сочли за благо использовать попадавшие по пути постройки. Один из таких отрядов скрылся под покосившейся крышей хлева.

— Глядите, — показал один лучник на сцену, разыгравшуюся в этот момент в соседнем поле, по которому отступал отряд хоббеларов. Один из наездников схватился за бок, накренился и опрокинулся на землю. А из живой изгороди вдоль дороги вдруг выскочил человек, забрался в седло пони и поскакал. Верховые так и не поняли, откуда на сей раз была выпущена стрела. Зато англичанин направил пони прямо в засаду. Едва лошадь поравнялась с покосившимся хлевом, как оттуда выступили двое с короткими мечами, вонзили клинки в грудь животного и подхватили мелкого стрелка в свои объятия, когда он вылетел вон из седла.

— Какого дьявола они здесь наковыряли! — воскликнул франк, подбирая с земли арбалет. — Ты только посмотри: лук, стрелы... А к поясу-то что у него привязано?

— Да ты не на пояс смотри, Гийом, — завопил вдруг его приятель, — смотри дальше... Это же девка!

Лучники ошарашенно воззрились на хрупкую фигурку в короткой юбочке.

— Так-так, — проговорил Гийом. — Значит, девка из засады шлет стрелы в спины воинам. Ну, у нас будет время наказать ее. А ей будет о чем вспоминать в Преисподней.

Когда к содрогавшемуся телу с заломанными конечностями выстроилась очередь галдящих воинов, из-за травы за их спинами показалась дюжина коренастых керлов. Кентские фердсмены, конечно, не в состоянии были тягаться силами с закованными в латы всадниками. Но кучка праздных разбойников была им вполне по зубам.

На каждом шагу теряя людей и лошадей, огромная змея медленно ползла к своему логову.

Король Карл, погрузившись в нелегкие думы, не заметил остановки колонны и едва не сбил с ног поджидавших его

лучников. Старший воевода отряда шагнул к королю и придержал его стремя.

— Государь, — сказал он. — Смотрите, вот они. Наконец-то решили нас встретить.

Местный рив, пристрастно накануне допрошенный Шефом, твердо посулил ему, что если дождь зарядит на целый день, то после прохода тяжелого войска ручей между Бреде и Бульверхайтом превратится в непроходимую трясину. Шеф призадумался и решил ему поверить. Почти все посланные им нарочные передали его приказы. С дальних флангов начали подтягиваться команды камнетолкалок в сопровождении усиленных нарядов алебардщиков, которых Шеф поначалу решил оставить без дела. Орудия были исправно собраны и расставлены в пяти ярдах друг от друга. Образовалась линия длиной в сто пятьдесят ярдов, что в качестве меры против тяжелой конницы в другой, ясный день было бы чистым самоубийством.

Воевода Озмод, зоркому взгляду которого дождь был не помеха, оценил расстояние до надвигавшегося на него врага. Можно начинать, решил он.

По его слову двадцать перекалин взмыли в воздух, пращи описали положенные петли, и ядра со стоном ушли в хмурое небо.

Жеребец Карла испуганно отпрянул назад. Вся его морда оказалась забрызгана красным веществом, вылетевшим из головы поникшего в седле лучника. Другой жеребец, с повернутой ногой, ревел и бессильно сучил копытом. Пока франки сообразили, что произошло, над их головами зависла уже вторая очередь ядер. Через считанные мгновения франкская армия, не переставая изумляться, готова была впасть в панику.

Карл, извергая потоки проклятий, бросил коня вперед, не обращая внимания на камни, которые катапультеры предназначали лично ему. Одного властного окрика хватило, чтобы лучники продолжили свое движение, слепя противника беспорядочным градом коротких стрел. Их примеру последовала тяжеловооруженная конница, перейдя на легкую рысь и вскоре оказавшись в той самой трясине, которая еще утром была ручьем.

Жеребец короля увяз одним из первых. Конюшие помогли королю вылезти из седла и перебраться на островок твердой земли. Оттуда, не искушая судьбу, король продолжил на-

блюдение за боем. Его люди, ценой невероятных усилий, выходили из коварных хлябей и готовы были обрушиться — кто сидя в седле, кто поневоле спешившись — на катапультеров, посылавших как ни в чем не бывало залп за залпом в расположение остальной колонны. Через мгновение доступ к машинам был закрыт. Словно из-под земли выросла линия воинов в диковинных шлемах и принялась сечь и долбить франков огромными топорами с проворством бывалых плотников. Без élan, привычной кавалерийской атаки, рыцари франков вынуждены были принять бой на равных условиях, стоя на одном месте. Впрочем, вскоре великаны в кольчугах начали теснить своих худосочных противников. Те, не бросая своих нелепых топоров, пятились и пятились к орудиям и наконец оказались с ними на одной линии. Им уже не под силу их защищать.

С обоих флангов раздался пронзительный вой рожков. Карл, широкими прыжками перескакивая с места на место, бросился вперед. Это контратака. Последняя и отчаянная выходка его врагов. Но вместо этого он видит, как они одновременно поворачиваются к нему спиной и что есть духу пускаются наутек. Бегут, как зайцы, без зазрения совести. Машины, естественно, достаются победителям.

Переводя дыхание после проделанного рывка, Карл уже понимает, что эти трофеи домой ему не утащить. Даже и сжечь их, похоже, не удастся.

— Давайте начинайте рубить! Рубите канаты! — рявкнул он, заметив одного из лучников, неуверенно осматривающего толстые балки. — Сделайте же что-нибудь!

— Мы неплохо их пощипали, — сказал один из графов. — И они бежали без оглядки, как трусы. Все машины оставили нам.

— Нас они пощипали куда сильнее, чем мы их, — молвил король. — Скольких мы сегодня лишились мечей и кольчуг? Подведите мне коня. Если мы доберемся до лагеря с половиной из тех, с кем выступили, я буду считать это для себя удачей.

«Все так, — подумал он про себя. — Но все-таки мы провались. Вышли невредимыми из всех ловушек, что они нам наставили. А той половины вполне может хватить, чтобы в более погожий денек...»

Словно бы поощряя ход его мыслей, дождик вдруг перестал накрапывать.

Гудмунда Жадного, который вошел в Узкий канал из Северного моря только благодаря отменным навыкам и моши своих гребцов, дождь нисколько не обескуражил. Плохая видимость ему, Гудмунду, только на руку. Если он и впрямь решится пристать сегодня к берегу, то куда приятнее делать это в такую непогоду. А потом — когда дождь стеной да туман клочьями, всегда легче перехватить ценные сведения. Сейчас, покачиваясь на носу своей передовой ладьи, Гудмунд приметил какое-то движение с правого борта. Тут же он обернулся к гребцам и заставил их удвоить усилия. Очень скоро нос ладьи поравнялся с кормой шестивесельной рыбацкой лодки. Сидящие в ней люди с ужасом наблюдали за неумолимым приближением викингов. Гудмунд помахал в воздухе своею пекторалью. Выражение страха на лицах рыбаков мало-помалу уступило место настороженности.

— Мы собираемся бить франков, — первым делом заявил Гудмунд, изъясняясь на принятом при дворе ярла англо-норвежском диалекте. Лики рыбаков разгладились пуше прежнего. Всегда приятно сознавать, что можешь понять иноземца. Потом рыбаки призадумались над услышанным.

— Поздно вы приплыли, — крикнул один из них. — Сражение уже началось.

Не сразу Гудмунд разобрал, о чем толкует местный житель. А когда это произошло, сердце его бешено заколотилось. Если существует вообще золотое правило успешного налета, то оно должно быть очень простым: высаживайся там и тогда, где и когда вероятность отпора — наименьшая. Он еще и еще раз переспрашивал рыбака. Сомнений не оставалось. Франкская армия сегодня утром покинула свой стан. Защищать его предстояло кучке часовых и отряду корабельной стражи. Награбленное за несколько месяцев опустошительных рейдов добро, включая драгоценности из кладовых Кентербери, само просилось в руки Гудмунда. Правда, рыбак говорит о победе франков как о деле решенном. В конце концов, успокоил себя Гудмунд, если мой друг ярл сегодня будет разбит, нет ничего зазорного в том, чтобы чуток пощипать победителей. Кроме того, от доброго удара в тыл врага хуже ярлу не будет. У Гудмунда был еще целый воз вопросов: весь флот они стянули в гавань? Укрепление стоит на холме?

А где ближайшая бухточка, чтобы причалить? Что, такие крутые склоны? Есть хоть одна тропинка?

Под нескончаемыми потоками дождя корабли Пути, направляемые могучими гребками прикованных к банкам Рагнарссоновых ветеранов, один за другим входили в узкое устье речушки, впадавшей в море под Гастингсом.

— Никак, ты собрался по лестницам на стенки карабкаться? — покачал головой рыбак. — Там все десять футов будет.

— А эти на что?! — подбоченясь, заявил Гудмунд и показал ему на свои онагры, которые в эту минуту подъемные стрелы переносили на берег.

— Тяжело тебе их будет на себе тащить, — пробормотал рыбак, обратив внимание на угол наклона ладей при разгрузке. — Видишь, какой холм!

— Для того, чтоб тащить, у меня полно умельцев, — вновь ухмыльнулся Гудмунд, не спуская при этом колючего взгляда со своих людей, которые, изготовившись пустить оружие в ход при первых признаках неповиновения, размыкали кандалы у ног головорезов. Освободив несколько пленников, они тут же пристегивали их к брусам и поперечным балкам онагров.

Когда в ложину высыпали наконец все участники набега, Гудмунд позволил себе обратиться к ним с кратким напутствием.

— В лагере полным-полно барахла, — сказал он. — При чем франки прихватили его в церквах. Значит, возвращать его не придется. Может, ярла нашего в долю возьмем. А может, и не возьмем. Все, теперь вперед.

— А с нами что будет? — крикнул один из пленников.

Гудмунд смерил его пристальным взглядом. Огвинд, тоже из Швеции. С этим парнем шутки плохи. Тяжелый характер. Не человек, а боров. Но ему как раз нужны такие ребята, чтобы доставить онагры на вершину холма.

— А будет вот так, — отвечал он. — Наша возьмет, получишь свободу. А если франки нам скулы поправят — я тебя так и оставляю стоять к этой машине привязанным... Может, и разжалобишь христиан... Идет?

Огвинд кивнул. Вдруг Гудмунда осенила еще одна мысль. Он метнул взгляд на черного дьякона, знатока смертоносных машин.

— А вот как с тобой быть, не знаю... Поможешь нам перебить франков?

Лицо Эркенберта приняло неустрашимое выражение.

— Ты предлагаешь мне воевать против христиан? Сражаться против посланников самого Папы, Святейшего Отца нашего? Против людей, которых я и архиепископ самолично призвали явиться в эту обитель варварства? Уж лучше я смиренно соглашусь принять венец святого мученичества и преддам свое тело...

Гудмунду не дали дослушать архидиакона: чьи-то пальцы вцепились ему в рукав. То был один из немногих рабов Йоркского Минстера, ухитрившихся пережить и жертвоприношения Ивара, и назидательные расправы Эркенберта.

— Мы поможем тебе, хозяин, — пролепетал он. — Всю жизнь руки чесались...

Гудмунд без лишних проволочек повел свое пестрое войско вверх по крутому склону холма. Первым поднимался сам воевода, прихватив с собой как разведчиков рыбаков и людей из Минстера. За ними, сцепив зубы, карабкались Рагнарссоновы викинги, таща дьявольские машины и напрягаясь из последних сил под их полутоннажным весом. Наконец, все также находясь под спасительным покровом дождя, шесть онагров и тысяча воинов одолели подъем и расположились в четырехстах ярдах от стены лагеря. Открывшийся ему вид насторожил Гудмунда: рядом с частоколом не чувствовалось присутствия часовых. Во всяком случае, со стороны моря. Если они и были в крепости, то все, как один, переметнулись к противоположной стене. Ибо даже до ушей викингов долетало теперь отдаленное грохотание рати.

Первый же выстрел из онагра, произведенный для определения дальности, произвел разрушения в стене франков: ядро не долетело несколько ярдов, но отскочило от земли и легко вырвало из земли десятифутовый столб. Набившие руку рабы Минстера прикинули угол, чуть приподняли брус. Пять камней весом по двадцать фунтов каждый, выпущенные залпом, расчистили в частоколе проход шириной в двадцать футов. Гудмунд решил, что необходимость во втором залпе отпала. Армия была брошена в образовавшийся разлом. Франки, в большинстве своем лучники, не верили своим глазам. На них катилась тысячная орда викингов. Нечего было и помышлять о попытках сопротивления: драться с ве-

теранами пешего строя в замкнутом пространстве не имело ни малейшего смысла. Поэтому франки как можно скорее очистили укрепление от своего присутствия.

Спустя всего два часа после того, как нога его ступила на сушу, Гудмунд осматривал близлежащие окрестности из ворот франкского укрепления. Весь его многолетний опыт взывал к единственному решению: связать барахлишко в тюки, бросить ненужные теперь онагры, да и не задерживаться здесь больше, уходить к морю, пока им тут хвост не прищепили... И все же картина, которую он сейчас лицезрел, замечательным образом походила на известные ему сцены отступления терпящей поражение армии. Ну а раз так... Раз так...

Гудмунд обернулся и принялся раздавать команды. Переводчик Скальдфинн, жрец Хеймдалля, взглянул на него недоверчиво:

— Опять хочешь удаль свою показать?

— Какая уж тут удаль! Помню, дед мне раньше говаривал: Гудмунд, добивай лежачего!

* * *

Когда франки обнаружили, что над местом, в котором они рассчитывали найти отдохновение от событий этого дня, реет стяг с Молотом, дух Карлова войска стал стремительно идти на убыль. Люди и животные промокли, озябли и смертельно устали; хоббелары же, продираясь к основной колонне сквозь многочисленные рощицы и насаждения живой изгороди, в конце концов не досчитались по меньшей мере половины своих товарищей, которые были либо уже мертвы, либо, лежа на сырой земле, дожидались неминуемой смерти от тесака местного керла. Что до лучников, то они вообще представляли собой большую часть дня безукоризненную мишень для английских орудий. Даже слава франкского оружия, тяжелая конница, потеряла не меньше трети от своей прежней численности на склоне перед станом врага и в трясине перед его орудиями. Причем в обоих случаях конница так и не сумела поразить воображение англичан. Тем временем неприятель захватил оставленный ими лагерь, почти не произведя разрушений в его стенах, за которыми готова сейчас принять бой мощная дружина. Для того чтобы отвоевать лагерь, придется положить сотни ратников.

Не видя смысла в такой расточительности, Карл вознес копьё и направил его в сторону кораблей, несколько недель назад вытасненных на английский берег. Воины угрюмо развернули коней и последовали указанию своего повелителя.

Франки едва начали грузиться, как викинги, которые управились с этим быстрее, уже выводили из маленькой бухточки ладьи на ровную гладь моря и с безукоризненной сноровкой разворачивали драконьи морды строем в сторону неприятеля. Онагр, поставленный на изумительную позицию для обстрела в потерянном франками форте, сделал пробный выстрел. Ядро бухнулось в серые воды в кабельтове от «Dieu Aide». Рабы Минстера чуть-чуть подогнали прицел...

Шеф уже наблюдал за событиями, которые разворачивались на и около береговой линии, из бывшего франкского укрепления. Если можно сказать, что армия франков таяла на глазах, его собственная росла со скоростью снежного кома. Вращательницы и арбалеты были уже на месте, почти в том же количестве, что и в начале сражения. Сотни добровольцев стремительно подносили неразобранные камнетолкалки — очень немного из них франки успели подпортить, да и те уже обросли новыми канатами. Сколько-нибудь существенные потери понесли только отряды алебардчиков. Но их место с огромной готовностью заняли тысячи, в буквальном смысле тысячи разъяренных керлов, вышедших на подмогу из лесов с топорами, серпами и тесачами. Если франки думают прорываться обратно, им придется карабкаться вверх по холму. На полуживых лошадях и под убийственным обстрелом.

Вдруг в его сознании явилось непрошеное воспоминание: поединок с Фланном-отступником. Если воин собирается отправить своих врагов — или целую армию — в Ностранд, на Берег Мертвых, он должен подбросить над их головами копьё в знак того, что отныне они принадлежат Одину. И тогда уж никаких пленников. Из глубин собственной души Шеф услышал обращенный к нему ледяной голос, голос, которым в его грезах говорил с ним Прародитель Живущих.

— Не останавливайся. Мне причитается с тебя должок. Ты до сих пор не носишь моего копьё, но разве ты не слышал, что говорят люди? Ты принадлежишь и служишь Одину...

Словно бы в забытии Шеф подошел к «мертвой просеке»,

которую только что зарядила команда Озви, и нацелил ее в сердцевину мятущейся в панике на берегу армии. Они размахивают щитами с намалеванными на них крестами, а он вспоминает *orm-garth*. Сломленного навеки Мерлу. Истязания, которые сам он терпел от Вульфгара. Изувеченную спину Годивы. Превратившихся в пепел Сиббу и Вилфи. Распятия на крестах. Недрогнувшей рукой он подправил прицел, наведя орудие на головы франков.

И вновь зазвучал из недр души его голос, словно раскололся надвое громадный ледник.

— Ну-ну, живее! Я жду не дожусь христиан!

Внезапно подле него оказалась Годива и мягко прильнула к его руке. Она молчала, а в его голове проносились другие воспоминания. Отец Андреас, которому он обязан тем, что появился на этот свет. Его друг Альфред. Отец Бонифаций. Та нищенка на лесной пустоши. Вдруг, придя в себя, он изумленно огляделся и обнаружил, что жрецы Пути, все до единого, выросли перед ним словно из-под земли и взирают на него суровыми и выжидательными глазами.

Издав глубокий вздох, он отошел прочь от орудия.

— Скальдфинн... Ты — переводчик. Спустишь и передай королю франков: он должен либо сдаться, либо умереть. В первом случае я сохраняю им жизни и отпускаю домой с миром...

И вновь зазвучал голос, но на сей раз то был лукавый говорок горного странника, впервые услышанный им во время шахматной партии богов.

— Молодчина, — сказал он. — Ты не поддался на искушение Одина. Может, ты и впрямь — мой сын? Но сыновья не всегда знают своих отцов...

Глава 12

— В какой-то момент у него чесались руки начать бойню, — настаивал Скальдфинн. — Не отрицай, Торвин, в нем есть что-то от Одина.

— А бойня бы развернулась такая, что померкли бы все прошлые побоища, какие только бывали на этих островах, — поддержал его Гейрульф. — Франки толпились на берегу и бы-

ли совершенно беспомощны. Керлы же нашли бы удовольствие в том, чтобы перерезать им всем до единого глотки.

Жрецы Пути вновь собрались в своем святилище. Горел костер Локи, из земли торчало Одиново копье. Обильные, свежие грозди рябины, принесенные Торвином из осеннего леса, отливали алым пламенем в лучах заходящего солнца.

— И если бы это произошло, мы бы накликali себе на голову великую беду! — закончил Фарман. — Ведь когда совершается подобное жертвоприношение, необходимо полностью отказаться от стяжания добычи. Разумеется, английских керлов мы бы в этом не убедили... Они бы раздели до последней тряпки каждого мертвого франка! Тогда бы мы уже заслужили и гнев христианского бога, и ярость Прародителя Живущих.

— И однако он так и не выпустил стрелу, — заметил Торвин. — Он сдержался. Вот почему я заявляю вам, что служит он вовсе не Одину.

— Расскажи нам лучше, что ты выведал у его матери, — попросил Скальдфинн.

— Дело было так, — начал Торвин. — Найти ее было несложно, она до сих пор живет в селении, которое принадлежит ее мужу хеймнару. Со мной она, может, и не стала бы разговаривать, но она очень любит эту девчонку, хотя та и не ее дочь, а дочь его наложницы... В конце концов, она мне все рассказала... Многое сходится с тем, что мы слышали от ярла Сигварда. Хотя нам он тогда наплел, что она осталась от него в восторге, тогда как мне она сказала... Ладно уж, после того, что она от него перенесла, ничего доброго она о нем, конечно, не скажет. Но она подтвердила и то, что он овладел ею на берегу, и то, что потом усадил ее в лодку, бросил якорь, оставил, а сам поплыл на берег развлекаться с другими женщинами. И вот здесь произошла странная вещь. Она вдруг услышала, как что-то заскрежетало о планширь лодки. Пригляделась — была крошечная тьма — и поняла, что рядом стоит утлый баркас, а в нем человек. Я и так, и эдак расспрашивал ее, что это был за человек, но она ничего не в состоянии вспомнить. Средних лет, среднего роста, говорит. Одетый не так чтобы богато, но и не оборванец. Он подозвал ее к себе. Она решила, что это рыбак, который вышел в море, чтобы спасти ее от викингов. И повиновалась. Он отплыл как можно дальше, потом пошел вдоль берега на юг. И за все

это время они не обмолвились ни словечком. Он просто ее высадил, и она отправилась домой к мужу.

— А что, может, он и в самом деле рыбак? — предположил Фарман. — Так же, как и морж был самым настоящим моржом, а *skoffin* — это сам парнишка-часовой, который, пока стоял в такую ночь один на вершине утеса, наделал в штаны со страху...

— Еще я у нее спросил: дескать, что же он, даже вознаграждения себе не потребовал? Он, скажем, мог бы ее сам до родного селения довести. Если уж не муж, то родичи ее, во всяком случае, его бы озолотили. А она твердит, что он просто оставил ее на берегу и ушел. Я заставил ее припомнить все до последней мелочи. Тогда она рассказала еще вот что. Когда этот человек пристал к берегу, он вытащил лодку и внимательно посмотрел на нее. А она вдруг почувствовала, что смертельно устала, и улеглась спать прямо в водорослях. А когда проснулась, он уже исчез.

Торвин обвел присутствующих своим многозначительным взглядом.

— Понимаете? Произошло ли что во время этого сна — мы с вами никогда знать не будем. Можно, конечно, утверждать, что если женщиной во время сна кто-то овладел, останутся признаки, которые ей на это укажут. Однако на самом деле ничего не ясно. Незадолго до этого с ней баловался ярл Сигвард. И потом, даже если у нее есть на этот счет свои догадки, какой ей смысл был в этом передо мной исповедоваться? Но, воля ваша, меня этот случай со сном наводит на кое-какие подозрения... Скажи-ка, Фарман, — ведь ты среди нас самый мудрый, — сколько, по-твоему, богов обитают в Асгарде?

Фарман недоуменно передернул плечами.

— Знаешь ли, Торвин, вопросы у тебя не самые мудрые... Есть Один, есть Тор, Фрейр и Бальдр, Хеймдалль и Ньёрд, Идуна и Тюр, Локи и Браги... Этих мы вспоминаем чаще других. Ну, есть еще те, о которых ходят сказания: Видур, Сигюн, Уль...

— А Риг?

— Но ведь это же имя Хеймдалля! — возразил Скальдфинн.

— Правильно, — сказал Торвин. — Два имени, а сущность — та же. Послушайте, иногда я начинаю думать, что

христиане правы: существует только один Бог. — Он скользнул взглядом по вытянувшимся лицам жрецов. — Но он... или оно... словом, этот Бог имеет несколько обличей, состояний духа... Возможно, разных составных частей. И части эти порой сражаются друг против друга. Так иногда человек забавы ради играет сам с собой в шахматы — левая рука против правой. Один против Локи, Ньёрд против Скади, Эзир против Венира. Хотя подлинное сражение идет между всеми частями, то есть всеми богами, с одной стороны, и гигантами и чудовищами — с другой. Закончится же оно в Рагнар-ёк, Судный День... У Одина свои взгляды на то, как подготовить людей к сражению, как сделать так, чтобы они стали помощники богам в этот великий день. Он хочет сделать их сильными. Но и Риг, только на свой лад, выполняет ту же задачу. Слышали вы древнее сказание? О том, как Риг бродил по горам, увидел Ая и Эдду и дал Эдде потомство — Трэля. Потом встретил он Афи и Амму, и Амма принесла от него Карла. Наконец, попал в дом Фатира и Мотир, после чего Мотир стала родительницей Ярла. Задумайтесь: наш ярл когда-то был трэлем и карлом. Теперь скажите: как звался сын Ярла?

— Кон Юный, — сказал Фарман, — *Kon ungr*.

— То есть *konungr*, — подсказал Торвин.

— То есть конунг, король... — сказал Фарман.

— Кто же теперь откажет нашему ярлу в праве носить этот титул? Ведь он всей своей жизнью повторил старинное предание.

— Но почему у Рига такие повадки? — спросил Вестмунд, жрец Ньёрда. — И в чем сила этого бога? Ибо, признаюсь, если не считать рассказанного тобой предания, я о нем совсем ничего не знаю...

— Он — бог первопроходцев и горных бродяг. В его власти — заставить человека совершенствоваться. И не через воинскую доблесть, как это делает Один... Рассказывают другое предание — о Скъефе, отце Скволда — Снопе, отце Щита. Правда, датские короли называют себя Скволдунгами, сыновьями Скволда, то есть королями-воинами. Однако и они помнят, что пока Скволд не стал королем-воином, он был очень мирным королем, он научил людей, как сеять пшеницу и собирать урожаи, хотя прежде они добывали пропитание охотой, подобно дикому зверю. А наш Шеф — как бы ни выговаривалось его имя, — как я полагаю, явился к

нам для того, чтобы избавить нас от сева и жатвы и ежегодного беспомощного ожидания новых всходов...

— И ты полагаешь, что это тот, кто должен прийти к нам с Севера? — с сомнением произнес Фарман. — В его жилах течет чужая кровь, родное его наречие отлично от нашего... И он пошел на союз с христианами... Это просто невероятно.

— Воля богов всегда поначалу кажется нам невероятной.

* * *

Ярл и король смотрели на скорбную процессию, что поднималась на палубу кораблей. Первым поднялся посрамленный король, за ним — все его разоруженное воинство. Причем Альфред настоял, чтобы вместе с франками отплыли и папский легат, и церковники, завезенные франками, но кроме того — и архиепископ Йоркский заодно с епископом Уинчестерским Даниилом вкуче, само собой, с архидиаконом Эркенбертом. Высланы были и те английские клирики, которые не пожелали в свое время заявить о своем неповиновении захватчикам. Поднимаясь на борт, Даниил призывал на голову короля все муки ада, грозил ему вечным проклятием и анафемой, но Альфред был спокоен, как изваяние.

— Если ты изгонишь меня из своей паствы, — наконец произнес он, — я соберу вокруг себя новую и наберу пастырей получше, чем ты. И к стаду тому приставлю овчарок с зубками поострей, чем у тебя.

— Ты нажил себе смертельных врагов, — заметил Шеф.

— Это нам также придется поделить на двоих, — ответил король.

И тогда они совершили свою сделку.

Оба одинокие, наследников ни у того, ни у другого нет. Оба станут королями и будут править в содружестве друг с другом: Альфред — землями к югу от Темзы, Шеф — к северу от реки, и в любом случае — до Гембера, за которым по-прежнему рыщет Змеинный Глаз. Далее, каждый признал другого своим наследником. Каждый согласился с тем, что в пределах его владений люди смогут свободно исповедовать любую религию, — быть христианами, поклоняться богам Асгарда или стать последователями любого другого верования. И однако и жречеству, и священникам запрещалось заниматься стяжательством — принимать подати или владеть

землей, не считая платы, взимаемой за отправление определенной службы и оговоренной заранее. Все же церковные земли принадлежали отныне короне. Это делало обоих друзей богатейшими из государей Европы своего времени.

— Полученное мы будем тратить на благие цели, — провозгласил Шеф.

— На благотворительность?

— Не только. Говорят, что всякое семя знает свое время. Я с этим согласен. Но только часто случается, что время-то уже настало, а всходов не видно. Возможно, о них позабыл нерадивый жнец. Или прибрал к рукам попик... Взгляни на эти катапульты, на эти самострелы. Кому придет в голову утверждать, что их нельзя было построить сотню лет назад?! Или пятьсот лет назад, во времена римлян? И однако никто этого не сделал. Я хочу, чтобы мы взяли за изучение старого знания, овладели бы премудростью счисления, которую ведают *arithmetici*... И использовали бы старое знание для накопления нового... — Сказав это, он с силой сжал кулак, словно там помешалась рукоять молота.

Альфред, не отрывая взора от нескончаемой очереди пленников у сходней, произнес:

— Одного не могу понять. Почему ты не желаешь носить молот, который запечатлен на нашем знамени. Ведь я же ношу свой натальный крест...

— Молот — это знак всего Пути в целом. К тому же Торвин сообщил мне, что он уже выковал для меня какой-то знак. Правда, я еще не знаю, насколько он придется по душе мне самому: это очень серьезный выбор. А вот и Торвин...

Торвин, во главе процессии в составе всех жрецов Пути и идущих за ними Гудмундом со старшими шкиперами, подошел к новоявленному королю.

— Это и есть твой знак.

Он протянул ему пектораль на серебряной цепи. Шеф с интересом повертел ее в руках: черенок, к которому с разных сторон крепилось пять перекладин.

— Что это?

— Эта вещь называется *kraki*. Лестница на одном шесте. Знак Рига.

— Я слышал, кажется, это имя... Но бога с таким именем я не знаю.

— Ты еще не раз с ним встретишься. Он будет часто на-

ставлять тебя. Ни Тор, ни Локи, ни любой другой бог тебе не покровительствует. Только Риг.

Шеф поднял глаза. Сколько вокруг родных лиц: Альфред, Торвин, Ингульф, Ханд. Кое-кого, правда, недостает. Бранда, например, — он так и не успел справиться о его здоровье. Нет здесь и леди Трит, его матери. Он не знает даже, захочет ли она вновь свидеться с ним.

И главное, с ним Годива.

После битвы группа катапультеров принесла ему тело его единоутробного брата, мужа Годивы. Оба, он и она, долго не отрывали взгляда от побагровевшего лица, скрюченной набок шеи. Старались всколыхнуть в себе воспоминания детства, понять истоки ненависти, поселившейся в этом сердце. Шефу пришли на ум строки, которые он однажды слышал от Торвина. Герой сказания произносит их над телом убитого им брата:

Я стал для тебя проклятием, брат.

Злая судьба нам обоим подруга.

Что норны решили, то нам не забыть.

Но сам он не захотел произносить эти слова. В нем не угасла надежда, что он сможет забыть. И что сможет забыть Годива. Забыть, что он спас ее, а затем оставил на поругание. Снова спас — лишь потому, что она могла ему быть полезна. Но теперь, когда душа его избавлена от груза всевозможных треволнений, забот, необходимости что-то решать, он понял, что любит ее с той же силой, как в тот день, когда он вырвал ее из лап Ивара. Но что же это за любовь, которая так долго не торопится напомнить о себе?

А пленники все поднимались и поднимались по сходням. Он видел их угрюмые, исполненные лютой ненависти лица, подумал о смертельно униженном короле Карле, о приступе ярости, который вскоре испытает Папа Николай, о Змеином Глазе, которому теперь предстоит вынашивать планы мести за убитого брата. И опустил взгляд на амулет, лежавший у него на ладони.

— Лестница на одном шесте... На такой нелегко будет устоять.

— Каждый раз будешь ставить ногу на новую ступеньку... — сказал Торвин.

— Сложно подниматься, трудно устоять, тяжело под-

няться на самый верх. Но наверху есть перекладина — две ступеньки, одна напротив другой. Похоже на крест...

Торвин нахмурился:

— О Риге уже слагались предания, когда о кресте никто слыхом не слыхивал! И амулет в таком виде существует испокон веку.

В первый раз за последние несколько дней Шеф рассмеялся:

— Мне нравится твой амулет, Торвин. И я буду его носить.

Он накинуд на шею цепь и устремил взгляд в туманные дали моря.

Мучительный узел, в который до сего мига были скручены струны его души, был распутан.

В первый раз за всю жизнь на него снизошел покой.

●

*Крест
и Король*

Роман

●

Глава 1

Схваченная за горло одной из жесточайших на человеческой памяти зим, Англия лежала под мертвящей мантией снега. Великую Темзу сковало льдом от берега до берега. Дорога, ведущая на север к Уинчестеру, покрылась окаменевшими отпечатками копыт и конского дерьма. Лошади оскальзывались на льду, из их ноздрей вырывалось горячее дыхание. А их всадники, поеживаясь от холода, глядели на потемневшие стены великого собора, безуспешно прищипывая своих верных, но усталых скакунов.

Было 21 марта в год 867-й от Рождества Христова, день великого празднества. В этот день свершалось королевское торжество. Места для зрителей заполнила военная аристократия Уэссекса, а также все ольдермены, лендлорды и знатные горожане, кому можно было доверить толпиться внутри каменных стен, и, зевая и потя, прилежно наблюдать под неумолчный шумок разговоров и голоса толмачей, как разворачивается выверенный и пышный ритуал коронации христианского государя.

С правой стороны в самом первом ряду скамей в нефе Уинчестерского собора настороженно сидел Шеф Сигвардсон, соправитель Англии — и полноправный сюзерен всех тех ее частей к северу от Темзы, которые мог удержать под своей рукой. Сюда его привела просьба Альфреда, больше похожая на приказ.

— Ты не обязан присутствовать на мессе, — заявил Альфред Шефу и его дружине. — Ты можешь даже не петь псалмы. Но я хочу, чтобы ты был на коронации, Шеф, со всеми своими регалиями и в короне. Просто ради приличия. Отбери самых заметных своих людей, и пусть все видят, что ты богат и силен. Я хочу, чтобы каждый увидел, что меня полностью поддерживают северные язычники, победители Ива-

ра Бескостного и Карла Лысого. Не дикие язычники, святотатцы и воры, Рагнарово семя, но люди на Пути в Асгард, люди с нагрудными амулетами.

«Ну, это-то нам, по крайней мере, удалось», — оглядевшись, подумал Шеф. Два десятка людей Пути, допущенные на почетные места, смотрелись по-благородному. На Гудмунде Жадном серебра и золота в виде браслетов, ожерелий и поясных блях было больше, чем на любых пяти лендлордах из Уэссекса, вместе взятых. Он, конечно, имел свою долю с трех знаменитых походов Шефа, слава о которых, хотя и легендарная, не была таким уж преувеличением. Торвин, жрец бога Тора и его товарищ Скальдфинн, жрец Ньёрда, чуждые мирской суете, облачились, однако же, в ослепительно-белые одежды и не забыли повесить на грудь свои пекторали — небольшой молот у Торвина и трезубец у Скальдфинна. Квика, Озви и другие английские вольноотпущенники, ветераны набегов Шефа, хотя и безнадежно заурядные в глазах молодых честолюбцев, умудрились вырядиться в неслыханно роскошные шелковые одеяния. Они бережно держали на плечах орудия своего ратного дела: алебарды, арбалеты и рукояти от воротов катапульта. Шеф подозревал, что сам вид этих людей, явно англичан низкого происхождения, и при этом богатых настолько, что и присниться не могло среднему уэссекскому лендлорду, не говоря уж о простолюдинах, был самым убедительным молчаливым свидетельством побед Альфреда.

Церемония длилась уже много часов, начавшись с торжественной процессии от королевской резиденции к собору; расстояние едва достигало сотни ярдов, но каждый шаг требовал особого ритуала. Затем первые люди королевства сгруппировались в соборе для причастия, не столько из-за религиозного рвения, сколько из-за ревнивого желания не упустить удачу или благословение, которые могут достаться другим. Среди них, как заметил Шеф, было много нелепо выглядывших людей, с недоразвитой мускулатурой и в грубой одежде — рабов, которых освободил Альфред, и простолюдинов, которых он жаловал. Они должны были разнести весть по своим городишкам и деревням, чтобы никто не усомнился: принц Альфред стал королем Западной Саксонии и Марки согласно всем установлениям, Божьим и человеческим.

В первом ряду, возвышаясь над окружающими, сидел маршал Уэссекса, выбранный в соответствии с обычаем из

самых знаменитых воинов. Распорядитель на этой церемонии, Вигхерд, смотрелся по-настоящему внушительно: ростом ближе к семи футам, чем к шести, и весом в добрые двадцать английских стоунов; на вытянутых руках он держал меч короля с такой легкостью, будто это был пруттик, и всем было известно о его сверхъестественном умении фехтовать алебардой.

Один из людей Шефа, сидевший слева от него, мало следил за церемонией, снова и снова оглядываясь на ратоборца. Это был Бранд, ратоборец из Галогаланда, все еще изможденный и сморщенный из-за раны в животе, полученной в схватке на корабельных сходнях с Иваром Бескостным, но постепенно восстанавливающий силы. И все равно Бранд выглядел настоящим гигантом. Костям было тесно в его шкуре, колени возвышались подобно утесам, а надбровья казались бронированными. Кулаки Бранда, как однажды измерил Шеф, превышали размерами пивную кружку: не просто огромные, но непропорционально большие даже для него. «Там, откуда я родом, мальчики растут большими» — вот и все, что говорил об этом сам Бранд.

Шум толпы стих, когда получивший причастие и благословение Альфред повернулся к ней лицом, чтобы произнести слова присяги. Впервые за время службы была забыта латынь, и зазвучала английская речь, когда главный ольдермен задал Альфреду церемониальный вопрос:

— Оставишь ли ты нам наш старинный закон и обычай и клянешься ли ты своей короной давать справедливые законы и защищать права своих людей от любого врага?

— Клянусь, — Альфред оглядел набитый людьми собор. — Я всегда поступал по справедливости и стану так поступать и впредь.

Пронесся одобрительный шум.

«Наступает острый момент», — подумал Шеф, когда ольдермен шагнул назад, а вперед вышел епископ. Во-первых, епископ был непозволительно молод — на что имелись свои причины. После того как Альфред конфисковал имущество Церкви и был отлучен Папой Римским, после крестового похода против отступника и заявлений об окончательном разрыве, все старшее духовенство покинуло страну. От архиепископов Кентерберийского и Йоркского до последнего епископа и аббата. В ответ на это Альфред отобрал десяток

наиболее способных молодых священников и сказал им, что церковь Англии отныне в их руках. Сейчас один из них, Энфрит, епископ Уинчестерский, каких-то шесть месяцев назад еще священник в никому не известной деревушке, вышел вперед, чтобы задать свои вопросы.

— Государь, мы просим твоей защиты для Святой Церкви и справедливых законов и правосудия для всех, кто к ней принадлежит.

Энфрит и Альфред целыми днями вырабатывали эту новую формулу, припомнил Шеф. В традиционной формуле говорилось о подтверждении всех прав и привилегий, сохранении доходов и десятины, имущества и земельных владений — всего, что Альфред уже отобрал.

— Я дам вам защиту и справедливый закон, — отвечал Альфред. Он снова окинул взглядом собор и добавил непредусмотренные слова: — Защиту для тех, кто принадлежит к Церкви, и тем, кто не принадлежит к ней. Справедливый закон для верующих и для остальных.

Опытные хористы Уинчестера, монахи и инок, грянули песнь о первосвященнике Садоке «*Unxerunt Salomonem Zadok sacerdos*», пока епископ готовился к торжественному миропомазанию, чтобы Альфред в буквальном смысле слова сделался помазанником Божиим, восстание против которого было бы святотатством.

«Вскоре, — подумал Шеф, — настанет трудный для меня момент». Ему очень подробно растолковали, что в Уэссексе со времен недоброй памяти королевы Эдбур не было своей королевы и что жена короля отдельно не коронуется. Тем не менее, сказал Альфред, он настоял, чтобы его жена предстала с ним перед народом в память той самоотверженности, что она проявила в войне с франками. Поэтому, сказал Альфред, после возложения короны, вручения меча, перстня и скипетра, он будет ждать, что его жена выйдет вперед и будет представлена собравшимся — не как королева, но как леди Уэссекс. И кому же еще вести ее к алтарю, как не брату и соправителю короля Шефу, владения которого смогут перейти к сыну Альфреда и леди Уэссекс, если у него не будет своих детей.

«Я теряю ее во второй раз», — горестно подумал Шеф. Ему еще раз придется позабыть любовь, ту страсть, что некогда вспыхнула между ними. В первый раз виной всему был

человек, которого они оба ненавидели, а теперь, словно в наказание, он должен отдать ее человеку, которого они оба любят. Когда Торвин подтолкнул его своим могучим локтем, напоминая, что пора вести к алтарю леди Годиву со свитой девушек, Шеф перехватил ее взгляд — ее торжествующий взгляд — и ощутил, как его сердце обратилось в лед.

«Альфред может быть королем, — в оцепенении подумал Шеф. — А я нет. У меня нет прав и не осталось сил».

Когда хор перешел к *Benedicat*, он решил, что ему делать. Он сделает то, чего хочет, а не просто выполнит свой долг. Он возьмет свой флот, новый флот соправителя, и обратит пылающий в нем гнев против врагов королевства: против северных пиратов, флотилий франков, работорговцев из Ирландии и Испании, против всех. Пусть Альфред и леди Годива будут счастливы дома. Он обретет мир и покой среди тонущих людей и гибнущих кораблей.

* * *

Утром того же дня на крайнем севере земли датчан совершалась более грубая и более утрашающая церемония. Пленник оставил попытки спастись. Он не был ни трусом, ни безвольным слабаком. Двумя днями раньше, когда люди Змеиноглаз вошли в загон для рабов, он знал, что произойдет с тем, кого они выберут. Когда выбрали его, он знал также, что теперь должен использовать малейший шанс на спасение, и он его использовал: по пути украдкой нащупал слабинку в наручной цепи и дождался, пока стражи погнались через деревянный мост, ведущий к цитадели Бретраборга, гнезду последних трех сыновей Рагнара. Тогда он неожиданно ударил цепью направо и метнулся к перилам и к стремительному потоку под ними — чтобы в лучшем случае доплыть до своей свободы, а в худшем — умереть своей собственной смертью.

Его стражники видели много таких отчаянных попыток. Один ухватил его за лодыжку, пока он переваливался через перила, а двое других прижали так, что не вырваться. Затем они методично избили его древками копий, не со злости, а чтобы он больше не мог быстро двигаться. Они сняли с него цепи и вместо них надели ремни из сыромятной кожи, скрутив их и смочив морской водой, чтобы, высыхая, давили по-

туже. Если бы он мог видеть в темноте свои пальцы — они стали иссиня-черными и распухшими, как у мертвеца. Если даже какой-нибудь бог теперь вмешался бы и спас ему жизнь, руки спасти было поздно.

Но ни боги, ни люди не вмешивались. Стражи больше не обращали на него внимания, разговаривая между собой. Он не был мертв, поскольку то, к чему его готовили, требовало человека, в котором еще сохранилось дыхание и в особенности кровь. Но и только. Больше ни в чем нужды не было.

Сейчас, к концу долгой ночи, стражники перенесли его из строения, где стоял свежепросмоленный флагманский корабль, вниз вдоль длинного ряда деревянных катков, образующих спуск к воде.

— Это мы. А вот он, — пробурчал их старший, крепкий мужчина средних лет.

— Как мы это сделаем? — спросил один из воинов, юноша без регалий, шрамов и серебряных браслетов, украшавших его товарищей. — Я раньше никогда этого не видел.

— Ну так смотри и учись. Первым делом разрежь ему ремни на запястьях. Нет, не бойся, — юноша колебался, машинально высматривая, куда мог бы побежать пленник, — он спекся, взгляни на него, если его отпустить, он не сможет даже ползти.

— Не урони его, осторожно. Просто освободи запястья, вот так.

Пленник пошатнулся, когда ремни были перерезаны, и на минуту увидел перед собой бледный, но разгорающийся отблеск.

— Теперь положи его на это бревно. Животом вниз. Ноги вместе. А сейчас смотри, малыш. Запомни, это важно. Трэл должен лежать спиной вверх, скоро узнаешь почему. Есть на то причина, чтобы его руки не были у него сзади, и надо, чтобы он не мог отодвинуться. Но еще надо, чтобы он не мог и перестать корчиться.

— Поэтому я делаю так, — старший из воинов прижал лицо пленного к толстому сосновому бревну, на котором тот лежал, взял его за руки и вытянул их вперед от головы, так что жертва стала похожа на ныряльщика. Из-за пояса он достал молоток и два железных гвоздя.

— Обычно мы их связываем, но тебе для науки сделаем вот что. Я однажды видел такую штуку в христианской церк-

ви. И конечно, гвозди у них были вбиты не там, где надо. Полудурки.

Покряхтывая от усилий, ветеран стал аккуратно вбивать гвоздь в запястье. Позади него столпились воины. На фоне рассвета на востоке обрисовались темные тени. Копья и шлемы зубчатым контуром отгородили часть неба, откуда солнце вскоре должно было бросить свой первый луч на происходящее и начать первый день нового года у викингов, день, когда продолжительность тьмы и света одинакова.

— Он хорошо держится, — сказал юноша, когда его наставник принялся вбивать второй гвоздь. — Больше похож на воина, чем на трэля. Кто он такой, кстати?

— Он-то? Просто рыбак, которого мы захватили, когда возвращались в прошлом году. И он не держится хорошо, просто он ничего не чувствует, его руки давно омертвели. Теперь уже скоро, — добавил он для крепко пригвожденного к бревну человека и потрепал его по подбородку. — В следующем мире не говори обо мне дурного. Если бы я плохо сделал свое дело, было бы много хуже. Но я все сделал правильно. Вы двое, просто привяжите ему ноги, гвоздей больше не надо. Ступни вместе. Когда придет время, мы его повернем.

Группка людей поднялась на ноги, оставив жертву распростертой вдоль соснового бревна.

— Готово, Вестмар? — раздался голос позади них.

— Готово, господин.

Пока они работали, место позади них заполнилось людьми. На заднем плане, вдали от берега и фьорда, вздымались неясные очертания невольничьих загонов для трэлей, корабельных мастерских, доков и угадывались стройные шеренги барачников, служивших пристанищем для верных отрядов морских королей, сыновей Рагнара — некогда четверых братьев, а ныне только троих. Из барачников потоком шли люди, одни мужчины — ни женщины, ни ребенка, — чтобы увидеть торжественное зрелище: спуск на воду первого корабля, начало военного похода, который принесет разор и гибель христианам и их союзникам на Юге.

Однако воины попятись, построившись на берегу фьорда широким полукругом. К самому берегу вышли только три человека, все высокие и могучие, мужчины в расцвете сил, три оставшихся в живых сына Рагнара Волосатой Шта-

нины: седой Убби, похититель женщин; рыжебородый Хальвдан, заядлый борец и воин, фанатически преданный воинским обычаям и кодексу чести. Впереди них стоял Сигурд Змеиный Глаз, прозванный так, потому что белки окружали самые зрачки его глаз, словно у змеи, человек, который вознамерился стать королем всех земель Севера.

Все лица были обращены на восток, высматривая, не кажется ли из-за горизонта краешек солнечного диска. В месяце, который христиане называют мартом, здесь, в Дании, по большей части бывают видны только облака. Сегодня же, как доброе предзнаменование, небо было чистым, не считая легкой дымки у края, уже подернувшейся розовым из-за невидимого пока солнца. Среди ожидающих поднялся легкий гул, когда вперед вышли толкователи примет, команда ссутулившихся стариков, сжимающих свои священные торбы, свои ножи и мостолыги, свои бараньи лопатки, принадлежности для предсказаний. Сигурд смотрел на них холодно. Они были нужны воинам. Но он не боялся дурных предзнаменований, жалких гаданий. Прорицатели, которые вещали недоброе, так же легко могли оказаться на жертвенном камне, как и все прочие.

В мертвом торжественном молчании распростертый на бревне человек обрел голос. Пригвожденный и связанный, он не мог пошевелиться. Он вывернул голову назад и заговорил придушенным голосом, обращаясь к среднему из троих людей на берегу.

— Что ты делаешь, Сигурд? Я не ваш враг. Я не христианин и не человек Пути. Я датчанин и свободнорожденный, как и ты сам. Какое ты имеешь право отнимать у меня жизнь?

Его последние слова потонули в гуле толпы. Полоска света появилась на востоке, солнце вставало над почти плоским горизонтом Съелланда, самого восточного из датских островов. Змеиный Глаз повернулся, сорвал с себя плащ и махнул людям наверху, в доме.

Тотчас же заскрипели тали, и пятьдесят человек, лучшие из лучших в армии сыновей Рагнара, дружно крикнув, навалились всем своим весом на канаты, прикрепленные к уключинам. Из строения показалась драконова голова флагманского корабля Змеиного Глаза, самого «Frani Ormr», то есть «Сияющего Червя». Вытянутые с плоскости на приготовленные для них смазанные салом катки десять тонн веса на пя-

тидесятифутовом киле, сделанном из самого прочного дуба во всей Дании.

Корабль достиг верхушки слипа. Распятый вытянул голову вбок, чтобы видеть свою судьбу, надвигающуюся на него сверху, и крепко сжал рот, чтобы сдержать рвущийся изнутри крик. Только одного он мог лишить своих мучителей — не дать им доброго предзнаменования для похода — страха, отчаяния и воплей жертвы.

Воины разом налегли на канаты, нос клонул, и корабль заскользил вниз, тяжело ударяя по каждому очередному бревну. Когда он накатился на приговоренного, зависнув над ним крутым форштевнем, тот закричал снова, вкладывая в свой крик презрительный вызов:

— Какое ты имеешь право, Сигурд? Что сделало тебя королем?

Киль ударил его точно в поясницу, проехал по нему и разможил своей ужасающей тяжестью. Невольно его легкие выдавили предсмертный стон, превратившийся в крик, когда боль превзошла все мыслимые пределы. Когда корабль пошел над жертвой — а каталишки теперь притормаживали его — бревно с распятым провернулось. Кровь из растерзанного сердца и легких струей брызнула под давлением массивного кия.

Она выплеснулась и наверх, на развал бортов. Прорицатели, которые внимательно следили, пригнувшись как можно ниже, чтобы не пропустить ни одной детали, кричали и в восторге закатывали рукава:

— Кровь! Кровь на бортах для морского владыки!

— И крик! Предсмертный крик для предводителя воинов!

Корабль с плеском вошел в тихие воды Бретраборгского фьорда. В этот момент солнечный диск полностью поднялся над линией горизонта, пронзая дымку длинными лучами. Отбросив плащ, Змеиный Глаз схватил свое копьё и поднял его вверх над тенью дока и слипа. Солнце пламенем загло его восемнадцатидюймовое треугольное лезвие.

— Красный свет и красное копьё в новом году! — закричали воины, заглушив вопли прорицателей.

— Что сделало меня королем? — крикнул Змеиный Глаз вслед отлетающей душе жертвы. — Кровь, что я пролил, и кровь в моих жилах! Потому что я богорожденный сын Раг-

нара, сына Вьолси, от семени бессмертных. А сыновья смертных — катки под моим килем!

Позади него армия викингов побежала к своим кораблям, команда за командой, торопясь занять место на переполненных слипах.

* * *

Та же зимняя стужа, что сковала Англию, царила и по другую сторону Пролива. В холодном городе Кельне в тот самый день, когда был коронован Альфред, одиннадцать человек сидели в голом нетопленном зале большой церкви за сотнями миль к югу от Бретраборга с его человеческими жертвоприношениями. Пурпурная с белым одежда пятерых из них отмечала архиепископский сан — но ни один не носил алый цвет кардиналов. Справа и позади от каждого из пяти сидело по второму человеку, одетому в простую черную рясу согласно уставу Ордена Святого Хродеганга. Каждый был капелланом, исповедником и советчиком своего архиепископа — не имея чинов, но имея огромное влияние, а также весомые надежды унаследовать достояние князей Церкви.

Одиннадцатый человек тоже носил черную рясу, на этот раз рясу простого дьякона. Он украдкой рассматривал собравшихся, признавая и уважая их власть, но сомневаясь в своем праве на место за их столом. Это был Эркенберт, некогда архидиакон великого собора в Йорке и служба архиепископа Вульфира. Но собора, разграбленного в прошлом году взбесившимися северными язычниками, больше не было. И Вульфир, хотя и остался архиепископом, был просто приживалом у своих братьев архиепископов, объект презрительного милосердия, как и его товарищ по несчастью, примас Кентерберийского собора.

Эркенберт не знал, зачем его позвали на эту встречу. Он не знал, что подвергается смертельной опасности. Комната была пуста не потому, что великий архиепископ Кельна не мог себе позволить ее украсить. Она была пуста, так как он хотел, чтобы ни один соглядатай и шпион не могли в ней укрыться. Произносимые в ней слова, стань они известны, означали бы смерть для всех присутствовавших.

Собравшиеся медленно, постепенно, осторожно, прощу-

пывая друг друга, подходили к общему решению. Теперь, когда оно было принято, напряжение спало.

— Итак, он должен уйти, — повторил архиепископ Гюнтер, хозяин встречи в Кельне.

Молчаливые кивки собравшихся вокруг стола.

— Его ошибки слишком велики, чтобы смотреть на них сквозь пальцы, — подтвердил Тевтгард из Трира. — Не только то, что посланные им против английских провинций крестоносцы потерпели поражение...

— Хотя уже одно это знак божественного нерасположения, — поддакнул известный своей набожностью Хинкмар из Реймса.

— Но он еще позволил взойти семенам. Семенам худшего, чем поражение какого-то короля. Семенам раскола.

Слово было сказано, и сразу настала тишина. Все знали, что случилось в прошлом году. Когда под одновременным давлением норманнов и собственных епископов юный король западных саксов Альфред объединился с какой-то языческой сектой — прозываемой, как они слышали, Путь. Потом он успешно разбил викинга Ивара Рагнарссона, а затем и Карла Лысого, христианского короля франков и представителя самого Папы. Теперь Альфред беспрепятственно правил в Англии, хотя и делил свой доминион с каким-то языческим ярлом, чье имя звучало неуместной шуткой. Но не шуткой было то, что в отместку за посланных против него Папой Николаем крестоносцев Альфред объявил об отложении английской Церкви от вселенской и апостольской римской Церкви. Еще меньше можно было счесть шуткой то, что он лишил Церковь в Англии ее земель и собственности, позволяя проповедовать и служить службы только тем, кто готов был обеспечивать себе пропитание лишь за счет добровольных подаяний паствы, а то и — как поговаривали — занимаясь ремеслом или торговлей.

— Из-за этих поражений и из-за этого раскола он должен уйти, — повторил Гюнтер. Он оглядел сидящих. — Я утверждаю, что Папа Николай должен отправиться к Господу. Он стар, но недостаточно. Мы должны поторопить его уход.

Теперь, когда слово было произнесено вслух, воцарилась тишина; князьям Церкви нелегко было говорить об убийстве Папы. Мейнхард, архиепископ Майнца, суровый жесткий человек, заговорил громким голосом.

— Мы сможем осуществить это? — спросил он.

Священник рядом с Гюнтером пошевелился и сказал:

— С этим затруднений не будет. В окружении Папы в Риме есть люди, которым мы можем доверять. Люди, которые не забыли, что они немцы, как и мы с вами. Яд не советую. Подушка ночью. Если он не проснется, его место будет объявлено вакантным без всякого скандала.

— Хорошо, — сказал Гюнтер, — потому что, хоть я и хочу его смерти, перед Богом клянусь, я не желаю Папе Николаю ни малейшего зла.

Собравшиеся взглянули на него с легким скептицизмом. Все знали, что всего десять лет назад Папа Николай сместил Гюнтера и прогнал его с глаз долой в наказание за непослушание. Так же он обошелся и с Тевтгардом из Трира, а потом упрекнул и отверг даже святошу Хинкмара.

— Это был великий человек, который выполнял свой долг так, как понимал его. Я не виню его даже за злосчастный крестовый поход короля Карла. Нет, дело не в крестовых походах. Но он допустил ошибку. Скажи им, Арно, — обратился он к своему помощнику. — Объясни им, как мы понимаем дело.

Гюнтер откинулся на спинку и поднял золотой бокал с рейнским вином, от которого так сильно зависели его архиепископские доходы.

Молодой человек подтянул свой табурет ближе к столу, и его резко очерченное лицо под ежиком светлых волос ожило.

— Здесь, в Кельне, — начал он, — мы тщательно изучили военное искусство. Не только в смысле собственно сражений, но также в более широком смысле. Мы попытались рассуждать не просто как *tacticus*, — он употребил латинское слово, хотя до сих пор все говорили на нижненемецком языке Саксонии и Севера, — но как *strategos* древних греков. И если мы подойдем к делу *стратегически*, — тут Хинкмар поморщился от странной смеси латыни и греческого, — мы увидим, что Папа Николай совершил роковую ошибку. — Он не смог обнаружить то, что мы здесь называем *punctum gravissimum*, то есть главную точку, точку приложения главных сил при нападении врага. Он не заметил, что настоящая опасность, опасность для всей Церкви, состоит не в ересях Востока, и не в борьбе Папы против императора, и не в мор-

ских набегах приверженцев Махаунда, но в малоизвестных королевствах в беднейших провинциях Британии. Потому что только в Британии Церковь столкнулась хуже чем с врагом: с соперником.

— Он сам с Востока, — сказал Мейнхард презрительно.

— Совершенно верно. Он считает, что все происходящее на Западе, здесь, на северо-западе Европы, в Германии, Франции и в Нижних Странах, не имеет большого значения. Но мы-то знаем, что здесь свершится предназначение. Предназначение Церкви. Предназначение мира. Я готов сказать о том, о чем не скажет Папа Николай: о новом избранном народе, о единственном бастионе на пути варваров.

Он умолк, его белое лицо зарделось от гордости.

— Насчет этого вы здесь не встретите возражений, Арно, — заметил Гюнтер. — Итак, у Николая должен появиться преемник. Я знаю, — поднял он руку, — что кардиналы не выберут Папой человека, у которого есть хоть капля здравого смысла, и мы не можем надеяться, что нам удастся добавить итальянцам здравого смысла. Но мы можем добавить им глупости. Думаю, все со мной согласится, что мы употребим свои деньги и влияние, чтобы был выбран человек, популярный в Риме, из хорошей итальянской семьи и притом полное ничтожество. И кажется, он уже выбрал для себя папское имя: Адриан II, как мне сообщили. Более серьезно то, что предстоит сделать поближе к дому. Не только Николай должен уйти. Король Карл тоже. Ведь он тоже потерпел поражение, поражение от толпы крестьян.

— Карла уже нет, — решительно сказал Хинкмар. — Его бароны не простят ему унижения. Те, кто не был с ним, никогда не поверят, что французских копейщиков могли разбить какие-то там прашники и лучники. А те, кто был с ним, не хотят делить с ним позор. Веревка вокруг его шеи или кинжал под ребрами появятся и без нас. Но *этого* кто заметит?

— Прошу прощения, — тихо сказал Эркенберт. Он слушал с величайшим вниманием и постепенно понял, что эти люди, в отличие от помпезного и беспомощного английского духовенства, которому он служил всю свою жизнь, действительно ценят прежде всего ум, а не чины и звания. Младших выслушивали не одергивая. Любой мог поделиться своими идеями, и их могли принять. А если и отвергали, то с указа-

нием причин и по здравом размышлении. Среди этих людей единственным грехом мог считаться недостаток логики или воображения. Абстрактные построения опьяняли Эркенберта сильнее, чем винные пары из его кубка. Он почувствовал, что наконец-то оказался среди равных. А главное, он жаждал, чтобы и они тоже приняли его как равного.

— Я владею нижненемецким языком, потому что он похож на мой родной английский. Но позвольте мне сейчас перейти на латынь. Я не понимаю, кем можно заменить французского короля Карла Лысого. И каких преимуществ достигнут собравшиеся при любом его преемнике. У него два сына, правильно? Карл и Луи. У него было три брата: Людвиг, Пепин и Лотар, из которых в живых остался один Людвиг; и у него, помнится, семь живых племянников, Луи, Карл, Лотар...

— ...Пепин, Карломан, Людвиг и Карл, — закончил Гюнтер. Он коротко хохотнул. — И наш английский друг из вежливости не договаривает, что ни одного из них не отличишь от другого. Карл Лысый. Карл Толстый. Людвиг Саксонский. Пепин Младший. Кто из них кто и какое это имеет значение? На его месте я бы выразился так: потомок императора Карла Великого, самого Шарлеманя, потерпел поражение. Он не унаследовал доблесть предков. Мы ищем нового Папу в Риме, а здесь мы должны найти нового короля. Новую династию королей.

Сидящие вокруг стола настороженно посмотрели друг на друга, постепенно осозная, что все они уже думали о нем. Гюнтер удовлетворенно улыбнулся — они его поняли.

Снова набравшись смелости, Эркенберт заговорил:

— Это возможно. У меня в стране королевская династия была низложена. А в вашей — разве сам Карл Великий пришел к власти не благодаря делам своих предков, сместивших богорожденных, слугами которых они были? Убили их и публично срезали им волосы, чтобы показать, что нет больше святости. И мы сможем это сделать. В конце концов, что делает короля королем?

За все время лишь один человек не проронил ни единого слова, хотя изредка и кивал одобрительно: это был вызывающий всеобщее почтение архиепископ Гамбурга и Бремена, что далеко на Севере, ученик и последователь Святого Анс-

гара, архиепископ Римберт, прославившийся своей храбростью в священном походе против северных язычников. Стоило ему шевельнуться, и все взгляды устремились на него.

— Вы правы, братья. Династическая линия Карла никуда не годится. И вы не правы. Не правы во многом. Вы говорите и то, и другое, о стратегии, о *punctum gravissimum*, о Западе и о Востоке, и в мире людей ваши слова могут иметь смысл.

Но мы живем в мире не только людей. И я говорю вам, что Папа Николай и король Карл совершили худшую ошибку, чем вам кажется. Я молюсь только, чтобы мы сами не допустили ее. Я говорю вам, они не веруют! А без веры все их оружие и все их планы — не больше, чем плевелы и сор, которые уносит ветром гнева Господня.

Поэтому я скажу вам, что нам не нужен ни новый король, ни новая династия королей. Нет. Что нам теперь нужно, так это император! Император римский. Ведь мы, германцы, и есть новый Рим! Нам нужен император, чтобы возвеличиться.

Собравшиеся погрузились в разворачивающиеся перед ними видения, храня почтительное молчание. Его нарушил белокрытый Арно, капеллан Гюнтера.

— А как выбрать нового императора? — осторожно поинтересовался он. — И где его найти?

— Слушайте, — отвечал Римберт, — и я расскажу вам. Я расскажу вам о секрете Карла Великого, последнего действительно великого римского императора на Западе. Я расскажу вам, что делает короля истинным королем.

Глава 2

Пахучий дух опилок и щепы ощущался в воздухе, когда Шеф и его спутники, хорошо выпавшие после долгого пути из Уинчестера, спустились к верфи. Хотя солнце лишь недавно высветлило восток, сотни людей уже трудились — правили терпеливыми волами, влекущими огромные телеги со строевым лесом, теснились у круглых кузнечных горнов, сновали у канатнопрядильных станков. Стук молотков и визг пил несли со всех сторон, смешиваясь со свирепыми приказами десятников — но нигде ни свиста бича, ни вскрика боли, ни одного рабского ошейника.

Бранд, обозревая открывшуюся картину, оторопело присвистнул и покачал головой. Ему только-только разрешил вставать с постели его врач, крошка Ханд, не переставший, впрочем, наблюдать пациента. До сих пор Бранд не видел всего, что было сделано за долгую зиму. И действительно, даже Шеф, который лично или через помощников проверял работы каждый божий день, с трудом верил своим глазам. Как будто бы он открыл запруду для накопившейся энергии, а не сам вкладывал ее в дело. В эту зиму он не переставал удивляться, что все его желания сбываются.

По окончании в прошлом году войны в его распоряжении оказались запасы и богатства целой страны. Первейшей и неотложнейшей его задачей было обеспечить защиту своего неокрепшего королевства. Шеф раздавал приказы, и его воеводы старались изо всех сил — строили боевые машины и тренировали их расчеты, набирали войска, сколачивая будущие непобедимые отряды из освобожденных рабов, викингов Пути и английских танов, которые воинской службой отработывали аренду земли. Управившись с этим, Шеф обратился ко второй своей задаче: пополнению королевской казны. Приказание составить точные списки земельной собственности и пошлин, долгов и налогов, которые до сих пор заменяли обычай и память, он дал священнику Бонифацию. С указанием завести во вновь присоединенных графствах те же порядки, что Шеф устанавливал в Норфолке. Это требовало времени и умения, но результаты уже сказывались.

А третью задачу Шеф мог доверить только самому себе: нужно было построить флот. Не вызывал сомнений печальный факт, что все битвы предыдущих двух лет происходили на английской земле, и за них было заплачено жизнями англичан. Способ усилить оборону, о котором думал Шеф, заключался в том, чтобы остановить врагов, и особенно викингов, не принадлежавших к Пути, там, где они царили безраздельно — в море. Опираясь на общую казну и налоговые прибыли Восточной Англии и Восточной Мерсии в придачу, Шеф немедленно приступил к постройке флота.

Ему остро не хватало опыта и помощи. Викинги Пути, среди которых было много искусных корабелов, за соответствующую мзду охотно делились своими знаниями и умениями. Торвин и его брат, жрец Пути, заинтересовались до крайности и с головой погрузились в работу, как будто в

жизни своей ни о чем другом и не мечтали — что в общем-то было верно. Они никогда не отступали от своего правила всеми способами стремиться к новому знанию, поддерживая себя и свою религию только за счет своего владения ремеслом. Кузнецы, плотники и возницы со всей восточной Англии стекались к месту, которое Шеф избрал для своей верфи на северном берегу Темзы. Новый военный порт располагался на его земле, через реку от владений короля Альфреда, чуть ниже по течению от лондонского торгового порта, в небольшой деревеньке Крикмаут, и предназначался для защиты — или для угрозы — на стратегических направлениях и к Проливу, и к Северному морю.

Некого было поставить во главе этих людей. А надо было удержать искусных и опытных работников в подчинении плану, который был разработан Шефом, но противоречил всему их жизненному опыту. Сначала Шеф попросил возглавлять верфь Торвина, но тот отказался, пояснив, что в любой момент может уехать, если потребуют дела его веры. Тогда он вспомнил про Удда, бывшего раба, который почти без посторонней помощи сконструировал арбалет и изготовил опасную катапульту с крутильным механизмом. Что, по мнению некоторых, и оказалось причиной поражения Ивара Рагнарссона, завоевателя Севера, а через несколько недель — Карла Лысого, короля франков, в том сражении, которое стали называть Битвой 866 года при Гастингсе.

Но Удд не справился и вскоре был смещен. Выяснилось, что, будучи предоставлен самому себе, этот маленький человек способен интересоваться только тем, что сделано из металла. А подавать команды у него получалось даже хуже, чем у раздувающего мехи мальчонки, все из-за природной скромности. Удд был переведен на гораздо более подходящую для него работу — узнавать все, что только можно узнать, о различных сталях.

Неразбериха росла, и Шеф вынужден был задуматься, кто же ему действительно нужен: человек, знакомый с морем и кораблями, умеющий руководить другими, но не настолько независимый, чтобы изменять приказания Шефа, и не настолько консервативный, чтобы ухитриться не понять их. Таких людей Шеф почти не знал. Единственно возможной кандидатурой оказался магистрат рыбаков из Бридлингтона, Ордлаф, захвативший два года тому назад Рагнара Волосатую

Штанину, за что Англия подверглась возмездию Рагнарссонов. Сейчас он подошел приветствовать Шефа.

Шеф переждал, пока Ордлаф преклонит колена и поднимется. Прежние его попытки обойтись без официального ритуала приветствия пресекались недоумевающими и обиженными взглядами английских танов.

— Я кой-кого привел посмотреть на работы, Ордлаф. Это мой друг и бывший капитан, Вига-Бранд. Он из Галогаланда, далеко, далеко на севере, и он плавал побольше многих. Я хочу услышать, что он думает о наших новых кораблях.

Ордлаф ухмыльнулся:

— Он увидит достаточно, господин, чтобы глаза на лоб полезли, сколько бы он там ни ходил под парусом. Таких штук раньше никто не видел.

— Верно — вот прямо здесь одна из штук, которых я никогда не видел раньше, — сказал Бранд. Он указал на яму в нескольких ярдах от себя. Внутри нее человек тянул на себя рукоятку шестифутовой пилы. За другую рукоятку пилу держал человек, стоявший наверху на огромном бревне. Отпиливаемые от бревна доски тут же подхватывали другие рабочие. — Как они это делают? Я раньше видел только, как доски вытесывают скобелем.

— И я тоже, пока не оказался здесь, — ответил Ордлаф. — Секрет заключается в двух вещах. Особые зубья на пиле, которые сделал мастер Удд. И в том, чтобы научить этих остолопов, — в этот момент остолопы ухмыльнулись, — не толкать пилу, а просто по очереди тянуть ее на себя. Сберегает уйму материала и сил, — закончил он нормальным голосом. Доска отделилась от бревна и была подхвачена подручными, а пильщики поменялись местами, при этом тот, что внизу, стряхивал с волос опилки. Пока они переходили, Шеф заметил на шее у одного из них амулет в виде молота Тора, который носило большинство рабочих, а у другого — едва видимый христианский крест.

— Но это еще цветочки, — говорил Ордлаф Бранду. — То, чем король действительно хочет похвастаться, это его краса и гордость, десять кораблей, построенных по его замыслу. И один из них, господин, мы уже готовы показать тебе, мы его закончили, пока ты был в Уинчестере. Ты увидишь его вон там.

Он провел их через ворота в высоком частоколе к полу-

кругу пирсов, выдающихся в тихую речную заводь. Их взгляду открылись десять кораблей, на которых трудились люди, но ближний, по-видимому, был уже закончен.

— Вот, господин Бранд. Видел ты что-нибудь подобное по эту сторону от Галогаланда?

Бранд задумчиво разглядывал огромный корпус. Медленно он покачал головой.

— Это самый большой корабль, который я когда-либо видел. Говорят, самый большой корабль в мире — флагман Змеиноглаза, «Франи Ормр», «Сияющий Червь», на котором пятьдесят гребцов. Этот не меньше. И все остальные такие же большие.

Сомнение затуманило его взгляд.

— Из чего сделан киль? Вы что, взяли два ствола и соединили их? Если так, это может сгодиться на реке или вблизи берега при хорошей погоде, но на глубокой воде в дальнем переходе...

— Все из цельных стволов, — перебил его Ордлаф. — Ты, должно быть, забыл, господин, если позволишь возразить тебе, что это у вас там на Севере приходится работать с тем лесом, который вы можете достать. И хотя, как я вижу, люди там вырастают достаточно большими, этого нельзя сказать о деревьях. Но здесь у нас есть английский дуб. А про него я могу сказать только, что не встречал стволов лучше или длиннее.

Бранд снова принялся разглядывать корабли и качать головой.

— Ладно, ладно. Но какого дьявола вы сотворили с мачтой? Вы... вы ее сделали не в том месте. И она торчит вперед как... как член у восемнадцатилетнего! Как она будет двигать корабль такого размера? — В его голосе звучало искреннее огорчение.

И Шеф и Ордлаф оба широко улыбнулись. На этот раз слово взял Шеф:

— Бранд, вся суть этих кораблей в том, что у них только одно назначение. Не пересекать океан, не перевозить бойцов с копьями и мечами, не доставлять грузы. Это корабли для сражений. Для сражений с другими кораблями. Но не для того, чтобы подойти борт к борту и биться командой на команду. И даже не для древнеримского тарана, о котором рассказывал отец Бонифаций. Нет. Они — для того, чтобы утопить

другой корабль вместе с командой, и сделать это на расстоянии. И для этого мы знаем только один способ. Помнишь метательные машины, которые я стал делать той зимой в Кроуленде? Что ты о них думаешь?

Бранд пожал плечами:

— Хороши против пехоты. Не хотел бы, чтобы один из этих камней попал в мое судно. Но как вы знаете, для попадания нужно точно определить дистанцию. Когда два корабля, оба в движении...

— Согласен, не попасть. А что насчет дротикометов, которые мы использовали против копейщиков короля Карла?

— Могут убивать людей по одному. Корабль потопить не смогут. Дротик сам заткнет дыру, которую сделает.

— Остается последнее оружие, то, что дьякон Эркенберт изготовил для Ивара. С его помощью Гутмунд пробил частокол вокруг лагеря под Гастингсом. Римляне называли его «онагр» — дикий осел. Мы зовем его «мул».

Моряки по сигналу стащили просмоленную рогожу с приземистой прямоугольной конструкции, установленной точно в центре беспалубного корпуса.

— А как насчет попадания из такой штуки?

Бранд задумчиво покачал головой. Он лишь однажды видел «онагр» в действии, и то на расстоянии, но запомнил, как телеги разлетались на куски и целые упряжки волов размазывало по земле.

— Этого никакой корабль не выдержит. Один удар — и весь каркас рассыплется на части. Но вы зовете его «мулом», потому что...

— Он взбрыкивает из-за отдачи. Посмотри, что мы сейчас делаем.

Все поднялись по сходням, чтобы взглянуть на новое оружие вблизи.

— Смотри, — объяснил Шеф. — Он весит тонну с четвертью. Так нужно. Видишь, как он устроен? Крепкий трос идет к вороту на нижней станине, там две рукоятки. Двое наматывают трос и слева и справа одновременно. Тросом ты опрокидываешь этот шатун, — Шеф похлопал рукой по вертикально стоящему пятифутовому бревну, с конца которого свисала широкая кожаная петля. — Шатун ложится вниз и назад, и ты его крепишь железным зажимом, а сам взводишь

пружину. Потом освобождаешь зажим. Шатун выпрямляется, махом раскачивая петлю с камнем...

— Шатун бьет по отбойной перекладине. — Ордлаф похлопал по поперечному брусу на массивной раме, прикрытому подушками с песком. — Шатун останавливается, а камень летит вперед. Бросок получается пологий и сильный, что-нибудь на полмили. Но ты уже знаешь, в чем у нас загвоздка. «Мула» приходится делать тяжелым, чтобы выдержал отдачу. Он должен стоять строго по линии киля, поэтому мы крепим его раму прямо над килем. А поскольку он такой тяжелый, мы вынуждены ставить его посередине между носом и кормой.

— Но ведь там должна быть мачта, — возразил Бранд.

— Поэтому нам пришлось передвинуть мачту. Об этом тебе Ордлаф расскажет.

— Понимаешь, господин Бранд, — заговорил Ордлаф, — у меня на родине мы строим лодки, похожие на ваши, с высокими штевнями, обшиваем досками внакрой и все такое. Но они нам нужны для лова рыбы, а не для дальних переходов, поэтому мы их оснащаем по-другому. Мы ставим мачту впереди от середины и еще наклоняем ее вперед. И понимаете, мы по-другому кроим паруса. Не прямоугольные, как ваши, а косые.

Бранд фыркнул:

— Знаю. Если вы отпустите рулевое весло, ваше судно развернется по ветру и никогда не станет бортом к волне. Рыбацкий трюк. Достаточно безопасно. Но скорости нет. Особенно со всем этим грузом. Как быстро ходит этот корабль?

Шеф и Ордлаф переглянулись.

— Совсем не быстро, — признался Шеф. — Гудмунд устроил гонки, еще когда «мул» не был установлен, но даже без его веса — Гудмунд на своем корабле описывал круги вокруг нас. Но видишь ли, Бранд, нам же не нужно догонять кого-то! Если мы встретим в открытом море флот и он пойдет на нас, мы его потопим! Если они убегут, берег будет защищен. Если они прорвутся и высадутся, мы развернемся и потопим их, где бы они ни оказались. Это не грузовое судно, Бранд. Это боевой корабль.

— Линейный корабль, — согласно кивнул Ордлаф.

— А сможешь ты его развернуть? — спросил Бранд. —

Я имею в виду «мула». Можешь ты прицелиться в другую сторону? Твои дротикометы можно было разворачивать.

— Над этим мы работаем, — ответил Шеф. — Мы пробовали ставить всю махину на тележное колесо, колесо насадить на ось, а другой конец оси пустить в гнездо, просверленное в киле. Но слишком тяжело было поворачивать, и от отдачи ось все время ломалась. Удд придумал крепить «мула» на стальном шаре, но... Нет. Мы можем стрелять только прямо по курсу. Зато мы придумали ставить с другой стороны второй шатун, второй ворот с тросом и прочее. Отбойная перекладина, конечно, только одна. Мы теперь запросто можем стрелять и вперед и назад.

Бранд снова покачал головой. Пока они стояли, он чувствовал, как корабль слегка покачивается под ногами, это в тихой-то речной заводи, а что же тогда будет в открытом море? Вес «мула» в тонну с четвертью, размещенного довольно высоко, чтобы стрелять поверх планширя. Тяга паруса прилагается далеко от центра. Рея длинная, так что парус можно сделать очень широким, отметил он. Но замысловато управлять им. Он не сомневался, что рыбак свое дело знает. И не возникало вопросов, что может натворить удар одного из таких камней. Вспомнив о хрупких каркасах тех судов, на которых он когда-либо плавал, к которым доски даже не были прибиты, а просто привязаны жилами, Бранд представил себе, как вся конструкция разлетится на куски, вывалив команду побарахтаться в воде. И все пятьдесят ратоборцев Сигурда Змеиного Глаза ничего не смогут с этим сделать.

— Как вы хотите его назвать? — неожиданно спросил он. — Для удачи.

Рукой он машинально коснулся висящего на груди молоточка. Ордлаф повторил его жест, выудив из-под рубахи свою пектораль — серебряную лодку Ньёрда.

— У нас десять линейных кораблей, — сказал Шеф. — Я хотел назвать их по именам богов Пути — «Тор», «Фрейр», «Риг» и так далее, но Торвин не позволил. Он сказал, что мы накличем беду, если нам придется говорить «Хеймдалл на мели» или «Тор застрял на песчаной банке». И мы передумали. Мы решили, что назовем каждый корабль по имени одного из графств моего королевства и постараемся набирать на него команду из этого графства. Так что вот это — «Нор-

фолк», там — «Суффолк», «Остров Эли», «Букингем» и все остальные. Что ты об этом думаешь?

Бранд колебался. Как и все моряки, он суеверно почитал удачу и не хотел неосторожным словом накликать недоброе на замыслы своего друга.

— Думаю, что ты опять придумал что-то новенькое, и, может быть, твои «Графства» строем пройдутся по морям. И уж точно я не хотел бы столкнуться с одним из них в бою, а ведь меня не назовешь самым робким из норманнов. Может быть, в будущем править морями станет король Англии, а не король Севера. Скажи мне, — продолжал он, — куда ты хочешь пойти в первый рейс?

— Через Пролив к немецкому берегу, — отвечал Шеф. — Вдоль береговой линии за Фризские острова — и в датские воды. Это главный пиратский маршрут. Мы будем топить всех встреченных пиратов. С этих пор каждый, кто захочет напасть на нас, должен будет долго идти из Дании открытым морем. Но в конце концов мы разрушим их базы, достанем их в их собственных гаванях.

— Фризские острова, — пробормотал Бранд, — устья Рейна, Эмса, Эльбы и Эйдера. Что ж, я скажу вам одну вещь, юноша. Все это лоцманские воды. Ты понимаешь, о чем я? Вам понадобится лоцман, который знает проливы и приметы на берегах и в случае надобности сможет провести корабль по слуху или на запах.

Ордлаф заупрямился:

— Да мне всю жизнь хватало лота, впередсмотрящих и лага. И не похоже, что удача мне изменила с тех пор, как я бросил своих хозяев-монахов и нашел себе богов Пути.

Бранд фыркнул:

— Я ничего не имею против богов Пути.

И снова они с Ордлафом одновременно коснулись своих амулетов, и на этот раз Шеф застенчивым жестом тоже полез за своим необычным амулетом в виде лесенки, знаком его патрона Рига.

— Нет, боги могут быть хороши. Но лот, впередсмотрящие и лаг — за Бременом вам понадобится нечто большее. Это говорю вам я, Бранд, ратоборец из Галогаланда.

Работающие столпились их послушать. Те, кто впервые видел короля, подталкивали друг друга, показывая на незнакомый амулет Рига.

Солнце, проникая через высокие окна библиотеки кафедрального собора в Кельне, освещало открытые страницы манускриптов, разложенных на массивном аналое. Дьякон Эркенберт, из-за малого роста едва дотягивающийся до его верхнего края, застыл в задумчивости. Библиотекарь, зная, что архиепископ благоволит к Эркенберту и поощряет его штудии, позволил дьякону работать самостоятельно — даже с огромной драгоценной Библией, на которую пошли шкуры восьмидесяти телят.

Эркенберт сравнивал тексты. Могла ли фантастическая история, недавно рассказанная им архиепископом Римбертом, оказаться правдой? Тогда, на встрече, в нее поверили все, и архиепископы и их советники. Но ведь она льстила их гордости, льстила патриотическим чувствам народа, и притом народа, постоянно отвергаемого и недооцениваемого могучим Римом. Эркенберт не разделял этих чувств — или пока не разделял. Англичане, помня историю своего обращения благословенным Папой Григорием, долгое время гордились своей верностью Риму. И чем Рим отблагодарил их? Если рассказанное Римбертом — правда, то, возможно, пришло время для верности... кому-то другому.

Итак, тексты. Главным среди них был тот, который Эркенберт хорошо знал, мог бы цитировать посреди ночи. Тем не менее не грех взглянуть снова. Четыре евангельских рассказа о распятии Христа слегка отличались друг от друга — лишнее доказательство их подлинности, ибо кто же не знает, что четыре свидетеля события всегда запомнят каждый свое? Но Иоанн — Иоанн сказал больше других. Переворачивая огромные жесткие страницы, Эркенберт нашел нужное место и стал перечитывать его, негромко проговаривая латинские слова и мысленно переводя их на родной английский.

«...sed unus militum lancea latus eius aperuit. Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра».

Копьем, подумал Эркенберт. Римским солдатским копьем.

Эркенберт лучше многих знал, как выглядит оружие римских воинов. В доме близ великого Йоркского собора, где он жил когда-то, еще немало сохранилось от казарм Шестого легиона *Eboracum*. Легион ушел из Йорка и из Британии четыреста лет назад, отозванный для участия в граж-

данской войне в метрополии, но большая часть его арсеналов осталась, и много нерасташенного и несгинувшего оружия все еще лежало в подземельях. Не знающие износу бронзовые детали катапульты, которую Эркенберт собрал для язычника Ивара, были подлинной старинной работы, такой же доброй, как и те времена. Железо ржавеет, но все-таки Эркенберт видел сверкающую и вычищенную, как на парад, полную амуницию римского легионера: шлем, панцирь, короткий меч, наголенники, щит и, конечно, римское копье с железным древком — пилум, называемый также *lancea*.

Да, подумал Эркенберт, это могло быть так. И нет сомнений, что Святое Копье, копье, которое пронзило грудную клетку Сына Господня, могло сохраниться в своей материальности. Ведь я сам видел и держал в руках оружие, которому, видимо, не меньше лет.

Но кому могло прийти в голову сохранить такую вещь? Это должен был быть кто-то, кто понял значение этого оружия в тот самый миг, когда его использовали. Иначе копье вернулось бы в казармы и смешалось с тысячами себе подобных. Кто мог сохранить это оружие? Нет, подумал Эркенберт, судя по тому, что говорил архиепископ, это не был набожный Иосиф из Аримафеи, которого евангелист Иоанн упоминает четырьмя стихами ниже.

Такой человек, тайный ученик Христа, вполне мог выпросить у Пилата разрешение похоронить тело, мог сохранить чашу, которую Иисус благословил для учеников на Тайной Вечере, — хотя Иоанн о том не упоминает. Но он не мог бы завладеть казенным боевым оружием римлян.

А вот центурион... Эркенберт задумчиво листал страницы Библии, переходя от одного Евангелия к другому. Центурион упоминался в трех из них, и во всех трех сказал почти одно и то же: у Луки — «истинно Человек Этот был праведник», у Марка — «истинно Человек Сей был Сын Божий», у Матфея — «воистину Он был Сын Божий». А в четвертом Евангелии, от Иоанна, не мог ли автор упомянуть центуриона, как «одного из воинов»? Если центурион, выполняя свои обязанности, пронзил грудь Иисуса, а затем увидел чудо или ощутил его присутствие — что было бы для него естественней, чем хранить и беречь свое — копье?

А что было с центурионом после казни Иисуса? Эркенберт повернулся к другой книге, небольшой, потрепанной,

без обложки — по-видимому, сборнику писем с рассуждениями о землях, кредитах и долгах, написанными в разное время разными людьми, к книге, которую большинство библиотечкарей давно отправили бы отскоблить для повторного использования. Эркенберт занялся письмом, о котором говорил Римберт. Оно выглядело достаточно прозаично. Письмо римского времени, написанное на латыни — на плохой латыни, с интересом отметил Эркенберт, на латыни человека, знающего только команды и незнакомого с откровениями грамматики, — в заголовке извещало, что послано каким-то Гаем Кассием Лонгинусом, центурионом Тридцатого легиона *Victrix*. Оно с благоговением живописало распятие бунтовщика в Иерусалиме и было адресовано центурионом домой для — Эркенберт не смог разобрать имени, но определенно что-то германское, не то Бинген, не то Зобинген.

Эркенберт выпятил нижнюю губу. Подделка? Письмо явно переписывалось несколько раз, но за столько-то веков и не могло быть иначе. Если бы переписчик старался подчеркнуть важность документа, стал бы он делать такую убогую копию, таким жутким почерком? Что касается самой истории, Эркенберт не сомневался, что в году от Рождества Господа Нашего тридцать третьем центурион легиона в Иерусалиме мог быть родом из Рейнской земли. Или из Англии, если угодно. Разве сам великий Константин, сделавший христианство официальной религией империи, не был объявлен императором в родном для Эркенберта Йоркском соборе?

Главным текстом был третий, современный, написанный, как Эркенберт определил по стилю, не ранее чем лет тридцать назад. Это было описание жизни и смерти императора Карла Великого, чьи выродившиеся потомки — по мнению архиепископа Гюнтера — ныне бездарно правили Западом. Многое было уже известно Эркенберту: войны императора, его покровительство учености. Как ни на минуту не забывал Эркенберт, Карл призвал Алкуина, тоже жителя Йорка, тоже скромного английского дьякона, управлять судьбами и просвещением всей Европы. Алкуин был человек большой учености, это так. Но учености книжной, а не практической. И он не был «арифметикусом», как Эркенберт. Нигде не сказано, что арифметикус не может быть так же велик, как поэт.

Но в этих хрониках Карла Великого было нечто, о чем

Эркенберт действительно никогда не слышал раньше, пока Римберт не подсказал ему. Не о том, как император умер, что было общеизвестно, но о предвестивших смерть знамениях. Эркенберт переложил книгу под яркий солнечный свет и углубился в чтение.

Император Карл Великий, говорилось в книге, в возрасте семидесяти лет возвращался со своей сорок седьмой победоносной войны, против саксов, в полном здравии и силе. Однако на вечернем небе сверкнула комета. *Cometa*, подумал Эркенберт. То, что мы называем волосатой звездой. Длинные волосы — это знак святости короля. Именно поэтому предшественники Карла публично стригли королей, которых свергали. Волосатая звезда упала. И когда она упала, утверждала хроника, конь императора заблажил и сбросил его. Он сбросил его так яростно, что перевязь меча оторвалась. А копье, которое Карл держал в левой руке, вырвалось и упало за много ярдов. В это самое время в императорской часовне в Аахене слово «Принцепс» или «Принц» навсегда исчезло с надписи, которую император заказал в свою честь. Карл умер через несколько недель, сообщалось в книге, и до самого конца настаивал, что все эти знамения вовсе не означают, будто бы Бог отвернулся от него. И все же самым грозным из них было падение копья, каковое император перед этим всегда носил с собой — ведь это копье, утверждал хронист, было не что иное, как *beata lancea*, Святое Копье германского центуриона Лонгинуса; в юности император Карл забрал его из тайника в Кельне и никогда с ним не расставался во всех своих многочисленных походах и войнах.

Тот, кто держит это Копье, говорила хроника, вершит судьбы мира. Но ни один мудрец не знал, где оно теперь, потому что графы Карла Великого после его смерти разыграли копье в кости, и никому уже не открыли, кто тогда выиграл.

А если верить Римберту, никто не знает и до сих пор, подумал Эркенберт, отрываясь от книги. По сведениям архиепископа, Святое Копье было увезено графом Регинбальдом в Гамбург и хранилось там как реликвия, украшенное золотом и драгоценными камнями. Но с тех пор, как северные язычники двадцать лет назад разграбили Гамбург, оно исчезло. Украденное каким-нибудь варварским царьком или ярлом. Может быть, уничтоженное.

Хотя нет. Раз это святая реликвия, Провидение должно

охранять ее. А если оно украшено золотом и самоцветами, даже язычники будут его ценить.

Значит ли это, что какой-нибудь вождишка этих свято-татцев станет повелителем Европы, новым Карлом Великим? Вспомнив Рагнара Волосатую Штанину, которого он сам отправил в змеиную яму, и его сыновей, Убби, Хальвдана, Ивара и, самое худшее, Змеиноглаз, Эркенберт ощутимо съезился от страха.

Этого нельзя допустить. Если реликвия находится в руках язычников, ее необходимо оттуда вызволить, к чему так страстно призывал и Римберт. Вызволить и передать новому императору, кто бы он ни был, чтобы снова объединить христианский мир. Но где гарантии, что вся эта история о копье, распятии и германском центурионе не может оказаться просто вымыслом? Побасенкой?

Оставив книги, Эркенберт подошел к окну и засмотрелся на мирный весенний пейзаж. Он пришел в библиотеку, чтобы проверить документы, и он их проверил. Они выглядели достоверно. В рассказанных историях концы с концами сошлись. Более того, он понял, что это *правильные* истории. Ему хотелось верить в них. И он знал, почему хочет этого.

«Вся моя жизнь, — думал Эркенберт, — отдана в руки бездарей». Неумехи архиепископы вроде Вульфира, неумехи монархи вроде Эллы или придурка Осберта перед тем, тупые таны, полуграмотные попы, получившие свои места только благодаря какому-нибудь родству с великими. Англия была страной, где все его начинания каждый раз оказывались построенными на песке.

Но все было по-другому в этой стране германских князей-архиепископов. Здесь поддерживался порядок. Советчиков подбирали за их ум и образованность. Практические вопросы решались безотлагательно, и те, кто разбирался в них, всячески приветствовались. И природные запасы здесь были гораздо богаче. Эркенберт знал, что удостоился величайшего внимания Гюнтера просто потому, что распознал в деньгах архиепископа серебро высокой пробы и спросил, где оно добывается. В новых шахтах, ответили ему, в горах Гарца. Ну, а человек, умеющий очищать серебро и отделять от него примесь свинца, здесь всегда в цене.

«Да, — подумал Эркенберт. — Мне нравятся эти люди. Я хочу, чтобы они приняли меня как своего». Но примут ли?

Эркенберт уже ощутил их отчаянную гордость своим происхождением и языком и знал, что он — чужой. Он был невысоким, да еще и темноволосым, а они ценили рослость и светлые волосы, считая их своим отличительным признаком. Может ли быть так, что его судьба — здесь? Эркенберту нужен был знак.

Лучи послеполуденного солнца неумолимо ползли по аналою и полкам с книгами. Отвернувшись от окна, Эркенберт увидел их сияние на открытой странице. Поблескивал золотом обильно украшенный инициал, выполненный в виде фантастического рисунка переплетенных змеиных тел, сверкающих серебром и рубинами.

Это английская работа, подумал Эркенберт. Он заново осмотрел гигантскую Библию, которую прежде листал, интересуясь только текстом, а не ее оформлением или происхождением. Определенно английская работа, и притом из Нортумбрии. Может быть, и не из Йорка, а из Вермута или *scriptorium* великого Беды из Джарроу тех времен, когда еще не пришли викинги. Как эта Библия попала сюда?

Как сюда пришло христианство? Для Карла Великого Гамбург и Бремен были языческими городами. Веру принесли сюда английские миссионеры, люди одной с ним крови, благословенные Уиллиброрд, Уинфрит и Уиллебальд, ниспровергатель идолов. «Мои соотечественники передали им великий дар, — сказал себе Эркенберт в приступе гордости. — Христианское учение и знания, как ему следовать. Если кто-нибудь попрекнет меня моим происхождением, я напомню об этом».

Эркенберт аккуратно вернул драгоценные книги на полки и вышел. Арно, советник архиепископа, сидел на скамье во двореке. При появлении маленького дьякона он поднялся.

— Ну как, брат? Ты удовлетворен?

Эркенберт улыбнулся в приливе уверенности и энтузиазма:

— Полностью удовлетворен, брат Арно. Можешь считать, что преподобный Римберт обратил в свою веру первого иностранца. Благословен тот день, когда он рассказал мне об этой величайшей из реликвий.

Арно улыбнулся, возникшее было напряжение спало. Он уважал маленького англичанина за ученость и проникательность. И в конце концов — разве англичане не разнообразность тех же самых саксов?

— Ну что ж, брат. Не заняться ли нам богоугодным делом? Поисками Святого Копья?

— Да, — с чувством откликнулся Эркенберт. — А потом делом, ради которого Копье было послано — поисками подлинного короля, нового римского императора на Западе.

* * *

Шеф валялся на спине, по временам проваливаясь в полудрему. Флот должен был отправиться в плавание следующим утром, и судя по всему, что Бранд рассказывал о трудностях морской жизни, спать следовало при каждой возможности. Но вечер выдался трудным. Шеф обязан был принять всех своих капитанов, десять английских шкиперов, которых с трудом подобрал, чтобы командовать минетными кораблями, и сорок с лишним викингов Пути, которые вели его обычные суда. Пришлось произнести много тостов и не забыть при этом никого из них.

Потом, когда он от них отделался и надеялся доверительно потолковать с Брандом, оказалось, что его выздоравливающий друг пребывал в дурном настроении. Он отказался идти с Шефом на «Норфолке», предпочитая свой собственный корабль и команду. Он утверждал, что не будет удачи, раз так много людей во флотилии не знают *haf*, — слов запретов, с помощью которых моряки избегают прямо упоминать о всяких сулящих беду вещах вроде женщин, кошек или священников. Обнаружив, что покинут даже Торвином, который собирался плыть на «Норфолке», Бранд снова пустился пересказывать мрачные легенды своей родины, в основном о невиданных морских тварях, о русалках и марбендилах, о людях, которые разгневали эльфов из шхер и были превращены в китов, а под конец — легенду о нечестивце и безбожнике, чья лодка исчезла в морской пучине, схваченная длинной рукой, покрытой серыми волосами. На этом Шеф прервал беседу. Сейчас он лежал, со страхом ожидая, что ему привидится во сне.

* * *

Когда пришел сон, Шеф сразу понял, где он очутился. Он попал в Асгард, обитель богов, и стоял он как раз перед самым большим зданием Асгарда, Вальгаллой, домом Одина для героев.

В отдалении, хотя все еще в пределах Асгарда, виднелась обширная равнина, на которой разыгрывалась какая-то хаотическая битва: бой без линии фронта, в котором каждый бился против всех, сраженные то и дело падали, обливаясь кровью.

День шел, а люди падали и больше не вставали. Бой распался на ряд поединков. Побежденный умирал, победитель находил себе нового противника. Под конец остался один-единственный человек, жестоко израненный и опирающийся на огромный окровавленный топор. Шеф услышал неясные отдаленные выкрики «Хермот!», «Хермот!».

Мертвые стали подниматься, их отсеченные руки и ноги прирастали вновь, зияющие раны затягивались. Помогая друг другу подняться, убивавшие друг друга воины со смехом вспоминали, как это происходило. Постепенно они выстроились в ряды и маршем направились к огромному зданию, шеренгами по двенадцать и длинной колонной в тысячи бойцов. Во главе шел воин с огромным топором. Они обогнули здание в нескольких футах от незамеченного Шефа, свернули влево и, не смешав рядов и не сбавляя шага, направились в здание через двухстворчатую дверь, ныне широко распахнутую. Дверь захлопнулась. Свет даже в Асгарде начал меркнуть. Изнутри слышался шум пирующих.

Тут к дверям проковылял человек в грубой одежде. Глядя на него, Шеф понял, что только в Асгарде такое создание могло бы жить. Его туловище было разорвано надвое, и верхняя половина раскачивалась без всякой связи с ногами. Ребра были широко распластаны наружу, талия расплющена, словно растоптанная каким-то массивным животным. Из-под одежды торчали развороченные внутренности.

Он дошел до ворот Вальгаллы и уставился на них. Изнутри раздался голос, один из тех могучих голосов, которые Шеф слышал раньше: недовольный и циничный голос его собственного трона — или отца — бога Рига, покровителя ловкачей и обманщиков. Нет, голос холодный и скрежещущий. Это хозяин дома, подумал Шеф. Это сам могучий Один.

— Кто прислал тебя, человечиска? — произнес голос.

Шеф не мог услышать глухой ответ, но владелец голоса услышал его.

— А, — произнес голос, — узнаю его работу. Среди моих героев для него найдется местечко. Когда придет время.

Распластаный человек заговорил снова и снова беззвучно.

— Ты? — сказал могучий голос. — Для тебе подобных здесь нет места. Кто ты такой, чтобы встать в рядах против отродья Фенриса, когда мне понадобятся воины? Убирайся. Иди на кухню. Может быть, моему управляющему Тьялфи нужен еще один блюдолиз.

Распластанный человек повернулся и похромал прочь вокруг здания, в направлении, противоположном тому, откуда пришло войско. На его лице Шеф заметил выражение такого беспросветного отчаяния, какое надеялся никогда больше не увидеть.

* * *

Это человек, которому даже смерть не принесла умиротворения, подумал Шеф. Даже боги допускают такое зло? Что заставляет их быть настолько жестокими?

Глава 3

Со своего наблюдательного пункта на корме переднего корабля Шеф посмотрел назад вдоль кильватерной линии. «Бедфордшир», четвертый корабль каравана, снова выбился из строя, что беспрестанно делал с тех пор, как они способом проб и ошибок пришли к нынешнему строгому походному построению. Все десять английских линейных кораблей, как упрямо называл их Ордлаф, шли курсом строго на восток, и юго-западный ветер дул сзади и сбоку — удобней не придумашь, гораздо лучше, чем было в плавании у немецких берегов близ устья Рейна, когда ветер дул точно сзади. И все равно «Бедфордшир» постепенно отваливал в сторону открытого моря.

Нет смысла кричать на идущий сзади корабль, чтобы по эстафете передали приказ капитану «Бедфордшира». Тот прекрасно знал, как важно держаться в строю, на ночных стоянках ему об этом многократно кричали все остальные шкиперы. В конструкции его корабля была какая-то ошибка. По той или иной причине у него получался очень сильный «подветренный снос», который всегда проклинал Ордлаф. Этим нужно заняться, когда они вернутся в док. А пока «Бедфордшир» сделает то, что всегда — выйдет из строя яров на сто, а затем переложит парус и вернется на свое место.

В то время как остальные шли более или менее прямо, «Бедфордшир» описывал пологие вытянутые зигзаги, подобные узору на литом мече.

Большого вреда в том нет, по крайней мере сейчас, заключил Шеф. Хотя он помнил об одной вещи, которую познал несколько дней назад, когда он и остальные новички наконец перестали травить через борт. Причина, по которой викинги правили морями и могли появляться в любом месте западного мира, несмотря на все предосторожности и противодействие христианских королей, была проста — они очень хорошо умели делать одно неожиданно трудное дело: ходить под парусом.

Матросы и шкиперы, которых Шеф набрал в английских портах, были по-своему неплохими моряками, но по-своему, а не так, как викинги. Почти сплошь рыбаки, что они умели — так это вернуться домой живыми. Если их детишки сидели с пустыми животами, они, как и Ордлаф, шли в море почти при любой погоде. Но им не нужно было добираться никуда дальше соседней банки или косы, и уж совсем не требовалось появляться где-то быстро и внезапно. Что касается сухопутных членов команды, обслуживающих арбалеты и «мулы», морской быт для них оказался тяжким испытанием. Не меньше шести из них, пытаясь справиться нужду, уже свалились за борт, хотя в спокойных прибрежных водах их, конечно, выловили. Главная причина, по которой Шеф требовал ночью останавливаться на стоянку, а не продолжать движение, — он страшился последствий попытки приготовить пищу на ходу.

От «Бедфордшира» с его проблемами Шеф повернулся к унылому песчаному берегу, скользящему с правой стороны — «по штирборту», как говорили моряки — со стороны, где было установлено длинное рулевое весло.

Шеф развернул большой свиток пергамента, на который пытался наносить карту незнакомых территорий. Многие ему рассказывали встреченные обитатели прибрежных островов — это были, разумеется, жители Фризских островов, которые ощущали свою близость одновременно и к англичанам из-за родственного происхождения, и к людям Пути, чью религию и обряд основал сто пятьдесят лет назад их собственный ярл Радбод. Но самое главное, на Фризских островах жили беднейшие из бедных. На их изолированных от бе-

рега песчаных косах, иногда миль до двадцати в длину, но никогда не шире одной мили, при набеге викингов ни хижины, ни стадо овец не могли просуществовать дольше десяти минут. Островитяне жили самым малым и то готовы были бросить в любой момент.

Это не значит, что они не мечтали о мести. Как только по островам разнеслась весть, что этот странный флот — английский и идет он войной на викингов, каждый вечер на огонек стали появляться люди, готовые поделиться сведениями за кружку пива или за серебряную монетку новой чеканки.

С их слов картина была ясна. За Ийссельмеером начиналась гряда островов, которые, как и прилегающий берег, тянулись на восток и чуть-чуть к северу. На дальнейшем пути названия островов становились более понятными. Три дня раньше они прошли Тексел, Влиланд и Терсхеллинг — Шеф не представлял, что могли означать эти слова. Но потом объявился Схирмонниког, а за ним шел ряд сходных названий — Лангеог, Спикерог и Норденей. Их понять было легко, потому что *oog* в гортанном фризском языке означало «ей», остров, а *koog* походило на знакомое норфолкское «кей», отмель.

Все эти острова были просто песчаными банками, наносами от столетиями стекавших в море речных вод, постоянно грозивших занести все илом. Впервые цепь разрывалась в устье реки Эмс. Дальше шло сдвоенное устье Яде и Везера, где-то внутри скрывавшее укрепленный епископальный город Бремен. Впереди, за Вангерогом, последним в длинной цепи Фризских островов, скользивших сейчас справа по борту, в море впадала могучая Эльба, в устье которой располагались порт и цитадель Гамбурга с его властителем — архиепископом. Гамбург, разграбленный викингами пару десятилетий назад, — как рассказывал принимавший в том участие Бранд, — был уже отстроен заново, самое острие христианского меча, нацеленного на Данию и дальше на Скандинавию.

Еще будет время зайти в Гамбург и Бремен. Но не сейчас. Сейчас Шеф намеревался прорваться через устье Эльбы к тому месту, где берег заворачивал на север в сторону Северо-Фризских островов и полуострова Ютландии, южной части Дании. В сторону равнин, с которых — как утверждал кое-

кто из его моряков — англичане в свое время, столетия назад, отправились грабить Британию и бить римлян. Шеф ощутил легкое волнение. Кто знает, вдруг там все еще остались англичане, которых можно было бы поднять на борьбу против, несомненно, угнетающих их датчан? Но будет достаточно, если он хотя бы доберется до тех мест — и вернется назад, испытав свои корабли и прибавив своим морякам уверенности и опыта.

Что нам действительно нужно, размышлял Шеф, разглядывая пометы на карте, так это сведения о том, что лежит внутри цепи островов, между островами и побережьем. Если бы флот мог идти там, мы не боялись бы ветра и непогоды и нехватки пресной воды, прогуливаясь себе, как дома по фарватеру Уза и Стаура. Скрывались бы в засаде, чтобы наброситься на флот викингов.

Но Ордлаф наотрез отказался вести флот вдоль берега, и Бранд поддержал его. Лоцманские воды, повторял он. Не суйся в них без человека, который здесь родился и вырос и которому можно доверять. Косы, мели, течения, приливы. Посадить судно на песчаную банку или скалу так же легко, как на мысе Фламборо. Даже легче, добавил Ордлаф. Мыс Фламборо, по крайней мере, виден.

Шеф не переставал удивляться, насколько велико презрение викингов к английскому морскому искусству. За время похода оно только нарастало, насмешки викингов становились все резче, и Шефу уже пришлось удерживать команду «Норфолка» — они рвались зарядить «мула» и отправить несколько самых смешливых на дно. С тех пор они шли своим нынешним походным строем: десять кораблей тащились вдоль берега, прилагая все усилия, чтобы поддерживать приличную скорость, в то время как сорок вспомогательных судов — все ведомые викингами, все построенные на берегах Каттегата или норвежских фьордов, но все имеющие на парусах вышитые молот и крест королевств Пути — высокомерно летели по волнам далеко впереди и значительно мористей. При этом никогда не скрываясь из виду. На горизонте всегда маячил парус, пристально наблюдающий за неуклюжими потугами англичан и не менее пристально следящий за остальными кораблями Бранда, скрытыми где-то за горизонтом.

Посмеяться они умеют, думал Шеф. И умеют ходить под

парусом, надо признать. Но сейчас у нас нечто вроде захвата Йорка, новый вид войны. Моим людям не требуется стать лучшими моряками со времен Ноева ковчега. Им просто нужно быть на море. Если мимо нас захотят пройти Рагнарсоны или другие проклятые пираты Севера, им придется подойти на дальность выстрела. А тогда мы их потопим. Лучший в мире моряк ничего не сможет сделать на разбитом корыте.

Он скатал свой свиток, сунул его в прововощенный кожаный чулок и прошел вперед похлопать по надежной раме «мула». Квикка, ныне главный катапультер-капитан флота, ухмыльнулся щербатым ртом при виде этого жеста. В своей доле прошлогодней добычи он получил сорок акров доброй земли и юную невесту, буквально невообразимое богатство для того, кто был рабом у монахов Кроуленда, не имея ничего своего, кроме волынки из рога с пузырьем. Однако он бросил все, и даже свой шелковый наряд, ради этого морского похода. Трудно сказать, чего ему не хватало — богатства или чудес.

— Сюда движется парус! — неожиданно закричал впередсмотрящий со своего насеста на рее в пятнадцати футах над головой Шефа. — И сзади я вижу еще несколько! Все идет прямо на нас!

«Норфолк» мгновенно накренился, когда встревоженные моряки бросились к левому борту — бакборту, — чтобы взглянуть своими глазами. Минутное смятение, и боцман с помощниками отогнали их назад. Ордлаф ловко вскарабкался по свисающему с реи канату с узлами, глянул в сторону, куда указывал палец впередсмотрящего. С напряженным выражением лица соскользнул вниз, доложил:

— Это Бранд, господин. Все его корабли мчатся назад так быстро, как только возможно при боковом ветре. Они увидели что-то достаточно серьезное. Они встанут борт о борт с нами, когда, — он показал на небо, — солнце дойдет дотуда.

— Лучше и быть не может, — сказал Шеф. — Ясное утро и долгий день для битвы. Скрыться пиратам некуда. Подаю людям обед пораньше, — он сжал свой амулет, серебряную лесенку. — Да пошлет мой отец нам победу. А если Одину нужны герои для Вальгаллы, — добавил он, вспомнив свой сон, — пусть возьмет их на той стороне.

* * *

— Так, и что же нам делать? — спросил Сигурд Змеинный Глаз. Он говорил со своими двумя братьями, стоявшими по бокам от него на носу «Франи Ормр». — Флот впереди, идет прямо на нас, а потом они вдруг разворачиваются и уходят, как будто узнали, что дома их жены стали предлагать себя всем, кто вернулся раньше.

Позади раздался голос шкипера «Ормра», Вестмара:

— Прошу прощения, господин. Здесь Храни, впередсмотрящий, он хочет что-то сказать.

Сигурд повернулся и взглянул на юношу, которого вытолкнули вперед. Парень, как и почти вся команда, пятьдесят отборных ратоборцев Сигурда, был в расцвете сил. Однако нищий, без единой искорки золота, и меч с простой костяной рукояткой. Отобран Вестмаром в команду, вспомнил Сигурд, за свою зоркость. Сигурд не удостоил его разговором, просто поднял одну бровь.

Уставившись в знаменитые змеинные глаза, со зрачками, окруженными белками, Храни покраснел и замялся. Потом собрался с духом, сглотнул и начал:

— Господин. Прежде чем они отвернули, я хорошо рассмотрел головной корабль. На носу, как и вы, государь, стоял человек и смотрел на нас, — он снова помялся. — Мне кажется, это был Бранд, Вига-Бранд.

— Ты видел его раньше? — спросил Сигурд.

Юноша кивнул.

— Так, подумай хорошенько. Ты уверен, что это был он?

Храни колебался. Если он ошибся — ведь у Сигурда была репутация безжалостного мстителя, и на флоте все до последнего человека знали о разъедающем его и его братьев желании. Найти и убить людей, виновных в смерти их безумного брата Ивара — Скъефа-англичанина и Вигу-Бранда, Бранда-убийцу. Если братья будут разочарованы... Ну, а с другой стороны, солгать им или скрыть, что видел, не менее опасно. Храни с минуту раздумывал, что же он на самом деле увидел, когда головной корабль неприятеля поднялся на волне. Нет, сомневаться было не в чем. Виденная им фигура была слишком велика для любого другого человека.

— Да, господин. На носу головного корабля стоял Вига-Бранд.

Сигурд с минуту сверлил его взглядом, затем медленно стянул с руки золотой браслет и протянул парню:

— Хорошие новости, Храни. Возьми это за твой зоркий глаз. Скажи-ка мне еще вот что. Как по-твоему, почему Бранд повернул назад?

Снова сглотнув, парень взвесил на руке браслет, сам не веря своему счастью. Повернул назад? Почему люди поворачивают назад?

— Государь, он, должно быть, узнал «Франи Ормр» и испугался встретиться с нами. Испугался встретиться с вами, — поспешно поправился он.

Сигурд недовольно махнул рукой и повернулся к своим братьям.

— Так, — сказал он. — Вы слышали, что думает идиот. Ну а что думаем мы?

Хальвдан посмотрел на волны, ощутил ветер на щеках, вгляделся в едва различимые точки парусов на горизонте.

— Разведка, — рассудил он. — Вернулись за подкреплением. Пытаются заманить нас.

— Заманить нас куда? — спросил Убби. — Их было сорок. Мы примерно столько и ожидали, столько наших перешли, — он сплюнул в сторону, — к людям Пути.

— Другие люди Пути могут идти южнее, — предположил Хальвдан. — И натравили их жрецы.

— Мы бы знали, если бы их было больше.

— Значит, если подкрепление там есть, — заключил Змеиный Глаз, — оно должно быть из Англии. Англичане на море. Новое дело. А где мы видим что-то новое...

— Там рядом Сигвардссон, — закончил Убби, осерив зубы.

— Изготовившийся к чему-то, — продолжал Сигурд. — Что-то он приготовил, иначе не осмелился бы угрожать нам, особенно на море. Смотрите, люди Пути меняют галс, поворачивают к берегу. Ладно, мы принимаем их вызов. Посмотрим, чем они нас удивят. Может быть, мы тоже их удивим.

Он повернулся к Вестмару, почтительно стоявшему сзади:

— Вестмар, передай приказ. Всем кораблям приготовиться к бою. Паруса зарифить, поставить весла. Но мачты не снимать. Оставить реи на месте.

Вестмар на мгновение закатил глаза. Он побывал в десятках морских сражений во всех морях Англии и Дании, Норвегии, Швеции и Ирландии. Реи и мачты всегда снимали и

складывали, чтобы убрать воздушный тормоз, дать кораблю каждый лишний ярд скорости, которую он может развить на веслах. В ближнем бою некому возиться с парусами, и никому не нужны помехи, заслоняющие от глаз стрелу или дротик.

Он спохватился, исполнительно кивнув, развернулся и пролаял приказ своей команде и морякам ближайших кораблей, чтобы передали его на все сто двадцать кораблей, идущих по бокам и сзади. Быстро и умело флот Рагнарссонов приготовился к бою.

* * *

Шеф перегнулся через планширь, когда корабль Бранда, «Морж», подошел к борту в конце широкого разворота, который привел его и всю флотилию людей Пути в боевое построение рядом с десятью линейными кораблями.

— Змеиный Глаз? — закричал Шеф.

— Да. Впереди «Франи Ормр», это точно. Их в три раза больше, чем нас. Придется принимать бой. Если попытаемся убежать, они догонят нас раньше, чем начнет темнеть.

— Мы не для этого пришли, — крикнул Шеф. — План не забыл?

Бранд кивнул и, отступив назад, стянул с шеи длинный красный шарф из шелка. Встав на подветренном борту, он распустил шарф по ветру.

На кораблях позади него тут же убрали зарифленные паруса и стали выдвигаться вперед, расходясь в линию бок о бок. Целый залп приказов Ордлафа, и «Норфолк» стал замедлять свой и без того тихий ход, а другие линкоры тоже начали выстраиваться, становясь не в шеренгу, а в колонну, и так тесно, что над кормой переднего корабля почти нависал нос заднего. Рулевые настороженно следили за маневрами своих неуклюжих посудин.

По сигналу Квикки прислуга катапульт притянула шатуны к палубам, зафиксировала их жирно смазанными болтами и стала взводить крутильные пружины.

— Введены в обе стороны, — крикнул Квикка, глядя на своего командующего. — Мы можем стрелять и вперед и назад, прости нам, Господи. Я хотел сказать, помоги нам Тор, — он сгреб в руку свой амулет-молот.

Постепенно флот Пути выстроился в задуманный боевой порядок, в виде буквы Т, направленной на врага. Вперед шеренгой выдвинулись сорок кораблей Бранда с убранными парусами и мачтами, неторопливо продвигаясь вперед на веслах, — Шеф слышал, как фыркают гребцы, всем своим весом налегая на весла. Позади их центра в кильватерном строю шли под парусами десять английских линейных кораблей.

Когда построение завершилось, Шеф испытал знакомое чувство облегчения. Он осознал, что во всех боях чувствовал одно и то же. Острая невыносимая тревога перед их началом, когда он думал о тысяче и одном препятствии, способном расстроить его планы, — шкиперы не так поняли, матросы нерасторопны, враг нагрянет неожиданно, когда они еще не будут готовы. Затем облегчение, мгновенно сменяющееся отчаянным любопытством. Получится? Все ли он предусмотрел?

Бранд орал с кормы своего корабля, яростно показывая на корабли Рагнарссонов, уже в какой-нибудь полумиле от них и быстро приближающиеся, молотя веслами. Что он кричит? Шеф услышал слова и тут же опомнился. Противник входил в бой, в точности как было предусмотрено. Но мачты у него все еще стояли, хотя паруса были убраны.

— ...от него воняет крысой! — донесся обрывок крика Бранда.

Воняет или нет, подумал Шеф, но крыса пришла. Теперь ей остается только укусить. Он стянул с шеи длинный синий шарф — подарок Годивы, с болью вспомнилось ему, сделанный в день, когда она сказала, что выйдет за Альфреда. Он распустил шарф по ветру, заметив, как повернулись головы, когда его увидели впередсмотрящие. Это несчастливый талисман, подумал Шеф. Он выпустил из руки шелк, позволив ветру унести шарф в мутное желтое море.

* * *

Сигурд Рагнарссон, стоя на носу своего корабля, заметил странно скроенные паруса позади редкого строя судов Бранда. Не пропустил он и гигантскую фигуру самого Бранда, стоящего как раз напротив него и размахивающего топором в знак насмешливого приветствия. К чему-то приготовились,

снова подумал он. И есть только один способ узнать, к чему же. С преувеличенной аккуратностью он снял свой длинный алый плащ и, повернувшись, бросил его под ноги. В тот же миг стоящий у мачты викинг дернул за фал. С верхушки мачты, над реей, неожиданно плеснулось огромное знамя с черным вороном на нем: Знамя Ворона сыновей Рагнара, сотканное, согласно легенде, за одну ночь, с приносящим победу магическим заклинанием в узоре. Никто не видел его поднятым со времен смерти Ивара.

Когда его заметили на приготовившихся кораблях, каждый гребец поднатужился в пяти мощных ударах весел, затем они одновременно задрали весла вверх и с грохотом воткнули их в гнезда. Перекрывая шум, гребцы издали короткий клич и похватили оружие и щиты. Каждый из рулевых направил судно как можно ближе к соседу, боцманы размахивали abordажными крючьями, чтобы крепко связать все корабли в одно целое. Таков был всегдашний обычай: корабли должны набрать инерцию хода и идти на врага связанными воедино, сцепиться носами с неприятельским флотом, а затем драться на копьях и мечах на передних полубаках, пока та или другая сторона не уступит, попытавшись — обычно безуспешно — вырваться.

Бранд увидел развевающееся знамя, увидел гребцов, изготавившихся к последнему отчаянному рывку. Как только весла изогнулись в первом яростном гребке, он зарычал голосом, которым мог бы перекрыть шторм в Атлантике:

— Весла вразнос и разворот!

Старательно отрепетированным маневром линия кораблей Пути разорвалась посередине. Корабль Бранда и все, кто были мористой его, резко свернули влево, бешено гребя веслами правого борта и табаня веслами левого. Все бывшие ближе к берегу поворачивали в другую сторону. Затем кормчие постарались уберечься от столкновения с соседями, а гребцы заработали веслами, и быстрые маневренные ладьи разошлись.

Шеф, стоя у мачты «Норфолка», наблюдал, как корабли Бранда расходятся влево и вправо, стройно, как два косяка перелетных птиц. Шеф почувствовал укол страха — не за себя, а за свой план — как только понял, что флотилия Рагнарссонов ближе, чем он ожидал, и быстро приближается. Если эти испытанные воины подойдут к его борту, конец мо-

жет быть только один. В этот самый момент он почувствовал, что «Норфолк» рванулся вперед, так как Ордлаф полностью распустил парус. Линейный корабль постепенно разворачивался влево, подставляя штирборт драконьим мордам, до которых не оставалось и сотни ярдов. И снова «Норфолк» прибавил в скорости ярд-другой, когда прямой развернулся по ветру.

Шеф услышал, как Ордлаф ободряюще кричит:

— Ветер поднимается! Мы повернем вовремя!

Может быть, подумал Шеф. Но все равно, они слишком близко. Пора их остановить. Он кивнул Квикке, выжидательно вцепившемуся в спусковой рычаг. Квикка промедлил лишь мгновение. Он знал, что план был — потопить флагманский корабль, ладью с гигантской позолоченной головой змеи на носу. Но его «мул» все еще не нацелился точно на нее. Развернуть его невозможно. Долю секунды переждав накат волны, Квикка выдернул спусковой рычаг.

Стремительный взмах, бешеный удар по поперечине, удар, который потряс весь корабль и, казалось, на мгновение остановил его. Черная молния, которая была тридцатифунтовым булыганом, несущимся над водой. Молния, ударившая точно по носу корабля, что шел слева от «Франи Ормр».

Секунду или две накатывающийся на них строй кораблей продолжал двигаться как ни в чем не бывало, отчего сердце у Шефа подскочило к самому горлу. Затем вяло, не спеша, корабль развалился на кусочки. Летящий камень расколол форштевень в щепки. Аккуратно набранные доски повывали из своих пазов. Море ворвалось внутрь ниже ватерлинии, подгоняемое ходом корабля. Когда оно ударило через пробойну, жилы, крепящие доски к шпангоутам и шпангоуты к килю, разорвались. Мачта, лишившись опоры, завалилась вперед, мгновение держалась на снастях и рухнула набок. Гигантской дубиной прошлась она по выпучившей глаза команде соседнего корабля.

Для наблюдателей с английской стороны все выглядело так, словно корабль внезапно исчез, утнутый на дно одной из Брандовых морских ведьм. Мгновение-другое они могли видеть людей, явно стоящих на воде, затем качающихся на разрозненных досках, а затем тонущих или цепляющихся за борт соседнего корабля.

И тогда «Суффолк» тоже привел в действие своего «му-

ла». Еще одна молния ударила в самое сердце флота Рагнарссонов. И еще одна, и уже третий корабль развалился на части.

Внезапно, пока Шеф заворуженно смотрел, в сражении словно прибавилось шума. Он сразу услышал посвист арбалетов, пение тросов, которые яростно наматывали на ворот подручные Квикки, треск от ударов камней по дереву и боевой клич, когда корабль Бранда развернулся, заходя во фланг Рагнарссонам. В тот же миг Шеф почувствовал струи неожиданного дождя, и очертания кораблей напротив на какое-то время расплылись. Над морем начался ливень. А если он размочит канаты и в самый неподходящий момент выведет из строя его артиллерию?

Из мороси в опасной близости вынырнули три драконьих носа. Но не змеиная голова флагмана, отставшего от них на сотню ярдов, это какие-то другие отчаянные моряки, отцепившие свои абордажные крюки и вернувшиеся на весла, когда поняли, что противник не собирается сближаться для честной сечи. Если они смогут подойти к борту...

Квикка поднял большой палец. Шеф кивнул. Снова душераздирающий вой и стремительный полет камня, который на этот раз закончился, едва начавшись, у самого основания мачты среднего корабля. И снова корабля вдруг не стало — лишь разлетающиеся доски и барахтающиеся в воде люди.

Другие два корабля по-прежнему приближаются, до них остаются какие-то ярды, люди впереди размахивают абордажными крючьями, свирепые бородачи глядят поверх своих щитов — одновременно резко хакнув, гребцы последним ударом весел бросают корабли через разрыв.

Ураганный боевой клич врывается в уши Шефа, и в каком-то футе перед форштевнем «Норфолка» проносится темный силуэт, подобный киту. Один из кораблей Бранда на весельном ходу вклинился в бой. Его нос прошелся вдоль штирборта корабля Рагнарссонов на скорости сближения добрых двадцать миль в час, сшибая весла, проталкивая их в отверстия бортов и ломая гребцам спины. Когда два корабля расходились, Шеф увидел, что викинги Пути в упор обрушили на противника град дротиков. Оставшийся корабль Рагнарссонов при виде побоища отвернул в сторону от «Норфолка», уходя в открытое море.

Шеф схватил Ордлафа за плечо и показал на добрые полмили водной глади, наполненной обломками судов, тонущи-

ми людьми и отчаянными схватками кораблей друг с другом. Сквозь завесу дождя и поднятых усилившимся ветром брызг все еще виднелось Знамя Ворона. Но теперь оно удалялось на восток. Ведомый искусной рукой, «Франи Ормр» беспрятственно прошел сквозь линию английских кораблей, развернулся и уже набрал полный ход. Двое англичан увидели, что его парус раскрылся вниз от реи, наполнился ветром и понес корабль прочь от опасности.

— За ним! — сказал Шеф.

— Он проходит два ярда, пока мы один.

— Пока есть шанс, отрежем его от открытого моря. Загоним к берегу.

— Но здесь же отмели, это Элбер-Гат, — запротестовал Ордлаф.

Палец Шефа повелительно ткнул его в плечо.

Глава 4

Сигурд Рагнарссон задумчиво глядел с кормы своего флагманского корабля. Он неспроста не подобрал свой плащ, оставив руки свободными. Сигурд упирался в днище «Ормра» длинным копьём с прочным древком и тяжелым треугольным наконечником. Братья стояли спинами к нему и тоже казались расслабившимися, хотя оружие не убрали. Во флоте Рагнарссонов дисциплина была свирепая. Но и люди были свирепыми тоже, отборные викинги-ветераны. Им вовсе не нравилось уклоняться от схватки, и они уже представляли себе, что про них станут говорить потом. Удивлялись, неужели Змеинный Глаз дал слабину?

Нет смысла объяснять. Пускай поудивляются еще немножко.

— Что ты скажешь о наших приятелях там, позади? — спросил Змеинный Глаз у Вестмара, показывая рукой на «Норфолк», отставший от них на целую милю.

— Посудина неуклюжая, но под парусом идти может, — коротко отвечал Вестмар. — Ну разве вот еще что. Англичане не знают этих мест. Видишь, на рее у них впередсмотрящий, а шкипер с носа высматривает отмели?

— Отмелей здесь полно, — ответил Сигурд. Он повернулся и взглянул в сторону побережья. Берег почти без примет.

Два малых островка Ньюварк и Шархорн уже пройдены. Мутные воды Эльбы струятся под килем, а дальше — ничего до самой подошвы полуострова Ютландия, до земель, из-за которых Дания препирается с Империей германцев.

— Отлично. Убирай парус. Сажай людей на весла. И пошли кого-нибудь на нос с грузилом.

Вестмар раззявил рот, чуть было не выразив несогласие. «С грузилом, — подумал он. — Но я знаю Элбер-Гат как задницу своей жены. А если мы спустим парус, эти ублюдки позади смогут швырять в нас свои *iotunn*-камни, пока мы будем надрываться на веслах». Он проглотил свою речь и, повернувшись на пятках, хрипло выкрикнул команды.

* * *

— Мы их догоняем, — крикнул Шеф. — Квикка, вставай к «мулу».

Ордлаф не отозвался. Он напряженно всмотрелся в небо, снова взглянул на корабль, который они преследовали, взял лот-грузило, которое протянул ему меривший глубину матрос. Обнюхал грязь, прилипшую к воску на конце свинцового цилиндра с веревкой длиной в пять саженей. Высунул язык, лизнул.

— Зачем ты это делаешь?

— Не знаю, — пробормотал Ордлаф. — Иногда, если есть ракушки, можно узнать, какой там песок. Далеко ли отмель.

— Смотри, — гаркнул Шеф. — Они тоже не знают, где идут, у них человек на носу последние две мили тоже промеряет глубины, в точности как и ты. Держись за ними, и если они не сядут на мель, то и мы не сядем.

Не так все просто, мой молодой господин, подумал Ордлаф, не так все просто. Есть еще и другие вещи, например, течение — видишь, они скользят по нему как змея, а в наш киль оно вцепилось мертвой хваткой. И ветер, и косые струи ливня. И прилив. Он еще не кончился? Будь мы дома, в Йоркшире, я бы нутром почуял, когда он дойдет до высшей точки. Но здесь, в чужом море, кто ж знает, когда он повернет на отлив. Должно быть, скоро.

— Еще четверть мили, и мы подойдем к ним на выстрел, — крикнул Шеф. — Гребите веслами с носа и кормы. Только оставьте место вокруг «мула».

Гребцы с трудом преодолевали короткую зыбь, однако «Норфолк» еще чуть-чуть прибавил скорости и начал замет-но догонять похожий на дракона корабль, убравший парус. Шеф всматривался в даль, оценивая расстояние и направление.

— Так, пошли. Целься хорошенько, Квикка. Ордлаф, поверни еще вправо, то есть право руля, чтобы мы могли выстрелить.

Когда «Норфолк» взял право руля, его парус развернулся. Яростный вопль Квикки — нижний край паруса заслонил ему обзор. Суeta моряков, торопливо подтягивающих снасти, чтобы подобрать его. Свирепые проклятья Ордлафа — гребцы сбиваются с ритма ударов, и нос корабля уводит в долгий кренящийся разворот. Когда парус наконец открыл обзор, Шеф и Квикка с минуту напряженно вглядывались вдаль, недоумевая, куда подевалась их добыча.

— Вот он! — За время неразберихи «Франи Ормр» вильнул, как путающий след заяц, взял лево руля и теперь, в точности кормой к ним, удалялся на бешеной скорости, весла мельтешили словно в последние мгновенья гонки.

— Теперь слишком далеко для выстрела! — прокричал Квикка в ухо Шефу, вне себя от возбуждения.

— Они долго так не выдержат. Ордлаф, веди нас за ними.

Ордлаф колебался, завидя длинные барашки на мелководье по обе стороны от летящего корабля викингов. Мелководье шириной в полмили между двумя длинными песчаными косами. Да еще множество мелей и проток, растянувшихся на мили в сторону однообразного немецкого берега.

Его успокоило соображение о промерах глубин шкипером викингов. Опасные воды, но викинги тоже не знают их. Если кто и сядет на мель, те сядут первыми. «Норфолк» развернулся, принял ветер с другого борта и, снова расправив парус, по следу врага устремился в узкую протоку.

* * *

Пройдем, подумал Сигурд, ощутив легчайший шорох песка под килем корабля. Мы прошли, на самой верхней точке прилива. Он уловил искорку облегчения в глазах Вестмара, тут же торопливо опущенных. Один из гребцов шумно выдохнул и, набравшись дерзости, смотрел на кормчего с за-

дранной бровью. Последние несколько минут гребцы чувствовали песок под лопастями весел и, как истинные моряки, сразу стали загребать совсем неглубоко. Теперь они почувствовали, что выходят на глубокую воду. Может быть, Змеинный Глаз еще не растерял свою удачу. Может быть...

Позади Сигурд мог видеть приближающийся английский корабль с молотом и крестом на парусе. А позади него — шквал, пересекающий открытое плоское устье Эльбы, шквал, который налетит на англичан. Вот сейчас.

* * *

Когда с неожиданной апрельской яростью налетел порыв ветра и дождя, Ордлаф напряженно всматривался вперед. В уши ворвался крик моряка с лотом:

— Сейчас две сажени, капитан, только две сажени, и я вижу отмель!

— Табанить веслами, — тут же заорал Ордлаф, — убрать парус, подать назад!

Слишком поздно. Пока он кричал, один из гребцов, старательный, но неумелый, почувствовал, как его весло вывернулось, изогнулось и сбросило его со скамьи, едва не выкинув за борт. Зарывшись в песок, крепкое ясеневое весло мгновенье сдерживало напор несущегося корабля, разворачивая его, а затем разлетелось в щепки. Судно накренилось и еще больше зарылось в грунт, расшвыривая гребцов там и сям. Последний порыв ветра ударил в парус, взметнул корабль на гребень волны. Затем со страшным скрежетом выбросил его на песок. Несколько секунд царила полная неразбериха, пока Ордлаф и его помощники, с дикими криками расталкивая окружающих, тянули снасти, хватались за весла, сначала пытаясь снять «Норфолк» с мели, а потом — хотя бы поставить его на ровный киль. Постепенно сумятица улеглась, и сухопутные члены команды, включая короля, сгруппировались посередине. На Шефа смотрела пара укоризненных глаз.

— Не надо было нам это делать. Сели на мель в самый прилив. Смотри, — Ордлаф показал за борт, на две песчаные отмели, уже вышедшие из воды с обеих сторон корабля, так как на море начался долгий шестичасовой отлив.

— Нам грозит опасность? — спросил Шеф, вспоминая,

как два года назад они оба были очевидцами крушения кнор-ров Рагнара, севших на грунт у мыса Фламборо.

— Нет, опасности поломки нет. Это мягкий песок, и мы ударились довольно слабо. Но ловко же нас провели! — Ордлаф в немом восхищении покачал головой. — Спорю, что их шкипер точно знал, где он идет, до последнего дюйма. Свебившись со своим лотом, он просто обманывал нас. Сейчас они уже далеко и возвращаются в открытое море.

Шеф резко оглянулся, внезапно сообразив, что может произойти, если Змеиный Глаз и его отборная команда пойдут вброд по мелководью. Но викингов нигде не было видно. Шеф прошел на корму и не спеша, внимательно осмотрел плоский серый горизонт, выискивая мачту или Знамя Ворона, которое развевалось впереди каких-то десять минут назад. Ничего не видно. «Франи Ормр» подобно змее затаился в каком-нибудь ручье или протоке, выжидая, пока прилив откроет проход к морю. Шеф глубоко вздохнул, напряжение спало, он повернулся к Ордлафу и своей молчаливой команде.

— Мы сможем сняться до темноты?

Ордлаф пожал плечами:

— Можно сняться с мели, перетягиваясь с помощью верпов. Пусть все займется делом.

И вот грязь вокруг застрявшего корабля была наконец расчищена, после долгих часов тяжелого труда, пота и растущего чувства гордости, что битва все-таки выиграна, даже если кому-то из врагов удалось улизнуть.

Ушедшая вода — а отлив достигал здесь пятнадцати футов — открыла всем, что произошло с «Норфолком». Теперь он лежал в полумиле от основного русла Эльбы, в мелком озерце между двумя длинными банками, полном проток и канав вперемежку с округлыми островками, усеянном обломками давних кораблекрушений.

Сперва Ордлаф высадил команду за борт, велел копать вокруг корпуса и под килем, чтобы вытащить корабль назад по тому же пути, которым он пришел. Но по мере отлива путь к глубокой воде стал виден яснее, и они отказались от этой затеи. Всего в шестидесяти или семидесяти футах впереди была глубоководная протока, глубиной не меньше десяти футов даже при полном отливе. Очевидно, шкипер Рагнассонов шел к ней, прекрасно зная о ее местонахождении, а потом, пока внимание его врагов было отвлечено, свернул

влево или вправо. К берегу, в сторону Гамбурга и основного русла, или к морю каким-то неизвестным маршрутом — теперь это значения не имело. Теперь команде «Норфолка» необходимо было протащить его несколько футов через почти неразличимый гребень отмели, а затем вниз, к глубокой воде. Они уже вырыли яму под передней частью корпуса, так что нос корабля чуть-чуть да наклонился вниз. Но чтобы сняться с мели до ночного прилива, им требовалась лебедка.

Ордлаф уже приспособил первый канат, привязав один его конец к корабельному якорю, укрепленному в тяжелом песке, а другой обмотав вокруг низа мачты, и приказал тридцати гребцам тянуть одновременно. Корпус раскачивался и стонал, но остался недвижим.

— Нам нужен еще один канат, — заявил Ордлаф, — чтобы постараться тянуть прямо по ходу и чтобы остальным парням было где за него взяться. И хорошо бы закрепить его вон там. — Он показал на песчаную отмель по другую сторону протоки шириной ярдов в тридцать.

— У нас найдется такой длинный канат? — спросил Шеф.

— Да. И мы сделаем второй якорь из наконечника алебард. Нам нужно только доставить его туда.

Шеф угадал невысказанную просьбу. «Норфолк», огромный по сравнению с другими кораблями своего времени, был, однако, слишком мал, чтобы разместить на нем даже ялик там, где должно было уместиться так много всего — и команда, и провиант. Поэтому имелся только челнок, сделанный из шкур на жердевом каркасе, скорее корыто, чем лодка, управлять им было трудно, но зато опрокидывался он легко. Ордлаф и любой из его норфолкских рыбаков мог с ним управиться, но все они сейчас были слишком заняты. А любой сухопутный член команды, из гребцов или прислуги «мула», обязательно бы перевернулся и утонул.

Шеф вздохнул. Час назад он выдал последние дрова из скудного, ежедневно пополняемого корабельного запаса и велел Квикке развести на песке костер, поставить большой железный котел и постараться приготовить что-нибудь из сурового морского провианта: муки, соленой рыбы и ячменя. Для голодного человека поднимающийся от котла запах был непреодолим. Шеф взглянул на солнце, уже опускающееся в море, представил, как придется всю ночь мучиться в прибившей воде, и уступил.

— Ладно. Я вроде был жителем болот, до того как стать ярлом и королем. Я это сделаю.

— С челноком справишься?

— Сам увидишь. Если бы не надо было тащить якорь, я бы уж как-нибудь переплыл эту протоку за дюжину взмахов.

Боцман Ордлафа аккуратно погрузил якорь в челнок, чтобы острые концы не пропороли его днище, убедился, что канат пойдет свободно. Шеф напоследок взглянул на котел и, прикинув расстояние и шансы перевернуться, снял золотое кольцо — знак своего положения. Он протянул кольцо Хвительму, непробиваемо тупому юноше из знатной семьи, которого Шефу навязали в оруженосцы, — он уже держал меч и ножны Шефа.

— Прибереги это, пока я не вернусь.

Хвительм нахмурился от неожиданного жеста, но вскоре уловил его смысл.

— А твои браслеты, господин?

Шеф на мгновение заколебался, затем медленно стянул со своих бицепсов золотые браслеты и отдал их Хвительму. Свалиться они не могут, но если челнок опрокинется, что вполне вероятно, кто тогда знает, как все обернется?

Он подошел к краю протоки, уселся в челнок, взял короткое весло и отчалил. Трудно грести одним веслом, тем более что из-за дополнительного веса борта возвышались над водой на какие-то три дюйма. Фокус заключался в том, чтобы разворачивать весла, выпрямляя челнок на каждом гребке. Шеф постепенно продвигался вперед, мучимый разлившимся в воздухе ароматом еды; вышел на отмель, закопал якорь, как сказал Ордлаф. Затем, подгоняемый стуком приготовленной для еды посуды, забрался в челнок для возвращения к кораблю.

Через протоку теперь тянулся канат. Гораздо легче, чем грести, оказалось сесть спиной вперед и, перебирая руками, подтягиваться по канату.

Шеф с запозданием понял, что крики с корабля изменили свою тональность, сделавшись настойчивыми и отчаянными. Чтобы посмотреть, что случилось, он сначала повернулся влево, как всегда делал из-за отсутствия правого глаза. Ничего не видно, но Ордлаф с выражением ужаса на лице жестикулирует и показывает направо.

Шеф торопливо обернулся в другую сторону, едва не оп-

рокинув челнок своим толчком. Мгновенье он видел почти прямо над собой лишь черный силуэт и белую пену. Затем он сообразил, что это.

«Франи Ормр» на полном весельном ходу надвигался на него, отбрасывая буруны до самых краев узкой протоки. Со снятой мачтой, без змеиной головы и драконьего хвоста, корабль, высотой не выше лодки, скрывался где-то за безмянными невидимыми берегами, выжидая своего часа. Теперь он его дождался и подошел, чтобы протаранить и сокрушить беззащитного врага. В то же мгновенье, как опознал корабль, Шеф увидел и воина в алом плаще, с огромным копьем в руках он склонился на носу. Его лицо было перекошено от ненависти. В этот миг Шефу стало ясно — такой ни за что не промахнется. Рука отошла назад, копье нацелилось.

Шеф мгновенно опрокинулся через борт и ушел под воду, отчаянно проталкиваясь в глубину. Подводные течения потащили его дальше, песок царапнул грудь, на минуту он ощутил себя зажатым между килем и морским дном, и тут же стал яростно пробиваться наверх и в сторону. Глубоко зарывшееся весло вскользь задело его по затылку, и Шеф снова нырнул. Его легкие уже не могли этого выдержать, необходимо было вынырнуть на поверхность и вдохнуть, но поверхности все не было, бешеными ударами он продирался наверх...

Шеф плотнул воздуха в нескольких ярдах за кормой «Франи Ормра», дико огляделся и устремился к ближайшему берегу. Он снова очутился на песчаной отмели, где поставил якорь. На противоположном берегу кто-то опрокинул котел, собравшимся вокруг «Норфолка» воинам кидали их мечи и алебарды, над бортом показались вереница шлемов — это дюжина арбалетчиков изготовилась к стрельбе. Ордлаф выкрикивал команды, готовясь к стычке на песке. Никакой возможности использовать «мула», «Норфолк» стоял носом к протоке, и к тому же наполовину завалившись на борт.

«Франи Ормр» разворачивался в узкой протоке, подгребая левыми веслами вперед, а правыми — назад. И направился не к «Норфолку», а к Шефу, отрезанному на дальнем берегу глубокой протоки. Шеф прикинул, не броситься ли ему в воду, чтобы, дюжину раз взмахнув руками, вернуться к своим товарищам, но остановился, представив, как гарпун вонзается ему в спину. Слишком поздно. «Ормр» без своей

драконьей головы неотвратимо надвигался на него, горстка людей столпилась у борта и внимательно следила за ним.

Шеф отступил назад, дальше по песчаной отмели, за пределы досягаемости для дротиков, недоумевая, что же теперь делать. Он один и без оружия. Крик — и весла прекратили свои взмахи, но оставались в уключинах. Через борт на весло перескочил человек, в моряцких сапогах из козьей кожи, спустился по нему и прыгнул на песчаный берег. Молодой, настороженно разглядывал его Шеф с расстояния в дюжину ярдов. Но высокий и сильный, с золотым браслетом на одном бицепсе.

Свист в воздухе, и еще раз. С «Норфолка» пытаются помочь, стреляя из арбалетов. Но от застрявшего корабля далеко до протоки и еще дальше до противоположного ее берега, к тому же на пути дротиков корпус «Ормра». Шеф отступал, а парень вытаскивал из ножен свой меч. Еще трое спустились по веслам и направились к нему. Шеф, на миг оторвав взгляд от ближайшего врага, узнал всех троих: Хальвдан Рагнарссон, который был среди судей на том поединке в Йорке, седой Убби Рагнарссон, а в центре — Сигурд, тот, что в Бадриксворде потребовал лишить Шефа одного глаза. Как напоминание, из пустой глазницы Шефа заструилась соленая вода. Рагнарссоны несли топоры, мечи и копья. Все трое были в кольчугах. В отличие от ближайшего к Шефу воина.

Шеф повернулся и побежал вдоль песчаной косы. Это уводило его прочь от «Норфолка», но выбора не оставалось. Если он будет стоять на месте, его убьют, если побежит поперек косы, через несколько прыжков снова будет барахтаться в воде. Ошибка, сообразил он секундой позже. Он побежал в направлении, куда был развернут «Франи Ормр», и корабль шел тихим ходом справа от него, закрывая его преследователей от арбалетчиков «Норфолка», а у викингов «Ормра» были наготове стрелы и дротики. Шеф повернул налево, слыша позади себя топот ног. Коса оборвалась. Он бросился в воду плоским нырком — три, четыре мощных взмаха руками — почувствовал под собой песчаное дно и вскоре был опять на ногах.

Десяток прыжков, и он рискнул обернуться через плечо. Паренек на берегу притормозил было, но уже с плеском продвигался через воду, всего-то по пояс глубиной. Рагнарссоны отстали, старые и в тяжелых кольчугах, однако разошлись

вдоль берега канавы шириной в несколько ярдов и перекрыли все пути назад. Прямо перед ним и по обе стороны простиралось лишь бездорожье округлых возвышенностей, луж и мелких канав, впадающих в основную протоку. То и дело встречались канавы поглубже. В таких он может попасться, пока будет плыть, Сигурд метнет копье, или этот парень схватит его за пятку. Но если оторваться достаточно далеко, он успеет переплыть и убежать. Люди в кольчугах не рискнут лезть на глубокое место, а если полезут, потеряют его из виду.

Когда молодой викинг достиг берега, Шеф повернулся и снова побежал. Чуть медленней, чем мог бы, вилая и оглядываясь через плечо на каждом десятке ярдов якобы в испуге. Пятьдесят ярдов — и брызги в неглубокой луже. Еще пятьдесят — и в обход холмика повыше. Теперь «Ормр» находится в целом фарлонге от него и бессилен вмешаться, Рагнарссоны рассыпались цепью и перекликаются, стараясь не упустить его из виду. Слышнее становится дыхание высокого парня, который сокращает разрыв, через каждые несколько шагов занося меч, как будто надеется ударить.

Из викингов бегуны никудашные, мрачно вспомнил Шеф. Он проскочил через еще один ручеек, где воды было по колено, выбрался на твердую почву и обернулся.

Молодой викинг остановился перед водой, торжествуя, оскалился и бросился вперед, занося меч для удара справа налево. Шеф поднырнул под меч, обеими руками ухватил правое запястье и подсек противника под щиколотки. Оба грохнулись на песок, а меч отскочил в сторону.

Подобрать его времени не было, а бороться слишком рискованно. Все, что требуется от викинга, — держать Шефа, пока не подоспеют Рагнарссоны. Шеф отступил назад, принял борцовскую стойку. Викинг смотрел на него, по-прежнему тяжело дыша и оскалившись.

— Меня зовут Храни, — сказал он. — Я лучший борец в Эбельтофте.

Он закрылся, готовясь к захватам за шею и локоть. Шеф нырнул и рванул нож у Храни с пояса. Когда Храни потянулся к ножу рукой, Шеф распрямился и ребром левой руки ударил его под подбородок, а правую ногу подставил сзади. Потеряв равновесие, высокий парень грохнулся назад. На подставленное под его поясницу колено Шефа. В тот же миг

Шеф обеими руками со всей своей силой кузнеца надавил вниз.

Позвоночник хрустнул, и Храни с ужасом посмотрел наверх. По-прежнему держа его на колене, Шеф мягко похлопал его по щеке.

— Ты все равно лучший борец в Эбельтофте. Это был нечестный прием.

Он вытянул нож у Храни с пояса и глубоко загнал ему под ребра. Скинул тело и встал, подобрав меч с простой костяной рукоятью.

Всего в нескольких ярдах — глубокая протока. Шеф подбежал к ней, броском футов на тридцать перекинул меч на другую сторону, нырнул и быстро переплыл протоку. На берегу обернулся лицом к Рагнарссонам, которые, задыхаясь, притрусили к кромке воды. Шеф на минуту наклонил голову, чтобы вылить воду из пустой глазницы, а когда распрямился, встретил взгляд Змеиного Глаза.

— Идите сюда, — крикнул Шеф. — Вас трое, и все великие воины. Как и ваш брат Ивар. Его я тоже убил в воде.

Хальвдан вступил в воду с обнаженным мечом. Убби удержал брата за плечо.

— Он зарежет тебя прежде, чем ты встанешь на ноги.

Шеф нарочито ухмыльнулся, надеясь спровоцировать нападение. Если кто-то пойдет вброд, он попытается убить его, пока вода еще будет сковывать движения противника. Если двое или трое пойдут вместе, он снова побежит, надеясь, что их-то сможет обогнать. Теперь инициатива была у него. Им придется поломать голову. Ведь они не знают, что он собирается бежать. Если они пойдут все вместе, загвоздка в том, что его убьют, но все-таки первый удар будет за ним. При виде трупа своего оруженосца они могут подумать, что Шеф охвачен боевым безумием и готов принять их вызов.

Внезапно ему в живот полетело копьё — лицо запустившего его Сигурда при этом не дрогнуло. Шеф мгновенно подпрыгнул, широко раскинув ноги. Древко скользящим ударом чувствительно задело его пах. Шеф упал на корточки, кусая губы, чтобы не выдать боль.

— Твой брат Ивар по крайней мере дрался честно, стоя на той же самой доске, что и я, — крикнул он. — Вам кто-нибудь рассказывал, как он умер?

«Его яйца лопнули от моей хватки, — подумал он, — а

лицо располосовалось на ленточки, когда я боднул его наверху шлема. Надеюсь, что об этом они не слышали. Он, может, и бился честно, но я-то точно нет».

Змеиный Глаз развернулся, не став даже обнажать меч. Он что-то буркнул братьям, и те тоже направились назад, к телу Храни. Шеф увидел, что Сигурд наклонился и снял с руки Храни золотой браслет. Затем все трое пошли прочь к своему кораблю. Они не приняли вызов.

«Сигурд умен, — подумал Шеф. — В битве на море он развернулся и вышел из боя, а не бросился вперед, как я рассчитывал. Сейчас он сделал то же самое. Я должен помнить — это не значит, что он уступил».

Шеф оглянулся, оценивая ситуацию.

Он был отрезан от «Норфолка». Сигурд на «Франи Ормр» может напасть на него, а может и не напасть, «Норфолк» выиграет сражение или проиграет его. В любом случае не стоит пробовать вернуться на «Норфолк». Невозможно угадать, что хитроумный Сигурд приготовил ему среди песчаных отмелей. Нужно идти в другую сторону, к неизвестному берегу, до которого остается еще с четверть мили тех же отмелей.

У него была его одежда, кремь и кресало на поясе и дряннойковки железный меч с костяной рукоятью. Желудок напоминал Шефу, что последний раз он ел в полдень. И у него уже началась произвольная дрожь от холода в промокших шерстяных штанах и рубахе. От соленой воды саднило пустую глазницу, и по какому-то закону другой глаз непрерывно слезился. Солнце возвышалось над плоским горизонтом на ширину ладони. Оставаться на месте было нельзя. Начинался прилив. Скоро придется плыть, а не идти.

Сейчас Шеф меньше, чем когда-либо, ощущал себя королем. Но, сказал он себе, ведь он никогда и не чувствовал себя настоящим королем. По крайней мере, сейчас над ним нет ни хозяина, ни отчима, которые бы его били.

Повернувшись лицом к немецкому берегу на северных отмелях Эльбы, он решил подобрать зацепивший его дротик Сигурда. Как и следовало ожидать, отличное оружие, с однофутовой железной насадкой на древко и длинным треугольным наконечником. Наконечник из превосходной стали, без всяких следов повреждений. Ни серебряных инкрустаций, ни других украшений. Змеиный Глаз, человек разумный, не тратил деньги на то, чем собирался поражать врагов. И все

же на стали что-то виднелось, рунические письмена. Выученный в свое время Торвином, Шеф смог прочесть их: «Гунгнир», гласила надпись.

Итак, Змеинный Глаз не видел святотатства в том, чтобы подражать названием оружия самому Одину. Это не было древнее или старинное оружие. Кузнечный опыт подсказывал Шефу, что копье выковано недавно. В задумчивости Шеф закинул его на плечо, заткнул за пояс меч Храни и осторожно и устало побрел вдоль северной отмели Эльбы по коварным пескам, все еще различимым в сумерках.

* * *

Далеко к северу от устья Эльбы, северней даже, чем цитадель Рагнарссонов на датском Сьяелланде, великая школа Пути, его святилище все еще лежало под глубоким снегом на норвежском берегу в далеком Каупанге. Толстый лед мостом перегородил фьорд от берега до берега. Люди торопились поскорее оказаться под домашним кровом.

И все же среди стремительных силуэтов лыжников одна фигура застыла, неподвижно стоя в снегу: Виглик Провидец, самый уважаемый жрец Пути. Туда, где он стоял, с неба слетались птицы, кольцом усаживаясь вокруг него. Стая росла, и прохожие стали показывать на нее, звать других посмотреть. Постепенно люди — жрецы, их ученики и слуги — образовали второй круг снаружи от первого, держась на почтительном расстоянии, ярдах в пятидесяти.

Одна из птиц, яркогрудая малиновка, вылетев из круга, села на плечо Виглика и громко и долго щебетала. Виглик стоял в снегу не шевелясь и слушал, склонив голову набок. Под конец он благодарно кивнул, и птичка улетела. Ее сменила другая, севшая на руку в перчатке, которой Виглик сжимал свои лыжные палки. На сей раз это был крошечный крапивник с хвостом, задранным, как шпора всадника. Она тоже пропела длинную песенку и замолкла в ожидании.

— Спасибо, сестричка, — услышали люди слова Виглика.

Затем все птицы стремительно вспорхнули и перелетели под кроны деревьев. Появилась большая черная ворона, которая не уселась на плечо Виглика, но расхаживала перед ним взад-вперед, время от времени нагло и хрипло каркая. Это выглядело насмешкой. Однако Виглик продолжал стоять

безмолвно. Под конец птица задрала хвост, пустила на землю струю и улетела.

Через какое-то время Виглик поднял глаза и устремил взгляд вдаль. Когда он опустил глаза, на его лицо вернулось нормальное выражение. Зная, что видение уже кончилось, его собраты рискнули приблизиться. Впереди шел Вальгрим, признанный Глава святилища и жрец Одина-отца — многим по плечу была такая ответственность.

— Какие новости, брат? — наконец спросил он.

— Новости о смерти тиранов. И новости похуже. Сестрица малиновка сказала мне, что Папа Николай умер в Римграде, собственные слуги удавили его подушкой. Он расплатился не за то, что посылал воинов против нас, а за то, что потерпел поражение.

Вальгрим кивнул, довольная улыбка раздвинула его бороду.

— А брат крапивник сказал, что в земле франков король Карл Лысый тоже убит. Один из его графов вспомнил, как предшественники Карла брили голову длинноволосым королям, чтобы показать, что они больше не короли, и добавил, что Бог наградил Карла лысиной, чтобы показать, что он никогда не должен был стать королем. Когда Карл велел своим людям схватить графа, другие графы восстали и вместо этого убили его самого.

Вальгрим снова улыбнулся.

— А ворона? — подсказал он.

— Ее новость похуже. Ворона сказала, что один тиран все еще жив, хотя сегодня едва не был убит, это Сигурд Рагнарссон.

— Может быть, он и тиран, — ответил Вальгрим. — Но при всем при том он любимец Одина. Если бы Путь мог залучить его на свою сторону, он бы приобрел могучего ратоборца.

— Может быть, и так, — ответил Виглик, — но его тварь — ворона — относится к нам, как к его врагам, убийцам его брата. Она грозила мне, грозила всем нам, его мстью. Однако я знаю, что ворона не сказала всей правды. Она кое-что утаила.

— Что же?

Виглик медленно покачал головой:

— Это по-прежнему скрыто от меня. И несмотря на все,

что ты сказал, Вальгрим, я не думаю, что путь к победе в Судный День лежит через таких, как Сигурд Рагнарссон, с его жестокостью и его жертвоприношениями. Нужен не только великий ратоборец, чтобы победить Локи и отродье Фенриса. И не кровь возвратит Бальдра к жизни. Не кровь, а слезы.

Несмотря на весеннюю прохладу, лицо Вальгрима залилось краской — была задета его честь, к тому же были упомянуты недобрые имена и дела. Сдержав себя, он спросил только:

— А в конце, когда ты как будто вглядывался в даль?

— Вдали я увидел двух орлов. Первый вился над вторым, но потом второй снова поднялся вверх. Я не видел, кто в конце концов победил.

Глава 5

Дьякон Эркенберт сидел в поле на самом солнцепеке у высокого стола, разложив перед собой чернила и пергамент. Близился к завершению занявший почти весь день тяжкий труд. Тяжкий, но и благодарный. Эркенберт ощущал, как его переполняет сознание собственной значительности, почтение, едва ли не благоговение, когда он перебирает толстую стопку пергаментных листов, строчка за строчкой исписанных именами: за каждым стоит просьба о принятии в ряды нового ордена, основанного архиепископом Запада, — Ордена Копья, или, на их языке, *Langenorden*.

За время долгого пути на север из Кельна в Гамбург Эркенберт осознал, что существуют особые обстоятельства, благоприятствующие созданию Ордена монахов-воинов именно здесь, в Германии. В его родной Нортумбрии, как и во всей пронизанной родственными связями Англии, таны, которые составляли костяк любой армии, годились только для одного: удобно устроиться на землях, пожалованных им королем. А затем горы своротить, лишь бы не только удержать эти земли за собой, как бы ни стали таны стары, толсты и непригодны к воинской службе, но и удостоверить, что поместья честь честью перейдут к их детям. Иногда они посылали сыновей служить вместо себя, иногда стремились попасть в фавор к королю или духовенству, поддерживая их законы и любую хартию, которой требовалось присягнуть тем или иным

образом. И хотя они делали все это и даже посылали своих дочерей для похотливых усад некоторых магнатов, в Англии вряд ли можно было найти клочок земли, на который не претендовал бы сын какого-нибудь аристократа, или сына аристократа, который в конце концов оказался бы не обманут в своих ожиданиях.

Не так в Германии. Сословию воинов здесь не разрешалось оседать на земле и устраиваться с удобствами. Службу необходимо было нести. В противном случае замену находили немедленно. Воину средних лет следовало самому позаботиться о том времени, когда его держащая меч рука ослабевает — ведь его князь не считал, что обязан будет что-то сделать для него. Что касается сыновей воинов, многие из них не имели никаких надежд на будущее. И не зря, холодно подумал Эркенберт, при всех своих заботах о чистоте крови они больше подобны смердам или керлам, чем благородным, ведь у них можно отобрать их собственность в любой момент. Такие люди, благодаря их воинственности, толпами будут рваться в Орден, который даст им, словно черным монахам, кров и товарищескую поддержку до самой смерти.

И все же он и его товарищи не имели бы такого успеха при наборе рекрутов, если бы не красноречие архиепископа Римберта. Десятки раз на пути из Кельна в Гамбург Эркенберт слышал, как тот скликает толпы в каждом городе, где они останавливались, и слышал его проповеди.

Архиепископ всегда вспоминал слова евангелиста Матфея: «Я посылаю вас, как овец среди волков».

Он напоминал слушателям, как Христос запретил апостолу Петру сопротивляться воинам, которые пришли за Ним в сад Гефсиманский, как требовал от своих учеников подставлять другую щеку, а если кто-то заставляет их пройти с ним одно поприще, пройти два.

Он развивал эту тему, пока на лицах его воинственных слушателей не появлялись признаки сомнения и неодобрения.

И тогда он заявлял им, что сказанное Христом — истина несомненная. Но что будет, если человек заставит тебя нести его ношу одну милю, и ты добровольно пронесешь ее две мили, а потом он вместо благодарности обругает тебя и прикажет нести ее еще две мили, еще десять, еще двадцать? Что, если ты подставишь другую щеку, а враг ударит по ней сно-

ва, и снова, и снова — своим хлыстом, как пса? Толпа начала гневно колыхаться и роптать, а Римберт кротко спрашивал слушателей о причине их гнева. Разве то, о чем он рассказывал, не в сотни раз меньше тех унижений и обид, которые они терпят от северных язычников? И тогда Римберт говорил о том, чему был свидетелем за долгие годы своего апостольского служения на Севере: изнасилованные дочери и жены, мужчины, угнанные в рабство до самой смерти, христиане на коленях в снегу, оплакивающие свою судьбу — стать жертвоприношением для языческих богов в Оденсе или Каупанге, или, хуже всего, в шведской Упсале. Когда мог, он называл по имени мужчин и женщин именно из этого города или из этих мест — запас душераздирающих историй он имел неисчерпаемый, и кто бы его не имел, подумал Эркенберт, после тридцати лет служения безнадежной и бессмысленной миссии обращения язычников.

И когда гнев толпы достигал высшей точки, когда служивые воины в ней начинали свирепеть, потрясать кулаками и кидать оземь свои кожаные шапки, Римберт бросал им то самое: «Я посылаю вас, как овец среди волков». Да, говорил он, шедшие со мной добрые священники, из которых и десятой части не вернулось домой, были агнцами — и агнцами они останутся. «Но с этих пор, — тут в его голосе начинала звенеть сталь, — посылая овец своих, я прослежу, чтобы рядом с каждой овцой шли... нет, не другая овца, и не волк. Огромный пес, гигантский мастифф немецкой породы, в крепком шипастом ошейнике, и следом за ним еще двадцать таких же. Вот тогда посмотрим, как северные волки отнесутся к проповеди Агнца! Может быть, тогда они услышат его блеянье».

И Римберт начинал шутить и играть словами, иногда даже подражая голосу овцы, чтобы позволить слушателям, смеясь, освободиться от напряжения и ярости. А потом Римберт спокойно и неторопливо излагал им свой замысел. Посылать миссию за миссией на Север, к самым дружественно настроенным языческим королям и князьям, во главе каждой миссии образованный и благочестивый священник, как это и было всегда, но вот новое: священника сопровождает сильный отряд телохранителей, людей благородного происхождения и рыцарского звания, без жен и детей или прочих привязанностей, воинов, хорошо владеющих мечом, копьем и бу-

лавой, умеющих править боевым конем одними лишь коленями и кончиками пальцев, держа в одной руке щит, а в другой копье, — людей, которых даже северные пираты обходят стороной, избегая распрей с ними.

А потом, завоевав полное внимание слушателей, Римберт рассказывал им о Святом Копье, о том, что, когда оно вернется в Империю, вместе с ним вернется и дух Карла Великого и снова поведет христиан к победе над всеми врагами. А сейчас помощники архиепископа готовы выслушать всех соискателей и выяснить, достойны ли они вступления в Орден Копья.

Поэтому Эркенберт и держал в руках толстую стопку листов пергамента, исписанных столбцами: имена претендентов, свидетельства их благородного происхождения — ведь простолюдина или сына простолюдина нельзя принимать ни при каких обстоятельствах — перечни неслыханных богатств, которые они готовы пожертвовать Ордену, и описания их личного оружия и амуниции. В свое время некоторых вычеркнут из списков, других примут. Большинство вычеркнут. И многих — не из-за бедности или сомнительного происхождения, а из-за испытания, которое устраивает для них ваффенмайстер архиепископа, его военный советник. Как только Эркенберт записывает данные, претенденты расходятся по обширному полю, расположенному у деревянного частокола вокруг неоднократно разграбленного Гамбурга. Здесь они дерутся на тупых мечах и со щитами. На коне проходят сложную полосу препятствий, с чучелами, которых нужно поразить копьем. Они сходятся в рукопашной схватке внутри ринга. И повсюду ходит седой ваффенмайстер или его старшины — наблюдают, сравнивают, запоминают имена.

Эркенберт бросил взгляд на Арно, советника архиепископа Гюнтера, посланного во владения Римберта для наблюдения, оценки и доклада. Они дружелюбно улыбнулись друг другу. Один невысокий и темноволосый, другой высокий и светлый, оба любили поворачивать мозгами и ревностно относились к делу.

— Архиепископ легко сможет набрать свою первую сотню, — сообщил Эркенберт.

Прежде чем Арно ответил, раздался другой голос.

— Теперь осталось только девяносто девять, — произнес он.

Дьякон и священник из-за своих столов устали на новоприбывшего.

Рост его был невелик, отметил Эркенберт, чувствительный к этой подробности. Но у него были чрезвычайно широкие плечи, размах которых только подчеркивала его тонкая, прямо девичья, талия. Он был одет в кожаную куртку с подбивкой, какие всадники носят под кольчугами. Эркенберт заметил, что в верхнюю часть жакета для уширения были вшиты вставки, аккуратно, но без всяких стараний подобрать цвет. Кроме жакета на нем была, кажется, только фланелевая рубашка из самых дешевых и поношенные шерстяные штаны.

Глаза у незнакомца пронзительно голубые, волосы такие же светлые, как у Арно, но стоят ежиком. «Я видел лица опасные и видел лица безумные, — подумал Эркенберт, вспоминая Ивара Бескостного. — Но более сурового лица не встречал». Оно казалось высеченным из камня, кожа обтягивала выпирающие кости. Шея с бугром сзади, как у бульдога, голова даже выглядит маленькой.

Эркенберт обрел голос:

— Вы это о чем?

— Ну смотри, архиепископу нужно сто человек, я один, а сто без одного будет — слышал про науку арифметику? — девяносто девять.

От такого выпада Эркенберт вспыхнул.

— Я слышал об арифметике. Но ты еще не принят. Сначала мы должны узнать твое имя и имена твоих родителей, и еще много других вещей. И ты должен проявить себя на глазах у нашего ваффенмайстера. В любом случае сегодня ты уже опоздал.

Он почувствовал руку у себя на плече, Арно заговорил мягко и озабоченно:

— Ты совершенно прав, брат, но, думаю, в данном случае мы можем сделать исключение. Этот юный *herra* известен мне, да и всем нам. Это Бруно, сын Регинвальда, графа Мархеса. Его знатность, безусловно, позволяет ему претендовать на эту честь.

Эркенберт раздраженно взялся за пергамент.

— Превосходно. Если все делать как полагается, мы должны теперь спросить об имуществе и доходах, которые претендент намерен передать Ордену, — он начал писать. —

Бруно, как сын графа, должен быть, естественно, Бруно фон..?

— Бруно фон ниоткуда, — последовал спокойный ответ. Эркенберт почувствовал, что его запястье перехвачено огромной неумолимой ручищей, мягко, но стальным зажимом.

— Я у графа третий сын, земель не унаследовал. У меня нет ничего, кроме моих рук, оружия и моего коня. Но позволь мне спросить кое о чем тебя, малыш с бумагами. Ты бойко говоришь на «нишненеметском», но ручаюсь, ты не один из нас. И я ничего не слышал о твоём знатном роде. Я удивлен, кто же этот человек, имеющий право решать, кому быть, а кому не быть «фсатником» Святого Ордена? Никаких обид, надеюсь.

Арно торопливо вмешался:

— Бруно, этот ученый дьякон — англичанин. Он сражался в армии Папы, которая была разбита, и пришел, чтобы рассказать нам об этом. А еще он видел смерть знаменитых викингов, Ивара Бескостного и Рагнара Волосатой Штанины. Мы узнали от него много полезного, и он предан нашему делу душой и телом.

Хватка на запястье Эркенберта ослабла, юноша отступил назад, и на его чеканном лице появился интерес.

— Ладно, — сказал он, — ладно. Я готов принять англичанина как собрата. И этот малыш-англичанин — без обид, друг, у каждого из нас есть свои сильные стороны — сказал одну очень правильную вещь. Я действительно должен показаться ваффенмайстеру. — Он обернулся и крикнул: — Данкварт! Где ты, старый мерзавец? Какие там у тебя испытания? Хотя ладно, не надо. Я сам все вижу.

Пока Бруно разговаривал с Эркенбертом, активность на плацу замерла. Ваффенмайстер, старшины и не выбывшие до сих пор кандидаты прекратили свои упражнения и подошли посмотреть на новичка. Они освободили ему проход, когда он ринулся от стола.

В четыре прыжка Бруно подскочил к огромному черному жеребцу, который вольно пасся неподалеку. В седло он взлетел, не касаясь стремян, подхватил воткнутое в землю копьё и уже двинулся к полосе с препятствиями и мишенями. Когда конь перепрыгивал первый плетень, Эркенберт увидел, что Бруно держит левую руку за спиной — чтобы подчеркнуть, что не пользуется щитом. Поводья были брошены, он

вел жеребца только коленями и пятками. Удар копьем с верхнего замаха, мгновенный разворот и скачок. Сквозь поднявшуюся над полем пыль Эркенберт мог разобрать только с треском разлетающиеся мишени и черного кентавра, каждые несколько секунд берушего барьер за барьером. Более искусственные наблюдатели стали криком приветствовать каждый удар. Через какие-то мгновенья конь вернулся, всадник соскочил на землю, тяжело дыша и широко улыбаясь.

— Я выдержал это испытание, Данкварт? Тогда скажи тому человечку с бумагами, ведь это все не в счет, пока он не отметит. Но послушай-ка, Данкварт, сейчас я смогу показать себя настоящему знатоку, который видел настоящие битвы и схватки великих ратоборцев. Я хочу узнать его мнение. Кто здесь сегодня был лучшим с мечом и щитом?

Седой ваффенмайстер безучастно ткнул в сторону кандидата, который под конец бился уже с его старшинами. Высокий юноша в белой одежде поверх кольчуги.

— Вот этот, Бруно. Он очень хорош.

Бруно подошел к предполагаемому противнику, обеими руками обхватил его ладонь и вгляделся в него с пытливой нежностью, как дама в своего любовника.

— Ты согласен? — спросил он.

Высокий рыцарь кивнул. Старшины подали каждому по тяжелому щиту, какие носят всадники, длинные мечи с затупленными лезвиями и аккуратно сточенными остриями. Два рыцаря разошлись на шаг и принялись настороженно кружить, каждый уходил от меча противника вправо.

Эркенберт, мало что понимавший в воинских испытаниях, успел заметить только сверкание мечей и услышать троекратный лязг, это ударил высокий юноша — вниз, вверх, слева, — молниеносно орудуя тяжелым мечом. Три жесткие атаки, Бруно парировал удары не щитом, а мечом, крутя запястьем, чтобы клинки встречались под правильным углом. Под четвертый удар он поднырнул и, вздернув щит, верхним его краем подцепил опускающийся меч у самой рукояти. Теряя равновесие, высокий юноша шагнул назад, и меч Бруно взвился. Мгновение казалось, что Бруно атакует сразу тремя мечами, высокий юноша отчаянно отбивал удары со всех сторон. И вот его щит опущен, меч поднят, а сам он присел, чтобы отразить удар, но удара не было. Казалось, Бруно даже замер на миг, прикидывая, как лучше ударить.

Его стремительный выпад был незаметен для глаза. Глухой удар, судорожный вздох, и высокий юноша опрокинулся на спину. Секундой позже Эркенберт сообразил, что в момент удара Бруно намеренно расслабил запястье, чтобы смягчить удар. Он не стал вкладывать в него всю свою силу.

Бруно уже отбросил щит и меч и помогал противнику подняться все с той же пытливой нежностью. Похлопал его по щекам, заглянул в глаза, помахал ладонью — помутнели ли глаза? На лице его появилось облегчение, он отступил назад с улыбкой:

— Отличный бой, юноша. Я рад, что мы будем братьями в Ордене. Я потом объясню тебе этот финт с ложным выпадом. Ему нетрудно научиться.

Бруно оглянулся, услышав аплодисменты зрителей, и показал, что делит их со своим противником.

Вот еще одна особенность этих германцев, подумал Эркенберт, вспоминая неискоренимую спесь своих соотечественников. Здесь же люди сходятся легко. Они любят объединяться в группы и товарищества, с общим котлом и общей бочкой пива. Однако они выбирают себе вождя, который ничем не стремится выделиться из них. Сила это или слабость?

Бруно снова подошел к столу, в глазах его сверкало неудержимое веселье.

— Теперь вы меня запишете? — спросил он.

Арно потянулся за пером и пергаментом, а Бруно рассмеялся и, наклонившись к Эркенберту, сказал с неожиданной серьезностью:

— Вот что, друг. Говорят, ты видел великих ратоборцев, Ивара Бескостного и даже Бранда-Убийцу. Скажи мне, может ли, по-твоему, такой, как я, сравниться с ними? Скажи мне правду, я не обижусь.

Эркенберт колебался. Он видел Ивара в схватке с ратоборцами из Мерсии, хотя и с приличного расстояния. Вблизи он видел поединок на сходнях между Иваром и Брандом. Он вспомнил змеиную увертливость Ивара, его неожиданную в сравнительно худощавом теле силу. Сравнил с тем, что видел только что, оценил размах плеч и повадку стоящего перед ним воина.

— Ивар был очень быстрый, — наконец произнес Эркенберт. — От ударов он скорее уклонялся, чем отбивал их, и все время готов был нанести ответный удар. Думаю, на откры-

том пространстве ты бы его одолел, потому что ты сильнее. Но ведь Ивар мертв.

Бруно кивнул.

— А каков Бранд-Убийца, тот, кто убил его?

— Его убил не Бранд. Ивар был слишком быстрым для Бранда, как бы тот ни был могуч. Нет, — ненависть всколыхнулась в сердце Эркинберта, — Ивара убил другой. Сын керла, одержимый дьяволом. У него есть только собачья кличка — Шеф, ведь он не знает, кто его отец. В честном бою ты победишь сотню таких, как он. И его они теперь зовут своим королем!

В голубых глазах сквозила задумчивость.

— В честном бою или нет, но, как ты говоришь, он сразил великого ратоборца. Это не могло быть случайностью. Таких людей никогда не следует презирать. Говорят, что главное достояние короля — его удача.

* * *

Когда Шеф выбрался на берег, он уже замерз так, что клал зубы. Из-за прилива ему дважды пришлось плыть, недолго, но каждый раз промокая до нитки. Солнца, чтобы обсушиться, уже не было. Бахрома водорослей отметила верхнюю черту прилива, за ней тянулась невысокая дамба, очевидно, человеческих рук дело. Шеф вскарабкался наверх и окинул взглядом море в тщетной надежде увидеть разыскивающий его «Норфолк» и через какой-нибудь час блаженствовать: сухая одежда и одеяло, ломоть хлеба с сыром, может быть, костер на песке — и на страже будет стоять кто-то другой. В этот момент он не мог себе представить большего счастья для короля.

На море пусто. Сумеречный свет стер все краски — серое море, серое небо, серые отмели, медленно исчезающие под водой. Пока Шеф добирался до берега, он не слышал сзади звуков сражения, но это еще ничего не значило. Может быть, «Норфолк» еще не снялся с мели. Или снялся и продолжает свой поединок с «Франи Ормр». Они давно могли уйти в открытое море. Здесь надеяться ему было не на что.

Шеф повернулся в сторону суши, изучая открывшуюся бесцветную равнину. Вспаханные поля со всходами ячменя. Примерно в сотне ярдов за ними едва заметные в темноте тени, которые вполне могут быть пасущимися коровами. И все

исполнено благостного покоя, здесь, на краю пиратского моря. Что, в этой земле живут великие войны? Или рабы викингов? Или они полагаются на отмели, стерегущие врага со стороны моря? Как бы то ни было, с этого побережья много не возьмешь: плоское, как ладонь, защищенное от прилива только шестифутовой дамбой, сырое, грязное и унылое.

Гораздо хуже то, что обогреться тут негде. В лесу Шеф мог бы найти для защиты от ветра упавшее дерево, для предохранения от сырости мог бы зарыться в ветки, а то и нагреб бы на себя прошлогоднюю листву. Здесь же не было ничего, кроме слякоти и сырой травы. Однако распаханное поле и коровы доказывали, что где-то неподалеку есть деревня. Крестьяне никогда не ходят пахать дальше, чем за пару миль от дома, — рачительный земледелец не станет в страдный день тратить больше времени на перегон волов утром и вечером. Значит, где-то должен быть дом, а в нем и очаг, где-то, но только не на виду.

Шеф высматривал хоть проблеск света. Ничегошеньки. Этого следовало ожидать. У кого есть свет и огонь, у того хватит ума их спрятать. Шеф повернул налево, по той единственной причине, что так было дальше от земель христиан и Гамбурга вниз по Эльбе, и бодро двинулся вдоль дамбы. Если понадобится, решил он, можно идти всю ночь. Одежду он рано или поздно высушит прямо на себе. К утру голод станет волчьим, силы уйдут на борьбу с холодом, но это можно перенести. Он неплохо подкормился за те месяцы, что был королем, а до этого ярлом. Теперь можно и порастрасти запасы. А вот если он ляжет спать в поле, к утру будет мертв.

Всего лишь через несколько минут ходьбы Шеф заметил, что пересекает тропинку. Он остановился. Не пойти ли по дороге? Если жители здесь враждебны, он умрет задолго до рассвета. Дробь дождевых капель на плечах подсказала ему решение. Он осторожно тронулся по тропе, единственным глазом вглядываясь в темноту.

Деревенька оказалась скопищем каких-то длинных лагуч, их невысокие стены с трудом различались на фоне неба. Шеф задумался. Ни дома для господина, ни церкви для священника. Это хорошо. Хижины разных размеров, одни вытянутые, другие покороче. Ближайшая к нему — одна из самых коротких. Зимой эти крестьяне, как и крестьяне в Норфолке, для тепла держат скот прямо в доме. Если дом маленький, значит, скота мало. А разве не легче найти сочувствие у са-

мых бедных? Он осторожно пошел к двери ближайшей, самой маленькой, хижины. За деревянными ставнями виднеется свет.

Он острием вверх воткнул в землю копьё Змеиного Глаза, вытащил из-за пояса меч и перехватил его рукой за клинок. Правой рукой постучал в хлипкую дверь. Внутри засуетились, забурчали. Со скрипом дверь отворилась.

Шеф шагнул в полуосвещенный дверной проем, неся меч на протянутых ладонях в знак мирных намерений. И вдруг обнаружил, что валяется на спине, созерцая небо. Удара он не почувствовал, даже не представлял себе, что случилось. И руки и ноги нахально игнорировали его настойчивые попытки пошевелиться.

Потом Шеф ощутил, что его схватили за шиворот, наполовину приподняли, в уши ворвался голос на грубом, но разборчивом диалекте:

— Теперь порядок, заходи. Да встань ты на ноги, дай нам посмотреть на тебя при свете.

Ноги подгибались. Шеф, ухватившись за чье-то плечо, ввалился внутрь и рухнул на табурет перед догорающим очагом.

Какое-то время он ничего не замечал, кроме тепла, протягивая к нему ладони и пытаясь с ним слиться. Когда от одежды пошел пар, он тряхнул головой, неуверенно встал на ноги и осмотрелся. На него пялился приземистый крепыш, руки в боки, с кудрявым чубчиком и выражением неистребимой смешливости на лице. Из размера его бородки явствовало, что он даже моложе, чем Шеф. Позади виднелось старшее поколение семьи, мужчина и женщина, державшиеся тревожно и недоверчиво.

Попытавшись заговорить, Шеф понял, что челюсть онемела. На правой ее стороне он смог нащупать шишку.

— Что ты сделал? — спросил он.

Крепыш еще шире расплылся в улыбке, замедленно показал прямое атакующее движение кулаком и всем корпусом.

— Угостил тебя кусочком дунта, — ответил он. — Ты сам нарывался.

Удивленный Шеф стал усиленно соображать. В Англии, да и в среде викингов, люди не так уж редко тузили друг друга кулаками, но военным спортом считалась борьба. Пока кто-то размахивался и бил кулаком, и дряхлый старик успел

бы уклониться. И даже входя в темную комнату, он должен был заметить свинг с правой и успеть среагировать. Тем более что не бывает ударов, сбивающих человека с ног. Драка на кулачках — это долгая и неуклюжая возня, почему воины ее и презирали. Однако Шеф не успел ничего ни увидеть, ни почувствовать, пока не очутился на земле.

— Не удивляйся, — сказал старик в углу. — Наш Карли со всеми так делает. Он в этом первый на деревне. Но ты лучше расскажи, кто ты и откуда, а то он снова тебя стукнет.

— Я отстал от корабля, — ответил Шеф. — Пришлось пешком и вплавь пробираться по отмелям.

— Ты из викингов? Твоя речь больше похожа на нашу.

— Я англичанин. Но я долго был среди норманнов и понимаю их язык. И с фризцами я тоже разговаривал. Вы говорите совсем как они. Вы фризцы? Свободные фризцы, — уточнил Шеф, вспомнив, как те любили называть себя.

Засмеялась даже старуха.

— Свободные фризцы, — сказал юный крепыш, — живут на песчаных отмелях и стремглав бегут от смерти всякий раз, как завидят парус. Нет, мы германцы.

— Люди архиепископа? — настороженно поинтересовался Шеф. Он уже увидел свой меч, который кто-то принес и поставил в угол. Если ответ будет неправильным, Шеф рванется за мечом и попытается сразу убить крепыша.

Они опять засмеялись.

— Нет. У нас — кто христиане, кто молится старым богам, а кто и никаким. Но никто из нас не хочет платить десятину или кланяться господину. Мы люди из земли Дитмарш, — гордо закончил юноша.

Шеф раньше никогда не слышал такого названия. Но кивнул.

— Я промок и замерз. И голоден, — добавил он. — Могу я до утра остаться в вашем доме?

— Добро пожаловать, спи у очага, — сказал старик, которого Шеф счел отцом крепыша и хозяином дома. — А что до голода, мы и сами с ним знакомы. Завтра ты должен будешь явиться на деревенский сход.

«Я уже был под судом викингов, — подумал Шеф. — Но может быть, в Дитмарше суд милостивее, чем в Великой Армии». Потирая распухшую челюсть, он пристроился у очага, слыша, как семья хозяев укладывается на ночлег.

Утром Шеф проснулся на удивление спокойным и отдохнувшим. Первые несколько мгновений, лежа на утоптанном земляном полу, не мог понять, где он. Очаг угас, и от ночного холода он спасался, только свернувшись калачиком и обхватив колени руками. Одежда на нем просохла, но стала жесткой и шершавой от морской соли. Желудок ныл от голода. Одинок и нищий в незнакомой и, может быть, враждебной стране — почему же он совсем не встревожен?

Шеф встал на ноги, лениво потянулся, распахнул деревянные ставни, впуслав в дом утреннее солнце и свежий воздух, пахнувший травой и цветами. Он уже знал ответ. Потому что с него свалился груз забот и ответственности. Впервые за долгие месяцы ему не нужно было думать о других: как их подбодрить, как их убедить, как им польстить, чтобы они выполнили его волю. Детские годы приучили его к холоду и голоду. А также к побоям и угрозе попасть в рабство. Но теперь он не ребенок, он мужчина в расцвете сил. Если кто-то его ударит, получит сдачи. Глаз Шефа остановился на оружии, которое стояло в углу. Меч Храни и копье Сигурда. Сейчас это было единственное его достояние, не считая амулета на шее, огнива и ножа на поясе. Это уже что-то.

Краешком глаза Шеф увидел, что пожилые супруги слезли со своей лежанки. Мужчина напрямик вышел на улицу. Это выглядело зловеще. Женщина достала из-под грубо сбитого стола ступку, засыпала в нее из бочонка горстку зерна и принялась толочь его пестом. Эти звуки еще сильнее напомнили Шефу детство. Насколько он мог припомнить, каждый день начинался одинаково, с хруста перемалываемого на муку зерна. Только ярлы и короли жили так, что могли себе позволить не слышать каждый день этот шум. Воины больше всего ненавидели такую работу, хотя в походах и им приходилось выполнять ее. Возможно, женщины тоже ее ненавидят, подумал Шеф. По крайней мере, видно, что у его хозяев есть еда. Желудок мучительно откликнулся на эту мысль, и Шеф снова уставился на оружие.

Прикосновение к руке. Парень с кудрявым чубом — как всегда, улыбается. В немой ладони он протягивает ломоть черного хлеба с куском остро пахнувшего желтого сыра. Шеф

взял его, и рот моментально наполнился слюной, а парень достал луковицу, на ладони взрезал ножом и протянул половинку Шефу.

Они присели на корточки и стали есть. Хлеб был черствым, с отрубями и песком от ступки. Шеф рвал его зубами, набивая полный рот.

Через какое-то время желудок поумерил свои притязания, вернулась боль в челюсти, и Шеф вспомнил загадочное происшествие вчера вечером. Ощупывая рукой шишку, он увидел, что парень — как там его называли? наш Карли? — ухмыляется.

— Почему ты меня ударил?

Карли, кажется, удивился вопросу:

— Я не знал, кто ты. Самый простой способ разобраться с тобой. И с любым другим.

Шеф почувствовал некоторое раздражение. Он проглотил последний кусочек сыра, встал на ноги, приподнял локти и напряг мышцы спины. Он вспомнил убитого им вчера воина, юного викинга из Эбельтофта. Тот был даже крупнее, чем Шеф, а ведь Шеф был на голову выше Карли.

— Ты бы не смог этого сделать, если бы не темнота.

Карли тоже поднялся, на лице его мелькнула радость. Он принялся кружить вокруг Шефа, как-то странно пританцовывая, что было совсем не похоже на стойку серьезных борцов. Кулаки он сжал, голова его клонилась к плечу. В нетерпении Шеф шагнул вперед, хватая Карли рукой за запястье. Кулак полетел ему в лицо, Шеф от него отмахнулся. Что-то ударило его под ребра с правой стороны. Мгновение Шеф не обращал на это внимания, стараясь снова сделать захват. Затем боль пронзила печень, Шеф потерял дыхание и невольно прикрыл руками больное место. Тут же в голове что-то взорвалось, и Шеф обнаружил, что цепляется за стенку. Когда он распрямился, рот его наполнился кровью, зубы шатались.

Гнев охватил Шефа с быстротой молнии и заставил его восстановить контроль над телом, оттолкнуться от стенки и ринуться вперед для костоломного захвата. Но Карли впереди не оказалось, и, разворачиваясь за метнувшимся назад противником, Шеф почувствовал удар в спину, боль пронзила почки. Он снова отбил удар в лицо, на этот раз не забыв тут же прикрыться снизу от незамедлительного удара в печень. Захват никак не получался, и пока Шеф соображал, он

получил еще один удар, в скулу. Но кружась, Шеф очутился рядом со своим прислоненным к стене копьём. Какая у Карли станет ухмылка, если...

Шеф выпрямился и развел руки в знак примирения.

— Ладно, — сказал он, глядя на улыбающегося Карли. — Ладно. Ты бы сбил меня с ног, даже если бы не было темно. Я вижу, ты знаешь что-то такое, чего я не знаю. Наверное, знаешь даже много такого.

Карли улыбнулся еще шире и опустил руки.

— Сдается мне, что ты тоже знаешь кое-что — ты моряк, у тебя есть копье и меч. Я-то дальше нашего Дитмарша и не бывал, да и вообще редко выбирался из своей деревни. Как насчет обмена? Я покажу тебе, что я умею, а ты научишь меня тому, что умеешь ты. Ты быстро научишься бить и защищаться кулаками, как мы это делаем здесь, в Дитмарше. Ты очень быстрый. Слишком быстрый для большинства из этих пахарей.

— Договорились, — согласился Шеф. Он плюнул на ладонь и взглянул на Карли — понятен ли тому смысл жеста? Карли ухмыльнулся и тоже плюнул на ладонь. Они ударили по рукам.

Шеф утер рукавом кровь из носа, и они по-приятельски присели на корточки.

— Послушай, — сказал Карли. — Сейчас у тебя есть дела поважнее, чем учиться кулачной драке. Мой старик пошел известить деревенских, что появились ты. Они там соберутся на суд и решат, что с тобой делать.

— А что со мной могут сделать?

— Во-первых, кое-кто скажет, что ты раб. Это скажет Никко. Он у нас самый богатый. Хочет быть господином. Но в Дитмарше мало серебра, и мы никогда не берем друг друга в рабство. Он только и думает, как бы продать кого-нибудь на невольничьем рынке в Гедебу.

— Гедебу — датский город, — сказал Шеф.

Карли пожал плечами:

— Датский, немецкий, фризский — какая нам разница? С нами никто не хочет связываться. Они не смогут пройти через болота. И потом, они же знают, что серебра у нас нет. Кто придет за данью, может много потерять, а найти ничего не найдет.

— Рабом я быть не хочу, а какие у меня еще возможности?

— Ты можешь быть гостем, — Карли искоса посмотрел на него. — Например, моим. Это означает обмен подарками.

Шеф дотронулся до своих бицепсов, сожалея, что вчера в последний момент снял с них золотые браслеты. Один из них обеспечил бы ему гостеприимство на целый год. Или нож в спину. «Итак, что же у меня есть? Копье. Меч. И это». Он вытащил из-под рубахи серебряную лесенку Рига и взглянул на Карли — знает ли тот, что это за амулет? Никакого интереса. Но Карли неоднократно поглядывал на оружие в углу.

Шеф прошел туда и сам принялся рассматривать оружие. Копье с рунической надписью «Гунгнир»: отличная сталь, недавняяковка, само просится в руку. Меч: годится для боя, но немножко тяжеловат, клинок — просто заточенное железо без специально наваренного лезвия, уже слегка покрывается ржавчиной. Мечи ценятся выше, чем копья, это оружие настоящего воина. И все же...

Шеф протянул меч:

— Держи, Карли. — Он заметил, как юноша неловко взял меч, неловко держал его за рукоять — очень опасно при парировании удара. — И за мной еще два дела. Во-первых, я научу тебя биться на мечах. Во-вторых, когда найдем кузницу, я тебе перекую этот меч, чтобы он стал получше.

Веснушчатое лицо вспыхнуло от удовольствия, и в это время дверь отворилась. Показался отец Карли, указывая пальцем за свое плечо.

— Пойдем, пришелец, — сказал он. — Сход собрался.

* * *

Около сорока мужчин стояли неправильным кругом, а жены и дети толпились поодаль, образуя внешний круг. Все мужчины были вооружены, хотя и скудно — топоры да копья, ни шлемов, ни кольчуг. У некоторых были щиты, но не надетые в боевой готовности на руки, а висящие на спине.

Пред глазами дитмаршцев предстал высокий воин, чье призвание безошибочно угадывалось по его стати: прямая спина, широкие плечи, ни тени сутулости, отличающей землелашцев, которые ходят за плугом или гнут спину с серпом

и мотыгой. Однако на нем не было ни золота, ни серебра, только длинное копье в правой руке. Он был весь покрыт шрамами, одно веко свисало над пустой глазницей, и одна сторона лица казалась стянутой. На лице запеклась не замеченная им кровь, а рубашка и штаны были грязнее, чем у крестьян. Круг пялился на него, пытаясь истолковать увиденное. По толпе пронесся шумок пересудов — это из хижин вышел Карли и стал позади Шефа, сжимая в неопытной руке подаренный меч.

Шеф огляделся, стараясь оценить ситуацию. Утреннее ощущение покоя и уверенности не покидало его, несмотря на стычку с Карли. В задумчивости он вытащил поверх рубашки свою цепочку с серебряным амулетом Рига. Еще раз пронесся шумок замечаний, люди подошли поближе, стараясь опознать амулет. Некоторые из присутствующих, может быть четвертая их часть, тоже достали свои пекторали: молоты, лодки, фаллосы. Но ни одного такого, как у Шефа.

Глядя Шефу прямо в лицо, вперед вышел человек, грузный мужчина средних лет с кирпично-красным лицом.

— Ты пришел с моря, — сказал он. — Ты викинг, один из этих северных бандитов. Даже такой, как ты, должен знать, что ему лучше не соваться в Дитмарш, где живут свободные люди. Мы берем тебя в рабство и продадим твоим сородичам в Гедебю. Или людям епископа в Гамбурге. Если только кто-нибудь не захочет выкупить тебя — но, судя по твоему виду, это сомнительно.

Какой-то инстинкт подсказал Шефу пересечь круг и неторопливо приблизиться вплотную к своему обвинителю. Он глядел на него с гордо поднятой головой, чтобы подчеркнуть свое превосходство в росте.

— Если ты знаешь, что я пришел с моря, — произнес Шеф, — ты должен знать, что в море сражались два корабля. На одном были викинги. Это был «Франи Ормр», главный корабль Сигурда Змеиноного Глаза. Разве ты не видел Знамя Ворона? Другой корабль был мой, и Сигурд бежал от меня. Верни меня на корабль, и я заплачу тебе цену человека серебром.

— Это какие ж корабли преследуют викингов? — спросил толстяк.

— Английские корабли.

В толпе послышались возгласы удивления и недоверия.

— Это правда, что на первом корабле были викинги, — раздался голос. — Но они не убегали. Они заманивали второй корабль и здорово одурачили его шкипера. Если на втором корабля были англичане, они, наверное, все дураки. И мачта с парусом у них тоже дурацкие.

— Доставь меня на корабль, — повторил Шеф.

Позади себя он услышал голос Карли:

— Он не смог бы этого сделать, если б и захотел. У нас нет лодок. Мы, дитмаршцы, очень смелые в болотах, но в полумиле от берега уже начинаются разбойничьи воды.

Толстяк покраснел и сердито огляделся вокруг.

— Может, и так. Но если тебе больше нечего добавить, одноглазый, тогда остается то, что я сказал. Ты мой раб, пока я не найду на тебя покупателя. Отдай копье.

Шеф подбросил копье, перехватил его поудобнее и сделал ложный выпад. Когда толстяк отскочил, широко ухмыльнулся и повернулся спиной к дитмаршцу, игнорируя его топор. Он пошел вдоль круга, всматриваясь в лица и обращаясь к тем, кто носил амулеты. Они, решил Шеф, в точности подобны норфолкским крестьянам, чьи споры он столько раз судил в свою бытность ярлом. Вызвать их интерес и сыграть на противоречиях между деревенскими.

— Странная вещь, — заметил он, — когда человека выбрасывает на берег, живого или мертвого, что вы с ним делаете? В нашей стране рыбаки, если у них есть деньги, носят в ухе серебряное кольцо. Вы знаете зачем. Если они утонут, и тела выбросит на берег, жители берут себе плату за похороны. Покойников бы все равно похоронили, это долг, но кому понравится делать это бесплатно? И вот он я, кольца в ухе у меня нет, но я и не мертв. Разве я заслуживаю худшего обращения? Я причинил кому-то вред? Я сделал подарок вашему Карли, а он в ответ сбил меня с ног, раскровенил нос, расшатал зубы, вывихнул челюсть — мы теперь лучшие друзья.

Удовлетворенный гул. Как и предполагал Шеф, Карли здесь был предметом и восхищения, и постоянных шуток.

— Кто меня удивляет, так это наш приятель, там, сзади меня, — Шеф ткнул пальцем себе за плечо. — Он говорит, что я раб. Ладно, допустим. Но он говорит, что я *его* раб. Разве я пришел в его дом? Разве он с угрозой для жизни скрутил меня голыми руками? Разве вы все согласны, что все выброшенное морем принадлежит ему? Так ли это?

На этот раз гул был недвусмысленно неодобрительным, а Карли негодующе и шумно выдохнул.

— Тогда я предлагаю вот что, — Шеф уже обошел весь круг и снова стоял лицом к лицу с толстяком. — Если ты хочешь сделать меня своим рабом, Никко, доставь меня в Гедебю и поставь на невольничьем рынке. Если сможешь меня продать, очень хорошо. Но тогда ты должен разделить деньги на всех деревенских. А пока мы не в Гедебю, я остаюсь свободным: никаких цепей, никакого ошейника. И мое копье останется со мной. Ты, конечно, можешь сторожить меня, как хочешь. И наконец, до тех пор я буду отрабатывать свое содержание, — Шеф коснулся амулета. — Я знаю кузнечное ремесло. Дайте мне кузню и инструменты, я вам сделаю все, что вам понадобится.

— Звучит достаточно справедливо, — раздался голос. — У меня лемех у плуга сломался, нужна аккуратная работа.

— Он говорит не как викинг, — поддержал другой. — Больше похоже на фризцев, только они все с насморком, а он без.

— Слышали насчет дележа денег? — добавил третий.

Шеф плюнул на ладонь и ждал. Нехотя, с ненавистью в глазах, дородный Никко плюнул тоже. Они небрежно ударили по рукам. Шеф повернулся и подошел к Карли.

— Я хочу, чтобы ты тоже пошел в Гедебю, — сказал он. — Мир посмотришь. Но нам обоим надо многому научиться, прежде чем мы туда отправимся.

* * *

За сорок миль от берега, вблизи Святого острова, на волнах, как стая гигантских морских птиц, покачивался с убранными парусами английский флот. В центре четыре корабля были сцеплены воедино для совета: «Норфолк», ускользнувший из мутных и вязких протоков Элбер-Гат, «Суффолк» под командой старшего шкипера англичан Хардред, «Морж» Бранда и «Чайка» Гудмунда Жадного, представлявших викингов Пути. Страсти накалились, и к прислушивающимся морякам доносились по волнам громкие голоса.

— Я не могу поверить, что вы просто бросили его на Торм проклятой песчаной отмели, — Бранд едва не рычал.

С лица Ордлафа не сходило упрямое выражение.

— Нам ничего не оставалось делать. Он исчез из виду, вода прибывала, начиналась ночь, никакой уверенности, что Сигурд и его отборные ратоборцы не выскочат из-за соседней отмели. Нам пришлось убираться оттуда.

— Ты думаешь, он жив? — спросил Торвин, по бокам которого сидели специально приглашенные два жреца Пути.

— Я видел, что за ним пошли четверо. Вернулись трое. Они не выглядели довольными. Вот и все, что я могу сказать.

— Значит, есть шанс, что он застрял где-то в Дитмарше, — заключил Бранд. — У этих ублюдков с утиными ногами.

— Говорят, что он и сам был болотным обитателем, — сказал Ордлаф. — Если он там, с ним, наверное, все в порядке. Почему бы нам просто не отправиться за ним? Сейчас светло, и мы можем воспользоваться приливом.

На этот раз упрямитесь пришла очередь Бранда:

— Далеко не лучшая идея. Во-первых, в Дитмарше никто не высаживается, даже за питьевой водой и для вечернего *strandhogg*. Слишком много команд после этого пропало. Во-вторых, как я вам говорил еще неделю назад, это лоцманские воды. А вы мне отвечали, что сможете идти с впередсмотрящими и лотом! Вы сели на мель и можете сесть снова, на этот раз где-нибудь похуже. А в третьих, Рагнарссоны все еще где-то неподалеку. В начале у них была длинная сотня кораблей, сто двадцать, как вы сами насчитали. Сколько, по-вашему, мы утопили и захватили?

Ответил Хардред:

— Мы захватили их шесть. Из катапульты утопили, по крайней мере, еще с дюжину.

— Значит, их осталось сто, против наших пятидесяти. Меньше пятидесяти, потому что они подошли к «Букингему» и пробили дыру в его днище, а у меня на полдюжине кораблей осталось слишком мало команды для боя. И мы больше не сможем захватить противника врасплох.

— Так что же нам делать? — спросил Ордлаф.

Наступило долгое молчание. Его наконец прервал Хардред, чей чистый англосаксонский выговор забавно контрастировал с военным жаргоном норманнов и английским остальных присутствующих.

— Раз мы, как вы говорите, не можем спасти нашего короля, — начал он, — тогда мой долг — вернуть флот в английские воды и получить указания от короля Альфреда. Он

мой государь, и по соглашению между ним и королем Шефом, — он замялся, подбирая слова, — каждый из них наследует все права другого, если другой уйдет раньше его. Что сейчас, кажется, и произошло.

Он переждал, пока уляжется буря возражений, и твердо продолжал:

— В конце концов, этот флот теперь главная надежда и защита английских берегов. Мы знаем, что можем потопить пиратов, если они полезут на нас, и так мы и сделаем. В этом была главная цель короля Шефа, как и короля Альфреда, — сохранить мир и покой на побережье и в прилегающих к нему землях. Будь он здесь, он бы сам приказал сделать то, что я предлагаю.

— Ты можешь идти, — вскричал Квикка, освобожденный раб, — можешь возвращаться к своему государю. А наш государь — тот, кто снял с нас ошейники, и мы его не бросим, чтобы на него надели ошейник какие-то утконосые ублюдки.

— Как вы собираетесь туда добраться? — спросил Хардред. — Вплавь? Бранд не хочет туда идти. А Ордлаф не осмелится идти в одиночку.

— Мы не можем просто взять и уйти, — настаивал Квикка. Раздался густой бас Торвина:

— Нет. Но, кажется, я знаю, куда мы можем пойти. Или часть из нас. Что-то мне подсказывает, что это не похоже на Шефа Сигвардссона — тихо умереть или исчезнуть. Может быть, кто-то захочет получить за него выкуп. Или продать его. Если мы направимся в крупный порт, куда доходят все новости, мы что-нибудь о нем услышим. Я предлагаю некоторым из нас пойти в Каупанг.

— В Каупанг, — сказал Бранд. — В святилище Пути.

— У меня есть свои причины появиться там, это так, — сказал Торвин. — Но у Пути много последователей и много возможностей, а в святилище глубоко озабочены судьбой Шефа. Там мы сможем получить помощь.

— Я туда не пойду, — заявил Хардред резко. — Слишком далеко и слишком опасно, все время через враждебные воды, а мы теперь знаем, что «Графства» мало пригодны для переходов в открытом море.

Ордлаф кивнул с угрюмым одобрением.

— Одни вернутся, другие пойдут в Каупанг, — сказал Торвин.

— Думаю, большинство вернется, — сказал Бранд. — Сорока кораблей, и даже пятидесяти, недостаточно, чтобы бороться против всех пиратов Севера и Дании — Рагнарссонов, короля Хальвдана, ярла Хлатира, короля Гамли, короля Хрорика и всех прочих. Необходимо вернуться и защищать Путь в Англии. Слишком многие хотели бы уничтожить его. Я возьму «Моржа». Пойду морем, к берегу жаться не буду. Я пробьюсь. Доставлю тебя, Торвин, и твоих жрецов в Каупанг, в святилище. Кто еще? Как насчет тебя, Гудмунд?

— Возьми нас! — Квикка вскочил на ноги, его лицо покраснело от возбуждения. — Мы не вернемся. Возьми меня и моих помощников, и катапульту тоже, мы можем снять ее с «Норфолка», раз этот йоркширец боится рисковать своей шкурой. Тогда мы можем взять Ковпанга, Дитфена, всех, — дружный гул в передней части судна засвидетельствовал, что освобожденные рабы из прислуги катапульты внимательно слушают.

— Меня тоже, — произнес почти неслышный голос, принадлежавший маленькой фигурке, что выглянула из-за мачты. Бранд крутил головой в разные стороны, пока не понял, что это сказал Удд, мастер по стали, взятый в рейс только в своей прежней роли запасного наводчика катапульты.

— А ты зачем хочешь попасть в Норвегию?

— За знаниями, — отвечал Удд. — Я слышал, что люди говорят про Ярнбераланд. Страна с железом, — перевел он.

Еще одна шуплая фигура молча предстала перед ними. Ханд, лекарь, товарищ детства Шефа, ныне с серебряным яблоком Идуны на цепочке вокруг шеи.

— Отлично, — решительно сказал Бранд. — Я беру своих моряков и «Чайку» для сопровождения. Еще есть место для десяти добровольцев. Ты, Ханд, ты, Удд, и ты, Квикка. Остальные пусть бросят жребий.

— И нас в качестве пассажиров, — добавил Торвин, кивая на двух своих собратьев-жрецов. — До святилища Пути.

Глава 7

Утопая ногами в трясине, Шеф отступил на шаг назад. Он стремительно вращал очищенной от коры веткой и внимательно следил за Карли. Крепыш больше не ухмылялся,

он был полон решимости. По крайней мере, он научился правильно держать меч: лезвие и перекаладина совершенно параллельны линии предплечья, так что удар или отбив не пойдут в сторону. Шеф рванулся вперед, удар справа, слева, выпад и шаг в сторону, как Бранд учил его много месяцев назад в лагере под Йорком. Карли легко парировал, не только ухитряясь попасть по легкой ветке своим тяжелым клинком, но и каждый раз верно направляя его, — у него была просто изумительная быстрота реакции. Однако все та же старая ошибка.

Шеф слегка ускорил бой, сделал ложный выпад снизу и сильно хлестнул Карли по руке с мечом. Отступив назад, он опустил свою палку.

— Ты должен помнить, Карли, — сказал он. — Ты ведь не веники режешь. У тебя обоюдоострый клинок, а не секач. Для чего, по-твоему, нужно лезвие на второй стороне? Не для твоего прямого удара, потому что ты всегда рубишь одной стороной, полностью вкладывая свою силу в удар.

— Это нужно для обратного удара, — сказал Карли, повторя урок. — Я знаю, знаю. Я просто не могу свою руку заставить это сделать, пока об этом не думаю, а когда думаю, получается слишком поздно. А вот скажи мне, что будет, если я попробую драться с настоящим воином, викингом с корабля?

Шеф протянул руку за мечом, критически осмотрел лезвие. Это было неплохое оружие — теперь, когда он его перековал. Но, располагая только тем, что имелось в деревенской кузнице в Дитмарше, на многое он не осмелился. Клинок все равно был из цельного куска металла, без той чересполо- сицы мягкого и твердого железа, которая придает лучшим мечам гибкость и прочность. Не смог он также наварить по краям клинка закаленные лезвия, которые были отличитель- ным признаком профессионального оружия, — не нашлось хорошей стали, да и горн мог дать жар, достаточный лишь для красного каления. И теперь, каждый раз, когда они уходят за деревню и Шеф фехтует с Карли своим копьем «Гунг- нир» как алебардой, на дешевом железе меча остаются зазуб- рины, которые приходится править молотком и напильни- ком. Однако и по зазубринам можно кое-что узнать. Если они образуются под прямым углом к клинку, значит, Карли фехтовал правильно. От неумелого отбива на металле оста-

ются царапины и зазубрины, идущие наискосок. В этот раз их нет.

Шеф отдал меч.

— Если ты столкнешься с настоящим ратоборцем вроде человека, который обучал меня, ты умрешь, — сказал он. — Как и я бы умер. Но в армии викингов полно крестьянских детей. Ты можешь встретить одного из них. И не забывай, — добавил он, — если встретишь настоящего ратоборца, ты не должен драться честно.

— Ты так делал, — догадался Карли.

Шеф кивнул.

— Ты делал много чего, о чем мне не рассказываешь, Шеф.

— Если я расскажу, ты не поверишь.

Карли сунул свой меч в деревянные, подбитые шерстью ножны, которые они специально изготовили, — ведь только в них можно было предохранить меч от ржавчины вечно влажном климате Дитмарша. Оба побрели назад к временному лагерю ярдах в тридцати от них на полянке, где в тумане как бы нехотя дымился костер.

— И ты не сказал мне, что ты собираешься делать, — продолжал Карли. — Ты и взаправду думаешь, как говорил, явиться на невольничий рынок и дать Никко продать тебя?

— Я действительно приду на невольничий рынок в Гед- ебу, — отвечал Шеф. — А там, будь что будет. Но я не на- мерен кончить свои дни рабом. Скажи мне, Карли, как мои ус- пехи?

Он завел речь о тех долгих часах, которые Карли, в обмен на уроки фехтования, потратил, чтобы научить Шефа, как сжимать кулаки, как бить коротким прямым ударом вместо обычных размашистых свингов, как двигаться и вкладывать в удар весь вес тела, как защищаться руками и уворачиваться.

На лице Карли снова появилась его обычная ухмылка.

— Да, похоже, как и мои. Если ты встретишь настоящего бойца, кулачного бойца с болот, он тебя одолеет. Но ты вполне можешь сбить человека с ног, если он будет стоять смирно.

Шеф задумчиво кивнул. Этому, по крайней мере, стоило учиться. Странно, что они здесь искусны только в одном ви- де единоборств, в своем забытом уголке. Может быть, они

слишком мало торговали и не имели металла, поэтому им приходится драться голыми руками.

Один лишь Никко заметил их возвращение в лагерь, наградив обоих сердитым взглядом.

— Мы будем в Гедебю завтра, — сказал он, — там наконец прекратятся твои гулянки. Я сказал, твои гулянки пора прекратить, — срываясь на визг, заорал он, так как Шеф его игнорировал. — В Гедебю у тебя появится хозяин, и он не даст тебе валять дурака, прикидываясь воином. Ты будешь вкалывать от зари до зари, иначе попробуешь кожаного кнута. Ты его пробовал, я видел твою спину. Никакой ты не воин, а просто беглый!

Карли пнул комок грязи едва ли не в самый котелок Никко, и крик перешел в злобное бормотание.

— Это у нас последняя ночь, — сказал Карли негромко. — Есть у меня идея. Понимаешь, мы выходим из Дитмарша. Завтра пойдем по хорошей дороге, по сухой земле, где живут датчане. Ты-то сможешь с ними разговаривать, а я плохо знаю язык. Но в полумиле отсюда есть деревня, там девки говорят еще по-нашему, по-болотному, как я и ты, — твой говор больше похож на фризский, но они тебя поймут. Так почему бы нам не слинять отсюда и не узнать, не найдется ли там в деревеньке кой-кого, кому надоели их утконогие парни?

Шеф взглянул на Карли со смесью раздражения и симпатии. За неделю, что он провел в приморской дитмаршской деревне, он понял, что Карли, жизнерадостный, открытый и легкомысленный — из тех людей, которых все женщины обожают. Их привлекают его юмор, его беззаботность. Похоже, он попытал счастья с каждой женщиной в своей деревне, и, скорее всего, успешно. Некоторые мужья и отцы все знали, другие закрывали глаза, деревенские побаивались дать Карли повод пустить в ход кулаки. Всеобщим одобрением было встречено решение послать Карли на ярмарку вместе с Никко и другими, независимо от того, пойдет с ними Шеф или нет. Последняя ночь, которую Карли провел под родительским кровом, то и дело прерывалась царапаньем в ставни и молчаливыми исчезновениями в кусты за хижинкой.

Это не были женщины Шефа, и он не имел оснований жаловаться. Однако Карли пробудил тревогу в его душе. В юности, работая в кузнице на фенах Эмнета и разнося по

соседним деревням заказы, Шеф несколько раз имел дело с девушками — дочерьми керлов и даже рабов, но не с юными леди, чье девичество было предметом гордости и тщательно охранялось, а с теми, что охотно готовы были просветить юношу в его невежестве. Надо признать, что никогда они не гонялись за ним так, как за Карли, может быть, девушек пугали его серьезность и одержимость, они могли угадывать, что все его помыслы были о будущем, но он, по крайней мере, не чувствовал себя обделенным или неполноценным.

Потом был набег викингов на Эмнет, его приемного отца искалечили, схватили Годиву. То утро в убогой лачуге в перелеске, когда он стал у Годивы первым мужчиной и думал, что достиг предела мечтаний. И с тех пор у Шефа не было ни одной женщины, даже самой Годивы, хоть он и вернул ее себе; не было даже после того, как на него надели золотой королевский венец и половина шлюх в Англии ждала только его знака. Шеф иногда задумывался, не подействовала ли на его рассудок угроза Ивара его кастрировать. Он знал, что остается полноценным мужчиной — но ведь таковым, по словам Ханда, был и сам Ивар, и все-таки его прозвали Бескостный. Не мог же он заразиться бессилием от человека, которого убил? И мог ли его сводный брат, муж Годивы, проклясть его перед тем, как был повешен?

Что-то было не так с его рассудком, а не с телом, Шеф понимал это. Что-то вызванное его отношением к женщине, которую он любил как свое искушение и как свою невесту, его внутренним согласием с ее отказом ему и с ее решением выйти за Альфреда, самого верного мужчину из всех, кого встречал Шеф. Как бы то ни было, лекарства он не знал. Пойти с Карли означало бы лишь подвергнуться унижению. Завтра его ждет невольничий рынок, а еще через день его обработают холостильщики.

— Думаешь, у меня есть шанс? — спросил он, указывая на свой глаз и лицо.

Физиономия Карли расплылась от радости.

— Конечно! Длинный здоровенный парень вроде тебя, мускулы как у кузнеца. Говоришь как иностранец, сплошная загадка. Ты не забывай, эти бабы, они же все *скупают*. Никогда ничего не происходит. Им не разрешают подходить к дороге, где хоть кто-нибудь мог бы на них позариться. А на болото никто не заходит. Они видят одни и те же лица со дня

рождения и до дня смерти. Я тебе говорю... — и Карли пустился в рассказы, как девушки Дитмарша бывают рады любой прихоти симпатичного прохожего — да хоть бы и безобразного, — пока Шеф помешивал варево и накручивал на прутики полоски теста, чтобы обжарить на огне. Он не считал, что план Карли удастся, нет, с кем угодно, но только не с ним. Но в свой морской поход он, прежде всего, отправился с одной-единственной целью: забыть свадьбу Альфреда и Годиwy. Ему следует использовать каждую возможность снять с себя это заклятье. Но особенно рассчитывать не на что. Чтобы изгладить его воспоминания, понадобится нечто большее, чем девка из болотной деревни.

* * *

Через несколько часов, возвращаясь темной ночью по болоту на стоянку, Шеф в который раз поразился собственному равнодушию. Все произошло примерно так, как он и предвидел: они пришли в деревню в тот час, когда добрые люди выходят на улицу поболтать, обменялись со случайно встреченными жителями новостями, Карли бросал многочисленные взгляды по сторонам и быстро перекинулся парой слов с одной девушкой, а затем и с другой, пока Шеф отвлекал внимание их мужчин. В сумерках они для виду ушли из деревни, а затем прокрались обратно, в ивовый шалаш, смотрящийся в стоячую воду. Девушки появились запыхавшиеся, испуганные и взволнованные.

Шефу досталась пышечка с надутыми губками. Сначала она была кокетливой. Потом презрительной. И под конец, когда поняла, что сам Шеф уже ни на что не надеется и вовсе не тревожится из-за своей несостоятельности — заботливой. Она погладила его изуродованное лицо, нащупала через рубаху шрамы на спине.

— Ты знал худые времена, — сказала полувопросительно.

— Еще хуже, чем эти шрамы, — ответил он.

— Знаешь, нам, женщинам, тоже тяжело, — сказала она.

Шеф вспомнил о том, что видел при разграблении Йорка и на руинах Эмнета, вспомнил о своей матери и ее женской доле, о Годиwy и Альфгаре, о розгах, об истории Ивара Бескостного и его зверствах с женщинами; наконец, задумался о девушках-рабынях, заживо погребенных со сломанными спинами, на кости которых он наткнулся в могильнике старого

короля, и не ответил ничего. Затем они лежали молча, пока назойливый шум, который Карли производил со своей подружкой, не утих во второй раз, уже окончательно.

— Я никому не скажу, — прошептала она, когда довольная парочка вылезла из сырости и грязи. Никогда он ее больше не увидит.

«Меня должно беспокоить, — осознал Шеф, — что я не такой, как все. Но почему-то не беспокоит». Он остановился, нащупывая твердую почву тупым концом копья. В темноте что-то булькнуло и глухо шлепнулось в воду, а Карли, охнув, вытащил меч.

— Это просто выдра, — заметил Шеф.

— Может быть. Но разве ты не знаешь, что на болотах водятся и другие твари?

— Какие, например?

Карли помялся.

— Мы зовем их кикиморы.

— Мы тоже. Огромные существа, живут в жиге и хватают детей, которые подошли слишком близко. Страшные женщины с зелеными зубами. Покрытые серыми волосами руки, которые высовываются из воды и переворачивают лодки охотников, — добавил Шеф, приплетая заодно побасенку, слышанную им от Бранда. — Мерлинги, что сидят и пируют...

Карли цапнул его за руку:

— Хватит! Не называй их. Они могут услышать и тогда явятся.

— Таких тварей не существует, — отвечал Шеф, снова нащупав дорогу и выходя на надежную тропу между двумя омутами. — Просто народ выдумывает истории, почему люди не возвращаются назад. На таком болоте, чтобы пропасть, кикимора не нужна. Смотри, вон за тем ольшаником наш лагерь.

Когда они достигли края расчищенной под лагерь поляны, где все уже неподвижно лежало под одеялами, Карли взглянул на Шефа.

— Я тебя не понимаю, — сказал он. — Ты всегда уверен, что тебе лучше знать. Но действуешь ты как лунатик. Или ты послан богами?

Шеф заметил, что Никко не спит и потихоньку подслушивает на своем наблюдательном посту в тени.

— Если так, — отвечал он, — надеюсь, что завтра они мне помогут.

* * *

Этой ночью во сне он почувствовал, что загревок его сжимают стальные пальцы, вертя его головой то в одну, то в другую сторону.

Первое видение открылось где-то на безлюдной равнине. Юный воин стоял, с трудом удерживаясь на ногах. Оружие его покрывало почерневшая кровь, и кровь текла по его ногам из-под кольчуги. В руке он сжимал сломанный меч, а у ног его лежал другой воин. Откуда-то издалека Шеф услышал голос, поющий:

Шестнадцать ран я получил, и мой сломался меч,
Глаза мои закрыты, не вижу, куда мне идти.
В сердце меня сразил меч Ангантира,
Кровь проливающий, закаленный ядом.

Мечи не закаливают ядом, подумал Шеф. Закаливание — это когда сильно нагретую сталь резко охлаждают. Почему в воде охлаждение недостаточно резкое? Может быть, из-за пара, который от нее идет. Что же такое пар?

Пальцы на шее неожиданно уцепились за него, словно заставляя не отвлекаться. На краю равнины Шеф увидел летящих хищных птиц, и голос снова заговорил нараспев:

Голодные вороны собираются с юга,
Белохвостые стервятники вслед за братьями летят,
В последний раз стол яств я им накрыл,
Моей нынче кровью птенцы войны насытятся.

Позади птиц Шефу на миг пригрезилась женщина, их несущие по ветру силуэты, а совсем вдалеке — открывающиеся в неясной дымке огромные двери, которые он видел раньше, двери Вальгаллы.

Итак, герои умирают, сказал другой голос, не тот, что раньше. Даже в оцепенении сна Шеф почувствовал пронзительный холод, узнавая в том голосе злое иронические нотки своего покровителя, бога Рига, чей амулет-лесенку он носил на шее. Это смерть Хьялмара Великодушного, продолжал голос. Сошелся в схватке с шведским берсерком, вот и два новобранца для отца моего, Одина.

Видение исчезло, и Шеф почувствовал, что его глаза сверхъестественным образом поворачиваются куда-то в сторону. Миг, и в поле зрения возникло новое видение. Шеф смотрел вниз на узкую соломенную подстилку, лежащую на земляном полу.

Помещение было где-то в стороне от главных комнат, может быть, чулан где-нибудь в углу, холодный и неудобный. На подстилке корчилась старуха, корчилась в муках, но осторожно. Шеф знал, что ей недавно было сказано, что она умирает, сказано лекарем или коновалом. Не из-за болезни легких, которая обычно уносит стариков зимой, но из-за опухоли или внутреннего повреждения. Она страдала невыносимо, хотя боялась признаться в этом. У нее не осталось родственников, если у нее были муж или сыновья, они уже умерли или покинули ее, она жила скудной милостью чужих людей. Причины она хоть какое-то беспокойство, и лишится даже своей подстилки и куска хлеба. Жива ли она, не имело значения.

Это была девушка, с которой он расстался на болоте, встречающая закат своей жизни. Или могла быть она. Это мог быть и кто-то еще: Шеф подумал о матери Годивы, ирландской рабыне, которую его приемный отец Вульфгар взял в наложницы, а потом, когда жена приревновала, продал, разлучив с ребенком. Но были и другие, много-много других. Мир был полон отчаявшихся старух, да и стариков, из последних сил старающихся умереть тихо и не привлекая внимания. Все они лягут в могилы и исчезнут из памяти. Все они когда-то были молодыми.

От этого видения на Шефа накатил волна такой безнадёжности, которой он никогда не испытывал раньше. И все же было в этом что-то странное. Эта медленная смерть может произойти через много лет в будущем, как он сперва подумал, когда вроде бы узнал женщину. Или она могла произойти в прошлом, много лет назад. Но на мгновение Шеф, кажется, понял одну вещь: старая женщина, молящая на соломенной подстилке о незаметной смерти, была им самим. Или это он был ею?

* * *

Проснувшись как от толчка, Шеф испытал чувство облегчения. Все кругом тихо спали под своими одеялами. Он медленно выдохнул и постепенно расслабил напряженные мышцы.

* * *

На следующее утро они почти сразу вышли из болот. Только что они пробирались в густом холодном тумане среди черных омутов и неглубоких канав, которые, казалось, нику-

да не текли; затем земля под скудным травяным покровом пошла вверх, и взгляду Шефа предстала уходящая к горизонту дорога Великой Армии, по которой взад-вперед сновали путники. Шеф оглянулся назад и увидел, что Дитмарш, как одеялом, укрыт туманом. На солнце он рассеется, а в сумерках опустится опять. Неудивительно, что дитмаршцы живут впроголодь и не ждут незваных гостей.

Шефа также удивили перемены, произошедшие с его спутниками, когда они вышли на дорогу. На болотах они казались спокойными и уверенными, готовыми посмеяться и над всем миром, и над ближайшими соседями. Здесь же они прятали головы под крыло и боялись обратить на себя внимание. Шеф обнаружил, что он один держится с высоко поднятой головой, а все остальные сутулятся и сбиваются в кучу.

Вскоре их догнала ватага всадников, десять или двенадцать человек с навьюченными лошадьми, соляной обоз, направляющийся на север, к полуострову Ютландия. Проезжая мимо, они переговаривались на языке норманнов.

— Вон, смотри, утконогие вылезли из болот. Куда они тащатся? Смотри, один высокий, должно быть, мамашка его согрешила. Эй, болотные, вам чего надо? Лекарство для прыщавых животов?

Шеф улыбнулся самому громкому насмешнику, а затем откликнулся на хорошем норманнском языке, которому научился от Торвина, а затем от Бранда с его командой.

— Что ты об этом знаешь, ютландец! — он преувеличивал гортанную хрипоту диалекта Рибе, на котором они говорили. — Это ты по-норманнски говоришь, или у тебя простуда? Попробуй размешать в пиве мед, тогда, может, откашляешься.

Купцы придержали коней и усталились на него.

— Ты не из Дитмарша, — заявил один из них. — И на датчанина не похож. Откуда ты?

— *Enzkr em*, — твердо сказал Шеф. — Я англичанин.

— Говоришь ты как норвежец, и притом как норвежец с края света. Я слыхал такой говор, когда торговал мехами.

— Я англичанин, — повторил Шеф. — И я не торгую мехами. Я иду с этими людьми на невольничий рынок в Гедебю, где они надеются продать меня. — Он вытащил на всеобщее обозрение свой амулет-лесенку, полностью повернул свое лицо к датчанам и торжественно подмигнул единственным

глазом. — Нет смысла делать из этого тайну. В конце концов, я должен подобрать себе покупателя.

Датчане переглянулись и тронулись в путь, оставив Шефа вполне довольным. Англичанин, одноглазый и с серебряным амулетом-лесенкой на шее. Теперь достаточно, чтобы об англичанине услышал один из друзей Бранда, или человек Пути, или один из его прошлогодних шкиперов, вернувшихся домой, и тогда у Шефа появится шанс вернуться в Англию — хотя ему и не хотелось бы связываться с судном из Гедебю на Балтийском побережье.

На него хмуро глядел Никко, почувствовавший, что что-то не так.

— Я отниму у тебя копье, когда подойдем к рынку.

Шеф молча показал копьем на деревянный частокол вокруг показавшегося вдаль Гедебю.

* * *

На следующий день, не спеша прогуливаясь вдоль рядов выставленных на продажу товаров, Шеф почувствовал, что его сердце забилося учащенно. Его не покидало внутреннее спокойствие — или это было безразличие — с тех пор, как он, больше уже не король, проснулся в лачуге Карли. И хотя он знал, что намеревается сделать, он не мог заранее угадать, как все обернется. Многие зависело от того, какие права имеет здесь человек. На чем смогут настаивать он и его друзья на этом невольничьем рынке в Гедебю.

Сам рынок был просто расчищенной площадкой на берегу, а посередине — насыпь высотой в несколько футов, чтобы показывать товар покупателям. На заднем плане не знающая приливов Балтика лениво лизала волнами узкую полоску песка. В стороне уходил далеко в мелководье деревянный пирс, к нему приставали груженные товаром широкогрудые кнорры. Вокруг рынка высился крепкий бревенчатый частокол, кажущийся игрушечным по сравнению с римскими крепостными укреплениями в далеком Йорке, но содержащийся в должном порядке и строго охраняемый. Шеф мало что слышал о подвигах короля Хрорика, который правил в Гедебю и на тридцать миль к югу до самой Датской перемычки. Доходы его полностью зависели от сборов, которые он брал с купцов в порту, поэтому он охранял свободу торговли и вер-

шил суд скорый и суровый. Время от времени Шеф поглядывал на виселицы, ясно различимые на отдаленном мысу, на которых болталось с полдюжины повешенных. Хрорик всячески старался показать купцам, что их права соблюдаются. Одна из многих вещей, о которых не знал Шеф, — не сочтут ли его замысел препятствующим торговле. Во всяком случае, утром, когда силуэты виселиц обрисовались яснее, настроение его резко ухудшилось.

В этот заход на торг выставили только женщин — шесть рабынь, вытолкнутых вперед ухмыляющимися викингами. Каждую из них держали за руку, а хозяин расхваливал кругом насыпи, расхваливая достоинства товара. Все они, как заметил Шеф, были юные девушки. По команде с них стащили одежду, и они стояли в коротких рубашках, не доходивших и до колен, в ярком солнечном свете белая кожа была открыта всем взорам. Толпа заулюлюкала, послышались похотливые восклицания.

— Откуда они? — спросил Шеф вооруженного стражника, стоявшего возле невольничьего ряда.

Тот с любопытством посмотрел на статью и осанку Шефа и фыркнул в ответ:

— Венедки. Видишь, белая кожа и рыжие волосы. Их поймали на южном берегу Балтики.

— А кто покупатели? — Шеф теперь увидел группку темнокожих людей в странных одеяниях, проталкивающихся вперед, чтобы осмотреть рабынь вблизи. Они были не в шлемах, а в тюрбанах и носили на поясах изогнутые клинки, поблескивающие дорогим металлом. Некоторые из них все время озирались по сторонам, будто опасаясь внезапного нападения.

— Люди из южных земель. Они молятся какому-то богу, который соперничает с христианским. Любят покупать женщин и платят золотом. В этом году им придется платить дороже.

— Почему так?

Стражник снова с любопытством взглянул на Шефа:

— Ты говоришь по-норманнски, но ты вообще хоть что-нибудь знаешь? Цена на женщин подскочила, потому что английский рынок стал хуже. Из Англии раньше получали много хороших женщин.

Мавры из Кордовы начали задавать разные вопросы через толмача. Доброхоты повторяли их для толпы зрителей.

— Хочет знать, все ли они девственницы.

Шквал смеха, и кто-то ревет бычьим голосом:

— Альфр, я знаю, что та высокая — уже нет, я видел, как ты ее вчера попробовал за палаткой.

Предводитель арабов сердито оглянулся, пытаясь принудить зевак замолчать. Покупатели подозвали своего переводчика, столпились для совещания. Наконец назвали цену. Негодование, отказ, но новая цена не была названа. Сделка состоялась — Шеф увидел, как блесят отсчитываемые монеты, и затаил дыхание при виде — нет, не серебра, — а золотых динаров. Часть денег выплачивается распорядителю торгов и ярлу короля Хрорика, внимательно наблюдающему за происходящим. Женщин закутали и погнали прочь.

Затем была выставлена странная фигура, мужчина средних лет в остатках черного рубища. Он казался лысым, но на макушке пробивался черный пушок. Христианский священник, догадался Шеф, с тонзурой, которую давно не подбрасывали. Когда он вышел вперед, через толпу к нему протолкался другой человек, словно хотел обнять его — еще один священник, еще одна черная ряса, но на этот раз тонзура свежесвыбрита. Стражник оттолкнул его назад, распорядитель стал спрашивать цену.

Мгновенный ответ последовал от ватаги высоких людей, крепких телосложением и красующихся в мехах, несмотря на весеннее солнышко. Шведы, подумал Шеф, вспомнив про изношение Гудмунда Жадного и некоторых других, кого он встречал в рядах Великой Армии Рагнарссонов. Шведы давали восемь унций серебра. Один из них рванул кошель с пояса и бросил наземь, чтобы подкрепить свои слова.

Священник, которого оттолкнули, воротился и, увильнув от стражников, распростер руки, страстно что-то выкрикивая.

— Что он говорит? — пробормотал стражник.

— Пытается сорвать торги, — ответил Шеф, прислушиваясь к обрывкам норманнского и нижненемецкого языков, смешавшихся в воплях священника. — Говорит, они не имеют права покупать священника истинного Бога.

— Они и его купят, если он не заткнется, — проворчал стражник.

Действительно, шведы бросили на землю еще один мешочек серебра, обменялись какими-то фразами с распорядителем торгов и с довольными лицами направились к обоим священникам.

Но из толпы вышел еще один человек, и довольство исчезло, сменившись выражением озабоченности. Шеф, привыкший оценивать бойцов, сразу же понял почему.

Новоприбывший не был высок, ростом ниже самого маленького из шведов. Но он был невообразимо широк в плечах. И еще, он двигался со спокойной уверенностью, которая расчищала ему дорогу. На нем была утепленная кожаная куртка, поношенная и с разнообразными клиньями, вшитыми тут и там. Левая рука его покоилась на набалдашнике длинного рыцарского меча. Волосы торчали белобрысым ежиком над лицом гладким, чисто выбритым и чеканным, как из металла. Но он улыбался.

Светловолосый поддел ногой один из кошельков шведов и отбросил его к хозяевам, потом отбросил и другой.

— Он вам не достанется, — раздалась во внезапно наступившем молчании его спокойная норманнская речь. — Ни один из них. Это священники Христовы, и они находятся под моей защитой. Под защитой Ордена Копья, — неожиданно тихо добавил он и обвел рукой вокруг. Шеф увидел, что поблизости стоит с дюжину людей, одинаково одетых и вооруженных. Их было больше, чем шведов. Но за событиями наблюдали добрых две сотни норманнов, тоже хорошо вооруженных. Если они бросят общий клич против христиан... Или же люди короля Хрорика решат защитить свободу торговли...

— Мы заплатим за одного из них, — сказал светловолосый примирительно. — Восемь унций. Христианские деньги так же хороши, как и языческие.

— Десять унций, — перебил цену предводитель шведов.

Распорядитель торгов вопросительно посмотрел на светловолосого.

— Двенадцать унций, — проговорил тот отдельно и выразительно. — Двенадцать унций, и я не стану спрашивать, как к вам в руки попал христианский священник — и для чего христианский священник нужен этим. Двенадцать унций, и считайте, что вам повезло.

Швед потянулся рукой к своему топору и сплюнул на землю.

— Двенадцать унций, — сказал он, — и ведь деньги людей Одина лучше, чем деньги бритых христианских кастратов.

Шеф почувствовал, что стражник позади него дернулся, увидел, как ярл короля Хрорика шагнул вперед. Швед, договорив, взмахнул топором, чтобы ударить. Но прежде чем кто-либо из них завершил свое движение, в воздухе сверкнула сталь, послышался хруст и судорожный вздох. Швед скрючился над торчащей из его туловища медной рукояткой. Шеф понял, что светловолосый даже не пытался достать меч, а вместо этого вытащил из-за пояса тяжелый нож и метнул его снизу. Прежде чем эта мысль оформилась, незнакомец сделал три шага вперед и застыл, направив острие своего длинного меча точно под кадык работаровца.

— Мы договорились? — спросил он, бросив на мгновение взгляд в сторону растерянного ярла.

Продавец медленно и осторожно кивнул.

Светловолосый воткнул меч в ножны.

— Просто небольшая ссора между друзьями, — пояснил он ярлу. — Торговле не мешает. Мы с товарищами будем счастливы уладить это дело где-нибудь за пределами города.

Ярл колебался, затем тоже кивнул, не обращая внимания на крики шведов, склонившихся над телом своего предводителя.

— Плати деньги и забирай своего священника. И хватит шуметь, эй, вы там. Когда хочешь кого-то обозвать, сначала научись поживей поворачиваться. Если недовольны, пожалуйте, можете драться. Но не здесь. Плохо для торговли. Давайте, подходите, кто там следующий?

Когда христианские священники обнялись, а светловолосый вернулся в кучку ошестинившихся оружием бойцов, Шеф почувствовал, что его толкают на насыпь. На мгновение паника охватила его, как актера, забывшего свой ответ на неожиданную реплику. Затем, увидев суетящегося впереди Никко и встревоженное лицо Карли позади, он вспомнил, что должен делать.

Он медленно начал стаскивать свою грязную шерстяную рубашу.

— Что тут у нас? — сказал распорядитель торгов. — Силь-

ный молодой мужчина, может выполнять простую кузнечную работу, продают его — ну, какая разница, какие-то утконогие.

Шеф швырнул рубаху на землю, поправил на груди серебряный амулет Рига и напряг мускулы, подражая поведению крестьянских батраков при найме. Солнце высветило на его спине старые шрамы от порок, порок, которым много лет назад подвергал его приемный отец.

— А он послушный? — выкрикнул кто-то. — Он совсем не выглядит послушным.

— Раба можно сделать послушным, — закричал Никко, стоявший рядом с распорядителем торгов.

Шеф задумчиво кивнул, подходя к ним ближе. При этом он аккуратно расправил пальцы левой руки и сжал их в кулак, большим пальцем прикрывая второй сустав, как показывал Карли. Это должно смотреться драматично. Не толкотня и не возня.

Выдвинув вперед левую ногу согласно наставлениям Карли, он нанес левой рукой короткий боковой удар, подкрепляя его всем весом тела и как бы стараясь ударить кулаком за свое правое плечо. Левый хук пришелся не в челюсть Никко — Карли не советовал это начинающим, — а в его правый висок. Грузный мужчина, не ожидавший удара, сразу же рухнул на колени.

Шеф тут же схватил его за ворот, поднял на ноги и развернул лицом к толпе.

— А вот утконогий, — крикнул он по-норманнски. — Болтает много. Ни к чему не пригоден. Сколько за него дадите?

— А я думал, это он тебя продает, — раздался голос.

Шеф пожал плечами.

— Я передумал, — он обвел взглядом толпу, стараясь заворожить ее своим единственным взглядом. Что делает раба рабом? В конце концов, только его согласие. А раба, который вовсе не согласен, вовсе не подчиняется, можно убить, но он не стоит ни гроша. На краю рынка он заметил небольшую стычку, это сын и племянники Никко пытались подоспеть на помощь, но Карли со сжатыми кулаками загородил им дорогу.

— Ладно, ладно, — зарычал ярл в самое ухо Шефу. — Я вижу, что из вас двоих ни одного не продашь. Но я тебе вот

что скажу — ты все равно должен заплатить сбор, а если не сможешь заплатить, ваши жизни и будут платой.

Шеф огляделся. Опасный момент. Он рассчитывал, что увидит дружеское лицо несколько раньше, если только встреченные на дороге датчане разнесли весть. Теперь ему придется самому договариваться с ярлом. У него в собственности остались только две вещи. Одной рукой он сгреб серебряный амулет — это последняя надежда. А предпоследняя?

Копье «Гунгнир» воткнулось в дерн у его ног. Карли, сияя и потирая костяшки пальцев, радостно помахал ему рукой. Шеф начал вытаскивать копье, чтобы показать презрительному ярлу руническую надпись на нем и попробовать сторговаться.

— Если одноглазый продается, — раздался голос, — я его куплю. Я знаю кой-кого, кому он очень нужен.

С похолодевшим сердцем Шеф повернулся на голос. Он надеялся, что опознавший его — друг. Он не забывал о возможности, что это враг, но рассчитывал, что сторонники Рагнарссонов, все уцелевшие из тех, кого он знал в Великой Армии, находятся с флотом Рагнарссонов в море на другой стороне Дании. Он не учел свободу объединений в мире у викингов, одни уходили, другие приходили, и так без конца.

Это был Скули Лысый, который командовал осадной башней, штурмывая год назад стены Йорка вместе с Шефом, но затем связал свою судьбу с предавшими их Рагнарссонами. Сейчас он вышел из толпы, и вплотную вслед за ним сомкнутым строем шла команда его корабля.

В тот же самый миг какой-то внутренний сторож подсказал Шефу, что на него неотрывно смотрит еще один человек. Он повернулся и встретился с непримиримым взглядом черных глаз. Узнал их сразу же. Черный дякон Эркенберт, которого он впервые увидел в момент казни Рагнара в змеиной яме, а в последний раз — входящим на борт судна после разгрома крестоносцев при Гастингсе. Он стоял рядом с недавно спасенным священником в черной рясе, быстро что-то говоря светловолосому германцу и показывая на Шефа рукой.

— Скъеф Сигвардссон Ивароубийца, — ухмыляясь, произнес Скули уже в нескольких шагах от Шефа. — Я готов заплатить за тебя больше рыночной цены. Я рассчитываю, что братья Ивара оценят тебя на вес серебра.

— Если сможешь взять, — рявкнул Шеф, быстро отступая и высматривая стену, к которой можно было бы прислониться спиной. Он понял, что Карли — вместе с ним. Тот вытащил свой меч, перекрывая нарастающий гул боевым кличем. Шеф сразу увидел, что Карли забыл все, чему его учили, и держит оружие как рубщик тростника. Если напряжение прорвется, Карли не продержится и пяти ударов сердца.

Теперь в поле зрения Шефа оказался и светловолосый германец, тот тоже вытащил меч, а его люди старались отгородить собой Шефа от Скули. Белобрысый тоже что-то кричал о цене. В отдалении суетились рабы и торговцы, одни собирались унести ноги, а другие — присоединиться к той или иной стороне. Стражники короля Хрорика, оставшись не у дел из-за внезапно схлынувшей толпы покупателей, пытались построиться клином, чтобы врезаться в середину назревающей драки.

Шеф сделал глубокий вдох, взвесил на руке свое копьё. Он пойдет прямо на Скули, а потом попытает счастья с Эркенбертом и христианами. Но сначала — один акт милосердия. Он повернулся, собираясь оглушить ничего не подозревающего Карли древком копьё. Если крепыш будет валяться на земле, его, может быть, никто не станет убивать, не то что в случае, если он полезет в драку.

Что-то уцепилось за копьё, потянуло книзу, сковало движения Шефа. Еще что-то накрыло голову, ослепив его. Пока он старался освободиться, отчаянно вырываясь из-под покрывала, его настиг мягкий толчок в затылок, и Шеф обнаружил, что стоит на одном колене, пытаясь подняться и увидеть хоть что-нибудь. Если он потеряет сознание, следующим, что он увидит, может оказаться лицо Рагнарссона, собирающегося вырезать из его ребер кровавого орла.

Кто-то подсек Шефа под ноги, и он ударился головой о землю.

Глава 8

— Сожалею о случившемся, — сообщил голос, и по другую сторону стола возникло расплывчатое круглое лицо. — Услышь я о тебе хоть чуть-чуть пораньше, я бы сам выкупил тебя у твоих друзей из Дитмарша, и ничего умнее просто вы-

думать бы не смог. Но ты сам король, и знаешь, как это бывает — король настолько мудр, насколько велики его знания.

Шеф вытаращился, стараясь сосредоточить взгляд на говорившем, оторопело помотал головой и сморщился.

— Так, — сказал круглолицый, — кажется, ты меня не слышишь. Где у тебя болит?

Шеф потерял левый висок, осознав в тот же самый момент, что припухлость на голове находится справа. Перед его глазами помахали рукой, и он понял, что говоривший проверяет, что у него с мозгами.

— Шишка с одной стороны, а болит с другой. Можно подумать, что мозги свободно болтаются в черепе, не правда ли? — продолжал вежливо беседовать круглолицый. — Вот почему многие ветераны боев становятся... скажем, слегка странными. Мы называем это *vitrhogg*, ответный удар. Но как я вижу, ты понемногу оправился. Давай вкратце повторим уже сказанное. Я — Хрорик, король Гедебу и южной Ютландии. А ты?

Шеф неожиданно улыбнулся, сообразив наконец, о чем ему говорят.

— Я твой собрат, король Шеф, король Восточной и Средней Англии.

— Отлично. Я рад, что все обошлось. Знаешь, такие волнения на рыночной площади у нас бывают довольно часто, и мои парни знают, как им действовать. Набрасывают на всю свору парусину, а потом, пока вояки барахтаются, стараясь высвободить свое оружие, разоружают самых опасных. Мы не можем себе позволить постоянно терять наших клиентов.

Огромная ручища налила вино в сосуд, в котором Шеф быстро признал золотой кубок.

— Добавь сюда воды и скоро почувствуешь себя лучше.

— Вы сегодня потеряли одного клиента, — заметил Шеф, вспомнив нож, вонзившийся в сердце шведского купца.

— Да, это неприятно. Однако мой ярл сообщил, что погибший сам напрашивался. Кстати...

Толстый палец подцепил амулет Шефа из-под рубахи, которую, как тот догадался, кто-то разыскал и надел на него.

— Ты человек Пути, правильно? Поэтому тебе, должно быть, мало дела до христиан. Совсем никаких дел с ними, насколько я слышан о твоей победе над франками, и, осмелюсь заметить, они к тебе относятся еще хуже. Но мне

приходится иметь с ними дело. По ту сторону Датской пере-мычки находятся германские копейщики, и лишь сам Один знает, сколько их. Это верно, что они все время дерутся между собой, и не менее верно, что они даже больше боятся нас, чем мы их. Но я не ишу неприятностей, особенно в вопросах религии. Поэтому я всегда разрешаю христианам присылать сюда своих священников и проповедовать свое учение и никогда не возражаю, если они начинают крестить рабов и женщин. Конечно, если эти бедняги забредают в глухомань, а их потом продают в рабство или самих крестят в трясине, я ничего не могу поделать. Я поддерживаю порядок в Гедебу и на торговых путях и вершу суд в нашем тинге. Указывать моим подданным, во что им верить или кого оставить в покое... — Толстяк засмеялся. — Ты-то понимаешь, насколько это может быть опасно. Но теперь появилось нечто новенькое. Этой весной, когда священники из Гамбурга пришли на север, каждого из этих трех или четырех миссионеров сопровождала охрана. Не настолько большая, чтобы назвать ее армией, недостаточная даже для серьезного боя, и вдобавок они хорошо платили. Так что я их выпустил. Но вот что я тебе скажу, — круглолицый наклонился к Шефу, — как один король другому. Очень опасные люди. И очень ценные люди. Хотел бы я нанять себе с полдюжины таких. О том, которого ты видел, о белокрылом с волосами, как щетка, мой капитан стражи сказал, что это один из самых стремительных бойцов, каких он когда-либо видел. И очень ловкий.

— Он быстрее, чем Ивар Рагнарссон? — спросил Шеф.

— Ивар Бескостный? О, я и забыл, что ты с ним расправился.

Благодаря вину зрение Шефа постепенно прояснилось, и он повнимательней присмотрелся к крупному мужчине, откинувшемуся на стуле так, что спинка трещала. Золотой венец на голове, тяжелая золотая цепь на шее и массивные браслеты на руках. Внешность добродушного мужичонки, словно бы хозяина мирной городской таверны. Но глаза под густыми бровями пронизательные, и сеточка шрамов от затянувшихся ран покрывает мускулистое правое предплечье, как у заядлых бойцов. Удачливый боец, потому что у неудачливых раны уже никогда не затягиваются.

— Да, я тебе, конечно же, за него признателен. Ивар очень меня беспокоил, а его братья беспокоят и до сих пор, — Хро-

рик тяжело вздохнул. — У короля здесь трудная жизнь, по ту сторону Датской перемычки грозят христиане и их империя, а на севере — пятьдесят морских королей, вечно спорящих, кто самый главный. Христиане говорят, что им сейчас нужен император. Я иногда думаю, что и нам тоже. Но дело вот в чем. Если вдуматься, нам ведь придется решать, кто им станет. Может быть, я. Может быть, ты. А может быть, Сигурд Рагнарссон. Если он, то ни ты, ни я не доживем до следующего дня, да и не захотим дожить.

Ну, да я увлекся. Я вижу, тебе здорово досталось, и помоему, ты не отказался бы от хорошего ужина. Почему бы тебе не посидеть где-нибудь на солнышке, пока не придет пора ужинать? Я прослежу, чтобы ты был в безопасности.

— Мне нужны деньги, — сказал Шеф. — Человек, которого я ударил на рынке, — это он привел меня сюда, и он неделю кормил меня. Я должен заплатить ему. А потом, мне нужны деньги на проезд домой. Если в порту есть английские купцы, я могу взять у них деньги в долг, в счет моих собственных средств и средств моего соправителя Альфреда.

Хрорик оставил в покое звонок:

— Все улажено, за все заплачено. Дитмаршцев я отпустил вполне счастливыми, я всегда стараюсь ладить и с ними тоже, ведь когда разъярятся, они несносны. Хотя один юноша настоял на том, чтобы остаться. Не благодари меня, ты всегда сможешь со мной расплатиться. А насчет возвращения домой... Что нет, то нет.

Шеф взглянул на его хитрое веселое лицо. В углу виднелось копье «Гунгнир», прислоненное к стене. Но он не питал иллюзий относительно возможности добраться до него.

— Остаться здесь с тобой?

— Собственно говоря, я тебя продал, — подмигнув, ответил Хрорик.

— Продал? Кому?

— Не волнуйся, не Скули. Он предложил мне пять фунтов серебра. Христиане дошли до десяти плюс отпущение всех грехов — от самого Папы и написанное пурпурными чернилами.

— Тогда кому?

Хрорик снова подмигнул.

— Твоим друзьям из Каупанга. Жрецам из святилища Пути. Их предложение было слишком хорошим, чтобы отка-

заться. Они все говорили что-то об испытании. Но это ведь лучше, чем пытки Сигурда Змеинового Глаза? Как ты считаешь?

* * *

С кольцами кровавой колбасы на поясе, большой буханкой черного хлеба под мышкой и щепоткой соли в руке Шеф вышел под лучи послеполуденного солнца, собираясь дожидаться обещанного королем Хрориком ужина. Его окружали с полдюжины стражников, гарантируя одновременно, что никто на него не нападет и что он сам не сбежит из города. Их сопровождал Карли, на этот раз довольно грустный, со своим мечом на поясе и копьём Шефа на плече.

Несколько минут ватага двигалась по тесным улицам Гедебу, заполненным лотками с янтарем, медом, южными винами, оружием, костяными гребешками, обувью, железными слитками и всем, что только можно было купить или продать в скандинавских странах. Затем, когда Шеф уже устал от тесноты и нескончаемой сутолоки, он увидел невысокий зеленый бугор, находящийся внутри городского частокола, но в стороне от построек и толпы. Он молча указал на него и первый направился туда. Боль в голове прошла, но двигался он все еще медленно и осторожно, боясь случайным движением разбудить ее. Он также ощущал, что с трудом понимает, что происходит, как если бы он находился под слоем воды. А ему было о чем поразмыслить.

Взобравшись на курган, Шеф сел на его вершине, глядя на залив и зеленеющие поля на севере. Карли помялся, потом воткнул копьё древком в мягкую почву и тоже уселся. Стражники переглянулись.

— Ты не боишься курганных ведьм? — спросил один из них.

— Я бывал на могильниках и раньше, — отвечал Шеф. Он заметил, что нож с его пояса исчез — Хрорик ни в чем не полагался на авось. Он отдал нарезать колбасу Карли, а сам стал ломать хлеб. Стражники с опаской расселись вокруг них, кто на корточках, кто прямо на земле.

Через некоторое время, набив живот и приятно погрев спину на солнышке, Шеф показал на плодородные земли, окружающие город. Река Шлей текла северней города, и на

противоположном берегу виднелись огороженные поля, пахари, правящие упряжками волов, черные борозды пахотной земли, и тут и там поднимающиеся среди деревьев струйки дыма. Для англичанина земля викингов представлялась родиной огня и меча, а ее обитатели — моряками и воинами, а не пахарями и углежогами. И все же здесь, в самом сердце норманнской вольницы, окрестности выглядели так же мирно, как Суффолк в летний день.

— Я слышал, что именно отсюда когда-то давно пришли англичане, — сказал Шеф ближайшему стражнику. — Где-нибудь здесь все еще живут англичане?

— Нет, — ответил стражник. — Только датчане. Некоторые из них называют себя ютами, когда не хотят признавать родства с морскими королями с островов. Но они все говорят по-датски, как и ты. Хотя эта сторона все еще называется Англе.

Вот этот клин между рекой Шлей и фьордом Фленсборг. Похоже, англичане и в самом деле пришли отсюда.

Шеф задумался. Вот и лопнула его надежда спасти здешних англичан от датского гнета. А все-таки непонятно, почему в Дитмарше не говорят на языке датчан, хотя живут бок о бок с ними. И странный у них язык: не английский и не датский, и даже не тот неизвестный, напоминающий немецкий, язык, на котором говорил священник сегодня утром. Имеет что-то общее с каждым из них, но больше всего, пожалуй, похож на фризский, которому Шеф научился от людей с островов вдоль немецкого берега. Когда-то здесь смешивались все племена и языки. Теперь границу можно было провести отчетливей: христиане по одну сторону, язычники по другую, здесь говорят по-норманнски, там — по-немецки. Но варево еще кипит. Стражник назвал его язык датским, *donsk tunga*, другие считали тот же самый язык норманнским, *norsk mal*. Одни и те же люди сегодня называют себя датчанами, а завтра ютами. Шеф был королем восточных англвов, а Альфред — западных саксов, но и те и другие соглашались, что все они англичане. Германскими народами правили тот же самый Папа и та же королевская династия, что и франками, но они не считали себя родственниками. Шведы и готы, норвежцы и гаддгедлары. Когда-нибудь все это придется рассортировать и навести порядок. Давно пора было это сделать. Но кто сможет провести границы, принять законы, и все это

на уровне вышем, чем порядок Хрорика: «хорошо для торговли»?

Без особого удивления Шеф увидел, что к ним с улицы идет светловолосый германец, тот самый, который утром убил шведа и спас от рабства священника. Стражники Хрорика тоже увидели его и не стали корчить из себя хладнокровных воинов. Двое с обнаженными мечами и поднятыми щитами сразу же заградили ему путь, а еще четверо, в пяти шагах позади, вскинули копья. Светловолосый улыбнулся, с преувеличенной старательностью расстегнул перевязь меча и уронил ее на землю. По резкому приказанию начальника стражи он снял также свою кожаную куртку, положил ее на землю, извлек из рукава тяжелый метательный нож и короткое шило из сапога. Тогда один стражник приблизился и обыскал его энергично и тщательно. И наконец они неохотно отступили и позволили ему пройти, держа наготове дроботики. Когда его отделяли от Шефа последние несколько шагов, Карли тоже вытащил свой меч и принял агрессивно-недоверчивую позу.

Светловолосый глянул, как Карли держит меч, вздохнул и, скрестив ноги, уселся напротив Шефа. На этот раз его улыбка была заговорщицкой.

— Меня зовут Бруно, — заявил он. — К датчанам я приехал по поручению архиепископа Гамбурга и Бремена. Да ты знаешь, нужно выкупить некоторых наших людей. Мне сказали, что ты знаменитый Шеф Сигвардссон, победитель еще более знаменитого Ивара.

По-норманнски он говорил с заметным акцентом, из-за чего имя «Сигвард» звучало у него почти как «Зигфрид».

— Кто сказал тебе это?

Снова понимающая заговорщицкая улыбка.

— Что ж. Как ты догадываешься, это твой маленький соотечественник, дьякон Эркенберт. Это парень горячий, а тебя он терпеть не может. И все же он не стал отрицать, что ты побил Ивара на мечах.

— С алебардой против меча, — поправил Шеф. В другие подробности он не стал вдаваться.

— Пусть так. В такой игре не часто выигрывают. Но ты пользуешься необычным оружием. Можно взглянуть на твоё копье?

Бруно поднялся и стал рассматривать копье, демонстративно не прикасаясь к нему и заложив руки за спину.

— Отличное оружие. Недавнейковки, как я погляжу. Я интересуюсь копьями. И другими вещами тоже. Могу я взглянуть, что ты носишь на шее?

Игнорируя предостерегающее ворчание Карли, Шеф снял свою цепочку с серебряным амулетом Рига на ней и подал Бруно, который снова уселся и погрузился в раздумье.

— А скажи, как вы это называете?

— Это *kraki*, — ответил Шеф. — Такая лесенка с одной тетивой вместо двух. Посередине шест и в обе стороны от него идут перекладыны. Это знак моего бога.

— Однако ты, я полагаю, крещеный? Какой срам, что человек, познавший истинного Бога, начинает поклоняться языческому идолу. Не чувствуешь ли ты потребности вернуться назад? Скажем, если некоторые... э-э, препятствия будут убраны с твоего пути.

Шеф впервые за время их разговора улыбнулся, вспомнив ужас, который внушали ему и остальным черные монахи, Вульфир и епископ Даниил. Он помотал головой.

— Мне понятно, что ты не хочешь ни с того ни с сего менять свое решение. Но позволь предложить тебе две темы для размышления, — продолжал светловолосый. — Первая такая. Уверен, что со стороны кажется, будто причина всех этих религиозных распрей — земли и деньги. И так оно и есть! Хрорик не отдал тебя мне потому, что от других надеялся получить больше, и потому, что не хочет ни в чем нам помогать. Мне известно, что ты покоришь королевство английское, отменив десятину, которую люди должны платить Церкви, и ввел вашу ересь — свободу верить в любых богов. Но я уверен, ты понимаешь, что под спудом этих распрей скрывается нечто более глубокое. Не просто борьба людей, а борьба иных, высших сил.

Вспомнив недавнее загадочное видение, властные голоса своих покровителей и других богов в непостижимом мире его снов, Асгарде, Шеф медленно кивнул.

— Существуют силы, с которыми человеку лучше не связываться. Святая Церковь зовет их дьяволами и демонами, и ты можешь подумать, что это просто предрассудок Церкви, защищающий ее — как это называется? — исключительное право на спасение души. Что ж, я тоже знаю священников, и я тоже презираю их жадность, их торговлю святынями. Но я

говорю тебе, Шеф Сигвардссон, как воин воину: грядут великие перемены, и приближается Тот, кто вызовет их. В тот день царства будут разрушены и переплавлены в новый сплав, а священники — да, и архиепископы и папы римские, — которые хотят вести паству, сами будут ведомы. В тот день ты не захочешь оказаться на стороне лживых.

— А как узнать, на чьей стороне правда? — спросил Шеф, замороженный отблеском страсти на суровом чеканном лице. Услышав, как зазвенел голос Бруно, стражники подошли ближе, словно ожидая внезапной вспышки ярости.

На лице Бруно появилась одна из его неожиданных и странно привлекательных улыбок.

— О, будет знак. Что-то безошибочное, я думаю. Чудо, реликвия, что-то ниспосланное Господом для царя земного, — он поднялся на ноги, собираясь уходить.

— Ты говорил, у тебя есть для меня два сообщения. Быть на стороне правды, когда царства разрушатся, это первое. А второе?

— Ах да. Конечно. Я должен сказать тебе, что ты несколько заблуждаешься относительно своего собственного знака. Надеюсь, другие знаки ты распознаешь лучше. То, что ты носишь на шее, это может называться *kraki* на норвежском языке или «лестница» — на нашем с тобой. Но на латыни — ты слышал латынь от священников? Так вот, это называется *graduale*. От слова «ступенька», понимаешь.

Шеф выжидал с некоторым недоумением.

— Есть такие, кто верит в святой *Graduale*. Франки называют его святой Грааль. Ужасно, как франки коверкают латынь — можешь ты представить себе язык, на котором *aqua* — вода произносится *eau*? Да, святой Грааль — это и есть то, что ты носишь на шее. Некоторые говорят, что он должен сочетаться со Святым Копьем.

Бруно шагнул к куче своей одежды и оружия и стал не спеша собирать все, по-прежнему под прицелом копий. Он бросил прощальный взгляд на Шефа, кивнул и размеренно зашагал по направлению к рынку.

— О чем это он говорил? — с подозрением спросил Карли. Шеф не ответил. В нем усиливалось ощущение, что он находится под водой, теперь уже на глубине в несколько саженей, но в воде чистой, не замутняющей зрение. Продолжая смотреть на мирные поля Англии, он почувствовал на шее хватку, которая подсказала ему, что его зрение будет на-

правляться извне. Поверх зеленеющих и свежевспаханных полей и струящегося из печных труб дыма начали разворачиваться другие картины.

* * *

Он снова видел ту же самую местность, но на ней не было построек Гедебу, деревья росли гуще, а пашни встречались реже. Это Англе, каким оно было при англичанах, откуда-то он знал это. В устье реки Шлей входили десять длинных боевых ладей, похожих на корабли Сигурда Рагнарссона, но более примитивной конструкции: только весла, ни паруса, ни мачты, неуклюжие и громоздкие, без изящной завершенности и гибкости кораблей викингов. Просто боевые лодки с уключинами. Взгляд Шефа следовал за ними, а они поднимались вверх по реке, обнаруживали приток и прошли по нему в неглубокое озеро. На мелководье викинги высадились и рассыпались по берегу; возвращаться стали уже ближе к вечеру, с вьюками награбленного, бочками, кусками металла, гнали скот и женщин. Они загрузили лады, разожгли во тьме костры и принялись забивать скот и насиловать женщин. Шеф смотрел, не шевелясь, — в реальности он видел вещи и похуже, и вблизи, а не издалека.

Воины той земли не разбежались, они вооружались и собирались с силами. У них появился вождь. На речке, по которой лады поднялись в озеро, повалили деревья и перегородили ими проход. Затем мстители подобрлись к месту пиршества и буйства. Из-за деревьев посыпались стрелы. Враги бросили свои забавы, кинулись за оружием, выстроились для обороны. Несколько женщин сбежали, ускользнули в темноту или укрылись в черных водах озера. Другие были сражены летящими стрелами, зарезаны разъяренными чужаками.

Местные построились в линию и, подняв щиты, напирали. Захватчики боем встретили их, несколько минут противники кромсали желтые деревянные щиты друг друга, затем местные отступили. Из-за деревьев снова посыпались стрелы. Из темного леса раздался голос, обещавший отдать всех врагов богу войны, а трупы развесить по деревьям на корм птицам. Пришлые сели на свои лады и на рассвете попытались пробиться назад к морю, но встретили завал из бревен. За время долгой утренней сечи Шеф видел — в ускоренном движении, словно сражались две армии муравьев, — как чужаки гибли, разбегались, как на уцелевших набрасывали сети и сбивали с ног или

зажимали щитами. Под конец десять ладей с разбитыми уключинами были вытащены на болотистый берег, в них стояли и лежали сто двадцать угрюмых пленников.

Победители очистили местность от тел и оружия, по приказу своего вождя сложили их у захваченных судов. Шеф ожидал увидеть, что у пленных отнимут доспехи и все ценное и поделят между собой. Вместо этого в ладьях стали пробивать дыры. Захваченные у врага копы втыкали в бревна и гнули так, что их железные черенки становились бесполезными. Луки и стрелы ломали, в бронзовых шлемах делали пробоины, мечи размягчали на огне и щипцами скручивали клинки в спираль. Наконец занялись пленными; каждого подводили к котлу, наклоняли и, перерезав глотку, спускали кровь в котел, как из свиней на Михайлов день. Трупы покидали в ладьи, которые оттолкнули от берега, чтобы тонули на середине озера, а испорченное оружие оставили на болотистых берегах.

И люди ушли оттуда. Долгие годы все валялось там, где было брошено, и никто туда не ходил, кроме редких озорных ребятишек. Лодки, обглоданные червями тела и оружие медленно тонули в черном иле. Еще медленней высыхало озеро. Теперь на его месте паслись коровы, никакой памяти о том, что произошло, давно не осталось, ни у победивших англов, чьи потомки ныне жили далеко за морем, ни у людей с островов, которые так ничего и не узнали о судьбе ушедших в бесславный поход.

Зачем же они так поступили, задумался Шеф. Тут масштаб его зрения изменился, он больше не смотрел на реальный мир с его реальной историей, вместо этого перед ним словно предстали картины, картины движущиеся. Над голой равниной вставало солнце. Только это было не солнце, а огненный шар на влекомой конями колеснице. Взмыленные кони в ужасе неслись прочь. За ними по небу мчались гигантские волки, высунув языки в решимости догнать коней и проглотить солнце. Когда не видно солнца или луны, подсказал кто-то Шефу, это значит, что на них падает тень волков. Однажды волки догонят их, и кровавый дождь прольется с неба, прежде чем солнце и луна исчезнут.

На равнине растет огромное дерево, дающее воздух, тень и жизнь всему миру под его ветвями. Присмотревшись, Шеф заметил, что оно постоянно извивается от боли. Под землей он мог разглядеть змея, что гложет, брызгая ядом, главный корень дерева. В море плавает еще более устрашающий змей, время от времени всплывая, чтобы одним движением гигантских

челюстей утащить корабль вместе с парусом. Глубоко внизу от древесного и морского гадов Шеф своим новым зрением видел неясные очертания змея еще большего, прикованного цепью к основанию мира и корчащегося в муках так, что земля трясется. Он тоже страдает, постоянно борется и однажды вырвется на свободу, чтобы подгонять небесных волков и морского змея.

Таков мир, который знают язычники, подумал Шеф. Неудивительно, что они боятся своих богов и ненавидят их и стараются лишь умиловить их собственной жестокостью. Их боги тоже боятся, даже Один, Отец Всего Сущего, страшится предстоящего Рагнарока, Судного Дня, но не знает, как избежать его. Если бы язычники знали лучший путь, они бы вступили на него. Он вспомнил проповедь Торвина о пути в Асгард. Подумал также о Белоснежном Христе, о страдальческом лице под терновым венцом, которое видел однажды у деревянной статуи в кафедральном соборе Эли, вспомнил о замученном короле Эдмунде, умершем от руки Ивара.

Но это еще не все, подсказал ему кто-то. Это только часть. Однажды ты сможешь увидеть мир таким, каким его видят христиане. А пока запомни это. Помни о волках в небе и змее в море.

* * *

Приятное тепло, согревавшее спину Шефа, исчезло. Когда к нему постепенно вернулось обычное зрение, он осознал, что широко раскрытыми немигающими глазами по-прежнему смотрит за реку. Зеленые поля никуда не делись, но вечернее солнце скрылось за облаками. Его стражи отступили назад и, поглядывая на него, встревоженно переговаривались.

Прямо перед Шефом стоял, преклонив колено, человек и пылливо вглядывался ему в лицо. Шеф по белым одеждам и ожерелью из ягод рябины признал в нем жреца Пути и заметил серебряную лодочку, свидетельствующую, что это жрец морского бога Ньёрда.

— Я Хагбарт, — сказал жрец. — Я пришел, чтобы взять тебя с собой в Каупанг. Мои собратья с волнением ждут встречи с тобой, чтобы испытать тебя на нашей земле. Это удача для нас, что ты пришел сюда из Англии.

Он помялся.

— Не скажешь ли ты мне, что сейчас видел?

— Ничего, кроме мира, каков он есть, — отвечал Шеф.

— Видеть вещи такими, какие они есть, — это редкий дар, — заметил Хагбарт. — И уж совсем редкость — видеть средь бела дня. Возможно, ты истинный пророк, как утверждает Торвин, а не лживый посланник Локи, как считают остальные. Я буду твоим свидетелем. А сейчас мы должны идти.

— В замок Хрорика?

— А оттуда в Каупанг.

Шеф встал с земли, окоченевший больше, чем когда бы то ни было. Ковыляя вниз с холма на улицы Гедебу, он размышлял о том, что увидел. Его ли собственный разум подсказывал ему принять предложение христианина Бруно? Было ли это предостережением, рассказом об истинной природе мира, в котором он пребывал, мира морских королей, мира, возникшего за сотни поколений из крови и страха?

В городе они увидели, как гонят вереницу рабов. Шеф смотрел на них, поражаясь, что нашелся покупатель на таких убогих: старики, хромящие старухи, все с лицами, изнуренными непосильным трудом, просто мешки с костями, будто старые волю, годные только на убой и в котел.

— Стоит таких гонять на рынок? — спросил он.

— Шведы покупают их для жертвоприношений в Упсале, — ответил один из стражников. — Зимой и летом они приносят в жертву сотню волов, сотню коней и сотню мужчин и женщин, вешают их в большой дубовой роще в Упсале. Они говорят, что иначе шведское королевство падет и небо рухнет им на головы. Если трэль больше не может работать, за него всегда можно получить такую последнюю цену.

Другой стражник рассмеялся:

— И поэтому трэли у нас стараются работать изо всех сил. Может быть, это мы еще должны приплачивать шведам.

Глава 9

На фоне небывало синего неба линия горных цепей сияла пронзительной белизной. Горы уступами обрывались к черной воде у самого подножия — черной лишь там, где пролив очищала впадающая в море река. В неглубоком заливе до

сих пор лежал толстый лед, соединяющий материк с рассыпанными вдоль берега островами. Легкая пороша покрывала лесистые острова и лед в промежутках между ними. Там, где ветер сдул снег, виднелся ледовый панцирь — прозрачный и истаявший, потемневший от черных глубин под ним, хотя толщиной он был все еще около одного фута.

Стоявшие на носу корабля Шеф и Карли испытывали почтительный трепет. В покинутой ими Дании весна была в разгаре, проклюнулись почки, птицы пели и вили гнезда. Здесь же не увидишь свежей зелени, только темную хвою, а яркое солнце освещало лишь хмурые снега. Корабль теперь двигался медленно, на одних веслах, да и теми гребли потихоньку. Хагбарт убрал парус этой ночью, едва почувствовал землю по обе стороны от корабля и понял, что они входят в глубокий фьорд, ведущий к городу Осло. Потом стал время от времени слышен скрежет льдинок, ударяющих в хрупкие доски обшивки. Взобравшийся на самый планширь матрос, удерживаясь одной рукой, склонился через борт и подавал команды рулевому, в каком направлении обходить большие льдины, целые островки льда, принесенные течением от берега.

— В эту пору лед уже не очень опасен, — заметил Хагбарт, когда его непривычные к Северу пассажиры встревоженно подскочили, заслышав под ногами скрежет. — Но рисковать все равно не будем.

Уменьшению скорости Шеф был несказанно рад, а Карли рад еще больше — и не только из-за страха перед неизвестностью, что ждала их в порту. Ни тот ни другой раньше не плавали на стремительных ладьях викингов. Ощущение полностью отличалось — как теперь понял Шеф — и от церемониального шествия «Норфолка» вдоль немецких берегов, и от тошнотворных колыханий и кренов на рыбачьих плоскодонках в Йоркшире. «Аурвендилл» Хагбарта, настоящий корабль викингов, извивался на волнах, словно большая гибкая змея. Каждый набегающий вал нависал высоко над бортами, смотрел внутрь беспалубного корпуса, будто решившись разбить его своим низвергающимся потоком. И тогда нос задирался, лез вверх по склону, заглядывал за гребень, будто живое существо, и начинал спуск, в то время как корма еще только поднималась. Шеф, через какое-то время вернувший себе присутствие духа, обнаружил, что Карли сидит и с ужасом смотрит на нижние доски обшивки, доски

ниже уровня воды. Они ходили ходуном, то прижимаясь к ребрам корабельного каркаса, то отодвигаясь от них, привязанные только кручеными сухожилиями. Нередко шель была достаточно велика, чтобы человек мог засунуть в нее руку, ногу или даже голову. В такие моменты казалось, что доски борта держатся на одном честном слове. Какое-то время Карли и Шеф сидели над этими досками, нутром чувствуя, что стоит им хоть на минуту потерять бдительность, как чары сразу спадут и море ворвется внутрь.

Сама мысль о том, что корабль может обо что-то удариться, была невыносима. Шеф как-то спросил Хагбарта, случается ли викингам перевозить лошадей или скот, и если да, то что они делают, чтобы животные в панике не начали метаться и биться. Хагбарт рассмеялся.

— Сколько раз на моем «Аурвендилле» перевозили лошадей, — сказал он, — и даже самым злым жеребцам стоило лишь хорошенько оглядеться по сторонам, чтобы всю дорогу стоять очень-очень смирно.

И Шеф хорошо их понимал.

Все-таки, несмотря на лед, приходилось торопиться, и в дневное время идти под полным парусом, со скоростью, лишь ненамного меньшей лошадиного галопа или стремительного бега, на какой способен юноша, когда ему нужно налегке промчаться какие-нибудь четверть мили. Но ладья летела по волнам часами. В первый день Шеф прикинул, что за двенадцать часов светлого времени они прошли свыше ста пятидесяти миль, хотя они постоянно лавировали против ветра и в результате шли медленней, чем по прямой. За два дня и две ночи они сделали, наверное, четыреста миль — четыре сотни миль, отделяющие весенние ручейки на равнинах Дании от вечного холода в горах Норвегии.

На протяжении всего пути Хагбарт объяснял спешку грозящими то с одной, то с другой стороны опасностями. Конвой короля Хрорика сопровождал их ночью вдоль берегов южной Ютландии и в проливе Бельт, отделяющем материковую Данию от священного Фюна — острова самого Одина. Здесь не очень опасно, сказал Хагбарт. У Хрорика договор с Гамли, королем Фюна. Но им пришлось резко отвернуть в море, когда с рассветом корабли Хрорика ушли назад. Король Арнодд из Аальборга, пояснил Хагбарт. Не враждебный, он, как и все, заботится о себе. Но и в заботы входит ограбление судов. Всех мореплавателей, кто не имеет его раз-

решения, не родственник ни ему, ни его ярлам, или просто слишком слаб и беззащитен. Однако сейчас он напуган — под угрозой его репутация.

— Кто угрожает ему? — спросил Шеф, а сам уже размышлял, спасет ли его приобретенная за несколько недель привычка от морской болезни на извивающемся «Аурвендилле». Хагбарт переждал приступ тошноты у Карли, осторожно сплюнул и ткнул большим пальцем вправо, на далекие очертания Фюна и Сьяелланда за ним.

— Настоящие ублюдки, — коротко сказал он. — Твои друзья, Рагнарссоны. Там их цитадель, Брётраборг, и даже сам византийский император предпочел бы не встречаться с ними в открытом море. Не беспокойся, — добавил он, — насколько я знаю, Змеинный Глаз со всем флотом ушел искать тебя на юге и до сих пор не вернулся. А если вернулся, то как раз сейчас появится вон из-за того мыса. Или они могли выстроиться там, впереди, в прямую линию от берега до берега.

Даже после того как они благополучно миновали все опасности пролива Скагеррак и шли под боковым ветром в десяти милях от протяженного побережья Южной Швеции, рассказы Хагбарта сводились к длинному перечню ловцов удачи: король восточного Гатса Тейт, король западного Гатса Вифил, вольные пираты с островов Ведер, флотилия отчаянных ребят из Малоземелья, согласно слухам пытающих счастья где-то на подступах к Норвегии, король Фармстедса Хьялси и постоянная угроза — по крайней мере, так утверждал Хагбарт, хотя Шеф подозревал, что тот нарочно их запугивает, — угроза, что безжалостные короли западных фьордов не пойдут, как обычно, грабить Ирландию и острова северной Атлантики, а решат потрясти шведов, которых они ненавидят.

— А что, — спросил однажды Карли, побледневший от морской болезни и переживаний, — в вашей стране любой может объявить себя королем?

— Ну, не совсем уж любой, — абсолютно всерьез отвечал ему Хагбарт. — Хорошо, если он сможет объявить себя бого-рожденным и многие это подтвердят. Скажем, для начала мы, жрецы Пути. Есть, правда, такие, кто слишком горд, чтобы врать о своем происхождении, например, ярлы Хлатира — если они от кого-то и происходят, то, наверно, от троллей. Но, как правило, если ты можешь собрать флот, скажем кораблей шестьдесят, и захватить клочок земли, хотя бы в

несколько квадратных миль вроде Бретраборга — Рагнарссоны отобрали его у старого короля Кольфинна со Съелланда и отказались вернуть, — тогда можешь объявить себя королем. Морским королем, так обычно говорят.

— А нельзя стать королем на земле? Королем Крестьянской Усадьбы, или Смолланда, или Средней Кучи, или Дальнего Хлева? — спросил Шеф, которого нескончаемые опасности привели в желчное настроение.

— Надо, чтобы тебя признал тинг, — сухо ответил Хагбарт. — Самый простой способ — выйти на площадь и сказать, что ты король и будешь собирать со всех налоги. Если уйдешь оттуда живым, то ты почти наверняка король. Богорожденный или нет — дело десятое.

Напряжение спало только на рассвете того дня, когда Хагбарт, внимательно обозрев горизонт в первых лучах солнца, объявил, что они вошли в воды королей Норвегии — Олафа и Хальвдана.

— Королей Норвегии? — переспросил Шеф.

— Короли Западного и Восточного Фолда, — ответил Хагбарт. — Каждый сам по себе, но правят вместе. И не смотри так, как насчет тебя с Альфредом. Вы ведь даже не братья. Сводные братья, если уж на то пошло.

Дальнейший спор не состоялся из-за появления со всех сторон многочисленных судов, каждое раза в полтора больше «Аурвендилла», с развевающимися длинными вымпелами. Шеф уже достаточно поднаторел в морском деле, чтобы признать в них корабли, предназначенные только для береговой охраны, не приспособленные для дальних переходов и штормовой погоды из-за составного киля, но способные вместить в коротком рейсе по сотне воинов — благодаря отсутствию на них запаса продуктов и воды. Поскольку ледовые поля сужали проход, корабли сближались и под конец выстроились в колонну, каждый шел в кильватерной струе предыдущего, весла их размеренно погружались в темную воду.

* * *

Впереди Шеф увидел то, что можно было бы назвать крупным поместьем, множество бревенчатых хижин, и от каждой поднимается столб дыма. В центре возвышалось боль-

шое здание, конек и фронтоны которого были украшены рогами. Вдали, вне поселка, у подножия гор, своим зорким глазом Шеф мог разглядеть несколько больших, наполовину скрытых елями строений, некоторые из них весьма странной формы. Там, где поселок спускался к воде, у пристаней лежали десятки лодок самых разных размеров. А у самой большой и длинной пристани стояли люди, по-видимому для приветствия. Или отряд тюремщиков. Шеф с тоской взглянул на островки, густо усыпавшие левую часть залива. До кромки льда не оставалось уже и пятидесяти ярдов. Дальше несколько сотен ярдов до земли, и над каждым островком шлейф дыма говорит, что он обжит и обитаем.

И каждый находится под властью соправителей, к какому бы Фолду ни принадлежал. Это еще если сердце не останется в холодной воде. Если не превратишься в ледяную глыбу, когда вылезешь.

Шеф с запозданием сообразил, что вряд ли похож на царственную особу. В этот рейс он отправился в своих неизменных штанах, рубашке и сапогах, которые не снимал с тех пор, как две недели назад выбрался на берег в Дитмарше: заношенных, пропитавшихся солью и кровью — его кровью и кровью убитого им на отмели викинга, покрытых двухнедельной коркой смолы, пота и пролитой похлебки. Одежда ненамного хуже той, что он носил на норфолкских болотах в детстве, но викинги, как он заметил, были чище, чем англичане или, по крайней мере, чем английские керлы. За едой рядом с ним сидел только Карли. Когда они заплыли далеко на север и ветер сделался пронизывающим, Хагбарт выдал им толстые одеяла, которые они обвязывали вокруг пояса.

На пристани Шеф различал, в противовес собственному убожеству, алые плащи, начищенное оружие, солнечные зайчики от полированных щитов, а у края воды — сияющую белизну одежд жрецов Пути, соперничающую с белизной снегов позади них. Шеф безуспешно пригладил волосы, выудил вошь и повернулся за советом к Хагбарту. Но тут же обернулся назад, от радости не веря глазам.

На берегу одна фигура возвышалась даже над самыми высокими из встречающихся. Наверняка — да, это не кто иной, как Бранд! Пробежавшись взглядом вдоль пристани, Шеф заметил группку людей, которые были настолько же ниже

остальных, насколько Бранд выше. И один из них был отмечен алым всполохом — это шелковая туника бывшего раба Квикки, берегаемая для особых случаев. Теперь, зная, что искать, Шеф отмечал своих людей одного за другим. Бранд впереди, за ним Гутмунд Жадный, позади них сгруппировались Квикка, капитан алебардщиков Озмод и их люди. Шеф снова взглянул на белые ризы и мантии жрецов Пути, стоявших на самом краю пристани. Да, Торвин был среди них, и Скальдфинн тоже, и Ханд — хотя и затерявшиеся среди массы жрецов, из которых один ростом чуть ли не равнялся Бранду. И виднелась еще кучка людей, обособленная как от жрецов, так и от Бранда и его друзей. Порыв ветра с гор всколыхнул знамена, и Шеф на мгновение увидел Молот Пути, белый на черном, а над группой, которую он не мог определить, реял голубой вымпел со странным изображением на нем. Шеф недоуменно взглянул на Хагбарта.

— Это Свирепый Зверь, — сказал Хагбарт, понизив голос, так как до пирса оставалось всего пятьдесят ярдов.

— Короля Хальвдана? Или короля Олафа?

— Ни того ни другого, — мрачно отвечал Хагбарт. — Королевы Рагнхильды.

Гребцы взметнули весла и разом побросали их на дно корабля. С носа и кормы отдали швартовы, которые закрепили на палах — врытых в землю бревнах. «Аурвендилл» мягко коснулся пристани. С борта спустили сходни.

Шеф колебался, помня о том, как выглядит. У наблюдающего за ним незнакомого высокого жреца на лице отражилось презрение и недоверие. Шеф вспомнил, когда в последний раз лицом к лицу встречался с противником на сходнях: когда убил Ивара, ратоборца Севера. Этой победы у Шефа не отнять. Скинув одеяло и подхватив копье «Гунгнир» из услужливых рук Карли, он вступил на сходни и двинулся вниз, рассчитывая, что жрец вынужден будет уступить дорогу.

Но при его приближении рука толщиной с мачту легонько отодвинула жреца в сторону, и навстречу Шефу подался Бранд, протягивающий необъятный меховой плащ из шкуры белого медведя и золотую цепь. Он тут же накинул плащ на Шефа, застегнул аграф. Затем припал на одно колено, отчего не сделался, впрочем, много ниже Шефа.

— Славься, король Восточной и Средней Англии, — про-

возгласил он. По этому сигналу стоявшие позади Квикка с помощниками и команды «Моржа» и «Чайки» разразились приветственными выкриками и клацаньем оружия.

Бранд, который в жизни не преклонял колен, подмигнул и незаметно кивнул головой в сторону встречающих. Шеф уловил намек и обернулся к Хагбарту, спустившемуся следом по сходням.

— Теперь можете представить своих, — величественно произнес он.

— Ну, это... а! Король Шеф, разреши представить тебе Вальгрима Мудрого, главу святилища Пути и жреца бога Одина. Вальгрим, это...

Вальгрим не слушал. Хмуро глянув на Бранда, он протянул руку, ухватился за копье в руках Шефа и повернул так, чтобы прочесть руны. Через мгновение он отпустил копье, повернулся и молча ушел.

— Ему это не понравилось, — пробурчал Бранд. — Что там написано?

— «Гунгнир». Но копье все равно не мое. Я взял его у Сигурда Рагнарссона.

Большинство жрецов Пути последовали за своим главой, остались только Торвин и Ханд. На смену жрецам подошла другая группа, под голубым с серебром знаменем. Шеф уставился на рисунок: странная картинка, рычащий зверь как будто душит себя одной лапой и когтит лапу другой. Шеф опустил взгляд, и оказалось, что он стоит лицом к лицу с самой сногшибательной женщиной, какую когда-либо встречал.

Если бы кто-то описал ее, Шеф не счел бы ее красивой. С детских лет представление о красоте связывалось у него с Годивой: высокая, тоненькая, с темными волосами, серыми глазами и с идеальными пропорциями, которые она унаследовала от своей ирландской матери-рабыни. А эта женщина была тигрицей против грациозной пантеры: ростом с Шефа, с широкими скулами и широко посаженными огромными зелеными глазами. Ее груди распирали темно-зеленое платье, и крепкие бедра рельефно выделялись при ходьбе. Две длинные косы, придавленные низко надвинутым на лоб тяжелым золотым обручем, обрамляли ее лицо и свисали на плечи. Но она

была не молода, с запозданием заметил Шеф, раза в два старше, чем он и Годива. Рядом с ней шел мальчик лет десяти.

Смутившись и не желая встречаться с ней взглядом, Шеф склонился к мальчику на одно колено.

— А ты кто?

— Я Харальд, сын короля Хальвдана и королевы Рагнхильды. Что случилось с твоим глазом?

— В него ткнули раскаленной иглой.

— Больно было?

— Прежде чем все кончилось, я лишился чувств.

Мальчик посмотрел презрительно.

— Это не было *drengiligr*. Воины не лишаются чувств. Ты убил того, кто это сделал?

— Я убил того, кто был в этом виноват. Тот, кто это сделал, стоит здесь, как и тот, кто держал меня. Это друзья.

Мальчик пришел в замешательство.

— Как они могут быть твоими друзьями, если они ослепили тебя?

— Иногда от друзей принимаешь то, что не потерпел бы от врагов.

Шеф запоздало понял, что бедро матери мальчика находится в каких-то дюймах от его пустой глазницы. Он поднялся, ощутив при этом жар, идущий от женского тела. Здесь, на пристани, в окружении десятков людей, он ощутил, что его мужское естество напрягается так сильно, как не могли его разбудить все старания девушки в Дитмарше. В следующий миг он ощутил позыв опрокинуть ее на деревянный настил — если только хватит сил, в чем он сомневался.

Королева испытующе смотрела на него, угадывая, по-видимому, что он чувствует.

— Итак, вы придете, когда я позову, — молвила она и удалилась.

— А кто бы не пришел? — пробубнил Бранд у Шефа над ухом.

Не слушая его воркотни, Шеф глядел вслед зеленому платью, резко выделяющемуся на белом снегу. Тут до его ушей донесся перезвон, который он узнавал сразу: динь-динь молота кузнеца и бом-бом кувалды молотобойца в работающей кузне. И другие звуки, неразгаданные.

— У нас много чего найдется показать тебе, — сказал Торвин, пробившись наконец к своему бывшему подопечному.

— Точно, — сказал Бранд. — Но сначала в баню. Я вижу в его волосах вшей, и мне противно, даже если королеве Рагнхильде они нравятся.

* * *

— Он сошел на берег, одноглазый и с копьем в руке, на котором написано «Гунгнир», — рявкнул Вальгрим. — Что еще он мог бы сделать, чтобы выдать себя за Одина? Ехать на восьминогом коне? Он богохульник!

— У многих людей один глаз, — отвечал Торвин. — А что до рунической надписи «Гунгнир», так не он ее вырезал. Единственная причина, почему у Шефа это копьё — его метнул в него Сигурд Змеиный Глаз. Если кто и богохульник, так это Сигурд.

— Ты нам рассказывал, что, когда он две зимы тому назад возник перед тобой из ниоткуда, он заявил, что пришел с Севера.

— Да, но он только имел в виду, что пришел с севера своей страны.

— И все же ты представил дело так, словно этот случай доказывает — он Тот, Кого мы ждем. Будто бы он — Тот, Кто придет с Севера, чтобы ниспровергнуть христиан и вернуть мир на пути истинные. Если нынешнее подражание Одину — случайность, тогда и то, что он тебе сказал, — тоже случайность. Но если сказанное им было знаком богов, тогда и сейчас нам был знак. Он ведет себя как Один. Но я, жрец Одина в этом святилище, утверждаю, что к такому, как он, не может благоволить Один. Разве он не отказался от жертвоприношения Одину, когда армия христиан была в его власти?

Торвин молчал, не зная, что противопоставить логике Вальгрима.

— Я могу утверждать, что он один из тех, кому являлись видения, — вмешался Хагбарт. — И не только во время сна.

Присутствующие жрецы, все двадцать, взглянули на него с интересом. На этот раз они не сидели кругом и не устраивали ритуальное ограждение из ягод рябины вокруг копья и очага: пока их разговоры велись просто так, не под оком их

богов. Однако говорить о признаках святости не запрещалось.

— Откуда ты знаешь? — фыркнул Вальгрим.

— Я видел его в Гедебю. Он сидел на холме рядом с городом, на могильном холме, где похоронен старый король. Мне сказали, что он сам пришел туда.

— Ничего не значит, — сказал Вальгрим. Он насмешливо процитировал строки одной известной саги:

Сидит ублюдок на кургане,
Пока князья добычу делают.

— Ублюдок он или нет, — продолжал Хагбарт, — но я свидетельствую, что его глаз был широко открыт, он ничего не замечал и не откликался. Когда приступ кончился, я спросил его, что он видел, а он ответил, что видел мир таким, каков он есть.

— Как он выглядел, когда у него было видение? — спросил жрец со знаком бога охоты Улля на шее.

— Как он, — Хагбарт показал на самого уважаемого жреца, Виглика Провидца, который безмолвно сидел у края стола.

Виглик медленно зашевелился.

— Мы должны помнить еще об одном, — сказал он. — О свидетельстве Фармана, жреца Фрейра, нашего брата, пребывающего в Англии. Он говорит — а он человек очень проницательный, — что две зимы назад он был в лагере Рагнарссонов в поисках нового знания, пытаясь понять, может ли среди отродья Локи оказаться Тот, Кого мы ждем. Он видел ученика Торвина, которого ныне зовут королем Шефом, — в отличие от большинства норманнов Виглик способен был произнести начальное «ш» в имени Шефа, — но ничего не знал о нем, считая его просто беглым английским трэлем. Однако на следующий день после великой битвы с королем Ятмундом его тоже посетило видение, при дневном свете. Видение кузницы богов. Там он увидел ученика Торвина в обличье и роли Вёлунда, хромого кузнеца. И видел, что Один говорил с ним. Впрочем, Фарман сказал мне, что Один не взял того под свою защиту. Поэтому Вальгрим, как жрец Одина, может быть прав, что боится этого человека. Могут существовать другие замыслы, не только замыслы Одина.

Грудь Вальгрима распирало бешенство, из-за дерзости в адрес Одина и от одного только предположения, что он мо-

жет кого-то бояться. Он не осмеливался возражать Виглику. Среди жрецов, которые собрались в святилище со всей Норвегии и из других скандинавских стран, было больше таких, кто слышал о Виглике Провидце, а не о Вальгриме Мудром — мудром в смысле искушенности в делах королей и в премудростях правления. Одной из этих премудростей было — хранить молчание, пока не настанет время.

— Возможно, мы получим указания, — примирительно произнес он.

— От кого? — спросил жрец из Ранрике, что далеко на севере.

— От нашего священного круга, когда придет время собрать его.

— А еще, — сказал Виглик, — если повезет, то и от короля Олафа. Он самый мудрый из земных королей, хотя и не самый удачливый. Я предлагаю пригласить его, пусть сидит рядом с кругом. Он — не Тот, хотя когда-то мы думали, что он может быть Им. И все-таки, если кто и сумеет распознать подлинного короля, так это Олаф.

— Я-то думал, что Олаф, Эльф Гейрстата, уже умер, — шепнул жрец из Ранрике своему земляку.

* * *

Вымытый с головы до ног в огромном ушате горячей воды, с волосами, коротко остриженными и многократно промытыми щелоком, Шеф осторожно прошел по насту за ограду. Его одежда была выкинута, ее сменили сорочка из конопли, плотные подштанники из шерсти, толстая шерстяная рубаша и штаны. Плащ из шкуры белого медведя отобрал Бранд, угрожая, что, найдя в нем вошь, тут же отправит Шефа за другим медведем, но взамен дал плащ из парусины. На бицепсах Шефа снова сияли его золотые браслеты, хотя он отказался водрузить на стриженую голову королевский венец. По снегу он шлепал позаимствованными у Гудмунда толстыми зимними сапогами с тряпичными обмотками внутри. Несмотря на мороз и снег, Шеф впервые за много дней согрелся.

Крошка Удд, железных дел мастер, семенил рядом с Шефом. Когда после короткого совещания с Брандом Шеф приветствовал Квикку и остальных своих верных ребят, пе-

редал им с рук на руки недоверчиво нахмурившегося Карли, наказав относиться к нему как к новому, но полезному члену команды, он заметил, что в сторонке стоит Удд и, как всегда, держит язык за зубами. Удда замечали только тогда, когда он имел что-нибудь сообщить или показать. Обычно это было как-то связано с металлом. Вспомнив услышанный на пристани шум кузни, Шеф похлопал Удда по плечу, напоследок наказал Карли хорошо себя вести и вышел на улицу вслед за Уддом. Квикка и другие бывшие английские рабы, занесенные судьбой в эту неизведанную северную страну, тут же захлопнули дверь, заткнули все щели и, сгрудившись вокруг очага, вернулись к своему обычному занятию — впитывать как можно больше живительного тепла.

Удд направился не к тому месту, откуда неслись привычные звуки кузницы, а к маленькой лачуге в стороне от других строений. Пока они шли, позади них на дороге вдруг возникла фигура, несущаяся со скоростью, человеку недоступной. Шеф отскочил в сторону и, схватившись за меч, увидел только, как фигура стремительно пронеслась вниз по склону.

— Что это было? — выдохнул он. — На коньках? Вниз с холма по снегу?

— Они называют это лыжи, — ответил Удд. — Или снегоступы. Деревянные дощечки, привязываются к ногам. Они все тут на них катаются. Станный народ. Но посмотри сюда, — он распахнул дверь и провел Шефа в пустой сарай.

Шеф первое время ничего не мог разобрать в темноте. Потом Удд распахнул ставни, и проступило лежащее посередине огромное каменное колесо. Когда взгляд привык к полумраку, Шеф понял, что это два колеса, одно на другом. Какая-то машина.

— Для чего это? — спросил он.

Удд приподнял люк, показал на канаву под сараем.

— Когда снег тает, здесь течет ручей. Видишь там колесо с лопатками? Вода течет, вращает то колесо. От него крутятся эти жернова наверху. В них вырезаны каналы. Сыпешь зерно, оно мелется.

Шеф кивнул, вспомнив, как старуха монотонно толкла зерно в дитмаршской хижине, нескончаемая работа, которую воины ненавидят.

— Работает гораздо быстрее, чем женщины со своими ступками и пестиками, — добавил Удд. — Про них теперь и

забыли. Говорят, эта штука мелет столько же зерна, сколько сорок женщин. Народ из города приходит и платит жрецам за помол.

Шеф снова кивнул, соображая, как бы монахи святого Иоанна или святого Петра обрадовались такой прибавке к своим доходам. Он оценил возможности этой машины. Но не мог понять, в чем интерес Удда — ведь известно было, что тот не интересуется ничем, кроме металлов. Ладно, лучше его не торопить.

Удд в молчании повел своего короля вниз по склону к следующему сараю.

— Это вроде как вторая ступенька, — сказал он, глянув на амулет-лесенку Шефа. — И мы на нее поднялись. Пони-маешь, местным жрецам еще с прошлого года хотелось узнать побольше о наших катапультах. Квикка с ребятами сделали им парочку, просто чтобы показать, как они устроены. Но местные уже знали об этих колесиках, шестеренках. И жрецу, который работал на мельнице, пришла в голову идея сделать большое зубчатое колесо не для катапульты, а для другой мельницы.

Они подошли ко второму строению. У стены его располагалось еще одно деревянное колесо с лопатками, в точности такое же, как и первое, — но установленное в забитом снегом овражке вертикально, а не горизонтально. Очевидно, вода будет вращать его даже лучше, с большей силой. Но какой смысл в том, чтобы вал вращал два вертикальных жернова? Зерно сразу же просыплется и не перемелется. Ведь оно мелется благодаря весу жернова.

Молчаливый Удд провел Шефа внутрь и показал на шестерни. На конце вала водяного колеса была вертикально прикреплена огромная железная шестерня. Ее зубцы сцеплялись с соответствующими зубцами горизонтальной шестерни, насаженной на крепкий дубовый вал. Под ней, на том же самом валу, виднелись два знакомых каменных жернова. Расположенная над ними воронка подсказывала, куда нужно засыпать зерно из мешков.

— Да, государь, это неплохая работа. Но должен сказать, что с этим можно сделать еще кое-что, до чего они не додумались. Смотри, государь, — Удд понизил голос, хотя их никто не мог услышать, за фарлонг от них никого не было. — В чем у нас загвоздка с железом? Как его получить, правильно?

— Выковать, — сказал Шеф.

— Сколько дней уйдет у кузнеца, чтобы получить пятьдесят фунтов железа из руды, которой у него, скажем, в пять раз больше?

Шеф присвистнул, вспоминая долгие часы, проведенные в кузнице, когда он выбивал шлак из железа для своего первого меча.

— Десять, — предположил он. — Смотря по силе кузнеца.

— Поэтому кузнецы и должны быть сильными, — согласился Удд, оглядывая свое тщедушное тельце. — Мне бы ни почем не сделаться кузнецом. Но вот я и подумал, если мельница работает за сорок рабынь, женщин, так не сможет ли она работать за, скажем, двадцать кузнецов?

Шеф уже ощущал в мозгах знакомый зуд. Здесь потрудились много умов, как это было при создании катапульты и взводимого воротом арбалета. Несколько жрецов Пути подумали о водяных мельницах. Несколько лобастых римлян оставили после себя шестерни. Шеф и его помощники заново построили катапульту. Услышав об этих вещах по отдельности, какой-то жрец Пути додумался, как все соединить и использовать силу потока для других дел. Теперь Удд приспособлял эту выдумку для своих собственных нужд. Словно люди тоже были шестеренками, соприкасающимися друг с другом, один разум приводил в движение другой.

— Как можно каменным колесом молотить железо? — недоверчиво спросил он.

— Верно, господин, но мне пришло в голову вот что, — Удд заговорил еще тише. — Все всегда думают, что колесо вращает другое колесо. Но я подумал, а что, если нет? Если оно будет вращать штуку другой формы? И много, много большую. Смотри, вот здесь ось. Она поворачивает такую штуку. Штука поворачивается и в то же время поднимает вес, такой же тяжелый, как жернов. Только не жернов, а молот. Но когда дойдет до этого места — он перестает подниматься. Вместо этого молот падает. Действительно тяжелый молот, какой не поднять и шестерым кузнецам, будь они даже так сильны, как Бранд! Сколько тогда времени займет выковать пятьдесят фунтов железа? А как насчет пятисот фунтов?

Бледное лицо маленького человечка светилось от возбуждения, от изобретательского вдохновения. Шеф разделял

его чувства, у него у самого руки чесались от желания попробовать.

— Послушай, Удд, — сказал он, стараясь не увлекаться, — я не понял, что это за штука должна подниматься и падать?

Удд энергично закивал:

— Именно об этом я и думаю каждую ночь на своей койке. Я прикинул, что нам нужно что-нибудь в этом роде...

На дощатом полу хижины, покрытом тонким слоем снега, наметенного от перекошенной двери, Удд начал рисовать поперечный разрез нового механизма. Через несколько секунд Шеф схватил еще одну соломинку и тоже принялся чертить.

— Если он поворачивается так, — приговаривал он, — тогда тебе нужно сделать желобок на рукояти молота, чтобы он не соскочил. Но почему это обязательно должно иметь форму молота?

Часом позже кузнец-жрец Торвин, возвращаясь со своего тайного совещания, увидел высокого короля и коротышку-вольноотпущенника, идущих заснеженной тропой и бешено размахивающих руками, рисуя в воздухе воображаемые машины. Одно мгновение он разделял сомнения Вальгрима. Фарман и Виглик могли видеть в своих видениях Единого Короля. Но ни в одном видении и ни в одном пророчестве, он был в этом убежден, никогда не упоминался тщедушный, родившийся трэлем в чужой стране помощник.

Глава 10

В год от Рождества Господа нашего 867-й люди в скандинавских странах жили примерно одинаковые, но вот земля в этих странах была очень разная. Несмотря на столетия распрей, соперничества и войн, датчане, шведы и норвежцы гораздо больше были похожи друг на друга, чем на кого-либо еще. Однако плодородные пастбища датских островов и полуострова Ютландия разительно отличались от длинной береговой линии шведов на закрытой, не знающей приливов Балтике, и от иссеченной фьордами Норвегии с ее огромным, почти непроходимым горным хребтом Киль.

Уже тогда норвежцы шутили, что только у датчан высшей

точкой страны может быть холм, не достигающий и двух тысяч футов, который называется при этом *Himinbjörg*, Небесная Гора. А датчане говорили — если собрать вместе десять норвежцев, из них одиннадцать объявят себя королями и поведут друг на друга пятнадцать армий. Шутки были основаны на правде, географической и исторической. В Норвегии расстояния не были непреодолимы, вдоль побережья с его тысячами островов были проложены дороги, а в долгие зимы лыжники могли бегать по снегу быстрее лошади, скачущей галопом. И все же бывало легче два дня идти в обход по морю, чем лезть через отвесные скалы высотой до десяти тысяч футов. В Норвегии все-таки было проще размежеваться, чем объединиться. Тем более что на каждом из тысяч фьордов имелась корабельная верфь, и нетрудно было набрать в свой флот младших сыновей, которые ссорились из-за каждого акра отцовских наделов.

В этой стране маленьких королевств и недолгих союзов сорок лет назад жил-был король по имени Гутрот. Он царствовал в Западном Фолде, в земле, расположенной к западу от огромного фьорда, который ведет к городу Осло и отделяет основную часть норвежских земель от Швеции. Правил он не лучше, а то и хуже, чем его соседи и соперники — короли в Восточном Фолде, в Ранрике, Раумрике, Хедемарке, Хеделанде, Тотене, Акершусе и так далее. Его подданные, числом в несколько десятков тысяч, что составило бы население доброго английского графства, прозвали его Охотник, из-за его любимого занятия — умыкать женщин, увлечения трудного и опасного даже для короля в стране, где любой захудалый мужичонка мог похвастаться собственным копьем, топором и участием в полудюжине морских походов викингов.

Но Гутрот не унимался. И вот наконец его первая жена Турит, дочь короля Рогаландского, умерла, измучившись из-за измен мужа и связанных с ними неприятностей и убытков. Гутрот сразу же вознамерился жениться второй раз. Он положил глаз на дочь короля в маленьком соседнем королевстве Агдир, состоявшем из единственного городка и кучки деревень. Это была Аза, дочь Хунтьофа Сильного, девушка красоты несравненной. Гутрот надеялся, что ее красота сможет вернуть его в дни давно утраченной юности. Но Хунтьоф Сильный отказал Гутроту, добавив, что его дочь обойдется без того, чтобы обнюхивать постели других женщин в поис-

ках своего мужа. Уязвленный отказом и оскорблением, Гутрот совершил единственный за свою жизнь подвиг, достойный упоминания среди повседневных развлечений короля воинственного народа: он собрал своих людей и на лыжах совершил набег на соседний Агдир темной зимней ночью после праздника Юле, когда противник все еще спал под воздействием праздничного эля. Он убил Хунтьофа Сильного в честной схватке в дверях спальни, хотя нельзя отрицать, что Гутрот был полностью подготовлен, а Хунтьоф наполовину пьян и совершенно не одет. Затем схватил Азу, привязал к саням и так и увез к себе в Западный Фолд. Там жрецы справили свадебный обряд, и Аза волей-неволей попала в спальню.

Ее красота оправдала надежды Гутрота, и спустя девять месяцев родился их сын Хальвдан, позже прозванный Черным за цвет волос и за приступы гнева. Гутрот постепенно собрался с духом и перестал на ночь привязывать руки Азы к постели, зная, что женщина с ребенком, которого нужно пестовать, более чувствительна и меньше мечтает о мести. Но все-таки следил, чтобы нож, которым она чистит яблоко, не имел острия и способен был разрезать только мягкий сыр.

Однако он забыл, что женщина может распоряжаться мужчинами так же легко, как сама собою. Как-то темным вечером в праздник Юле, ровно через год после смерти отца Азы, Гутрот осушил огромный рог зубра, который держал на своем столе без подставки, чтобы пить пиво в один присест, и вскоре вывалился, шатаясь за дверь, чтобы помочиться на снег. И пока его рука шарилась в штанах, пока он не успел еще облегчиться, из-за угла королевского дома выскочил молодой парень и, проткнув живот короля копьем с широким лезвием, тут же скрылся на лыжах. Гутрот успел еще рассказать о прощальном напутствии убийцы: «Кто убивает пьяных, должен всегда оставаться трезвым», и умер, все еще пытаясь опорожнить мочевого пузыря.

У Гутрота от его первой жены Турит остался законный наследник, крепкий восемнадцатилетний парень по имени Олаф. Люди думали, что он захочет умиловить дух своего отца, похоронив вместе с ним королеву Азу, и расчистит себе место, бросив своего единокровного брата Хальвдана в лесу на съедение волкам. Но он этого не сделал. А на все недомысленные вопросы — которые, между прочим, свидетельство-

вали, что его не боятся так, как должны бояться короля, раз осмеливаются спрашивать, — он отвечал, что ему приснился вещий сон. В нем он видел огромное дерево, растущее из чрева его мачехи, дерево с кроваво-красными корнями, белым стволом и зелеными листьями, осенявшими всю Норвегию и даже весь мир. Поэтому он понял, что сына Азы ждет великое предназначение, и не следует гневить богов и навлекать на себя несчастье, пытаюсь воспрепятствовать судьбе.

И Олаф пощадил свою мачеху и взял под защиту своего сводного брата, но с этого времени сам почти ни в чем удачи не знал, а люди говорили, что он отвернулся от собственной удачи. В последующие годы его затмил своими победами Хальвдан, сын Азы, который отхватил себе королевство около фьорда в Восточном Фолде. А единственный сын Олафа, Рогнвальд, которого прозвали Великодушным за его отвагу и покровительство поэтам, умер, когда полученная в случайной стычке пустяковая царапина воспалилась и оказалась не по силам даже врачевателям Пути.

Хальвдан же, наоборот, не только отвоевал новое королевство в Восточном Фолде, которым честно поделился со своим прежним опекуном, а также королевство своего деда — Агдир, но еще и нашел себе жену, которую даже высокомерная королева Аза не могла презирать, как презирала всех остальных женщин. Это была Рагнхильда, дочь короля Сигурда Рингерикского Оленя. Как и Аза, она тоже лишилась отца, но не из-за Хальвдана. В горах они наткнулись на засаду одного горного вождя, дикаря и берсерка по имени Хаки. Несмотря на все свое берсеркство, Хаки убил Сигурда не раньше, чем получил три раны и потерял левую руку, из-за чего и вынужден был проваляться всю зиму, не в состоянии попользоваться захваченной девственницей. Как раз в то время, когда Хаки пора было бы уже достаточно оправиться для этого дела, Хальвдан нанес первый удар в духе своего отца. Он взял с собой в горы пятьдесят отборных молодцов и ночью поджег дом Хаки. Рагнхильда выскочила навстречу своим спасителям, они ее подхватили и помчались по заснеженному озеру. Когда погоня добралась до озера и обнаружила, что саней с упряжкой северных оленей и след простыл, Хаки понял, что никогда их не догонит и никогда не сможет пережить позора, потеряв и руку и невесту. Он сам бросился на меч, чтобы в Вальгалле воскреснуть целым и не-

вредимым. Так Хальвдан получил самую обворожительную невесту Севера и единственную, что могла бы нравом сравняться с будущей свекровью, и сделал это в самый последний момент, когда она еще была, несмотря на свое двусмысленное положение, девственницей — по крайней мере, в это он всегда свято верил. Вскоре она тоже родила сына, Харальда, которого в противоположность отцу прозвали Светловолосым.

Таков был ряд правителей Западного Фолда в те времена, когда жрецы Пути осели здесь и сделали торговый город Каупанг своей штаб-квартирой: сначала король Гутрот, потом король Олаф, потом король Олаф и король Хальвдан вместе, причем Харальд Светловолосый был единственным наследником их обоих. И столь же значительными, как любой из этих мужчин, были королева Аза, мать Хальвдана, и королева Рагнхильда, мать Харальда.

* * *

Сидя на скамье перед открытым окном дома в Гедебю, дьякон Эркенберт старательно записал имена обоих — короля Хальвдана (Черного) и короля Олафа (Эльфа Гейрстата, что бы это ни означало) и добавил названия их королевств: Восточный Фолд и Западный Фолд, оба — части того целого, которое называют *Northr Vegr*, Норвегия. Он не думал, что один из них и есть тот человек, которого ему нужно найти. Олаф-Эльф, наверняка нет. В заметках Эркенберта значилось, что это человек в возрасте за пятьдесят, известен неудачливостью, хотя ему и посчастливилось сохранить свое королевство. Но он также не встречался ни в одном из составленных Эркенбертом списков — основанных, впрочем, лишь на ненадежной и неполной человеческой памяти, — списков тех, кто принимал и кто не принимал участие в великом набеге на Гамбург, когда пропало Святое Копье Лонгинуса.

Другая кандидатура выглядит чуть получше. Его многие боятся и уважают, что-то вроде великого завоевателя в масштабе мелких северных стран, как говорят, он — главное в Норвегии препятствие для пытающихся расширить свои владения Рагнарссонов. Его корабли охотно вступают в бой и удерживают всех нарушителей границ на почтительном расстоянии. И все же Эркенберт не считал, что Хальвдан подхо-

дит по всем статьям. Когда Бруно поручил дьякону собрать всю доступную информацию о вождях, ярлах и королях Скандинавии, чтобы попытаться определить, к кому могло попасть Священное Копье, он распорядился учитывать три вещи. Во-первых, успех. Во-вторых, связь с разграблением Гамбурга. В-третьих, неожиданное изменение: успех, внезапно сменивший прежние неудачи, может свидетельствовать о могучем влиянии святой реликвии лучше, чем что бы то ни было. К Хальвдану это не относилось. Казалось, на свой путь к власти он стал твердой ногой с самого рождения или, по крайней мере, с ранней юности.

Против своей воли — потому что он не хотел ехать с заданием на Север, а предпочел бы остаться в Кельне или Трире, или даже в Гамбурге, или Бремене, раскрывая новые загадки довлеющего над королями рока, — Эркенберт начал увлекаться интеллектуальными трудностями проблемы, которую поставил перед ним графский сын Бруно.

— Кто-то должен знать ответ, — сказал Бруно. — Они просто не подозревают, что знают. Спрашивай всех встреченных обо всем на свете. Записывай все ответы. И посмотри, что будет вырисовываться.

Так Эркенберт и поступил. Он начал расспросы с нескольких людей, обращенных Орденом в Гелебю, — не очень ценные информаторы, по большей части женщины и рабы, которые ничего не знали о делах сильных мира сего; затем перешел к христианским священникам, которых Орден спас, а потом к стражникам короля Хрорика, которые разговаривали с ним из вежливости, и наконец щедрой рукой наливая южное вино, беседовал со шкиперами и рулевыми приходящих кораблей, многие из которых сами были знаменитыми воинами, не хуже шлюх разбирающимися в прихотях судьбы.

От дверей упала тень, и старший рыцарь Ордена Копья, сам Бруно, протиснул в проем свои немислимо широкие плечи. Он, как всегда, был щедр на улыбку.

— На кого сегодня ставим? — спросил он. — Появились новые темные лошадки на наших скачках?

Эркенберт покачал головой.

— Если, как ты говоришь, мы уже слышали ответ, значит, я не смог его понять, — сказал он. — Под твою схему лучше всех по-прежнему подходит тот человек, что убил Ивара и победил Карла. Он появился ниоткуда. Все только и говорят о его подвигах и его удачливости. Он тесно связан с

Вигой-Брандом, Брандом-Убийцей, который точно был тогда в Гамбурге.

Бруно с сожалением покачал головой.

— Я тоже так думал, — признался он. — Вплоть до того момента, когда поговорил с ним. Он очень таинственный, и думаю, он может иметь со всем этим что-то общее. Однако у него было только одно оружие, правда, копье, но не то Копье. Слишком новое, другой формы, с вырезанными языческими рунами, хотя я и не смог их прочесть. Думаю, ты вбил его имя себе в голову и никак не хочешь с ним расстаться. Может быть, это и мешает тебе узнать настоящего владельца. Расскажи мне побольше об этих языческих королях.

Эркенберт пожал плечами и в который раз взялся за кипы своих пергаментов.

— Я рассказал тебе о королях Дании и Норвегии, — начал он. — Между ними лежат Швеция и Готланд, там может найтись еще добрых два десятка человек. Начнем с севера: король Викар из Розлагена, возраст пятьдесят, избран на Роз-Тинге двадцать лет назад, считается богатым, но миролюбивым, собирает дань с финнов и никогда не был на Юге.

Бруно покачал головой.

— А как насчет короля Орма из Уппланда? Под его властью находятся великий Дуб Королевства и храм для жертвоприношений в Упсале. Он считается могущественным, но не склонным к личной храбрости, королевство захватил силой двадцать лет назад?

— Этот звучит чуть получше, но ненамного. Надо будет взять его на заметку. Знаешь, — задумался Бруно, — я задаюсь вопросом — а не может ли Сигурд Рагнарссон или один из его братьев, несмотря на все их недавние поражения, оказаться искомым человеком? В конце концов, даже у Карла Великого бывали затруднения, например, с саксами.

Эркенберт не смог подавить произвольную дрожь.

— Думаю, мы могли бы подобраться поближе к месту действия, чтобы искать наверняка... — продолжал Бруно.

* * *

В хижине, которую им отвели люди Пути в Каупанге, английские вольноотпущенники и Карли Дитмаршес сидели и рассказывали байки о Потаенном Народе. В теплой тесной

комнатке установилась вполне приятельская атмосфера. У катапультиера Хамы была рассечена губа. У Квикки один глаз совсем заплыл. Карли мог похвастать разбитым ухом и синяком, потому что Озмод, глядя, как Карли одного за другим сбивает всех с ног, огрел дитмаршца поленом по голове. Дружки уже перестали передразнивать акцент друг друга и пытались найти общий язык, толкуя о загадочном окружающем мире.

— Мы верим, что на болотах живут кикиморы, — говорил Карли.

— Мы тоже, — откликнулся Квикка, сам выросший на английских фенах. — Они живут в болотных ямах. Когда плывешь за дикими утками на плоскодонке, не вздумай попасть шестом в старое гнездо кикиморы. Такие охотники не возвращаются.

— Откуда только эти твари взялись? — спросил кто-то.

— Они ниоткуда не взялись, они здесь всегда были.

— А я слышал так, — сказал Квикка. — Вы знаете, что мы все как будто бы произошли от Адама и Евы. И вот однажды Господь Бог сошел на землю и велел Еве показать ему ее детей. Ну, она некоторых показала, а некоторые были неумытые, потому что она была ленивая, и она приказала им спрятаться. И под конец Господь Бог и говорит: «А те дети, которых ты спрятала от меня, пусть они так и остаются спрятанными». И с той поры те из детей Евы, кого она показала, это мы, люди, а те, кого не показала, это Потаенный Народ, они живут на болотах и топях.

Байка была выслушана, но не слишком понравилась. Каждый из присутствующих, кроме Карли, был раньше рабом Церкви и освободился лишь благодаря Шефу и Армии Пути. Христианское учение было им знакомо, но напоминало о рабстве.

— А здесь, по-моему, все по-другому, — раздался еще один голос. — Кикимор здесь нет, потому как нет болот. А есть тут у них такие водяные. В воде. Только и воды сейчас нет, потому как все замерзло.

— И тролли, — добавил кто-то.

— Никогда такого не слышал, — удивился Озмод. — Кто такие тролли?

— Огромные серые твари, которые живут в горах. А троллями их прозвали, потому что трах! — и на тебя катится скала.

— А вот мне один местный рассказывал, — прошамкал разбитой губой Хама. — Жил в горах один человек по имени Лафи. И однажды он пошел на охоту, а его схватили две троллихи, затащили в свое логово и стали держать у себя за место племенного жеребца. Они носили невыделанные шкуры, а ели только мясо и рыбу. Иногда мясо было конское или баранье, а иногда они ему и не объясняли, что это за мясо, но ему все равно приходилось его есть. Долго ли, коротко ли, он притворился больным, и пока молодая троллиха охотилась, другая стала его расспрашивать, чем его лечить. А он и говорит, ничего меня не вылечит, кроме гнилого мяса, которое пролежало в земле пять лет. Она говорит, ну, я знаю, где есть такое мясо, и ушла. Но она-то думала, он совсем больной и не убежит, поэтому не завалила вход в пещеру камнем. А он выбрался и давай бежать. Троллихи его унюхали и потрусили за ним, но он услышал запах дыма и бежал до самой стоянки углежогов. Углежог схватился за оружие и вышли навстречу троллихам и отогнали их. Потом они все целые и невредимые спустились с гор. Но через девять месяцев выходит Лафи из дому, а на крылечке младенец, и весь покрыт серым волосом. После этого он даже боялся ночью выйти до ветра. А что с младенцем случилось, не знаю.

— Значит, они не животные. Выходит, они могут с нами делать детей, — задумался Озвод. — Эта сказка, может, правдивая.

— Может, лучше отдать троллихам Карли? — предложил кто-то.

— Точно, а если их старый папаша-тролль будет недоволен, Карли просто набьет ему морду.

* * *

Снаружи, не обращая внимания на доносящиеся из темной хижины взрывы смеха, Бранд пытался серьезно поговорить с Шефом.

— Говорю тебе, — настаивал он, — она опасна. Смертельно опасна. Это самое опасное, с чем ты столкнулся с тех пор, как стоял на сходящих против Ивара. И даже опасней его, потому что, когда ты вышел против него, он уже чувствовал, что в конце концов проиграет. А она так не думает. Ей есть за что побороться.

— Не понимаю, чего ты беспокоишься, — сказал Шеф. — Я с ней даже не разговаривал.

— Я видел, как ты на нее смотрел. И как она на тебя смотрела. Ты должен понять, что ее интересует только одно, и это одно — ее сын Харальд. Про него были пророчества. Сначала все считали, что пророчества относятся к его отцу. Но потом стали думать, что речь шла о нем. Уж кто-кто, а Рагнхильда точно уверена, что все пророчества относятся к Харальду. Но теперь появился ты, и люди стали говорить, что, может быть, ты и есть тот самый великий король, которого все ждут, король, который будет править всей Норвегией.

— Но я бы даже не попал в Норвегию, если бы меня не выкупили у Хрорика и не привезли сюда.

— Да, но теперь-то ты здесь. И люди вроде Торвина — он не во вред тебе, но все равно должен бы соображать — люди вроде Торвина ходят и рассказывают, что ты сын богов и тот, кто пришел с Севера, и уж не знаю, что еще. У тебя бывают видения, *ты сам встречаешься в видениях*, Хагбарт что-то говорит, а Виглик добавляет. Ясно, что люди прислушиваются. Потому что есть одна штука, над которой никто не может посмеяться, как над бабкиной сказкой: ты трэль, который стал королем, этому я сам свидетель. Ты отодвинул Альфреда в сторону, а он богорожденный, происходит прямоком от Одина, даже англичане это признают. Ты прогнал короля франков. Что против этого предсказания каких-то там гадалок? Разумеется, Рагнхильда думает, что ты опасен. Вот что ее заботит.

— Что там готовится на завтра? — спросил Шеф.

— Жрецы Пути соберутся в священный круг. Будут решать насчет тебя. Тебя там не будет. И меня тоже.

— А если они решат, что Торвин ошибся? Наверняка они тогда смогут от меня отвязаться и отпустить домой. В конце концов, ведь я поддерживаю Пути, я ношу амулет, я помогал им утвердиться в бывших христианских землях. Любой жрец Пути всегда может запросто приехать в мое королевство и будет желанным гостем, и научиться новым искусствам, и даже более того, — добавил Шеф, вспоминая, о чем недавно разговаривал с Уддом.

— А если они все-таки решат, что ты тот, кого они ищут? Шеф пожал плечами.

— Если миру и суждены какие-то перемены, я бы пред-

почел начать их в Англии, а не застрять здесь, куда никто не приезжает.

Бранд нахмурился, недовольный таким отзывом о Норвегии.

— А если они решат, что ты не тот, кого они ищут, а только притворяешься им? Или еще того хуже, что ты соперник и враг того, кого они ищут? Так думает Вальгрим Мудрый, и у него есть доводы. Он уверен, что великий перелом в мире, после которого падет власть христиан, должен прийти от Одина. А ведь все согласны, что тебя послал не Один. — Он ткнул Шефа в грудь могучим перстом. — Хотя ты с головы до пят выглядишь так, как надо, с твоим одним глазом и этим проклятым копьем. Вальгрим думает, что ты — угроза для замыслов Одина. Он постарается, чтобы тебя за это приговорили.

— Итак, Вальгрим думает, что я угроза для замыслов Одина. А Рагнхильда думает, что я угроза для будущего ее сына. И все потому, что я научился делать катапульты и арбалеты, сплести веревки, ковать шестерни и пружины. Им следовало бы понять, что подлинная опасность — это Удд.

— В Удде всего пять футов роста, — проворчал Бранд. — Его никто не считает опасным, потому что его никто даже разглядеть-то не может.

— Тогда побережись стоит тебе, — ответил Шеф. Он задумчиво произнес слышанное им от Торвина:

У каждой двери оглядись,
Когда враги в чертоге каждом.

* * *

В сумерках высоко в горах сидел человек, который когда-то пожертвовал удачей своей семьи, который чувствовал, как удача уходит у него из рук. Некоторым людям доводилось увидеть *hamingja*, удачу какой-нибудь семьи, земли или королевства: обычно это была гигантская женщина, полностью вооруженная. Олаф такого не видел. Но тем не менее он ощущал, как удача уходит от него. Это из-за того, что ушла удача, умер его сын Рогнвальд Великодушный. Рогнвальда убил собственный отец.

Сейчас несчастному отцу приходится решать, не была ли его жертва напрасной. Появился этот пришелец, одногла-

зий. Олаф видел, как он сошел на берег, как его приветствовали жрецы Пути и эта опасная шляха, невестка Олафа. Даже на расстоянии Олаф ощущал, насколько вокруг одноглазого все пропахло удачей. Ее было так много, что она пересилила удачу рожденных Одином королей Уэссекса. Теперь она легко могла пересилить даже предназначение, которое Олаф предвидел для семьи своего сводного брата. Потому что будущее, как прекрасно знал Олаф, не предначертано, это вопрос возможностей. Иногда возможности не осуществляются.

Не должен ли он вмешаться? Олаф впустил Путь в Западный Фолд много лет назад, признав его власть над вещным миром благодаря сбору новых знаний и власть над миром — духовным — благодаря его провидцам и мистикам. С властью над вещным миром Олаф имел мало общего, а с духовной властью его объединяло многое. Не будь он королем, он бы мог сравняться с Вигликом по множеству видений. Не говоря уж о том, что Виглик видел то, что происходит, или то, что уже произошло. А Олаф видел то, что может произойти. Если не избавлялся от желания увидеть.

Олаф молча обдумывал, какую роль сыграть утром, когда Путь соберет священный круг, и его позовут, чтобы сидеть рядом, слушать и советовать. Если он решит покончить с одноглазым, он знал, что с ним будет большинство и он сможет возродить замысел, которому принес в жертву свою жизнь и жизнь собственного сына. Но поступив так, он принесет в жертву иную будущность. Олаф улавливал слабое покалывание мыслей, откуда-то издали пробивающихся навстречу его собственным, ищущих то, что он уже знал, пытающихся найти дорогу среди таких же путаных, как у него, предчувствий. Христианские священники так же, как и он сам, хорошо понимали, что надо искать. Однако они опоздали: он уже знал то, что они только искали, он был ближе к разгадке.

Когда солнце совсем исчезло с небосвода, он забрал из рожицы свои лыжи, прошел туда, где под деревьями сохранился снег, и начал извилистый спуск в долину. Позади него поднимался волчий вой. Когда его лыжи скользили мимо крестьянских хуторов, заметившие его смерды шептали своим женам:

— Это король-эльф. Он опять ходил на каменный круг, на Гейрстат, чтобы посоветоваться с богами.

Внутри большого здания в форме корабля жрецы Пути собрались в свой святой круг. От внешнего мира его отгораживала белая бечева со свисающими с нее низкими сакральными ягодами дикой рябины — ягод, к весне поблекших, утративших осеннюю яркость. В кругу сидело больше сорока жрецов, самый многочисленный круг, о котором они когда-либо слышали, образованный по большей части людьми из Норвегии, где Путь был особенно силен, но также — из Дании и Швеции, было даже несколько новообращенных и проповедников с островов северной Атлантики, из Ирландии и из Фризии, где Путь зародился почти два столетия назад. А один, лекарь Ханд, — из самой Англии, его под покровительством Ингульфа официально приняли в Путь за неделю до круга.

С одной стороны круга стояло серебряное копьё Одина, у другой полыхал костер Локи. По традиции, как только собрание начиналось, в этот костер уже нельзя было подкладывать дров, и собрание не могло больше продолжаться, когда костер прогорал настолько, что в пепле не найти было ни единой искорки.

Вальгрим Мудрый стоял около копьё Одина, не касаясь его, поскольку ни один человек не имел права притязать на это копьё, однако напоминая собравшимся, что среди них он был единственным жрецом, кто отважился на небезопасное служение Одину. Он служил Богу Повешенных, Предателю Воинов, а не добродушным одомашненным богам вроде Тора, крестьянской подмоги, или Фрейра, дарующего плодотворность людям и животным. В десяти шагах позади него, почти невидимое в полумраке у закрытых ставнями окон, стояло резное деревянное кресло с подлокотниками и балдахином, украшенным изображением переплетенных драконов. В тени угадывалось бледное лицо, низко надвинутый золотой венец отбрасывал красноватые отблески огня Локи: это был король Олаф, гостеприимный покровитель Пути, приглашенный для наблюдения и совета, однако без права голосовать и высказываться без специальной просьбы.

Скрип сидений и гул приглушенных разговоров постепенно затихали. Вальгрим медлил, выжидая, когда придет

его час: он знал, что у него есть противники, и хотел использовать все свои преимущества. Единственный из собравшихся, кто стоял, он обвел взглядом круг и дождался, чтобы все взоры обратились к нему.

— Наш Путь подошел к трудному выбору, — неожиданно произнес он. И снова помедлил. — У нас появился первый лжепророк.

«Это мы как раз и должны проверить», — подумал Торвин. Но позволил Вальгриму продолжать. Лучше обсуждать вопрос в открытую.

— Полторы сотни лет распространялся Путь. Поначалу медленно и только в одном месте, на Севере, где мудрость ярла Радборда дала всходы. Теперь у нас есть последователи во многих странах. Последователи среди чужих народов, говорящие на чужих языках. Даже среди тех, кто в детстве был крещен христианами. Кто же усомнится, что это и есть великое благо? Но мы должны помнить о своей цели и своем предназначении. Да, и о своих видениях тоже. Радборд предвидел, что нас, тех, кто служит истинным богам, затмят последователи бога Христа, если мы не будем поступать так же, как они: проповедовать наше учение, объяснять, что станется с нашими душами и откуда они пришли. Если не сделаем еще одну вещь, которую они не делают: нужно открыто обсуждать все, а не твердить, подобно христианским священникам, что те, кто им не подчиняется во всем, обречены на вечные муки единственно за этот грех непослушания. Такова наша первейшая цель. Сохранить самих себя, нашу паству и наше учение от людей, которые намерены все это уничтожить. Но вслед за целью появляются видения. Я сам не видел их, но среди нас есть такие, кто видел. Разные люди. — Вальгрим обвел взглядом круг, время от времени кому-то кивая, чтобы подчеркнуть для всех, что он имеет в виду совершенно определенных людей, которые не дадут ему соврать. — Разные люди видели одно и то же. Это было видение из другого мира, не нашего. Мира, в котором все страны, в том числе и наша, молятся на христианского бога. Но люди там живут хуже рабов, в такой тесноте, что не вздохнуть свободно, под властью правителей, которых никогда не видят, и их посылают на войну, как свиней на бойню. Хуже того. Наши мудрецы и прорицатели сказали, что это Скульд — мир, который будет, если мы не помешаем. И мы должны этому по-

мешать! Есть другой мир, который видели мудрые. Да, и этот мир я видел сам, — оглядывая присутствующих, Вальгрим тряс седой бородой. — Мир загадочный, мы видели только части его и не все поняли. Я видел людей, плавающих в черноте безвоздушного океана, где-то между мирами, и сначала подумал, что это худшие из грешников, изгнанные из всех миров, потому что даже Нитхогг гнушался глотать их кости. Но потом я увидел их лица и понял, что они подобны людям в каком-то великом походе; и некоторые из них были людьми нашей крови, говорившие на нашем языке, такие великие путешественники, что любой живущий ныне шкипер против них просто ребенок. Я не знаю, как это получилось или как это получится, но я знаю, что это настоящий путь для настоящих мужчин: это не Путь для убожавшихся Христа. Так что всю жизнь я должен искать новое знание. И еще об одной вещи я скажу — почему, помимо нашего стремления к знаниям, власти и славе, мы должны вступить на этот путь. Потому что мы не одиноки.

Вальгрим снова оглядел собрание, стараясь усилить впечатление от своих последних слов, передать свою убежденность слушателям, которые до сих пор во всем с ним соглашались.

— Всем известно, что рядом с нами живет Потаенный Народ. Не опасный для живущих в нижних поселках, иногда опасный только для охотников в горах и для детей, играющих у воды. Но это не единственный народ, который спрятан. Мы знаем, что где-то живут существа, могуществом равные богам, не тролли и никсы, а сами *iotnir*, враги богов и людей. И есть еще отроде Локи, те, у кого не одна шкура, которые способны появляться в разных обликах, полулюди, полудраконы, полукиты.

Мы верим, что под конец придет великий день, когда люди и боги выступят против гигантов и Потаенных Народов — и на стороне врагов тоже будет немало людей, христопоклонников и перебежчиков. Тех, кто поддался заблуждению. Для этого Один и берет к себе воинов, чтобы составить войско, которое выйдет из Вальгаллы в Судный День. Будут и другие войска, войско Тора из Трутвангара, войско Хеймдалля из Химинбьорга, и все остальные, моряки, лыжники, лекари и лучники. Но воинство Одина будет самым могучим и сильным, на него вся наша надежда.

Мы не смеем распылять наши силы. Исход битвы еще не решен. Если Путь сейчас сделает неправильный выбор, мы будем рассеяны и разбиты. Я заявляю, что одноглазый англичанин, который носит копье Одина, а сам не чтит Одина, я заявляю, что он лжепророк, который сбивает нас на ложный путь. Ныне мы должны отвергнуть его, чтобы выполнить свое истинное предназначение: восславить Единого Короля, про которого пророки предвещают, что он придет с Севера. Единого Короля, который изменит мир и превратит в Судный День поражение в победу.

Вальгрим остановился и гордо поправил на своей широкой груди брелок в виде копья. Он ждал возражений, которые, он знал, не замедлят последовать.

Они слышались со стороны тех, на чью поддержку он надеялся. Виглик Провидец зашевелился на табурете, взглянул на свой необычный амулет — чашу Суттунга, хранителя меда, бога вдохновения, и заговорил:

— То, что ты сказал о видениях, может быть правдой, Вальгрим, но мы видим одно, а понимаем другое. И если ты не сможешь отрицать то, о чем я тебе уже рассказывал, ты должен объяснить мне, что это означает. Как мы знаем, наш брат Фарман видел одноглазого англичанина, видел, когда у того было еще два глаза. В видении появился Асгард, обитель богов, и англичанин там был в роли Вёлунда, хромого кузнеца богов. И Фарман увидел, что Прародитель Живущих, Отец Всего Сушего с ним разговаривает. Никто раньше не видел, чтобы какой-нибудь смертный удостоился такого. Так почему же я не могу считать, что у этого человека божественное предназначение?

Вальгрим кивнул:

— Я знаю, что твои видения истинны, Виглик, и видения Фармана тоже. Ты видел в прошлом месяце смерть тиранов, и торговые суда уже успели принести нам весть, что это и в самом деле произошло. И я не оспариваю, что ты видел одноглазого в облике Вёлунда. Но как ты только что сказал, видеть — это одно, а понимать — это другое. О чем же свидетельствует история Вёлунда?

Он снова огляделся, убедившись, что его слушатели, как всегда, живо интересуются священными преданиями.

— Мы все знаем, что жена Вёлунда была лебедью, и после того, как она его оставила, его захватил Нитхад, король

народа ньяров. Нитхад хотел, чтобы Вёлунд поработал у него кузнецом, но боялся, что тот сбежит, поэтому ножом подрезал ему сухожилия и заставил работать в кузнице в Сэварста-те. И что же делал там Вёлунд?

Голос Вальгрима понизился до распевного баса жреца Пути:

Сидел он, не спал, все молотом стучал,
Все хитрости для Нитхада ковал.

— Он сделал ему золотые браслеты и ожерелья с самоцветами. Он сделал ему чаши для эля и хитроумные полозья для саней. Он сделал ему меч — такой острый, что он мог разрезать полотно, и такой прочный, что он мог перерубить наковальню. Но что он сделал, когда два маленьких сына Нитхада пришли посмотреть на чудеса? Он заманил их к себе в кузницу, обещав показать диковинки, открыть свой ларец.

Снова Вальгрим заговорил нараспев:

К ларцу подоля, они ключ попросили,
Заглянули в ларец беды.

Вёлунд убил их, закопал их тела под кузницей, из их зубов сделал ожерелье, из их черепов — кубки, из их ясных глаз — броши. И все это отдал Нитхаду. А когда дочь Нитхада пришла к нему починить кольцо, что он сделал? Опоил ее пивом, изнасиловал ее, вышвырнул ее вон.

Она, плача, пожаловалась отцу. Тот пришел в кузницу за головой Вёлунда. А Вёлунд, трель с перерезанными сухожилиями, надел крылья, которые сделал в своей кузнице, и улетел. Что за хитрость он выковал для Нитхада? Он выковал месть. Поэтому его так зовут, Вёлунд. От слова «хитрость», *vel*.

Собравшиеся сидели молча, размышляя над давно известной им историей.

— И теперь я вас спрашиваю, — сказал Вальгрим, — кто герой этого предания? Вёлунд с его коварством, как нас убеждали? Или Нитхад, пытающийся противоборствовать ему? Я говорю тебе, Виглик, что до этого англичанина, так он Вёлунд, это ясно. А мы — это Нитхад! Он убьет наших сыновей и изнасилует наших дочерей. То есть он отвратит нас от нашего дела и заставит служить его замыслам. Нитхад сделал только одну ошибку, когда попытался использовать искусство Вёлунда и надеялся, что сам будет в безопасности, хотя тот всего лишь был хром. Ему следовало убить Вёлунда и

сделать это наверняка! Потому что люди вроде Вёлунда или англичанина опасны, даже если искалечены. Потому что они подобны жене Вёлунда, лебеди: это не люди с одной шкурой. А только не лебедем обернется этот англичанин. Скорее уж драконом или курганным чудовищем, мертвяком. Хагбарт, я спрашиваю тебя: разве он не сказал, что *уже бывал в могиле*?

Круг взволнованно зашевелился, оценивая неожиданное заявление Вальгрима. Все видели, что Хагбарт медленно кивнул, нехотя подтверждая сказанное.

Торвин не выдержал, как и предвидел Вальгрим.

— Это все верно, Вальгрим, но ты же просто играешь словами. Конечно, парень раньше бывал в могиле — он достал из нее сокровище королей. Он раскопал ее киркой и героически выбрался наружу. Он не *жил* в ней. Будь здесь Вига-Бранд, он бы тебя высмеял за одно предложение оставить деньги в могиле. Я призываю всех вас, смотрите глубже слов. Смотрите на поступки. Шеф Сигвардссон, давайте будем называть парня его настоящим именем, целую страну обратил в нашу веру. Он избавился от христианских церквей. Если где и остались в стране христианские священники, то лишь подобные нам, те, что сами себя кормят и работают для свой паствы. Он убил Ивара Рагнарссона. И можно ли сомневаться, что он стремится к знанию, что он все отдаст ради знания? — Торвин, призывая к молчанию, поднял руку: — Если не верите мне, тогда слушайте.

Снаружи, откуда-то поблизости, до жрецов доносились звуки знакомые, но совсем не те, какие можно было бы ожидать во время священного круга. Над окрестностями святилища, над слетавшимся и утоптанном снегом неслось лязганье тяжелого молота, тонущее в шумном пыхтении кузнечных мехов. Где-то работали кузнецы.

* * *

В кузнице Шеф как раз закончил тщательную перековку и закаливание меча, когда-то подаренного им Карли Дитмаршцу. Теперь части меча — клинок, перекладина, рукоять и ее головка — остывали перед сборкой. За дело взялся Удд. Коротышка решил кое-что показать им. Стоя у горна, он отдавал указания, а Шеф, одетый только в штаны и кожаный фартук, клещами ворочал куски железа и стали. Квикка при-

пал на одно колено, работая с мехами, которые гнали воздух к раскаленному древесному углю в горне. Остальные семь английских катапультиров, Озмод, Хама и прочие, а также Карли, сидели на корточках вдоль стен, наслаждаясь теплом и вставляя свои замечания.

— Хорошо, — сказал Удд, — теперь они все нагрелись до красного каления. Возьми первую полосу и отложи в сторону.

Шеф взял раскаленную докрасна полосу железа, заготовку для кинжала или наконечника копья, и осторожно положил на края глиняной миски, не давая ей соприкоснуться с мерзлой землей пола.

— Возьми следующую и сунь прямо в снежную кашу.

Шеф щипцами поднял раскаленную полосу и сунул в кожаное ведро, наполненное полурастаявшим снегом, который несколько минут назад набрали на улице. С яростным шипением поднялось облачко пара.

— Когда металл остынет, достань ее и согни в руках.

Шеф выждал минуту-другую, выудил полосу и осторожно попробовал, ушел ли из нее весь жар. Стал гнуть ее. Он прекрасно представлял себе, что произойдет, но не мешал Удду провести демонстрацию по-своему. На руках Шефа проступили бугры мускулов, и металлическая полоска внезапно лопнула.

— Теперь попробуй другую.

Эту, все еще горячую, несмотря на морозный воздух, Шеф обернул тряпками. На этот раз сила не потребовалась. Полоска гнулась в его руках, словно пруттик, и совсем не пружинила, оставаясь согнутой.

— Тот же самый металл, — назидательно сказал Удд. — Если его закалить, будет твердым и хрупким, подходящим для лезвий, но не упругим. А если просто дать остыть, легко гнется. Ни твердости, ни упругости.

— Пользы, как от стариковского члена, — сказал один говорливый катапультир.

— Побольше, чем от твоего, — съязвил Карли.

— Заткнитесь, — велел им Удд, чья удаль проявлялась только в металлургии. — А теперь, Шеф, господин, хотел я сказать, — возьми согнутую полосу. Распрями ее. Положи ее снова в огонь и нагревай до красного каления. Теперь закали ее.

Снова шипение и облачко пара.

— Верни на огонь. Но на этот раз не доводи до красного каления. Нагревай осторожно — потише там на мехах, Квик-ка. Доведи ее до цвета вишни.

Удд близоруко прищурился.

— Так, этого достаточно. Вынь ее и дай медленно остыть.

Шеф выполнил приказание, но на этот раз не мог предугадать в точности, что же получится. Как опытный кузнец, он прекрасно знал о необходимости закалки металла и об опасности его отжига, то есть медленного охлаждения. Однако чтобы вещь стала одновременно и твердой и упругой, да еще и гнулась притом, он всегда соединял пруты по-разному обработанного металла. Мысль о том, чтобы сделать с одной остоженным прутот что-то еще, просто никогда не приходила ему в голову. Не понимал он и смысла третьего слабого нагревания. Пока металл остывал, он с удовлетворением разглядывал вновь появившиеся на его руках мозоли. Они слишком размягчились, пока он играл в короля.

— Отлично, — сказал Удд. — Попробуй теперь.

Шеф взял стальную пластину и согнул в руках. Она мощно пружинила, не поддаваясь попыткам изменить ее форму.

— Вот как ты делаешь луки для арбалетов, — отметил он.

— Примерно так, господин. Но эта — для другого, — Удд благоговейно понизил голос. — Это лучшее железо, которое я когда-либо видел. Чтобы получить его из руды, требуется в два, нет, в четыре раза меньше работы, чем мы привыкли. Сколько времени надо кузнецу в Англии, чтобы получить десять фунтов железа?

— Два дня, — прикинул Шеф.

— А здесь ты получишь за то же самое время и при такой же работе добрых сорок фунтов. Я теперь понял, почему викинги так хорошо вооружены. У них железо лучше. Для его выплавки нужно меньше времени и меньше угля. Поэтому каждый может себе позволить иметь железные инструменты и оружие, а не только богатые. Это доброе железо добывают в Ярнбераланде, за горами далеко на востоке. Люди Пути говорят, что у них там шахта и рабочие. Но мы открыли еще одну вещь, господин.

Посередине горна лежало то, что могло бы показаться кучкой золы. Удд длинными щипцами вынул это, протасил по земляному полу, споро сбил окалину, под которой оказалась металлическая пластинка.

— Она много часов пролежала в горне, с прошлой ночи. Я все время поддерживал огонь, пока вы там храпели.

— Карли не храпел, он ходил по бабам.

— Заткнись, Фрита. Это пластина, обработанная так же, как и та полоска: отжиг, потом закаливание, так что она упругая и крепкая. Потом я снова ее нагрел и долго держал на огне. И все время, пока она была в огне, я обкладывал ее древесным углем. Теперь, господин, когда она остынет, я хочу, чтобы ты попробовал пробить ее своим копьей, большим дротиком, который ты взял у Змеиног Глаза.

Шеф задрал бровь. Массивный наконечник копья «Гунгнир» был сделан из лучшей стали, какую он когда-либо встречал. Пластинка, над которой потрудился Удд, имела в толщину от силы одну восьмую дюйма, то есть была чуть тоньше брони, защищающей руку воина в центре щита. Если делать броню толще, щитом нелегко будет ворочать. Шеф несколько не сомневался, что стальной наконечник копья пробьет пластинку насквозь.

Когда пластина остыла, Удд прикрепил ее прямо к бревенчатой стене кузницы.

— Бей копьей, господин.

Шеф сделал шаг назад, поудобней ухватился за древко, вообразил, что перед ним — смертельный враг. Левою ногой шагнул вперед, ударил плечом и всем корпусом, стараясь пробить пластинку и стену насквозь и еще на один фут глубже, как много раз учил его Бранд.

Копье лязгнуло о металл, спружинив древком. Шеф недоверчиво смотрел на тонкую пластинку. Ни царапины, ни вмятины. Он осмотрел острие «Гунгнира». Его треугольный кончик смялся на добрых полдюйма.

— Это очень хорошая сталь, — просто сказал Удд. — Я было решил делать из нее кольчуги. Но оказалось, что ее не обрабатывать. Она не гнется. А вот если сначала сделать кольчугу, а потом ее нагреть...

— Или сделать тонкие пластинки вроде этих и просто вшить их...

Задумчивое молчание прервал один из катапультеров:

— Все равно не понимаю, как это получается из одного и того же металла? Одни — жесткие и хрупкие, другие — мягкие и гнутся, те пружинят, а некоторые такие твердые, что их

ничем не поцарапать. Отчего же получается такая разница? Что-то переходит в сталь из воды?

— Некоторые викинги думают так, — ответил Удд. — Они считают, что для закаливания лучше всего подходит кровь раба.

Бывшие рабы переглянулись при мысли о судьбе, которой счастливо избежали.

— А некоторые пробуют масло. В этом может быть какой-то смысл. Из-за пара. Видели, как капелька скачет на раскаленном железе? Вода старается убежать от жара, а когда ты закаливаешь сталь, ты не хочешь, чтобы вода убегала. Так что масло, наверное, лучше. Но я думаю, что дело не в этом. Дело в нагреве и охлаждении. И еще это как-то связано с древесным углем. Когда металл соприкасается с углем, что-то переходит от одного к другому. Так я думаю.

Шеф подошел к двери и взглянул на заснеженные острова и фьорд, все еще скованный толстым льдом. Он знал, что на одном из самых дальних островов живет королева Рагнхильда, которую он по приезду видел на пристани, живет вместе со своим сыном, а ее муж уехал собирать дань в Восточном Фолде. Она на острове, который называется Дроттнингсхолм, Остров Королевы. Он смотрел, как пар от его дыхания оседает в морозном воздухе, и размышлял о капельке, прыгающей на раскаленном металле, о железе, шипящем в ведре с водой, о людях, дышавших на ладони, чтобы согреться, об испарениях, поднимающихся от разгоряченных тел в холодном воздухе. Что же такое пар?

По снегу к нему шли два человека и несли на жерди бадью. Было в этом что-то странное. Такую работу поручают трэлям, но эти мужчины не были трэлями: слишком высокие, слишком хорошо одетые, вдобавок с мечами на поясе. Шеф услышал, что Квикка приставил Карли к мехам, а сам взялся выполнять указания Удда. В промежутках между немелкими ударами молота слышно было поскрипывание кожаных сапог на снегу.

Двое подошли к двери кузницы, осторожно опустили бадью. Шеф обнаружил, что не может поймать их взгляд, — такое часто бывало у него с норвежцами.

— Я Стейн, из стражи королевы Рагнхильды, — произнес один из них.

— Не знал, что стражники носят ведра, — заметил Шеф.

Стейн рассердился. Шум в кузнице прекратился, как только молодцы Шефа слышали разговор, и он знал, что они сгрудились в дверном проеме, готовые в случае надобности вступить в дело.

— Это особенная бадья, — сказал Стейн, умерив свой нрав. — Подарок от королевы тебе, Ивароубийца. Зимний эль. Знаешь, что это такое, южанин? Мы варим самое крепкое пиво, а потом в сильный мороз выставляем бочки наружу. Вода в пиве замерзает, мы снимаем лед и выбрасываем. Чем дольше так делаешь, тем больше воды уйдет, и тем крепче будет эль. Такое пиво — для героев вроде тебя, если и вправду это ты убил Ивара.

Лицо Стейна выражало сомнение, которое усилилось, когда Квикка и прочие высыпали наружу, заглядывая в бадью с коричневатой жидкостью. Никто из них не доставал норвежцам до плеча, и даже крепыш Карли по сравнению с ними выглядел хилым.

Стейн пошарил у себя на поясе.

— Еще королева велела передать вот что. Это пиво для тебя или для твоих людей, как хочешь. Но королева сказала, что ты сошел на берег с пустыми руками, поэтому прислала тебе кубок. Кубок только для тебя. Для тебя одного.

Он отвязал подарок и протянул Шефу. Шеф недоуменно повертел его в руках. Судя по словам Стейна, он ожидал, что кубок будет золотым или серебряным. Вместо этого он увидел простую кружку из долбленого бука, какая нашлась бы в хозяйстве у любого керла. Перевернув, он заметил на дне надпись рунами. Послание.

Выполнив поручение, Стейн с сопровождающим ушли, не дожидаясь благодарностей. Шеф собрался с мыслями и повернулся к товарищам.

— Ладно, вернемся в тепло. Фрита, сбегай к хижине и возьми там кружки и ковшик, если найдешь. Давайте хоть выпьем, что ли. Да, Удд, накали пару пластин, мы подогреем этот эль и посмотрим, каков он будет на вкус, когда горячий. Для этой страны — самое то. Хама, давай на мехи. Озмод, подбрось в горн угля.

Вольноотпущенники засуетились, а Шеф подошел к свету, чтобы прочесть нацарапанную на дне кружки надпись. Руны были норвежские, известные ему от Торвина, но несколько

непривычного вида. Постепенно он разгадал смысл написанного.

«*Bru er varthat, en iss er thykk*», гласила надпись. «Мост охраняется, но лед толстый».

Какой мост? Шеф снова взглянул на фьорд. Острова окружал плотный лед. Приглядевшись, он смог различить тонкие полоски, идущие от одного острова к другому: длинные бревенчатые гати, положенные на воду осенью и вмерзшие в лед. Самый дальний остров — Дроттнингсхолм. Она сказала, что он придет к ней, когда она позовет. И вот она позвала. Шеф вдруг заметил, что Карли с поднятой от удивления бровью наблюдает за ним. Для него одного, сказала королева. Но когда словно мартовский кот продираешься через кусты, лучше, наверное, взять с собой опытного приятеля.

* * *

На священном круге страсти накалились. Тем более что подходило время для принятия окончательного решения. Из костра уже давно не вырывались языки пламени, и теперь лишь несколько углей светились в темноте. Подбрасывать топливо в костер нельзя и нельзя продолжать совет после того, как угаснет последняя искра.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Вальгрим у Торвина. В ходе споров эти двое возглавили противоборствующие стороны и непримиримо нападали друг на друга. За Торвина было большинство жрецов Тора, Ньёрда и Идуны, людей здравомыслящих, посветивших себя практичным искусствам — кузнечному делу, мореплаванию, кораблестроению, траволечению и костоправству. В число последователей Торвина входили и иностранные жрецы, фризцы, те, для кого норманнский не был родным языком. Против него выступали Вальгрим, единственный жрец Одина, и большинство жрецов Фрейра, а также жрецы Улля, Хеймдалля, Тюра и прочих второстепенных богов, которых почитали лишь в самой Норвегии, в самых отдаленных и глухих ее местах.

— Пусть парень вернется в Англию, — сразу же ответил Торвин. — И возьмет с собой как можно больше наших. Пусть его королевство станет самым могущественным на Севере, страной, где мы сможем обеспечивать себя всем необходимым и набирать сторонников. Оттуда будем грозить христиа-

нам. Раньше нам никогда не удавалось увлечь их на свою сторону, наоборот, их священники проникали в наши страны и увозили наших последователей. Давайте поддерживать этот первый серьезный успех, которого мы добились.

— А что предлагаешь ты, Вальгрим?

Великан тоже откликнулся без промедления:

— Повесить его на дереве как жертву Одину. Собрать с помощью короля Олафа и короля Хальвдана как можно больше кораблей и захватить его королевство, прежде чем англичане узнают, что случилось с их королем. А потом сделать, как ты сказал, Торвин. Только во главе будут стоять жрецы Пути, а не какие-то там незаконнорожденные.

— Если ты повесишь его на дереве, ты отвергнешь посланца богов!

— Он не может быть посланцем богов. Он не норманн, даже не датчанин. И самое главное — это признаешь даже ты, Торвин, — он может носить нагрудный амулет, его могут посещать видения, но он не верит. У него нет настоящей веры!

— Ты говоришь как христианин!

Лицо Вальгрима побагровело, он рванулся к Торвину, который схватился за свой церемониальный молот. Другие жрецы повскакали с мест, чтобы не дать сцепиться этим двоим, но тут морозный воздух пронзил голос человека, который молчал во время жарких споров, — голос Виглика-Провидца.

— Ты, Вальгрим, говоришь об отправке флота, а ты, Торвин, твердишь об управлении королевством. Так пора, может быть, пока не погас костер, спросить совета у короля и флотоводца? Ты выслушал нас, король Олаф, Эльф Гейрстата. Что ты можешь поведать нам?

Человек, утопавший в резном кресле, поднялся на ноги и подошел к самой бечеве, ограждающей святой круг. Лицо Олафа было печально, измучено заботами. Лежал на нем какой-то дух величия — но не было той решимости, которая отличает каждого норманнского шкипера и ярла, не говоря уж о королях. Казалось, его глаза глядят куда-то вдаль и прозревают неведомое остальным.

— Разрешено ли мне говорить? — спросил Олаф. Он дождался одобрительного гула всего собрания. — Тогда, выслушав все, что говорили обе стороны, я скажу следующее.

Думаю, все вы знаете, хотя не сказали бы мне этого пря-

мо в лицо, что я человек, потерявший свою удачу. Удачу своей семьи. Могу вам сказать, что я не потерял ее и не отдал. Я только предчувствовал, что она уйдет, и она ушла. От других людей я отличаюсь только тем, что знал это заранее, а не обнаружил спустя много времени. Об удаче я знаю немало.

Кое-кто говорит, что удача семьи, *hamingja*, как мы ее называем, похожа на огромную вооруженную женщину, которую счастливики могут увидеть, как они видят духов земли. Рассказывают о людях, которые видели, как их дух-хранитель их оставил и ушел к другому. Это может быть правдой. Но это не то, что видел я. В сущности, я не видел ничего — не считая сна о великом дереве, про который вы все, несомненно, слышали.

То, что я ощущал, было похоже на то, что ощущаешь в воздухе перед вспышкой молнии. Я знал, что молния сверкнет, что она унесет от меня удачу к кому-то другому. И я знал, что этот другой — из семьи моего брата. В юности я думал, что это сам мой брат, Хальвдан. Позже я узнал, что это не он. Вплоть до самого последнего времени я думал, что это сын моего брата, Харальд, которого прозвали Светловолосым.

Теперь я снова не уверен. Потому что у меня снова появилось это ощущение, ощущение перед вспышкой молнии. Мне думается, что удача опять должна перейти, совсем уйти из моего рода — и, может быть, к англичанину Шефу.

Слушатели заерзали, а сторонники Вальгрима с сомнением переглянулись.

— Однако я ошибался раньше, с Хальвданом. Может быть, я ошибаюсь и сейчас. Но, думаю, не полностью. С течением лет мне становится все яснее и яснее, что удача — это не такая вещь, которая либо есть у человека, либо нет, подобно его юности и его силе. Она больше похожа на свет — тусклый свет остался каким и был, но больше не виден, потому что более яркий свет его затмевает. Это как фитиль, догоревший до утра. Хотя не исключено, что более яркий свет отбирает яркость у тусклого, даже гасит его.

Я слышал историю англичанина Шефа. Он принес несчастье своему королю Ятмунду. Он не спасовал перед удачей Ивара. Мне говорили, что его спас один из богорожденных, король Альфред, потомок Одина. Вскоре после этого король превратился в нищего, его самого пришлось спасать.

Я думаю, этот юноша притягивает счастье других. Куда он приходит, оттуда уходит удача. Он способен забрать ее даже из моей крови — я считал, что в ней еще осталась удача Норвегии, и она действительно оставалась в ней, пока вы не привели его сюда.

— Все это просто слова, — прогрохотал Вальгрим. — Нам нужны доказательства.

— Доказательства даст испытание. Давайте испытаем его удачу против удачи Хальвдана и Харальда, против удачи королев Азы и королев Рагнхильды.

— И как это сделать?

— Соглашайтесь на испытание, и я расскажу вам. Но соглашайтесь быстрее, пока не погас костер.

Сорок жрецов взглянули на крошечную мерцающую точку, все, что осталось от костра, и загалдели разом. Затем, несмотря, и Торвин и Вальгрим кивнули в знак согласия. Жрец Тюра встал на колени и принялся дуть на последний уголек, а король Олаф начал говорить. Прежде чем он закончил, Вальгрим неодобрительно затряс головой.

— Слишком неопределенно, — проворчал он. — Мне нужен ясный знак.

— Знак может оказаться яснее, чем ты хочешь, Вальгрим. Я говорил о свете и об удаче. Есть и другой способ объяснить это. Некоторые из нас верят, что нить нашей жизни прядут три пряжи, Урта, Вертанди и Скульд. Но они прядут не одну нить, а скорее грандиозное полотно, где нити пересекаются друг с другом. И там, где они пересекаются, они перетираются. Опасайся человека, у которого нить жизни крепче твоей, Вальгрим! Особенно когда его нить пересекает твою.

Виглик шевельнулся и заговорил:

— Я видел пряж. Их станки из черепов, их челноки — мечи и копья, их ткань — человеческие кишки.

— В мире Скульд это так, — объявил Торвин. — Это мы и намерены изменить.

Глава 12

Два человека осторожно крались по темному лесу кромке льда на заливе. Сохранившиеся кое-где снежные сугробы сильно мешали им, заставляя продираться через ель-

ник. И все же они не осмеливались воспользоваться лесной тропой — любой, кто увидел бы их, мог их окликнуть, и хотя им не запрещено было разгуливать по ночам, им отнюдь не хотелось вызывать к себе интерес или давать объяснения. Сначала Карли ворчал, особенно когда падающий с деревьев снег попадал ему за шиворот, и не переставал повторять, что знает множество мест, где можно найти сговорчивых баб и не мучиться. Но Шеф лишь подгонял его, и Карли замолчал, объясняя происходящее тем чудачьим пристрастием к определенной женщине, которое иногда возникает даже у разумнейших из людей. В конце концов, говорил он себе, это может быть неплохо — крутить любовь с королевой. Глядишь, там и для него найдется принцесса.

На берегу, где лес подходил ко льду, снег кончился, унесенный ветром или растаявший, — дни становились все длиннее, и на опушке леса солнце припекало. Шеф и Карли легко выбрались на берег и на пару минут остановились, обозревая места предстоящих событий и прикидывая маршрут.

Они сделали крюк, обходя святилище Пути и близлежащий город, и вышли на длинный мыс, врезающийся в залив с западной стороны. На дальней стороне залива, на расстоянии в четверть мили, виднелась цепь островов, кончающаяся островом Дроттнингсхолм. Луны не было, небо покрывали густые тучи, которые ветер нес с юго-запада, но все же они могли различить ближайший к берегу лесистый островок, черным силуэтом выделяющийся на фоне неба и моря, тоже достаточно темных. Можно было угадать и черную линию бревенчатой гати, которая шла к острову от материка. Шеф и Карли не видели по краям моста стражников, но они, несомненно, были там. Вопрос заключался в том, заметят ли стражники силуэты двух людей на льду?

— Ветер сдул снег, — прошептал Шеф Карли. — Мы не будем выделяться на белом фоне.

— А почему лед-то не белый? — спросил Карли.

Они встали на четвереньки и внимательно осмотрели ледовый покров. Он выглядел черным и ненадежным, но все же толстым, как монастырская стена. Он не прогибался и не трещал. Шеф осторожно прошелся, подпрыгнул. Ноги они с Карли обвязали сыромятной кожей, чтобы не скользить и не шуметь.

— Лед крепкий. Можно идти. А если он черный, тем лучше для нас.

Они опасливо вступили на лед и двинулись прямоком на ближайший остров. Оба пригибались, как будто это делало их незаметней. На каждом шаге они старательно и мягко ставили ногу, опасаясь, что при сильном толчке лед под ними расколется. То и дело один из них застыл на месте, испугавшись, что уже ощутил, как уходит из-под ног ненадежный лед. Затем шел дальше. Шеф нес на плече копье, его острие он старательно отбил и заточил как иголку. Карли снял с пояса деревянные ножны, опасаясь за них зацепиться, и теперь обеими руками держал меч и ножны перед собой, словно шест канатоходца.

С приближением острова путешественники вздохнули свободней. В то же время у них усиливалось опасение, что за ними наблюдают. Темной угрозой вставал перед ними лес, а они были как на ладони, без малейшего прикрытия. Разум подсказывал, что нависшие тучи и ночь прячут их, что с неба не падает ни проблеска света, который мог бы их выдать. И все-таки раз они видят остров, с острова могут увидеть их. Подойдя к берегу, они ускорили шаг, устремились в мрак леса.

С бьющимися сердцами сидели они, прислушиваясь к малейшему шуму. Ничего. Только неумолчный посвист ветра в ветвях.

Шеф повернулся к Карли, сказал негромко:

— Мы обойдем остров по краю, вдоль кромки льда. Когда увидим следующий мост, решим, что делать.

Несколько минут они осторожно брели по берегу острова. Увидев вдруг струйку дыма, застыли. Но за деревьями ничего не было, не было даже причалов у берега. Они пошли дальше.

Мост, ведущий на следующий остров, открылся неожиданно. Обойдя маленький бугорок, они увидели его в каких-то двадцати ярдах от себя, на самом виду два высоких стражника опирались на копья. Слышалась их неторопливая беседа. Шеф и Карли мгновенно ретировались под полог леса.

— Нам нужно сделать вот что, — сказал Шеф, — обойти их морем, держась от них подальше.

— Даже и не надейся, — проворчал Карли, — я по тонкому льду не пойду.

— Если бы лед был слабый, она не сказала бы нам идти по нему.

— Женщин никогда не разберешь. И потом, она могла ошибиться. В любом случае, ее сейчас тут нет, а у нас под ногами глубина в пятьдесят футов.

Шеф на мгновение задумался.

— Ну, давай попробуем. Переберемся на лед в этом месте и пойдем вдоль моста, там, где море мельче, а лед толще. Но мы будем не идти, а ползти. Держись правее, там не заметят. Хотя они все равно смотрят на мост, а не на лед.

Они осторожно поползли в своих тяжелых одеждах, подметая бородами лед, и Карли одолели сомнения. Если лед такой крепкий, почему норвежцы стерегут только мосты? Для чего они вообще здесь поставлены? Неужели они такие болваны? Или же королева...

Товарищ опередил его на несколько ярдов и пластался, как разъяренная гадюка. Не время для сомнений. Лед выглядит таким же толстым, как и раньше. Карли быстро пополз вперед, стараясь не косить взглядом на безопасный мост в каких-нибудь двадцати ярдах слева.

Достигнув второго острова, они проползли вдоль берега прочь от моста, обогнули еще один крошечный мысок, встали на ноги и, тяжело дыша, снова оказались под защитой лесного полога. Холод льда уже проник сквозь шерсть и кожу их одежд. Шеф и Карли осторожно сложили оружие, дуя на замерзшие руки, достали рукавицы из овечьей шерсти, которые дал им Бранд. Шеф аккуратно снял с пояса кожаный мех, вытащил затычку.

— Зимний эль, — пояснил он. — Остаток.

Сделали по долговому глотку.

— Вкус как у эля, — отметил Карли, — но ощущение другое. Он даже когда холодный, все равно обжигает глотку. Жалко, что мы у себя дома не научились делать такой эль.

Шеф кивнул, опять задумавшись о воде, замерзающей в эле, о паре, шипящем вокруг раскаленного лезвия. Нет времени на эти размышления.

— Следующий остров — Дроттнингсхолм, — сказал он. — Мы знаем, что короля там сейчас нет и что ни одному мужчине не позволено оставаться на острове на ночь. Еще один переход и...

— И мы будем как два петуха в курятнике, — закончил Карли.

— По крайней мере, сможем узнать, чего хотела от нас королева.

«Я-то знаю, чего она хочет от тебя», — подумал Карли, но промолчал. Они медленно побрели по берегу второго острова.

На этот раз мост оказалось легко заметить, но он располагался очень далеко от места, с которого напрямик был виден Дроттнингсхолм. Постояли на опушке, присматриваясь и прикидывая. Они находились на западном краю небольшого залива, примерно в одном фарлонге от Дроттнингсхолма. До восточного края залива тоже было около фарлонга, и оттуда на остров тянулся мост.

— Прямо отсюда нам переходить так же легко, как тащиться к мосту, — сказал Шеф. — И не будет необходимости ползти. Мы достаточно далеко, и никто из стражников нас не увидит, потому что на льду мы будем еще дальше от них.

— Ладно, — сказал Карли. — Я думаю, если бы лед готов был треснуть, он бы уже треснул. Полыньи нам не встречались. Он надежный.

Шеф приподнял руки, взял в них копье и вступил на черную, продуваемую всеми ветрами ледяную равнину.

* * *

— Ладно, так где же он? — Бранд стоял в дверях душевой, провонявшей людским потом хижины, сердито глядя на обращенные к нему лица восьми англичан. Снедаемый тревогой, он пьянствовал в портовой таверне в Каупанге вместе с Гутмундом и командой, когда пришла весть, что Совет жрецов Пути окончился. После короткого разговора с Торвином он отправился напрямик в святилище, в комнату, которую Шеф делил с Карли, считавшимся теперь его оруженосцем. Не найдя ни того ни другого, Бранд бросился к хижине катапультеров.

Столкнувшись с разъяренным воином ростом ближе к семи футам, чем к шести, вольноотпущенники вспомнили рабский свой обычай. Они потихоньку сбились в тесную кучу за спинами Озмода и Квикки, которые были среди них са-

мыми крепкими и уверенными в себе. Лица их внезапно поглупели.

— Кто он? — спросил Озмод, чтобы потянуть время.

Огромные кулаки Бранда сжимались и разжимались.

— Где — ваш — хозяин — Шеф?

— Не знаю, — сказал Квикка. — А в комнате нету?

Бранд шагнул вперед, глаза его светились смертоубийством, но остановился, заметив, что Озмод, бывший капитан алебардщиков, скользнул взглядом в сторону стойки с оружием. Бранд вышел из хижины, хлопнув дверью.

Снаружи Ханд, друг детства Шефа, ныне истовый жрец Идуны, терпеливо топтался на хрустящем снегу.

— Они мне не говорят, — прорычал Бранд. — Ты англичанин. Они знают, что ты его друг. Попробуй, может, выведешь что.

Ханд зашел в хижину. Неразборчивые переговоры на густопсовом норфолкском диалекте, родном для всех них. Наконец Ханд выглянул, поманил Бранда в хижину.

— Они говорят, что точно не знают, — перевел он. — Но пораскинув мозгами, сообразили, что он получил какое-то послание. Они подозревают, что он ушел в гости к королеве Рагнхильде на Дроттнингсхолм. Он взял с собой Карли.

Бранд опешил:

— Пошел на Дроттнингсхолм? Но мужчинам нельзя быть там ночью. И все мосты охраняются.

Квикка ухмыльнулся, обнаружив свою шербатость.

— Все правильно, шкипер, — сказал он на смеси английского с норвежским, принятой в Армии Пути в Англии. — Не такие уж мы тупые. Мы это знаем. Если он пошел, он мог пробраться по льду, понимаешь? Этим вечером мы спустились к заливу и посмотрели. Лед еще довольно толстый, ни следа трещин.

Бранд уставился на Квикку и остальных, на лице его отразился ужас. Он попытался заговорить, не сумел, попробовал снова.

— Вы, английские придурки, вы знаете хоть что-нибудь? — прохрипел он страшным шепотом. — На фьордах в это время года лед не вскрывается. Он подтаивает снизу и пропитывается водой. А потом, однажды ночью, он исчезает. Он не вскрывается. Он просто тонет!

Ветер ударил с удвоенной силой, когда Шеф и Карли устремились в свой последний бросок через лед, как будто они вышли из-под прикрытия какой-то невидимой стены. Ветер нес с собой холодную морось. Когда первые капли ударили Шефа в лицо, он вздрогнул, ожидая ощутить снежную крупу или градинки. Стерев рукой влагу, которая стекала по лицу, он удивился. Дождь. Значит, началась оттепель. Смогут ли они потом вернуться назад? Сейчас не время об этом думать. Зато благодаря дождю можно не бояться, что их увидит охрана на мостах.

— Слушай, — сказал он Карли, — не нравится мне этот дождь. Лед может не выдержать. Выбраться мы оба сумеем. Все, что нужно делать, если лед проломится, это держать голову над водой. Старайся, чтобы тебя не затянуло под лед, там растеряешься, в какую сторону плыть. Если окажемся в полынье, плыви к ее краю и наваливайся на лед. Если он треснет, попытайся снова. Когда выберешься на достаточно крепкий лед, ползи и ползи. И вот что, Карли, заткни-ка свой меч обратно в ножны. Тебе могут понадобиться обе руки.

Когда Карли неуклюже последовал совету, Шеф, как будто его кто-то подтолкнул, взглянул на темный берег, до которого все еще оставалось с сотню ярдов, крепче взял за древко копье «Гунгнир», разбежался и метнул его далеко вперед. Он увидел, как копье пролетело к берегу, упало и заскользило по льду, его удар заглушил шум дождя.

Внезапно Шеф почувствовал, что лед уходит из-под ног. Они замерли на мгновение, прислушиваясь к треску. Ничего.

— Может быть, он просто откололся от берега, — прошептал Карли.

И они пошли, переставляя ноги с предельной осторожностью. Один шаг. Другой.

Шеф в очередной раз опустил ногу, и ее обдало холодом. Вода. Лужица на льду? Вода в другом сапоге. Холод вдруг поднялся до колен, до бедер, он почувствовал, как конвульсивно сжались внутренности. Шеф огляделся, высматривая трещину во льду, но ничего такого поблизости не было, он по-прежнему устойчиво стоял обеими ногами, вот только лед опускался...

Черные воды сомкнулись над головой Шефа, и вот он

уже отчаянно барахтается, чтобы удержаться на плаву. На его шее сомкнулись две руки, захват откуда-то сзади, и руки, как у Ивара, если бы Ивар мог восстать из мертвых.

Шеф яростно изворачивался, пытаясь избавиться от мертвой хватки Карли, пока не оказался с ним лицом к лицу, соединил руки и основанием ладоней ударил Карли в переносицу. Подался из воды повыше и ударил снова, чувствуя, как от удара мнетя хрящ. Снова подался вверх, чтобы ударить еще раз, и почувствовал, что удушающий захват распался.

— Ладно, извини, я уже нормальный, — Карли отпустил его и попробовал самостоятельно держаться на воде. Шеф сразу ощутил злые укусы студеной воды. На родных фенах он частенько купался в холодной воде, забавы ради или из-за отсутствия моста. Но здесь было другое дело. Холод проник через все слои одежды, пропитал ее, с каждым уходящим мгновением отнимал силы, холод и тяжелая намокшая одежда тянули его на дно морское.

Вдобавок он не понимал, куда плыть. Шеф выбросился из воды как можно выше, бешено вращая единственным глазом, чтобы увидеть остров или другой берег, или льдину, на которую можно выбраться. Ничего. Ничегошеньки.

Или же? Не сгущается ли там ночная тьма? Он увидел очертания Дроттнингсхолма, вырисовывающиеся на фоне неба, схватил Карли за плечо и развернул его в нужном направлении. Они поплыли, черпая силы в отчаянии, сначала неловко вынося руки над водой в длинных гребках, потом, задыхаясь и путаясь в промокшей одежде, боковыми подводными гребками. Ноги у них бессильно волочились сзади. «Сбрось сапоги, — подумал Шеф. — Так всегда говорят, сбрось сапоги. Но мои зашнурованы тесемками сыромятной кожи. И потом, слишком холодно. Я должен выбраться или умереть».

Первое же ощущение дна под ногой заставило его встать, и он сразу с головой провалился под воду. Он медленно выплыл, снова заработал руками, пока не почувствовал дно животом. Пошатываясь, чувствуя, что ноги его не держат, он ухватился за какой-то корень и вытянул себя на берег. Сзади послышалось тяжелое дыхание, слабый плеск. Шеф отметил, где искать спасительный корень, повернулся и снова бросился в воду, подхватил Карли, из последних сил протаскил его несколько ярдов до берега. Одной рукой он ухватился за

корень, а другую запустил Карли в кудри и выкинул его на замерзший песок. Они, задыхаясь, выбрались на берег и рухнули на четвереньки.

Тут до Шефа дошло, что если они ничего не предпримут, то вот-вот умрут от переохлаждения — священник не успеет и отходную прочесть. Вода обжигала, как огонь. А на воздухе холод был еще хуже. Тело уже теряло чувствительность, ощущение жгучей боли прошло, теперь его охватывала коварная истома.

— Раздевайся, — рявкнул он дитмаршцу. — Снимай одежду. Выжми ее.

Сам он уже возился с застежками своей куртки, не в силах справиться с ними. Карли как-то ухитрился извлечь меч из ножен и разрезал свои. Протянул меч Шефу, но тот вырвал его из онемевших пальцев. Некоторое время они отчаянно сражались в темноте со своей одеждой, снимая ее слой за слоем. Раздевшись наконец, они ощутили, как осатаневший ветер сдирает с них стружку. Но дождь кончился, и они быстро обсохли на пронзительном ветру. Шеф нащупал рубаху, выжал ее, сложил вдвое и выкрутил еще раз, выдавив полужамерзший соляной раствор. С трудом натянув рубаху, он на мгновение поверил обманчивому теплу.

Самообман. Они все равно умрут на этом берегу еще до рассвета. Но теперь хоть есть немного времени подумать.

Потянувшись за штанами, Шеф заметил меж деревьев движение. Это не люди. Слишком маленькие для королевской стражи. Волчьи силуэты приблизились, ползут на брюхе, челюсти уже подрагивают оскаленными зубами. Но это и не волки. Королевские волкодавы, купленные по безумной цене на рынке в Дублине, каждую ночь их выпускают для охраны.

Только вода спасла людей от их первого броска, потому что, повинувшись какому-то первобытному инстинкту, люди отступили в нее, и собаки не смогли наброситься на них сразу со всех сторон. Когда же огромный вожак молча ринулся вперед, схватившийся за меч Карли с силой рубанул его по голове. При касании лезвие провернулось в нетвердой руке, и пес зубами вцепился Карли в запястье.

Это вызвало мгновенный ответ даже у неопытного фехтовальщика. Большой палец своей левой руки Карли тут же вонзил глубоко в глаз волкодава, стряхнул с себя зашедшего-

ся от боли пса и, бессвязно что-то рыча, перебросил меч Шефу. Шеф встретил свою первую собаку ударом босой ноги в глотку. Когда же она снова прыгнула, чтобы вцепиться ему в пах, он подхватил меч, опустил острие навстречу прыжку и проткнул ей сердце.

А обезумевший от боли вожак вцепился в подвернувшуюся собаку, и они покатались рычащим клубком. Обойдя их, четвертый волкодав, размером с теленка, изготовился и бросился на Карли. Тот действовал, как привык в деревенских драках в Дитмарше, резко стукнув пса головой в зубы, а обеими руками ударил с боков, стараясь проломить ребра и разорвать печень. Волкодав, потеряв равновесие, отлетел назад, встряхнулся и собрался для второго прыжка.

В этот момент Шеф нагнулся и отсек ему переднюю лапу в коленном суставе, острием ткнул в морду очередного нападающего пса, с правого плеча ударил по собакам, сцепившимся в ярде от него, и тут же с левого плеча — по последней собаке, прыгнувшей вперед. Не старайся убивать, подумал он. Просто наноси легкие увечья. Собаки для тебя не так опасны, как люди, у них есть только их челюсти.

Один волкодав валялся мертвым, другой уковылял на трех ногах. Вожак, полуослепшему и с распоротым боком, атакованная им собака разорвала глотку. Она теперь пятилась в замешательстве, низкое рычание угрожающе вырывалось из ее пасти, но она явно не готова была продолжать схватку. Лишь последний пес все еще злобился на них, обнажая клыки, то и дело подавался на несколько дюймов вперед и отскакивал при виде меча. Карли, у которого кровь теперь текла и из головы, и из запястья, нащупал в воде камень, вытащил его и яростно метнул с расстояния в три фута. Получив удар в плечо, пес негодуя гавкнул, развернулся и скрылся в ночи.

Два полуобнаженных человека снова потянулись за своей одеждой, разобрали замерзшую кипу кож и шерстяных тряпок, постарались опять выжать их и натянуть на себя. Когда они немного успокоились, Шеф понял, что совсем не может пошевелить пальцами. Он мог действовать ими как крючками, но завязать шнурки или застегнуть пояс было уже выше его сил.

Он с трудом обхватил пальцами рукоять меча, склонился над телом убитой им собаки. Загнал острие глубоко ей в

брюхо и разрезал сверху донизу. Вырвался смрадный запах пробитых кишок, и наружу вывалились кольца бледных внутренностей. Шеф выронил меч, сунул замерзшие руки внутрь брюха и нащупал сердце.

У собак температура тела выше, чем у человека. Горячая кровь текла по пальцам Шефа, как жидкое пламя, тепло стало проникать внутрь. Он поглубже запустил руки в брюхо, по самые локти, жалея, что не может целиком залезть туда. Карли, сообразив, что он делает и зачем, прихрамал поближе и последовал его примеру.

Когда чувствительность кожи вернулась, Шеф вытащил руки, натянул влажные, но уже не такие мокрые штаны, застегнул пояс, влез в пропитанную водой кожаную куртку. Его шерстяная шапка осталась где-то в водах фьорда, овечьи рукавицы потерялись в темноте. В отличие от согретых рук ноги были как глыбы льда. Вскрыть еще одну собаку? Без абсолютной необходимости он не мог себя заставить сделать это. Кое-как вылил воду из сапог, вбил ноги внутрь, ощущая, будто бы их пальцы в любой момент могут обломиться. Застегнуть разрезанные застежки куртки и обуви он и не пытался.

— Что нам теперь делать? — спросил Карли. Он протянул Шефу меч в деревянных ножнах словно неуклюжую дубинку.

— Мы пришли в гости к королеве, — ответил Шеф.

Карли открыл было рот для ответа, но тут же закрыл его. Женщина их обманула, это было ясно. Если за всем этим не стоял ее муж. Карли сталкивался с такими шуточками и раньше. Но королевский замок и прилегающие постройки были на этом острове единственным кровом. Если они не найдут кров и очаг, они умрут еще до рассвета. Карли потащился вслед за Шефом через ельник, мечтая набрести на тропу. Недавно он подумывал о принцессе. Теперь он согласился бы и на жалостливую шлюшку, любую оборванную служанку, лишь бы был очаг и подстилка в углу.

* * *

В передней комнате королевских покоев на Дроттнингсхолме две женщины, сидя у пылающего очага, смотрели друг на друга. Их спины были прямы, как и спинки их тяжелых, украшенных резьбой, деревянных кресел, и у каждой был

вид женщины, не привыкшей к отказам и никогда не чувствующей себя в безопасности. Во всем остальном они были несхожи. Ненавидели они друг друга с самого первого взгляда.

Королева Аза, вдова и убийца короля Гутрота, мать короля Хальвдана, все свои надежды в жизни возлагала на сына. Но, выйдя из младенческого возраста, он стал бояться ее и не доверял ей. Разве не она убила его отца? В юности он гонялся за женщинами, что так любил его отец и так презирала его мать, в зрелые годы сделался настоящим викингом и каждое лето проводил в набегах, а каждую зиму обдумывал следующий или хвастался предыдущим. Разочарование иссушило Азу, она потемнела лицом, покрылась морщинами, ожесточилась.

Королева Рагнхильда, жена короля Хальвдана, не любила ни свою свекровь, ни ее сына, в чью постель попала случайно. Нередко она раздумывала, кого бы она выбрала себе сама, если бы ее отец смог устроить ей свадьбу. Иногда она сомневалась, а не оказался ли бы лучшей парой для нее даже Хаки, однорукий берсерк, хотя он и был совершенный горный тролль. Войдя в полную силу и власть, она по мере необходимости утешалась с тем или иным молодцом из своей стражи. Муж настаивал, чтобы ночью на острове не оставалось ни одного мужчины, ради его собственного доброго имени и законности их наследника. Но и за день можно успеть немало. У Рагнхильды только одно было общее с Азой — она тоже возлагала все надежды на своего единственного сына Харальда. Если бы Рагнхильда позволила, бабка могла бы обратить часть своей нерастроченной любви с сына на внука. В этом случае их интересы совпали бы.

— Уже полночь, — прервала Рагнхильда тяжелое молчание. — Он не придет.

— Может быть, он и не пытался.

— Мужчины не пренебрегают моими приглашениями. Я разгадала его, когда он стоял на пристани. Он не больше способен отказать мне, чем мои кобели — суке во время течки.

— Ты точно себя описала. Но ты могла добиться, чего хотела, и без этого балагана. Такая сука, как ты, могла бы просто послать своего кобеля Стейна перерезать ему глотку.

— Его бы защитили его друзья из Пути. Тогда вмешался бы Олаф.

— Олаф! — старая королева сказала, как плюнула. Своей

жизнью и жизнью своего сына она была обязана милости пасынка. Тем больше она его ненавидела, а еще того хуже — из-за того, что ее сын не разделял ее чувств, сохраняя неизменное уважение и почтение к старшему сводному брату, несмотря на все неудачи Олафа и победы самого Хальвдана.

— И твой сын, мой муж, поддержал бы своего брата, — добавила Рагнхильда, зная, что режет по живому. — Так, как решила я, выйдет лучше. Тело найдут, когда оно раздуется и всплывет, через неделю, и люди станут говорить, какие эти *Enzkir* межеумки, что расхаживают по слабому льду.

— Ты могла бы оставить его, — предложила Аза, не желая ничего уступать своей невестке. — Он был не опасен. Одноглазый мальчик, издалека, из страны рабов. Кто может счесть такого опасным для настоящего короля вроде Хальвдана? Или даже для твоего хилиака Харальда? Лучше бы боялась этого полутролля Вигу-Бранда.

— Не рост делает короля, — ответила Рагнхильда. — Как и мужчину.

— Уж ты-то знаешь, — прошипела Аза.

Рагнхильда презрительно улыбнулась.

— У одноглазого есть его удача, — сказала она. — Это и делает его опасным. Но удача длится, только пока не встретится с другой удачей, большей. С той удачей, что в моей крови, удачей Хартингса. Это мы дадим Северу Единого Короля.

Дверь позади них распахнулась, впуслав облачко морозного воздуха. Обе женщины вскочили на ноги, Рагнхильда схватилась за стальной прут, которым звонила в гонг своим трэям. В дверь ввалились двое мужчин, один высокий, другой пониже. Коротышка захлопнул дверь, задвинул шеколду и даже вставил на место колышек, который не позволял открыть дверь снаружи.

Шеф заставил себя выпрямиться, устало прошел по комнате, не выпуская из руки меч и стараясь не свалиться ниц перед благодатным жаром пылающего очага. Его с трудом можно было узнать, лицо было залеплено коростой грязи. Кровь и слизь покрывали ладони и руки до локтя. Кожа посинела от холода, а нос и лоб были тронуты смертельной болезнью.

— Я получил ваше послание, леди, — произнес он. — Вы мне напомнили о страже на мостах, но насчет льда вы солга-

ли. И еще я то и дело встречал на берегу ваших псов. Взгляните, это кровь из их сердец.

Рагнхильда подняла свой стальной прут и ударила им по железному треугольнику, висевшему близ очага. Пока Шеф шел вперед с поднятым мечом, она не шелохнулась.

Хотя рабыни еще не были отпущены на ночь, они спали на тюфяках в задней комнате. Сейчас они вчетвером появились в дверях, которые вели в главный зал и другие помещения, протирая глаза и одергивая платья. В любое время дня и ночи было бы крайне неосторожно явиться на призыв одной из королев с секундным промедлением. Как любила повторять Аза, она скоро сойдет в могилу, и она еще не выбрала, кто должен составить ей компанию в захоронении. Женщины, молодые и средних лет, но все с усталыми озабоченными лицами, торопливо выстроились в ряд, осмелившись только чуть-чуть скосить глаза на двух странных мужчин. Мужчин? Или марбендиллов из бездны морской? Королева Рагнхильда может заставить служить себе даже марбендиллов.

— Горячие камни в парилку, — приказала Рагнхильда. — Подбросить сюда угля. Горячую воду в лохани и принести полотенца. Принести два одеяла — нет, одно одеяло для этого и мою горностаевую мантию для английского короля. И, девочки... — Засуетившиеся было рабыни замерли. — Если я услышу, что хоть кто-то об этом узнал, я не буду выяснять, кто из вас проболтался. В порту всегда есть шведские суда, а в Упсале — место на священных деревьях.

Рабыни испарились. Рагнхильда взглянула со всей высоты своего роста на Шефа, остановившегося перед ней в нерешительности, а потом на Азу.

— С такой удачей не спорят, — сказала она. — К ней лучше присоединиться.

Глава 13

Шеф сидел на широкой деревянной лавке, которая почти заполняла собой крошечную темную комнатку, озаренную единственным фитилем, теплившимся в плошке с китовым жиром. Снизу горячие камни источали жар, обжигающий жар, от которого трескались губы и шибал в нос запах сосновой смолы, выступившей на деревянных стенах. Шеф не-

жился в нем, чувствуя, как стужа уходит из костей. Ощущая также, что отпала нужда в стремительных решениях. Теперь он был в руках других людей. Его ответственность больше не распространялась даже на Карли. Он и не ведал, куда того увели.

По приказанию королевы рабыни проводили его в покои, сняли с него липкую грязную одежду. Одна из них энергично растерла ему лицо пригоршней набранного на улице в подтаявшем сугробе снега, чтобы спасти от грозных последствий отморожения. Другая поливала его теплой водой, растирала щелоком, стирала с его рук кровь, грязь и животный жир. Он смутно осознал, что они забрали его меч, что то же самое они проделали и с Карли, однако от внезапного перехода в тепло он почти совсем оступел. Потом они отвели его в парилку и вышли.

Некоторое время он сидел, даже не потев на таком жару, просто чувствуя, как тепло проникает в его полуотмороженное нутро. Затем его охватила истома, он лег, подложив под голову полено, и погрузился в некрепкий тревожный сон.

* * *

Где-то во тьме над ним обсуждалась его судьба. Он слышал знакомый уже гул мощных голосов. Один был за него, понял он, другой против.

— Он должен умереть на льду, — произнес враждебный голос: холодный, властный, не привыкший к возражениям, голос не только Отца, но и Повелителя богов и людей.

— Нельзя обвинять человека за то, что он спасает свою жизнь, — спорил второй голос: Шеф вспомнил, что много раз слышал его, и узнал в нем голос своего покровителя, а может быть, и отца, хитроумного Рига.

— Он отбросил копые, копые с моими рунами. Он отказал мне в жертвоприношении. Он не идет дорогой героев.

— Значит, тем меньше у тебя причин забрать его к себе. Ему не найдется места в Вальгалле, из него не получится послушный новобранец для твоего Эйнхериара.

Первый, казалось, колебался.

— И все же... Есть в нем какая-то хитрость. У моих работорговцев слишком мало хитрости. Может быть, это качество пригодится в день Рагнарока, в Судный День.

— Но пока оно тебе не нужно. Оставь его, как он есть, посмотрим, куда его удача приведет его. Может быть, он служит тебе по-своему, — второй голос лгал, Шеф знал это, он догадался об этом по сладости исходящих от того увещаний. Для него просто выигрывали время.

— Удача! — воскликнул первый голос, чему-то обрадовавшись. — Ну, тогда посмотрим. Если у него есть удача, то она его собственная, потому что мою он отверг. И ему понадобится много удачи, чтобы выжить среди опасностей Дротнингсхолма. Посмотрим.

Оба голоса слились в согласный гул и затихли.

* * *

Шеф очнулся рывком. Сколько же времени он спал? Видимо, недолго. Здесь слишком жарко, чтобы разлеживаться. Теперь он вспотел, и лавка под ним была влажной. Пора встать и осмотреться. Он вспомнил слышанный от Торвина стих:

У каждой двери оглядись,
Когда враги в чертоге каждом.

Едва он поднялся, как дверь парилки со скрипом распахнулась. В предбаннике пылал очаг, и благодаря его свету он узнал в появившейся в дверях фигуре королеву Рагнхильду. Ему было не видно, что на ней надето. Закрыв дверь, она подошла и прижалась к нему.

— Ты сняла свои драгоценности, королева, — сказал он с неожиданной хрипотцой в голосе. Он чувствовал, как тревожит его исходящий от нее запах женщины, более сильный, чем запах смолы.

— Золото нельзя носить в парной с горячими камнями, — ответила она. — Оно обжигает. Поэтому я сняла свои кольца и браслеты. Смотри, на мне нет даже застежки.

Она схватила его руки, прижала к груди, направила под платье. Оно раскрылось. Ладони Шефа легли на тяжелые купола ее груди, он понял, что на ней нет ничего, кроме распахнутого платья. А его руки уже скользили по ней, ладони гладили длинную мускулистую спину, с силой сжали ягодицы. Она подалась вперед, толкая его лбом, заваливая на спину. Под колена ударила скамья, и он с шумом опрокинулся.

По его телу струился пот, а королева распростерлась над ним, насадая на вздыбленного скакуна. Впервые с тех пор, как два года назад в суффолкском лесу он входил в лоно Голдивы, Шеф ощутил сокровенный жар женской плоти. С него как будто бы спали злые чары. Сам удивляясь своей способности, он сорвал с нее платье, схватил королеву за бедра и, продолжая сидеть, начал рваться вперед и вверх.

Рагнхильда, опираясь на его плечи, расхохоталась.

— Никогда не встречала мужчину, такого энергичного в парилке, — сказала она. — Обычно жар превращает их в старых волов. Я вижу, на этот раз березовые веники не понадобятся.

* * *

Неизвестно, сколько времени прошло, и Шеф подошел к наружной двери замка, открыл ее, осторожно выглянул. Перед ним, на востоке, далеко на другой стороне фьорда простиралась редкая цепочка огней на холмах Восточного Фолда. Из-за его плеча выглянула Рагнхильда.

— Рассвет, — сказала она. — Скоро придут Стейн и стражники. Тебе нужно спрятаться.

Шеф распахнул дверь, чтобы воздух обдал его разгоряченное тело. За последние несколько часов он почти на смерть замерз, а потом едва не зажарился. Теперь воздух нес только приятную прохладу и свежесть. Он вдохнул его полной грудью, подумал, что в нем чувствуется аромат зеленой травы, пробивающейся из-под растаявшего снега. Весна приходит в Норвегию поздно, но растения, животные и люди сразу начинают наверстывать упущенное время. Он чувствовал себя таким свежим и полным сил, как в детстве. Предсказанные в его сне опасности были забыты.

Он повернулся, снова схватил Рагнхильду, стал подминать ее под себя. Она со смехом отбивалась.

— Скоро придут люди. Уж больно ты рьяный. Ты что, раньше никогда не получал сполна? Хорошо, я обещаю тебе, ночью все повторим. Но сейчас мы должны тебя спрятать. Рабыни промолчат, а мужчины не увидят. Об этом все равно узнают, но мы не должны давать Хальвдану повода доставить нам неприятности.

Она потянула Шефа, по-прежнему обнаженного, внутрь дома.

Карли недоумевал, куда запрятали его друга, — он полагал, что может теперь так называть Шефа. Он валялся на соломенном тюфяке на чердаке, к которому вела лесенка из комнаты рабынь. В маленькое окошко без ставен падал свет, но Карли предупредили, чтобы он не высовывался... Его голова и изгрызенное запястье были забинтованы, а сам он укрыт теплым одеялом.

Лестница закрипела, и он схватился за меч, который подобрал, когда его разлучили с Шефом. Но это всего лишь пришли две рабыни. Он не знал их имен: некрасивые темно-волосые женщины, одна его возраста, другая, с изборожденным морщинами лицом, лет на десять постарше. Они несли его одежду, чисто выстиранную и просушенную над огнем, буханку черного хлеба, кувшин с элем и еще один — с простоквашей.

Карли сел, ухмыльнулся, жадно потянулся за элем.

— Леди, я бы встал и поблагодарил вас, как положено, — сказал он. — Но на мне только это одеяло, а то, что под ним, может вас испугать.

Молодая слегка улыбнулась, а старшая покачала головой.

— Кто живет на этом острове, тех мало чем испугаешь, — сказала она.

— Почему же так?

— Нам всегда есть из-за чего беспокоиться. Королевы играют в свои игры, с мужчинами, королями и с мальчишкой Харальдом. В конце концов одна из них проиграет и поплатится за все, будет похоронена. Королева Аза уже начала откладывать вещи, которые возьмет с собой в могилу, сани и повозку, самоцветы и хорошую одежду. Но ни она, ни Рагнхильда, когда сойдут в могилу, не будут там в одиночестве. Они возьмут с собой провожатых — может быть, одну рабыню, может быть, двух. Я здесь самая ненужная. Наверняка Аза возьмет меня с собой, или же меня отошлет Рагнхильда. А Эдит здесь самая молодая. Может быть, Рагнхильда из ревности выберет ее.

— Эдит, — сказал Карли. — Это не норманнское имя.

— Я англичанка, — сказала девушка. — А Марта из Фризии. Они похитили ее с родного острова, когда был туман. Меня схватили работорговцы и продали на рынке в Гедебю.

Карли уставился на них. До сих пор все трое разговаривали по-норманнски, женщины довольно бойко, а Карли — через пень-колоду. Теперь же он заговорил на языке Дитмарша, родственном фризскому и английскому, на языке, который, как он убедился, хорошо понимал Шеф.

— А вы знаете, что я и мой друг тоже не норманны? Он король в Англии. Но говорят, что когда-то он был трэлем вроде вас. И его пытались продать на рынке в Гедебю каких-то пару недель тому назад.

— Пытались?

— Он сбил с ног человека, который объявил себя его хозяином, а потом решил сам продать его. Отличная шутка, и удар был неплохой. Но слушайте — я знаю своего друга, и я знаю, что он не любит работорговцев. Когда мы вернемся к своим друзьям, хотите, я попрошу его выкупить вас у этих королей? Он это сделает, если узнает, что ты англичанка, Эдит, и тебя, Марта, тоже не забудет.

— Вряд ли вы вернетесь к своим друзьям, — сказала Марта. — Мы ведь много чего слышим. Королева Рагнхильда боится твоего друга. Она думает, что он может занять место, уготованное ею для своего сына. Прошлой ночью она собиралась убить вас обоих. А сейчас она хочет вытянуть из твоего друга его мужскую сущность, родить от него ребенка, на тот случай, если его кровь предназначена для царствования. Как только она почувствует в своем чреве ребенка, твой друг найдет в своей каше черную белену. И ты тоже.

Карли неуверенно посмотрел на буханку, которую он уже обгрыз.

— Нет, — продолжала женщина, — ты пока в безопасности. Настолько же, насколько и мы. Пока она не получит то, чего хочет.

— И сколько на это уйдет?

Марта впервые рассмеялась, безрадостным, скорее похожим на плач смехом.

— Заделать женщине ребенка? Ты же мужчина, ты должен бы знать. Столько времени, сколько нужно, чтобы пройти мило? С большинством из вас даже меньше.

— Со мной больше, — пробормотал Карли. Его рука машинально, но не встречая сопротивления, потянулась к коленке Эдит.

Вальгрим Мудрый внимательно осмотрел выловленное копье, наконечник которого уже покрылся ржавчиной. Он прочел руническую надпись на железной насадке.

— Где ты его нашел? — спросил он.

— У берегов Дроттнингсхолма, — ответил Стейн, начальник стражи. — Когда мы, как всегда, возвращались сегодня утром на остров, я послал людей забрать собак, как мы обычно делаем. Собак никак не могли найти, а королева Рагнхильда сказала мне, что ее беспокоил их вой и она велела служанкам загнать псов домой. Когда я стал расспрашивать, она разозлилась и велела мне убираться, пока уши не отрезали. Я почуял неладное и послал вдоль берега весельную лодку, льда ведь уже нет. Они нашли вот это.

— Оно плавало?

— Нет, у него слишком тяжелый наконечник. Мне сказали, копье было в воде близко от берега, футах в трех. Наконечник погрузился, а древко болталось на поверхности.

— Что это, по-твоему, означает?

— Он мог утонуть вместе со льдом, — предположил Стейн. — Весь лед сошел в начале прошлой ночи, когда пошел дождь.

— Но ты в этом не уверен?

— Из-за собак, — подтвердил Стейн. — Здесь какой-то обман, и Рагнхильда что-то скрывает.

— Может быть, мужчину?

— Может быть, и так.

Оба повернулись к королю Олафу, третьему присутствующему в этой комнате.

— Кажется, это задевает доброе имя твоей семьи, — не удержался Вальгрим.

Король улыбнулся:

— То, о чем вы подумали, — это тоже неплохое испытание для удачи. Если король Шеф был прошлой ночью на льду и остался жив, значит, одно испытание он прошел. Если его не остановили волкодавы, значит, он прошел и второе. Вы хотите, чтобы я подверг его третьему испытанию?

— Третий раз — расплата за все, — сказал Стейн.

— Согласен. Пусть будет третье, и больше ни одного, ни от меня, ни от вас. Соглашайтесь.

Вальгрим неохотно кивнул, взгляд его затуманился расчетами.

— Тогда я пошлю сообщить моему брату, что на Дроттнингсхолме, кажется, не все благополучно. Я никогда не делал такого раньше, и он знает, что просто так я бы об этом не заговорил. Так что он поверит мне и вышлет приказ тщательно обыскать остров и все дома на нем до последнего дюйма. Тебе, Стейн, нужно подумать, как это осуществить. И если будут обнаружены спрятавшиеся нарушители, их следует отдать на милость короля. Суд его будет суров, коль скоро он убедится, что затронуто доброе имя его сына Харальда.

А до тех пор, Стейн, тебе стоит удвоить охрану на всех мостах — с Дроттнингсхолма на второй остров и на мостах на первый остров и на материк. Смелый человек может решиться плыть между островами, поэтому пусть между ними дежурят ваши сторожевые лодки. Нет нужды напоминать о том, чтобы ни одну лодку нельзя было украсть.

И если это будет испытанием, то от вас зависит, чтобы оно было достаточно суровым. Потом не приходите ко мне и не говорите, что это оказалось нечестное испытание, которое мог бы пройти любой. Вы должны сделать так, чтобы единственная дорога оттуда пролегла тропой Вёлунда, по воздуху! Тогда, если король Шеф ускользнет, мы будем знать, что он и есть Вёлунд, только в ином обличье.

Стейн и Вальгрим снова кивнули.

— И ни слова его друзьям, — добавил Вальгрим. Из высокого окна комнаты, где они сидели, ему было видно, как Торвин в сопровождении Бранда идет по тропке близ святилища. Оба выглядели озабоченными донельзя.

— Ни слова его друзьям, — согласился Олаф. — Я играю честно, Вальгрим. Смотри, и ты будь тоже честен. Иначе это не испытание королевской удачи.

Едва он вышел, Вальгрим и Стейн переглянулись.

— Олаф велел сделать испытание суровым, — сказал Стейн. — Я могу сделать его немножко суровей, чем он рассчитывал.

— Так сделай, — откликнулся Вальгрим, снова разглядывая руны «Гунгнир» на копье, которое все еще держал в руке. — Невозможно оказаться излишне суровым к человеку, который притворяется, что послан Отцом Всего Сущего.

— А если его удача окажется сильнее?

Вальгрим взвесил в руке копье, тряхнул его, как человек, собирающийся ударить:

— Думаю, что удача уже оставила его. Я его ненавидел за подражание моему хозяину, Одину. Я еще больше ненавижу его теперь, когда он выбросил знак моего хозяина.

* * *

Прячась в тених большого зала, Карли ошарашенно наблюдал за своим другом и властелином. «Все признаки налицо, — подумал он. — Мне следовало бы раньше догадаться».

Почти с момента их первой встречи — во всяком случае, с первого разговора — Карли бессознательно был убежден, что Шеф из них двоих старше, мудрее, больше повидал в жизни и лучше владеет оружием. Это не вызывало у Карли ощущения неполноценности. Он был для этого слишком силен духом и пребывал в несокрушимой жизнерадостной уверенности, что способен кулаком сбить с ног любого, а в постель затащить если и не любую женщину, то, по крайней мере, всякую с не слишком злым нравом. Он не считал, что Шеф превосходит его. Но он предполагал, что Шеф знает столько же, сколько и он сам.

Ошибка. Давно нужно было сообразить, что, коль скоро речь заходит о женщинах, этот высокий воин, украшенный шрамами и имеющий могущественных друзей, становится не больше чем просто мальчиком. Вот и сейчас он вел себя как мальчишка. Мальчишка, впервые встретившийся с женщиной. Что он делал с королевой Рагнхильдой целый день, Карли не знал, но сейчас наступила ночь, стража удалась, а он все равно не мог оторвать от нее ни взгляда, ни рук. Пока он ложкой ел вареную солонину, его левая рука покоилась на обнаженном локте королевы, ласково его поглаживая. Каждый раз, когда она говорила, он наклонялся к ее устам и смеялся, всячески стараясь лишний раз к ней прикоснуться. Карли слышал истории о ведьмах, которые вытягивали из мужчин их мужскую сущность. В его личном опыте нужды в колдовстве никогда не возникало. Женские чары, сознательно применяемые, действуют на любого мужчину — по крайней мере в первый раз. С тех пор же как ты понял, что в море рыбы больше, чем кажется, ты защищен. Но Шеф-то еще этого не знал. И невозможно было объяснить ему. Когда

Карли, освободившись из своего заточения на чердаке, пошел к Шефу, вид у того был дружелюбный, но отсутствующий, и он оказался совершенно не расположен разговаривать или даже задумываться о том, что происходит. Он совсем расклеился.

Все, следовательно, возлагалось на одного Карли. Он ничуть не сомневался, что, несмотря на тепло, сытость и ласку, они с Шефом подвергаются сейчас большей опасности, чем на льду. То, что Эдит, Марта и две их подружки рассказали ему, совершенно его огорошило. Шеф был против рабства, потому что рабство не раз грозило ему. Карли же был против рабства, потому что никогда с ним раньше не сталкивался. В отсталом и нищем Дитмарше для рабов не нашлось бы ни помещений, ни работы. Дитмаршцы могли продавать потерпевших кораблекрушение чужаков другим чужакам, но сами в жизни не держали трэлей. Вечный страх, в котором жили трэлы вроде Эдит или Марты, был для Карли в новинку.

А ведь страх делает людей хорошими слушателями. Ради спасения жизни им необходимо вовремя узнать, что может случиться, и принять немногие доступные им жалкие меры предосторожности. Так что Марта не только сносила презрение и придирки от норвежки-домоправительницы, которая каждое утро приходила вместе со стражей и каждый вечер уходила вместе с ней. Она подстрекала ее на откровенность, нарочно ошибаясь, чтобы вызвать побои и сопровождающий их поток слов. И что же сказала дородная Вигдис после того, как Марта уронила сковородку? Она сказала, что пришло время для ленивых нерях. Да-да, и может быть, не только для них. Почему же еще стражу-то удвоили? И не надейся уплыть, как бесхребетный угорь — твой отец. В проливах между всеми островами плавают стражники на лодках. Когда король вернется, мы еще посмотрим, кто достаточно полезен, чтобы остаться жить, а кто годен только для могильного кургана.

Очевидно, Вигдис не знала, для чего усилена охрана, и относилась это на счет каких-то королевских интриг: может быть, король Хальвдан устал от своей никак не собирающейся умереть матери, а может быть — от жены с ее своеволием. Но рабыни знали все. Собаки, сказали они. Приходили люди, заглядывали на псарню, спрашивали, где же остальные, почему они не все вернулись, почему не слышно их лая, если

они все еще бегают где-то на острове. Они убрали тела еще до света, сказала Эдит, а дождь смыл кровь, но на такой мягкой почве не нужно быть следопытом, чтобы понять — здесь что-то произошло.

«Хорошо еще, если осталась ночь или две, — думал Карли, глядя на Рагнхильду с Шефом и кислую мину королевы Азы, сидящей напротив них за столом. — Я знаю. Рабыни знают. Шеф ничего не слушает. Вигдис не знает ничего. Что ж, в одном можно быть уверенным. Они не заметят, если я исчезну». Он прошел в тесную комнатку, где его ждали служанки.

— Ты придумал, что делать? — прошептала Эдит.

Карли обхватил ее за пояс.

— Я из Дитмарша, — ответил он. — Я кое-что знаю насчет воды. Мне нужно построить... — он не мог подобрать слово, — лодку, что ли?

— На острове лодок нет. Ни досок, ни инструментов. Деревья валить — это на несколько недель. И все равно, тебя ведь услышат!

— Я имею в виду не такую лодку, — сказал Карли. — Мне нужно, — он повернулся к Марте из Фризий, — то, что мы называем *punt*.

— В нем охотятся на уток, — кивнула Марта. — Но для чего он тебе?

* * *

Через несколько часов Карли, потев, склонился над сооружением, которое собирал на обращенном к морю берегу острова, самом удаленном от постов стражи. Плоское дно лодки было сделано просто из двери. Нашлась лишь одна, отсутствие которой не заметили бы в тот же самый день — дверь, ведущая в вонючий нужник для рабынь. Видимо, ни стража, ни королевы даже не подозревали о существовании подобного места, не говоря уж о том, есть там дверь или нет. Карли снял ее с петель, и унес. Она сама по себе выдержала бы одного человека, и на ней можно было бы переправиться с шестом, если бы держаться мелководья. Но он знал, что от него потребуется большее, ведь прежде чем подходить к берегу фьорда, нужно сделать круг по морю. Понадобится место, чтобы стоять, если он не хочет, чтобы каждая волна

заливала его. Еще нужен какой-нибудь штевень на носу, чтобы рассекать волны — и изготовленный без шума и без инструментов.

Медленно и неловко он отпилил углы двери своим мечом, острым, но без зубцов. Взятými с кухни железными вертелами удалось прикрепить по бокам несколько дровяных поленьев, прибить их плоским камнем, обернутым в тряпки. Деревянный поднос поверх них он прикрепил с помощью четырех гвоздей, расшатанных голыми руками и потихоньку вытасненных из деревянной обшивки со стены в задней части главного зала. И наконец, снесаемый нетерпением и уверовав, что пропажа не будет обнаружена раньше следующего утра, он, уперевшись коленом, отломал одну из досок обшивки, у самого низа. Сейчас он пытался забить еще три гвоздя в доску, прилаженную к передней части двери, чтобы сделать неуклюжий носовой обвод. Тогда он получил бы некоторое подобие плоскодонки, на которой дитмаршские охотники плавают по своим непролазным болотам. Он не будет ни отталкиваться шестом, ни делать уключины, он просто будет грести с кормы одним веслом — это опять же отломанная дощечка, вставленная в расщепленный конец еловой ветви. На тихой воде сойдет. Если только его не заметят стражи с прибрежных лодок или моряки с одного из огромных кораблей, которые охраняют королевские рубежи. Если он не повстречает тварь из морских глубин.

При последней мысли волосы Карли встали дыбом. В глубине души он знал, чего боится. Не моря и не людей. Слишком многое он и английские катапульты, изнывая от скуки, понарассказывали друг другу о том, какие чудовища водятся на их родине, добавляя еще и услышанное от викингов. Живя в Дитмарше, Карли боялся болотных кикимор. Англичане боялись привидений — боггартов, ведьм и подземных обитателей. Викинги рассказывали обо всех них и о еще более странных тварях — скоффинах, никсах, марбендиллах и шхерных троллях. Кто знает, что там встретится ночью в море? Возьмет и высунется поросшая серым волосом рука и схватит его за лодыжку, когда он будет грести, стоя в шести дюймах над поверхностью воды. А потом тварь устроит себе на морском дне пир.

Карли встряхнулся, загнал плоским камнем последний гвоздь и выпрямился.

На ухо ему промурлыкали:

— Собираешься порыбачить?

И без того напуганный, Карли сиганул прямо через плоскодонку, в воздухе развернулся, приземлился уже готовый к борьбе, стараясь разглядеть, что за напасть к нему подкралась. Он почти успокоился, когда увидел довольное, презрительное лицо Стейна, капитана стражников, стоявшего полностью вооруженным, но заткнув большие пальцы за пояс.

— Не ожидал меня увидеть? — поинтересовался Стейн. — Думал, я не вернусь до утра? Ну а я подумал, что лишняя предосторожность не помешает. В конце концов, если на Дроттнингсхолме мужчинам нельзя оставаться после заката, то и тебе тоже нельзя, а? А теперь скажи-ка мне, коротышка, где твой длинный дружок? Кобелится в замке? Он потеряет больше, чем один глаз, когда мы отдадим его королю Хальвдану. Хочешь отправиться с ним?

Меч, который Шеф перековал для Карли, по-прежнему валялся на земле, там, где и был брошен. Карли рванулся к мечу, схватил его за рукоять и выпрямился. Первое оцепенение прошло. Это не тварь из морских глубин. Просто человек. По-видимому, один. В шлеме и кольчуге, но без щита.

Стейн выхватил меч и пошел вокруг лодки. Карли не был коротышкой, но не доставал Стейну даже до плеча и в весе проигрывал фунтов пятьдесят. Насколько тот быстр? В армии викингов полно крестьянских сыновей, говорил Шеф.

Карли приподнял локоть и вложил весь свой вес в удар с правого плеча, не в голову — слишком легко поднырнуть, — а в основание шеи, как учил Шеф.

Стейн заметил начало движения, сразу понял, куда нацелен удар, как пойдет меч. Он успел даже переступить ногами перед отбивом. Одним движением он крутанул свой меч в руке, резко вздернутым основанием клинка пресек размашистую дугу удара Карли. Клинки лязгнули. Меч Карли, выбитый из руки, полетел в сторону. Легким движением кисти Стейн приставил острие своего меча к кадыку противника.

«Значит, не из крестьянских сыновей», — с тоской подумал Карли. Лицо Стейна исказилось отвращением. Он опустил меч.

— Не шкура делает медведя медведем, — сказал он. — И не меч делает коротышку воином. Ладно, ты, конопатый ублюдок, говори, или я из тебя отбивную сделаю.

Он нагнулся вперед, склонив ухо и уведя тем самым свой подбородок в сторону и вверх. Ноги Карли сами сменили фехтовальную позицию на более привычную и естественную для него. Он приподнял отвыкшую было от дела левую руку, а правой мгновенно провел боковой удар в челюсть.

На этот раз приемы Стейна, натренированные десятилетиями, подвели его. Удар застал его врасплох. Пока он поднимал меч для убийственного ответного выпада, еще один удар отбросил его голову назад, а третий — с расстояния в шесть дюймов — обрушился на висок. Он завалился вперед, а Карли шагнул в сторону и рубанул его ребром ладони под затылок — прием, запрещенный в Дитмарше на ринге, но не против мужей или встреченных в ночи соперников. Ветеран растянулся у ног Карли во весь свой шестифутовый рост.

Из сумрака вышла Марта, рабыня. Когда она увидела лежащего воина, в ее глазах появился ужас.

— Я пришла посмотреть, уплыл ли ты. Это капитан Стейн. Раньше он никогда не шпионил ночью. Они знают, что ты здесь! Он мертв?

Карли помотал головой.

— Помоги мне связать его, пока не очухался.

— Связать его? Ты с ума сошел? Мы не сможем вечно сторожить его или заставить его молчать.

— Ладно... Что же нам с ним делать?

— Перерезать глотку, конечно. Давай-ка, быстро. А тело положи в лодку и столкнешь в воду. Пока его найдут, пройдет много дней.

Карли подобрал меч, устоял на оглушенного Стейна.

— Но я никогда раньше не убивал. Он... Он не сделал мне ничего плохого.

Марта решительно шагнула вперед, нагнулась над Стейном, который уже зашевелился и пытался подняться. Она выхватила у него из-за пояса короткий нож, быстро попросовала остроту лезвия, скосынула со Стейна шлем и за волосы оттянула ему голову назад. Заведя руку вперед, вонзила нож глубоко под левое ухо. Прорезала им широкий и глубокий полукруг. Из рассеченных артерий брызнула кровь, Стейн закричал, голос его с шипением вырвался из большой дыры в глотке.

Марта отпустила голову, дав телу завалиться ничком, машинально обтерла нож о свой засаленный фартук.

— Мужчины, — бросила она. — Это же как свинью зарезать. Только свиньи не уведут других свиней из их дома. Не хоронят их заживо. Он не сделал тебе ничего плохого! А сколько всего он и ему подобные сделали мне? Мне и таким, как я? Что ты стоишь как столб, а еще мужик называется! Сматывайся! И захвати с собой эту тушу. Если ты не вернешься через два дня, мы все к нему присоединимся. Куда бы он ни отправился.

Она повернулась и снова исчезла в темноте. Карли, с пересохшим горлом и кругами перед глазами, подтащил свою неуклюжую лодчонку к воде и погрузил на нее мертвое тело.

Глава 14

Часом позже Карли осторожно зажал весло между коленями, выпрямился в своей опасно раскачивающейся лодчонке и расправил уставшие плечи. С самого начала он понял, насколько отличается море, даже запертое в тесном фьорде, от мелких илестых протоков в родных болотах. Легчайшее волнение раскачивало дверь вдоль и поперек. Чтобы хоть как-то сохранять равновесие, пришлось как можно ближе податься к центру, из-за чего упор для гребли оказался позади него, а не там, где нужно. Путем проб и ошибок он выяснил, как ловчее встать, одной ногой далеко вперед, а другой — упираясь в самый край деревянного щита. К счастью, весло он сделал достаточно длинным, чтобы дотягиваться им до воды даже в такой позиции.

У дитмаршских охотников на уток было два способа гребсти, легкий и трудный. Сложности с равновесием исключали легкий способ — опираясь на одну ногу, подсунуть весло под колено другой и гребсти обеими руками. Пришлось сразу же перейти на трудный способ: надо было, держа весло одной рукой, другой рукой загребать с левого и правого борта попеременно, описывая нескончаемые восьмерки. Карли хорошо держал равновесие, у него были необычайно сильные для человека его роста руки и плечи. Только поэтому у него получалось. Но и то — с трудом и крайне медленно.

И все-таки никто его не заметил. Сначала он отталкивался веслом от дна, пока не вышел на глубокую воду, там он с облегчением столкнул труп с борта и увидел, что лодка при-

поднялась в воде. Кольчуга утянула Стейна на дно. Скоро он всплывет, но тогда уже Шеф будет спасен, или сам Карли присоединится к покойнику в ином мире.

Затем он поплыл от острова по прямой к темным очертаниям холмов Восточного Фолда на другой стороне фьорда. Пять сотен изматывающих гребков веслом и непрерывные старания удержать равновесие. После этого он обернулся, внимательно посмотрел на Дроттнингсхолм и соседние острова. Он мог их различить, но без подробностей. Можно было не опасаться, что в облачную безлунную ночь кто-то из стражников заметит на фоне черного моря человека, пробирающегося на углу челноке.

Он снова повернулся и направился на север к Каупангу. Ветер и прилив помогали ему. По мере усталости он менял руку. Неприятно было не видеть ничего, ни огонька, ни малейших признаков продвижения вперед. С тем же успехом он мог бы гребсти в безбрежном океане, двигаясь из ниоткуда в никуда.

До сих пор вокруг него ничего не появлялось. Но вот сквозь посвист ветра и рокот моря Карли различил позади себя какой-то странный звук. Неумолчный плеск, что-то равномерно шлепающее по воде. Он оглянулся, мгновенно наполняясь ужасом перед таинственной морской ведьмой, охотящейся за ним.

Хуже того. На черной поверхности моря Карли заметил тень со свирепой поднятой головой, как у чудовища, рыщущего в поисках жертвы. Увенчанный драконом форштевень одного из кораблей короля Хальвдана, что вышел море на длинную летнюю вахту. Карли различал белые бурунчики от весел, слышал ритмичный скрип уключин, крикание налегающих на весла гребцов. Они гребли очень медленно, не имея определенной цели и сохраняя силы. На носу и корме стояли впередсмотрящие, выискивая купцов, экономящих на пошлине королю Хальвдану, и пиратов, надеющихся поживиться в Восточном или Западном Фолде. Карли незамедлительно улегся ничком, не страшась больше заливающих его волн. Он пригнул лицо, втянул ладони в рукава, весло спрятал под собою. Много раз уклоняясь от нежелательных ночных встреч с мужьями и отцами, он знал, что темной ночью ничто так не выдает человека, как белеющая кожа. Он старался прикинуться плавающим обломком кораблекруше-

ния; от одной мысли, что лучники прицеливаются в него, по коже забегали мурашки.

Весла гремели над самым ухом, дверь качнулась на буруне от проходящего боевого корабля. Ни оклика, ни выстрела. Когда край кормы уже вышел из поля зрения, Карли услышал возглас впередсмотрящего и неразборчивый ответ. Но нет, его не окликнули. Это не имело к нему отношения.

Осторожно, весь трясаясь, он поднялся на ноги, подобрал весло, стал медленно грести вслед за удаляющейся кормой корабля. Снова начав отсчет гребков, он вдруг ощутил, что дверь опять вздымается под ногами. Еще один носовой бурун? Нет, что-то большое, близкое, громоздкая туша, всплывающая под самым боком. Карли упал на колени и схватился руками за борта, тут же услышав шумное пыхтение в каких-нибудь шести футах от себя.

Огромный, в рост человека, плавник скользнул мимо, возвышаясь из воды почти под прямым углом. Под ним виделось черное блестящее тело. Пройдя вперед, плавник развернулся и пошел наперерез. Из воды показалась голова, достаточно широкая, чтобы разом проглотить дверь. Карли увидел белоснежный отблеск, бегущий внизу черного туловища, заметил изучающий его умный глаз.

Кит-убийца, самец касатки во главе стада, охотящегося за тюленями, он хотел было скинуть человекишку с его щепки и разорвать в воде, но передумал. Людишек вряд ли можно считать достойной добычей, нашептывал ему мягкий настойчивый голос, на них охотиться неинтересно. Иногда за их судами следуют дельфины, а дельфины — это лакомый кусочек. Но сегодня их нет. И кит устремился в погоню за кораблем, забыв про кусок человечины в челноке, решительно направившись на поиски своих товарищей.

Карли снова распрямился, осознав, что теплотой внутри штанов обязан собственному страху. Трясущимися руками схватив весло, он принялся отсчитывать гребки. Эта страна опасна. И люди и животные здесь слишком велики.

* * *

Сидя в своей лачуге, английские катапульты готовили завтрак и одновременно проверяли оружие. Только-только рассвело, но вольноотпущенники, вопреки обычаю, встали

до света. Несмотря на то, что они носили пекторали и были, казалось бы, под защитой принятой ими религии, они чувствовали себя одиноко, скованно, тревожно. Их вождь исчез в неизвестном направлении. Их окружали люди, говорившие на чужом языке и имевшие непредсказуемый нрав. А ведь в глубине души они знали, что большинство норманнов считают всех иностранцев не пойманными пока рабами. Они пришли в Каупанг как воины армии-победительницы. Но постепенно их положение становилось все более шатким. Если их обезоружат, их снова пошлют обрабатывать поля и пасти коз. Каждый из них про себя решил, что этого произойти не должно ни в коем случае. Если понадобится, они будут прорываться. Но куда и как?

В Англии в Армии Пути было три главных рода войск: арбалетчики, алебардщики и катапульты. Никто и не пытался обучить их владеть мечом, хотя каждому полагалось носить на поясе широкий, заточенный с одной стороны нож, одинаково полезный как для заготовки дров, так и против врагов. Но Удд еще позаботился, чтобы каждый из них, независимо от военной профессии, не расставался и умел обращаться с наиновейшим арбалетом, взводимым не с помощью ворота, а посредством длинной зубчатой рейки. Последняя проходила под тетивой и фиксировалась запорным язычком. Одним натягивающим движением можно было взвести пружину, упираясь ногой в специальный упор, приделанный к передней части деревянной рамы арбалета. А Озмод и еще трое его подручных не расставались со своими грозными алебардами, оружием, напоминающим одновременно топор и копье, некогда придуманным Шефом для самого себя, чтобы хоть как-то восполнить недостаток силы и тренированности.

Но главное оружие отряда находилось вне хижин: «мул», метающая камни катапульта, которую они сняли с «Норфолка» и погрузили на «Морж» Бранда. Со времени их прибытия жрецы Тора суеились вокруг, осматривая машину, наблюдая за стрельбами и упрашивая построить катапульты двух других известных видов: дротикомет с пружинной из скрученных канатов и более простую камнекидалку — вращательницу, которую Путь уже использовал в трех сражениях. Говорили, что король Хальвдан повелел испробовать, нельзя ли установить парочку «мулов» на кормовых и носо-

вых платформах кораблей его береговой охраны, достаточно больших, чтобы поднять машины, хотя, возможно, и слишком слабых в киле, чтобы раз за разом выдерживать их мощную отдачу. Но до сих пор стоявший около хижины «мул» оставался единственным во всей Норвегии.

Была и еще одна новинка, пока ни разу не испытанная. Придумка Удда — закаленная сталь — все еще выглядела бесполезной игрушкой. Однажды затвердев, она уже не поддавалась никакой обработке. Удд предлагал сделать более прочные стрелы для арбалетов, но ему резонно возразили, что они и так уже пробивают любую известную броню, так для чего же стараться? В конце концов Удд сделал из новой стали тонкую круглую пластину, двух футов в поперечнике, и приделал ее к самому обычному круглому щиту из липы. Немного нашлось бы воинов, носивших железные щиты. Вес был так велик, что щитом нельзя было вращать достаточно быстро. Вместо металла использовалась мягкая древесина липы, в которой застревало острие или лезвие вражеского меча, к центру щита обычно приделывалась железная бобышка, служившая защитой для руки. Сделанная Уддом пластина была настолько тонка, что, будь это обычное железо, оно бы ничуть не защищало от удара. Но от обработанной Уддом стали отскакивали все обычные мечи, копья и стрелы, а весила эта броня не больше, чем еще один слой древесины. Ни Удд, ни его приятели и остальные пока не испробовали, насколько хорош новый щит — при их способе ведения боевых действий он вообще был не нужен. Тот самый случай, когда новое знание не может найти себе применения.

Поначалу в утренней суете никто не расслышал, что в дверь скребутся. Затем звук повторился, и Квикка замер. Остальные замолкли. Фрита и Хама схватили арбалеты, изготовились к стрельбе. Озмод встал сбоку от двери и занес свою алебарду. Квикка вынул колышек, поднял щеколду, распахнул дверь.

Карли, не в силах устоять на ногах, упал внутрь хижины на четвереньки. Все семеро уставились на него, потом захлопнули дверь и бросились на помощь.

— Посадите его на табурет, — распоряжался Озмод. — Он промок. Ха, не только от воды. Снимите с него одежду, кто-нибудь, дайте ему одеяло. Разотри ему руки, Квикка, он замерз.

Карли, опираясь на табурет, потянулся за кувшином. Озмод протянул ему крепкое подогретое пиво, оно исчезло за дюжину глотков. Карли перевел дух и сел прямее.

— Все в порядке. Сейчас отойду... Просто замерз да промок и устал вусмерть. У меня для вас новости. Во-первых, Шеф жив, он на Дроттнингсхолме. Послание, которое он получил, было ловушкой, но мы все равно туда попали. Так что он на острове, пока жив, но недолго ему осталось, если он оттуда не уберется. Загвоздка в том, что ихняя королева совсем свела его с ума-разума и он не хочет с ней расставаться. Нам нужно пойти и забрать его. Но он по своей воле не уйдет, а на мостах охрана усилена. И выручить нужно будет не только его одного...

Карли выложил всю историю друзьям, которые по ходу рассказа становились все мрачнее и мрачнее. В конце Озмод молча протянул ему вновь наполненный кувшин и многозначительно посмотрел на Квикку, который, как капитан катапультиров, разделил с ним командирские обязанности в отсутствие Шефа.

— Нужно его вытащить оттуда. Мы могли бы сделать это сами, но потом нам будет не отвертеться. Нужно крепко обо всем подумать. Кому мы здесь можем доверять?

— Как насчет лекаря Ханда? — предложил Квикка.

Озмод на мгновение задумался.

— Да, я бы не прочь, чтоб он был с нами. Он англичанин, и он самый старинный друг государя, и вдобавок он жрец Пути.

— Ну а жрец Торвин? — спросил один из носящих молот. На обращенных к нему лицах отразилось сомнение. Квикка покачал головой.

— Он больше предан Пути, чем королю Шефу. А Пути в этом деле замешан. Еще неизвестно, что Торвин выберет.

— А кому из этих норманнов мы вообще можем доверять? — поинтересовался кто-то.

— Может быть, Бранду.

Последовала задумчивая пауза. Наконец Озмод кивнул:

— Бранду — может быть.

— Что ж, если он будет за нас, все может оказаться не так уж трудно. В нем семь футов росту, и телосложение как у каменной горы. Он ведь ратоборец чего-то там, правильно? Да он пройдет сквозь всю их охрану, как струя мочи сквозь сугроб.

— Я на его счет не так уверен, — засомневался Озмод. — В прошлом году ему распорол мечом брюхо. Его подлатали, правильно. Но голову ему подлечили, а? Не знаю, сможет ли он быть победителем где бы то ни было еще раз.

— Ты думаешь, он стал трусоват? — недоверчиво переспросил Квикка.

— Ну, не то чтобы. Но я думаю, что он теперь будет остерегаться, не то, что раньше. И в этой стране, где полно берсерков, или как их там называют, от него уже проку не много.

— Но как думаешь, он нам поможет?

— Если мы не будем требовать слишком многого. — Озмод огляделся и нахмурился. — Нас здесь семеро плюс Карли. А где Удд?

— Да где ж ему быть? Потекли ручьи, и он пропадает на мельницах, следит, как они работают. Схватил с собой краюху хлеба, как только стало светать.

— Ладно, кто-нибудь, сходите и приведите его сюда. А остальные слушайте меня. Мы сделаем вот что...

* * *

— ...вот такой у нас будет план, — сообщил Озмод, сурово глядя через стол на Бранда. — Именно так мы и собираемся поступить. И у нас к тебе только один вопрос — ты с нами или нет?

Бранд задумчиво опустил глаза. Хотя оба они сидели, лицо Бранда располагалось на фут выше, чем лицо англичанина. Вот что по-настоящему удивительно, подумал он, — как изменились люди Шефа. Весь жизненный опыт, вера и воспитание Бранда убеждали его, что раб есть раб, а воин есть воин, и невозможно из одного сделать другого. Воина нельзя обратить в рабство — ну, разве что с массой предосторожностей вроде тех, что придумал король Нитхад для Вёлунда, да и то, кто же не знает, что с ним случилось. А из раба нельзя сделать воина. Дело не только в том, что у него нет военной выучки, в нем нет еще и души воина. Во время прошлогодней войны в Англии Бранд несколько поколебался в своем мнении. Он увидел, что бывшие рабы могут быть полезны в войне машин, поскольку их самих можно превратить в машины: делать, что велют, натягивать тетиву и по приказу дергать за рычаги. И это все.

Но вот перед ним сидит вольноотпущенник, и он не только придумал свой план действий, не только рассказывает ему, Бранду, как собирается его осуществить, он еще и отвергает попытки Бранда остановить его. Гигант из Галогаланда испытывал смешанное чувство: раздражение, изумление и что-то вроде — уж не тревоги ли? Ибо страх не был тем чувством, в котором он бы легко признался и самому себе.

— Да, я с вами, — отвечал Бранд. — Но я не хочу, чтобы в этом оказалась замешана моя команда. И я не хочу потерять свой корабль.

— Мы собирались воспользоваться твоим кораблем, чтобы убраться отсюда, — сказал Озмод. — Поплыть на нем назад в Англию.

Бранд помотал головой.

— Никаких шансов, — сказал он. — Охрана короля Хальвдана запечатала этот берег так плотно, как лягушке задницу. А «Морж» не может сражаться с кораблями охраны, они в два раза больше размером.

— Используй «мула».

— Ты же знаешь, как много времени это займет, нужно не просто погрузить его, но и установить как надо, чтобы можно было стрелять. И потом, любой корабль, если он не построен специально для «мула», сразу рассыплется на кусочки, едва ты выстрелишь на нем из такой штуки.

— Тогда как же нам сбежать после того, как мы отберем короля Шефа у королевы? Ты считаешь, что это не выгорит?

Бранд пожевал губу.

— Можно. Наверное. Но не морем. Может, лучше всего сделать вот что. Я придумаю какой-нибудь предлог и уеду — скажем, поеду поохотиться в горы, мне поверят, ведь я провел зиму взаперти. Я куплю лошадей для всех нас. Когда выполните свой план, встречайте меня в условленном месте. Тут мы и улетучимся, как дым с земель Хальвдана и Олафа — они не сразу догадаются, куда мы направились. А мы поскачем через всю страну к Гула-фьорду. Мой кормчий Стейнульф подойдет туда за мной. У меня есть надежда, что с помощью Пути или, по крайней мере, с помощью Торвина и Скальдфинна, а также их друзей он сможет освободить «Моржа» и пройти вдоль берегов, чтобы подобрать нас. И даже если у него будут неприятности, Гутмунд сможет вырваться на

«Чайке». Все встретимся в Гуле и пойдем назад в Англию, как ты и предлагаешь.

— Ты не будешь участвовать в налете?

Бранд молча покачал головой. Теперь Озмод пристально глядел через стол. Он тоже всегда верил, что раб и воин — две разные породы, как волки и овцы. А затем он обнаружил — когда есть цель борьбы и шанс на победу, в нем самом просыпается волк. Сейчас его удивлял расположившийся напротив гигант. Ведь это был воин, знаменитый даже среди свирепых, драчливых и неугомонных героев Севера. Почему же он теперь спасовал? Почему позволяет другим лезть в самое пекло? Правда ли, что человек, который оправился от раны, приведшей его к самым дверям смерти, никогда уже не станет прежним? Он стоял у этих дверей и чувствовал идущий от них смертный холод...

— Тогда можешь предоставить это нам, — сказал Озмод. — Нам, англичанам, — добавил он, желая подчеркнуть свои слова. — Как считаешь, у нас получится?

— По-моему, если все сделать так, как вы, англичане, задумали, должно получиться, — ответил Бранд. — Что меня беспокоит, так это как вас провести через горы к Гула-фьорду. До сих пор вы встречались только с обычными норвежцами. Те, что живут в дальних горах, там, где мы пойдем, — они ведь другие.

— Если мы справимся с охраной короля Хальвдана, мы справимся и с ними. А как насчет тебя? Ты же ратоборец из Галогаланда, не так разве?

— Чтобы вас, малышню, провести через всю Норвегию, без ратоборца не обойтись. Я буду чувствовать себя собакой, которая ведет отряд мышей через Кошкalandию. Кошки-то просто будут радоваться, что обед сам прибежал.

Губы Озмода сжались.

— Тогда объясни мне, где ты будешь ждать нас с лошадьми, господин Пес. Я и остальные мыши придем туда. И, может быть, с кошачьими шкурками.

* * *

Небольшой отряд,двигающийся к мосту на первый остров, выглядел настолько убогим и мирным, насколько было возможно. Впереди старая крестьянская кляча тащила разби-

тую телегу, шедший сбоку человек визгливо понукал ее. Что за груз в телеге, было не видно, его прикрывала грязная просмоленная дерюга со свободно свисающим краем. По другую сторону от лошади шагал Удд, самый маленький из всех, и близоруко всматривался в лошадиный хомут — норвежское усовершенствование, почти неизвестное в Англии. Хомут позволял лошади тащить вес вдвое против обычного воловьего ярма, и Удд, конечно, позабыл о цели их поездки, увлекшись хитроумной новинкой.

По бокам телеги и позади нее двигались еще восемь человек, шесть английских катапультиров, лекарь Ханд, представший белоснежную ризу жрица под серой накидкой, и Карли. Не видно было никакого оружия, кроме поясных ножей. Алебарды они подвесили на гвоздях по бокам телеги. Введенные арбалеты спрятали с краю под дерюгой.

Когда телега подкатила к берегу, двое стражников у моста встреपнулись и выбрали с земли свои копья.

— Мост закрыт, — крикнул один из них. — С острова всех выгоняют. Вы что, не видите, что солнце уже садится?

Озмод выдвинулся вперед, неразборчиво что-то крича на ломаном норвежском. Он знал, что этот пост охраняют шесть человек. Он ждал, чтобы они все вышли из сторожки. Ведущий лошадь катапультир догнал его и продолжал шагать вперед.

Один из стражников не выдержал. Он отскочил назад, замахнулся копьем и заорал изо всех сил. Остальные высыпали из сторожки, схватили топоры и щиты. Раз, два, три, четыре, молча посчитал Озмод. Все правильно. Он повернулся и показал большой палец сгрудившимся вокруг телеги англичанам.

В один миг те выхватили арбалеты и прицелились, только Удд еще возился у телеги.

— Покажем им, — коротко скомандовал Озмод.

Фрита, главный застрельщик, пустил стрелу. Резкое треньканье тетивы и мгновенный удар. Один из стражников охнул и побелел лицом, с недоумением глядя на железный болт, пробивший ему щит и руку. Фрита опустил арбалет, наступил ногой на упор, взвел пружину и зарядил следующую стрелу.

— Вы все на прицеле, — сказал Озмод. — Эти арбалеты пробивают насквозь любые щиты и броню. Драться вы с на-

ми не можете. Только умереть. Бросайте ваше оружие и идите в хижину.

Стражники переглянулись, воины brave, но обескураженные невозможностью драться лицом к лицу, угрозой быть застреленными на расстоянии.

— Мечи можете оставить, — разрешил Озмод. — Просто сложите копья. Шевелись!

Они нехотя покидали копья и побрели назад в сторожку под конвоем своих врагов. Два англичанина подбежали с молотками, гвоздями и досками, быстро заколотили дверь и окно со ставнями крест-накрест.

— Мы кое-чему научились от короля Шефа, — заметил Квикка. — Всегда потренируйся, прежде чем что-то сделать.

— Они скоро выберутся, — сказал Карли.

— Тогда они подумают, что мы в ловушке. На этом мы еще немного выиграем времени.

Телега покатила по мосту, зимой это были вмерзшие в лед бревна, а летом покрытые настилом бревна держались на плаву. Теперь англичане открыто несли свои алебарды и арбалеты, хорошо видимые издали в долгих норвежских сумерках. Но некому было их увидеть и остановить, пока они не дошли до противоположного края острова со следующим мостом.

Заслышав громыханье телеги и зная, что никто сюда попасть не мог, стражники на втором мосту сразу всполошились, и у них оказалось больше времени на подготовку. Увидев же нацеленные арбалеты, один из них предпочел немедленно сбежать, надеясь самому спастись и вызвать подмогу. Неторопливо прицелившись, Фрита попал ему стрелой в ляжку, что тут же подкосило беглеца. Второй стражник, зло сверкая глазами, не торопясь положил оружие на землю.

Ханд подошел глянуть на рану и прицелился языком, обнаружив струящуюся кровь и глубоко вонзившуюся в кость стрелу.

К нему присоединился Озмод.

— С такой раной много возни, — заметил он. — Но все-таки живому лучше, чем мертвому, а в святилище Пути самые хорошие в мире лекари.

Ханд кивнул.

— Слушай, друг, когда отведешь его с этой раной к жрецу Ингульфру в святилище, передай привет от лекаря Ханда и

скажи, что англичане сохранили твоему приятелю жизнь по моей просьбе. А пока завяжи рану и останови кровь.

Он показал свое серебряное яблоко — амулет Идуны, богини врачевания, и пошел прочь.

Телега покатила через второй мост на следующий остров, мост с которого вел уже на Дроттнингсхолм. Время от времени оглядываясь, нет ли погони, вольноотпущенники сомкнули строй. Они знали, что на этот раз без боя не обойтись.

Третий пост охраны был главным, с дюжиной стражников. Они и так уже весь день недоумевали, куда мог подеваться их капитан Стейн. Они обыскали все уголки острова, кроме королевских покоев, но не нашли ничего подозрительного. Теперь они ждали только распоряжения короля Хальвдана, чтобы обыскать и королевские покои тоже, но даже там не надеялись обнаружить Стейна. Они знали, что враг где-то поблизости, будь то люди или чудовище из морских глубин. Кто-то видел гигантские плавники кружащего у островов стада касаток, и все недоумевали, неужели у Стейна хватило ума полезть в воду. Донесшиеся слабые крики и неясный шум встревожили их еще больше. Когда телега и сопровождающий ее отряд показались на дороге, стражники решительно выстроились на мосту, четверо впереди и три человека во втором ряду.

Из заднего ряда полетела стрела, пущенная в голову лошади. Что бы это ни была за телега и груз, делом стражников было остановить их. Вилфи, ведущий лошадь под уздцы, держал в руке новый щит, изготовленный по способу Удда. Выставив его, он прервал полет стрелы. Стрела отскочила со сломанным наконечником.

Квикка, Озмод, Хама и Лалла с алебардами в руках вышли вперед и, припав на одно колено, ошетились остриями в сорока футах от приготовившихся к атаке норманнов. Позади частокола алебард встали четыре арбалетчика.

— Бросайте оружие! — крикнул Озмод. Он и не надеялся, что этот приказ будет выполнен. Чтобы дюжина испытанных воинов уступила проигрывающим им в числе чужакам? От них бы отказались собственные матери. И все же Озмод испытывал некоторые угрызения совести перед хладнокровным убийством людей, которые были совершенно беспомощны против оружия, которого они в глаза не видели. Он

выждал, пока стражники натянут луки и замахнутся дротиками, прежде чем скомандовал:

— Стреляй!

Четыре арбалета взвизгнули одновременно. С сорока футов по неподвижной мишени — кто бы тут промахнулся? Передняя линия викингов распалась, один даже полетел вверх тормашками от удара стрелы — мощная энергия, накопленная в напружиненной стали, мгновенно высвободилась. Воин во второй линии судорожно вздохнул и свалился — стрела, насквозь пробив переднего, вошла ему между ребер.

Еще один стражник выбрался из завала тел и ринулся вперед, замахиваясь мечом для всесокрушающего удара. Пока он бежал к своей победе или смерти, изо рта у него выступила пена. Приближаясь, он хрипло призывал Одина. Стрела из арбалета близорукого Удда просвистела мимо его уха, а неопытный Карли взял слишком высокий прицел.

Когда он был уже в трех шагах, Озмод поднялся с колена, ухватил рукоять алебарды поближе к концу, снизу выбросил острие далеко вперед. Отчаянный берсерк, как бежал, так и налетел на нее, сам разрубив свое сердце о плоское лезвие, в последнем броске пролетел вперед, где его поймали на скрещенные алебарды. Очумело тараща глаза, он со стоном испустил свой последний вздох.

Меч выпал из руки, и жизнь покинула его. Озмод повернул рукоятку, вытащил алебарду, почистил ее и снова припал на колено. Позади него защелкали взводимые арбалеты.

Шестеро воинов перед ними не выдержали и побежали, четверо рванули в разные стороны по берегу, а двое — через мост на Дроттнингсхолм. Озмод коротко взмахнул рукой.

— Снимите этих двоих, — приказал он. — Остальные пусть бегут.

Трупы оттащили в сторону, и телега в последний раз двинулась вперед, старая кляча раззадорилась на легкую рысь, часть англичан, опасаясь погони, двигались вполоборота назад. Озмод и Квикка трусцой бежали впереди всех, внимательно вглядываясь в полумрак, чтобы выяснить, чего им ожидать.

— Там, — показал Квикка. — Прикажи Удду и Ханду захватить лодку, это нетрудно. Им только нужно оттолкнуться от берега и провести лодку вокруг мыса.

Озмод отдал приказ, и два человека отделились от группы.

— Остальные, упритесь плечами в телегу и подталкивайте ее вверх по склону. Замок стоит на противоположном склоне, и нам нужно поторопиться.

Лошадь и восемь человек быстро затащили телегу на склон невысокого холма, провели ее через ельник и вышли на прогалину. Прямо перед ними открылся Замок Двух Королев, с крутой крышей, с украшенным фронтоном и с прибитыми высоко над входом оленьими рогами. Ни единого признака жизни, кроме чьего-то бледного лица, быстро промелькнувшего сквозь ставни нижнего этажа, однако из труб к небу поднимался дым.

Англичане развернули телегу так, что ее задок обратился к замку, схватились за дерюгу, сбросили ее, засуетились вокруг установленного на телеге «мула».

— Не сюда! — крикнул Карли. — Там, куда вы целитесь, комнаты рабынь. Они держат Шефа там, в покоях. Доверните вправо, вправо еще на шесть футов.

«Мул», весящий тонну с четвертью, не сдвинулся бы с места без отчаянного усилия. Вместо этого коноводы потихоньку повели лошадь кругом, выводя телегу на линию прицела.

— Товсь! — хрипло заорал Квикка, вскинув руку хорошо знакомым натренированной команде жестом. Заряжающий Фрита достал из телеги обкатанный в воде булыган весом не меньше двенадцати фунтов и вложил его в петлю. Прислуга «мула», все, кроме Квикки и наводчика Хамы, рассыпалась вдоль бортов телеги. Им раньше не доводилось стрелять из своей катапульты, с ее мощной отдачей, в неподготовленных условиях, и они не были уверены, что из этого выйдет.

Квикка снова проверил наводку и взмахнул рукой, давая команду.

* * *

Шеф, лежа на большой пуховой перине, расслабленно повернулся на другой бок. За всю свою предыдущую жизнь он не провел столько времени в постели, не считая случая, когда его свалила болотная лихорадка. Человек, который проснулся, должен работать или есть, или — иногда — развле-

каться. Так считали все, кого он знал. Что можно просто от- дышать, никому из них и в голову не могло прийти.

Они заблуждались. Уже день и ночь, как он не поднимал- ся с огромной кровати, разве что для еды. И даже еду днем ему приносили рабыни. Никогда он не чувствовал себя лучше.

Но, может быть, все дело в королеве. Днем она тоже при- ходила к нему через краткие промежутки времени, настолько краткие, что раньше он счел бы это невозможным. В суро- вом и унылом доме Шефа, где заправлял сердитый Вульфгар, его набожный отчим, любовь была запрещена для всех по воскресеньям, в канун воскресенья, в Рождественский и Ве- ликий пост, да и во все другие церковные праздники тоже. Слуги, конечно же, нарушали это правило, а тем более кер- лы, но делали это виновато, с оглядкой, в промежутке между полевыми работами или между сном и пробуждением. Кого- нибудь вроде королевы Рагнхильды деревенский парень не мог и в мечтах вообразить.

То, что происходило с ним, тоже было выше его понима- ния. С удивлением, учитывая, сколько он уже совершил, Шеф замечал, как его плоть начинает снова крепчать при од- ном воспоминании о том, что он видел и ощущал. Однако королева вернется не скоро — пойдет прогуляться вдоль бе- рега, сказала она. Лучше побережь силы. Лучше снова уснуть в тепле и сытости. Закрыв глаза и откинувшись на подушку из утиного пуха, Шеф мельком подумал о Карли. Надо бы справиться, чем тот занимается. Одна из рабынь должна это знать. Он не знает их имен. Странно. Похоже, что он в конце концов начинает вести себя как настоящий король.

* * *

В своем сне Шеф, как бывало и прежде, очутился в кузнице. Это была не явившаяся ему в одном из видений огромная кузни- ца богов в Асгарде, но схожая с ней, здесь тоже все свободное место было занято ящиками, колодами, верстаками. На стене там и тут были прибиты дверные ручки.

Они потому здесь, вспомнил Шеф, что кузнец-то хром. В теле, в котором он сейчас обитал, сохранилось воспоминание об острой боли, когда ножом перерезали сухожилия, о смею- щемся лице его врага Нитхада, об угрозах, которые он расто- чал.

— Ты теперь далеко не убежишь, Вёлунд, с подрезанными- то жилами, ни пешком, ни на лыжах, ты, лесной охотник. А перерезанные сухожилия никогда не срастаются. Но руки твои целы, и у тебя остались твои глаза. Так что работай, Вёлунд, великий кузнец! Работай на меня, Нитхада, делай мне чудесные вещицы день и ночь. Потому что тебе не убежать от меня ни по земле, ни по воде. И я обещаю тебе, хоть ты и муж Валькирии: если ты не будешь каждый день отрабатывать свой хлеб, ты испробуешь плетки, как последняя финская соба- ка среди моих трэлей!

И Нитхад тут же связал его и в доказательство дал ему отведать вкус кожаной плети. Вёлунд все еще помнил боль в спине, позор безответных побоев, блеск в пристальном взоре королевы Нитхада. При этом на ее пальце сверкало кольцо же- ны Вёлунда, потому что они его не только искалечили, но и ог- рабили.

Шеф — ныне Вёлунд — помнил, как он яростно колотил по раскаленному железу, не решаясь в таком настроении обраба- тывать медь, или серебро, или червонное золото, до которого Нитхад был особенно жаден.

Переваливаясь по кузнице, он увидел, что за ним наблюда- ют глаза. Четыре глаза. Это два сынишки Нитхада пришли посмотреть на пламя горна, на звонкий металл и сверкающие самоцветы. Вёлунд остановился, глядя на них. Нитхад разре- шил им разгуливать свободно, зная, что сбежать его раб нико- гда не сбежит, и не заботясь, насколько тот жаждет мести. В уверенности, что Вёлунд никогда не станет мстить, если не сможет избежать ответной мести. По понятиям Севера это был бы дурацкий проигрышный обмен, невыгодный и унизитель- ный. Отмщение не может быть отмщением, пока оно не пол- ное и окончательное.

Высоко наверху, куда только могли его подтянуть могучие руки кузнеца, лежали сделанные Вёлундом крылья — волшебные крылья для побега. Но сначала месть. Полная и окончательная месть.

— Зайдите-ка посмотреть, — обратился Вёлунд к любо- пытным мордашкам. — Взгляните, что тут у меня в ларце.

Он пошарил внутри, извлек золотую цепь, на каждом звене сверкали самоцветы, складываясь в сложный красно-зелено-си- ний узор.

— А вот на это посмотрите, — на мгновение он показал им

шкатулку из моржового бивня, с резьбой и серебряными инкрустациями. — Смотрите, там в ларце еще много чего есть. Зайдите, посмотрите, что в ларце, просто загляните, если смелости хватит.

Мальчики, взявшись за руки, осторожно вступили в отблески пламени. Одному было шесть, другому — четыре, дети Нитхада и его второй жены, чародейки, оба гораздо младше их единокровной сестры Ботвильды, которая тоже иногда приходила поглазеть на него украдкой. Это были отличные ребята, скромные, но дружелюбные, не испорченные еще жадностью своего отца и коварством матери. Один из них вчера дал Вёлунду яблоко, оставшееся от обеда.

Вёлунд поманил их, открыл сундук, удерживая одной рукой его тяжелую крышку. Он был достаточно осторожен, чтобы держать ее не за край, а за ручку. Много оторванных от сна часов он провел, приваривая на край крышки лезвие, острейшее лезвие из сделанных им за всю жизнь. Это были хорошие дети, и он не хотел, чтобы им было больно.

— Зайдите, взгляните, — снова позвал он. Они заворуженно уставились, от возбуждения попискивая, как мыши. Их шеи склонились под край крышки. Вёлунд, при всей своей жестокости, отвел глаза, прежде чем захлопнуть крышку...

«Я не хочу быть в его теле, — подумал Шеф, — сопротивляясь пальцам бога, который держал его за загривок, заставляя смотреть. — Чему бы это меня ни учило, я не хочу этого знать».

Неведомым способом ему удалось вывернуться, и появилось новое видение, далеко-далеко от кузницы, где-то в глубоких скалистых недрах, не в Средиземье, а около стен, окружающих все Девять Миров людей, богов и гигантов. Великан со свирепым лицом, чудовищными цепями прикованный к основанию все-ленной. Огромный змей шипит и плюет ядом ему в лицо, лицо, искаженное мукой, с мыслящими и превосходящими боль глазами.

Это прикованный бог Локи, понял Шеф, Локи, которого, как верили жрецы Пути, наказал и заковал в цепи его отец Один за то, что он убил своего брата Бальдра. Тот, кто вырвется на свободу, и в Последний День вернется со своим чудовищным потомством, чтобы отомстить богам и людям. Огромный крюк, удерживающий одну из оков на запястье, увидел Шеф, почти вырван из стены. Когда он выскочит, у Локи будет свободна одна рука и он сможет схватить змея, посланно-

го его отцом Одним. Кажется, он уже достаточно высвободился, чтобы подавать знаки своим союзникам, чудовищному отродью в лесах и морских глубинах. На мгновенье его свирепый глаз уставился из темницы вверх, на Шефа.

Оторвавшись от этого видения, Шеф снова почувствовал отзвуки мыслей Вёлунда.

Сделай это, внушали они. Сделай сейчас. А потом, потом вычисти их черепа и покрой их резьбой, как моржовые бивни, отполируй зубы, чтобы засверкали, как жемчужины, потом извлеки из глазниц блестящие глазные яблоки...

Вернувшись в свое тело, Шеф ощутил чудовищной силы удар, на мгновенье увидел, как падает остро заточенная крышка.

* * *

Удар был реальностью. Он чувствовал, как сотрясение от него все еще отдается в кровати. Шеф выбросил ноги из-под льняных простыней и шерстяного одеяла, вскочил, схватил рубаху, штаны и сапоги. Не пришел ли за ним муж королев-вы?

Дверь распахнулась, и в нее ворвался юный Харальд:

— Мама! Мама!

Он замер, увидев, что на материнской постели сидит только Шеф. Без промедления он вытащил из-за пояса свой ножик и рванул к горлу Шефа.

Тот увернулся от удара, перехватил тонкое запястье, отобрал ножик, игнорируя пинки ногами и удары свободной руки.

— Легче, легче, — приговаривал он. — Я просто сижу здесь и жду. Что там случилось снаружи?

— Не знаю. Люди с... с чем-то, что бросает камни. Вся стена обвалилась.

Шеф отпустил мальчика, кинувшегося прочь из спальни. Не успел он этого сделать, как дружный напор вышиб дверь главного зала, и внутрь ворвалась толпа воинов с тесакими и нацеленными арбалетами. Шеф узнал Квикку в тот же момент, когда тот увидел его, и шагнул вперед, бешено размахивая руками, чтобы предотвратить побоище. Откуда-то выскочил Карли и закричал, слова было не разобрать из-за поднявшегося шума.

— Не нужно! — вопил Шеф. — Со мной все в порядке. Прикажи им всем остановиться!

Карли схватил его рукой за плечо, пытаясь утащить к дверям. Шеф яростно отбросил руку, тут же сообразив, что Карли опять хочет ударом кулака лишить его сознания. Он увернулся от захвата слева, вовремя поднял руку, чтобы блокировать удар справа, ударил макушкой в уже сломанный однажды нос Карли, обхватил его руки, удерживая от свободного удара. Пока они боролись, Шеф почувствовал на себе еще захваты, за руки и за ноги, его пытались поднять и унести, как мешок. Он услышал у самого своего уха крик:

— Ударь его песочной колбаской, Квикка, а то он так и будет сопротивляться.

Шеф сбросил Карли, стукнул друг о друга удерживающих его людей, стряхнул человека, вцепившегося в ногу и набрал в легкие воздуха для новой, более грозной, команды.

Позади него в зал вошла старая королева Аза. На ее пути стоял один из англичан и только тарашил глаза, не в силах вмешаться в борьбу и поднять руку на своего господина. Схватив железную палку, которой созывала своих рабынь, королева ловко ударила его по голове, а когда он повалился на пол, выудила у него из-за пояса тесак. Прихрамывая, прошла три шага, отделявшие ее от Шефа, наставившего рога ее сыну и угрожавшего благополучию ее внука. Тот, стоя спиной, не видел ее приближения.

В тот же миг в маленьком Харальде, неподвижно наблюдавшем за борьбой, проснулся дух многих поколений воинственных предков. С пронзительным криком он тоже занес свой нож и кинулся на ворвавшихся в его дом врагов. Шеф схватил пробежавшего мимо Харальда и прижал к себе, обхватив его обеими руками, чтобы избежать борьбы. Он попытался снова скомандовать:

— Всем успокоиться и остановиться!

Обращенные к нему лица исказились тревогой, люди рвались в бой. Шеф развернулся со скоростью, обретенной на борцовском ринге, по-прежнему прижимая к себе Харальда.

Королева Аза яростно ударила тесаком снизу вверх. Шеф ощутил удар, болезненный укол в ребра. Посмотрел на мальчика в своих руках. Увидел, как тот задрал голову, недоверчиво пытаясь что-то спросить. Увидел нож, насквозь пронзивший тело и сердце мальчугана. Нож в руках его бабушки.

И Шеф снова услышал, как где-то захлопнулась крышка. Еще раз и еще.

В зале мгновенно настала тишина. Шеф разжал объятые, распрямил маленькое тельце, уложил его на пол.

Поглядел вниз, и глаза на мгновение чем-то застило. Ему показалось, что он видит не тщедушное тельце десятилетнего мальчика, а взрослого мужчину, высокого и крепкого, с могучей гривой спутанных волос и бороды.

— *Это Харальд Светловолосый, — сказал знакомый холодный голос, — Харальд Светловолосый, каким он мог бы стать. Теперь ты его наследник. Ты унаследовал сокровища короля Эдмунда и расплатился своей юностью. Ты унаследовал удачу короля Альфреда и заплатил своей любовью. Теперь ты унаследовал предназначение от короля Харальда. Чем ты заплатишь на этот раз? И не пытайся отворачиваться от моих видений.*

Мгновение кончилось. Шеф снова был в зале, глядя на окровавленное тельце. Шеф чувствовал, как уходила из него жизнь. Харальд был мертв. Снова его взяли за плечи и повели прочь, и на этот раз он не сопротивлялся. Позади королева Аза тянула слабые трясущиеся руки к телу своего внука. Шеф потерял ее из виду, когда его вывели в главный зал и через дверь, разбитую камнем из катапульты, на улицу.

Там снова начался шум, кто-то упирался: «Но у нее остался мой нож», — на него заворчали. Озмод считал: «Семь, восемь, девять, все на месте, уходим». Квикка откуда-то принес головню и корзину сухих щепок, которые рабы использовали для растопки, побросал и то и другое в телегу, потом, освобождая лошадь от упряжи, проследил, как занялось пламя.

— Наш «мул» им не достанется, — прокричал он.

— А женщины тебе зачем? — рявкнул Озмод, когда Карли вынырнул откуда-то — по женщине в каждой руке, и еще две взволнованно семят сзади.

— Они должны уйти с нами.

— Это же шестивесельная лодка, на ней нет места.

— Они должны уйти. Тем более что мальчик мертв. На его похоронах им перережут глотки.

Озмод, сам бывший раб, больше не спорил:

— Ладно, пошли.

Беспорядочно толкаясь, девять мужчин и четыре женщи-

ны устремились на тропу, ведущую к небольшому пляжу, где Марта не далее как прошлым вечером убила Стейна. Квикка и Озмод с арбалетами наготове прикрывали тыл. На полпути Шеф услышал пронзительный крик, раздавшийся позади них. Рагнхильда вернулась с прогулки вдоль берега. Послышались мужские голоса. Стражники, которых они разоружали по пути, опомнившись, собрались мстить нападавшим.

Бег превратился в отчаянный рывок, каждый из всех сил кинулся к берегу и виднеющейся на нем лодке. Удд и Ханд приготовились оттолкнуться от берега. Мужчины и женщины, пихаясь, схватили весла и распределились по скамьям. Перегруженная лодка застряла на гальке. Шеф и Карли выпрыгнули обратно и толкали ее шесть футов, десять, пока не кончилось прибрежное мелководье, затем их втащили через борта, возвышавшиеся над водой на какие-то несколько дюймов. Шестеро гребцов расселись по местам, уперлись ногами и по команде Озмода дружно ударили веслами.

Шеф увидел фигуру Рагнхильды, обрамленную отблеском пламени от яростно пылавшей телеги, она спускалась к берегу, простирая руки. Стрелы окружавших ее лучников шлепали по воде, но Шеф не обращал на них внимания, отведя арбалеты, поднятые для ответа.

— Вор удачи! — кричала Рагнхильда. — Убийца моего сына! Пусть ты станешь проклятием для всех, кто тебя окружает. Пусть ты никогда больше не узнаешь женщину. Пусть у тебя не будет наследника.

— Это была не его вина, — пробормотал Фрита, потирая голову в месте, где получил удар железной палкой. — Эта старуха взяла мой нож.

— Помалкивай насчет своего ножа, — проворчал Озмод. — Ты должен был следить за ним.

Проклятья неслись им вслед, а лодка постепенно продвигалась во тьме, уклоняясь от сторожевиков Хальвдана, крейсировавших вдоль берега, до которого им оставалось меньше мили.

Шеф, пока можно было что-то различить, все глядел с кормы на женщину, что по-прежнему неистовствовала и рыдала на берегу.

Глава 15

Альфред, король западных саксов, соправитель временно отсутствующего Шефа во всех английских графствах южнее Трента, наблюдал с легкой тревогой, как его молодая жена взбирается на вершину господствующего над Уинчестером холма. Была некоторая вероятность — лекари не ручались окончательно, — что она уже носит в себе его ребенка, и он опасался, не переоценивает ли она свои силы. Однако, зная, как она ненавидит всякое покровительство, придержал язык.

Годива поднялась на вершину и обратила взор к долине. Белым кипением были отмечены места, где хэмпширские керлы насадили ради своего любимого сидра яблоневые сады. На обширных полях по другую сторону городской стены видны были группки пахарей, ходивших за медлительными волами вдоль черных борозд — борозд неимоверно длинных, поскольку разворот упряжки из восьми животных занимал так много времени. Альфред проследил за взглядом Годивы, указал на пятнышко в середине ландшафта.

— Смотри, — сказал он, — вот упряжка, где пашут четыре лошади, а не восемь волов. Это в твоём собственном поместье. Рив Вонред увидел хомуты, которые люди Пути использовали в упряжках для катапульт, и сказал, что попробует их для пахоты. Он говорит, что лошади едят больше, чем волы, но если их правильно запрягать, то они много сильнее и быстрее и обрабатывают больше земли. Еще он сказал, что попробует вывести породу сильных и крупных лошадей. И есть тут еще одно преимущество, о котором никто пока не задумывался. Немалая часть рабочего дня у керла, если он ведет упряжку волов, уходит на то, чтобы добраться до отдаленного поля и обратно. А если они ездят туда и обратно на лошадях, у них остается больше времени на работу в поле.

— Или больше времени на отдых, надеюсь, — сказала Годива. — Одна из причин, почему бедные керлы живут так долго — у них нет времени на отдых, не считая воскресений, да и те церковь отнимает у них.

— Отнимала, — уточнил Альфред. — Теперь воскресенья принадлежат керлам.

Он на мгновенье замаялся, нежно погладил ее по плечу.

— Это правда, ты ведь знаешь, — сказал он. — Кажется,

никто из нас никогда не задумывался, насколько богата может стать страна, если она живет в мире и без господ. Или с одним господином, который заботится о стране. Но к нам теперь каждый день приходят хорошие новости. Король Шеф, твой брат, сказал мне истинную правду. Всегда есть кто-нибудь, кто знает правильный ответ, но почти всегда это кто-то, кого раньше не спрашивали. Вот вчера пришли ко мне рудокопы, люди со свинцовых шахт на холмах. Раньше ими владели монахи из Винчкомба. Теперь монахов изгнали, шахтеры сами работают на шахте для моего рива и ольдермена Глочестера. Они сказали мне, что римляне добывали на этих же самых холмах серебро, и они считают, что и сами могли бы добывать его.

— Серебро, — промурлыкал он. — Если бы черные монахи об этом прознали, они бы до смерти засекли своих рабов в поисках серебра. Поэтому рабы им ничего не говорили. А мне они сказали, потому что знали — я поделюсь с ними долей доходов. Теперь, с новым серебром... ведь не так давно наши монеты от чеканки к чеканке становились все хуже, скоро бы кентерберийский пенни стал таким же дрянным, как йоркский. Теперь же, с серебром, которое я вернул из церковных закровов, уэссекская монета так же хороша, как монета германцев и франков. Купцы стекаются к нам отовсюду, из Дорестада и Компостеллы, да и из Франкланда — тоже, если им только удастся обойти запрет своего короля. Все они платят портовую пошлину, и из этих денег я плачу моим рудокопам. Купцы довольны, и рудокопы довольны, и я тоже доволен. Так что, Годива, ты видишь, что дела не так плохи, как раньше, даже для керлов. Может быть, это не бог весть что, но своя лошадь и желудок, набитый едой даже во время Великого поста, для многих из них — просто счастье.

Внизу в городе, в старом соборе, зазвонил колокол, его удары неслись над узкой долиной. Видимо, свадебный перезвон — оставшиеся в Уэссексе священники обнаружили, что, если хотят сохранить свою христианскую паству, им следует использовать все преимущества привычных торжественных ритуалов, сопровождаемых музыкой, что по-прежнему больше привлекало людей, чем странные проповеди норманнских жрецов Пути.

— Колокол все равно остался на случай войны, — сказала Годива.

Альфред кивнул:

— Так было всегда. Когда я был ребенком, я видел, как эта долина превратилась в выжженную пустыню. Викинги взяли город и сожгли в нем все дома, кроме каменного собора. Они бы и собор разрушили, будь у них побольше времени. Мы и тогда воевали с ними и до сих пор воюем. Но разница в том, что теперь мы сражаемся с ними на море, и наши земли в безопасности. А чем меньше разоряется наша страна, тем сильнее станем мы и тем слабее — они.

Он снова замаялся.

— Не пропал ли твой... твой брат? Я прекрасно знаю, что все началось с него. Если бы не он, я бы уже был мертв или был бы нищим изгнанником, а в лучшем случае — марионеткой в руках епископа Даниила. А может быть, ярлом у викингов. Ему я обязан всем, — он потрепал ее по руке. — Даже тобой.

Годива опустила глаза. Теперь ее муж всегда называл Шефа ее братом, хотя она была уверена, что он знает — между ними кровного родства нет, они сводные брат и сестра от разных матерей. Иногда ей казалось, что Альфред догадался об их истинных взаимоотношениях, а может быть, даже о том, что первый ее муж на самом-то деле был ее единокровным братом. Но, если он и подозревал что-то, у него хватало ума не выпрашивать. Он не знал о двух ее выкидышах во время первого замужества, когда она пила настои опасных трав.

Если бы она верила в какого-нибудь бога, в Бога христиан или в загадочных богов Пути, она бы молилась Ему или им о сохранении нынешнего плода ее чрева.

— Я надеюсь, что он жив.

— По крайней мере, никто не видел его мертвым. Все наши купцы знают, что за любые новости положено вознаграждение, и еще большее — тому, кто доставит его назад.

— Немногие короли заплатили бы за возвращение соперника, — сказала Годива.

— Он для меня не соперник. Мои соперники сидят по ту сторону Пролива или сеют зло на Севере. Пока мы сидим здесь на холме и смотрим на поля, все выглядит мирно. Но уверяю тебя, мир был бы в двадцать раз прочнее, будь Шеф

здесь, в Англии. Он наша главная надежда. Ты знаешь, керлы зовут его *sigesaelig*, Победоносный.

Годива сжала руку мужа.

— Тебя они зовут Альфред *esteadig*, Милосердный. Это прозвище лучше.

* * *

Многими днями пути северней, в большом полосатом шатре шел разговор, в котором надежд было куда меньше. Шатер поставили задней стенкой к ветру, а передний полóg был задран, так что сидящие в шатре могли видеть, что делалось снаружи. Взгляду их открывались унылые вересковые пустоши и торфяники, над которыми тут и там вздымались столбы дыма — следы разбойничьих дружин викингов, идущих от одной кучки убогих хижин к другой. Три оставшихся в живых сына Рагнара сидели на походных табуретах, держа в руках роги с элем. При себе у каждого из них был меч на поясе и воткнутое позади в землю копьё или боевой топор. Уже дважды этой весной — со времен сражения в устье Эльбы — дерзкие ярлы посягали на их авторитет. По-кошачьи чувствующие все приливы и отливы славы, на которой и держится власть, все трое осознали, что должны предложить своим дружинам что-то новое. Подкупить их. Вдохновить. Иначе начнется — поутру не досчитаются палаток, корабли не придут в условленное место встречи, люди разбегутся искать счастья на службе у каких-нибудь других морских королей, более удачливых.

— Сейчас люди хоть чем-то заняты, — сказал седобородый Убби, кивая на дым пожарищ. — Добрая говядина, баранина, можно погоняться за бабами. И никаких серьезных потерь.

— И денег не будет, — добавил Хальвдан. — Как и славы.

Сигурд Змеиный Глаз знал, что братья говорят о том, что требовало скорейшего решения, а не просто ворчат. До раздоров у них никогда не доходило, не соглашались друг с другом они и то редко. Их ровные отношения сохранялись даже при безумном Иваре. Сейчас два брата ждали его ответа.

— Если мы опять пойдем на юг, — начал он, — мы снова наткнемся на эти камнекидалки. Мы, понятно, можем обойти их морем. Но теперь у англичан преимущество. Они зна-

ют, что мы ушли северней, в Шотландию, потому что в Проллив они нас не пускают. И все, что от них потребуется, — встать где-нибудь у берегов близ северной границы. Если мы пойдем вдоль берега, они нас перехватят. Если нам удастся их обойти — а мы ведь не знаем, где они, — они все равно о нас услышат, найдут нас, где бы мы ни были, и разобьют нас на стоянке. Их опасно и в море встретить, и дожидаться их прихода на берегу. В конце концов нам, возможно, придется пробивать себе дорогу морем. А я не думаю, что кто-нибудь из наших парней, как бы они ни куражились, мечтает снова повстречаться на море с этими камнекидалками. Стоя на корабельных обломках, много не навоюешь.

— Значит, мы разбиты, — подтолкнул брата Убби. Все трое рассмеялись.

— Так, может быть, нам нужно обзавестись собственными камнекидалками, — предложил Хальвдан. — Об этом думал еще Ивар. Он заставлял этого коротконового чернорысого ублюдка... как его там? Эркенберт? Он заставлял Эркенберта сделать несколько штук. Жалко, что ублюдок сбежал.

— Это в следующем году, — сказал Сигурд. — Коней на переправе не меняют, и в этом году нам нужно продолжить начатое. В этом году мы пустим слух по невольничьим рынкам, что заплатим хорошую цену за людей, которые умеют обращаться с метательными машинами. Кто-нибудь найдет нам таких людей. А если они могут стрелять, то смогут и построить камнекидалку. Объединим мастера по метательным машинам с настоящим строителем кораблей, и у нас будет такой корабль, что мы сможем и обогнать эти английские корыта, и закидать их камнями.

Но прямо сейчас нам нужно что-нибудь такое, от чего бы в душах наших людей появилось мужество и серебро — в их карманах. Или хотя бы надежды на серебро — в их головах.

— Ирландия, — предложил Хальвдан.

— Тогда нам пришлось бы с севера обходить оконечность Шотландии, и прежде чем мы туда доберемся, там уже все будет кишмя кишеть норвежцами.

— Фризия? — с сомнением спросил Убби.

— Такая же нищая, как Шотландия, только гор нет.

— Это острова. А как насчет материка? Можно еще раз попытать счастья в Гамбурге. Или в Бремене.

— В нынешнем году эти воды не были для нас счастли-

выми, — сказал Сигурд. Его братья кивнули, невольно ошенившись. Они вспомнили унижение, которому подверглись на песчаной отмели, возвращаясь с неудачной охоты без добычи и потеряв своего человека. Унижение от того, что их перехитрили, что втроем им пришлось отступить в борьбе с одним противником.

— Но думаю, что мысль эта правильная, — продолжал Сигурд. — Или почти правильная. Мы еще дадим парням порезвиться здесь несколько недель, порастрясем всю округу. Намекнем, что это просто разминка, а готовится что-то большее. Затем вернемся напрямик через Северное море, пойдем к гранитным островам.

Братья опять кивнули, зная, что он подразумевает Северо-Фризские острова около Дитмарша — Фёр, Амрум и Зильт, три одиноких скалы среди песчаных наносов.

— Потом пойдем к Эйдеру и ударим по Гедебю.

Хальвдан и Убби, не веря своим ушам, уставились друг на друга.

— Это же люди нашего народа, — сказал Хальвдан. — Или очень похожего. Во всяком случае, они датчане.

— Ну и что? Что нам до них? Толстозадый король-купец Хрорик даже не продал шкиперу Скули того человека, который был нам нужен. Он позволил жрецам Пути утащить его в эту дыру от стрелы, в Каупанг.

— Может быть, лучше напасть на них?

— Правильно. Я считаю так, — сказал Сигурд, — если бы Англия уже сейчас была под нашей властью, нам было бы больше смысла пойти войной на свои же норманнские страны, чем шастать по здешним нищим землям. Это опасней, я знаю. Но если мы возьмем Гедебю и золото Хрорика, у нас больше будет сил, чтобы пойти на Хальвдана и его придурковатого брата Олафа. Конечно, всегда найдется кто-нибудь, кто отколет, у кого брат в Каупанге или отец в Гедебю. Но многие останутся. Да и те, кого мы побьем в одном месте, присоединятся к нам, когда мы пойдем на следующее.

— Сначала надо идти на Север, — сказал Хальвдан. — Сделать тебя единым королем всего Севера. А потом вернуться на юг.

— С тысячей кораблей и камнекидалками впереди, — добавил Убби.

— Покончить с христианами раз и навсегда...

— Выполнить наш давнишний обет...

— Отомстить за Ивара.

Хальвдан поднялся, осушил свой рог и вытащил из земли боевой топор.

— Пройдусь вдоль палаток, — сказал он. — Пушу слух. Намекну, что у нас есть замысел, и если бы они его знали, их бы просто оторопь взяла. Это успокоит их еще на пару недель.

* * *

Дьякон Эркенберт стоял внутри огромного кольца древних стен. То был судебный круг народа Смааланда, Малых Стран между датским Скаане и гигантской шведской конфедерацией, простирающейся на сотни миль к северу, страной, где множество мелких королей всегда старались создать одну *Sveariki*, единую империю шведов. Начался весенний сход смааландеров, когда люди вылезали из занесенных снегом хижин и начинали готовиться к желанному, но короткому лету.

Эркенберт старательно красил свою поношенную черную рясу, отчего она выглядела безупречно черной, резко выделяясь на фоне мехов и домотканых одежд окружающих. Слуга еще раз тщательно выбрил каждый дюйм его тонзуры, и теперь лысина на его голове стала видна отчетливей.

— Мы не собираемся прятаться, — сказал Бруно. — Это в прошлом. Хватит выжидать. Теперь мы хотим, чтобы они нас видели. Встретились с христианством лицом к лицу.

Эркенберт хотел было вставить саркастическое замечание о пользе скромности, но не стал. Во-первых, немногие решались возражать Магистру Ордена Копья, как уже прозвали Бруно. А во-вторых, Эркенберт считал его новую тактику разумной.

Смааландеры, как обычно, продавали рабов. По большей части — просто мешки с костями, отошавшие голодной зимой, весьма сомнительное приобретение на время летней страды. Посланники из Упсалы от короля Орма, как обычно, покупали самых дешевых. Большинство из них нас не интересуют, сказал Бруно. Денег выделено мало. Но вот этого нужно выкупить.

Дородный крестьянин, когда пришла его очередь, про-

толкнулся внутрь кольца, на веревке он ташил изможденно-го человека. Раб был одет в какие-то обноски и весь дрожал от холода. Сквозь лохмотья виднелись тощие ребра. Каждые несколько секунд его сотрясал кашель, и от него воняло навозной кучей, где он спал, чтобы хоть как-то согреться.

Появление его встретил шквал насмешек со стороны соседей крестьянина.

— Сколько ты за него хочешь, Арни? Будь он цыпленком, пошел бы на суп. Его не возьмут даже шведы. Он не доживет до следующего жертвоприношения.

Арни оскорбленно оглянулся. Взгляд его упал на Эркенберта, целеустремленно пробирающегося на площадку торгова. Эркенберт торжественно приблизился к тощему рабу, возложил на него руки, тесно прижал к себе.

— Не волнуйся, мы слышали о тебе, и мы здесь, чтобы спасти тебя.

Вонь ударила Эркенберту в нос, но он стерпел ее.

Несчастный принялся всхлипывать, вызвав у толпы новый прилив насмешек и улюлюканье.

— Как можешь ты спасти меня, они и тебя заберут, это же звери, им дела нет до заветов Божьих...

Эркенберт мягко высвободился, указал на группу людей позади, с которыми пришел сюда. Десять рыцарей из Орденна Копья стояли в две шеренги, все в кольчугах и при шлемах, сияли их металлические рукавицы. В правой руке у каждого было короткое копьё, древком в землю, наконечники под углом.

— Воины здесь хорошие, — сказал Бруно. — Но они не знают дисциплины. Мы им покажем, что это такое. Это их охладит.

— Сколько ты хочешь за этого человека? — спросил Эркенберт громко, так чтобы услышали зеваки.

Арни, преданный поклонник Фрейра, сплюнул на землю.

— Для тебя, христианин, двадцать унций серебра.

Шум в толпе. Восемь унций были хорошей ценой за мужчину в расцвете сил, за красивую девушку давали три.

— Я дам тебе четыре, — крикнул Эркенберт, опять играя на публику. — Остальные шестнадцать ты заработал за зиму на еде и одежде.

Арни шутки не понял. Побагровев, он надвинулся на коротышку.

— Зараза! Четыре унции! У тебя тут нет прав. По закону Смааланда любой, кто схватит христианского священника, может продать его в рабство. Что меня удержит, чтобы не взять тебя и твое серебро?

— У тебя есть право взять в рабство христианского священника, — не дрогнув, отвечал Эркенберт. — А сила у тебя есть?

В точно рассчитанный момент до жути мощная фигура Бруно появилась из толпы, со стороны, противоположной выстроившейся шеренге рыцарей. Он легко проталкивался через ряды зевак, раздвигая их своими гориллоподобными плечами. Бруно был без копья, но в таких же доспехах, как его рыцари. Левая его рука покоилась на рукояти волочащегося непомерно длинного меча.

Арни, заметив неожиданно наступившее молчание, оглянулся и понял, что сейчас подвергнется испытанию. Он попытался взбудоражить окружающую толпу.

— Неужто мы это потерпим? Неужто мы позволим им приходить сюда и отнимать наших рабов?

— Они платят серебром, — заметил кто-то из зрителей.

— А что они сделают с людьми, которых заберут? Такие, как этот, — вне себя от ярости Арни повернулся и яростно ударил раба в висок, отчего тот, рыдая, распростерся на земле, — такие, как этот, должны попасть в рошу Упсалы для жертвоприношения истинным богам, а не вернуться, чтобы опять проповедовать свои враки о сыновьях нетраханых девок и мертвых, воскре...

Голос Арни прервался на полуслове. Бесшумно, как лесная рысь, Бруно прошел последние четыре шага. Рука его взметнулась так быстро, что никто не успел заметить. Но все теперь видели, что его стальная перчатка сжимает адово яблоко — кадык — смааландера, давит его железным жимом. Бруно слегка приподнял крестьянина, и тот затанцевал на цыпочках.

— Дерьмо, — сказал Бруно, — ты поднял руку на слугу Бога живого. Ты хулил нашу веру. Я не убью тебя на судебном круге, где не должна литься кровь, но осмелишься ли ты встретиться со мной на земле для поединков, с мечом и щитом, или с копьём и топором, или с каким хочешь оружием?

Не в силах ни двинуться, ни заговорить, крестьянин беспомощно тарашил глаза.

— Похоже, что нет. — Бруно отпустил его, повернулся на пятках, пролаял команду. Заученным движением передний ряд его риттеров качнулся вперед, прошагал «раз-два-три», снова замер по стойке «смирно». — Продолжайте торг.

— Четыре унции, — повторил Эркенберт. Мы не должны их грабить, говорил Бруно, или они станут драться. Но и переплачивать ни к чему. В общем, мы должны выкупить сэра Эйлифа, священника. Только он один знает хоть что-то о королях в дальних странах за Биркой. Он нам нужен, чтобы помочь в наших поисках. Я жажду услышать побольше о славном короле Кьяллаке, живущем к северу от границ со Страной железа, Ярнбераландом.

Потирая глотку, крестьянин раздумывал, торговаться ли дальше, встретил взгляд черных враждебных глаз Эркенберта и не стал рисковать. Он кивнул.

Эркенберт бросил к его ногам мешочек, ласково взял за руку священника Эйлифа, потянул его в ряды риттеров, к которым снова присоединился Бруно. Священник и дьякон оказались в безопасном окружении, Бруно рывкнул, воины взяли копья наперевес и двинулись, чеканя шаг, как один человек.

Шведы и смааландеры поглядели им вслед и вернулись к своим делам.

— Что ты об этом думаешь? — спросил один высокий швед другого.

— Что думаю? Это тот самый ублюдок, что убил в Гедебю человека короля Орма. У него это, должно быть, уже вошло в привычку. Не знаю, чего они добиваются, но я тебе вот что скажу. Это другие христиане.

Второй задумчиво кивнул, оглянулся, не подслушает ли кто:

— Если появились другие христиане, может быть, нам всем нужен другой король, чтобы с ними справиться.

Глава 16

Когда с лодки сошли четыре женщины, Бранд коротко и сердито сказал:

— Нет. Лошадей не хватает. Женщин придется оставить. — Но как только ему рассказали, что произошло на

Дроттнингсхолме, протесты прекратились. — Надо как можно быстрее убраться отсюда, — вот и все, что он сказал. — Теперь, когда его сын мертв, Хальвдан не успокоится, пока не умрут все, кто в это замешан. Или он сам. Не думаю, что он тронет моих моряков, по крайней мере, пока не обнаружит, что я исчез вместе с вами. Но мы должны бежать из Западного Фолда быстрее, чем кто-либо делал это раньше. Кто упал — тот пропал.

Шеф на это ничего не ответил. Он шел, запинаясь, его мрачные мысли все еще блуждали на острове. Вокруг мертвого мальчика. Какая-то часть Шефа по-прежнему оставалась с Рагнхильдой, стиснутая между теплыми бедрами, прижимая к большим грудям.

Они вступили на тропу, которая вела прямо в горы, извиваясь в вечной полутьме сосновых и еловых лесов. Десять англичан, четыре женщины, Карли и Бранд, на всех них — двенадцать лошадей. И неотвратимая смертельная угроза погони поутру.

И все-таки почти с самого начала оказалось, что не все опасения Бранда сбылись. Один из бывших рабов, Вилфи, немедленно объявил, что в Англии он во время поездок бежал впереди хозяина, чтобы построить на каждой стоянке кров и еду. Пробежать в день сорок миль, утверждал Вилфи, для него так же легко, как для другого человека — пройти двадцать. Лошадь ему не нужна. Женщины могут ехать по две, или одна может ехать, а мужчины по очереди будут бежать рядом с ее лошадью, держась за луку седла.

Ночной переход вышел длинным, утро никак не наступало. На рассвете Бранд сделал привал, чтобы позавтракать, напоить из ручья лошадей и дать горным пони возможность пощипать мягкую свежую травку. Рабы быстро развели костер, растолкли зерно и сварили свою неизменную еду — кашу. Вскоре они были готовы ехать дальше, в то время как Бранд все еще охал и потирал затекшие мускулы ног. Когда он с удивлением осмотрел уже выстроившуюся колонну, Озмод сказал ему с некоторым злорадством:

— Да ты запомнявал, начальник. Раб должен двигаться, хочется ему того или нет. Это свободных приходится понукать, иначе они будут считать голод и жажду или мозоли достаточной причиной, чтобы остановиться передохнуть.

Викинги, несмотря на то, что их перемещения казались

ленивым армиям христианского Запада обескураживающе стремительными, были скорее моряками и лыжниками, чем наездниками. При всем своем рвении именно Бранд задерживал отряд. Ни одна из лошадей не могла долго нести его громоздкое тело. Во время длинного дня, который последовал за длинной ночью, Озмод в конце концов взял начальство на себя, предложил, чтобы каждый мужчина и каждая женщина по очереди бежали и ехали верхом, и выделил Бранду двух лошадей, одну для езды, одну наготове, а на ровных пологих местах посоветовал ему бежать между лошадьми, огромными руками ухватившись за седла.

— Успеем убежать? — спросил Квикка, когда они наконец остановились второй раз, чтобы выпасти лошадей на густой траве. Остальные с волнением ждали ответа. Бранд оглянулся, пытаясь оценить, откуда они тронулись в путь и как далеко уже забрались.

— Думаю, да, — сказал он. — Мы двигаемся быстрее, чем я рассчитывал. И в любом случае у нас есть преимущество, потому что Хальвдан не знает, куда мы направились.

— Но ведь он найдет нас? — осведомился Квикка.

— Найдутся всадники, которые расскажут ему, кто и куда едет по его землям. Но им придется сначала доскакать до него, получить приказ, потом вернуться и попробовать его выполнить. Все это время мы будем ехать в другую сторону. Еще два таких перехода, какие мы сделали, и мы выйдем за границы Западного Фолда. Это не помешает Хальвдану послать вслед за нами убийц, но он уже не сможет обязать всех и каждого преграждать нам дорогу.

— Ну так не будем рисковать, — сказал Озмод. — Едва кони насытятся, двинемся дальше.

— Нам же надо когда-то спать, — запротестовал Бранд.

— Но не в ближайшие дни. Когда начнем валиться с лошадей, тогда можем и поспать. Или будем привязываться к седлам.

Отряд снова тронулся в путь, с натертыми седлами ногами и с урчащими от голода желудками. Но никто не жаловался. Тон задавали женщины, резко одергивая тех, кто выказывал малейшие признаки слабости.

Постепенно, однако, они стали понимать, что подлинная опасность подстерегает их не сзади, а впереди. В горной малонаселенной Норвегии все дороги естественно заворачива-

ли на каждый близлежащий крестьянский двор. Возможность для хуторян обменяться новостями, возможность для странствующих торговцев продать ткани, вино или соль. Сначала Бранд на каждом дворе торговал дополнительных лошадей, покупая одну здесь, другую там, пока отряд не был полностью обеспечен лошадьми. И хотя он немедленно платил полновесной серебряной монетой, крестьяне как будто оставались недовольны.

— Я слишком тороплюсь, — объяснял Бранд. — Они хотят, чтобы я рядился и торговался по полдня. Здесь никогда ничего не происходит. Они любят все подолгу обмозговывать. Заплатить запрошенную цену и уйти — это кажется им нечестным. И в любом случае они начинают задумываться, кто мы такие. Девять коротышек с неправильным договором, четыре женщины в рабских одеждах, один человек и вообще спит, — он показал на молчаливого Шефа, — и я. Ясно, что они не доверяют нам. Я говорил тебе, я веду выводок мышей через страну котов.

Первая неприятность случилась на следующий день после того, как Бранд объявил им, что они вышли за пределы Западного Фолда. Они пересекли небольшой водораздел и спускались по ущелью, с обеих сторон которого струилась вода, их соскучившиеся в зимних стойлах лошади щипали зеленую траву при каждом удобном случае. Отряд вошел, как делал это уже десятки раз, на крестьянский двор, огороженный квадратом строений. Как только хуторяне завидели вновь прибывших, они немедленно прекратили работу и высыпали навстречу, скликаая своих женщин и детишек, — посмотреть на проезжих, перекинуться словечком с Брандом. Постепенно Шеф, чей ум еще не освободился от воспоминания об умершем у него на руках ребенке, заметил, что атмосфера встречи на этом хуторе чем-то отличается от прочих. Люди здесь не были озадачены и недоверчивы, они выглядели довольными. Видимо, пришли к какому-то выводу. Шеф огляделся повнимательней. Сколько их тут? Столько же, сколько было вначале? А все ли его люди на месте?

Внезапно из-за коровьего хлева послышался крик. Кричали по-английски. Голос Эдит, самой молодой и привлекающей из женщин. Ни слова не говоря, Квикка, Озмод и остальные похватили арбалеты и побежали за хлев. За ними последовали Шеф, Бранд и местные.

За углом сарая они обнаружили двух норманнов, напавших на Эдит. Один обхватил ее сзади, стараясь рукой зажать ей рот. Второй вцепился в ногу, пытаясь ухватить свободной рукой и другую. Услышав за спиной шаги, второй норманн отпустил Эдит и обернулся.

— Она к этому привыкла, — сказал он. — Посмотрите на нее. Просто сука, рабыня. Все время только этим и занимается. Почему нам нельзя тоже попользоваться?

— Она не рабыня, — рявкнул Озмод. — И она никогда не была твоей рабыней.

— А ты-то кто такой? — с подлужины крестьян обступили их кругом, вклинились между Озмодом и вторым норманном, продолжавшим держать Эдит. — У нее нет здесь прав. И у тебя нет. Раз я сказал, что ты раб, значит, скоро им будешь.

Шеф протолкнулся вперед, заставил норманна встретиться с ним взглядом. Он знал, что их отряд не был в опасности, по крайней мере пока не был. Он слышал щелчки арбалетов, и хотя у крестьян имелись при себе топоры и ножи, они бы не успели ими воспользоваться. Но если англичане пойдут на это, даже если они убьют каждого, даже если убьют всех женщин и детей, как это сделали бы викинги в Англии, все равно весть о случившемся разойдется и поднимется крик и стон. Этих людей требуется как-то осадить. Но они-то ведь по своей бестолковости решили, что наткнулись на слабаков.

— Оставьте нам только эту одну, — предложил норманн. — А вы, остальные, можете ехать.

Эдит завизжала сквозь зажимающую рот руку, отчаянно забилаясь. Она боится, что мы так и поступим, подумал Шеф.

Вперед вышел Бранд, снятый с седельной перевязи топор скользнул в его могучую длань. Это было грозное оружие, с ясеновой рукояткой в три фута длиной, с изогнутым лезвием длиной в один фут. Железный обух был инкрустирован извивающимися серебряными змеями, наваренное стальное лезвие ярко отсвечивало на темном железе. Сзади обуха выходил длинный шип, для балансировки и для обратных ударов. Это было оружие настоящего ратоборца.

— Отпустите ее, — сказал Бранд. — Если не хотите драться со мной. Все сразу или по одному. Мне все равно с кем.

Норманн, который говорил первым, поглядел на него.

Он не был так велик, как Бранд, — таких Шеф вообще не встречал, но лишний раз убедился, как огромны все норвежцы. Этот был на добрых четыре дюйма выше самого Шефа, намного шире в плечах и тяжелее. Он обдумывает брошенный вызов, осознал Шеф. Стоит ли дело того? Велика ли опасность?

Бранд подбросил топор в воздух, не глядя, принялся им жонглировать.

Норманн медленно кивнул:

— Ладно же. Торгейр, отпусти ее. Она того не стоит. На этот раз. Но кое-кто подловит тебя, здоровяк, раньше чем ты спустишься с гор. Тогда посмотрим, почему ты бежишь с трэями через Бускеруд. В тебе самом, наверно, кровь трэлей.

Шеф увидел, что сжимающие топориче пальцы Бранда побелели, но тот не двинулся с места. Освободившаяся Эдит втиснулась в середину ожидавшего со взведенными арбалетами отряда. Не спеша и не поворачиваясь к противнику спиной, женщины, Бранд и англичане отошли к своим лошадям, молча собрали пожитки. Две лошади исчезли, их успели украсть за время короткой ссоры.

— Не стоит из-за этого шуметь, — сказал Бранд. — Просто уходим и не останавливаемся.

Колонна потянулась мимо строений и навозных куч. Когда они вышли, мальчишка швырнул в них комок грязи, к нему присоединились остальные, бросая грязь и камни с издевательскими криками, которые сопровождали их еще с полмили.

На ночлег в этот день устроились роскошней, чем когда бы то ни было, расстелив свои немногочисленные одеяла и улучив время, чтобы сварить купленную вчера солонину и сушеный лук. Но ели молча и беспокойно. Часовые все время оставались на ногах, следя за дорогой в обоих направлениях.

Когда все потянулись спать, Озмод и Квикка уселись рядом с Шефом и безмолвным Брандом.

— Так нам далеко не уйти, — сказал Озмод. — Весть разнесется впереди нас, по тропам, которых мы не знаем. У нас будут стычки на каждом дворе. А если попадетсЯ деревня или город, будет еще хуже.

— Я говорил вам, — повторил Бранд, — как будто ведешь выводок мышей через страну котов.

— Мы надеялись на нашего пса, — сказал Квикка.

Шеф, мгновенно встревожившись, взглянул на Бранда. Он неоднократно видел, как Бранду бросали вызов или провоцировали его во время зимней кампании в лагерях около Йорка и в Восточной Англии. Гораздо меньше оскорбляя и задевая, чем в этот раз, и притом намного более грозные противники, чем Квикка. Каждый раз следовал незамедлительный ответ с печальным результатом: сломанная рука, оглушенный оскорбителем. Но сейчас Бранд сидел недвижно, по-видимому, погрузившись в себя.

— Да, — наконец произнес он, — вы полагались на меня. И вы по-прежнему можете на меня рассчитывать. Я дал слово, что проведу вас до Гула-фьорда, и я сделаю все, что смогу, чтобы сдержать обещание. Но есть одна вещь, которую вам необходимо узнать. Если я сам и не знал этого раньше, то понял сейчас. В течение двадцати пяти зим я был воином. Начни я перечислять людей, которых убил, или битвы, в которых участвовал, — ну, это звучало бы как сага об одном из ратоборцев короля Хрольфа или о самом старике Рагнаре Волосатой Штанине. За все это время никто не посмел сказать, что я повернулся спиной и отступил, когда скрешиваются копыя.

Он грозно огляделся:

— И вы это видели! Мне нет нужды здесь хвастаться. Но битва с Иваром что-то отняла у меня. Меня много раз ранили, и не раз я был на краю гибели. В душе, впрочем, я никогда не чувствовал, что погибаю. Но когда Ивар отразил мой удар, и проткнул меня мечом, и я ощутил его клинок в своем брюхе, я понял, что даже если выдержу и переживу этот день, то дня через два все равно умру. Я просто знал это. Все длилось не больше одного удара сердца, но я никогда этого не забуду. Даже после того как Ханд заштопал мои разорванные кишки, вылечил меня от лихорадки и выпустил гной. Сейчас я так же крепок, как был когда-то. Но я не могу забыть то, что однажды пережил. — Он снова поглядел на слушателей. — И понимаете, беда в том, что здесь, в горах, где в каждом местечке есть свой ратоборец, да еще они все время занимаются этим *mannjafnathr*, сравнением воинов, чтобы выяснить, кто из них самый грозный, они могут об этом догадаться. Тот человек на хуторе знал, что он мне неровня, он знал, что я убил дюжину таких сиволапых прежде,

чем у меня отросла борода. Но он ведь заметил, что сердце у меня к драке не лежало. Если бы он еще чуть-чуть поразмыслил, он мог бы решиться и рискнуть.

— Ты так же силен, как всегда, — сказал Озмод. — Ты бы убил его. И это было бы лучше для всех нас.

— Думаю, что убил бы его, — согласился Бранд. — Это был всего лишь петух на своей навозной куче. Но когда у человека душа уходит в пятки, происходят самые странные вещи. Я знавал великих воинов, у которых моча струилась по штанам, и они смиренно ждали, пока их зарежут. Они застыли — Валькирии, дочери Одина, Вестницы смерти, набросили на них свои пути страха.

Англичане погрузились в молчание. Наконец снова заговорил Озмод:

— Значит, так. С этих пор нам лучше во всех селениях держаться кучно и быть наготове. Алебарды на виду, арбалеты взведены. Хотел бы я, чтобы те недоумки увидели, как бьют наши арбалеты. Тогда бы они испугались побольше. Жалко, что нельзя застрелить кого-нибудь просто для примера. — И еще одно, — добавил он. — Эдит пошла за тот сарай не просто потому, что такая глупая, вы же понимаете. Ее туда позвали. Женщина. И женщина, говорящая по-английски, а не по-норманнски. Она, наверное, услышала, как мы говорим меж собой. Рабыня. Она здесь уже двадцать лет.

Бранд тяжело кивнул.

— Они берут рабов в Англии уже лет пятьдесят. Думаю, не ошибусь, что каждый крестьянский двор на Севере имеет по одной рабыне для помола зерна, а то и с полдюжины их; и еще мужчин-трэлей для тяжелых полевых работ. И чего же она хотела?

— Конечно, хотела, чтобы мы взяли ее с собой. Заговорила с Эдит, потому что надеялась, что та ее пожалеет. А потом из-за угла вышли мужчины, должно быть, следили.

— Так ты поговорил с рабыней? — спросил Шеф, отвлекаясь наконец от своей внутренней борьбы. — Что ты ей сказал?

— Сказал, что ей нельзя пойти с нами. Слишком опасно для нас. То же самое мне надо было сказать Эдит и остальным, даже если им грозило оказаться с перерезанной глоткой в могильнике какого-нибудь королевского недоноска. Та женщина была из Норфолка, — добавил Озмод. — Ее уве-

ли из Нориджа двадцать лет назад, еще девочкой. А теперь она здесь состарится и здесь же и умрет.

Они с Квиккой встали и ушли, принялись раскладывать свои одеяла.

Шеф смотрел на Бранда, не решаясь заговорить. То, в чем признался гигант, должно было стоить ему столько же переживаний и стыда, как публичные рыдания — для кого-то менее сильного. Шеф задумался, что же произойдет с Брандом. Смогут ли они исцелить его разум, как Ханд исцелил его тело? Еще долго после того, как весь лагерь, не считая часового, уснул, Бранд сидел без сна, угрюмо подбирая ветки и кидая их в костер.

* * *

Когда на следующий день они пробирались меж горных сосен, двигаясь уже без той отчаянной спешки, что отметила их бегство из королевства Хальвдана, Шеф обнаружил, что Удд едет рядом, и взглянул на него с удивлением. Обычно Удду нечего было сообщить окружающим, если только речь не шла о кузнечной работе.

— Я думал об этих мельничных жерновах, — сказал Удд. — В Норвегии они не очень полезны, здесь вода течет только половину года. Да и тогда вон что выходит, — он показал на виднеющийся впереди горный поток, стиснутый в узком глубоком русле и разбитый каскадом шестифутовых водоскатов.

— Им здесь нужно что-то другое, что работало бы круглый год.

— Что же это?

Удд послунывил палец, поднял его в воздух.

— Ветер здесь никогда не стихает, правда?

Шеф рассмеялся. Сама мысль о том, чтобы летучий ветер, которого никто никогда не видел, не взвесил и не поймал, двигал такую тяжелую вещь, как огромные мельничные жернова, казалась нелепой.

— Но ведь ветер движет корабли, правильно? — сказал Удд, прочитав его мысли. — Если он может двигать корабль весом в десять тонн, почему он не может двигать мельничный жернов, который весит только тонну?

— Ветер отличается от воды, — сказал Шеф. — Он движется то в одну сторону, то в другую.

— Но морякам ведь это не мешает? В общем, я задумал вот что... — и Удд на ходу описал свой замысел: ветряная мельница с крыльями, установленная на поворотной раме, которую можно развернуть по направлению ветра за рычаг типа корабельного румпеля. Возражая, получая ответы, добавляя свои замечания, Шеф ощутил, что постепенно его все больше и больше охватывает изобретательское вдохновение. Едущий позади них Квикка подтолкнул Карли.

— Ему удалось разговорить Шефа. Как раз вовремя. Я уж было беспокоился, что мы едем по таким опасным местам с двумя вожатыми и каждый слегка не от мира сего. Вот бы сделать что-нибудь похожее и со вторым.

Он показал на гигантскую фигуру Бранда, бегущего впереди колонны, одной рукой держась за седло своей усталой лошади.

— С этим будет потруднее, — вмешался едущий позади Ханд. — Хорошо бы, он поскорее оказался на своем корабле.

* * *

Загвоздка возникла не в одном из хуторов, которые они проезжали в тот день и на завтра, хотя везде отряд наталкивался на опущенные долу лица и молчание стоящих у своих амбаров и хлевов крестьян. Будучи настороже, Шеф внимательно осматривался в каждом из дворов, выискивая следы присутствия других людей, кроме норманнов. Дважды он заметил изможденные лица, выглядивавшие из-за ставень — женщины, надеющиеся на чудо, а может быть, всего лишь на ободряющее слово на родном языке. «В своем сне, — подумал Шеф, — я слышал неумолчный шум ручных мельниц, крутящихся двадцать лет, тридцать лет, беспросветная каторга до самой смерти».

Размерами хутора не превышали нескольких ярдов, в них никогда не жило больше десяти-двенадцати мужчин, считая со стариками и подростками, явно недостаточно, чтобы помериться силою с хорошо вооруженным отрядом такой же численности, пусть и составленным из бывших рабов и со странным ратоборцем во главе. Когда горная дорога в конце концов нырнула в долину, которая, понижаясь, встретила с двумя другими долинами, маленькая кавалькада увидела перед собой у слияния двух рек россыпь домов, за которыми

возвышалось здание в несколько этажей с вырезанными на фронтонах и коньках фантастическими драконами.

Бранд привстал на стременах, оглянулся на отряд.

— Это Флаа, — сказал он. — Главный город здесь, в Халлингдале. В нем даже храм есть. Попробуем просто проскочить через него, как будто это очередной хутор.

Когда они проезжали мимо деревянной церквушки на маленькой площади в центре селения, между домами высыпали люди, закрывая проезд вперед, да и в другие стороны. Они были полностью вооружены, копья и щиты наготове, подростки и мальчишки сзади воинов целились из луков. Шеф услышал шелканье взводимых арбалетов. Из них можно убить или тяжело ранить соответствующее количество людей, прикинул он. Но после этого отряд почти не имеет шансов против тридцати или сорока оставшихся. Выбрать направление и прорываться?

Навстречу им вышел человек, без оружия и с поднятой в знак желания вести переговоры правой рукой. Они с Брандом уставились друг на друга.

— Ладно, Вигдьярф, — сказал Бранд. — Мы не встречались со времен Гамбурга. Или это был поход на Оркнейские острова?

— Это было на Оркнеях, — ответил норманн. Он был несколько ниже Бранда, но крепкого сложения, с бычьей шеей и лысый. Могучие руки бугрились мышцами под золотыми браслетами — и то и другое плохой знак. У этого человека был неплохой источник дохода, а в нищих норвежских горах этим источником не могло быть скотоводство.

Вигдьярф пристально взглянул на амулет-молот на груди у Бранда, потом на стоящих рядом со своими лошадьми мужчин и женщин.

— Ты в странной компании, — отметил он. — А может быть, и не в такой уж странной. Когда человек начинает носить на шее эти штуки, я всегда жду, что следующий его шаг — стать христианином. И что потом? Он начинает разговаривать с трэлями, помогает им бежать. Сам становится трэлем. Ты уже дошел до этого, Вига-Бранд? Или еще что-то осталось от тебя прежнего?

Бранд соскочил со своей малорослой лошади и с топором в руке шагнул вперед.

— Давай покороче, Вигдьярф, — сказал он. — Когда мы

последний раз виделись, ты даже не чирикал. А сейчас ты думаешь, что стал кем-то. К чему все это? Ты что, собираешься со своими братанами просто грабануть нас? Перед тем мы многих из вас убьем, это уж не сомневайся.

Позади него Озмод поднял арбалет, прицелился в толстый дуб около дверей храма и нажал на спусковой крючок. Неуловимый глазом полет, и эхо от удара разнеслось по примолкшей площади. Озмод неторопливо перезарядил — четверовых движения, шелчок, и новая железная стрела встала на свое место.

— Попробуй-ка ее вытащить, — продолжал Бранд. — Или у тебя другая задумка? Может быть, только ты и я, один на один?

— Только ты и я, — согласился Вигдьярф.

— И если я выиграю?

— Свободный проход для всех вас.

— А если победишь ты?

— Мы получаем все. Лошадей, рабов, мужчин, женщин. Для женщин у нас место найдется. Но не для мужчин. Ведь у трэлей, которым позволили думать, что они тоже люди, появляются странные мысли. Их всех отправим на священные деревья, на корм воронам Одина. Может быть, мы оставим в живых некоторых, если увидим, что они не опасны. Но ты же знаешь, как мы тут обходимся с беглыми. Если не убиваем, тогда кастрируем и клеймим. Самое надежное средство. Но у тебя есть другой выход, Бранд. У тебя лично, то есть. Просто отойди от них. Они не из твоего народа. Отдай их, присоединяйся к нам, и никаких хлопот ни тебе, ни мне, мы даже дадим тебе долю с добычи.

— Не пойдет, — сказал Бранд. Он подбросил топор, ухватил его обеими руками. — Здесь и сейчас?

Вигдьярф помотал головой.

— Слишком много народу хочет посмотреть. Я им сказал, что ты согласишься. Сейчас они собираются со всех хуторов трех долин. Площадку для поединка мы разметили там, у реки. Завтра утром. Только я и ты.

Пока Шеф слушал их разговор, разговор, который обещал ему клеймо, холошение и рабский ошейник, он ощутил на загривке знакомую хватку, которая означала, что его ждет видение. На этот раз он не противился тому, что должен был увидеть. Как и на кургане в Гедебу, его глаза оставались от-

крытыми, он по-прежнему видел маленькую замызганную площадь, деревянный храм, напряженно выжидающих вооруженных мужчин. Но в это же самое время другая картина разворачивалась перед его взором, впитывалась его зрением, словно выколотый его глаз находился сейчас где-то в другом месте, сообщая о том, что видит так же хорошо, как и уцелевший.

* * *

Он увидел большую мельницу, похожую на одну из тех, что Удд показывал ему в Каупанге, с двумя горизонтальными жерновами, лежащими друг на друге, и с засыпным желобом сверху. Но не было ни шестерней, ни бегущей воды. Помещение было сухим, как во время засухи в знойное лето, пыль столбом поднималась с земли, и не было ни капли воды, чтобы прибить ее.

В пыли двигался человек, одинокая фигура, медленно и упорно налегающая на рычаг ворота. Рычаг, толстый, как рулевое весло корабля, был прикреплен к верхнему жернову, и, когда человек толкал рычаг, жернов поворачивался круг за кругом. И круг за кругом двигался человек, все в тех же четырех стенах, никогда не отдыхая, не останавливаясь, никогда не видя ничего, кроме одной и той же запыленной комнаты.

Но на самом деле ничего он не видел, понял Шеф, потому что был слеп, его глазницы были пусты. Человек на мгновение сбился с шага, стараясь получить упереться ногами. Тут же откуда-то мелькнула плетка, и багровая полоса выскочила на обнаженной грязной спине. Хотя и слепой, человек обернулся, будто потревоженный надоедливой и неуловимой мухой. Его заплета были прикованы к рычагу, который он толкал, большими железными кандалами. Когда он снова налег на рычаг, Шеф увидел его чудовищные мускулы, бугрящиеся на руках, спине и по бокам. Казалось, на них была одна кожа, ни капли жира. Человек был так же силен, как Бранд, и имел такую же рельефную мускулатуру, как Шеф. На плечах его курчавились длинные черные волосы.

«О таком способе помола Удд не знает, — подумал Шеф, когда видение стало блекнуть, а сам он пришел в себя. — Использовать человека вместо вола, или лошади, или десятка рабынь с ручными мельницами. Но кажется, мой покровитель из Асгарда показал мне это не для размышлений о мельницах, как

и видение с Вёлундом не предостерегало от открытых ларцов. Тогда он хотел предупредить меня, что мальчик умрет. И удар захлопнувшегося ларца был ударом камня из катапульты. А теперь мельничный камень, жернов... Это намек на что-то более злободневное, чем шестерни и передачи».

* * *

— Завтра утром, — повторил Бранд слова Вигдьярфа. — Я против тебя.

Шеф послал лошадь вперед, чтобы поравняться с Брандом.

— Завтра утром, — сказал он, глядя с высоты седла на родного Вигдьярфа. — Но не ты против него. Наш ратоборец против вашего.

Норманн глянул на арбалеты и открыл рот для возражений, однако Шеф быстро вставил:

— Оружие выбирает ваш ратоборец.

Вигдьярф задумчиво и подозрительно посмотрел на отряд позади Бранда, потом кивнул в знак согласия.

Где-то, не очень далеко — или это было в его собственной голове? — Шефу слышался тихий скрип вращающихся жерновов.

Содержание

МОЛОТ И КРЕСТ. Роман.

Перевод с английского В. Вольфсона (Маркова)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.....	7
Глава 2.....	22
Глава 3.....	43
Глава 4.....	53
Глава 5.....	68
Глава 6.....	83
Глава 7.....	100
Глава 8.....	111
Глава 9.....	123
Глава 10.....	133
Глава 11.....	146

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1.....	157
Глава 2.....	173
Глава 3.....	190
Глава 4.....	207
Глава 5.....	221
Глава 6.....	242
Глава 7.....	254
Глава 8.....	266
Глава 9.....	279
Глава 10.....	295
Глава 11.....	310

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1.....	327
Глава 2.....	343
Глава 3.....	357
Глава 4.....	372

Глава 5.....	384
Глава 6.....	400
Глава 7.....	420
Глава 8.....	437
Глава 9.....	456
Глава 10.....	470
Глава 11.....	481
Глава 12.....	501

КРЕСТ И КОРОЛЬ. Роман.

Перевод с английского В. Гаврилова

Глава 1.....	511
Глава 2.....	525
Глава 3.....	542
Глава 4.....	554
Глава 5.....	568
Глава 6.....	580
Глава 7.....	589
Глава 8.....	606
Глава 9.....	618
Глава 10.....	633
Глава 11.....	645
Глава 12.....	659
Глава 13.....	672
Глава 14.....	686
Глава 15.....	707
Глава 16.....	716

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН

Гарри
ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

9 785699 118502 >

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН